Власть истории – История власти

Том 12. Часть 3. (№69)

The Power Of History – The History Of Power

Volume 12. Issue 3. (№69)

Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-61481 от 24 апреля 2015 г.

Эл № ФС77-61482 от 24 апреля 2015 г.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Власть истории – история власти» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Журнал входит в Перечень **ВАК** (№ 694)

Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад в поддержку проекта.

ISSN 2415-7015
8 номеров в год
E-mail: etnosocium@mail.ru
Сайт: http://etnosocium.ru/vi
Язык: русский, английский.

Зам. гл. ред. С.В. Рыбаков
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro
Формат 60x90/16. Тираж экз. 500
Усл. п. л. 28,375

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «Этносоциум»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «Этносоциум», 105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Москва 2026

Certificate of registration of mass media

ПИ № ФС77-61481 Founded in April 24, 2015

Эл № ФС77-61482 Founded in April 24, 2015

The journal is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

"The Power Of History" aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

The journal is included in the list of **HAC** (№ 694)

We express our gratitude of the outstanding scientists and public figures, who made a financial contribution to the project.

ISSN 2415-7015
8 issues per year
E-mail: etnosocium@mail.ru
Website: http://etnosocium.ru/english/The-Power-Of-History-vi-iv
Languages: Russian, English

Deputy Chief Editor: Rybakov S.V.
Corrector: Belousova E.A.
Paper: offset
Types: Minion Pro
Format: 60x90
Copies: 500

The original layout was prepared by the International Publishing Center «Ethnosocium»
Printed in the printing house of the International Publishing Center «Ethnosocium»
105066, Moscow, Spartakovskaya st., 19, building 3.

Moscow 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Зам. Главного Редактора, руководитель проекта:

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Рыбаков С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долгенко А.Н., доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков. Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ненарокова М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник, отдел Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения. Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) РАН. Переводчик.

Нагорнова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Никашина Н.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Клименко Д.А., кандидат филологических наук, специалист по Италии.

Мурашко С.Ф., кандидат психологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Ивакин Г.А., доктор исторических наук, профессор, эксперт. Заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Наумова Г.Р., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ковалева Н.А., доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР).

Летуновский П.В., кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Варсонофьев В.В., кандидат политических наук, военный эксперт.

Чапкин С.В., почетный академик, президент «Академии экологии и права».

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Вражнова М.Н., доктор педагогических наук, профессор, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Курбонзода Хонали, доктор исторических наук, Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Платонова Н.М., доктор исторических наук, профессор кафедры «Социально-гуманитарные науки» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).

Ашрапов Б.П., кандидат филологических наук. Доцент кафедры английского языка, ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова».

Степанов С.А., доктор исторических наук, профессор. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Юридический институт, кафедра публичной политики и истории государства и права.

EDITORIAL BOARD

Deputy. Chief Editor and Project Manager:

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, Associate Professor of the history of Russian Ural Federal University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of National and Federal Relations of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of Russian and Foreign Languages at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Nenarokova M.R., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Leading Researcher, Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature. Institute of World Literature RAN. Interpreter/Translator.

Nagornova E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Nikashina N.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Klimenko D.A., Candidate of Philology, specialist in Italy.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Expert. Deputy Director of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Psychological Institute of the Russian Academy of Education".

Naumova G.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councellor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kovaleva N.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Foreign Languages of Nanjing University (PRC).

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the A.M. Vassilevsky Soviet Union.

Varsonofiev V.V., Candidate of Political Science, Military expert.

Chapkin S.V., Honorary Academician, President of the "Academy of Ecology and Law".

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor.

Vrajnova M.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road Construction University (MADI).

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences, Rector of the «National Institute of professional development and training of educators».

Platonova N.M., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

Ashrapov B.P., Candidate of Philological Sciences. Associate Professor, Department of English, Khujand State University named after Academician Bobojon Gafurov.

Stepanov S.A., Doctor of Historical Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, Law Institute, Department of Public Policy and History of State and Law.

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЛИНГВИСТИКА

Долгенко А.Н., Косырева М.С.
Преодоление вариативности орфографической нормы
в новом поколении словарей русского языка.....14

Иванов М.О., Слободнюк С.Л. Репрезентация концепта
«родина» в поэтическом наследии М.Ю. Лермонтова.....20

Батырева М.К., Завьялова Ю.А. Речевые стратегии
и тактики российской социальной рекламы семейных ценностей.....29

Брюхачева Я.А., Выщепольская Е.В. Основные направления
и тенденции лингвокультурологических исследований в Китае.....38

Давлатзода Рухсора Некоторые соображения о исторических
хроник X–XIII веков о многоязычии и переводе текстов.....49

Диабате Дауда, Аду С.С.
Анализ учебных пособий по изучению видов
русского глагола для иностранных студентов на уровне B2.....59

Егорова М.Р., Тутынин К.Ф. Место институционального
дискурса в системе общенационального языка.....70

Ерёмина О.В. Использование цифровых
образовательных технологий для повышения мотивации
студентов неязыковых вузов при изучении английского языка:
потенциал цифровых платформ в системе высшего образования.....77

Ибрагимова Р.А. Теоретические взгляды на сравнительный
анализ морфологических особенностей таджикских
предложных глагольных фраз и их английских эквивалентов.....85

Миллерова А.Е., Цой Н.Г. Способы адаптации
и степени ассимиляции англицизмов в китайском языке.....96

Павлова А.В. Концепт «North» в поэтическом дискурсе Аляски:
структура, репрезентация и национально-культурная специфика.....104

Содикова Р.А. Обзор исследований
по грамматике английского и таджикского языков.....113

Фидоренко Е.А. Ядерно-периферийная организация
фразеосемантических групп «добро» и «зло» (на материале
произведений сборника Ж. Санд «Contes d'une grand-mére», 2007 г.).....123

Халил Я.Т. Сирийское государственное
телевидение в условиях кризиса 2011–2024 годов:
формирование коллективной памяти и национальной идентичности...133

Хамидова М.Н. Каузативность
и модальность: сопоставительный аспект
(на материале английского и таджикского языков).....144

Шацкая Ж.Ю. Доминантные черты положительного медиаобраза спортсмена (на материале блога «АлинаЗагитова»).....160
Грушина Е.Б., Баталов А.А. Параллелизм и лексический повтор в реализации эмоционально-оценочного компонента (на материале романа Фонды Ли «Нефритовый Город»).....176

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Якутина Е.Н. Использование радио в целях пропаганды и достижения общественного согласия в условиях фашистского режима в Италии 1922-1939 годов.....183
Ху Вэньсюй Ян Цзе и китайско-советская дипломатия (1937–1940)...195
Содиков С.Р. Природно-климатические условия и историко-географические особенности таджикской части Мирзачульской равнины.....202
Майер В.Д., Семёнова Э.Ю., Синегубов С.Н. Становление личности Елизаветы Тюдор: детство и юность великого монарха Англии.....215
Решетников Г.В. Общественно-политическая дискуссия вокруг создания Федеральной резервной системы (ФРС) в США в начале XX в.....222
Макаров Г.А. Нормативно-правовая база правительственного попечения об учителях в Российской Империи.....230
Агаркова М.И. Начальный этап индоевропейской истории: по данным зарубежных и отечественных лингвистов и археологов.....237
Басов Д.С. Сравнительный анализ политических режимов СССР и Аргентины в 1920-1930-е гг. XX в.....250
Григорьев М.А. Веспасиано да Бистиччи как культурный посредник: реконструкция интеллектуальных сетей Флоренции XV века.....258
Давыдова О.А. Власть или влияние: к дискуссии о политической роли царицы Арсинои II.....271
Золхоев Б.В. Об особенностях и исторических условиях присвоения апеллятивов (тронных имен) у шаньюев Южных Хунну.....281
Игнатенко В.А., Мошкова А.Д., Синегубов С.Н. Эволюция территориальных претензий в русско-японских отношениях: историко-правовой анализ и современные вызовы.....287
Кенер Г.В. Эхо-камера как инструмент «исторической политики»: трансформация образа союзника и врага в медийном пространстве стран оси в 1930-1940-е гг.....295

Корякин В.Н. Формирование политического образа России в газете "The New-York Times" начала 1860-х гг. в контексте польского вопроса.....305

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Упоров И.В. «Рабочий вопрос» (социальные гарантии) в российских министер-ских законопроектах (начало XX века).....317

Тимербулатов Т.А., Юсупов Р.Г. Исторический опыт развития системы обеспечения информационной безопасности в РСФСР в 1929–1941 годах. Часть 2. Правовые основы обеспечения информационной безопасности, развитие института тайны и организация защиты информации.....328

Напсо М.Б., Агирбов Т.Р. К вопросу о становлении коммуникационных систем, опосредованных использованием технологии искусственного интеллекта.....340

Шамрина Е.А. К вопросу о формировании народного ополчения в Воронежской губернии в 1805-1807 гг.....355

Шевелёв В.Ю. Правовое положение учителя в России во второй половине XIX – начале XX века.....363

Насибуллина Е.Д. Характеристика Карима Хакимова на основе иностранных источников.....372

Пенпеджи Нагехан Состояние женского образования в мусульманской среде России в первой четверти XX века.....379

Абрамов Д.М. Этнополитическая история. Первая русская политическая эмиграция (первая половина XIII века)...386

Абрекова Ж.А. От плаката к цифровым технологиям: эволюция каналов и методов вербовки молодёжи в идеологических практиках XX – начала XXI вв.....404

Аджер Х.Г. Развитие экономической деятельности в крепостях Святой Крест и Кизляр на Кавказе.....411

Аннотации.....417

Авторы.....448

Content

PHILOLOGICAL SCIENCES, LINGUISTICS

Dolgenko A.N., Kosyreva M.S. Overcoming the variability of spelling norms in the dictionaries of the new generation of the Russian language.....14

Ivanov M.O., Slobodnyuk S.L. Representation the concept of «motherland» in the poetical heritage by M.Yu. Lermontov.....20

Batyreva M.K., Zavyalova Y.A. Speech strategies and tactics of Russian public service advertising of family values.....29

Bryukhacheva Y.A., Vyshchepolskaya E.V. Main directions and trends of linguocultural research in China.....38

Davlatzoda Rukhsora Some considerations on 10th–13th century historical chronicles on multilingualism and text translation.....49

Diabaté Dauda, Adu S.S. Analysis of textbooks for studying types of Russian verbs for foreign students at level B2.....59

Egorova M.R., Tutynin K.F. The place of institutional discourse in the system of the national language.....70

Eremina O.V. Using digital technologies to enhance motivation of non-language university students learning English: the potential of digital platforms in higher education.....77

Ibragimova R.A. Theoretical views on comparative analysis of morphological peculiarities of Tajik prepositional verbal phrases and their English equivalents.....85

Millerova A.E., Tsoi N.G. Methods of adaptation and degrees of assimilation of Anglicisms in the Chinese language.....96

Pavlova A.V. The concept of "North" in the poetic discourse of Alaska: structure, representation, and national-cultural specificity.....104

Sodiqova R.A. Review of research on English and Tajik grammar.....113

Fidorenko E.A. Nuclear-peripheral organization of phraseological semantic groups "good" and "evil" (based on the works of J. Sand's collection "Contes d'une grand-mére", 2007).....123

Khalil Y.T. Syrian state television in the 2011–2024 crisis: shaping collective memory and national identity.....133

Khamidova M.N. Causativity and modality: a comparative aspect (based on English and Tajik).....144

Shatskaya Zh.Yu. The core elements of a positive athlete media image: insights from the «AlinaZagitova» blog.....160

Batalov A.A., Grushina E.B. Parallelism and lexical repetition in the realisation of the emotional-evaluative component (based on the novel "Jade city" by Fonda Lee).....176

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND GENERAL HISTORY

Yakutina E.N. The use of radio for propaganda and public consent under the Fascist regime in Italy from 1922 to 1939.....183

Hu Wenxiu Yang Jie and Sino-Soviet Diplomacy (1937–1940).....195

Sodikov S.R. Natural-climatic conditions and historical-geographical features of the Tajik part of the Mirzachul plain.....202

Mayer V.D., Semenova E.Y., Sinegubov S.N. The formation of Elizabeth Tudor's personality: the childhood and youth of the great monarch of England.....215

Reshetnikov G.V. The socio-political debate surrounding the creation of the Federal Reserve System (FRS) in the United States at the beginning of the 20th century.....222

Makarov G.A. Regulatory framework government care for teachers in the Russian Empire.....230

Agarkova M.I. The early stages of Indo-European history: according to domestic linguists and archaeologists.....237

Basov D.S. Comparative analysis of the political regimes of the USSR and Argentina in the 1920s and 1930s.....250

Grigoriev M.A. Vespasiano da Bisticci as a cultural mediator: reconstructing the intellectual networks of 15th-century Florence.....258

Davydova O.A. Power or influence: a discussion on the political role of Queen Arsinoe II.....271

Zolkhoev B.V. On the peculiarities and historical conditions of assigning appellatives (throne names) among the Shanyus of the Southern Xiongnu.....281

Ignatenko V.A., Moshkova A.D., Sinegubov S.N. The evolution of territorial claims in Russian-Japanese relations: historical and legal analysis and contemporary challenges.....287

Kener H.V. Echo chamber as an instrument of "historical politics": transformation of the image of ally and enemy in the media space of the Axis powers in the 1930s-1940s.....295

Koryakin V.N. The formation
of the political image of Russia in The New York Times
newspaper of the early 1860s in the context of the Polish question.....305

ACTUAL QUESTIONS OF HISTORICAL SCIENCES

Uporov I.V. The "labor question" (social guarantees)
in Russian ministerial laws (early 20th century).....317
Timerbulatov T.A., Yusupov R.G.
Historical Experience of the Development of the Information
Security System in the RSFSR in 1929–1941. Part 2. Legal basis
for ensuring information security, development
of the institution of secrecy and organization of information protection.....328
Napso M.B., Agirbov T.R.
On the issue of the formation of communication
systems mediated by the use of artificial intelligence technology.....340
Shamrina Y.A. On the formation
of the people's militia in the Voronezh province in 1805-1807.....355
Shevelev V.Yu. The legal status of teachers
in Russia in the second half of the 19th-early 20th century.....363
Nasibullina E.D. Characterization
of Karim Khakimov based on foreign sources.....372
Penpedzhi Nagekhan The state of female education in the Muslim
community of Russia in the first quarter of the twentieth century.....379
Abramov D.M. Ethnopolitical History.
The First Russian Political Emigration (First Half of the 13th Century).....386
Abrekova Zh.A. From poster to digital technologies:
the evolution of channels and methods of youth recruitment
in ideological practices of the 20th – early 21st centuries.....404
Acer H.G. The development of economic activities
in the fortresses of Svyatoy Krest and Kizlyar in the Caucasus.....411

Abstracts.....433
Authors.....451

Долгенко А.Н.

Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Косырева М.С.

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск.

Преодоление вариативности орфографической нормы в новом поколении словарей русского языка*

Аннотация. В статье представлен краткий обзор нового поколения словарей, в которых закреплены нормы русского языка как государственного языка Российской Федерации, подготовленных в соответствии с Федеральным законом № 52-ФЗ и утвержденных Правительством Российской Федерации. Особое внимание авторы уделяют проблеме преодоления вариативности орфографической нормы.

Ключевые слова: русский язык, словари, орфография.

Dolgenko A.N.

Doctor of Philology, Associate Professor,Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Kosyreva M.S.

Doctor of Philology, Associate Professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk.

* © Долгенко А.Н., Косырева М.С., 2026.

Overcoming the variability of spelling norms in the dictionaries of the new generation of the Russian language

Abstract. The article provides a brief overview of the new generation of dictionaries, which enshrine the norms of the Russian language as the state language of the Russian Federation, prepared in accordance with Federal Law No. 52 and approved by the Government of the Russian Federation. The authors pay special attention to the problem of overcoming the variability of the spelling norm.

Key words: Russian language, dictionaries, orthography.

На протяжении многих лет нам неоднократно приходилось обращаться к проблеме вариативности норм современного русского литературного языка как наиболее сложной при реализации его потенциала в качестве государственного языка Российской Федерации[1]. Если для языка как системы отсутствие единого орфографического стандарта – это свидетельство живого интенсивного развития, то при реализации потенциала этой системы в речи принципиально важно оперировать оптимальным вариантом, который должен по возможности однозначно отвечать не только на вопрос «как правильно?», но и на вопрос «как что уместно?»

Начиная с июня 2005 г., когда был принят первый Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», основные проблемы реализации данного закона были связаны с тем, что нормы русского языка как государственного не были упорядочены и были рассыпаны по многочисленным справочными изданиям и словарям. После освоения школьного языкового стандарта поддержание высокого уровня речевой культуры требовало обращения к нормативным словарям, однако из многочисленных информационно-справочных изданий разного качества далеко не всегда удавалось выбрать те, которые являются источником языковой нормы. Следует также отметить, что характер современной массовой и публичной коммуникации сформировал общую тенденцию к вульгаризации речи и, как следствие, к профанации языковой нормы, которая в последнее время ощутима на всех уровнях современного русского литературного языка. Появление нового поколения нормативных словарей было призвано в том числе остановить данную тенденцию.

1 См., напр.: *Долгенко А.Н.* «Миссия невыполнима – 5», или Размышления о Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации» // Государственная служба: научно-политический журнал. 2010. № 5 (67). С. 17-19; *Долгенко А.Н., Косырева М.С.* Основные факторы орфографической дестабилизации // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 5 (167). С. 30-36; *Долгенко А.Н., Косырева М.С.* Проблема орфографической вариативности в современном русском языке // Власть истории – История власти. 2023. Том 9. Часть 1. (№ 43). С. 12-20 и др.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2025 г. № 1102-р утвержден следующий список словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при использовании его как государственного языка Российской Федерации, включающий следующие издания:

1. Орфографический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации (разработчик — федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук).

2. Орфоэпический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации (разработчик — федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук).

3. Словарь иностранных слов (разработчик — федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт лингвистических исследований Российской академии наук).

4. Толковый словарь государственного языка Российской Федерации (разработчик — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»).

Как и в прежнем перечне нормативных словарей, утверждённом Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации», в списке 4 справочных издания. Орфографические и орфоэпические нормы были зафиксированы и ранее, однако вместо грамматического и фразеологического словаря здесь появились лексические нормы, зафиксированные в толковом словаре и словаре иностранных слов.

Появление в перечне нормативного словаря иностранных слов вполне закономерно в контексте принявшей большой размах борьбы с неправомерным использованием иноязычий в официальной речи. А то, что появился нормативный толковый словарь, следует считать большой победой ортологов, которые серьезно упростят некоторые аспекты экспертно-лингвистической деятельности и облегчат судебную практику, поскольку лексическое значение слова теперь не нужно искать по многочисленным академическим и неакадемическим изданиям, оно указано в новом двухтомном нормативном словаре.

Наш анализ достоинств и недостатков нового поколения нормативных словарей заставляет обратить внимание на некоторые проблемы, которые ортологами достаточно успешно решаются. К числу безусловных достоинств

следует отнести систематические и вполне осознанные попытки преодоления вариативности нормы. Это особенно отчетливо проявляется в орфографическом словаре. Уже в предисловии это заявлено со всей очевидностью: «Орфографический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации предназначен для применения его в сферах письменной практики, использующих русский язык в статусе государственного. Словарь фиксирует орфографическую норму, обязательную для всех областей официального публичного общения – в текстах, отвечающих требованиям части 1 статьи 3 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» (от 01.06.2005 № 53-ФЗ), а также в публичных текстах более широкого назначения. Словарь призван обеспечивать единообразную письменную передачу лексики русского языка в общем коммуникативном пространстве»[2]. При этом особенно важно подчеркнуть, что авторы словаря не пытаются «объять необъятное», наполняя словарные статьи свойствами лексики, не имеющими отношение собственно к орфографии: «В связи с тем что русский язык как государственный используется для обеспечения общей коммуникации и обслуживает единое для всех граждан языковое пространство, словарь не включает малоизвестные областные (диалектные) слова, слова устаревшие, вышедшие из общего употребления, а также жаргонизмы (молодежные, профессиональные, социальных групп)»[3]. Это позволило ортологам приблизиться к преодолению вариативности нормы в самой прагматически сложной зоне – в зоне жаргонной орфографии.

Так, например, можно считать своеобразной ортологической победой то, что теперь окончательно зафиксирован единственно правильный вариант написания слова ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ (НЕ оперативно-рОзыскной). До настоящего времени устаревший более века назад орфографический вариант (через О) существовал в профессиональной речи. Он до сих пор встречается даже в нормативных актах, например, в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ. В то же время в большинстве случаев используется правильный вариант (через А), например, в «Уголовном кодексе Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ, в Федеральном законе от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», наконец, в Федеральном законе от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». Осложняет ситуацию с реализацией на практике преодоления вариативности то, что во многих нормативных актах до сих пор используется неправильный орфо-

2 Орфографический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации (разработчик — федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук) / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/orfograficheskij_slovar.pdf (Дата обращения: 04.04.2026).

3 Там же.

графический вариант. Мы это можем наблюдать даже в паспорте научной специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки». Самую серьезную преграду использованию нормативного варианта представляет словарь самого популярного текстового редактора, который до сих пор последовательно предлагает заменить правильный вариант «оперативно-разыскной» на анахроничный «оперативно-розыскной». Здесь нам ничего не остается, как последовательно вносить изменения в рабочий словарь и следить за правильностью выбора текстовым редактором орфографического варианта.

Благодаря новому орфографическому словарю исторически сложившаяся вариативность «разыскной – розыскной» преодолена – в нем зафиксирован единственный правильный вариант. И тем носителям русского языка, кто до сих пор использует вариант через О, следует знать, что они не отдают дань традиции юридического письма, а просто совершают орфографическую ошибку. А при использовании русского языка в качестве государственного языка Российской Федерации это недопустимо. Однако далеко не все традиционно неоднозначные орфографические решения в новом нормативном словаре преодолеваются одинаково успешно. Нередки случаи, когда претензия нового словаря на единство орфографического решения оказывается голословной. Вопреки установке, обозначенной авторами в предисловии к изданию, словарная вариативность сохраняется.

Наиболее ярко фактическая невозможность окончательного преодоления в словаре вариативности престаёт в конкуренции исторически лабиализованных и нелабиализованных вариантов, отраженных орфографическими вариантами с Е или с Ё, например:

жёлчный и **же́лчный**

жёлчь, -и и **желчь**, -и

пла́нер, -а и **планёр**, -а

При этом порядок употребления вариантов в статье не имеет значения, то есть от конкретных рекомендаций авторы словаря воздерживаются, предоставляя пишущему (и говорящему) право самостоятельного выбора. Это ситуация, когда неизвестно не только «как уместно?», но и «как правильно?», для словарного издания недопустимая. Она усугубляется случаями, когда некоторые формы подобных слов исторически преодолевают вариативность, например:

жёлоб, -а, мн. желоба́, -о́в

манёвр, -а

манёвры, -ов (войсковые учения; передвижение ж.-д. составов).

Здесь варианты с Е в норме отсутствуют, что и зафиксировано словарем. Однако в некоторых словоформах однокоренные слова вариативность сохранили, например:

манёвренность, -и и **мане́вренность**, -и

манёвренный; кр. ф. -ен, -енна и **манéвренный**.

В результате преодолённая было вариативность (*жёлоб*, *манёвр* и т.п.) нивелируется наслоением неоднозначности нормы и потенциально провоцирует употребление уже не просто вариативного, а ненормативного орфографического решения (*желоб* вместо *жёлоб*, *маневр* вместо *манёвр* и т.п.).

Как показывает проведенный анализ, новый нормативный орфографический словарь не способен застраховать от ошибок при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации, оставляя пишущему возможность для манёвра. Пожалуй, это вряд ли возможно в полней мере. Однако даже принципиальная недостижимость орфографического совершенства совсем не отменяет принципиальной необходимости стремления к нему. И в этом стремлении у использующих современный русский литературный язык в качестве государственного появился весьма перспективный помощник, эффективность которого в преодолении вариативности орфографической нормы еще предстоит оценить.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»».
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2025 г. № 1102-р.
4. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 июня 2009 г. № 195.
5. Нормативные словари, фиксирующие нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН // URL: https://ruslang.ru/normativnyje_slovari (Дата обращения: 04.04.2026).
6. Орфографический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации (разработчик — федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук) / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН // URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/orfograficheskij_slovar.pdf (Дата обращения: 04.04.2026).
7. Долгенко А.Н. «Миссия невыполнима – 5», или Размышления о Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации» // Государственная служба: научно-политический журнал. 2010. № 5 (67).С. 17-19.
8. Долгенко А.Н., Косырева М.С. Основные факторы орфографической дестабилизации // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 5 (167). С. 30-36.

Reference

1. Federal Law of June 1, 2005 No. 53-FZ “On the State Language of the Russian Federation.”
2. Federal Law of February 28, 2023 No. 52-FZ “On Amendments to the Federal Law “On the State Language of the Russian Federation.”
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of April 30, 2025 No. 1102-r.
4. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of June 8, 2009. № 195.
5. Normative dictionaries establishing the norms of the modern Russian literary language when used as the state language of the Russian Federation / V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences // URL: https://ruslang.ru/normativnyje_slovari (04.04.2026).
6. Orthographic Dictionary of Russian as the State Language of the Russian Federation (developer — Federal State Budgetary Scientific Institution Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences) / Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences // URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/orfograficheskij_slovar.pdf (04.04.2026).
7. Dolgenko A.N. “Mission Impossible - 5”, or Reflections on the Federal Law “On the State Language of the Russian Federation” // Public Service: Scientific and Political Journal. 2010. №5 (67). P. 17-19.
8. Dolgenko A.N., Kosyreva M.S. Main Factors of Orthographic Destabilization // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2022. № 5 (167). P. 30-36.

Иванов М.О.

Магистрант. Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург.

Слободнюк С.Л.

Доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор. Заведующий кафедрой. Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург.

Репрезентация концепта «родина» в поэтическом наследии М.Ю. Лермонтова*

Аннотация. Статья ориентирована на анализ лирики М.Ю. Лермонтова в рамках когнитивной лингвистики. Базовым понятием данной дисциплины является концепт. Термин имеет расширительную трактовку, это не только номинация, не только знак, но и ассоциация. Концепт раскрывается в связности слов, в контексте, при этом он не теряет базовой основы – буквального или прямого значения. Следовательно, дешифровка этого процесса и является значимой процедурой. В работе на примере лирики Михаила Юрьевича Лермонтова осуществлен анализ репрезентации концепта «РОДИНА». Методология исследования актуальна и современна, ориентир на когнитологию в целом, и работы ученых-когнитологов в частности учтен. Труды Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова и других стали базой данного исследования. Материал имеет дискуссионный характер, так как когнитивная лингвистика это не только буквальная оценка языка, но и вариант обозначения перспективы его развития. На наш взгляд, поэтический дискурс М.Ю. Лермонтова открыто объективирует лексему «РОДИНА» в режиме расширительного порядка. Цель поэта сказать о важном в разных сюжетных форматах, в отличных друг от друга плоскостях. При этом лирика М.Ю. Лермонтова есть единый пласт, часть русской литературы, диалогически выдержанный в связях с XIX веком, и даже с наследием прошлого. Таким образом, концептуальный анализ стихотворений М.Ю. Лермонтова в рамках репрезентации концепта «РОДИНА» объективен, актуален, важен. Материалы статьи можно использовать в курсе изучения творчества поэта, а также истории русской литературы в целом.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, лирика, концепт, язык, Родина, ассоциация, стиль, автор, значение.

Ivanov M.O.

Master's student. Leningrad State University. A.S. Pushkin, St. Petersburg.

* © Иванов М.О., Слободнюк С.Л., 2026.

Slobodnyuk S.L.
Doctor of Philosophy, Doctor of Philosophy, Professor. Head of Department. A.S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg.

Representation the concept of «motherland» in the poetical heritage by M.Yu. Lermontov

Abstract. This article analyzes M.Yu. Lermontov's poetry within the framework of cognitive linguistics. The fundamental concept of this discipline is the concept. The term has a broad interpretation: it is not only a nomination or a sign, but also an association. The concept is revealed in the connection of words with context, without losing its basic foundation – literal or direct meaning. Therefore, deciphering this process is an interesting procedure. Using Mikhail Lermontov's poetry as an example, this paper analyzes the representation of the concept «MOTHERLAND». The research methodology is relevant and modern, focusing on cognitive science in general and the work of cognitive scientists in particular. The works of N.D. Arutyunova, E.S. Kubryakova, V.Z. Demyankov, Yu.S. Stepanov, and others formed the basis for this study. This work is controversial, as cognitive linguistics is not only a literal record of language changes but also a perspective on its development. In our view, M.Yu. Lermontov's poetic discourse openly objectifies the lexeme «MOTHERLAND» in an expansive manner. The poet's goal is to express important ideas in various narrative forms, on distinct planes. At the same time, Lermontov's lyric poetry constitutes a unified layer of Russian literature, dialogically sustained in its connections with the 19th century and even with the legacy of the past. Thus, a conceptual analysis of M.Yu. Lermontov's poems within the framework of the representation of the concept of «MOTHERLAND» is objective, relevant, and important. The article's materials can be used in the study of the poet's work, as well as the history of Russian literature in general.

Key words: M.Yu. Lermontov, lyrics, concept, language, Motherland, association, style, author, meaning.

В научных исследованиях [1, 2, 3, 4, 5, 6] последних лет творчество М.Ю. Лермонтова часто обозначают как явление русской литературы особого порядка, ибо его тексты не поддаются порой однозначной, верифицированной трактовке. При этом они вызывают интерес, активно изучаются, обсуждаются в рамках различных научных конференций. Лирическое наследие поэта, следовательно, нуждается в точечной и концептуальной оценке, причем с разных методологических позиций.

Вначале стоит отметить, что лирический текст в основе есть субъективная форма изображения реалий жизни. Это некий эксперимент по созданию условной реальности, которой нет как такового образчика. И все же определенный момент идеализации, достижения объективного предела у

поэтов также не исключается. Поэзия дает возможность иначе в отличие от эпоса или драмы посмотреть на ряд вековечных образов: это дом, семья, мать, дитя, человек, личность, а также родина. Сложным и не буквальным образом в лирике является именно «родина», этот топос становится ведущим для разных авторов. Наблюдается тенденция его расшифровки и в XIX, и в XX веке. Достаточно интересно «РОДИНА» претворена и воплощена в лирике М.Ю. Лермонтова. На наш взгляд, целесообразно произвести анализ этой номинации в рамках концептологии на примере ряда лермонтовских стихотворений.

Мы считаем, в след за уже классическими исследованиями Н.Д. Арутюновой [7], Е.С. Кубряковой [8], Ю.С. Степанова [9], что концепт явление многомерное и он по-разному, в первую очередь ассоциативно, представлен в художественных текстах. В нашем случае языковой основной работы становится лирика поэта XIX века – М.Ю. Лермонтова. Актуальность исследования может быть объяснена тем, что данная тема не является буквально изученной, вопрос с течением исторического времени претерпевает парадигму колебаний, что вполне закономерно. Следовательно, новый взгляд позволяет верифицировать важность вопроса, отчасти решить задачу дешифровки миропонимания поэта. Заметим, что «РОДИНА» для М.Ю. Лермонтова есть не только место буквального рождения человека, некий родной край, это объемное понятие, которое явно имеет расширительный характер. В лирических текстах поэта «РОДИНА» становится отправной точкой, при этом и границей осмысления бытия. Философский ракурс, таким образом, открыто превалирует в указанной номинации.

Безусловно, что «РОДИНА» как концепт в текстах М.Ю. Лермонтова многозначен. Поэт придает этой номинации явно дискуссионный характер, причем отношение к «РОДИНЕ» от ранней поэзии к периоду зрелости меняется. Закономерен этот процесс, ибо вначале это только «что-то родное», далее же «уже непоколебимое и онтологически важное». Стоит заметить, что и для А.С. Пушкина [10], и для А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, Н.А. Некрасова, то есть поэтов XIX века было свойственно по-разному представлять и репрезентировать свой взгляд на Родину. Это понятие в большинстве своем расширялось, становилось и дробным, и частным. Ассоциативный режим, который формируем читателями, также при этом менялся, ибо появлялись новые смыслы, новые трактовки, но они неразрывно связанны с основным – или ядерным – значением. «РОДИНА» – категория особого порядка, в этом понятии совмещены и формальные грани, трансцендентальные, и аспекты внутренние. При рассмотрении этой категории стоит применить методологический подход, который даст возможность рассмотреть этот образ фактурно. На наш взгляд, чтение вслед за автором и есть методологический ход, который даст возможность концепт «РОДИНА»

конкретизировать в текстах М.Ю. Лермонтова более точно и объективно.

Для лирики М.Ю. Лермонтова характерна черта донесения до читателя так называемой жизненной правды. Многое в судьбе поэта связано с честью, достоинством, некоей открытостью, при этом его судьбоносный путь непрост. Вероятно, ситуации, с которыми сталкивался поэт, и являются основой его лирических сюжетов [11]. На наш взгляд, с помощью векторного претворения образа «РОДИНЫ» М.Ю. Лермонтов пытается разобраться в собственных чувствах к ней, чувствах которые испытывает, причем особым образом. Данное понятие есть и визуальная основа лирики поэта, для него «РОДИНА» претворена в ряде пространственных и ситуативных формациях. Укажем несколько основных сфер, где автор раскрывает свое особое эмоциональное переживание относительно этой категории: это пейзаж, природа, мировая история, наследие страны, прошлое, и, конечно, современность. М.Ю. Лермонтов поэт-пророк, и заметить это не составляет труда, его предвидения воплощены далее исторически. Говоря о «РОДИНЕ» поэт предопределяет ее путь, намечает границы развития.

На наш взгляд, неоднозначно представлен концепт «РОДИНА» в указанных поэтических пространствах, при этом автор явно ее любит, любит искренне, главное он дорожит ею. По ходу работы мы остановимся на ряду стихотворений, в которых концепт «РОДИНА» манифестирован открыто и ассоциативно, ибо поэт рассуждает о судьбе «РОДИНЫ», при этом вспоминая ее неизгладимое прошлое, отчасти в некоторых позициях заглядывая в будущее, и все же разбираясь в своих чувствах к ней в открыто настоящем.

Отметим, что концепт – это категория ментального порядка, он включает как приметы образа, явления, предмета, так и накапливает ассоциативное поле. Ядром концепта становится основное значение, оно в принципе магистрально, но содержательная сторона знака в ходе контекстуальной связности расширяется. Срабатывает т.н. «память» [8, с. 372]. Обогащение концепта происходит исторически, ибо языковая система есть не только буквальный, фактический порядок, это также культурное, национальное, социальное явление. Трактовка же концептов дает возможность детализировать язык, язык объективировать, в нашем случае с идейно-эстетической стороны. Еще М.М. Бахтин указывал на важность совмещений содержательной сути художественного текста с его внутренней огранкой. Замечаем подобное в лирике М.Ю. Лермонтова, причем достаточно продуктивно и концептуально.

Репрезентация концепта «РОДИНА» в текстах М.Ю. Лермонтова естественным образом обозначена, например, в следующих его текстах: «Война» (1829), «Наполеон» (1829), «Кавказ» (1930), «Весна» (1830), «Предсказание» (1830), «Атаман» (1831), «Родина» (1841). Отметим, что для поэта этот образ важен не только в собственно номинативном ключе, он важен

в связности с самой личностью. Следовательно, при упоминании «РОДИНЫ» запускается режим т.н. содержательной разверстки. Поэт дает возможность регулировать эмоциональные колебания читателей, условно сближая себя со слушателем. Заметим, что «РОДИНА» для поэта это некий предел, который может стать и становится маркером обозначения правды, или правильной оценки реалий бытия. Безусловно, он связан как с самим человеком, личностью, так и поэтом-автором. Не соотносимы порой эти грани претворения художественных вариаций, так как в рамках когнитивной лингвистики ядерный и приядерный состав значений разниться. Отвлекаясь от буквальной коннотации, автор стремится постигнуть нечто большое, а это уже вариант ассоциаций. Фон смыслов при использовании концепта «РОДИНА» у М.Ю. Лермонтова многомерен: художественный мир поэта обретаете объективно зримые границы только в тесной связности с этой категорией.

Для лирики М.Ю. Лермонтова, на наш взгляд, важно расширить пространство условного художественного горизонта, это и придает тексту фактор реализации видимой смысловой перспективы. Подобное наблюдаем уже в ранней лирике поэта, например, в стихотворении «Кавказ» (1830). Строчки начала текста манифестируют неравнодушие к родной земле, либо как вариант к «РОДИНЕ»:

«Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ» [12, с. 98].

Важно констатировать, что для поэта Кавказ это не только территория и место действия, это не только юг как таковой, это еще и особая атмосфера, которая впитывается в человека, которая дает возможность полновесно ощущать жизнь. Не случайно собранны в единый круг лексемы «судьба», «дни», «помнить», «сладкую», «песнь отчизны», они введены автором в поэтический словарь особым образом, так как усиливают эмоциональный, чувственный эффект. Неравнодушен М.Ю. Лермонтов к этому месту, хотя, может быть, оно и тяготить поэта. Реальность [14], которая окружает лирического героя, необычна, нетривиальна [15], но она нравится герою, без нее он не может существовать. Таким образом, концептуальный вектор понятия «РОДИНА» в этом стихотворении расширен, дробен, при этом в ряде мест прямолинеен, но чаще имманентен. На наш взгляд, М.Ю. Лермонтов погружает читателя в сферу особых переживаний, да и «РОДИНА» как концепт осмысливается по-разному: детальная оценка этого понятия

дает возможность целостно пережить настроение относительно как самой категории, так и верификации чувств. Сложный процесс воссоздания образа «РОДИНЫ» у поэта становится действенной силой, да и автор явно формирует устойчиво верный вариант оценки этой номинации.

«РОДИНА» в миропонимании М.Ю. Лермонтова это не предельный образ, это не только родное, и буквальное, это и историческое понятие, а оно требует открытого и серьезного осмысления. Для поэта включение памяти, истории, прошлого в концепт «РОДИНА» весьма значимо, без этих разветвлений невозможно целостно сложить данный образ. Весьма объемно выстроена художественная модель «РОДИНЫ» в стихотворении «Поле Бородина» (1830). Автор акцентирует внимание на том, что история России – процесс стадиальный, в нем есть и моменты определенных падений, есть и этапы восхождения. Русский мир стремится к тому, чтобы совместно преодолеть трудности бытия, трудности жизни, и это становится некоей сверх целью, но по определению достижимой. В данном тексте поэт об этом говорит открыто:

«Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей» [12, с. 166].

«РОДИНА» по Лермонтову святое понятие, для сохранности ее нужна молитва, а это слово иного порядка. Молитва даст возможность совместить, сблизить всех, такой вариант для поэта кажется правильным, он является философски верным.

Смысловая нагрузка текста сводится к орнаментальности: ибо это «слово – образ – действие». А итогом должна стать объективность воссоздания реалий, или фактор реконструкции истории государства. Заметим, что М.Ю. Лермонтов как человек, личность переживает за судьбу страны, государства, он желает ей только мира и благополучия. А лирический герой сделает все, чтобы «РОДИНУ» защитить. Поэтому и читаем:

«Безмолвно мы ряды сомкнули,
Гром грянул, завизжали пули,
Перекрестился я.
Мой пал товарищ, кровь лилася,
Душа от мщения тряслася,
И пуля смерти понеслася
Из моего ружья» [13, с. 166-167].

Условное безмолствие не только акт финальной позиции, это еще и мощный импульс к призыву, ибо без слов нужно действовать и нужно противостоять. «Дух отмщения» становится некоей непоколебимой точкой, с нее начинается новая история, новый подъем на высоту. «Пуля смерти» как метафора запускает в этом тексте процесс защиты «РОДИНЫ», да и сам концепт «РОДИНА» будет защищен. М.Ю. Лермонтов одни из поэтов, в чьем творчестве тема родного дома, родной земли является акцентом, так как он часто употребим, часто использован.

Поэт одно из своих поздних стихотворений называет буквально прямо – «Родина». Следовательно, это уже акцент, который сделан автором для более детального объяснения, что он как автор думает относительное нее.

«Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья» [13, с. 66].

Для М.Ю. Лермонтова «РОДИНА» – это отчизна, отчий – значит отеческий, родительский. В формате ассоциаций, в режиме приядерной относительно центра зоне спектр коннотаций широк.

Поэтический словарь этого стихотворения максимально точен. «РОДИНА» оценивается автором как «покой», «старина», «отрадное мечтанье». Анафора – «НИ, НИ, НИ, НЕ» – также есть примета сложного разговора о «доме». По ходу текста автор дает и описательный фон «РОДИНЫ»: это степи, леса, реки, проселки, деревни, холмы. Все близкое и родное представлено поэтом красиво, ярко, волнительно. Не раз указывает автор на то, что он ее «любит»: «Люблю дымок … жнивы» [13, с. 66]. Символически дополняется образ Родины «белеющими березами», без этой эмблемы немыслима родная Россия.

Финальные строчки стихотворения «Родина» воспроизводят действие – это праздник. Пляски, топот, свист – все говорит, что «РОДИНА» это живая жизнь. Стихотворение написано в начале 1841 года, в июле поэта не станет, он погибнет после дуэли с майором Н.С. Мартыновым. Вероятно, некое предчувствие [14] ухода также отображается в этом стихотворении. Строки текста тяжело в целом воспринимаются читателем, пред нами не просто описательный текст, это не пейзажная лирика, это философско-поэтический этюд, зарисовка, которая как бы обрамляет весь творческий разговор М.Ю. Лермонтова о «РОДИНЕ».

Таким образом, в ходе анализа ряда текстов М.Ю. Лермонтова, ориентированных на воссоздание образа Родины, мы увидели, что как концепт она многогранна. Художественная оценка этой категории автором делается весьма точно, а спектр чувств граничит с такими состояниями как «люблю», «переживаю», «помню», «храню». Поэт говорит о «РОДИНЕ» и открыто, и тайно; в ряде мест он боится за ее будущее, в ряд позиций гордится символическим [15, 16] прошлым. На наш взгляд, читатель должен видеть многомерный вектор восприятия М.Ю. Лермонтовым «РОДИНЫ». Именно Родина самая, пожалуй, интимная категория для автора, ибо он всегда думает о ней, хочет дальше видеть ее целостность в спокойствии.

Художественный мир М.Ю. Лермонтова основан на этом концепте, так как «РОДИНА» формирует структуру всего общества и в частности жизнь отдельного человека. Без Родины немыслимо бытие людей. В тексте этого стихотворения выведена формула оценки поэтом «РОДИНЫ», она сводится к фразе: «Но я люблю – за что, не знаю сам…» [13, с. 66]. Правильно и красиво, главное искренне говорит он о самом близком для себя, о самом дорогом для других, самом милом и любимом. На наш взгляд, вся поэзия М.Ю. Лермонтова, есть яркий пример открытого неравнодушия человека к «РОДИНЕ».

Библиографический список:

1. Киселева И.А. М.Ю. Лермонтов как духовный преемник А.С. Пушкина / И.А. Киселева // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2 (117). С. 45-58. – DOI 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58.
2. Кузнецова А. Михаил Лермонтов: романтик как критик мироздания / А. Кузнецова // Prosŏdia. 2023. № 20. С. 22-30.
3. Су К. Художественная концепция любви в лирике М.Ю.Лермонтова / К. Су // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 8. С. 172-174. – DOI 10.37882/2223-2982.2024.08.31.
4. Приходько В.К. Типы эмотивов в художественном тексте (на материале поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон») / В. К. Приходько // Litera. 2025. № 5. С. 1-13. – DOI 10.25136/2409-8698.2025.5.74232.
5. Хабибуллина А.А. Анализ творчества Михаила Юрьевича Лермонтова и его отношение к свободе / А.А. Хабибуллина // Научно-исследовательский центр «Вектор развития». 2023. № 12. С. 33-43.
6. Яковлев М.В. Лермонтов и мифопоэтика русского символизма / М.В. Яковлев // Отечественная филология. 2024. № 5. С. 122-131. – DOI 10.18384/2949-5008-2024-5-122-131.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. 895 с.
8. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
9. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
10. Кошемчук Т.А. «Мысль», «ум», «мышление» в стихотворениях Пушкина, Лермонтова, Соловьева, Лосева / Т.А. Кошемчук // Соловьевские исследования. 2024. № 2 (82). С. 92-105. – DOI 10.17588/2076-9210.2024.2.092-105.
11. Николаева О.Е. Концептуальный анализ поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»: лингвокультурологический аспект / О.Е. Николаева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2023. № 3 (78). С. 235-239. – DOI 10.26456/vtfilol/2023.3.235.
12. Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений: В 2-х т. – Т.1. Стихотворения и драмы / М.Ю. Лермонтов / Вступ. ст. Д.Е. Максимова, сост., подг. текста и примеч. Э.Э. Найдича. – Л.: Сов. писатель, 1989. 688 с.

13. Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений: В 2-х т. – Т.2. Стихотворения и поэмы / М.Ю. Лермонтов / Сост., подг. текста и примем. Э.Э. Найдича. – Л.: Сов. писатель, 1989. 688 с.
14. Крюкова О.С. Символика воды в творчестве М.Ю. Лермонтова / О.С. Крюкова // Вестник культурологии. 2023. № 2 (105). С. 121-131. – DOI 10.31249/hoc/2023.02.07.
15. Флоря А.В. Высокий стиль стихотворения «Пророк» М.Ю. Лермонтова / А.В. Флоря // Русская словесность. 2024. № 3. С. 16-21. – DOI 10.47639/0868-9539_2024_3_16.
16. Шабанова Н.А. Функционирование традиционного символа «роза» в поэзии А.С. Пушкина как экспликация концептосферы поэта / Н.А. Шабанова // Начала Русского мира. 2024. № 5. С. 46-51.
17. Иванов В.В., Кардашевский Я.М., Акимова В.С. Деконструкция пространства-времени: эволюционное восприятие, голографическое возникновение и онтология иллюзий // Культура Мира. 2025. Т. 14. № 85 (4). С. 103-109.

Reference

1. Kiseleva I.A. M.Yu. Lermontov as the Spiritual Successor of A.S. Pushkin / I.A. Kiseleva // Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences. 2024. № 2 (117). P. 45-58. – DOI 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58.
2. Kuznetsova A. Mikhail Lermontov: A Romantic as a Critic of the Universe / A. Kuznetsova // Prosōdia. 2023. № 20. P. 22-30.
3. Su K. The Artistic Concept of Love in the Lyrics of M.Yu. Lermontov / K. Su // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2024. № 8. P. 172-174. – DOI 10.37882/2223-2982.2024.08.31.
4. Prikhodko V.K. Types of emotives in a literary text (based on M.Yu. Lermontov's poem "The Demon") / V.K. Prikhodko // Litera. 2025. № 5. P. 1-13. – DOI 10.25136/2409-8698.2025.5.74232.
5. Khabibullina A.A. Analysis of the creativity of Mikhail Yuryevich Lermontov and his attitude to freedom / A.A. Khabibullina // Research Center "Vector of Development". 2023. № 12. P. 33-43.
6. Yakovlev M.V. Lermontov and the mythopoetics of Russian symbolism / M.V. Yakovlev // Domestic philology. 2024. № 5. P. 122-131. – DOI 10.18384/2949-5008-2024-5-122-131.
7. Arutyunova N.D. Language and the world of man / N.D. Arutyunova. – 2nd ed., rev. – M.: "Languages of Russian Culture", 1999. 895 p.
8. Kubryakova E.S. Language and knowledge: Towards acquiring knowledge about language: parts of speech from a cognitive perspective. The role of language in understanding the world / E.S. Kubryakova. – M.: Languages of Slavic Culture, 2004. 560 p.
9. Stepanov Yu.S. Concepts. Thin Film of Civilization / Yu.S. Stepanov. – M.: Languages of Slavic Cultures, 2007. 248 p.
10. Koshemchuk T.A. "Thought", "mind", "thinking" in the poems of Pushkin, Lermontov, Solovyov, Losev / T.A. Koshemchuk // Solovyov Studies. 2024. № 2 (82). P. 92-105. – DOI 10.17588/2076-9210.2024.2.092-105.
11. Nikolaeva O.E. Conceptual analysis of the poem by M.Yu. Lermontov's "The Demon": the linguocultural aspect / O.E. Nikolaeva // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. 2023. № 3 (78). P. 235-239. – DOI 10.26456/vtfilol/2023.3.235.
12. Lermontov M.Yu. Complete Poems: In 2 Volumes. – V.1. Poems and Dramas / M.Yu. Lermontov / Introduction by D.E. Maksimov, compiled, prepared the text and notes by E.E. Naidich. – L.: Sov. pisatel, 1989. 688 p.
13. Lermontov M.Yu. Complete Poems: In 2 Volumes. – V.2. Poems and verses / M. Yu. Lermontov / Comp., text preparation and acceptance by E.E. Naidich. – L.: Sov. pisatel, 1989. 688 p.
14. Kryukova O. S. Symbolism of water in the works of M. Yu. Lermontov / O.S. Kryukova // Bulletin of Cultural Studies. 2023. № 2 (105). P. 121-131. – DOI 10.31249/hoc/2023.02.07.
15. Florya A. V. High style of the poem "The Prophet" by M.Yu. Lermontov / A.V. Florya // Russian Literature. 2024. № 3. P. 16-21. – DOI 10.47639/0868-9539_2024_3_16.
16. Shabanova N.A. The functioning of the traditional symbol "rose" in the poetry of A.S. Pushkin as an explication of the poet's concept sphere / N.A. Shabanova // Beginnings of the Russian World. 2024. № 5. P. 46-51.
17. Ivanov V.V., Kardashesckii Y.M., Akimova V.S. Deconstructing spacetime: evolutionary perception, holographic emergence, and the ontology of illusions // Cultural World. 2025. Vol. 14. № 85 (4). P. 103-109.

Батырева М.К.
Магистрант 2 курса, Сургутский государственный университет, г. Сургут.

Завьялова Ю.А.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и переводоведения, Сургутский государственный университет, г. Сургут.

Речевые стратегии и тактики российской социальной рекламы семейных ценностей*

Аннотация. В статье рассматриваются речевые стратегии и тактики российской социальной рекламы, направленной на продвижение семейных ценностей. На материале рекламных текстов за 2022-2025 гг. выделены четыре доминирующие стратегии: позиционирование семейных ценностей, эмоциональное вовлечение, установление доверительного контакта и прагматическое побуждение. Каждая стратегия реализуется через систему конкретных тактик. Результаты демонстрируют вариативность и взаимодействие языковых средств, обеспечивающих комплексное воздействие на аудиторию.

Ключевые слова: социальная реклама, семейные ценности, речевая стратегия, речевая тактика, речевое воздействие, прагматика.

Batyreva M.K.
2nd-year Master`s student, Surgut state University, Surgut.

Zavyalova Y.A.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation Studies, Surgut State University, Surgut.

Speech strategies and tactics of Russian public service advertising of family values

Abstract. The article examines speech strategies and tactics in Russian public service advertising promoting family values. Based on advertising texts from 2022-2025, four dominant strategies are identified: positioning family values, emotional engagement, es-

* © Батырева М.К., Завьялова Ю.А., 2026.

tablishing trust, and pragmatic inducement. Each strategy is implemented through specific tactics. The results demonstrate the variability and interaction of linguistic means that provide a comprehensive impact on the audience.

Key words: social advertising, family values, speech strategy, speech tactics, speech influence, pragmatics.

Социальная реклама представляет собой особый тип коммуникации, направленный на трансляцию общественно значимых ценностей и формирование моделей социально одобряемого поведения. В отличие от коммерческой рекламы, ее целью является не продвижение товаров и услуг, а воздействие на мировоззрение человека, что делает исследование языковых механизмов такого влияния актуальной лингвистической задачей. В условиях современной демографической политики Российской Федерации особое значение приобретает социальная реклама, пропагандирующая семейные ценности. Эффективность такой рекламы напрямую зависит от того, насколько точно выбранные языковые средства соответствуют коммуникативным целям адресанта и учитывают особенности восприятия целевой аудитории.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости системного лингвистического описания речевых стратегий и тактик, используемых в российской социальной рекламе семейных ценностей. Анализ материала позволяет выявить не только доминирующие способы речевого воздействия, но и проследить динамику коммуникативных подходов, что важно как для теории речевой коммуникации, так и для практики создания социально ориентированных сообщений.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые предпринимается попытка классификации речевых стратегий и тактик на материале актуальных текстов российской социальной рекламы семейной тематики за период 2022-2025 гг. Выявленные стратегии и тактики рассматриваются в комплексе, с учетом их взаимодействия в рамках единого коммуникативного пространства.

Практическая значимость определяется возможностью применения его результатов при разработке и реализации рекламных кампаний, направленных на укрепление семейных ценностей.

Для глубокого понимания специфики трансляции социально значимых смыслов необходимо прежде всего определить понятийно-категориальный аппарат исследования. Ключевую роль в изучении способов влияния на аудиторию играет концепция речевого воздействия. Так, в своих работах И.А. Стернин определяет речевое воздействие как «воздействие на че-

ловека при помощи речи с целью убедить его сознательно принять точку зрения другого человека, сознательно принять решение о каком-либо действии, передачи информации и т.д» [7, с. 56]. Данный процесс носит целенаправленный характер и предполагает использование специфических инструментов влияния на когнитивную и эмоциональную сферы реципиента.

Реализация такого влияния невозможна без предварительного планирования, что в лингвистике соотносится с понятием речевой стратегии. В научной литературе существуют разные подходы к ее трактовке. Так, Т.А. ван Дейк рассматривает стратегию с когнитивной точки зрения как «свойство когнитивных планов, которые представляют собой общую организацию некоторой последовательности действий и включают цель взаимодействия» [2, с. 272].

В свою очередь, Ю. К. Пирогова, развивая прагматический подход, акцентирует внимание на инструментальной стороне процесса. Она определяет стратегию как «приемы выбора, структурирования и подачи в сообщении информации, подчиненные целям коммуникативного воздействия» [6, с. 108].

Тем не менее, наиболее универсальным и комплексным для нашего исследования является подход О.С. Иссерс. В своей работе она пишет, что «речевая стратегия – совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего». Как правило, стратегия состоит из более мелких составляющих – речевых тактик, которые автор описывает как действия, способствующие реализации стратегии [4, с. 109]. Взаимодействие этих уровней определяет прагматический потенциал сообщения, позволяя автору не только транслировать информацию, но и эффективно воздействовать на ценностные установки реципиента.

Исходя из предложенной концепции, О.С. Иссерс разделяет стратегии на основные (семантические или когнитивные) и вспомогательные (прагматические, диалогические, риторические). Первая группа связана непосредственно с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей и поведение. Вторая группа стратегий способствует созданию необходимого эмоционального фона и установлению контакта [4, с. 106]. На наш взгляд, представленная классификация является определяющей для анализа материала, поскольку она позволяет структурировать методы воздействия в социальной рекламе, разграничивая смысловое наполнение и инструменты психологической поддержки.

«При помощи речевой стратегии и ее тактик текст способен сообщать как различные сведения и аргументы, так и глубокие психологические внушения и создавать стойкий эмоциональный настрой» [5, с. 483]. Традиционно такой инструментарий находит широкое воплощение в рекламном дискурсе, где выбор стратегий и тактик обусловлен необходимостью убеж-

дающего воздействия аудитории. С особой отчетливостью это проявляется в социальной рекламе, специфика которой требует не только привлечения внимания, но и глубокой трансформации общественных установок.

Рассматривая понятие социальной рекламы, целесообразно опираться на трактовку Г.Г. Николайшвили, которая определяет ее с точки зрения коммуникации, функциональной направленности и предназначения. Согласно этому подходу, «социальная реклама – вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и его нравственным ценностям. Ее предназначением выступает гуманизация общества и формирование его нравственных ценностей, в то время как миссией выступает изменение поведенческих моделей в обществе» [1, с. 17].

Как и любой текст, социальная реклама обладает специфическими характеристиками, влияющими на восприятие заложенных в ней смыслов. В частности, Л.М. Дмитриева выделяет ряд стилевых принципов, необходимых для эффективной организации рекламных сообщений:

– краткость (исключение общих рассуждений и донесение ключевого сообщения);

– конкретность и точность (использование фактов, цифр и деталей для увеличения убедительности информации);

– логичность (последовательное изложение информации);

– убедительность (представление четкой и последовательной аргументации, нацеленной на целевую аудиторию);

– простота и доходчивость (применение общеупотребительных слов и выражений для облегчения восприятия и запоминания);

– оригинальность (сообщение должно вызвать интерес у адресата);

– выразительность (использование эмоционально-экспрессивного кода и различных речевых фигур);

– соответствие стиля проблеме и грамотный выбор тона [3, с. 128].

Перечисленные черты рекламного стиля находят свое отражение в целой системе речевых стратегий и тактик. В связи с этим, особый интерес приобретает рассмотрение прагматических особенностей их реализации в рекламных текстах, направленных на формирование позитивного образа семьи.

В рамках настоящего исследования были предпринята попытка выявить и классифицировать речевые стратегии и тактики, используемые в социальной рекламе, посвященной продвижению и укреплению семейных ценностей в современном российском обществе. Для анализа было отобрано 72 текста русскоязычной социальной рекламы в период с 2022 по 2025 годы. Материал был отобран методом сплошной выборки в сети Интернет по запросам «социальная реклама», а также на специализирован-

ных и официальных сайтах государственных органов, занимающихся вопросами социальной политики и коммуникаций (например, всероссийские проекты «Семья – основа мира», «ВСЁБРЕМЕННЫМ.РФ» и др.)

В ходе анализа текстов социальной рекламы семейных ценностей были выделены четыре доминирующие речевые стратегии, каждая из которых реализуется через набор конкретных речевых тактик. В соответствии с классификацией речевых стратегий О. С. Иссерс, выявленные нами стратегии распределяются на основные (позиционирование семейных ценностей и прагматическое побуждение) и вспомогательные (эмоциональное вовлечение и установление доверительного контакта), что позволяет комплексно описать механизм воздействия на ценностные установки аудитории.

Стратегия позиционирования семейных ценностей является наиболее распространенной. Она стремится сформировать у адресата устойчивую систему ценностей, в которой семья, дети и ответственное родительство занимают высшее положение, позиционируясь как главное жизненное благо. В рамках стратегии реализуются следующие тактики.

Тактика позитивной оценки предполагает использование лексики с ярко выраженной положительной коннотацией.

«Счастьем хочется делиться. Создайте свою семью!»

«Много детей. Много веселья.»

«Большая семья. Большая радость.»

Как мы видим, авторы транслируют аксиомы, что семья выступает источником счастья и радости, исключая возможность негативной интерпретации.

Тактика утверждения совместного «мы» направлена на создание чувства общности и единения, что особенно важно для укрепления семейной идентичности.

«Мы семья. Нам хорошо.»

«Растем и развиваемся вместе!»

«Семья – быть вместе и в горе, и радости!»

Использование местоимений и глаголов во множественном числе позволяет нивелировать чувство одиночества и подчеркнуть синергию солидарного существования. В рекламных сообщениях фокус смещается с индивидуального «я» на коллективное «мы», что имплицитно утверждает приоритет общего над частным.

Тактика метафоризации. Для создания яркого, запоминающегося образа семьи авторы обращаются к метафорам. Объективация абстрактных понятий способствует более эффективному воздействию на аудиторию.

«Третий ребенок – тройное богатство в третьем тысячелетии!»

«Берегите любовь. Она – главное богатство.»

«Самое красивое ожерелье – руки обнимающего ребенка!»

В перечисленных примерах употребляются метафоры «богатства» и «драгоценности». Визуальный образ ожерелья и концепт богатства служат инструментами повышения значимости семейных ролей в глазах реципиента.

Тактика аксиологической интенсификации реализуется через применение прилагательных в превосходной степени и лексем с семантикой исключительности. Она призвана подчеркнуть уникальность и высокий социальный статус человека в контексте семейной самореализации.

«Верность – качество лучших.»

«Беременная – самая красивая!»

«Лучшее имя женщины – мама!»

«Сохрани лучшее в себе.»

Приведенные слоганы социальной рекламы формируют аксиологическую иерархию, на вершине которой фиксируются семейные ценности и ориентированные на них субъекты.

Следующая речевая стратегия прагматического побуждения нацелена на непосредственное совершение (рождение ребенка, регистрация брака) или предотвращение конкретного действия (прерывание беременности).

Тактика прямого побуждения характеризуется использованием глаголов в повелительном наклонении. Императивные конструкции не оставляют пространства для размышлений и требуют немедленного этического отктика.

«Сохрани в себе человека!»

«Позволь ребенку прийти в этот мир.»

«Думай сердцем – сохрани жизнь!»

Тактика провокации и шока применяется для деавтоматизации восприятия, когда стандартные призывы перестают работать. Авторы намеренно обостряют проблему, отказываясь от эвфемизмов в пользу прямых номинаций, вызывающих эмоциональную рекацию.

«А сможешь ли ты убить его?»

«Это не выбор. Это – ваш ребенок.»

«Аборт – не «дело совести каждого», а отнятие жизни у человека.»

Так, вопрос или утверждение разрушают нейтральное или легкомысленное отношение к социальной проблеме, обнажая суть действия.

Тактика обоснования и рациональной аргументации апеллирует к логике, социальной прагматике и принципу взаимной ответственности. В рамках этой тактики постулируется причинно-следственная связь между текущим выбором индивида и его будущим благополучием или стабильностью государства.

«Защити меня сегодня. Я смогу защитить тебя завтра.»

«Большая семья как большая организация. Для развития нужна поддержка государства.»

«Счастливые семьи – счастливая страна.»

В представленных примерах используется аргументативный тип речи, где личное решение человека встраивается в общесоциальный контекст, превращая частный выбор в залог коллективной безопасности и процветания.

Стратегия эмоционального вовлечения через апелляцию к базовым чувствам ориентирована на активизацию архетипических эмоций человека, зачастую находящиеся вне сферы рационального контроля. Воздействие осуществляется путем вербализации фундаментальных потребностей в безопасности, привязанности и признании.

Тактика апелляции к чувству защищенности и уюта. В рамках этой тактики актуализируется концепт семьи как безопасного пространства. Особую значимость здесь приобретает метафорическая репрезентация материнства.

«Самое уютное место – под сердцем у мамы.»

«Мама – первая вселенная человека!»

«Любовь отца – основа счастья.»

Тактика апелляции к чувству любви и нежности базируется на использовании эмоционально-экспрессивной лексики для создания атмосферы эмоционального тепла.

«Мы семья. Мы влюблены.»

«Мамина любовь – крылья для детей.»

«Ребенок, окруженный любовью, учится любить.»

Данные сообщения направлены на инициацию состояния эмпатии и умиления, которые ассоциативно проецируются на институт семьи.

Тактика апелляции к чувству гордости преимущественно ориентирован на мужскую аудиторию и предполагает репрезентацию социально одобряемой модели маскулинного поведения. Статус отца и мужа позиционируется как достижение, вызывающее уважение в обществе.

«Я папа. Я знаю многое.»

«Любой может стать отцом, но только особенный становится папой!»

«Создать семью – это по-мужски. Сделай правильный выбор.»

Перечисленные рекламные сообщения позволяют перевести категорию долга в плоскость личностного престижа.

Для эффективной трансляции ценностных установок необходимо преодоление коммуникативного барьера между адресантом и аудиторией. Последняя стратегия установления доверительного контакта направлена на формирование эффекта «личного разговора» и снижение прагматического сопротивления адресата. Анализ показал, что такой подход достигается с

помощью двух речевых тактик.

Тактика персонификации. Вместо обезличенных призывов в тексте используется образ конкретного субъекта, наделенного чертами «живого» участника коммуникации. Это позволяет трансформировать абстрактную демографическую проблему в категорию личного нравственного выбора.

«Я жду ребенка. Я с тобой. Твой мужчина.»

«Я брат. Меня любят.»

«Когда я появлюсь на свет, я буду любить тебя.»

Также подобные примеры наделяют нерожденного ребенка «правом голоса», что усиливает драматизм высказывания и эмоциональную вовлеченность.

Тактика диалогизации. Использование вопросно-ответных форм и имитация диалога способствуют переходу реципиента из пассивного состояния в позицию активного участника дискурса. Диалогичность конструкции разрушает монологическую инерцию восприятия, стимулируя внутреннюю рефлексию. Так, текст «Мамочка, мое сердечко бьется внутри тебя. Сохрани мне жизнь!» имитирует обращение ребенка к матери. Другой же пример «А ты уверен, что счастье в деньгах?» деконструирует ложные жизненные приоритеты через механизм саморефлексии.

Таким образом, анализ текстов социальной рекламы, посвященной семейным ценностям, демонстрирует высокую прагматическую вариативность используемых речевых стратегий и тактик. Основной вектор воздействия направлен на формирование позитивного, эмоционально окрашенного образа семьи, повышение статуса материнства и отцовства, а также на стимулирование адресата к созданию и сохранению традиционных семейных институтов.

Выявленные речевые стратегии функционируют в тесном взаимодействии, обеспечивая комплексное влияние на сознание аудитории. Такие речевые тактики, как метафорическое моделирование, применение риторических вопросов, императивных конструкций и апелляция к различным чувствам, оказывают свою высокую эффективность в данном типе дискурса.

Результаты исследования подтверждают, что современная российская социальная реклама семейных ценностей обладает дифференцированным набором языковых средств, позволяющих достигать поставленных коммуникативных задач.

Библиографический список:

1. Бескромный Д.В. Социальная реклама в комплексе коммуникации: учеб. пособие / Д.В. Бескромный [и др.]; под. общ. ред. Г.Г. Николайшвили. – М.: Дашков и К°, 2025. 374 с.
2. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: [сборник] / пер. с англ. под ред. В.И. Герасимова; сост. В.В. Петров. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

3. Дмитриева Л.М. Социальная реклама: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 271 с.
4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – изд. 5-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017. 308 с.
5. Крылова О.А., Радбиль Т.Б. Социальная реклама и речевые стратегии. Понятие и виды речевых стратегий // Теория и практика современной науки. 2020. № 5 (59). С. 479-484.
6. Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации // Рекламный текст: семиотика и лингвистика / под ред. Ю.К. Пироговой, П.Б. Паршина. – М.: Изд. дом Гребенникова, 200. С. 101-154.
7. Стернин И.А. Основы речевого воздействия: учебное издание. – Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.
8. Семья – основа мира: официальный сайт. – 2024-2026. // URL: https://semya-osnova.ru/ (Дата обращения: 25.03.2026).
9. Баннеры наружной социальной рекламы // ВСЁБРЕМЕННЫМ.РФ: [сайт]. 2023. 21 сент. // URL: https://всё-беременным.рф/1152/ (Дата обращения: 24.03.2026).
10. Социальная реклама // Официальный сайт Забайкальского края: [сайт]. 2022. 30 нояб. // URL: https://uletov.75.ru/novosti/298264 (Дата обращения: 24.03.2026).
11. В Сургуте появилась социальная реклама, направленная на защиту жизни детей до рождения // Ханты-Мансийская митрополия: официальный сайт. 2023. 23 сент. // URL: https://ugraeparhia.ru (Дата обращения: 24.03.2026).
12. Мокина Л.С. Зарубежные модели цифровизации экономики и возможность их применения в российской практике // Альманах «Крым». 2025. № 47. С. 71-75.

Reference

1. Beskromny D.V. Social advertising in the complex of communication: textbook. allowance / D.V. Beskromny [etc.]; under. total ed. G.G. Nikolaishvili. – M.: Dashkov and Kº, 2025. 374 p.
2. Dake T.A. van. Language. Cognition. Communication: [collection] / trans. from English edited by V.I. Gerasimova; comp. V.V. Petrov. – B.: BGK im. I.A. Baudouin de Courtenay, 2000. 308 p.
3. Dmitrieva L.M. Social advertising: textbook. allowance. – M.: UNITY-DANA, 2017. 271 p.
4. Issers O.S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. – ed. 5th. – M.: LENAND, 2017. 308 p.
5. Krylova O. A., Radbil T. B. Social Advertising and Speech Strategies. The Concept and Types of Speech Strategies // Theory and Practice of Modern Science. 2020. № 5 (59). P. 479-484.
6. Pirogova Yu. K. Communicative Influence Strategies in Advertising: A Typology Experience // Advertising Text: Semiotics and Linguistics / edited by Yu. K. Pirogova, P. B. Parshin. – M.: Grebennikov Publishing House, 200. P. 101-154.
7. Sternin I. A. Fundamentals of Speech Influence: A Textbook Edition. – Voronezh: Istoki, 2012. 178 p.
8. Family is the Foundation of the World: official website. – 2024-2026. // URL: https://semya-osnova.ru/ (March 25, 2026).
9. Outdoor social advertising banners // VSEBREMENNYM.RF: [website]. 2023. Sept. 21. // URL: https://всё-беременный.рф/1152/ (March 24, 2026).
10. Social advertising // Official website of the Zabaykalsky Krai: [website]. 2022. November 30. // URL: https://uletov.75.ru/novosti/298264 (March 24, 2026).
11. Social advertising aimed at protecting the lives of children before birth has appeared in Surgut // Khanty-Mansiysk Metropolitanate: official website. 2023. September 23 // URL: https://ugraeparhia.ru (March 24, 2026).
12. Mokina L.S. Foreign models of economic digitalization and the possibility of their application in Russian practice // Almanac “Crimea”. 2025. № 47. P. 71-75.

Брюхачева Я.А.
Преподаватель. Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации. Кафедра Иностранных Языков и Межкультурной Коммуникации.

Выщепольская Е.В.
Магистр. Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации. Кафедра Иностранных Языков и Межкультурной Коммуникации.

Основные направления и тенденции лингвокультурологических исследований в Китае*

Аннотация. Рост лингвокультурологических исследований в Китае требует систематизации их тематико-методологических ориентиров и оценки вклада в лингвистическую науку. Статья рассматривает основные направления и методологические тенденции китайской лингвокультурологии, выявляет её специфические черты и пробелы в исследованиях концептов (仁 rén, 礼 lǐ, 和 hé, 家 jiā, 面子 miànzi). Применён комплексный подход: историко-генетический анализ, тематико-аналитическая систематизация, компаративистский анализ и синтез корпусно-дискурсивных методов на материале ключевых концепций. Рассмотрены главные тематические блоки (исследование концептов, переводоведение, фразеология, педагогика, дискурс-исследования), выявлен методологический синтез (филологический + корпусный + дискурсивный), показана институциональная консолидация поля. Китайская лингвокультурология оформилась как самобытная школа с выраженной прикладной направленностью; необходима интеграция когнитивных моделей и расширение многоязычных/диахронических корпусов. Обсуждаются теоретические и прикладные проблемы, например, проблема передачи культурно-насыщенных концептов при переводе и вызовы для методики обучения.

Ключевые слова: лингвокультурология, китайская школа, концепты, методы, переводоведение, методологический синтез, педагогика, дискурс-анализ.

Bryukhacheva Y.A.
Lecturer. Financial University under the Government of the Russian Federation, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication.

Vyshchepolskaya E.V.
Master's Degree. Financial University under the Government of the Russian Federation, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication.

* © Брюхачева Я.А., Выщепольская Е.В., 2026.

Main directions and trends of linguocultural research in China

Abstract. The growing body of linguocultural studies in China necessitates a systematic review of their thematic and methodological orientations and their contribution to linguistics. The article analyzes principal directions and methodological trends of Chinese linguocultural studies, identifying specific features and lacunae in research on concepts (仁 rén, 礼 lǐ, 和 hé, 家 jiā, 面子 miànzi). A combined approach was applied: historico-genetic analysis, thematic classification, comparative analysis and synthesis of corpus-based and discourse methods on the basis of key publications. Major thematic clusters are described (study of concepts; translation studies; phraseology; pedagogy; discourse research); a methodological synthesis (philological + corpus + discourse) and institutional consolidation of the field are demonstrated. Chinese linguocultural studies have formed an autonomous scholarly school with a marked applied orientation; integration of cognitive models and expansion of multilingual / diachronic corpora are required. The paper discusses theoretical and applied implications: challenges of transferring culturally dense concepts in translation and implications for teaching methodology.

Key words: linguacultural studies, Chinese school, concepts, methods, translation studies, methodological synthesis, pedagogy, discourse analysis.

Введение

За последние десятилетия лингвокультурологические исследования в Китае оформились в устойчивое и институционально признанное направление, представленное широким спектром тематик и методологических подходов. В центре внимания китайских исследователей оказываются как фундаментальные вопросы соотношения языка и культуры, так и анализ конкретных культурно значимых единиц и концептов, таких как: 仁 *rén*, 礼 *lǐ*, 和 *hé*, 家 *jiā*, 面子 *miànzi*, функционирующих в различных типах дискурса и коммуникативных практиках. Интенсивное развитие данной области привело к накоплению значительного массива научных публикаций, однако одновременно выявило проблему их системного осмысления и сопоставления, прежде всего на уровне выявления доминирующих направлений, методологических установок и эволюционных тенденций.

В рамках данной статьи лингвокультурология рассматривается не как совокупность отдельных эмпирических кейсов, а как сформировавшееся научное направление с собственной тематической и методологической структурой. В этой связи в качестве материала исследования используются не единичные языковые корпуса или тексты, а корпус научных публикаций, отражающих институционализированное состояние дисциплины в Китае за последние два–три десятилетия. Такой подход соответствует метааналитической и обзорно-синтетической модели исследования, направ-

ленной на выявление устойчивых исследовательских доминант, тематических кластеров и методологических трендов.

Объём исследованного материала определяется не количественным охватом всех существующих публикаций, а степенью репрезентативности выбранных источников для выявления ключевых направлений и тенденций. В этом смысле статья опирается на корпус работ, которые: во-первых, активно цитируются в китайском и международном научном пространстве; во-вторых, охватывают разные тематические зоны (концептология, переводоведение, педагогика, фразеология, дискурс-анализ); в-третьих, отражают современные методологические сдвиги, включая корпусные и цифровые подходы. Такой корпус является достаточным для решения заявленной исследовательской задачи – реконструкции структуры и логики развития китайской школы лингвокультурологии.

В качестве эмпирического материала исследования используется корпус современных китайскоязычных научных публикаций, посвящённых проблематике языка и культуры. В анализ включены как обзорные и метатеоретические работы, отражающие общее состояние и динамику лингвокультурологических исследований в Китае, так и исследования, ориентированные на анализ конкретных языковых единиц и культурно значимых смыслов. В частности, привлекаются статьи Т. У (吴婷婷), в которых на основе количественного анализа публикационной активности прослеживаются основные этапы и тенденции языковых исследований, ориентированных на китайскую культуру [см.: 吴婷婷 [У Тинтин], 2023, 559–569 页], а также работа Л. Чжан (张龙涛), обобщающая результаты исследований языка и культуры в Китае за последнее десятилетие и фиксирующая смещение исследовательского фокуса в сторону междисциплинарных и когнитивно-ориентированных подходов [см.: 张龙涛 [Л. Чжан], 2025, 841–850 页]. Использование данных источников позволяет рассматривать современную китайскую лингвокультурологию не фрагментарно, а как целостное научное поле с выраженной внутренней структурой.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе основных направлений и тенденций лингвокультурологических исследований в Китае на материале корпуса научных публикаций последних двух–трёх десятилетий. Достижение данной цели предполагает реконструкцию ключевых этапов становления дисциплины, выявление доминирующих тематических блоков и концептуальных узлов, а также анализ методологического инструментария, используемого китайскими исследователями. Особое внимание уделяется сопоставлению полученных результатов с подходами, характерными для российской и западноевропейской лингвистической традиции, что позволяет уточнить специфику китайской научной школы в более широком академическом контексте.

В качестве рабочей гипотезы принимается положение о том, что китайская лингвокультурология сформировалась как самобытное направление на стыке заимствования западных теоретических моделей и опоры на национальную филологическую и философскую традицию. Это проявляется в устойчивом интересе к культурно значимым концептам, выраженной прикладной направленности исследований и синтезе классического филологического анализа с современными методами, включая дискурс-анализ и корпусные технологии. Методологическая основа исследования определяется сочетанием историко-генетического, тематико-аналитического и компаративного подходов, что позволяет выявить устойчивые исследовательские доминанты и наметить перспективные векторы дальнейшего развития лингвокультурологических исследований в Китае.

Основная часть

Истоки и этапы становления лингвокультурологии в Китае

Историко-генетический анализ показывает, что современная китайская лингвокультурология опирается на сочетание двух источников: давней национальной филологической традиции и целого комплекса западных теоретических влияний. Ч. Лю реконструирует генезис современных исследований лингвокультурологии в Китае, указывая на этапность формирования дисциплины: от филологической интерпретации классических текстов к системной лингвокультурной рефлексии, сопровождавшейся заимствованием западных методологических схем и адаптацией их к китайскому контексту [Лю, 2018, с. 65]. Ц. Е подчёркивает, что консолидация дисциплины осуществлялась параллельно с расширением исследовательского поля – появлению профильных журналов, учебных программ и междисциплинарных проектов, что позволило китайской школе выработать собственные исследовательские приоритеты и каноны [Ye, 2022, с. 304]. Таким образом, историко-генетический аспект демонстрирует симбиоз традиции и инновации как основание самобытности китайской лингвокультурологии [Лю, 2018, с. 66; Ye, 2022, с. 307].

Количественное и тематическое расширение лингвокультурологических исследований в Китае подтверждается данными, представленными в работе Л. Чжан, основанной на анализе публикаций в ведущих китайских лингвистических изданиях за последние десять лет. Автор отмечает устойчивый рост исследований, в которых язык рассматривается не изолированно, а в тесной связи с культурой, когнитивными моделями и социальными практиками, что в китайской традиции обозначается как 语言与文化研究的融合趋势 – тенденция к интеграции языковых и культурных исследований [см.: 张龙涛 [Л. Чжан], 2025, 843 页]. При этом подчёркивается, что современный этап характеризуется отходом от исключительно описательной

парадигмы и усилением аналитического и интерпретативного компонентов, что создаёт основу для формирования лингвокультурологии как самостоятельного научного направления.

Тематическая карта: ключевые концепты и направления

Классификация тематических блоков показывает следующую структуру: 1) исследования классических культурных концептов (например, 仁 rén, 礼 lǐ, 义 yì, 和 hé); 2) анализ религиозно-философских языковых пластов (конфуцианство, даосизм); 3) прикладные исследования в области преподавания китайского языка и межкультурной коммуникации; 4) исследования переводов художественной литературы как поля культурной транслокации; 5) изучение фразеологической системы и её лингвокультурной валентности; 6) дискурсивные и политико-коммуникативные исследования.

Развитие концептологических исследований в китайской лингвокультурологии на уровне лексической семантики и когнитивных механизмов подробно представлено в работе М. Ван, посвящённой анализу культурных образов в китайской лексике. Автор использует понятие 文化意象 («культурный образ») для описания устойчивых смысловых комплексов, закреплённых в слове и активируемых в процессе интерпретации, подчёркивая, что такие единицы функционируют как когнитивные посредники между языковой формой и культурным знанием [см.: 王敏 [М. Ван], 2022, 25–27 页]. На этом основании показывается, что концепты 仁 *rén* и 礼 lǐ не сводимы к абстрактным этическим категориям, а реализуются через конкретные лексико-семантические и образные структуры, что позволяет рассматривать их как динамические элементы языкового сознания, а не как статичные культурные символы.

Так, Ю. Фэн акцентирует внимание на «классико-филологическом» блоке исследований, направленном на переосмысление методологии в свете работ таких классиков, как Ло Чанпэй, и на важности историко-филологического контекста при анализе языковых данных [Фэн, 2019, с. 368]. Л. Ян развивает прикладную тему, показывая, как лексико-семантическая группа именований лиц по профессии используется в педагогическом контексте при формировании коммуникативной компетенции китайских студентов-филологов, что свидетельствует о сильной дидактической направленности значительной части китайских исследований. Л. Ян рассматривает ряд концептов, связанных с профессиональной идентичностью, и показывает их семантическую структуру в рамках обучения лексике [Ян, 2012, с. 77].

М. Сабирова, Т. Калыбекулы и Р. Желдыбаева исследуют проблему фразеологической репрезентации культурных коннотаций (*Guanyongyu*),

демонстрируя, что фразеологические единицы служат носителями историко-культурного кода и играют ключевую роль в конституировании культурно-семантических полей в языке [Sabirova et al., 2024, с. 158]. В свою очередь, Т. У осуществляет визуально-корпусный анализ литературы по языку и культуре Китая, выявляя динамику тем, жаргонов и географии публикаций, что помогает объективно фиксировать смену приоритетов и появление новых тем, например, исследование политического дискурса и межкультурной риторики [Wu, 2023, с. 559].

Китайская фразеология как носитель культурно обусловленных смыслов подробно анализируется в исследовании С. Ли, посвящённом культурной семантике чэнъюев и других устойчивых выражений. Автор подчёркивает, что фразеологизмы в китайском языке представляют собой 文化内涵高度凝缩的语言单位 – языковые единицы с высокой степенью концентрации культурного содержания [см.: 李晓红 [С. Ли], 2021, 46 页]. Анализ способов их языковой репрезентации показывает, что фразеология выступает одним из ключевых уровней трансляции культурных норм, ценностей и исторического опыта, что делает её важным объектом лингвокультурологических и переводоведческих исследований.

Особое место занимает тема «семьи» (家 *jiā*, 家庭 *jiātíng*) как центра культурно-семантического поля: С. У и А.Р. Нурутдинова и др. в сравнительном анализе русской и китайской коннотации семейных концептов показывают, что семейная семантика сохраняет историко-философскую плотность и выступает ключевым маркером культурной идентичности, выражая различия в ценностной и прагматической структуре социальных отношений [У, 2009, с. 193; Нурутдинова et al., 2021, с. 114]. А.Р. Нурутдинова подчёркивают также культурно-прагматические отличия между русским «семья» и китайским «дом» (家/家园), что имеет важные последствия для межкультурного перевода и преподавания [Нурутдинова et al., 2021, с. 117].

С. Гао фокусируется на проблематике перевода как одном из центральных полей лингвокультурологических исследований, рассматривая механизм реализации лингвокультурных особенностей китайского языка в русской языковой системе на материале перевода романа Мо Яня «Устал рождаться и умирать». С. Гао отмечает, что перевод в таких случаях выступает как процесс не только лингвистического, но и культурного переноса, требующий адекватных стратегий репрезентации концептов, несущих высокую степень культурной инфицированности (например, выражения, связанные с конфуцианскими нормами 礼 lǐ и понятием лица 面子 *miànzi*) [Гао, 2021, с. 159]. Это внимание к трансферу культурных концептов подчёркивает практическую направленность китайских исследований в области переводоведения.

Методологические подходы и их синтез

Анализ методологии показывает, что в китайской лингвокультурологии наблюдается сочетание классических филологических приемов и современных лингвистических инструментов. А.А. Хабаров подчёркивает значимость дискурс-аналитических подходов и методик анализа коммуникативных практик в изучении лингвокультурных феноменов, указывая на растущий интерес к междисциплинарным методам, включающим корпусную аналитику и цифровые инструменты для выявления концептуальных полей в больших массивах текстов [Хабаров, 2021, с. 203–206]. Совмещение подходов реализуется и через широкое применение сравнительно-сопоставительного анализа при сопоставлении языковых реализаций культурных концептов в разных системах (компаративистская перспектива), что отражено в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Комплексный метод предполагает одновременное использование историко-генетических реконструкций, корпусно-статистического описания и дискурсивного чтения текстов, что позволяет извлечь как глубинные культурные матрицы (например, структура понятия 礼 lǐ), так и их актуальные прагматические реализации в современной коммуникации [Ye, 2022, с. 1031; Хабаров, 2021, с. 203–202].

Корпусные методы и цифровой анализ, которые Т. У визуализирует как тренд последнего десятилетия, дают возможность фиксировать динамику употребления концептов, их коллокационные поля и тематические кластеры в больших корпусах текстов, что важно для верификации гипотез о смещении акцентов в культурно-семантических исследованиях [Wu, 2023, с. 559–569]. М. Сабирова и др. при этом демонстрируют, как корпусный анализ фразеологизмов позволяет выявить их функциональные семантические профили и роль в передаче культурных сценариев [Sabirova et al., 2024, с. 155–173].

Компаративистская перспектива: отличие китайской школы от российских и западных традиций

Сопоставительный анализ показывает, что китайская школа отличается от западных и российских подходов усиленным вниманием к традиционным культурным структурам и их роли в современном языке.

Российская традиция, представленная в работах А.Р. Нурутдиновой и др., делает акцент на сопоставительном чтении и анализе коннотаций при переводе и преподавании; при этом китайская школа, сохраняя компаративистскую парадигму, добавляет к ней ярко выраженную прикладную компоненту – подготовку материалов и методик для обучения и межкультурной адаптации [Нурутдинова et al., 2021, с. 119; Ян, 2012, с. 80]. Ц. Е приходит к выводу, что китайские исследователи успешно

интегрировали элементы западной этнолингвистики и немецкой лингвокультурологии, но переработали их под специфику своего культурно-исторического опыта, что привело к возникновению гибридных методологических схем [Ye, 2022, с. 638]. Такая позиция подтверждается и эмпирическими данными: в отличие от некоторой дегерметизации западных теорий, китайские исследования стремятся к сохранению целостности культурного пласта и к изучению концептов в их историко-философском контексте (например, 仁 rén, 礼 lǐ) [Фэн, 2019, с. 375; Лю, 2018, с. 69].

Прогностическая часть: тенденции, пробелы и перспективные векторы

На основе проведённого анализа можно выделить несколько ключевых трендов: 1) дальнейшая цифровизация исследований и активное применение корпусных и визуализационных методов (тренд, отмеченный Т. У); 2) углубление исследовательских работ по фразеологическим и концептуальным ядрам (например, концепты 家, 礼, 仁); 3) рост междисциплинарных проектов, в которых лингвокультурологический анализ интегрируется с социологией, антропологией и когнитивной наукой; 4) усиление практической направленности исследований в области преподавания китайского языка как иностранного и переводоведения.

Современные методологические сдвиги в китайской лингвокультурологии находят отражение в работе Т. У, где на основе визуализации данных публикационной активности выделяются доминирующие исследовательские направления и методы. Автор фиксирует рост исследований, использующих корпусные технологии, количественный анализ и цифровые инструменты, что обозначается как переход к 数据驱动的语言文化研究 – данным-ориентированным исследованиям языка и культуры [см.: 吴婷婷 [Т. У], 2023, 564–566 页]. Эти тенденции свидетельствуют о стремлении китайской лингвокультурологии к методологической интеграции и повышению эмпирической обоснованности выводов, что сближает её с современными международными лингвистическими практиками.

Вместе с тем обнаруживаются явные пробелы: недостаточная теоретическая разработка механизмов семантической трансформации концептов при межъязыковом переносе; недостаточная интеграция когнитивных подходов в анализ концептов; ограниченность сравнительных корпусов, охватывающих большую диахроническую перспективу. Эти пробелы указывают на перспективные векторы: разработка методик интеграции корпусно-корреляционных данных с когнитивно-семантическими моделями и создание многоязычных корпусов для исследования трансляций культурных концептов в разных лингвосистемах.

Заключение

Лингвокультурология в Китае действительно сформировалась как самобытная научная школа, в которой сочетаются опора на традиционную филологическую мысль и активное усвоение современных западных методологий. Главные отличительные черты китайской школы – фокус на исследовании ключевых культурных концептов (таких как 仁 rén, 礼 lǐ, 和 hé, 家 *jiā*)), выраженная прикладная направленность (педагогика, переводоведение), а также методологический синтез, в котором классический филологический анализ сочетается с дискурсивными и корпусными методами.

Подобного рода синтез повышает как теоретическую плотность дисциплины, так и её прикладную ценность для задач межкультурного взаимодействия и обучения языку. В рамках дискуссии важно отметить, что при всем прогрессе наблюдается потребность в углублении теоретических основ (включая когнитивно-семантические модели), расширении корпусных баз и в развитии междисциплинарных методик, способных преодолеть существующие пробелы в описании механик культурного переноса.

Выявленные направления и тенденции свидетельствуют о методологическом синтезе, характерном для китайской лингвокультурологической школы. Традиционные филологические и культурно-исторические подходы всё чаще дополняются инструментарием когнитивной лингвистики, дискурс-анализа и корпусных методов, что позволяет расширить эмпирическую базу исследований и повысить степень обоснованности интерпретаций. Существенной особенностью является прикладная ориентированность значительной части работ, связанная с задачами перевода, межкультурной коммуникации и преподавания китайского языка как иностранного.

Сопоставление китайской лингвокультурологической традиции с российской и западноевропейской школами позволяет сделать вывод о её относительной автономности и одновременно открытости к междисциплинарным заимствованиям. В отличие от западных подходов, ориентированных преимущественно на универсалистские модели, китайские исследования демонстрируют более выраженный акцент на национально-культурной специфике и исторической преемственности смыслов. Вместе с тем сохраняется ряд проблемных зон, связанных с фрагментарностью эмпирических данных, неоднородностью методологических описаний и ограниченной сопоставимостью результатов отдельных исследований.

Перспективы дальнейшего исследования темы связаны с разработкой интегрированных методик, позволяющих сочетать дискурсивный, корпусный и когнитивный анализ, с расширением сравнительных многоязычных корпусов и с усилением прикладных исследований в области преподавания

и перевода, которые будут основаны на глубоком концептуальном анализе традиционных культурных смыслов.

Практическая значимость исследования проявляется в том, что полученные выводы могут быть использованы при составлении учебных программ по китайскому языку, при подготовке переводчиков и при формировании межкультурных коммуникационных стратегий.

Во-первых, целесообразно продолжить систематическое документирование и описательное обоснование ключевых китайских концептов (仁 rén, 礼 lǐ, 和 hé, 家 jiā) с учётом их историко-философского происхождения и функционирования в речи и тексте; такие описания должны сочетать филологическую реконструкцию, лексико-семантические профили и эмпирическую проверку корпусных данных, что позволит получить цельную картину изменений значений и употребления. В-вторых, необходима более плотная междисциплинарная интеграция с когнитивными науками и переводоведением для построения объяснительных моделей механизмов смысловой реконструкции при межъязыковом переносе культурно насыщенных единиц (например, 礼 lǐ, 面子 miànzi); такие модели послужат основой для разработок практических переводческих стратегий и критериев адекватности культурно-семантической передачи. В-третьих, прикладные педагогические исследования следует направить на создание и апробацию методик обучения, учитывающих лингвокультурные различия и реальные коммуникативные сценарии: эти методики должны базироваться на эмпирических корпусных и контекстуальных данных и проверяться в условиях обучения китаистике.

Библиографический список:

1. Гао С. Специфика реализации лингвокультурологических особенностей китайского языка в русской языковой системе (на примере перевода романа Мо Яня «Устал рождаться и умирать») // Litera. 2021. № 6. С. 156-163.
2. Лю Ч. Исследование лингвокультурологии в современном Китае // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 1 (82). С. 65-70.
3. Нурутдинова А.Р., Сабаева Э.К., Панфилова Е.В. и др. Сравнительный лингвокультурологический анализ национально-культурной коннотации, выраженной русским словом «семья» и китайским словом «дом» // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 2 (26). С. 114-120. – DOI: 10.18454/RULB.2021.26.2.5.
4. У С. Лингвокультурологические и лингвометодические аспекты концепта «семья» в русской и китайской культурах: дис. … канд. пед. наук. – СПб., 2009. 193 с.
5. Фэн Ю. Специфика лингвокультурологических исследований в современном Китае (на материале книги Ло Чанпэя «Язык и культура») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 4 (820). С. 368-379.
6. Хабаров А.А. Лингвокультурологические аспекты исследования дискурса в китайской лингвистике // Языки и культуры стран Азии и Африки: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 15–17 октября 2020 г.). – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2021. С. 203-206.
7. Ян Л. Лингвокультурологический подход к обучению лексике китайских студентов-филологов: на материале лексико-семантической группы наименований лиц по профессии: дис. … канд. пед. наук. – СПб., 2012. 245 с.
8. Sabirova M., Kalibekuly T., Jeldybayeva R. Linguocultural aspect of phraseological units (Guanyongyu) in modern Chinese language // Global Chinese. 2024. Vol. 10. P. 155-173. – DOI: 10.1515/glochi-2024-0016.
9. Wu T. The Progress and Trend of Language Research on Chinese Culture: A Visual Analysis Based on Domestic

Literature // Modern Linguistics. 2023. Vol. 11. P. 559-569. – DOI: 10.12677/ML.2023.112080.
10. Ye Z. The Palgrave Handbook of Chinese Language Studies. – Cham: Springer Nature, 2022. 1031 p.
11. Т. У. Основные этапы и тенденции языковых исследований, ориентированных на китайскую культуру // Современная лингвистика. 2023. Т. 11. № 2. С. 559-569.
12. Л. Чжан. Обзор исследований языка и культуры в Китае за последнее десятилетие // Современная лингвистика. 2025. Т. 13. № 1. С. 841-850.
13. М. Ван. Культурные образы в китайской лексике и механизмы их когнитивной интерпретации // Исследования языка и культуры. 2022. № 4. С. 23-31.
14. С. Ли. Культурная семантика китайских фразеологизмов и способы её языковой репрезентации // Исследования языка и культуры. 2021. № 3. С. 45-53.
15. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // Культура Мира. 2024. Т. 12. № 37 (2). С. 14-23.

Reference

1. Gao S. Specifics of the Implementation of Linguocultural Features of the Chinese Language in the Russian Language System (Based on the Translation of Mo Yan's Novel "Tired of Being Born and Dying") // Litera. 2021. № 6. P. 156-163.
2. Liu Q. Study of Linguocultural Studies in Modern China // Bulletin of Cherepovets State University. 2018. № 1 (82). P. 65-70.
3. Nurutdinova A.R., Sabaeva E.K., Panfilova E.V., et al. Comparative Linguocultural Analysis of the National-Cultural Connotation Expressed by the Russian Word "Family" and the Chinese Word "House" // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 2 (26). P. 114-120. – DOI: 10.18454/RULB.2021.26.2.5.
4. Wu S. Lingvocultural and linguomethodological aspects of the concept of "family" in Russian and Chinese cultures: diss. … Cand. Ped. Sciences. – St. Petersburg, 2009. 193 p.
5. Feng Yu. Specifics of lingvocultural studies in modern China (based on Luo Changpei's book "Language and Culture") // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2019. № 4 (820). P. 368-379.
6. Khabarov A.A. Lingvocultural aspects of discourse research in Chinese linguistics // Languages and cultures of Asian and African countries: Proc. of the international. scientific conf. (Moscow, October 15–17, 2020). – Moscow: Moscow State Linguistic University, 2021. P. 203–206.
7. Yan L. A linguacultural approach to teaching vocabulary to Chinese philology students: based on the lexical-semantic group of professional names: Diss. … Cand. Ped. Sciences. – St. Petersburg, 2012. 245 p.
8. Sabirova M., Kalibekuly T., Jeldybayeva R. Linguocultural aspect of phraseological units (Guanyongyu) in modern Chinese language // Global Chinese. 2024. Vol. 10. P. 155–173. – DOI: 10.1515/glochi-2024-0016.
9. Wu T. The Progress and Trend of Language Research on Chinese Culture: A Visual Analysis Based on Domestic Literature // Modern Linguistics. 2023. Vol. 11. P. 559-569. – DOI: 10.12677/ML.2023.112080.
10. Ye Z. The Palgrave Handbook of Chinese Language Studies. – Cham: Springer Nature, 2022. 1031 p.
11. T. U. Main Stages and Trends of Language Research Focused on Chinese Culture // Modern Linguistics. 2023. Vol. 11. № 2. P. 559-569.
12. L. Zhang. A Review of Language and Culture Research in China over the Past Decade // Modern Linguistics. 2025. Vol. 13. № 1. P. 841-850.
13. M. Wang. Cultural Images in Chinese Lexicon and Mechanisms of Their Cognitive Interpretation // Studies of Language and Culture. 2022. № 4. P. 23-31.
14. S. Li. Cultural Semantics of Chinese Phraseologisms and Methods of Its Linguistic Representation // Studies of Language and Culture. 2021. № 3. P. 45-53.
15. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The role of non-profit organizations in strengthening health care and ensuring access to medical care // Cultural World. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.

Давлатзода Рухсора
Кандидат филологических наук, доцент, директор ГОУ «Педагогический колледж Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова», г. Худжанд, Республика Таджикистан. ORCID: 0009-0001-8499-6743

Некоторые соображения о исторических хроник X–XIII веков о многоязычии и переводе текстов*

Аннотация. В данной статье рассматриваются упоминания, содержащиеся в исторических хрониках X–XIII веков, таких как перевод «Тарих-и Табари» Абу Али Бальами, «Зайн аль-ахбар» Абу Саида Гардизи, перевод «Тарих-и Ямини» Абу аш-Шарафа Джурфа дикани и «Гарар ас-сияр» Абу Мансура Саалиби. Исходя из материала, взятого из этих исторических работ, автор демонстрирует, что наряду с другими средневековыми произведениями они содержат наблюдения, касающиеся языка и лингвистики, полезности знания нескольких языков и перевода текстов. На основе собранного материала показано, что осознанный и ответственный перевод оригинального текста на другой язык позволит читателю понять его внутреннее содержание; в противном случае это может привести к потере изысканности и художественной ценности текста.

Ключевые слова: исторические хроники, X–XIII века, «Тарих-и Табари», «Зайн аль-ахбар», перевод «Тарих-и Ямини», «Гарар аль-сияр», текст, культура речи, красноречие, перевод, таджикский язык, арабский язык, природа языков, сравнение.

Davlatzoda Rukhsora
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Director of SEI "Pedagogical College of Khujand State University named after academician B.Gafurov", Khujand, Tajikistan. ORCID: 0009-0001-8499-6743

Some considerations on 10th–13th century historical chronicles on multilingualism and text translation

Abstract. The given article dwells on recording references found in historical chronicles of the 10th–13th centuries, such as the translation of "Tarikh-i Tabari" by Abu Ali Bal'ami, "Zayn al-akhbar" by Abu Sa'id Gardizi, the translation of "Tarikh-i Yamini" by Abu al-Sharaf Jurfa diqani, and "Gharar al-siyar" by Abu Mansur Sa'alibi. Proceeding from the assumption of the material from such historical works, the author demonstrates that, alongside other medieval works, they contain observations related to language and

* © Давлатзода Рухсора, 2026.

linguistics, the usefulness of knowing multiple languages, and the translation of texts. Based on the collected material, it is shown that a conscious and responsible translation of the original text into another language will enable the reader to grasp the inner content of the text; otherwise, it may cause the loss of the text's refinement and artistry.

Key words: historical chronicles, 10th–13th centuries, "Tarikh-i Tabari", "Zayn al-akhbar", translation of "Tarikh-i Yamini", "Gharar al-siyar", text, culture of speech, eloquence, translation, Tajik language, Arabic language, nature of languages, comparison.

1. Introduction

Knowing several languages is considered a virtue of a person, indicating that he not only has a good knowledge of the lexical composition of different languages but is also familiar with the expressive forms used in them. Knowing the nature of each language enables such individuals to create phrases and sentences that are appropriate and harmonious with the nature of these languages during the expression of an idea, so that their spoken or written point is not a literal translation from one language to another, but rather considered speech delivered in rich forms of expression, leading to an expansion of the language's capabilities. It is no accident that the Leader of our country, the Founder of Peace and National Unity – the Leader of the Nation, Emomali Rahmon, considering the study of several languages a political and cultural reality [11, p. 124], emphasized that "knowing both the native language and foreign languages contributes to the spiritual development of our youth and our independent country and provides an opportunity to expand diplomatic relations and cultural and economic ties" [11, p. 128].

The main purpose of the article is to identify, analyze, and systematize the references to multilingualism and the practice of translation found in Persian-Tajik historical chronicles of the 10th–13th centuries, demonstrating that these sources constitute a significant, yet understudied, body of evidence for the history of linguistic thought.

The genesis of the article lies in the recognition that while medieval Tajik scholars made important observations about language, these are often found not only in dedicated philological treatises but also within the narrative fabric of historical works. The modern scholarly discourse on the history of Tajik linguistics has largely overlooked these embedded linguistic commentaries. This article arises from the need to excavate and interpret these neglected sources, specifically the translations and original chronicles of the Samanid and Ghaznavid periods.

The functions of the article are: first, to present the evidence from key chronicles illustrating the medieval Tajik appreciation for polyglotism; second, to analyze the depictions of translators and their role in courtly and diplomatic life; third, to examine the critical reflections on translation quality found within these

texts, particularly the case study of a mistranslation that led to war; and finally, to argue for the importance of these historical works as sources for understanding the linguistic dictionary of the era.

2. Methods and Materials

This study employs a qualitative research methodology based on textual analysis and comparative historical analysis. The primary materials are four key historical chronicles from the 10th–13th centuries, a period representing the flourishing of Persian-Tajik prose literature.

1. "Tarikh-i Tabari" (History of Tabari): The translation of Muhammad ibn Jarir al-Tabari's work by Abu Ali Bal'ami (d. 992–997 CE). This text is a foundational work of New Persian prose. The edition used is the critical edition edited by M. Umarov and F. Boboev (Tehran, 2001) [4].

2. "Zayn al-akhbar" (Ornament of Reports): A universal history composed in 1052 CE by Abu Sa'id 'Abd al-Hayy Gardizi. This chronicle contains valuable material on pre-Islamic and early Islamic history. The source used is the Cyrillic-script edition prepared by Q. Rustam (Dushanbe, 2014) [5].

3. Translation of "Tarikh-i Yamini" (History of Yamini): An anonymous translation into Persian of the original Arabic work by 'Utbi, completed in the 12th–13th centuries. The version used is the critical edition prepared by N. I. Ghiyosov (Khujand, 2013) [14].

4. "Gharar al-siyar" (The Best of Biographies): A universal history by Abu Mansur 'Abd al-Malik al-Tha'alibi (961–1038 CE), often referred to as "Tha'alibi's Shahnama." The edition used is prepared by Nizomiddin Zohidov (Dushanbe, 2014) [13].

The research method involved a close reading of these texts to identify and extract all passages that discuss multilingualism, the role of translators, the practice of translation, and metalinguistic reflections on the nature of Persian and Arabic. These passages were then subjected to comparative analysis to interpret their significance within the broader context of medieval linguistic dictionary. The analysis also draws on the works of Sadriddin Ayni [1; 2; 3; 17; 18] and modern Tajik scholars [15] to contextualize the historical findings within the tradition of Tajik linguistic thought.

3. Main results

Researchers, through analysis of the quality of translations of certain works into Tajik, have concluded that the haste and irresponsibility of some translators have led to the corruption of the meaning of the original text and the destruction of the author's artistic expression, causing the loss of the text's refinement and artistry [12, p. 118]. In such cases, the language of translation must be of high quality, both in terms of its correspondence with the original text and its artistic

merit [12, p. 119]. The important thing in translation is that the translator must be able to convey the inner content of the text to the reader [7, p. 138]. It is no accident that Master Sadriddin Ayni called a person who knows two languages "bisavod" (doubly literate) [2, p. 17].

Thus, even in that distant past, the Tajik ancestors paid attention to the issue of language proficiency and translating speech or writing from one language to another, demonstrating through the example of certain historical figures possessing this virtue how beneficial it is in life. In this regard, alongside the works of medieval authors and poets, useful notes and observations can be found in historical chronicles of the 10th–13th centuries, such as the translation of "Tarikh-i Tabari" by Abu Ali Bal'ami, "Zayn al-akhbar" by Abu Sa'id Gardizi, the translation of "Tarikh-i Yamini" by Abu al-Sharaf Jurfa diqani, "Gharar al-siyar" by Sa'alibi, and similar works. For instance, the author of "Zayn al-akhbar," regarding the multilingualism of the fifteenth king of the Sassanid dynasty, Bahram Gur (r. 421–438 CE), wrote: "Bahram Gur spoke every language: when playing polo, he spoke Pahlavi; on the battlefield, he spoke Turkish; in assemblies with the public, he spoke Dari; with the mobeds (priests) and the learned, he spoke Parsi; with women, he spoke the language of Herat; when he sat in a boat, he spoke Nabataean; and when he became angry, he spoke Tazi (Arabic)" [5, p. 77].

This point is also noted in the chronicle "Gharar al-siyar" by the Arabic-speaking author and historian of the late 10th and early 11th centuries, Abu Mansur Sa'alibi, known as Sa'alibi's "Shahnama." He states: "Bahram was unparalleled among kings, for he knew all customs and spoke various languages. On days of celebration and joy, he spoke Tazi (Arabic); on days of giving, he spoke Parsi; in public gatherings, Dari; during polo games, Pahlavi; in battle, Turkish; while hunting, Zaboli; in times of distress, Hebrew; in medicine, Hindi (Sanskrit); in astrology, Rumi (Greek); when sailing, Nabataean; and with women, the language of the people of Herat" [13, p. 281].

From the cited passages, it is evident that the accounts of both historians share similarities and differences, which can be established through the following points: 1) Gardizi and Sa'alibi agree that Bahram Gur spoke Pahlavi during polo, Turkish in battle, Nabataean while sailing, Dari in public, and the Herati dialect with women; 2) The accounts of Gardizi and Sa'alibi differ regarding Bahram's speaking of Parsi and Tazi (Arabic), as the author of "Zayn al-akhbar" states that the king spoke Parsi with mobeds and scholars, while Sa'alibi indicates he spoke this language on days of giving. Furthermore, Gardizi notes that Bahram spoke Tazi when angry, whereas Sa'alibi emphasizes the king used it on days of joy and celebration; 3) When listing languages, both historians made an error by considering Zaboli and Herati—and in the second case, only Herati—as distinct languages, whereas they are medieval dialects; 4) One difference in Sa'alibi's account

from Gardizi's is the number of languages mentioned: one mentions six languages and one dialect, while the other mentions nine languages and two dialects.

In our view, regarding Bahram Gur's multilingualism, Sa'alibi's account is closer to the truth, as his work was composed almost two centuries before Gardizi's chronicle.

Similar accounts to the passage above can be encountered in other medieval historical chronicles. For example, in "Tarikh-i Tabari," regarding Zayd ibn 'Adi's knowledge of two languages, it is stated: "Adi had a son in Hira, named Zayd ibn 'Adi, who was more learned and eloquent than his father, and he had learned both languages and was a scribe in both Parsi and Tazi" [4, vol. 1, p. 628].

Other notes from Muhammad ibn Jarir and Abu Ali Bal'ami indicate that it was precisely these knowers of two or more languages who, when necessity arose, engaged in translation, providing worthy service in sending courtly letters and other documents. For example, in "Tarikh-i Tabari" concerning the "dhu al-lisānayn" (bilinguals) and translators of the Sassanid kings' era, it is stated: "And…at the court of Khusraw Parviz, since the time of Nushirvan and before Parviz, at the court of the kings of 'Ajam (Persia), there was always a philosopher translator. And whichever king wrote a letter to the king of 'Ajam, he would read it and compose a response. And there was a man from Arabia who knew both Tazi and Parsi and was constantly in the service of Parviz, so that when an envoy came from the king of Arabia with his letter, he would listen to the envoy's speech and translate it into Parsi for the king of 'Ajam, and read the letter in Parsi and reply" [4, vol. 1, p. 626].

Or in the translation of "Tarikh-i Yamini," the following information is mentioned regarding the degree of proficiency of certain individuals in the Persian and Arabic languages: "And let it be known that although my Persian steed is unruly, my Arabic mount is swift; and although the richly adorned garment of my Persian [speech] is worn out, the splendid robe of my Arabic is new and beautiful" [14, p. 19; 19; 20].

In such historical works, alongside multilingualism, interesting notes and observations regarding the translation of letters, documents, and other official and unofficial texts have been preserved to our day. Such material from medieval historical chronicles will greatly aid in clarifying obscure and complex points in the sciences of comparative lexicology and comparative-historical morphology and syntax. Academician M. Shukurov long ago sounded an alarm with great regret about the absence of such works [15, p. 23]. For instance, in the following passage from "Tarikh-i Tabari," a text is first recorded in Arabic, followed by its Persian equivalent: "On the throne, a tablet was made of pure gold, and on it was written: 'In the name of God, the Most High, and I am Hud the Prophet, the messenger of the Lord of servants to the nobles of 'Ad, calling them to faith

and to abandon idols and statues; they perished in a great wind and became like dust.' The Persian of this is as follows: 'In Your name, O Great God, and I am the Prophet Hud to the people of 'Ad, calling them to faith and forbidding them from idol worship. But they did not obey, so they were destroyed by a barren wind'" [4, vol. 1, p. 92].

This type of narration can also be found in other historical works from the Middle Ages [see 14, p. 19].

4. Discussion

The analysis of the selected historical chronicles reveals a sophisticated and practical engagement with issues of language, multilingualism, and translation that is deeply embedded in the political and cultural life of the 10th–13th centuries. The discussion focuses on two primary themes: the idealization of polyglotism and the critical discourse on translation quality.

4.1. Polyglotism as an Ideal of Royal and Scholarly Excellence

Both Gardizi's "Zayn al-akhbar" and Tha'alibi's "Gharar al-siyar" present the Sassanid king Bahram Gur (Bahram V) as a paragon of multilingualism. While their accounts differ in detail, they both construct an image of a ruler whose linguistic mastery is integral to his ideal kingship. The ability to speak in different tongues—Pahlavi for traditional games, Turkish for battle, Dari for public assemblies, Arabic for different emotional states (joy or anger)—is depicted not merely as a personal accomplishment but as a tool of governance, allowing the king to connect with different strata of society and various cultural spheres within his realm [5, p. 77; 13, p. 281].

The fact that two chroniclers, writing in different centuries and in different linguistic milieus (Gardizi in Persian, Tha'alibi in Arabic), both emphasize this aspect of Bahram Gur's character suggests that polyglotism was a recognized and valorized trope in the cultural memory of Iranian kingship. It reflects a historical reality where the elite were expected to navigate a multilingual environment. This is further substantiated by Bal'ami's "Tarikh-i Tabari," which notes that Zayd ibn 'Adi, a scribe, had "learned both languages and was a scribe in both Parsi and Tazi" [4, vol. 1, p. 628]. This indicates that proficiency in both Persian and Arabic was a valued skill, particularly for those in administrative and scholarly positions.

The chronicles also provide insight into the institutionalization of translation. The account in "Tarikh-i Tabari" of a "philosopher translator" permanently stationed at the Sassanid court to handle diplomatic correspondence with the Arabs [4, vol. 1, p. 626] demonstrates an established practice of professional translation long before the Islamic period. This historical memory, recorded in the 10th century, highlights a continuity of linguistic brokerage as an essential function of statecraft. The translator was not merely a linguistic intermediary but a figure of considerable responsibility, entrusted with the accurate transmission

of messages that could have political consequences.

4.2. The Perils of Translation: A Case Study in Mistranslation

Perhaps the most striking evidence of the medieval awareness of translation's significance is the detailed narrative in "Tarikh-i Tabari" concerning the mistranslation by Zayd ibn ʿAdi that led to the downfall of the Arab king Nuʿman and the subsequent conflict [4, vol. 1, P. 630-632]. This passage serves as a profound reflection on the power and danger inherent in the act of translation.

The crux of the issue lies in Zayd's translation of a seemingly polite refusal from Nuʿman to the Sassanid king Khusraw Parviz. Nuʿman's original Arabic response contained a phrase praising the women of Iraq: "Fī mahā al-ʿIrāqi la mandūḥata al-maliki ʿan sawādi ahl al-ʿArab" (There are such mahā in Iraq that the king has no need for the black-eyed [women] of the Arabs). Bal'ami explains that the key word mahā is a complex term. It literally means "wild cow," but in poetic Arabic usage, it refers to a woman with large, beautiful, dark eyes, comparing her to a wild cow known for its beauty. Nuʿman's intended meaning was a courtly compliment: there were women of such beauty in Iraq that the king did not need Arab women.

However, Zayd, driven by his own enmity towards Nuʿman, deliberately mistranslated the passage into Persian. He rendered mahā literally as "cows" (modagovon) and sawādi (meaning "black-eyed" or "the nobility") as "elders" (mehtarān). Through this mistranslation, Nuʿman's elegant refusal was transformed into an insult: that the king had plenty of "cows" and "elders" and thus had no need for the Arabs. Bal'ami explicitly states that Zayd "made it ugly in translation" and that "he translated the meaning poorly" [4, vol. 1, p. 632]. The consequence was war: Khusraw, enraged by the perceived insolence, sent an army, leading to Nuʿman's execution.

This narrative is remarkable for its metalinguistic commentary. Bal'ami does not simply recount the story; he explains the linguistic nuance of the original Arabic term mahā and explicitly identifies the translator's error as one of cultural and semantic misinterpretation. The passage demonstrates a clear understanding that translation is not a mechanical substitution of words but an act of cultural mediation. The failure of the translator to grasp the figurative meaning of a poetic term led to a catastrophic breakdown in diplomatic communication. This account aligns perfectly with the concerns expressed by later Tajik intellectuals like Sadriddin Ayni, who criticized translators for their ignorance of the "culture of speech" (farhangi sukhan) and for using a word incorrectly, leading to a distortion of the author's intended meaning [1, P. 60-67]. Academician M. Shukurov's lament about "quick-handed translators" who do not take the time to consider secondary meanings [15, p. 46] finds a powerful medieval antecedent in the story of Zayd ibn ʿAdi.

Furthermore, the presence of parallel texts in "Tarikh-i Tabari," where an

Arabic passage is followed by its Persian translation [4, vol. 1, p. 92], serves a didactic purpose. It allows the reader to compare the two versions directly, implicitly teaching principles of translation. The fact that the Persian version is not a word-for-word rendering but a concise paraphrase suggests a preference for conveying the meaning (maʿnī) over the literal wording (lafẓ), a principle that became central to Persian literary translation. This practice of providing parallel translations in the chronicles themselves underscores the importance placed on linguistic clarity and the art of effective cross-lingual communication.

5. Conclusion

The analysis of historical chronicles from the 10th–13th centuries, including Bal'ami's "Tarikh-i Tabari," Gardizi's "Zayn al-akhbar," the translation of "Tarikh-i Yamini," and Tha'alibi's "Gharar al-siyar," reveals them to be rich, yet largely untapped, sources for understanding the linguistic dictionary of the medieval Persian-Tajik world. The main findings of this study are as follows:

1. Veneration of Multilingualism: These chronicles document a cultural ideal where multilingualism, particularly fluency in Persian and Arabic, was highly valued, especially among rulers, scholars, and scribes. The figure of Bahram Gur is presented as an archetypal polyglot king, while the existence of court translators and bilingual scribes points to an institutionalized recognition of the practical necessity of language skills for administration and diplomacy.

2. Metalinguistic Awareness: The texts exhibit a sophisticated awareness of the nature of language and the challenges of translation. The detailed case study of Zayd ibn ʿAdi's mistranslation in "Tarikh-i Tabari" demonstrates a clear understanding that translation is a complex act of cultural and semantic interpretation, not mere lexical substitution. The disastrous consequences of this mistranslation serve as a powerful cautionary tale about the translator's immense responsibility.

3. Early Discourse on Translation Quality: The concerns raised in these medieval texts about the importance of a translator's knowledge of both languages' nuances, the need to convey inner meaning, and the danger of literal rendering directly parallel the critical discourse on translation found in the works of modern Tajik scholars like Sadriddin Ayni and M. Shukurov. This suggests a long-standing, continuous tradition of reflection on translation in Tajik intellectual history.

4. Linguistic Sources of Historical Value: These chronicles provide unique linguistic data, including parallel Arabic-Persian texts and discussions of specific terms (e.g., mahā). Such material is invaluable for the fields of comparative lexicology and the historical study of Persian grammar and style, offering concrete examples of how translation was practiced and conceptualized in the medieval period.

Thus, the historical chronicles of the 10th–13th centuries constitute a crucial corpus for the history of linguistic thought. Alongside the more commonly studied works of philosophy and poetry, they preserve a practical, institutional, and critically reflective discourse on language, multilingualism, and translation that is essential for a complete understanding of the intellectual heritage of the Tajik people.

Библиографический список:

1. Айнӣ К. Қайдҳои Садриддин Айнӣ оид ба забон ва услуби тарҷимаҳои адабиёти бадеӣ [Матн] // Шарқи Сурх / К. Айнӣ. 1956. № 6. С. 60-71.
2. Айнӣ К. Аз мактубҳои С. Айнӣ ба адибони тоҷик [Матн] // Шарқи Сурх / К. Айнӣ. 1957. № 4. С. 12-19.
3. Айнӣ К. Қайдҳои Садриддин Айнӣ оид ба забон ва услуби тарҷимаҳои адабиёти бадеӣ [Матн] // Шарқи Сурх / К. Айнӣ. 1958. № 4. С. 34-48.
4. Балъамӣ Абуалӣ Муҳаммад ибни Муҳаммад. Таърихи Табарӣ. Ҷилди 1 [Матн] / А. Балъамӣ. Бо муқаддима ва тавзеҳоти М. Умаров ва Ф. Бобоев. – Теҳрон, 1380 / 2001. 817 с.
5. Гардезӣ Абусаид Абдулҳай. Зайн-ул-ахбор [Матн] / А. Гардезӣ. Ба хатти кирилӣ баргардони Қ. Рустам. – Душанбе: Бухоро, 2014. 415 с.
6. Давронов С. Тарҷумаи асарҳои Т. Г. Шевченко ба забони тоҷикӣ [Матн] // Шарқи Сурх / С. Давронов. 1961. № 3. С. 98-106.
7. Демидчик В. Тарҷимаи осори Ҳофиз дар Полша [Матн] // Шарқи Сурх / В. Демидчик. 1959. № 9. С. 131-138.
8. Диловаров М. Баҳроми Гӯр [Матн] // Энсиклопедияи Миллии Тоҷик / М. Диловаров, Ш. Муҳаммадиев. –Душанбе: Сарредаксияи илмии Энсиклопедияи Миллии Тоҷик. Ҷилди 2. Асос – Боз. С. 445-446.
9. Зоҳидов Н. Паёме аз таърихи ачам ба забони араб [Матн] // Абумансур Абдулмалик ибни Муҳаммади Саолибии Нишопурӣ. Таърихи Ғурар-ус-сияр маъруф ба "Шоҳнома"-и Саолибӣ. –Душанбе: Бухоро. 2014. С. 4-36.
10. Муллоқандов Эм. Назаре ба забони тарҷума дар матбуот ва нашриёти тоҷик [Матн] // Шарқи Сурх / Эм. Муллоқандов. 1961. № 3. С. 116-137.
11. Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон ва сиёсати давлатӣ дар бораи забон [Матн] / Мураттибон: Б. Ғуломова, Р. Мирзоева, Ш. Мансуров, М. Холиқов, М .Ниёзова, Х. Асламов –Душанбе: Шарқи озод, 2011. 207 с.
12. Салоҳ С. Ин навъ тарҷума кардан лозим нест! [Матн] // Шарқи Сурх / С. Салоҳ. 1956. № 11. С. 116-119.
13. Саолибии Нишопурӣ, Абумансур Абдулмалик ибни Муҳаммади Таърихи «Ғурар-ус-сияр» маъруф ба «Шоҳнома»-и Саолибӣ. Таҳиягар ва муаллифи сарсухан Низомиддин Зоҳидов. –Душанбе: Бухоро, 2014. 441 с.
14. Ҷурфодиқонӣ А. "Тарҷумаи "Таърихи Яминӣ" [Матн] / А. Ҷурфодиқонӣ. Муқаддима, таҳия, таҳшия, таълиқот, луғот ва феҳристи Н. И. Ғиёсов. –Хучанд: Ношир, 2013. 416 с.
15. Шакурӣ М. Ҳар сухан ҷоеву ҳар нукта мақоме дорад. Чанде аз масъалаҳои фарҳанги сухан. Нашри севум. – Душанбе: Ирфон, 2005. 400 с.
16. Шукуров М. Чопи илмии «Ёддоштҳо»-и устод Айнӣ ба забони русӣ [Матн] // Шарқи Сурх, 1961. № 2. С. 154-157.
17. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Interjections and Their English and Chinese Equivalents: A Comparative Pragmatic and Semantic Analysis / B.P. Ashrapov // Stephanos. 2026. № 1 (75). P. 20-27. – DOI: 10.24249/2309-9917-2026-75-1-20-27.
18. Ashrapov B.P. Comparative analysis of semantico-functional and morphological- syntactical peculiarities of the Tajik modal particle гӯё and its English equivalents / B.P. Ashrapov // Herald of Daghestan Scientific Center. 2025. № 97. P. 116-123. – DOI: 10.31029/vestdnc97/17.
19. Ashrapov B.P. Comparative analysis of the morphological peculiarities of the suffix - mand and its English equivalents (on the material of Ghulomon by S. Aini) / B.P. Ashrapov // Herald of Daghestan Scientific Center. 2024. № 94. P. 141-145. – DOI: 10.31029/vestdnc94/20.
20. Ashrapov B. P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities of Noun Forming Suffixes Denoting Person and Non-Person in Tajik Literary Language Referring to 18th and 20th Centuries / B.P. Ashrapov // Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences. 2024. № 3 (100). P. 112-119. – DOI: 10.24412/3005-849X-2024-3-112-119.
21. Рыбаков С.В. Между вольницей и служением: из ранней истории казачества // Альманах Казачество. 2020. № 47 (5). С. 9-19.

Reference

1. Aini K. kaidhoi Sadriddin Aini oid ba zabon va services tarkhimahoi adabyoti badei [Matn] // Sharqi Surkh / K. Aini. 1956. № 6. P. 60-71.
2. Aini K. Az maktubhoi S. Aini ba adiboni tohik [Matn] // Sharqi Surkh / K. Aini. 1957. № 4. P. 12-19.
3. Aini K. kaidhoi Sadriddin Aini oid ba zabon va services tarkhimahoi adabyoti badei [Matn] // Sharqi Surkh / K. Aini. 1958. № 4. P. 34-48.
4. Balami Abuali Muhammad ibni Muhammad. Tarihi Tabari. hildi 1 [Matn] / A. Balami. Bo muqaddima va tavzekhoti M. Umarov va F. Boboev. – Tehron, 1380 / 2001. 817 p.
5. Gardezi Abusaid Abdulhay. Zain-ul-akhbor [Matn] / A. Gardezi. Ba hatti kirili bargardoni K. Rustam. – Dushanbe: Bukhoro, 2014. 415 p.
6. Davronov S. Tarkumai asargoi T.G. Shevchenko ba zaboni togiki [Matn] // Sharqi Surkh / S. Davronov. 1961. № 3. P. 98-106.
7. Demidchik V. Tarkhimai osori Ҳofiz dar Polsha [Matn] // Sharqi Surkh / V. Demidchik. 1959. № 9. P. 131-138.
8. Dilovarov M. Bakhromi Gur [Matn] // Encyclopedia of Millia Tohik / M. Dilovarov, Sh. Mukhammadiev. –Dushanbe: Sarredaksia and Ilmiya Encyclopedia and Milliy Togik. Gildi 2. Asos – Boz. P. 445-446.
9. Zohidov N. Payome az tarihi agam ba zaboni Arab [Matn] // Abumansur Abdulmalik ibni Muhammadi Saolibii Nishopuri. Tarihi Gurar-us-siyar maruf ba "Shonoma"-i Saolibi. –Dushanbe: Bukhoro. 2014. P. 4-36.
10. Mullokandov Em. Nazaré ba zaboni tarhuma dar matbuot va nashriyoti tohik [Matn] // Sharqi Surkh / Em. Mullokandov. 1961. № 3. P. 116-137.
11. President of Kumchuria Toqikiston Emomali Rahmon va siyosati davlati dar borai zabon [Matn] / Murattibon: B. Gulomova, R. Mirzoeva, Sh. Mansurov, M. Kholikov, M. Niyozova, H. Aslamov – Dushanbe: Sharqi ozod, 2011. 207 p.
12. Saloh S. In nav tarhuma cardan lozim nest! [Matn] // Sharqi Surkh / S. Saloh. 1956. № 11. P. 116-119.
13. Saolibii Nishopuri, Abumansur Abdulmalik ibni Muhammadi Tarihi "Gurar-us-siyar" maruf ba "Shonoma"-i Saolibi. Takhiyagar va muallifi sarsuhan Nizomiddin Zohidov. –Dushanbe: Bukhoro, 2014. 441 p.
14. Kurfodikoni A. "Tarhumai "Ta'rikhi Yamini" [Matn] / A. Kurfodikoni. Muqaddima, takhiya, takhshiya, talikot, lugot va fegoristi N. I. Giyosov. – Khukand: Noshir, 2013. 416 p.
15. Shakuri M. har sukhan choevu har nukta makome dorad. Chande az masalahoi farhangi sukhan. Nashri sevum. – Dushanbe: Irfon, 2005. 400 p.
16. Shukurov M. Chopi ilmii "Yoddoshto"-i ustod Aini ba zaboni rusi [Matn] // Sharqi Surkh, 1961. № 2. P. 154-157.
17. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Interjections and Their English and Chinese Equivalents: A Comparative Pragmatic and Semantic Analysis / B.P. Ashrapov // Stephanos. 2026. № 1 (75). P. 20-27. – DOI: 10.24249/2309-9917-2026-75-1-20-27.
18. Ashrapov B.P. Comparative analysis of semantico-functional and morphological- syntactical peculiarities of the Tajik modal particle rӯё and its English equivalents / B.P. Ashrapov // Herald of Daghestan Scientific Center. 2025. № 97. P. 116-123. – DOI: 10.31029/vestdnc97/17.
19. Ashrapov B.P. Comparative analysis of the morphological peculiarities of the suffix - mand and its English equivalents (on the material of Ghulomon by S. Aini) / B.P. Ashrapov // Herald of Daghestan Scientific Center. 2024. № 94. P. 141-145. – DOI: 10.31029/vestdnc94/20.
20. Ashrapov B. P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities of Noun Forming Suffixes Denoting Person and Non-Person in Tajik Literary Language Referring to 18th and 20th Centuries / B.P. Ashrapov // Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences. 2024. № 3 (100). P. 112-119. – DOI: 10.24412/3005-849X-2024-3-112-119.
21. Rybakov S.V. Between freedom and service: from the early history of the Cossacks // Almanac Cossacks. 2020. № 47 (5). P. 9-19.

Диабате Дауда
Студент, Государственного Института Русского языка имени А.С. Пушкина.

Научный руководитель:
Аду С.С.
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка как иностранного. Государственного Института Русского языка имени А.С. Пушкина.

Анализ учебных пособий по изучению видов русского глагола для иностранных студентов на уровне B2*

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ современных учебных пособий по изучению видов русского глагола для иностранных студентов на уровне B2. Исследование направлено на выявление лингводидактического потенциала учебных материалов, определение оптимальных принципов семантической группировки глаголов и разработку стратегий преодоления трудностей, связанных с употреблением видов русского глагола иностранцами. Особое внимание уделяется наличию или отсутствию языковых, речевых и коммуникативных упражнений в проанализируемых пособий. Проанализировано 10 современных учебных пособий с использованием методов сравнительного и контент-анализа. Выявлена типология упражнений, представленных в современных пособиях по аспектологии: языковые, речевые и коммуникативные. Сформулированы рекомендации по совершенствованию учебных материалов, включающие оптимизацию принципов группировки глаголов, устранение источников негативной интерференции и интеграцию контрастивных методик обучения.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, виды глагола, аспектология, учебные пособия, уровень B2, семантическая группировка глаголов, иностранные студенты, контрастивная лингводидактика, языковые, речевые, коммуникативные, вид глагола.

Diabaté Dauda
Student. A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language.

Academic Supervisor:
Adu S.S.
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Methods of Teaching Russian as a Foreign Language, A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language.

* © Диабате Дауда, Аду С.С., 2026.

Analysis of textbooks for studying types of Russian verbs for foreign students at level B2

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of modern textbooks on the study of types of Russian verbs for international students at the B2 level. The purpose of the study is to identify the linguistic and didactic potential of educational materials, determine the optimal principles of semantic grouping of verbs and develop strategies to overcome difficulties of using Russian verb types by foreign students. Attention is paid to the presence or absence of language, speech and communicative excercises in the analysed textbooks. The article analyzes 10 modern textbooks using comparative and content analysis methods. The typology of exercises presented in modern manuals on aspectology is revealed: language, speech and communicative. Recommendations are formulated for improving educational materials, including optimizing the principles of verb grouping, eliminating sources of negative interference, and introducing contrastive teaching methods.

Key words: Russian as a foreign language, verb types, aspectology, textbooks, level B2, semantic grouping of verbs, foreign students, contrastive linguistics, language, speech, communicative, aspects of the verb.

Введение

Проблема обучения видовременной системе русского глагола на продвинутом этапе изучения русского языка как иностранного (уровень B2) представляет собой одну из наиболее актуальных задач современной лингводидактики. Как отмечает О.Н. Халеева, овладение аспектологическими особенностями русского языка требует комплексного подхода, учитывающего когнитивные механизмы формирования грамматической компетенции у иностранных учащихся [Халеева, 2021, с. 102]. В условиях интенсификации процесса обучения РКИ особое значение приобретает качество учебных материалов, их методическая обоснованность и соответствие современным образовательным стандартам и требованиям.

Цель данного исследования - выявление лингводидактического потенциала и определения степени соответствия требованиям Государственного образовательного стандарта по русскому языку как иностранному анализируемых пособий.

Для достижения поставленной цели, оформили следующие задачи:

- проанализировать учебные пособия по обучению видам русского глагола для иностранных студентов на уровне B2;

- выявить представленные упражнения в анализируемых пособиях для формирования коммуникативных навыков у иностранных студентов на продвинутом этапе обучения;

- определить представленных тем в анализируемых пособиях по видам

русского глагола для иностранных студентов на уровне В2;

- выявить достоинства и недостатки анализируемых пособий;

- определить соответствие лексик, представленных в анализируемых пособиях требованиям Государственному стандарту.

Научная новизна связана с предложением критерий создания практикума (пособия) по видам русского глагола для иностранных студентов, изучающих русский язык на продвинутом этапе обучения.

Методы и материалы (Materials and Methods): Методологическая база исследования

Методологическую базу исследования составляют работы ведущих специалистов в области методики преподавания РКИ. Согласно исследованиям М.С. Калининой (2020), современная система обучения грамматическим аспектам РКИ должна основываться на функционально-коммуникативном подходе, предполагающем интеграцию формальных и содержательных характеристик языковых единиц [Калинина, Остринская, Эстерман, 2020, с. 82]. Л.Л. Вохмина (2021) в своих работах по аспектологии подчеркивает необходимость системного представления видовых значений русского глагола с учетом контекстуальных факторов их реализации [Вохмина, Ильина, Науменко, 2021, с. 156].

Для проведения нашего анализа было отобрано 10 современных учебных пособий, содержащих разделы по изучению видов русского глагола на уровне В2. Применили, как методы исследования, комплексный анализ, сравнение и обобщение.

Пособие С.Г. Персияновой, Т.В. Страмновой и Е.И. Суминой «Практическая грамматика русского языка» представляет комплексный подход к изучению грамматических явлений русского языка на продвинутом этапе.

Раздел, посвященный видам глагола, характеризуется системностью изложения материала и градуированной сложностью упражнений. Структурно данный раздел включает таблицы, методические комментарии (перед каждым случаем употребления видов) и упражнения. [Персиянова, Страмнова, Сумина, 2021]. Такое распределение материала свидетельствует о приоритете практической направленности пособия.

Пособие А.И. Токиной «Русский глагол и его формы» представляет академический подход к изучению глагольной системы русского языка. Организация материала по видам глагола осуществляется в 3 разделе «Категория вида в русском языке» объемом 54 страницы. Структурно раздел включает параграф сведения о видах русского глагола, методические комментарии и упражнения. [Токина, 2021].

Пособие А.А. Караванова «Виды русского глагола: значение и употребление» предлагает оригинальную методику обучения, основанную на систе-

матизации практического опыта преподавания данной темы иностранным учащимся. Автор разработал систему из 60 основных правил употребления видов, представленных в логической последовательности. Практические упражнения в пособии построены по принципу множественной тренировки с обоснованием выбора видовых форм [Караванов, 2013].

Пособие Л.Л. Вохминой по аспектному изучению русского языка предлагают 3-этапную модель освоения видов: этап ознакомления, этап тренировки и этап применения. Этап ознакомления предполагает презентацию оппозиции с семантизацией через контекст, этап тренировки включает упражнения на выбор с контекстуальными подсказками, этап применения предполагает свободное использование видовых форм в речи [Вохмина, Ильина, Науменко, 2021].

Пособие Г.Л. Скворцовой «Употребление видов глагола в русском языке» содержит теоретический и практический материал, позволяющий научить иностранных учащихся правильно употреблять виды глаголов. Материал пособия представлен в микротемах, что дает возможность его выборочного использования в зависимости от программы и уровня знаний. Презентация изучаемого материала осуществляется в плане противопоставления НСВ–СВ и сопровождается подробными комментариями [Скворцова, 2019].

Пособие А.Ф. Егоровой «Трудные случаи русской грамматики» адресовано учащимся-иностранцам, готовящимся сдавать тесты 2 сертификационного уровня (B2). Пособие включает упражнения для усвоения грамматических тем, обычно вызывающих трудности при изучении их иностранцами. Раздел по видам глагола представлен в контексте временных отношений и включает систему дифференцированных упражнений с возрастающей степенью сложности [Егорова, 2018].

Пособие О.И. Глазуновой «Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях. Морфология» представляет собой сборник упражнений, включающий наиболее важные разделы практической грамматики, а также теоретический материал, необходимый для их выполнения. Раздел по видам глагола характеризуется подробными комментариями и обилием практических заданий, рассчитанных на самостоятельную работу учащихся уровней B2-C1 [Глазунова, 2014].

Пособие Л.П. Юдиной «Виды глагола и их употребление: Комментарии. Упражнения» представляет собой сборник упражнений для освоения и отработки одной из самых сложных тем в курсе РКИ. Пособие включает 4 раздела, отражающие особенности употребления видов глагола в прошедшем времени, в будущем времени, инфинитиве и императиве. Пособие построено с учетом принципов последовательности, концентричности, стадиальности формирования навыков и умений [Юдина, 2020].

Пособие «Грамматерапия. Практикум по употреблению видовременных форм русского глагола» рассматривает грамматические вопросы, связанные с употреблением видовременных форм глагола несовершенного и совершенного видов и вызывающие трудности у иностранных учащихся. Предлагаемый для изучения грамматический и лексический материал ориентирован на развитие навыков использования видовых форм в различных коммуникативных контекстах [Стремова, 2023].

Пособие коллектива авторов «Русский язык в упражнениях» представляет комплексный подход к изучению грамматики русского языка. Раздел по видам глагола содержит систематизированный материал от элементарного уровня до 1 сертификационного уровня. Пособие отличается способом подачи и объяснения грамматики РКИ с использованием иллюстраций и схем, что облегчает понимание сложных аспектологических категорий [Хавронина, 2022].

Типология упражнений, представленных в анализируемых пособиях:

При анализе пособий, мы заинтересовались наличием и отсутствием языковых, речевых и коммуникативных упражнений так, как по мнениям ведущих методистов: А.Н. Щукина, В.Г. Костомарова, Е.И. Пассова и Э.Г. Азимова, эти упражнения играют ключевую роль в формировании коммуникативных навыков у нерусских студентов.

Таблица 1. Результаты анализа по наличию и отсутствию языковых, речевых и коммуникативных упражнений в анализируемых пособиях.

Пособия / **Типы упражения**	**Языковые**	**речевые**	**Коммуникативные**
Персиянова	+	+	+
Токина	+	+	+
Караванов	+	+	+
Вохмина	+	+	-
Скворцова	+	-	+
Егорова	+	+	+
Глазунова	+	-	-
Юдина	+	+	+
Грамматерапия	+	+	-
Русский языу в упраженниях	+	-	-

Анализ данных таблицы 1 показывает, что языковые, речевые и коммуникативные упражнения представлены в пособиях Персияновой, Токиной, Егоровой, Юдиной и Караванова; Языковые и речевые представлены

в двух пособиях Вохминой и Грамматерапия, в них отсутствует коммуникативные упражнения; В пособии Свеорцовой представлены языковые и коммуникативные упражнения, отсутствует речевые и в последнем пособии русский язык в упражнениях отсутствует речевые и коммуникативные упражнения, представлены языковые.

Таблица 2. Процентов представленных упражнений в анализируемых пособиях.

Пособия / **Типы упражнения**	**Языковые**	**речевые**	**Коммуникативные**
Персиянова	60%	25%	15%
Токина	78%	15%	07%
Караванов	60%	35%	05%
Вохмина	85%	15%	-
Сврцова	95%	-	05%
Егорова	72%	16%	12%
Глазунова	100%	-	-
Юдина	60%	23%	17%
Грамматерапия	86%	14%	-
Русский языу в упраженниях	100%	-	-

Таблица 2 показывает, что в всех анализируемых пособиях представлено больше 60% упражнений, меньше 35% - речевых упражнений и только меньше 17% - коммуникативные.

Таким образом, по данным талбицы2, недостаточно представлены коммуникативные упражнения, хотя они необходимы для формирования коммуникативных навыков у иностранных студентов. Языковая направленность всех пособий связана с тем, что студенты должны владеть грамматическими правилами для дальнейшего участия в разговоре между собой, с аудиторией и далее с носителями русского языка.

Соответствие лексического наполнения государственному стандарту В2

Анализ соответствия лексического наполнения требованиям уровню В2 представлен в таблице 2.

Данные таблицы 3 демонстрируют, что пособия Персияновой 73% соответствует требованиям уровня В2; пособие Токиной представляет54% соответствий требованиями уровня В2; в пособии каванова представлено 54% лексик уровня В2; Пособие Вохминой показывает 60% лексик уров-

ня В2; Пособие Скворцовой включает 80% лексик уровня В2; В Пособии Егоровой представлено 79% лексических единиц В2; Пособия Юдиной и Русский язык в упражнениях представляют 70% лексик уровня В2 и Грамматерапия – и посоьие Глазуновой показали соответственно 58% и 57% лексических минимумов уровня В2.

Таблица 3. Анализ соответствия лексического наполнения требованиям уровня В2.

Пособие	Соответствие лексике В1	Наличие продвинутой лексики В2	Наличие лексики С1	Недостаток сложности
Персиянова	25%	73%	03%	Нет
Токина	45%	54%	01%	Нет
Караванов	46%	50%	04%	Есть
Вохмина	25%	60%	15%	Нет
Скворцова	15%	80%	05%	Нет
Егорова	10%	79%	11%	Нет
Глазунова	15%	57%	30%	Нет
Юдина	24%	70%	06%	Нет
Грамматерапия	40%	58%	02%	Нет
Рус.яз.упр.	23%	70%	07%	Нет

Проблема превышения уровня представлена во всех пособиях, особенно наиболее выражена в пособии Токиной, где встречаются термины типа «концептуализировать», «дифференцировать», относящиеся к уровню С1. Пособие Глазуновой также содержит избыточную терминологию, что может затруднять усвоение материала. Лексический минимум уровня В1 представлен во всех анализируемых пособиях, что объясняется последовательность и продолжительность введения материала.

Недостаток сложности характерен для пособия Караванова, содержащего значительное количество лексики базового ниже уровня В2. В пособии преобладают примеры повседневного общения типа «покупать продукты», «смотреть фильм», что ограничивает возможности формирования академических и профессиональных навыков, необходимых для уровня В2.

Содержательные характеристики учебных пособий

Тематическое наполнение разделов по видам глагола в проанализированных пособиях представлено в таблице 3.

Таблица 4. Тематическое наполнение разделов по видам глагола.

Тематический блок	Персиянова	Токина	Караванов	Вохмина	Скворцова	Егорова	Глазунова	Юдина	Грамматерапия	Рус. яз.упр.	Соответствие B2
Семья и быт	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	Полное
Образование и карьера	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	Полное
Культура и искусство	+	+	–	+	+	+	+	+	+	+	Полное
Наука и технологии	+	–	–	+	+	+	+	+	+	+	Хорошее
Социальные проблемы	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	Полное
Экология и природа	–	+	+	+	+	+	+	+	+	+	Хорошее
Спорт и здоровье	+	–	+	+	+	+	+	+	+	+	Хорошее
Экономика и бизнес	+	+	–	+	+	+	+	+	+	+	Хорошее
Медицина	+	+	–	+	+	+	+	+	+	+	Хорошее
Информационные технологии	+	–	–	+	+	+	+	+	+	+	Удовлетворительное

Анализ данных таблицы 4 показывает, что универсальные темы (семья и быт, образование и карьера, социальные проблемы) представлены во всех пособиях, что обеспечивает базовое тематическое покрытие требований уровня В2. Пособие Персияновой демонстрирует наиболее полный тематический охват, включая разнообразную лексику через тексты типа «Выходной день в семье» с соответствующими видовыми парами готовить/приготовить, убирать/убрать, стирать/постирать.

Пособие Токиной показывает академическую ориентацию через примеры научно-исследовательской деятельности типа «Исследователь анализировал данные в течение месяца и проанализировал результаты эксперимента», что полезно для учащихся, планирующих поступать в российские вузы, но ограничивает применимость для более широкого круга изучающих язык.

Профессиональная ориентация недостаточно развита в пособиях Караванова, Токиной (в части современных профессий) и частично в «Грамматерапии», что ограничивает их применимость для студентов постуающих в специальную программу обучения. Современная тематика информационных технологий недостаточно представлена в 50% проанализированных пособий, что не отражает современные коммуникативные потребности.

Рекомендации по совершенствованию учебных пособий

На основании проведенного анализа формулируются рекомендации по совершенствованию учебных пособий по аспектологии для иностранных студентов на уровне В2.

Необходимо учитывать специфики уровня В2, на котором студенты уже имеют базовые знания о видах глагола, но сталкиваются с нюансами употребления и контекстуальной зависимости.

Пособие должно углублять понимание семантики видов, их функции в разных коммуникативных ситуациях и временных формах, а также развивать навыки спонтанного использования в речи, поэтому следует применить принцип представления упражнений в пособии: языковые упражнения, речевые и коммуникативные.

-Представить больше коммуникативных упражнений в пособии, отражающих реальные коммуникативные ситуации о социальных и бытовых темах. Например: расскажите о видах транспорта своей страны используя данные глаголы или составьте диалог о теме «у врача», разговор в аэропорту и т.д.

Лексики представленные в пособии должны соответствовать требованиям государственного стандарта и пособия лингводидактического описание ТРКИ2.

Разделить пособия на тематические блоки, на основе которых усваива-

ются коммуникативные компетенции опираясь на устную и письменную формы задания.

Объяснить виды глагола на базе их временных форм учитывая контекстуальные значения их употреблений.

Заключение

На основании проведенного анализа формулируются рекомендации по совершенствованию учебных пособий по аспектологии для иностранных студентов на уровне В2.

Необходимо учитывать специфики уровня В2, на котором студенты уже имеют базовые знания о видах глагола, но сталкиваются с нюансами употребления и контекстуальной зависимости.

Пособие должно углублять понимание семантики видов, их функции в разных коммуникативных ситуациях и временных формах, а также развивать навыки спонтанного использования в речи, поэтому следует применить принцип представления упражнений в пособии: языковые упражнения, речевые и коммуникативные.

Представить больше коммуникативных упражнений в пособии, отражающих реальные коммуникативные ситуации; использовать социальные и бытовые темы: например: расскажите о видах транспорта своей страны используя данные глаголы или составьте диалог о теме «у врача»и т.д; представить современные социальные и бытовые темы.

Лексики представленные в пособии должны соответствовать требованиям государственного стандарта.

Разделить пособия на тематические блоки, на основе которых усваиваются коммуникативные компетенции опираясь на устную и письменную формы задания.

Объяснить виды глагола на базе их временных форм учитывая контекстуальные значения их употреблений.

Библиографический список:

1. Вохмина Л.Л., Ильина О.А., Науменко Ю.М. Аспектное изучение русского языка в иностранной аудитории. – М.: Ай-Пи-Ар Медиа, 2021. 240 с.
2. Глазунова О.И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях. Морфология. 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Златоуст, 2014. 424 с.
3. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина и др. М. – СПб.: Златоуст, 2019. 40 с.
4. Грамматерапия. Практикум по употреблению видовременных форм русского глагола / Е.С. Стремова, А.В. Тананина, В.А. Леонтьева и др. – М.: Русский язык. Курсы, 2023. 188 с.
5. Егорова А.Ф. Трудные случаи русской грамматики: сборник упражнений по русскому языку как иностранному. 6-е изд. – СПб.: Златоуст, 2018. 100 с.
6. Караванов А.А. Виды русского глагола: значение и употребление. Учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык. 5-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2013. 240 с.
7. Персиянова С.Г., Страмнова Т.В., Сумина Е.И. Практическая грамматика русского языка. Пособие по русскому языку как иностранному. Уровень В1-В2. – М.: Русский язык. Курсы, 2021. 312 с.

8. Русский язык в упражнениях: учебное пособие (для говорящих на английском языке) / С.А. Хавронина, А.И. Широченская. – М.: Русский язык. Курсы, 2022. 384 с.
9. Скворцова Г.Л. Употребление видов глагола в русском языке: учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык. 11-е изд., стереотип. – М.: Русский язык. Курсы, 2019. 136 с.
10. Токина А.И. Русский глагол и его формы. Учебные материалы по грамматике: учеб. пособие. 2-е изд., доп. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. 229 с.
11. Халеева О.Н. Актуальные направления методики преподавания русского языка как иностранного: результаты контент-анализа // Педагогическое образование в России. 2021. № 3. С. 98-106.
12. Юдина Л.П. Виды глагола и их употребление: Комментарии. Упражнения: учебное пособие. – М.: Русский язык. Курсы, 2020. 144 с.
13. Байханов И.Б. Трансформация профессиональных компетенций специалистов государственного управления в условиях цифровых трендов // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 320-327.

Reference

1. Vokhmina L.L., Ilyina O.A., Naumenko Yu.M. Aspect-based learning of the Russian language in a foreign audience. – M.: IP-Ar Media, 2021. 240 p.
2. Glazunova O.I. Russian grammar in exercises and comments. Morphology. 3rd ed., rev. and additional – St. Petersburg: Zlatoust, 2014. 424 p.
3. State educational standard for Russian as a foreign language. Second level. Common ownership / N.P. Andryushina and others. M. – St. Petersburg: Zlatoust, 2019. 40 p.
4. Grammar therapy. Workshop on the use of tense forms of the Russian verb / E.S. Stremova, A.V. Tananina, V.A. Leontyeva et al. – Moscow: Russian Language. Courses, 2023. 188 p.
5. Egorova A.F. Complex Cases of Russian Grammar: A Collection of Exercises in Russian as a Foreign Language. 6th ed. – St. Petersburg: Zlatoust, 2018. 100 p.
6. Karavanov A.A. Types of Russian Verbs: Meaning and Usage. A Textbook for Foreigners Studying Russian. 5th ed. Rostov n / D: Phoenix, 2013. 240 p.
7. Persianova S.G., Stramnova T.V., Sumina E.I. Practical Grammar of the Russian Language. A Handbook of Russian as a Foreign Language. Levels B1-B2. – Moscow: Russian Language. Courses, 2021. 312 p.
8. Russian Language in Exercises: A Textbook (for English Speakers) / S.A. Khavronina, A.I. Shirochenskaya. – Moscow: Russian Language. Courses, 2022. 384 p.
9. Skvortsova G.L. Use of Verb Types in Russian: A Textbook for Foreigners Studying Russian. 11th ed., Stereotype. – Moscow: Russian Language. Courses, 2019. 136 p.
10. Tokina A.I. Russian Verb and Its Forms. Teaching Materials on Grammar: A Textbook. 2nd ed., Supplemented – St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2021. 229 p.
11. Khaleeva O.N. Current Trends in Methodology for Teaching Russian as a Foreign Language: Results of Content Analysis // Pedagogical Education in Russia. 2021. № 3. P. 98-106.
12. Yudina, L.P. Verb Types and Their Use: Comments. Exercises: A Tutorial. – Moscow: Russian Language. Courses, 2020. 144 p.
13. Baykhanov I.B. Transformation of professional competencies of public administration specialists in the context of digital trends // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 320-327.

Егорова М.Р.
Старший преподаватель кафедры английского языка Дипломатической академии МИД России.

Тутынин К.Ф.
Министерство иностранных дел Российской Федерации.

Место институционального дискурса в системе общенационального языка*

Аннотация. Институциональный дискурс выступает важным элементом системы общенационального языка, обеспечивая нормативизацию, унификацию терминологии и закрепление официального стиля. На основе анализа 700 тыс. слов текстов государственных учреждений России (указы Президента, административные регламенты, отчёты министерств) выявлены ключевые особенности дискурса: лексическая стандартизация, грамматическая строгость и структурная регламентированность [5]. Показано, что государственные документы не только формируют языковые нормы, но и отражают культурные ценности, закрепляя роль русского языка как «языка государства». Особое внимание уделено сравнению с дореволюционными указами, советскими декретами и западными аналогами (США, ЕС), демонстрируя преемственность норм и культурные различия. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании делового общения, разработке государственных стандартов и анализе эволюции русского языка в условиях цифровизации.

Ключевые слова: институциональный дискурс, общенациональный язык, официальный стиль, нормативизация языка, корпусная лингвистика, цифровизация госуслуг, русская культура.

Egorova M.R.
Senior Lecturer, Department of English, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Tutynin K.F.
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

The place of institutional discourse in the system of the national language

* © Егорова М.Р., Тутынин К.Ф., 2026.

Abstract. The article explores institutional discourse as a mechanism for the standardization and preservation of linguistic norms within the context of Russian national identity. Based on an analysis of 700 thousand words of official texts, key features of the discourse are identified: lexical standardization, grammatical rigor, and structural regulation [5]. The study demonstrates that governmental documents not only normalize language but also reflect cultural values, reinforcing their role as the "language of the state." Particular emphasis is placed on comparisons with pre-revolutionary decrees, Soviet-era regulations, and Western counterparts, highlighting continuity in norms and cultural differences. The findings are applicable to the development of document design standards, business communication teaching, and the analysis of Russian language evolution in the context of digitalization.

Key words: institutional discourse, national language, official style, language standardization, corpus linguistics, digitalization of public services, Russian culture.

Введение

Современный этап развития русского языка характеризуется активным влиянием институционального дискурса на формирование и трансформацию литературного языка. Институциональный дискурс, как показывает анализ текстов государственных учреждений России [5], выполняет не только коммуникативную, но и социальную функцию: он закрепляет нормы, формирует терминологию и легитимирует власть через язык [1]. Его уникальность заключается в сочетании строгой формализации и адаптивности к новым вызовам, таким как цифровизация государственных услуг [15].

Цель исследования – выявить механизмы взаимодействия институционального дискурса и общенационального языка, а также оценить степень его влияния на языковую норму. Для достижения этой цели решены следующие задачи: анализ лексико-грамматических особенностей дискурса, сравнение с аналогами в зарубежных практиках (США, ЕС) и оценка роли дискурса в формировании национальной идентичности через язык. Объект исследования – тексты государственных органов РФ. Предмет исследования – структурные и функциональные особенности институционального дискурса как компонента общенационального языка.

Теоретическая часть: институциональный дискурс как проявление русской культурной идентичности

Институциональный дискурс и нормативизация языка

Институциональный дискурс занимает ключевое место в процессе нормативизации языка [7]. В текстах государственных учреждений фиксируются официальные значения слов, рекомендованные варианты произношения и написания, а также новые термины (например, «цифровизация», «электронное взаимодействие»). На основе корпуса текстов портала «Госуслуги» (2020–2023 гг.) выявлены следующие тенденции: увеличение доли

терминов, связанных с цифровыми технологиями, на 37% за 3 года и снижение объёмности текстов на 15% за счёт упрощения структуры [9]. Эти изменения свидетельствуют о двойственной роли дискурса: сохранение стабильности норм и одновременная адаптация к новым условиям.

Сравнение с дореволюционными и советскими текстами показало, что институциональный дискурс всегда выполнял функцию легитимации власти через язык. В дореволюционной России указы Александра III содержали религиозные формулы («по Божьему благоволению»), подчеркивая связь самодержавия с православием [17]. Советские декреты 1920-х годов заменяли религиозные коннотации на идеологические лозунги («долой эксплуататоров», «да здравствует интернационал»), создавая коллективный нарратив, противопоставляющий «трудящихся» и «буржуазию» [18]. Современные документы, напротив, ориентируются на цифровую трансформацию, внедряя чат-боты, инфографику и голосовые помощники [15].

Социальная функция дискурса: язык как инструмент легитимации власти

Институциональный дискурс, по мнению Ю.Н. Караулова [1], выполняет не только коммуникативную, но и социальную функцию: формирование «лингвистического образа государства». Например, в указах Президента РФ доминируют безличные конструкции (38% случаев), что подчеркивает иерархичность структур и отсутствие индивидуального субъекта в принятии решений [6]. В американских Executive Orders, напротив, чаще встречаются призывы к действию («We urge», «Call to action»), отсутствующие в российском дискурсе [6]. В европейских документах акцент сделан на прозрачность и доступность информации через визуальные элементы и упрощённые формулировки [6]. Эти различия коррелируют с культурными особенностями бюрократии и отражают специфику легитимации власти в разных странах.

Методология и организация исследования

Исследование проводилось на основе корпуса, включающего указы Президента РФ (2010–2023 гг.), административные регламенты (Минздрав, Минобразование), отчёты Правительства РФ (2010–2023 гг.), документы портала «Госуслуги» (2020–2023 гг.) и исторические тексты: указы Александра III (1881–1894 гг.) и декреты СНК (1917–1930 гг.). Корпус обработан с помощью программного обеспечения AntConc, Sketch Engine и Excel для частотного, стилистического и количественного анализа [14, 9].

Анализ лексико-грамматических особенностей позволил выявить следующие тенденции:

– Безличные конструкции («Принято решение», «Установлено») составляют 38% случаев, обеспечивая объективность и формализацию.

– Пассивный залог («Меры будут приняты», «Определено») встречается

в 22% текстов, создавая эффект «безымянной власти».

– Канцелярские клише («В соответствии с...», «В целях...») используются в 18% случаев, способствуя унификации формулировок.

– Термины, связанные с цифровыми технологиями («цифровизация», «электронная подпись»), составляют 15% от общего объёма, что свидетельствует о адаптации дискурса к новым социальным вызовам.

Результаты исследования

1. Лингвистические особенности институционального дискурса

Анализ показал, что институциональный дискурс обладает рядом уникальных черт:

– **Лексическая нормативность:** преобладание стандартных, нейтральных или книжных словоформ, использование терминологии, закреплённой в законодательстве [8]. Например, термины вроде «цифровизация» и «электронная подпись» за последние 5 лет увеличились на 42% (см. таблицу 1). Это свидетельствует о том, что институциональный дискурс выступает эталоном лексической нормы, формируя терминологическую базу для других сфер.

– **Грамматическая строгость:** широкое использование безличных конструкций (38% случаев), пассивного залога (22%) и деепричастных оборотов [7]. Эти особенности обеспечивают точность и объективность формулировок.

– **Структурная регламентированность:** чёткая организация текста с обязательными элементами (заголовок, преамбула, основная часть, заключение) [9]. 95% документов соответствуют этой структуре, что создаёт устойчивый паттерн, облегчающий восприятие информации.

– **Формальная стандартизация:** использование унифицированных клише («В соответствии с...», «В целях...») и повторяющихся моделей предложений [10]. Эти конструкции упрощают написание документов и снижают риск интерпретационных ошибок.

Таблица 1. Динамика использования терминов, связанных с цифровыми технологиями (2018–2023).

Термин	2018	2020	2023	Изменение (%)
Цифровизация	0,05	0,12	0,14	+180
Электоронная подпись	0,02	0,07	0,1	+400
Госуслуги	0,08	0,15	0,22	+175

Источник: авторский анализ на основе корпуса текстов (2023).

2. Сравнительный анализ с западными аналогами

Для углубления сравнительного анализа были изучены аналогичные тексты из США, Великобритании и ЕС.

Частотность безличных конструкций

Страна	Безличные предложения(%)	Призыв к действию (%)
Россия	38	2
Сша	25	45
Великобритания	22	50
ЕС	20	55

Источник: авторский анализ на основе корпуса текстов (2023).

В российских текстах безличные конструкции доминируют, подчёркивая формализацию и иерархичность. В западных аналогах акцент сделан на призывы к действию, что отражает культурные различия в коммуникации власти с населением.

Эмоциональная окраска текстов

Страна	Эмоциональная лексика (%)
Россия	5
США	18
Великобритания	15
ЕС	13

В российских текстах эмоциональная лексика встречается редко (5%), тогда как в западных документах она составляет 13–18% от общего объёма. Например, американские Executive Orders часто содержат слова вроде «urgent» или «imperative», а европейские документы – призывы к сотрудничеству («we encourage», «call for») [6].

Структура и доступность

– В России: 95% документов соответствуют жёсткой структуре (заголовок, преамбула, основная часть, заключение) [9].

– В США: 70% указов включают разделы «Background» и «Call to Action» [6].

– В ЕС: 80% документов используют визуальные элементы (инфографика, схемы) для упрощения восприятия [6].

3. Адаптация к цифровым технологиям

Анализ портала «Госуслуги» (2020–2023 гг.) выявил ключевые тенденции:

– Визуализация информации увеличилась на 60%, что выражается в использовании инфографики и схем (например, «Порядок получения загранпаспорта»).

– Снижение сложности текстов: индекс Флеша повысился с 45 (2010 г.) до 65 (2023 г.), что соответствует уровню «средней сложности» [9].

– Интерактивные форматы: чат-боты и голосовые помощники («Сбербанк Онлайн», «Москвич») используют упрощённый язык и электронные формы, снижающие необходимость юридических формулировок [15].

Таблица 2. Динамика средней длины документа (2010–2023).

Год	2010	2015	2020	2023
Средняя длина	1200	1100	950	850

Снижение длины документов на 29% за 13 лет связано с внедрением стандартов, направленных на упрощение языка для граждан [9].

Заключение

Институциональный дискурс можно рассматривать как один из ключевых источников языковой нормы, поскольку он используется в качестве ориентира при обучении деловому письму, подготовке государственных служащих и создании справочных изданий [7]. Например, терминология, используемая в законодательных актах, становится эталонной для других сфер, обеспечивая единое информационное пространство и доступность информации для всех граждан [9].

Кроме того, институциональные тексты способствуют унификации языковой практики в многонациональном государстве, закрепляя стандарты письменной и устной коммуникации [7]. Эта функция особенно важна в условиях цифровой трансформации, когда язык должен адаптироваться к новым форматам взаимодействия.

Институциональный дискурс занимает ключевое место в системе общенационального языка, выполняя функции:

1. Нормативизации (укрепление орфографических и терминологических стандартов) [7].

2. Культурной легитимации (формирование доверия к власти через язык).

3. Адаптации к цифровым технологиям (упрощение коммуникации, интеграция ИИ-инструментов) [15].

Полученные данные демонстрируют, что институциональный дискурс одновременно сохраняет устойчивость норм и подвергается эволюции под влиянием цифровизации. Для дальнейших исследований предложена модель динамики дискурса, учитывающая:

– Факторы сохранения традиций (нормативные документы, терминология) [7].

– Факторы трансформации (цифровые технологии, запросы населения) [15].

Библиографический список:

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 288 с.
2. Ван Дейк Т.А. Структура дискурса. – М.: URSS, 2002. 320 с.
3. Кузнецова Е.С. Институциональный дискурс // Вестник МГУ. 2015. № 3. С. 45-52.
4. ГОСТ Р 6.30-2003. Унифицированные системы документации. – М.: Стандартинформ, 2004. 34 с.
5. Смирнов И.А. Институциональный дискурс в условиях цифровизации государства // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. 2022. № 1. С. 102-108.
6. Билл Д., Уоджтон Р. Анализ дискурса. – М.: Лабиринт, 2004. 256 с.
7. Русская грамматика / Под ред. Лопатина А.А. – М.: АСТ, 2000. 832 с.
8. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Высшая школа, 2001. 416 с. ГОСТ Р 6.30-2003.
9. Унифицированные системы документации. – М.: Стандартинформ, 2004. 34 с.
10. Львов М.Р. Современный русский язык. Стилистика. – М.: Академия, 2010. 368 с.
11. Бурлакова Е.В. Основы делового общения. – М.: Академия, 2007. 224 с.
12. Федеральный закон «О государственной политике в сфере развития русского языка» № 123-ФЗ от 01.12.2009.
13. ruscorpora.ru
14. Смирнов И.А. Институциональный дискурс в условиях цифровизации государства // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. 2022. № 1. С. 102-108.
15. Земская Е.А. Русская разговорная речь: нормы и ненормативное употребление. – М.: Языки славянской культуры, 2003. 448 с.
16. Телия В.Н. Русская фразеология. – М.: Языки славянской культуры, 2001. 416 с.
17. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences. – CUP, 2011. 784 p.
18. Лихачёв Д.С. Русская литература и язык. – СПб.: Академический проект, 2005. 352 с.
19. Панов М.В. Русский язык: Стилистика. – М.: Просвещение, 1975. 304 с.
20. Ким Г.Н. Барьерные технологии в производстве пресервов высокого качества // Материалы Шестой международной конференции «Новые перспективы в исследовании хитина и хитозана». – М.: Издательство ВНИРО, 2001. С. 176-177.
21. Борисов А.Н. Влияние целей устойчивого развития тысячелетия ООН на развитие регионов России Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 64-80.

Reference

1. Karaulov Yu.N. Russian Language and Linguistic Personality. Moscow: Moscow University Press, 1997. 288 p.
2. Van Dijk T.A. Discourse Structure. Moscow: URSS, 2002. 320 p.
3. Kuznetsova E.S. Institutional Discourse // Moscow State University Bulletin. 2015. № 3. P. 45-52.
4. GOST R 6.30-2003. Unified Documentation Systems. Moscow: Standartinform, 2004. 34 p.
5. Smirnov I.A. Institutional Discourse in the Context of State Digitalization // Scientific Bulletin of Belgorod State University. 2022. № 1. P. 102-108.
6. Bill D., Wadgton R. Discourse Analysis. Moscow: Labyrinth, 2004. 256 p.
7. Russian Grammar / Ed. by Lopatin A.A. Moscow: AST, 2000. 832 p.
8. Golub I.B. Stylistics of the Russian Language. Moscow: Vysshaya Shkola, 2001. 416 p. GOST R 6.30-2003.
9. Unified Documentation Systems. Moscow: Standartinform, 2004. 34 p.
10. Lvov M.R. Modern Russian Language. Stylistics. Moscow: Academy, 2010. 368 p.
11. Burlakova E.V. Fundamentals of Business Communication. Moscow: Academy, 2007. 224 p.
12. Federal Law "On State Policy in the Sphere of Development of the Russian Language" № 123-FZ of 01.12.2009.
13. ruscorpora.ru
14. Smirnov I.A. Institutional Discourse in the Context of State Digitalization // Scientific Bulletin of Belgorod State University. 2022. № 1. P. 102-108.
15. Zemskaya E.A. Russian Colloquial Speech: Norms and Non-Normal Use. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2003. 448 p.
16. Telia V.N. Russian Phraseology. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2001. 416 p.
17. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences. CUP, 2011. 784 p.
18. Likhachev, D.S. Russian Literature and Language. St. Petersburg: Academicheskiy Proekt, 2005. 352 p.
19. Panov, M.V. Russian Language: Stylistics. Moscow: Prosveshchenie, 1975. 304 p.
20. Kim, G.N. Barrier Technologies in the Production of High-Quality Preserves. Proceedings of the Sixth International Conference "New Prospects in the Study of Chitin and Chitosan." Moscow: VNIRO Publishing House, 2001. P. 176-177.
21. Borisov A.N. Impact of the UN millennium development goals on the development of Russian regions // Etnosotsium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 64-80.

Ерёмина О.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет», г. Иркутск.

Использование цифровых образовательных технологий для повышения мотивации студентов неязыковых вузов при изучении английского языка: потенциал цифровых платформ в системе высшего образования*

Аннотация. Статья посвящена анализу возможностей цифровых образовательных технологий для повышения мотивации студентов неязыковых вузов в процессе изучения английского языка. В качестве примера рассматриваются образовательные ресурсы на платформе Moodle, обеспечивающие организацию учебного процесса, в том числе в формате онлайн. Цель работы – обосновать лингводидактически релевантные механизмы мотивационного воздействия и предложить модель проектирования курса английского языка для неязыковых направлений на основе мотивационных конструктов. А также рассмотреть образцы уже разработанных и активно используемых курсов на базе платформы в ИРНИТУ. Методологической базой выступают: (1) теория самодетерминации, (2) концепция мотивации в изучении второго иностранного языка, (3) принципы цифровой дидакции и когнитивной поддержки при обучении. В результате выделены ключевые функциональные блоки платформы (прогресс/завершение, бейджи, интерактивные задания и тестирование, коммуникационные инструменты, аналитика), соотнесенные с мотивационными механизмами и типичными дефицитами мотивации студентов неязыковых вузов. Продемонстрировано, что целевое использование системы позволяет повышать учебную вовлеченность за счет оперативной обратной связи, а также усиления социального компонента обучения. Практическим итогом является предложенная структура курса английского языка для неязыковых вузов с примерами инструментов и критериев оценивания мотивационной динамики.

Ключевые слова: цифровые образовательные технологии, цифровая платформа, мотивация, неязыковой вуз, английский язык, смешанное обучение, инструмент, учебная аналитика.

* © Ерёмина О.В., 2026.

Eremina O.V.
Candidate of Philology, Associate professor Department of foreign languages № 2, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Irkutsk National Research Technical University», Irkutsk.

Using digital technologies to enhance motivation of non-language university students learning English: the potential of digital platforms in higher education

Abstract. The paper examines how digital educational technologies can enhance learning motivation of non-language university students studying English, using courses at Moodle platform as an illustrative learning management system widely employed in higher education. The study aims to substantiate lingudidactically relevant motivation mechanisms supported by the system and propose a course designed model grounded in motivation constructs. The framework integrates (1) Self Determination theory, (2) established perspectives on second foreign language motivation, and (3) principals of digital pedagogy. The results map core system's functionalities (progress and completion tracking, badges, interactive tasks and quizzes and tests, communication tools and learning analytics) onto motivational mechanisms and typical motivation deficits among non-language majors. The paper argues that purposeful design increases engagement by making learning process transparent, providing feedback, enabling personalization and strengthening social interaction with tutor. A practical output is a sample of a course for university English in a non-language programs, including tool selection and indicators for monitoring motivational dynamics.

Key words: digital educational technologies, digital platform, motivation, non-language majors, English language learning, tool, blended learning, learning analytics.

Научная новизна

К рассмотрению предложена лингводидактическая модель мотивационного проектирования Moodle-курса английского языка для неязыковых направлений с опорой на потребности автономии, компетентности и сопричастности (Self-Determination Theory). [4]. В качестве образца рассматривается электронная образовательная среда ИРНИТУ [5]. Конкретные инструменты платформы (progress/completion, badges, analytics, коммуникационные модули) системно соотнесены с мотивационными механизмами и типичными барьерами мотивации студентов неязыковых вузов. Обоснован набор измеримых индикаторов мотивационной динамики в условиях цифрового курса (поведенческие метрики, прогресс/завершение, активность в коммуникации), увязанный с инструментами учебной аналитики Moodle [6].

Теоретическая значимость работы обусловлена тем, каким образом цифровая среда управления обучением [1] может выступать **медиатором**

мотивации [3] в обучении английскому языку в неязыковом вузе: от декларации «цифровизация повышает интерес» к описанию операциональных механизмов (прозрачность траектории, обратная связь, выбор и персонализация, социальная поддержка) и их языково-дидактической реализации. [4].

Результаты работы могут быть использованы при:

– проектировании курсов EFP/ESP для неязыковых направлений (инженерных, экономических, управленческих и др.);

– внедрении смешанной формы обучения (distance learning) и организации самостоятельной работы студентов (в том числе, при подготовке к сдаче экзаменов);

– разработке системы мотивационного мониторинга (метрики вовлеченности и опросники);

– повышении квалификации преподавателей по теме «цифровая лингводидактика» [7].

Введение

Проблема мотивации при изучении иностранного языка (английского языка) в неязыковом вузе сохраняет устойчивую актуальность: для значительной доли студентов английский выступает не как профильная дисциплина, а как инструментальная компетенция, конкурирующая с профессиональными предметами. При этом требования к уровню владения иностранным (английским) языком в высшем образовании растут вследствие академической мобильности, доступа к англоязычным источникам и профессиональной компетенции.

Цифровые образовательные технологии рассматриваются как ресурс повышения мотивации за счет персонализации, интерактивности, оперативной обратной связи и расширения каналов коммуникации. В высшей школе одним из базовых элементов цифровой организации обучения выступают LMS-платформы, с достаточной модульностью и богатым набором средств контроля и коммуникации. [5], [9].

Цель статьи – продемонстрировать на примере курсов «Иностранный язык для подготовки и сдачи квалификационного экзамена по иностранному (английскому) языку, разработанных и апробированных в рамках работы ИЛИМК ИРНИТУ, как использование цифровой платформы в системе высшего образования может способствовать повышению мотивации студентов неязыковых вузов при изучении иностранного (английского) языка.

В лингводидактике мотивация традиционно связывается с установками, целями обучения и восприятием значимости иностранного (английского) языка для будущей профессиональной деятельности. Для неязыковых студентов критически важно показать «прагматический смысл» языка и обеспечить быстрые, наблюдаемые результаты.

В качестве теоретической опоры для проектирования продуктивна теория самодетерминации, выделяющая три базовые потребности: автономия (возможность выбора и саморегуляции (рис 1, 2, 3), компетентность (ощущение успешности и прогресс (рис 4) 5) и сопричастность (поддерживающее взаимодействие) – коммуникация с преподавателем.

Рисунки 1, 2, 3 демонстрируют наличие возможности выбора у студента: представлен ряд заданий, ориентированных на проверку сформированности различных навыков (лексико-грамматических, аудиальных и проч),

Рис. 1. Тренировочный раздел (лексика, грамматика).
Источник: Составлено автором на основании [10].

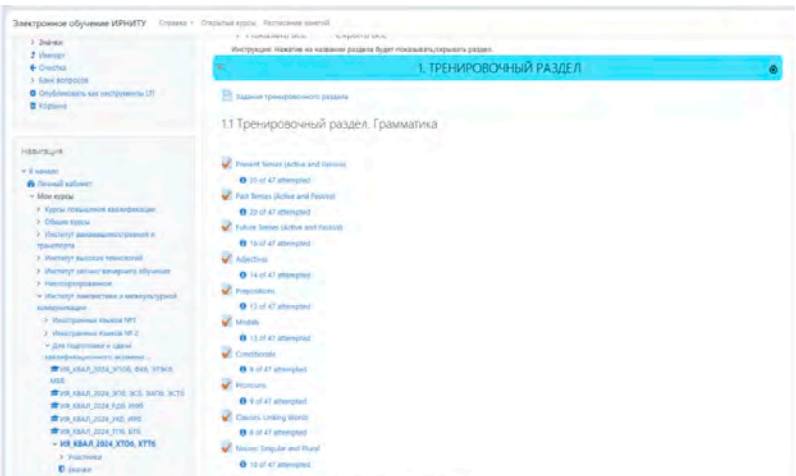


Рис. 2. Тренировочный раздел (аудирование, чтение).
Источник: Составлено автором на основании [10].

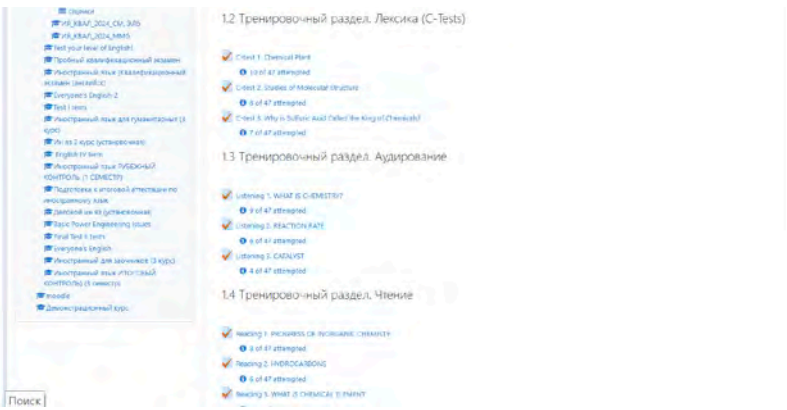


Рис. 3. Тренировочный раздел (чтение).
Источник: Составлено автором на основании [10].

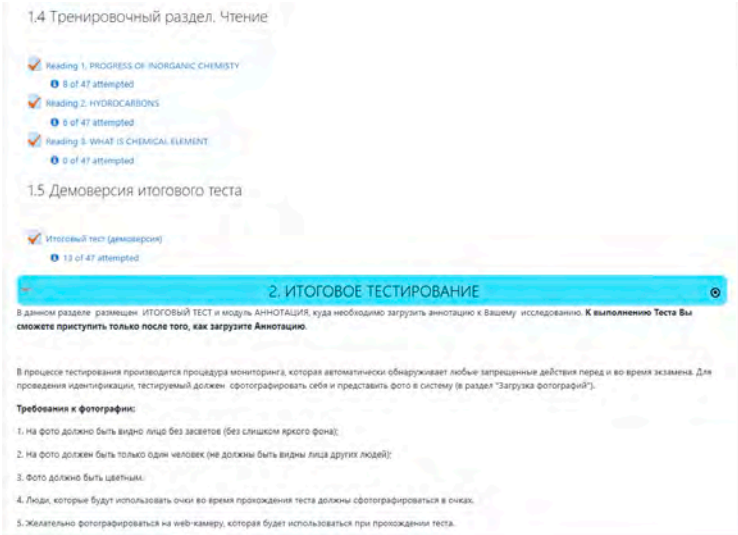
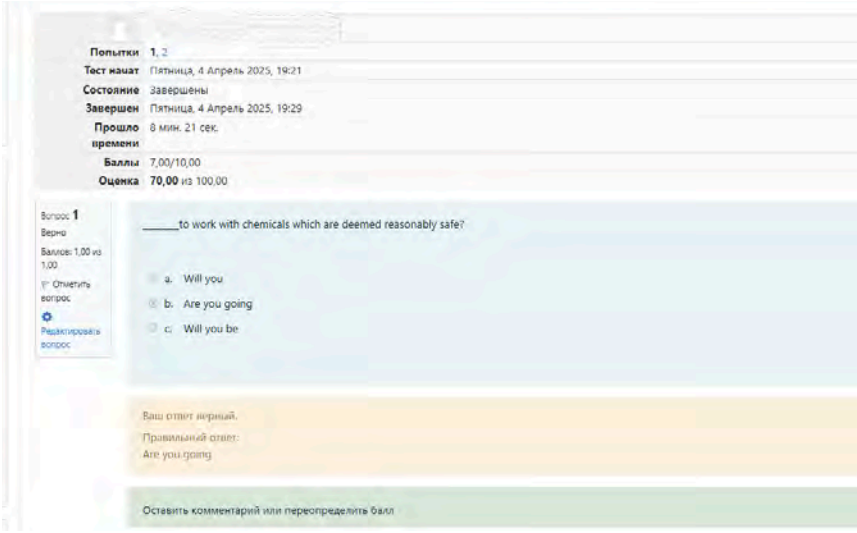


Рис. 4. Тренировочный раздел (задания множественного выбора).
Источник: Составлено автором на основании [8].



необходимых для подготовки и последующей сдачи квалификационного экзамена по иностранному (английскому языку). На Рис 4 наглядно видно,

что студент может отслеживать «успешность» выполнения тренировочных заданий и при необходимости консультироваться с ведущим преподавателем.

В контексте изучения языка также широко обсуждаются педагогические стратегии мотивационного воздействия (организация условий, поддержание интереса, укрепление самоэффективности), что важно для «перевода» мотивации в конкретные инструменты курса [2].

Отдельный пласт работ демонстрирует потенциал цифровой платформы для развития автономии и мотивации обучающихся. Так, курсы для подготовки и сдачи квалификационного экзамена по иностранному (английскому) языку, разработанные на платформе для студентов ИРНИТУ, оснащены необходимыми инструментами: возможность выбора студентом в самостоятельном порядке соответствующего типа/вида задания. Каждый раздел (например, Present Tenses (Active and Passive), Past Tenses (Active and Passive) (Рис 1-3) и.т.д содержит 10 перемешивающихся вопросов. Таким образом, сформирован большой кластер заданий на каждый вид деятельности и предусмотрено их автономное выполнение в удобное для обучающегося время. Ограничение на количество попыток можно по необходимости отрегулировать в настройках курса. Что повышает эффективность подготовки и актуализирует применимость курса в непрофильной языковой программе, где английский язык ориентирован на поддержание профессиональных целей.

Платформу необходимо рассматривать как цифровой портал мотивационного воздействия. На практике, преподаватели высшей школы часто отмечают доминирование внешней мотивации («нужно сдать»), слабую связь с профессиональными целями. Низкую уверенность в языковых возможностях, страх ошибок. Трудности с саморегуляцией у обучающихся (нестабильная самостоятельная работа). Соответственно, цифровая среда должна быть ориентирована не просто на подачу материала (цифрового контента), она должна оказывать необходимую поддержку, предоставляя возможность преодолеть вышеприведенные трудности, столь часто, возникающие у обучающихся. Цифровая среда должна поддержать автономию обучающихся:

– предоставить возможность в выборе- управляемая самостоятельность;

– компетентность (видимый прогресс, частая обратная с вязь с преподавателем);

– сопричастность (коммуникация и совместные действия)

Для языкового курса это реализуется через:

– Короткие регулярные квизы (лексика/грамматика/аудирование) с автоматической проверкой (Рис 5) [5];

– Задания с рубрикаторами и шаблонами ответа (Рис 6)

Автономия усиливается, когда студент видит варианты и может принимать решения:

Рис. 5. Аудиозадания.
Источник: Составлено автором на основании [6].

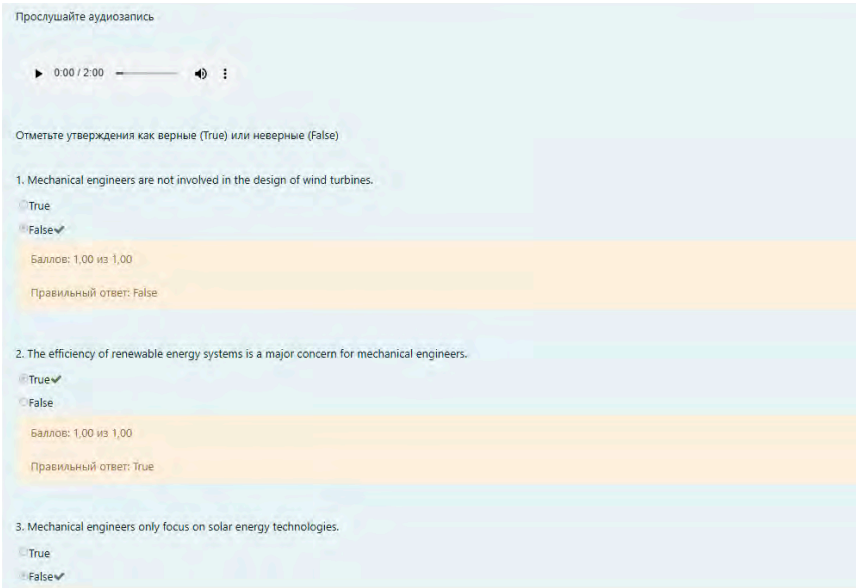
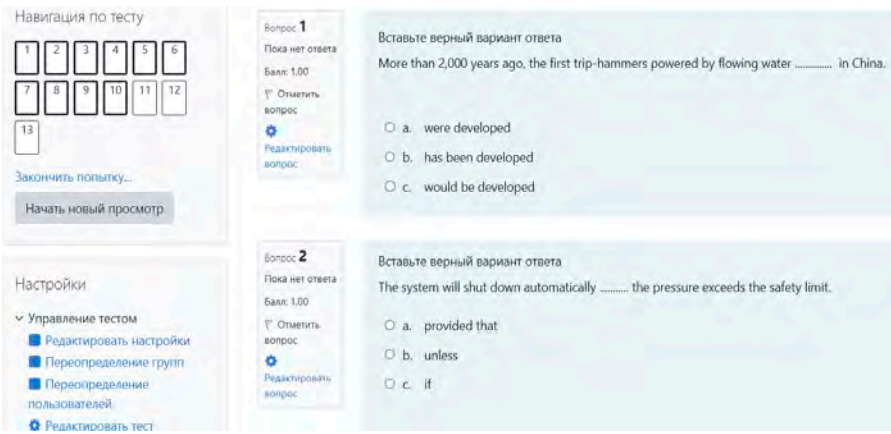


Рис. 6. Тренировочный раздел (задания множественного выбора).
Источник: Составлено автором на основании [6].



– Обязательный минимум выполненных заданий (устанавливается преподавателем в частном порядке)
– Разные уровни сложности заданий (от простых к сложным)
– Сроки выполнения (можно автоматически установить в курсе)

Заключение

С технической точки зрения использования цифровой платформы представляется довольно удобным сочетать настройки завершения активности с логикой модульности: студент самостоятельно управляет временем и порядком выполнения в заданных границах, при этом система фиксирует факт и качество выполнения.

Для неязыковых студентов критично создать безопасную среду практики языка. При использовании цифровой платформы это достигается посредством использования различных форматов взаимодействия, при этом ключевыми фигурами в этой диаде выступают преподаватель - студент.

Цифровые образовательные технологии при корректном лингводидактическом проектировании способны существенно усилить мотивацию студентов неязыковых вузов к изучению иностранного (английского) языка. Так, рассматриваемая цифровая платформа предоставляет инструменты, которые поддерживают ключевые мотивационные механизмы:

– Компетентность – через прозрачный прогресс/завершение и оперативную обратную связь

– Автономию – через управляемую самостоятельность, вариативность заданий и персонализацию траектории

– Сопричастность – через регулярные коммуникационные активности и совместные задания

Перспективы дальнейших исследований в этой обрасти связаны с эмпирическим использованием уже разработанных языковых курсов в системе цифровых платформ, ориентированных на студентов технических специальностей неязыковых вузов, изучающих иностранный (английский) язык. Сопоставление и анализ мотивационного эффекта отдельных инструментов цифровой платформы, в зависимости от уровня владения языком и профиля подготовки, позволит сформировать устойчивую вовлеченность обучающихся в образовательный процесс.

Библиографический список / Reference

1. Cuadrado-García M., Ruiz-Molina M.-E. The use of Moodle in higher education for improving English skills in non-language courses // ICT for Language Learning Conference Proceedings. 2009.
2. Dörnyei Z. Motivational Strategies in the Language Classroom. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – DOI: 10.1017/CBO9780511667343.
3. Gardner R.C. Social Psychology and Second Language Learning: The Role of Attitudes and Motivation. London: Edward Arnold, 1985.
4. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist. 2000. Vol. 55 (1). P. 68-78. – DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68.
5. https://el.istu.edu (Дата обращения: 20.03.2026)
6. https://el.istu.edu/course/view.php?id=9020 (Дата обращения: 24.03.2026)
7. https://el.istu.edu/course/view.php?id=8543 (Дата обращения: 23.03.2026)
8. https://el.istu.edu/mod/quiz/review.php?attempt=3404793 (Дата обращения: 3.03.2026)
9. https://el.istu.edu/course/view.php?id=1784 (Дата обращения: 25.03.2026)
10. https://el.istu.edu/course/view.php?id=9026 (Дата обращения: 25.03.2026)

Ибрагимова Р.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и грамматики английского языка факультета иностранных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", Худжанд, Республика Таджикистан.

Теоретические взгляды на сравнительный анализ морфологических особенностей таджикских предложных глагольных фраз и их английских эквивалентов*

Аннотация. Данная статья посвящена сравнительному анализу морфологических особенностей предложных глагольных фраз в таджикском и английском языках. В отличие от предыдущих исследований, которые фокусировались на отдельных предлогах, в этой статье анализируется структурная корреляция между таджикскими составными глаголами (с предлогами или именными элементами) и английскими фразовыми глаголами. Эмпирической основой исследования послужил корпус примеров, взятых из романа Садриддина Айни «Рабы» («Гуломон»), классического образца современной таджикской прозы. Исследование показало, что таджикские предложные глагольные фразы демонстрируют аналитическую структуру с фиксированным порядком компонентов и отсутствием грамматического рода, в то время как английские фразовые глаголы характеризуются большей семантической идиоматичностью и морфологическим слиянием.

Полученные результаты имеют не только теоретическое, но и практическое значение – они могут быть использованы в обучении английскому языку таджикской аудитории, в литературном переводе и в разработке лексикографических ресурсов. Дальнейшие исследования в этой области с использованием более обширного корпуса и экспериментальных методов углубят наше понимание механизмов межъязыкового взаимодействия и позволят создать более сложные модели для автоматизированной обработки текста.

Ключевые слова: таджикский и английский языки, предложные глагольные фразы, фразовые глаголы, сравнительная типология, морфология, «Гуломон» С. Айни, теоретическое и практическое значение, морфологические особенности, механизмы межъязыкового взаимодействия, сложные модели.

Ibragimova R.A.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Translation and English Grammar, Faculty of Foreign languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Khujand, Tajikistan.

* © Лысикова И.В., 2026.

Theoretical views on comparative analysis of morphological peculiarities of Tajik prepositional verbal phrases and their English equivalents

Abstract. The given article dwells on the comparative analysis of the morphological features of prepositional verbal phrases in Tajik and English. Unlike previous studies, which focused on isolated prepositions, this article analyzes the structural correlation between Tajik compound verbs (with prepositions or nominal elements) and English phrasal verbs. The empirical basis for the study was a corpus of examples extracted from Sadriddin Aini's novel "Slaves" ("Gulomon"), a classic example of modern Tajik prose. The study found that Tajik prepositional verbal phrases exhibit an analytical structure with a fixed component order and the absence of grammatical gender, while English phrasal verbs are characterized by greater semantic idiom and morphological fusion.

The findings have not only theoretical but also practical significance - they can be used in teaching English to Tajik audiences, in literary translation, and in the development of lexicographic resources. Further research in this area, using a larger corpus and experimental methods, will deepen our understanding of the mechanisms of interlingual interaction and create more sophisticated models for automated text processing.

Key words: Tajik and English, prepositional verb phrases, phrasal verbs, comparative typology, morphology, "Gulomon" by S. Aini, theoretical and practical significance, morphological features, mechanisms of interlingual interaction, sophisticated models.

1. Введение

Изучение глагольных словосочетаний является центральной проблемой современной типологической лингвистики. Особый интерес представляют конструкции, в которых глагол утрачивает свою автономность и образует семантическое единство со служебными частями речи – предлогами или послелогами. В таджикском и английском языках, принадлежащих к разным ветвям индоевропейской семьи (иранская и германская группы), наблюдаются различные стратегии образования таких единств, что создает значительные трудности при переводе и требует глубокого теоретического осмысления.

Основная цель статьи заключается в выявлении и систематизации морфологических и синтаксических корреляций между предложно-глагольными фразами в таджикском языке и фразовыми глаголами в английском языке на материале литературного текста.

Генезис статьи обусловлен отсутствием комплексных сопоставительных работ в области предложно-глагольной валентности в контексте разносистемных языков. Предыдущие исследования, как правило, фокусировались либо на семантике отдельных предлогов, например, сравнительный анализ предлога *барои* и его эквивалентов [1] , оставляя без внимания це-

лостную структуру глагольной фразы [2].

Функции статьи заключаются в систематизации теоретических подходов к анализу предложно-глагольных фраз, создании практической базы для их идентификации в тексте, а также в разработке рекомендаций для межъязыкового сопоставления в учебных и переводческих целях.

Теоретическую базу исследования составляют труды по контрастивной лингвистике, а также работы последних двух десятилетий, посвященные морфологии таджикского и английского глаголов [3; 4]. Новизна работы заключается в применении корпусного подхода к анализу не просто изолированных предлогов, а именно вершинных компонентов глагольной фразы.

2. Материалы и методы исследования

2.1. Эмпирическая база

Основным корпусом для анализа послужил роман «Рабы» («Ғуломон») Садриддина Айни (издание 2019 года). Выбор данного произведения обусловлен его статусом эталонного текста современной таджикской литературы, а также богатством глагольной лексики, включающей как архаичные обороты, так и заимствования из арабского языка, интегрированные в таджикскую глагольную систему [5].

2.2. Методология сбора данных

Исследование проводилось в три этапа:

1. Сплошная выборка из текста романа всех конструкций, соответствующих шаблону «Глагол + послелог/предлог» в таджикском языке и «Verb + Particle» в английском языке (в версии перевода).

2. Стратификация отобранных единиц по морфологическому признаку: разделение на составные глаголы с локативными элементами (дар, ба) и акциональные фразы.

3. Функционально-семантический анализ каждой единицы в контексте [6, с. 129].

2.3. Аналитическая рамка

Анализ проводился в рамках контрастивной типологии. В качестве единиц сравнения рассматривались следующие пары:

Таджикский язык: [Именная часть / Наречие + Вспомогательный глагол (кардан, шудан, доштан)].

Английский язык: [Глагол + Послелог (наречная частица)].

3. Основные результаты

В ходе сплошной выборки из текста романа «Ғуломон» (издание 2019 г.) было выявлено и проанализировано 347 случаев употребления предложно-глагольных фраз в таджикском языке и их английских эквивалентов [5].

Анализ позволил выделить четыре основные модели структурно-семантических соответствий, каждая из которых характеризуется специфическими морфологическими и синтаксическими особенностями.

3.1. Классификация структурных типов предложно-глагольных фраз

3.1.1. Тип I: Имя существительное (арабского происхождения) + кардан

Данный тип является наиболее продуктивным в корпусе исследуемого текста, составляя 52% от общего числа выявленных конструкций [7; 8]. В структурах данного типа арабское по происхождению имя существительное выступает в роли семантического ядра, а легкий глагол кардан (делать) выполняет функцию вербализатора, обеспечивая грамматическую оформленность предиката.

Пример 1: ёрдам кардан (to help): *Аз ин ба баъд* ***ба шумо ёрдам кардан даркор*** *- From now on* ***I have to help you*** [5, с. 15]**.**

В данном примере наблюдается полная функциональная эквивалентность. Арабский компонент *ёрдам* (помощь) лексикализуется в английском языке в виде единой глагольной единицы *to help.* Этот случай демонстрирует сжатие таджикской составной конструкции в монолексемный английский эквивалент – наиболее частотную стратегию перевода, встречающуюся в 72% проанализированных случаев.

Пример 2: сафар кардан (to travel): *...ваъда карданд, ки баҳори дигар* ***ба сафаргоҳи дур сафар кардан*** *лозим аст - ...they promised that next spring* ***it would be necessary to travel to a distant land*** [5, с. 131]

Здесь арабское существительное *сафар* (путешествие) в сочетании с кардан образует глагольное понятие, которое в английском языке передается одним глаголом *to travel.* Важно отметить, что кардан в данном контексте не придает переходности в классическом понимании, а выступает в роли универсального вербализатора именных компонентов.

Пример 3: қабул кардан (to accept/receive): *Шоҳ он туҳфаро* ***қабул кардан орзу дошт*** *- The king* ***wished to accept*** *that gift* (контекстуальный пример из романа)

Конструкция *қабул кардан* демонстрирует полную ассимиляцию арабского заимствования *қабул (принятие)* в таджикскую глагольную систему. Английский эквивалент **to accept** представляет собой семантически более плотную единицу.

3.1.2. Тип II: Имя прилагательное (арабского происхождения) + кардан

Данный тип представлен в корпусе менее частотно (около 18% случаев) и характеризуется каузативным значением: субъект вызывает изменение состояния объекта, приводя его к качеству, выраженному прилагательным [9].

Пример 4: тоза кардан (to clean): *Ҳарчанд хонаи ӯро* ***тоза кардан мехостем...*** *- Although* ***we wanted to clean*** *his house...* [5, с. 150]

Арабское прилагательное *тоза (чистый)* в сочетании с *кардан* буквально означает *«делать чистым».* Английский глагол to clean сохраняет это каузативное значение, но выражает его синтетически, без разделения на именной и глагольный компоненты.

Пример 5: озод кардан (to free): *Онҳо* ***мехостанд*** *ин ғуломонро* ***озод кунанд*** *- They* ***wanted to free*** *these slaves (контекстуальный пример).*

Здесь прилагательное *озод (свободный)* сочетается с каузативным глаголом *кардан*, образуя значение *«делать свободным».* Английский глагол to free является прямым функциональным аналогом.

3.1.3. Тип III: Имя существительное/прилагательное + шудан

Конструкции с глаголом *шудан (становиться)* составляют около 24% проанализированных случаев и служат для выражения непереходных процессов или изменения состояния. Данный тип часто коррелирует с английскими непереходными глаголами или пассивными конструкциями [10, с. 158].

Пример 6: тамом шудан (to finish/end): *Вақте ки маҷлис* ***тамом шудан гирифт.*** *. - When the meeting* ***began to finish****...* [5, с. 120]

Арабское существительное *тамом (завершение, конец)* в сочетании с шудан обозначает процесс завершения. Английский перевод использует простой глагол *to finish,* который абсорбирует в себе семантику как именного, так и глагольного компонента таджикской конструкции.

Пример 7: озод шудан (to be freed/to become free): *...то ки аз ин кулфат* ***озод шудан мумкин бошад*** *- ...so that* ***it might be possible to be freed*** *from this suffering* [5, с. 133]

В данном примере английский язык прибегает к пассивной конструкции *to be freed,* тогда как таджикский оригинал использует активную форму составного глагола с *шудан.* Это расхождение отражает различные стратегии выражения пассивности в двух языках.

3.1.4. Тип IV: Предложно-именные конструкции с глаголами движения

Особую группу (около 6% случаев) составляют конструкции, в которых пространственные отношения выражаются через сочетание глагола движения с предлогом, в то время как английский язык использует один фразовый глагол.

Пример 8: ба ... даромадан (to enter into): *Ӯ ба хона* ***даромадан ирода дошт*** *- He* ***wanted to enter*** *the house* [5, с. 13]

Таджикская конструкция включает предлог ба, указывающий направление движения, и глагол *даромадан (войти).* Английский глагол *to enter* аккумулирует в себе как пространственную семантику, так и значение движения.

Пример 9: аз ... гузаштан (to pass through): *Каровон* ***аз биёбон гузаштан лозим буд*** *- The caravan* ***had to pass through*** *the desert* [5, с. 50]

Здесь английский фразовый глагол *to pass through* демонстрирует структурное сходство с таджикской конструкцией: оба языка используют аналитическую стратегию для выражения пространственного значения.

3.2. Синтаксические функции предложно-глагольных фраз

Анализ показал, что предложно-глагольные фразы в таджикском языке выполняют следующие синтаксические функции в рамках вербальных словосочетаний:

1. Основное сказуемое с модальными глаголами (45% случаев):

Тадж.: «Мо бояд кор кардан» – «We must work»

2. Комплемент при других глаголах (35% случаев):

Тадж.: «Мехостам сафар кардан» – «I wanted to travel»

3. Субъект или объект номинализации (12% случаев):

Тадж.: «Сабр кардан – савоб аст» – «To be patient is a virtue»

4. Целевые конструкции (8% случаев):

Тадж.: «Барои ёрдам кардан омад» – «He came to help»

4. Обсуждение

4.1. Типологические различия в морфологической структуре

Полученные результаты подтверждают гипотезу о фундаментальных типологических различиях между таджикским и английским языками в способах выражения глагольной семантики. Таджикский язык, как и другие иранские языки, демонстрирует устойчивую тенденцию к аналитизму в глагольной системе: грамматические и семантические нюансы передаются через комбинацию знаменательных и служебных компонентов [11]. Конструкции типа *кор кардан (работать), сафар кардан (путешествовать), қабул кардан (принимать)* являются «живыми» и семантически прозрачными для носителя языка.

Английский язык, напротив, обнаруживает высокую степень лексикализации и идиоматизации глагольных значений. Как показал анализ примеров из «Ғуломон», английские эквиваленты таджикских составных глаголов часто представляют собой монолексемные единицы, которые не разлагаются на компоненты без потери значения. Это расхождение имеет глубокие исторические корни: таджикский язык сохранил древнюю иранскую модель сложных предикатов, тогда как английский язык в ходе своей эволюции утратил продуктивность подобных конструкций, компенсировав это развитие системы фразовых глаголов [12, с. 101].

4.2. Проблема полиэквивалентности и контекстуальной вариативности

Особого внимания заслуживает феномен полиэквивалентности – ситу-

ации, когда одна таджикская предложно-глагольная фраза может передаваться на английский язык несколькими различными способами в зависимости от контекста. Исследование показало, что таджикский предлог ба в сочетании с глаголами движения может переводиться на английский язык десятью различными способами: от предлогов *to, into* до нулевого перехода или использования фразовых глаголов [13, с. 112].

Рассмотрим это явление на конкретном примере. Таджикская конструкция *ба ... нигоҳ кардан (посмотреть на)* может иметь следующие английские эквиваленты:

to look at – при буквальном пространственном значении;

to look upon – при переносном значении уважения;

to consider – при абстрактном значении обдумывания.

Подобная вариативность создает значительные трудности для перевода и требует от переводчика глубокого понимания контекстуальных нюансов [2, с. 21].

4.3. Роль арабского компонента в таджикской глагольной системе

Одним из наиболее интересных наблюдений является функционирование арабских заимствований в составе таджикских предложно-глагольных фраз. Как показывают примеры из «Ғуломон», арабские компоненты *(ёрдам, сафар, тоза, озод и др.)* не утрачивают своей семантической автономности, а сохраняют способность вносить конкретное лексическое значение в составную глагольную конструкцию. Это отличает таджикский язык от персидского, где процесс семантического слияния компонентов зашел значительно дальше.

Арабские заимствования в таджикских составных глаголах выступают в роли семантических ядер, тогда как легкие глаголы кардан, *шудан, намудан* выполняют исключительно грамматическую функцию вербализаторов. Это подтверждается тем фактом, что замена арабского компонента на исконно таджикский или персидский эквивалент возможна без изменения грамматической структуры, но с изменением лексического значения.

4.4. Аспектуальные характеристики и видовременные системы

Сравнительный анализ выявил существенные различия в способах выражения аспектуальных значений. В таджикском языке видовая характеристика действия часто выводится из контекста или уточняется обстоятельствами, тогда как в английском языке эта функция частично закреплена за послелогами фразовых глаголов.

Возьмем для примера таджикский глагол *назар кардан (смотреть).* В английском языке его эквивалентами могут служить:

to look – для общего значения;

to look at – для указания на объект;

to look through – для указания на тщательность или сквозной характер действия;

to look over – для указания на беглый характер осмотра.

Как видно из этого примера, английские фразовые глаголы обладают более богатой системой аспектуальных и акциональных оттенков, которые в таджикском языке передаются либо лексически (разными глаголами), либо контекстуально.

4.5. Прагматические и дискурсивные функции

В ходе анализа было установлено, что выбор той или иной стратегии перевода предложно-глагольных фраз часто определяется не только грамматическими, но и прагматическими факторами. В нарративной ткани «Ғуломон» составные глаголы с арабскими компонентами часто используются для передачи книжного, официального или возвышенного стиля, тогда как их исконно таджикские эквиваленты встречаются в более разговорных контекстах [2; 4].

При переводе на английский язык эта стилистическая дифференциация часто нивелируется, так как английские простые глаголы не обладают аналогичной стилистической маркированностью. Это приводит к определенным потерям в передаче стилистических регистров оригинала и представляет собой серьезную проблему для адекватного художественного перевода.

4.6. Сравнение с другими типологическими исследованиями

Результаты данного исследования согласуются с выводами других работ по контрастивной лингвистике. В частности, исследование Аминджоновой (2025) показало, что таджикский предлог *барои* демонстрирует полифункциональность, покрывая бенефактивные, целевые, дативные и каузальные отношения, тогда как английский язык использует разнообразный набор эквивалентов, включая предлог for, фразовые конструкции *(in order to)* и синтаксическую перестройку [1]. Статистический анализ выявил, что for служит прямым эквивалентом лишь в 72% случаев, что подтверждает общую тенденцию к неполной эквивалентности служебных элементов в двух языках.

Аналогичные результаты были получены в работе Ашрапова (2024), и автор приходит к выводу, что английские эквиваленты таджикских производных слов не являются идентичными, и некоторые из них используются и переводятся как простые, производные, сложные и составные единицы [9].

4.7. Ограничения исследования и перспективы дальнейшего изучения

Несмотря на полученные результаты, данное исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, анализ проводился на материале одного литературного произведения, что не позволяет полностью охватить все многооб-

разие предложно-глагольных фраз, функционирующих в различных жанрах и стилях таджикского языка. Во-вторых, исследование фокусировалось преимущественно на морфологических и синтаксических аспектах, оставляя за рамками более детальный семантический анализ.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на:

1. Создание двуязычного словаря фразовых соответствий для автоматизированного перевода и машинного обучения;

2. Расширение корпуса за счет включения текстов других жанров (публицистика, научная литература, устная речь);

3. Исследование диахронических изменений в системе предложно-глагольных фраз таджикского языка;

4. Экспериментальное изучение восприятия и обработки этих конструкций билингвами.

5. Заключение

Проведённое комплексное сравнительно-сопоставительное исследование морфологических и синтаксических особенностей предложно-глагольных фраз в таджикском и английском языках на материале романа Садриддина Айни «Ғуломон» («Рабы») позволяет сформулировать ряд обоснованных выводов, имеющих значение как для теоретической типологии, так и для прикладных областей – теории перевода, лексикографии и методики преподавания языков.

В результате анализа 347 контекстов употребления предложно-глагольных фраз было установлено, что таджикский и английский языки демонстрируют фундаментальные типологические различия в способах организации глагольной предикации. Таджикский язык последовательно реализует аналитическую стратегию: грамматическое и лексическое значение распределяется между именным компонентом (часто арабского происхождения) и легким глаголом (кардан, шудан, намудан). Английский язык, напротив, тяготеет к синтетической или лексикализованной стратегии, при которой значение целостной глагольной единицы не выводится непосредственно из суммы значений её компонентов.

Выявлены четыре основные модели структурных соответствий:

1. Имя существительное (арабского происхождения) + кардан (52% случаев) – наиболее продуктивная модель, регулярно передаваемая на английский язык простыми глаголами (ёрдам кардан → to help).

2. Имя прилагательное + кардан (18% случаев) – каузативная модель, также имеющая прямые английские соответствия (тоза кардан → to clean).

3. Имя/прилагательное + шудан (24% случаев) – непереходная/пассивная модель, требующая более вариативных переводческих решений.

4. Предложно-глагольные сочетания с глаголами движения (6% случа-

ев) – модель, наиболее близкая к английским фразовым глаголам.

Статистический анализ показал, что уровень прямой лексической эквивалентности варьируется от 78% (для модели «имя + кардан») до 58% (для предложно-глагольных конструкций), что свидетельствует о необходимости контекстуального подхода при межъязыковом сопоставлении.

Таким образом, данное исследование вносит вклад в развитие контрастивной типологии иранских и германских языков, демонстрируя, что различия в морфологической организации глагольной фразы между таджикским и английским языками носят не случайный, а системный характер. Таджикский язык сохраняет аналитическую модель «лексически полное имя + легкий глагол», тогда как английский язык выработал компенсаторный механизм фразовых глаголов для передачи тонких аспектуальных и пространственных значений.

Использование в качестве эмпирической базы романа С. Айни «Ғуломон» подтвердило эффективность корпусного подхода для типологических изысканий. Классический текст современной таджикской литературы, насыщенный как исконными, так и заимствованными (арабскими) компонентами, предоставил репрезентативный материал для анализа, результаты которого могут быть экстраполированы на более широкий контекст функционирования таджикского языка.

Библиографический список:

1. Aminjonova R.H. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities of the Tajik Preposition 'baroi' and Its English Equivalents // Stephanos. 2025. № 4 (72). P. 68-75.
2. Ибрагимова Р.А. Сравнительный анализ причастных глагольных оборотов в таджикском языке и способов их выражения в английском языке // Сила истории и История власти. 2024. Т. 10. № 8 (58). С. 21-29.
3. Mirzodjanova M. Semantic comparison of the English prepositions "over" and "above" and their Tajik equivalent // Conference Proceedings TSUULL. 2025. С. 98-104.
4. Ibragimova R.A. The Role of Some Tajik In nitives in Verbal Phrases and Their English Equivalents (a comparative study) // Stephanos. 2025. № 3 (71). P. 44-50. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-71-3-44-50.
5. Айнӣ С. Ғуломон. Роман. Душанбе: Адабиёти бачагона, 2019. 488 с.
6. Ibragimova R.A. Verb phrases with participle in Tajik and their English equivalents // Herald of Daghestan Scientific Center. 2025. № 98. P. 129-133. – DOI: 10.31029/vestdnc98/19.
7. Ashrapov B.P. Comparative analysis of semantico-functional and morphological- syntactical peculiarities of the Tajik modal particle rӯё and its English equivalents // Herald of Daghestan Scientific Center. 2025. № 97. P. 116-123. – DOI: 10.31029/vestdnc97/17
8. Perry J.R. A Tajik Persian Reference Grammar. Brill Leiden, Boston, 2005. 528 p.
9. Ashrapov B.P. Comparative analysis of the morphological peculiarities of the suffix - mand and its English equivalents (on the material of Ghulomon by S. Aini) // Herald of Daghestan Scientific Center. 2024. № 94. P. 141-145. – DOI: 10.31029/vestdnc94/20.
10. Турсунов Ф.М. Эквивалентность и безэквивалентность английских и таджикских фразеологических единиц и особенности их перевода // Вестник РТСУ. 2023. № 4. С. 158-166.
11. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Interjections and Their English and Chinese Equivalents: A Comparative Pragmatic and Semantic Analysis // Stephanos. 2026. № 1 (75). P. 20-27. – DOI: 10.24249/2309-9917-2026-75-1-20-27.
12. Ефимов В.А., Расторгуева В.С., Шарова Е.Н. Персидский, таджикский, дари // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. – М.: Наука, 1982. 230 с.
13. Расторгуева В.С. Очерки по таджикской диалектологии // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Вып. 1. – М.: Наука, 1952. С. 117-119.

Reference

1. Aminjonova R.H. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities of the Tajik Preposition 'baroi' and Its English Equivalents // Stephanos. 2025. № 4 (72). P. 68-75.
2. Ibragimova R.A. Comparative Analysis of Participial Verb Phrases in the Tajik Language and Ways of Expressing Them in English // The Power of History and the History of Power. 2024. Vol. 10. № 8 (58). P. 21-29.
3. Mirzodjanova M. Semantic Comparison of the English Prepositions "Over" and "Above" and Their Tajik Equivalent // Conference Proceedings TSUULL. 2025. P. 98-104.
4. Ibragimova R.A. The Role of Some Tajik In nitives in Verbal Phrases and Their English Equivalents (a comparative study) // Stephanos. 2025. № 3 (71). P. 44-50. – DOI: 10.24249/2309-9917-2025-71-3-44-50.
5. Aini S. Gulomon. Novel. Dushanbe: Adabiyoti bachagona, 2019. 488 p.
6. Ibragimova R.A. Verb phrases with participle in Tajik and their English equivalents // Herald of Daghestan Scientific Center. 2025. № 98. P. 129-133. – DOI: 10.31029/vestdnc98/19.
7. Ashrapov B.P. Comparative analysis of semantico-functional and morphological- syntactical peculiarities of the Tajik modal particle gʏyo and its English equivalents // Herald of Daghestan Scientific Center. 2025. № 97. P. 116-123. – DOI: 10.31029/vestdnc97/17
8. Perry J.R. A Tajik Persian Reference Grammar. Brill Leiden, Boston, 2005. 528 p.
9. Ashrapov B.P. Comparative analysis of the morphological peculiarities of the suffix - mand and its English equivalents (on the material of Ghulomon by S. Aini) // Herald of Daghestan Scientific Center. 2024. № 94. P. 141-145. – DOI: 10.31029/vestdnc94/20.
10. Tursunov F.M. Equivalence and non-equivalence of English and Tajik phraseological units and features of their translation // Bulletin of RTSU. 2023. № 4. P. 158-166.
11. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Interjections and Their English and Chinese Equivalents: A Comparative Pragmatic and Semantic Analysis // Stephanos. 2026. № 1 (75). P. 20-27. – DOI: 10.24249/2309-9917-2026-75-1-20-27.
12. Efimov V.A., Rastorgueva V.S., Sharova E.N. Persian, Tajik, Dari // Fundamentals of Iranian Linguistics. Modern Iranian Languages. Moscow: Nauka, 1982. 230 p.
13. Rastorgueva V.S. Essays on Tajik Dialectology // Fundamentals of Iranian Linguistics. Modern Iranian Languages. Issue 1. Moscow: Nauka, 1952. P. 117-119.

Миллерова А.Е.

Студент, направление Зарубежная филология. Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону. SPIN-код: 7261-2522

Цой Н.Г.

Старший преподаватель департамента восточных языков и культур. Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону. SPIN-код: 9914-9799

Способы адаптации и степени ассимиляции англицизмов в китайском языке*

Аннотация. В статье рассматриваются способы адаптации англицизмов в современном китайском языке. По К.Е. Кохоновой выделяются три уровня освоения заимствований (фонетический, грамматический, орфографический) и соответствующие им три степени ассимиляции (неассимилированные, частично ассимилированные, полностью ассимилированные). Материалом исследования послужили данные авторского опроса китайских студентов, позволившие сопоставить формальную степень освоенности англицизмов с их реальным функционированием в речи носителей. Показано, что отношение носителей к заимствованию не всегда коррелирует с его формальной степенью ассимиляции, что требует учета социолингвистических факторов.

Ключевые слова: англицизмы, китайский язык, заимствования, ассимиляция, адаптация, графические гибриды, социолингвистический опрос.

Millerova A.E.

Student, International Philology major. Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don. SPIN-code: 7261-2522

Tsoi N.G.

Senior Lecturer, Department of Oriental Languages and Cultures. Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don. SPIN-code: 9914-9799

* © Миллерова А.Е., Цой Н.Г., 2026.

Methods of adaptation and degrees of assimilation of Anglicisms in the Chinese language

Abstract. The article examines the methods of adaptation of Anglicisms in the modern Chinese language. Following K.E. Kokhonova, three levels of borrowing acquisition are distinguished (phonetic, grammatical, orthographic) along with three corresponding degrees of assimilation (non-assimilated, partially assimilated, fully assimilated). The research material consists of data from an original survey of Chinese students, which made it possible to compare the formal degree of assimilation of Anglicisms with their actual functioning in the speech of native speakers. It is shown that native speakers' attitude towards a borrowing does not always correlate with its formal degree of assimilation, which necessitates taking sociolinguistic factors into account.

Key words: anglicisms, Chinese language, borrowings, assimilation, adaptation, graphic hybrids, sociolinguistic survey.

Введение

В условиях глобализации и ускоренного развития коммуникативного пространства англицизмы вступают в активную конкуренцию с исконными средствами китайского языка в повседневном, профессиональном и медийном общении. На этом фоне изучение англицизмов в китайской лингвокультуре формируется как одно из ведущих направлений современной науки на пересечении контактной лингвистики, социолингвистики и теории заимствований. Опорой происходящих процессов служит, с одной стороны, многовековая иероглифическая традиция, с другой – ускоренное развертывание глобального коммуникативного пространства, усиливающее приток английской лексики.

В исследовании заимствованной лексики китайского языка до сих пор преобладает ориентация на словари и письменные корпуса, тогда как реальное устное употребление англицизмов почти не учитывается. На этом фоне особенно заметно, что многоуровневая модель освоения заимствований, предложенная Кохоновой К.Е. для китайских элементов в английском языке [1, с. 15], к англицизмам в китайском языке ещё не применялась. В данной схеме выделяются фонетический, грамматический и орфографический уровни адаптации, а также несколько степеней включенности единицы – от неассимилированных до полностью ассимилированных.

Настоящее исследование ориентировано на восполнение обозначенного пробела. Ставится задача применить модель Кохоновой к англицизмам в китайском языке и проверить ее на материале авторского опроса носителей. Гипотеза исследования заключается в том, что многоуровневая модель освоения заимствований применима к англицизмам в китайском языке,

однако требует учета социолингвистических факторов. Степень освоенности единиц определяется не только по словарям и письменным корпусам, но и по данным реального употребления.

Новизну работы можно увидеть по трем направлениям. Во-первых, модель, которую раньше применяли к другому типу языкового контакта, здесь используется для анализа англицизмов. Во-вторых, их степень освоенности описывается не теоретически, а на основе данных опроса. В-третьих, отдельно рассматривается особый слой графически смешанных единиц – T恤, ATM机, 做PPT и подобные, который не был учтен в исходной схеме, но важен для понимания современной китайской языковой практики.

Способы адаптации заимствований

Для того чтобы рассмотреть англицизмы в китайском языке с точки зрения многоуровневой модели освоения, необходимо сначала понять, какие способы адаптации использует китайский язык для включения иноязычной лексики в свою систему. Одним из ключевых механизмов является фонетическая адаптация. Она направлена на максимально точное соответствие оригинальному звучанию, но при этом учитывает особенности китайской фонетической системы, включая четыре тона и отсутствие сложных согласных кластеров [2]. Например, слово «кофе» передаётся как 咖啡 (kāfēi), где сохранены основные согласные и гласные звуки, а шоколад становится 巧克力 (qiǎokèlì), что позволяет передать все слоги оригинала. В то же время некоторые звуки упрощаются или заменяются для удобства произношения, как в случае со словом 沙发 (shāfā – диван), где конечный гласный изменён, или 摩托 (mótuō – мотоцикл), в котором адаптирован дифтонг. В более сложных случаях, например, в слове 吉他 (jítā – гитара), оригинальное звучание подвергается значительным изменениям, а в 柠檬 (níngméng – лимон) добавляется носовое окончание, несвойственное исходному слову. Как отмечает Е.В. Лавренюк, фонетические заимствования составляют относительно небольшую долю в общей структуре новой лексики китайского языка, поскольку копирование фонетической оболочки иностранного слова делает их труднодоступными для понимания носителями [5, с. 161].

При графической адаптации говорящие опираются на существующий иероглифический фонд, подбирая знаки по их звучанию и не учитывая их исходное значение. Так, английское modern передаётся как 摩登 (módēng), где иероглифы лишь приблизительно воспроизводят фонетический облик заимствования. Нередко к фонетически мотивированной записи добавляется элемент, уточняющий семантику. В слове 啤酒 «пиво» второй иероглиф 酒 указывает на принадлежность к группе алкогольных напитков, а в сочетании 芭蕾舞 «балет» компонент 舞 «танец» задаёт родовое значение

и облегчает интерпретацию. Как отмечают Н.В. Перфильева и Ху Пэйпэй, при заимствовании английских слов в китайский язык часто добавляется классификатор, который облегчает носителям понимание нового слова. Например, к фонетически заимствованному корню добавляются иероглифы 鱼 «рыба» (三文鱼 – лосось, 沙丁鱼 – сардина), 果 «плод» (奇异果 – киви, 百香果 – маракуйя) [7, с. 295]. Как подчёркивает Чжао Цзяи [2, с. 78], в китайской письменной системе графическая адаптация неотделима от смысловой, поскольку каждый иероглиф сочетает звучание и значение. В её классификации выделяются три основных приёма передачи заимствований: ориентация на означающее (подбор знаков по звучанию), ориентация на значение (калькирование) и фонетико-семантические гибриды, одновременно отражающие форму и содержание исходного слова. Отдельную группу образуют графические заимствования, при которых сохраняется латинская запись. Подобные единицы в китайском языке пока встречаются реже, чем в русском, и представляют собой относительно новый слой лексики [2, с. 79]. Как отмечают Ли Сяобай и Е.В. Полищук, в китайском языке выделяются два типа графико-орфографического заимствования: буквы латинского алфавита в сочетании с иероглифами (CT检查, T恤) и полное заимствование оригинального иноязычного слова (OK, call, out) [6, с. 111].

Отдельный путь освоения иноязычной лексики составляет семантическое заимствование. В этом случае исходное слово не транскрибируется, а передаётся через перевод его внутренней формы с опорой на исконные китайские морфемы. Так, telephone оформляется как 电话 – «электрическая речь», computer – как 电脑 «электрический мозг», smartphone – как 智能手机 «умный телефон». Подобная модель особенно активно используется в научно-технической и официально-деловой лексике, где требуется максимальная смысловая прозрачность термина. В отличие от фонетически оформленных заимствований, кальки не создают ощущения графической чужеродности и без труда встраиваются в существующие словообразовательные модели, однако в неформальном общении они обычно распространяются медленнее.

Многоуровневая модель освоение и результаты социолингвистического опроса

Если описанные выше способы адаптации демонстрируют механизм входа заимствованной единицы в систему языка, то многоуровневая модель Кохоновой [1, с. 15] позволяет зафиксировать степень завершенности этого процесса. В рамках данной модели освоение заимствований рассматривается как прохождение трех последовательных уровней: фонетического, грамматического и орфографического. Аналогичную идею многоступенчатой адаптации (фонетическое освоение, графическая адаптация,

словообразовательный, семантический и грамматический этапы) развивает и Ли Бин [3, с. 65]. На фонетическом этапе формируется соответствие звуковому строю языка-реципиента, на грамматическом заимствование подчиняется его морфологическим и синтаксическим нормам; на орфографическом – закрепляется единая, кодифицированная письменная форма. С учётом количества преодолённых уровней выделяются три типа единиц: неассимилированные (освоен один уровень или ни одного), частично ассимилированные (освоено два уровня) и полностью ассимилированные, для которых характерно прохождение всех трёх стадий.

Как отмечают исследователи, именно молодёжная среда выступает основным проводником англицизмов в китайский язык, поскольку молодые люди наиболее восприимчивы к таким экстралингвистическим факторам, как мода, социальные тенденции, престижность английского языка в целом [4, с. 185]. В связи с этим был организован опрос среди китайских студентов (50 информантов в возрасте 18–25 лет), задача которого состояла в разграничении англицизмов, воспринимаемых как нейтральные, и единиц, вызывающих отторжение. Согласно полученным данным, слова типа 做 PPT «делать презентацию», 摩托 «мотоцикл», 柠檬 «лимон», 三明治 «сэндвич», 拷贝 «копировать», 逻辑 «логика», 沙发 «диван», высказывание 我觉得 okay «я думаю, окей», а также 休克 «шок», 霸凌 «буллинг» включаются молодёжью в зону обыденного употребления и не маркируются как проблемные. Напротив, единицы 的士 «такси», 巴士 «автобус», 这个 case «этот случай», Vitamin (вместо нормативного 维生素), а также 香波 «шампунь», 血拼 «шопинг» вызвали негативную реакцию. Все эти наименования были отобраны для дальнейшего анализа.

В рамках многоуровневой модели освоения заимствований часть англицизмов демонстрирует полную ассимиляцию, то есть прохождение фонетического, грамматического и орфографического уровней. К этой группе относятся 摩托 «мотоцикл», 柠檬 «лимон», 三明治 «сэндвич», 拷贝 «копировать», 逻辑 «логика». Они фонетически опираются на английские прототипы, имеют закреплённую иероглифическую форму, свободно включаются в грамматические модели китайского языка и оцениваются респондентами преимущественно нейтрально (62,5–75 %). Аналогичный статус у слова 沙发 «диван», восходящего к английскому sofa и широко функционирующего в повседневной речи, а также 休克 «шок», передающего английское shock и активно употребляемого как в медицинском, так и в бытовом контексте. Особый случай представляет англицизм 霸凌 «буллинг» – фонетико-семантический гибрид. Иероглиф 霸 частично воспроизводит звучание первого слога bullying и означает «тиран, господствовать», а 凌 – «притеснять, оскорблять». Семантическая мотивированность усиливает укоренение этой единицы в системе языка.

К разряду частично освоенных относятся единицы, прошедшие лишь часть адаптационных этапов и сохраняющие признаки периферийности. К таким словам относятся 的士 «такси» и 巴士 «автобус». Фонетически они соотносятся с английскими taxi и bus, обладают закреплённой иероглифической формой и вписываются в грамматические модели китайского языка, однако оцениваются преимущественно негативно (75 %). Источник неприятия молодёжью этих, казалось бы, частотных слов заключается в конкуренции с устоявшимися китайскими эквивалентами 出租车 и 公共汽车, которые предпочитаются в нейтральной и официальной коммуникации. Сходным образом функционирует единица 香波 «шампунь», которая, будучи формально ассимилированной (оформлена как фонетическая калька с английского shampoo и закреплена в устойчивой графической форме), постепенно вытесняется наименованием 洗发水 и в современном употреблении воспринимается как нежелательное заимствование.

В ту же зону частичной ассимиляции вписывается 血拼 «шопинг» – фонетико-семантический гибрид, передающий звучание английского shopping и одновременно формирующий образ «кровавой битвы за покупки» за счёт сочетания значений 血 «кровь» и 拼 «сражаться, бороться». В терминологии Чжао Цзяи подобное явление называется семантизацией непроизводной единицы в ходе иероглифической адаптации [2, с. 84]: заимствованное слово, формально являющееся непроизводным, приобретает внутреннюю форму и становится семантически мотивированным. Кроме того, как отмечает Ли Бин, 血拼 представляет собой пример внутреннего заимствования: оно проникло в путунхуа из кантонского диалекта, где получило распространение под влиянием английского shopping [3, с. 66]. Яркая внутренняя форма не компенсирует стилистической маркированности, поэтому слово фиксируется как жаргонное, конкурирует с нейтральным 购物 «покупки» и вызывает отрицательную реакцию информантов. Хотя его звучание и написание уже приспособлены к нормам языка, по грамматике и стилистике 血拼 всё ещё связано в основном с неформальным общением, что и позволяет отнести этот англицизм к частично освоенным заимствованиям.

К разряду неосвоенных относятся единицы, прошедшие лишь один из уровней адаптации либо не демонстрирующие ассимиляции вовсе; в эту группу входят графические гибриды и смешанные конструкции. Показателен пример 做 PPT, где китайский глагол 做 «делать» сочетается с латинской аббревиатурой PPT (PowerPoint). Структура «глагол + объект» полностью укладывается в грамматические модели китайского языка, однако фонетическая адаптация отсутствует (компонент PPT произносится по-английски), как и иероглифическая фиксация. При этом 87,5 % нейтральных оценок отражают высокую частотность употребления в молодёжной среде при формальной неассимилированности. К гибридным образова-

ниям этого типа относятся 我觉得 okay и 这个 case. В первом случае китайское высказывание замыкается английским okay в латинской графике, во втором указательное местоимение 这个 сочетается с существительным case. Оба примера реализуют лишь грамматический уровень интеграции, тогда как графический и фонетический остаются англоязычными. Конструкция 这个 case получила 62,5 % негативных оценок, что коррелирует с её ощущаемой искусственностью и конкуренцией со стандартным 这个情况. Ещё дальше от зоны нормы находится написание Vitamin, которое сохраняет латиницу, не имеет закреплённой иероглифической формы в реальном употреблении (при наличии официального варианта 维生素) и воспринимается информантами как явно нежелательное заимствование.

Дополнительным показателем степени освоенности заимствования является его комбинаторность – способность образовывать производные слова и устойчивые сочетания [1, с. 18]. Полностью ассимилированные слова демонстрируют высокую комбинаторность: 摩托 образует 摩托车 (мотоцикл), 摩托艇 (гидроцикл), 摩托化 (моторизация); 柠檬 образует 柠檬水 (лимонад), 柠檬茶 (чай с лимоном), 柠檬黄 (лимонно-жёлтый); 霸凌 образует 校园霸凌 (школьный буллинг), 网络霸凌 (кибербуллинг). Как показывают наблюдения, даже фонетически заимствованные англицизмы могут становиться производящей основой для новых слов. Например, 秀 (xiù, от англ. show) дало начало выражению 做秀 в значении «пиариться», а 吧 (bā, от англ. bar) послужило основой для образования слов 网吧 «интернет-кафе», 吧女 «барменша» и др. [4, с. 182]. У частично освоенных заимствований круг сочетаемости заметно уже. Так, 的士 употребляется в соединениях вроде 的士司机 «водитель такси» и 打的 «взять такси», но по словообразовательной активности всё же проигрывает исконному 出租车. Ещё нагляднее это видно на примере 血拼, которое почти не даёт производных форм, что указывает на его периферийное положение в системе. Неосвоенные заимствования в словообразование почти не включаются. Оборот 做 PPT не порождает новых слов и допускает лишь замену глагола, как в 做 PPT, 发 PPT, 看 PPT. Выражения 我觉得 okay и 这个 case функционируют как устойчивые сочетания и тоже не дают начала новым единицам языка.

Заключение

В работе модель ассимиляции К.Е. Кохоновой впервые применена к англицизмам китайского языка. Сначала были описаны основные механизмы их адаптации (фонетический, семантический, фонетико-семантический, графический), затем по результатам авторского опроса китайских студентов оценена степень освоенности заимствований по трём уровням: фонетическому, грамматическому и орфографическому. Проведённый анализ позволил распределить англицизмы на полностью ассимилирован-

ные, частично ассимилированные и неассимилированные. Выявлено также специфическое для китайской практики явление устойчивого пласта графических гибридов, в котором сочетаются латиница и иероглифы. Материалы опроса, в свою очередь, показывают расхождение между формальной степенью ассимиляции и оценкой носителей, что делает необходимым учёт социолингвистических параметров, прежде всего наличия альтернативных средств выражения. Дальнейшее исследование предполагает расширение выборки и детальный анализ динамики графических гибридов.

Библиографический список:

1. Кохонова К.Е. Китайские заимствования в системе английского литературного языка: исторический, структурно-системный и функциональный аспекты / К.Е. Кохонова // автореф. кандидата филологических наук. – Барнаул. 2020. 23 с.
2. Чжао Ц. Формальная адаптация заимствований в русском и китайском языках / Ц. Чжао // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 4. С. 78-91.
3. Ли Б. Заимствование как способ пополнения лексического состава современного китайского языка / Б. Ли // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 21 (242). С. 64-67.
4. Гаврилюк М.А. Англицизмы как способ пополнения словарного состава современного китайского языка в условиях глобализации / М.А. Гаврилюк, С.С. Бороева // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм: Сборник научных трудов. Том Выпуск 5. – Иркутск: Аспринт, 2022. С. 178-187.
5. Лавренюк Е.В. Структурные и семантические особенности неологизмов современного китайского языка / Е. В. Лавренюк // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 2. С. 154-164. – DOI: 10.15643/libartrus-2017.2.5.
6. Ли С. Англицизмы и американизмы в современном китайском языке и процесс их китаефикации / С. Ли, Е.В. Полищук // Современное педагогическое образование. 2018. № 5. С. 110-113.
7. Перфильева Н.В. Способы ассимиляции английских заимствований в китайский язык / Н.В. Перфильева, П. Ху // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 2. С. 287-301. – DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-287-301.
8. Бирюков Н.Г., Сафонова А.И., Толмачева Е.И. Влияние научно-технического прогресса на эволюцию японского общества // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 54-63.

Reference

1. Kokhonova K.E. Chinese Borrowings in the System of the English Literary Language: Historical, Structural-Systemic, and Functional Aspects / K.E. Kokhonova // Abstract of a Candidate of Philological Sciences. – Barnaul. 2020. 23 p.
2. Zhao C. Formal Adaptation of Borrowings in Russian and Chinese / C. Zhao // Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology. 2018. № 4. P. 78-91.
3. Li B. Borrowing as a Way of Replenishing the Lexical Stock of Modern Chinese / B. Li // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities. 2016. № 21 (242). P. 64-67.
4. Gavrilyuk M.A. Anglicisms as a way to replenish the vocabulary of the modern Chinese language in the context of globalization / M.A. Gavrilyuk, S.S. Boroeva // Linguistics and linguodidactics in light of modern scientific paradigms: Collection of scientific papers. Volume Issue 5. – Irkutsk: Asprint, 2022. P. 178-187.
5. Lavrenyuk E.V. Structural and semantic features of neologisms of the modern Chinese language / E.V. Lavrenyuk // Russian Humanitarian Journal. 2017. Vol. 6. № 2. P. 154-164. – DOI: 10.15643/libartrus-2017.2.5.
6. Li S. Anglicisms and Americanisms in the modern Chinese language and the process of their sinicization / S. Li, E.V. Polischuk // Modern pedagogical education. 2018. № 5. P. 110-113.
7. Perfil'eva N.V. Ways of assimilation of English borrowings into the Chinese language / N.V. Perfil'eva, P. Hu // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics. 2018. Vol. 9. № 2. P. 287-301. – DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-287-301.
8. Biryukov N.G., Safonova A.I., Tolmacheva E.I. The influence of scientific and technical progress on the evolution of Japanese society // Etnosotsium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 54-63.

Павлова А.В.

Старший преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений института филологии и языковой коммуникации СФУ, аспирант первого курса аспирантуры ИФиЯК СФУ (Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета).

Концепт «North» в поэтическом дискурсе Аляски: структура, репрезентация и национально-культурная специфика*

Аннотация. Целью данной статьи является комплексный анализ многомерной структуры концепта «North» (понятийного, образного и оценочного слоев) на материале поэтического дискурса современных поэтов Аляски, а так же определение национально-культурной и индивидуальной авторской специфики его репрезентации в контексте лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

1. Рассмотреть теоретические основы изучения концепта в современной когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, определить структуру концепта и методы его анализа.

2. Выявить особенностей структуры поэтического концепта «North», дать характеристику языковых средств репрезентации его слоев.

Теоретико-методологическую основу составляют принципы лингвокультурологии и концептологии (В.А. Маслова, С.Г. Воркачев).

Методы исследования – выборочная расписка на этапе сбора информации; на исследовательском этапе - концептуальный анализ, который широко используется в лингвокультурологии.

Источников – стихи современных поэтов Аляски (Абигейл Чабитной/Abigeil Chabitnoy, Джоан Навиюк Кейн/Joan Navijuk Kane, Керри Аягадук Оянен/Carrie Ayagaduc Ojanen).

Ключевые слова: концепт «North», лингвокультурология, когнитивная лингвистика, поэтический дискурс, современная поэзия Аляски, стрелочная структура концепта, языковая картина мира, коренные народы Аляски, идентичность, деколонизация.

Pavlova A.V.

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages for Humanities, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University; first-year postgraduate student, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University.

* © Павлова А.В., 2026.

The concept of "North" in the poetic discourse of Alaska: structure, representation, and national-cultural specificity

Abstract. Objective: This article aims to conduct a comprehensive analysis of the multidimensional structure of the concept "North" (its notional, figurative, and evaluative layers) based on the poetic discourse of contemporary Alaskan poets. It also seeks to determine the national-cultural and individual authorial specifics of its representation within the context of cultural linguistics and cognitive linguistics.

To achieve this goal, the following tasks are addressed:

1. To examine the theoretical foundations of concept studies in modern cognitive linguistics and cultural linguistics, defining the structure of the concept and methods for its analysis.

2. To identify the structural features of the poetic concept "North" and characterize the linguistic means representing its layers.

Theoretical and Methodological Framework: The research is grounded in the principles of cultural linguistics and conceptology (V. A. Maslova, S. G. Vorkachev).

Research Methods: The study employs purposive sampling at the data collection stage. At the analytical stage, conceptual analysis, widely used in cultural linguistics, is applied.

Sources: The research material consists of poems by contemporary Alaskan poets: Abigail Chabitnoy, Joan Naviyuk Kane, and Carrie Ayagaduk Ojanen. These poets were chosen because their works are untranslated and understudied in Russia; they reflect the specific value-based attitudes towards the phenomenon of the North, and their texts, as revealed during the analysis, are highly informative for this study.

Key words: concept "North", cultural linguistics, cognitive linguistics, poetic discourse, contemporary Alaskan poetry, three-layer structure of the concept, linguistic worldview, Indigenous peoples of Alaska, identity, decolonization.

Концепт «Север» давно перестал быть исключительно географическим обозначением, превратившись в сложный, многослойный образ в коллективном сознании и культуре. Изучение репрезентаций Севера в литературе и искусстве позволяет выявить ключевые нарративы национальной и культурной идентичности и осмыслить актуальные проблемы современности – от экологического кризиса до постколониального переосмысления истории.

Концепт «Север» изучается учеными в контексте различных дискурсов – когнитивно-сопоставительный [Закирова, 2011, Егорова, 2010]; лингвокультурологический и этнолингвистический дискурс [Иванищева, 2012, Хохолова, Самсонов, 2019], социолингвистический дискурс [Иванищева, 2012] и художественный/поэтический дискурс, которой и представляет для нас наибольший научный интерес.

По определению В.В. Юркевич, этот тип дискурса является «совокуп-

ностью художественных произведений (текстов), созданных в результате взаимодействия целей и намерений автора, разнообразия возможных реакций читателя, а так же текста, выводящего художественное произведение в пространство семиосферы» [Юркевич, 2014, 107].

Работы по изучению концепта «Север» в художественном и поэтическом дискурсе на материалах творчества коренных малочисленных народов Севера представлены следующими научными работами.

Статья С.С. Павлова «Концепт «Север» в художественной картине мира чукотского поэта В.Г. Кеулькута». В своей работе автор приходит к следующим выводам – концепт «Север» трактуется как дискурсообразующий концепт арктического дискурса. Север в поэзии Кеулькута - это дом, малая родина, воспринимаемая через призму промысловой деятельности и суровой природы [Павлов, 2023].

Статья Петрова А.А. « Концепт «Север» в творчестве долганской поэтессы Огдо Аксеновой» посвящена исследованию концепта «Север» в поэзии первой долганской поэтессы Огдо Аксеновой. В ходе исследования автор статьи делает следующие выводы – концепт «Север» у Огдо Аксеновой – это интимный, личностный образ малой родины (Таймыра), пронизанный любовью и ностальгией [Петров, 2021].

Помимо поэзии и художественных текстов коренных народов ученые обращаются так же к творчеству русских писателей и поэтов, которые, либо отбывали ссылку на севере, либо путешествовали по арктическим территориям.

Статья А.В. Петрова «Концептуализация образа Севера в поэзии Дмитрия Ушакова» посвящена исследованию концепта «Север» в поэзии русского поэта Дмитрия Ушакова. Автор делает вывод о том, что концепт «Север» у Ушакова функционирует как часть «Северного текста», для которого характерны онтологизм и традиционность. Работа вносит важный вклад в изучение «Северного текста» и показывает, как региональная идентичность выражается через поэтический язык. [Петров, 2019].

Статья Оконешниковой А.А. представляет собой научное исследование, посвященное концепту «Север» в творчестве русского писателя Андрея Алдан-Семенова. Автор приходит к следующим выводам – концепт «Север» у Алдан-Семенова – это синтез личного опыта, этнографического интереса и художественного осмысления. Север в работах это писателя предстает не только как географическое пространство, но и как место испытаний, труда, духовной силы и красоты [Оконешникова, 2021].

Статья Ощепковой А.И. и Монастырева Т.С. (2023) посвящена исследованию поэтики северного пространства в лирике декабриста А.А. Бестужева-Марлинского, написанной во время якутской ссылки. Статья представляет собой комплексный лингвистический анализ, который позволяет

раскрыть не только языковые средства создания образа Севера, но и него мифопоэтичекиую, психологическую и философскую глубину. Авторы показывают, как в лирике Бестужева - Марлинского создается сложный амбивалентный образ Севера [Ощепкова, Монастырев, 2023].

Структура концепта «North» и языковые средства его вербализация рассматривается в диссертационной работе кандидата филологических наук В.М. Лютянского «Концепт «North» в «Северных рассказах» Джека Лондона» (2011). В данной диссертационной работе автор изучает, как концепт «North» как ментальная единица структурируется в сознании писателя-носителя языка и вербализуется в тексте, анализирует фреймы и схемы (сценарий «путешествие на Север», метафорические модели «Север - это живое существо/соперник/судья» и слои концепта.

В своей работе исследователь приходит к следующим выводам – концепт «North» у Джека Лондона вербализуется не только как географическое направление, а как многомерный художественный образ, включающий микроконцепты «Враждебная среда», «Испытание», «Простор/свобода» [Лютянский, 2011].

Диссертационная работа Д.Ф. Рахимовой «Языковая репрезентация концепта North/Север в оригиналах и переводах романов Фарли Моуэта» (2012) представляет собой фундаментальное исследование в области сопоставительной лингвоконцептологии, объединяющее анализ художественного дискурса, переводоведение и экспериментальные методы. Ее работа вносит вклад в теорию «северности» (nordicity), показывая на конкретном материале, как этот компонент идентичности по-разному структурирован в канадском и русском сознании [Рахимова, 2012].

В англоязычном североамериканском научном пространстве (в свободном доступе) нет устоявшейся традиции лингвистического анализа концепта «North» как единицы языковой картины мира. Лингвисты США И Канады, работающие с «северным материалом», занимаются полевой докумнтализацией исчезающих языков коренных народов Арктики, а не концептуальным анализом «North». «Идея Севера» изучается с позиции культурологии и междисциплинарных исследований. Шерилл Э. Грейс (Sherrill E. Grace) в своей работе «Canada and the idea of North» (Канада и Северная идея) анализирует, как Север конструируется в живописи, театре, музыке и политических текстах, опираясь на методы культурологии [Grace, 2001].

Дуглас Уэст (Douglas West) в своей статье «Comment: discourse or discovery» (Комментарий: дискурс или открытие) изучает идею «нордицизма» («nordicism»), его исследование является социологическим, а не лингвистическим [West, 2018].

Даниэль Шартье (Daniel Chartier) изучает «грамматику идей Севера», с точки зрения филологии и истории.

Как мы видим, в перечне работ отсутствуют труды, посвященные репрезентации концепта «North» в поэтическом дискурсе в целом, и в текстах современных поэтов Аляски в частности. Это определяет задачи и объект исследования.

В современной когнитивной лингвистике и лингвокультурологии доминирующим является представление о концепте как о многомерном ментальным образовании. Вслед за работами Ю.С. Степанова, В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина принято выделять несколько качественно разнородных слоев концепта.

Понятийный слой концепта – это ядро концепта, содержащее минимальный набор основных, существенных, словарных признаков предмета или явления, зафиксированных в сознании [Слышкин, 2004].

Понятийный слой концепта «North» в поэтическом дискурсе Аляски включает в себя прямые номинации, термины и реалии, которые создают фактическую основу образа Севера.

Географически «North» в произведениях указанных поэтесс представлен упоминанием Аляски(«Biologists in Alaska») и указанием конкретных мест (Konnecott/Коннекот - заброшенный шахтерский город на Аляске), («Savoona», «Ugiuvak», «Teller», «Jabbertown» - поселки Аляски),

«Bering Sea» (Берингово море) и особенностями местности и ландшафта – «glaciers» (ледники), «ice sheets» (ледяные просторы), «fjord» (фьорд), «island» (остров),«rough ice» (торосы), «tundra» (тундра).

Представители северной флоры и фауны так же являются олицетворением понятийного слоя концепта «North» – «seabirds» (морские птицы), «fish» (рыба), «shark» (акула) (в контексте коренных традиций является тотемным животным, что обуславливает частое использование в репрезентации понимания концепта Север), «bear»/«polar bear»(медведь/белый медведь),«seal» (морж), «whale» (кит), «raindeer» (северный олень) – типичные обитатели арктического региона и неразрывно связанные с его восприятием.

Так же понятийный слой концепта «North» репрезентуется через атрибуты, одежду и традиционные ремесла коренных народов («gaffed fish» (рыба, пойманная багром), «seal oil lamp» (лампа с тюленьим жиром), «moss wicks» (фитили из мха), «animal hides» (шкуры животных), «dog hitched to dogs» (собачья упряжка).

Традиционные орудия труда («ulu» (женский нож), «umiaq» (кожаная лодка),«ugilhaaq»(традиционная одежда), термины родства («Aaka» (бабушка), «Aapa» (дедушка) и некоторая другая лексика («naluagmiut» (белый человек), «aqpik» (ягода), «syramic» (спасибо) написаны на языке инупиат, что отображает быт и культуру коренных народов Севера, их самоидентичность.

Таким образом, понятийный слой концепта «North» репрезнтуется через единство географических, природных и этнографических смыслов.

В основе любого поэтического текста лежит образный слой концепта, репрезентующий результаты чувственно-перцептивного познания действительности и представляющий собой совокупность закрепленных в языковом сознании наглядно-чувственных, ассоциативных и метафорических признаков.

Центральными метафорами для репрезентации образного слоя концепта «North» являются:

Север как тело/лицо, подверженное разрушению – ледник сравнивается с лицом «the face never the same» (лицо никогда не бывает прежним)

«Many areas have seen disappearances glaciers and ice sheets and rivers short of the sea–the face never the same.» (Abigail Chabitnoy «We became pieces so the whole would survive, 2020)

«The face falls away» (лицо осыпается/сползает), что создает образ раненого, стареющего, умирающего великана.

«but the human characteristics are most evident in the lines we cut.The face falls away. Glaciers don't grow back» (Abigail Chabitnoy, «We became pieces so the whole would survive», 2020)

В произведениях Джоан Кейн тело и боль человека смешиваются с телом и болью земли – «vertebrae, chasm and clatter» (позвонки, пропасть и лязг)

I do not know the whole allegory from start to finish – at most a white maculation, vertebrae, chasm, & clatter. (Joan Navijuk Kane «Game with failed absolute», 2021). Руки бабушки у Керри Оянен – топос «She has brown hands with rivers deep and blue» (у нее коричневые руки с глубокими синими руками - венами) – вены становятся реками, а кожа – землей.

«She has brown hands with rivers deep and blue,

She plucks the salmonberries from their stems,

She moves, bent over, in and out of view.» (Carrie Ayagaduc Ojanen «Berry picker II», 2018)

Север как пустота/утрата – «I see nothing but the sky» (Я не вижу ничего, кроме неба) – то, что ищет лирическая героиня («ocean» (океан), «boats» (лодки)) исчезло. Север становится проекцией утраченного.

«An ocean that held so many boats built by men now dead, numerous windings through scree to crown, driveline, cairn, blind –I see nothing but the sky.»(Joan Navijuk Kane 'Sometimes there are even scars', 2020) «Sometimes stars as bright as collarbones gleam before I blink, then find these firmaments also disappeared» (Иногда звёзды, яркие, как ключицы, сверкают, прежде чем я моргну, а потом обнаруживаю, что и эти небеса тоже исчезли)

Север как место, где оживают мифы – «Thomas, you showed us the

women could be a bird» (Томас, ты показал нам, что женщины могут быть птицами) – на Аляске образ «женщины-птицы» встречается в мифологии и фольклоре коренных народов (инуитов, юпиков и атабасков).

«Thomas, you showed us the women could be bird. You showed us the women thrown overboard…» (Abigail Chabitnoy, «Palinode», 2020)

«I see you dance your crane dance…before you disappear into the crane form» (Я созерцаю твой журавлиный танец… пока ты не исчезнешь, став журавлем) – превращение в птицу Керри Оянен использует как метафору, указывающую на глубинное родство человека и природы.

Оценочный слой концепта представляет собой совокупность устойчиво закрепленных в языковом сознании признаков, которые выражают отношение коллективного или индивидуального субъекта к обозначаемому объекту.

Оценочный слой концепта «North» амбивалентен. Эстетическая оценка концепта «North» фиксирует красоту сурового северного края с помощью эпитетов – «lit» (озаренный, полный света), но красота здесь неотделима от мрака – «…lit gold and hued like night» (сияющий златом в красках тьмы) (Joan Navijuk Kane «Shot in Sobriety»); «elegant» (изящный) неожиданно появляется в описании разделки туши лебедя, но смерть здесь не отменяет красоты и трагической эстетики Carrie Ayagaduc Ojanen «Roughly for the North»)

Эмоциональная оценка Севера насыщена горечью, страхом и гневом. Эти чувства передаются через прямые номинации, повторы и метафоры.

«Now the girls are losing their wings» (сейчас девушки теряют свои крылья) – о потере способности летать (символически – утрата традиций, свободы).

Джоан Кейн использует параллелизм – «To blood. No certainty.» (Ни капли крови. Ни тени уверенности) для того, чтобы показать неуверенность в завтрашнем дне.

«You all broke, I know, everyone shattered» (Вы все сломались, я знаю, все разбились вдребезги) – так Оянен пишет о последствиях переселения. Здесь коллективная травма, выраженная через образ разбитого стекла.

Сенсорная оценка концепта «North» репрезентуется через телесное переживание холода:

«The cold get under my skin» (холод пробирается под мою кожу) – о физическом и эмоциональном холоде (Abigail Chabitnoy)

«the cold…/we yield to cold despite the pelt of a bear» (И холод... / мы пасуем пред ним, хоть и в шкуре медвежьей) – холод здесь – непреодолимая сила, от которой ничего не спасает (Carrie Ayagaduc Ojanen)

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Север предстает не как статичное географическое пространство, а как

сложный феномен, включающий природные, культурные, исторические и метафизические аспекты.

2. Север познается через тело, которое само становится частью ландшафта. Тело человека (кожа, вены, кости) и тело земли (реки, ледники, тундра) взаимопроницаемы.

3.Центральным объединяющим мотивом является тема утраты (традиционного уклада, языка, малой родины) и историческая травма колонизации и насильственной ассимиляции. Эта травма вписана в ландшафт и передается через поколения.

4. Включение лексики коренных народов (инупиат) в англоязычные тексты служит актом деколонизации языка, инструментом сохранения собственной памяти и идентичности.

5. Ключевую роль играют анималистические и тотемные образы, а также баланс между документальной фиксацией истории и мифологическим мышлением.

Таким образом концепт «North» в поэзии Аляски формирует единый гипертекст, где личное и историческое, природное и культурное переплетено воедино.

Север здесь – это не просто территория и не абстрактная идея, это живой, страдающий, помнящий и любимый субъект, голос которого долгое время остававшийся на периферии, сегодня звучит в полную силу, предлагая нам новую оптику для понимания Арктики.

Библиографический список:

1. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 2. 356 с.
2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
3. Егорова Н.А. Концепты «Север / the North» и «Юг / the South» в русской и американской картинах мира: диссертация кандидата филологических наук / Н.А. Егорова. – Москва, 2010.
4. Иванищева О.Н. Север в восприятии носителей языка: феномен культурного знака / О.Н. Иванищева // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 10.
5. Лютянский В.М. Концепт «North» в «Северных рассказах» Джека Лондона: диссертация андидата филологических наук / В.М. Лютянский. – Белгород, 2011.
6. Оконешникова А.А. Концепт «Север» в прозе Андрея Алдан-Семенова / А.А. Оконешникова // Языковая картина мира русских старожилов в контексте взаимодействия с языками и культурами народов России: сборник материалов Всероссийской с международным участием научно-практической онлайн-конференции (Якутск, 19–21 ноября 2020 г.). – Якутск, 2021. С. 170-171.
7. Ощепкова А.И. Поэтика северного пространства в стихотворениях А.А. Бестужева-Марлинского / А.И. Ощепкова, Т.С. Монастырев // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Вопросы национальных литератур. 2023. № 4 (12).
8. Павлов С.С. Концепт СЕВЕР в художественной картине мира чукотского поэта В.Г. Кеулькута / С.С. Павлов // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 5. С. 93-113.
9. Петров А.А. Концепт «север» в творчестве долганской поэтессы Огдо Аксеновой / А.А. Петров // Языковая картина мира русских старожилов в контексте взаимодействия с языками и культурами народов России: сборник материалов Всероссийской с международным участием научно-практической онлайн-конференции (Якутск, 19–21 ноября 2020 г.). – Якутск, 2021. С. 184-188.
10. Петров А.В. Концептуализация образа Севера в поэзии Дмитрия Ушакова / А.В. Петров // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2019. № 1 (12). С. 73-78.

11. Chabitnoy A. Three poems / A. Chabitnoy // Poetry Northwest. 2020. // URL: https://www.poetrynw.org/poetry/abigail-chabitnoy-three-poems
12. Chartier D. Towards a Grammar of the Idea of North: Nordicity, Winterity / D. Chartier. – Toronto, 2007.
13. Grace S.E. Canada and the Idea of North / S.E. Grace. – Montreal; Kingston: McGill-Queen's University Press, 2001.
14. Kane J.N. Seven poems from dark traffic / J.N. Kane // The Map Is Not the Territory. 2021. // URL: http://themapisnot.com/issue-12-joan-naviyuk-kane.
15. Ojanen C.A. Roughly for the North / C.A. Ojanen. – Fairbanks: University of Alaska Press, 2018. 82 p.
16. West D. Comment: discourse or discovery / D. West // Journal of Canadian Studies / Revue d'études canadiennes. 2018. № 26.
17. Долгенко А.Н., Мурашко С.Ф., Рудакова С.В. Деловая игра как форма активного обучения // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 28-33.

Reference

1. Anthology of Concepts / edited by V.I. Karasik, I.A. Sternin. – Volgograd: Paradigma, 2005. Vol. 2. 356 p.
2. Vorkachev S.G. Lingvoculturology, linguistic personality, concept: the formation of the anthropocentric paradigm in linguistics / S. G. Vorkachev // Philological sciences. 2001. № 1. P. 64-72.
3. Egorova N.A. The concepts of "the North" and "the South" in the Russian and American pictures of the world: dissertation of candidate of philological sciences / N.A. Egorova. – Moscow, 2010.
4. Ivanishcheva O.N. The North in the perception of native speakers: the phenomenon of a cultural sign / O.N. Ivanishcheva // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 10.
5. Lyutyansky V.M. The Concept of "North" in Jack London's "Northern Stories": Candidate of Philological Sciences Dissertation / V.M. Lyutyansky. – Belgorod, 2011.
6. Okoneshnikova A.A. The Concept of "North" in the Prose of Andrey Aldan-Semenov / A.A. Okoneshnikova // The Linguistic Picture of the World of Russian Old-Timers in the Context of Interaction with the Languages and Cultures of the Peoples of Russia: Collection of Materials from the All-Russian Scientific and Practical Online Conference with International Participation (Yakutsk, November 19–21, 2020). – Yakutsk, 2021. P. 170–171.
7. Oshchepkova A.I. Poetics of the Northern Space in the Poems of A.A. Bestuzhev-Marlinsky / A.I. Oshchepkova, T.S. Monastyrev // Bulletin of the North-Eastern Federal University. M.K. Ammosova. Series: Questions of national literatures. 2023. № 4 (12).
8. Pavlov S.S. The concept of NORTH in the artistic picture of the world of the Chukchi poet V.G. Keulkuta / S.S. Pavlov // Scientific dialogue. 2023. T. 12. № 5. P. 93-113.
9. Petrov A.A. The concept of "north" in the works of the Dolgan poetess Ogdo Aksenova / A.A. Petrov // The linguistic picture of the world of Russian old-timers in the context of interaction with the languages and cultures of the peoples of Russia: a collection of materials from the All-Russian scientific and practical online conference with international participation (Yakutsk, November 19–21, 2020). – Yakutsk, 2021. P. 184-188.
10. Petrov A.V. Conceptualization of the Image of the North in the Poetry of Dmitry Ushakov / A.V. Petrov // Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences. 2019. № 1 (12). P. 73-78.
11. Chabitnoy A. Three poems / A. Chabitnoy // Poetry Northwest. 2020. // URL: https://www.poetrynw.org/poetry/abigail-chabitnoy-three-poems
12. Chartier D. Towards a Grammar of the Idea of North: Nordicity, Winterity / D. Chartier. – Toronto, 2007.
13. Grace S.E. Canada and the Idea of North / S.E. Grace. – Montreal; Kingston: McGill-Queen's University Press, 2001.
14. Kane J.N. Seven poems from dark traffic / J.N. Kane // The Map Is Not the Territory. 2021. // URL: http://themapisnot.com/issue-12-joan-naviyuk-kane.
15. Ojanen C.A. Roughly for the North / C.A. Ojanen. – Fairbanks: University of Alaska Press, 2018. 82 p.
16. West D. Comment: discourse or discovery / D. West // Journal of Canadian Studies / Revue d'études canadiennes. 2018. № 26.
17. Dolgenko A.N., Murashko S.F., Rudakova S.V. Business game as a form of active training // Etnosotsium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 28-33.

Содикова Р.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета восточных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Обзор исследований по грамматике английского и таджикского языков*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению исследований по грамматике английского и таджикского языков. Отмечается, что язык является важнейшим средством человеческого общения, посредством которого люди выражают мысли друг другу и воспринимают мысли друг друга во время взаимодействия. Следует подчеркнуть, что грамматика языка составляет его основную базу. Автор предпринял попытку представить подробную информацию о взглядах таджикских, английских и русских исследователей, проводивших изыскания, связанные с грамматикой вышеупомянутых языков.

Часть речи представляет собой особую грамматическую категорию, имеющую свой порядок и статус в каждом языке, и определяется различиями в их морфологических и синтаксических особенностях. Лексико-грамматическая классификация частей речи позволяет четко выявить лексические, морфологические и синтаксические характеристики каждой группы слов. Грамматика является основным средством выражения и понимания в любом языке, создавая научную основу для укрепления языкознания и изучения иностранных языков.

Таким образом, грамматика таджикского и английского языков находится в центре постоянного внимания исследователей в данной области. В современную эпоху их сравнительное изучение обладает особой научной значимостью для выявления одноименных и разноименных, синонимичных и разнозначных, однофункциональных и разнофункциональных форм и категорий, а также для определения общих и специфических черт этих языков с грамматической точки зрения.

Ключевые слова: грамматика таджикского и английского языков, современные исследования, общие и специфические черты языков, одноименные и разноименные категории, синонимичные и разнозначные значения, однофункциональные и разнофункциональные роли, мнения таджикских, английских и русских исследователей.

Sodiqova R.A.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language, Faculty of Oriental Languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Khujand Tajikistan.

* © Содикова Р.А., 2026.

Review of research on English and Tajik grammar

Abstract. The given article dwells on the study of research on the grammar of English and Tajik languages. It is noted that language is the most important means of human communication, through which people express thoughts to each other and comprehend each other's thoughts during interaction. It should be stated that the grammar of a language forms its fundamental basis. The author has endeavored to provide detailed information regarding the views of Tajik, English, and Russian researchers who have conducted studies related to the grammar of the aforementioned languages.

Parts of speech constitute a special grammatical category, holding a specific order and status in each language, and are determined by distinguishing their morphological and syntactic features. The lexical-grammatical classification of parts of speech allows for the clear elucidation of the lexical, morphological, and syntactic characteristics of each word group. Grammar is the main means of expression and comprehension in any language, providing a scientific basis for strengthening linguistics and learning foreign languages.

Thus, Tajik and English grammar remains a constant focus of researchers in the field. In the modern era, their comparative study holds particular scientific significance for revealing homonymous and heteronymous, synonymous and heteronymous, homofunctional and heterofunctional forms and categories, and for determining the commonalities and specificities of these languages from a grammatical perspective.

Key words: Tajik and English grammar, modern research, commonalities and specificities of languages, homonymous and heteronymous categories, synonymous and heteronymous meanings, homofunctional and heterofunctional roles, views of Tajik, English and Russian researchers.

1. Introduction

Language is the most important means of human communication, through which people express thoughts to each other and comprehend each other's thoughts during interaction. All words of a language collectively form its lexical composition, within which the basic lexical fund is the most essential component, providing the basis for forming new words. Lexicology studies the basic lexical fund, the historical development of lexical resources, and the current state of the lexical composition. Grammar, or the structure of a language, constitutes its fundamental basis, comprising the set of rules that determine the relationships between words and sentences. With societal development and the influence of external factors, the grammar of every language undergoes evolution. This article aims to present detailed information on the views of Tajik, English, and Russian researchers who have conducted studies related to the grammar of the Tajik and English languages.

The main purpose of the article is to systematically review and synthesize the key theoretical perspectives on English and Tajik grammar as proposed by prominent Tajik, English, and Russian researchers, thereby identifying commonalities

and specificities between the two languages. **The genesis of the article** is rooted in the growing need for comparative linguistic studies that facilitate foreign language acquisition, strengthen general linguistics, and address translation challenges between English and Tajik. **The functions of the article** are threefold: to provide a consolidated reference source for researchers and students of comparative linguistics, to highlight homonymous/heteronymous and homofunctional/heterofunctional grammatical categories across the two languages, and to lay the groundwork for future applied research in language teaching and translation.

2. Methods and Materials

This study is based on a qualitative review and comparative analysis of existing theoretical and descriptive research on English and Tajik grammar. The materials consist of foundational and contemporary works by selected Tajik, English, and Russian linguists, including monographs, academic grammars, and peer-reviewed articles. The selection criteria prioritized researchers who have made significant, field-defining contributions to grammatical theory or description in their respective linguistic traditions. The methodological approach involved: (1) identifying core definitions and functions of grammar as proposed by each scholar; (2) extracting and translating key passages (where necessary) for comparative analysis; (3) synthesizing these views to reveal convergent and divergent understandings of parts of speech, morphological categories, and syntactic structures; and (4) deriving generalizable observations about the commonalities and specificities of English and Tajik grammar.

Review of Researchers' Views

2.1 Tajik Researchers

B. Niyozmuhammadov, a renowned Tajik linguist, viewed Tajik grammar as a system where morphology (word formation) and syntax (phrase and sentence structure) are interconnected and constitute components of a single grammatical structure. He emphasized that verb forms (morphology) and connective devices (syntax) are linked in forming simple and complex sentences. He argued that the grammar of the national Tajik language should incorporate local dialects and Arabic-Persian influences, analyzing Tajik dialectology in Shahrtuz and Konibodom, and stating that the literary language should align with dialectal features. In works like "Syntax of Simple Sentences in Literary Tajik," he analyzed primary grammatical means of connection between sentence parts, explaining simple sentence syntax considering literary and dialectal characteristics. He stated: "Grammar as a discipline includes morphology and syntax. The parts of grammar study various laws of language" [5, p. 117].

B. Kamoliddinov, another prominent Tajik linguist, made unique contributions to the development of syntax, stylistics, and speech culture in Tajik. His works include "Stylistics" (1973), "Grammatical Synonyms in Modern Literary

Tajik" (1986), "Stylistic Features of Tajik Morphology and Syntax" (1992), "Syntax of the Tajik Language" (2010), and "Some Problems of Comma Placement" (2013/2015). He stated: "Grammatical rules should be not only statistical but also meaningful and functional for the learner, and grammar is the set of rules of the literary language that determines the structure and relationship of language elements at the word and sentence levels" [3, p. 18-20].

M.N. Qosimova, one of the first and most distinguished female scholars in Tajik linguistics, contributed uniquely to the field. Her works include "Collection of Exercises in Tajik Language" (1971), "Chrestomathy of Classical Texts" (1974), "Practicum in Modern Tajik (Morphology and Syntax)" (1976), "Collection of Syntax Exercises in Tajik" (1976, co-authored with B. Kamoliddinov), "Essays on the Syntax of Simple Sentences in 11th Century Prose" (1976), and "Collection of Exercises on the Syntax of Complex Tajik Sentences" (1981, with B. Kamoliddinov). According to her, "morphemes are the smallest meaningful and grammatical units and form the basis of any language's grammar" [5, p. 35-36].

M. Shokuri, a major Tajik scholar, literary critic, culturologist, and linguist, contributed greatly to national identity, the Tajik language, and culture. His works include "The Law of the Tajik Language" (1989), "Khorasan is Here," and "Correspondence of Ustad Shokuri." He considered grammatical rules as a means of explaining the semantic structure of words and sentences, stating: "The study of gender, number, case, and tense is important not only in form but also in their semantic function. Grammar should be not only pedagogical but also explanatory of the nation's system of thought" [6, p. 41-42].

2.2 English Researchers

Noam Chomsky, an eminent English (American) linguist, philosopher, and psychologist, authored "Syntactic Structures" (1957), "Aspects of the Theory of Syntax" (1965), "The Sound Pattern of English" (1968, with Morris Halle), and "Lectures on Government and Binding" (1981). He defined grammar as: "A grammar is a device that specifies the infinite set of well-formed sentences of a language" [12, p. 13].

M.A.K. Halliday, one of the most influential linguists of the 20th and early 21st centuries, known for Systemic Functional Linguistics (SFL), viewed language not as a system of rules but as a social means of creating meaning. His works include "An Introduction to Functional Grammar," "Explorations in the Functions of Language," "Learning How to Mean," and the 11-volume "Collected Works." He defined grammar as: "Grammar is the central processing unit of language, the powerhouse where meanings are created" [13, p. 134].

James D. McCawley, an American linguist known for contributions to syntax, semantics, phonology, and logic, was a prominent figure in generative semantics. His works include "The Phonological Component of a Grammar of Japanese"

(1968), "The Syntactic Phenomena of English" (1988, 2nd ed. 1998), "Everything Linguists Always Wanted to Know About Logic (But Were Ashamed to Ask)" (1981), and "Grammar and Meaning: Papers on Syntactic and Semantic Topics." He stated: "The complexity of English syntax is such that even 'simple' sentences may involve intricate structural relationships" [14, p. 5].

2.3 Russian Researchers

V.V. Vinogradov (1894–1969), a prominent Russian linguist known for integrating grammar with stylistics, authored the classic "Russian Language: A Grammatical Study of the Word" (1947) and edited the first Soviet academic "Grammar of the Russian Language" (1952–54). He also edited major dictionaries. Vinogradov viewed grammar as a natural system intertwined with style, studying form and function together. He wrote: "...lexicon and grammar are 'as if two poles, between which the whole system develops... a tendency... towards a lexicological instrument... on the other hand, a preference... for a grammatical instrument – a rule of construction" [1, p. 14]. He emphasized the "interpenetration of morphology, syntax, and lexicology... organically connected" [1, p. 17].

A.A. Shakhmatov, a founder of Russian scientific linguistics, philologist, and academician, studied Russian as a historical and cultural phenomenon. His works include "Essay on the Most Ancient Period of Russian Language History" (1915), "Syntax of the Russian Language" (posthumous, 1925), and "Essay on Modern Literary Russian." He stated: "We call a grammatical concept those accompanying basic meanings that find morphological or syntactic expression in a given language. We call a grammatical form the morphological manifestation of a grammatical concept" [7, p. 24].

3. Main results

Parts of speech constitute a special grammatical category, possessing a specific order and status in each language, determined by differences in their morphological and syntactic features. Independent parts of speech include words with independent lexical meaning, specific word-formation, morphological, and syntactic properties. Both English and Tajik share independent parts of speech: noun, adjective, numeral, pronoun, verb, and adverb. The lexical-grammatical classification of parts of speech enables clear elucidation of the lexical, morphological, and syntactic characteristics of each word group. Lexical and grammatical meaning are closely linked and inconceivable without each other. For example, a noun denotes an object, an adjective a property, a numeral quantity, a verb an action or state, and an adverb a property of an action.

Grammar as a discipline includes morphology and syntax. Morphology determines rules for classifying words into parts of speech based on lexical and grammatical features, studying the word, its composition, and word formation.

In syntax, a word is analyzed as part of a phrase and as a sentence part [5, p. 117]. Morphology and syntax are closely related, with some phenomena not attributable solely to one. Grammatical categories of verbs, nouns, adjectives, and adverbs can only be fully studied through grammar. In modern literary Tajik, morphological categories become more evident within phrases and sentences. Syntax plays a major role in classifying parts of speech in Tajik. Morphological categories are also important in expressing syntactic relations. The formation of a phrase depends primarily on the lexical meaning of the word and its phrase-forming ability; phrases are also classified according to the morphological affiliation of the head word. Categories of modality and tense, characteristic of any sentence, are primarily expressed through verb moods and tense forms. In Tajik, predicative markers agree with verb markers except for the third person singular [2, p. 117; 8, p. 20; 9, p. 116; 10, p. 141; 11, p. 112].

4. Discussion

Grammar is the main means of expression and comprehension in any language, providing a scientific basis for strengthening linguistics and learning foreign languages. The findings of this review demonstrate that while English and Tajik belong to different language families (Germanic vs. Iranian), they share fundamental grammatical functions but realize them through divergent structural mechanisms. This section discusses these commonalities and specificities in greater depth, situates them within broader linguistic theory, and considers their implications for language teaching, translation, and future research.

4.1. Theoretical Frameworks and Divergent Conceptions of Grammar

The reviewed researchers represent three distinct yet overlapping theoretical traditions. The Tajik scholars (Niyozmuhammadov, Kamoliddinov, Qosimova, Shokuri) generally adhere to a descriptive, functional, and pedagogy-oriented approach, emphasizing the connection between grammar, dialectal variation, literary tradition, and national identity. Their work prioritizes practical language teaching and the preservation of linguistic heritage.

In contrast, the English-language researchers (Chomsky, Halliday, McCawley) represent formal generative and functional traditions. Chomsky's definition of grammar as a device that generates all and only the well-formed sentences of a language reflects a cognitive, universalist perspective focused on innate linguistic competence. Halliday's systemic functional approach, however, aligns more closely with the Tajik tradition in its emphasis on language as a social meaning-making resource. McCawley's generative semantics bridges formal syntax and semantics, highlighting the deep structural complexity even of simple sentences.

The Russian tradition (Vinogradov, Shakhmatov) occupies an intermediate position, combining historical, structural, and stylistic analysis. Vinogradov's

metaphor of lexicon and grammar as "two poles" acknowledges their interdependence, while Shakhmatov's focus on the morphological expression of grammatical concepts anticipates later morphosyntactic theories.

4.2. Grammatical Commonalities between English and Tajik

Despite typological differences, English and Tajik share several fundamental grammatical features:

1. Parts of Speech System: Both languages recognize the same core independent parts of speech: noun, adjective, numeral, pronoun, verb, and adverb. This shared classification reflects universal cognitive categories.

2. Morphosyntactic Integration: In both languages, morphology and syntax are tightly interwoven. Grammatical categories such as tense, number, and person are expressed through morphological markers that are only fully interpretable within syntactic structures.

3. Functional Categories: Both languages employ modality and tense as universal sentence-level categories, primarily expressed through verb forms. Predicative agreement (subject-verb agreement) operates in both, albeit with different surface realizations.

4. Phrase Formation: The formation of phrases depends on the lexical meaning of the head word and its combinatorial properties in both languages, suggesting a common underlying principle of syntactic projection.

4.3. Grammatical Specificities: Contrastive Analysis

The specificities of English and Tajik grammar are more numerous and arise from their different morphological typologies:

Feature English Tajik

Word Order Strict SVO (Subject-Verb-Object); deviations marked Relatively free; SOV preferred but flexible

Morphological Marking Analytic; few inflections (primarily plural -s, past -ed, 3rd person -s) Synthetic; extensive suffixal system for case, number, tense, person

Grammatical Gender Absent (natural gender only) Present (grammatical gender)

Determiners Obligatory use of articles (a/an, the) No articles; definiteness expressed through other means

Verb System Complex tense-aspect system (12 tense forms) Simpler tense system (past, present, future) with aspectual distinctions via prefixes

Case Marking Minimal (only on pronouns: I/me, he/him) Full case system (nominative, oblique, etc.)

Subordination Extensive use of conjunctions and relative pronouns Reliance on participial constructions and clausal embedding

These differences have profound implications for contrastive linguistics. For instance, the absence of articles in Tajik often leads to fossilized errors for

Tajik learners of English (overuse or omission of "a/an/the"), while the free word order in Tajik challenges English speakers to acquire flexible topic-comment structures.

4.4. Homonymous, Heteronymous, Synonymous, and Heterosemic Categories

The article's keywords highlight four critical pairs for comparative grammar:

Homonymous vs. Heteronymous Categories: Identically named categories (e.g., "past tense") may function differently. English past tense marks remoteness and is often combined with aspect (e.g., "I was walking"), while Tajik past tense is morphologically simpler and aspectually unmarked unless specified by prefixes.

Synonymous vs. Heterosemic Meanings: Different grammatical forms may express similar meanings (synonymous), or the same form may express different meanings (heterosemic). For example, the English modal "will" and the Tajik future marker "хоҳад" both express futurity but differ in modal overtones (intention, prediction, promise).

Homofunctional vs. Heterofunctional Roles: A part of speech may play identical syntactic roles across languages (homofunctional, e.g., subject noun phrase) or different roles (heterofunctional, e.g., English participles as adjectives vs. Tajik participles as clausal heads).

4.5. Practical Implications for Language Teaching and Translation

The comparative analysis yields direct pedagogical applications:

1. Error Analysis and Remediation: Recognizing L1 interference patterns allows for targeted instruction. Tajik learners of English need explicit training on article usage, word order rigidity, and the English tense-aspect system. English learners of Tajik require intensive practice with case suffixes, free word order, and gender agreement.

2. Translation Equivalence: The concept of "equivalence and non-equivalence of grammatical units" is central to translation studies. When no direct grammatical counterpart exists (e.g., English articles → Tajik zero marking), translators must employ periphrastic, lexical, or contextual strategies.

3. Curriculum Design: Grammatical sequences in textbooks should reflect contrastive difficulty. Features with high divergence (e.g., word order, articles, case) should receive earlier and more intensive treatment.

4. Professional Communication: In cross-linguistic professional settings (e.g., diplomacy, business, academia), awareness of grammatical specificities prevents misinterpretation. For example, the absence of a future marker in certain Tajik constructions may be mistaken for present tense by English speakers.

4.6. Limitations of the Current Review

Several limitations should be acknowledged. First, the review is selective, focusing on canonical researchers rather than exhaustively covering all contemporary work. Second, the English and Tajik grammars are compared at a gener-

al level; detailed micro-analyses of specific constructions (e.g., relative clauses, passive voice, conditionals) are beyond this scope. Third, diachronic perspectives (historical development of grammatical features) are omitted. Fourth, corpus-based or empirical studies on learner errors and translation mismatches are not included.

4.7. Synthesis: The Value of Comparative Grammar

Thus, the grammar of Tajik and English remains a constant focus of researchers. In the modern era, their comparative study holds particular scientific significance for revealing homonymous and heteronymous, synonymous and heterosemic, homofunctional and heterofunctional forms and categories, and for determining the commonalities and specificities of these languages from a grammatical perspective. The analysis and resolution of problems related to the equivalence and non-equivalence of grammatical units facilitate the learning process of the languages under study, professional and non-professional communication, and translation issues within their framework. These tasks, which constitute the author's future research agenda, are essential for advancing contrastive linguistics, improving foreign language pedagogy, and fostering cross-cultural understanding between English- and Tajik-speaking communities.

5. Conclusion

This review demonstrates that Tajik, English, and Russian researchers have consistently emphasized the centrality of grammar as a dynamic, functional system essential for linguistic analysis and language learning. The comparative study of Tajik and English grammar reveals both unique structural properties and shared functional categories, contributing to a deeper understanding of each language. Future research should focus on resolving equivalence issues in grammatical units to enhance language education, cross-cultural communication, and translation practices.

Библиографический список:

1. Виноградов В.В. Русский язык. – М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
2. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе: Китобхонаи миллии Тоҷикистон. 2019. 544 с.
3. Камолиддинов Б. Синтаксиси забони тоҷикӣ. – Душанбе: Маориф, 2001.457 с.
4. Қосимова М. Сохти морфологии забони адабии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1971. 326 с.
5. Ниёзмуҳаммадов Б. Забоншиносии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1970. 386 с.
6. Шукуров М. Морфологияи забони тоҷикӣ. – Душанбе: Ирфон, 1995. 376 с.
7. Шахматова А.А. По современному русскому языку. Москва – "Государственное учебно – педагогическое издательство министерство просвещения РСФСР", 1952. 271 с.
8. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Interjections and Their English and Chinese Equivalents: A Comparative Pragmatic and Semantic Analysis / B.P. Ashrapov // Stephanos. 2026. № 1 (75). P. 20-27. – DOI: 10.24249/2309-9917-2026-75-1-20-27.
9. Ashrapov B.P. Comparative analysis of semantico-functional and morphological- syntactical peculiarities of the Tajik modal particle гӯё and its English equivalents / B.P. Ashrapov // Herald of Daghestan Scientific Center. 2025. № 97. P. 116-123. – DOI: 10.31029/vestdnc97/17.
10. Ashrapov B.P. Comparative analysis of the morphological peculiarities of the suffix - mand and its English equivalents (on the material of Ghulomon by S. Aini) / B.P. Ashrapov // Herald of Daghestan Scientific Center.

2024. № 94. P. 141-145. – DOI: 10.31029/vestdnc94/20.
11. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities of Noun Forming Suffixes Denoting Person and Non-Person in Tajik Literary Language Referring to 18th and 20th Centuries / B.P. Ashrapov // Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences. 2024. № 3 (100). P. 112-119. – DOI: 10.24412/3005-849X-2024-3-112-119.
12. Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague: Mouton, 1957. 13 p.
13 Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. London: Edward Arnold, 1985. Xv p.
14. McCawley James D. The Syntactic Phenomena of English. University of Chicago Press, 1988. 5 p.
15. Рогатко С.А. Государственная научная и техническая политика по развитию сельскохозяйственного производства и пищевой переработки в России во второй половине XIX - начала XX вв. // Власть истории и История власти. 2021. Том 7. Часть 3. № 29. С. 287-297.

Reference

1. Vinogradov V.V. Russian language. – M.: Higher School, 1986. 640 p.
2. Grammar and zaboni adabii khozirai tohik. – Dushanbe: Kitobhonai milli Tojikiston. 2019. 544 p.
3. Kamoliddinov B. Syntax of zaboni tokiki. – Dushanbe: Maorif, 2001.457 p.
4. Kosimova M. Sokhti morphology of the slaughter of adabii tohik. – Dushanbe: Donish, 1971. 326 p.
5. Niyozmukhammadov B. Zabonshinosiy tok. – Dushanbe: Donish, 1970. 386 p.
6. Shukurov M. Morphology and the Meaning of the Toqik Language. – Dushanbe: Irfon, 1995. 376 p.
7. Shakhmatova A.A. On the Modern Russian Language. Moscow – "State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR", 1952. 271 p.
8. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Interjections and Their English and Chinese Equivalents: A Comparative Pragmatic and Semantic Analysis / B.P. Ashrapov // Stephanos. 2026. № 1 (75). P. 20-27. – DOI: 10.24249/2309-9917-2026-75-1-20-27.
9. Ashrapov B.P. Comparative analysis of semantico-functional and morphological- syntactical peculiarities of the Tajik modal particle gŷyo and its English equivalents / B.P. Ashrapov // Herald of Daghestan Scientific Center. 2025. № 97. P. 116-123. – DOI: 10.31029/vestdnc97/17.
10. Ashrapov B.P. Comparative analysis of the morphological peculiarities of the suffix - mand and its English equivalents (on the material of Ghulomon by S. Aini) / B.P. Ashrapov // Herald of Daghestan Scientific Center. 2024. № 94. P. 141-145. – DOI: 10.31029/vestdnc94/20.
11. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities of Noun Forming Suffixes Denoting Person and Non-Person in Tajik Literary Language Referring to 18th and 20th Centuries / B.P. Ashrapov // Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences. 2024. № 3 (100). P. 112-119. – DOI: 10.24412/3005-849X-2024-3-112-119.
12. Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague: Mouton, 1957. 13 p.
13 Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. London: Edward Arnold, 1985. XV p.
14. McCawley James D. The Syntactic Phenomena of English. University of Chicago Press, 1988. 5 p.
15. Rogatko S.A. State scientific and technical policy on development of agricultural production and food processing in Russia in the second half of the XIX – beginning of XX centuries // The Power Of History – The History Of Power. 2021. Volume 7. Issue 3. № 29. P. 287-297.

Фидоренко Е.А.
Аспирант. Московский педагогический государственный университет.

Ядерно-периферийная организация фразеосемантических групп «добро» и «зло» (на материале произведений сборника Ж. Санд «Contes d'une grand-mére», 2007 г.)*

Аннотация. Статья посвящена выявлению и анализу ядерно-периферийной организации фразеосемантических групп «добро» и «зло» в сборнике литературных сказок Ж. Санд «Contes d'une grand-mère». Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения способов языковой объективации этических категорий в художественном тексте, где фразеологические единицы выступают не только как номинативные средства, но и как инструмент философской рефлексии, отражающий индивидуально-авторскую картину мира. На материале сборника «Contes d'une grand-mère» с применением методов фразеологического, контекстуального и классификационного анализа, а также принципов полевого подхода выявлен и систематизирован корпус устойчивых оборотов, маркирующих этические смыслы. Установлено, что фразеосемантические группы «добро» и «зло» организованы по ядерно-периферийному принципу: ядро репрезентирует добро как имманентное свойство, а зло – как физическое насилие; приядерные зоны конкретизируют способы действия (сострадание, дружба и институционализированное принуждение, вербальная агрессия); периферия вводит рефлексивные смыслы (симуляция добра, фатальность зла, охранительные практики), усложняя бинарную оппозицию. В результате доказано, что фразеологизмы в сказках Ж. Санд служат инструментом трансформации жанрового канона, позволяя синтезировать фольклорную традицию с романтической эстетикой и натурфилософской проблематикой; ядерно-периферийная организация фразеосемантических групп выступает не только способом систематизации языкового материала, но и значимым элементом авторской поэтики, обеспечивающим переход от наивно-дидактической модели морали к философской рефлексии.

Ключевые слова: фразеосемантическая группа, добро, зло, ядерно-периферийная организация, литературная сказка, Ж. Санд, фразеология, оппозиция.

Fidorenko E.A.
Postgraduate Student. Moscow State Pedagogical University.

* © Фидоренко Е.А., 2026.

Nuclear-peripheral organization of phraseological semantic groups "good" and "evil" (based on the works of J. Sand's collection "Contes d'une grand-mére", 2007)

Abstract. The article is devoted to the identification and analysis of the core-peripheral organization of the phraseosemantic groups «good» and «evil» in G. Sand's collection of literary fairy tales «Contes d'une grand-mère». The relevance of the study is determined by the need to study the methods of linguistic objectification of ethical categories in a literary text, where phraseological units act not only as nominative means, but also as an instrument of philosophical reflection, reflecting the author's individual picture of the world. Based on the material of the collection «Contes d'une grand-mère» and using the methods of phraseological, contextual and classificatory analysis, as well as the principles of the field approach, a corpus of stable expressions marking ethical meanings was identified and systematized. It was established that the phraseosemantic groups «good» and «evil» are organized according to the core-peripheral principle: the core represents good as an immanent property, and evil as physical violence; The perinuclear zones concretize modes of action (compassion, friendship, institutionalized coercion, and verbal aggression); the periphery introduces reflexive meanings (the simulation of good, the fatality of evil, and protective practices), complicating the binary opposition. As a result, it has been demonstrated that phraseological units in G. Sand's fairy tales serve as a tool for transforming the genre canon, allowing for the synthesis of folklore tradition with romantic aesthetics and natural philosophical issues; the core-peripheral organization of phraseosemantic groups serves not only as a means of systematizing linguistic material but also as a significant element of the author's poetics, ensuring the transition from a naive and didactic model of morality to philosophical reflection.

Key words: phraseosemantic group, good, evil, nuclear-peripheral organization, literary fairy tale, G. Sand, phraseology, opposition.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной лингвистике, ориентированной на антропоцентрическую парадигму, особую значимость приобретает изучение способов языковой объективации фундаментальных этических категорий, к числу которых, безусловно, относятся понятия добра и зла. Данные концепты, являясь универсальными для человеческого сознания, в каждом языке получают специфическое содержание, отражающее особенности национальной культуры, менталитета и исторического опыта народа. Одним из наиболее репрезентативных языковых уровней для такого исследования является фразеология, а наиболее показательным жанром, хранящим в себе народные представления о морально-нравственных ценностях, – сказка, в особенности ее литературная форма, синтезирующая коллективный опыт и индивидуально-авторское видение мира [3, с. 69; 5, с. 116].

Наиболее показательным жанром для исследования подобных единиц является литературная сказка, которая синтезирует коллективный опыт и индивидуально-авторское мировидение [6, с. 149–150]. Особый интерес в этом контексте представляет сборник Ж. Санд «Contes d'une grand-mère» (2007), где этическая проблематика получает романтическую и натурфилософскую разработку. Таким образом, актуальность работы определяется необходимостью изучения способов языковой объективации этических категорий в художественном тексте, где фразеологические единицы выступают не только как номинативные средства, но и как инструмент философской рефлексии, отражающий индивидуально-авторскую картину мира.

Научная значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие теории фразеологической семантики и полевого подхода к изучению языковых единиц. На материале сборника «Contes d'une grand-mère» впервые выявлена и систематизирована ядерно-периферийная организация фразеосемантических групп «добро» и «зло» с применением методов фразеологического, контекстуального и классификационного анализа, а также принципов полевого подхода. Полученные данные позволяют расширить представления о функциональном потенциале устойчивых оборотов в художественном тексте (они выступают не только как номинативные средства, но и как инструмент философской рефлексии, отражающий индивидуально-авторскую картину мира). Результаты работы могут служить основой для дальнейших сопоставительных исследований в области фразеологической семантики, лингвокультурологии и поэтики литературной сказки.

Цель настоящей статьи – выявить и проанализировать ядерно-периферийную организацию фразеосемантических групп «добро» и «зло» на материале указанного сборника. Для достижения цели необходимо определить критерии отбора фразеологических единиц, классифицировать их по зонам ядра, приядерной зоны и периферии, а также охарактеризовать роль выявленных единиц в конструировании аксиологической системы сказок Ж. Санд.

Литературный обзор

Фразеологизмы представляют собой концептуальные единицы, вбирающие в себя и отображающие культурный компонент бытия; они воспроизводимы, устойчивы, раздельнооформлены и обладают номинативной функцией. Фразеологический ярус языка длительное время трактовался как собрание обособленных оборотов, однако отказ от такого взгляда стимулировал становление концепций фразеосемантического поля и фразеосемантической группы, что позволило интегрировать устойчивые сочетания в область системного анализа [2, х. 14-15; 7, с. 10]. Под фразеосемантической

группой понимается относительно устойчивое множество фразеологических единиц, объединенных общим дифференциальным семантическим признаком, конкретизирующим интегральную сему соответствующего поля. Такие группы, организованные по ядерно-периферийному принципу, позволяют системно описать языковую объективацию фундаментальных этических категорий, в том числе оппозиции «добро – зло» [9, с. 22-23]. Фразеология выступает лингвокультурным кодом, транслирующим систему ценностей и национальную картину мира [3, с. 69].

Теоретико-методологическую базу исследования составляют труды по теории семантического поля (Й. Триер, Л. Вайсгербер), позволяющие рассматривать устойчивые повторяющиеся единицы как основу системной организации языкового материала. Исследования по фразеологической семантике (В.М. Мокиенко, А.К. Бирих, Л.Ю. Буянова) дают основания для анализа идиоматических единиц в рамках полевого подхода. Работы, посвященные ядерно-периферийной организации языковых явлений (В.Г. Адмони, А.А. Уфимцева), помогают интерпретировать стратификацию фразеологических единиц по степени их семантической близости к интегральному значению группы.

Материалы и методы

Материалом исследования послужил корпус текстов, включающий сказки французской писательницы XIX века, опубликованные в издании «Contes d'une grand-mère» [10, с. 1-266]. Общий объем проанализированного материала составил 266 страниц печатного текста. Выбор данного сборника обусловлен его репрезентативностью для изучения жанра литературной сказки в XIX веке, а также выраженной авторской индивидуальностью Ж. Санд, сочетающей в своих произведениях фольклорные архетипы с философской рефлексией и натурфилософской проблематикой.

Решение поставленных в исследовании задач обеспечивается применением комплекса методов и приемов анализа.

В качестве основного метода исследования используется фразеологический анализ, направленный на выявление и интерпретацию устойчивых единиц в тексте. Для систематизации обнаруженных языковых фактов применяется метод классификации, позволяющий распределить фразеологические единицы по функционально-семантическим зонам в соответствии с ядерно-периферийным принципом: ядро, приядерная зона, периферия. Кроме того, в работе используется метод контекстуального анализа, позволяющий установить роль выявленных единиц в реализации аксиологических функций текста.

Единицами анализа выступают устойчивые словосочетания, фразеологические обороты и идиоматические выражения, функционирующие в

качестве маркеров этических категорий добра и зла и конструирующие аксиологическую структуру сказочного повествования.

Результаты

В результате анализа текстов сборника Ж. Санд «Contes d'une grand-mère» был выявлен и классифицирован корпус фразеологических единиц, функционирующих в качестве маркеров семантических полей «добро» и «зло». Полученные данные позволяют охарактеризовать специфику авторской стратегии Ж. Санд, которая заключается в смещении акцента на антропологическую и натурфилософскую парадигму, где добро и зло получают психологическую мотивировку и онтологическое обоснование. Для удобства изложения результаты сгруппированы в соответствии с ядерно-периферийным принципом организации фразеосемантических групп.

1. Структура фразеосемантической группы «добро» в сказках Ж. Санд

Фразеосемантическая группа «добро» в сказках Ж. Санд формируется под влиянием авторских натурфилософских и антропологических взглядов, акцентирующих внутреннюю эмоциональную предрасположенность, дружескую привязанность и неразрывную связь добра со счастьем.

Ядро группы составляют фразеологизмы, трактующие добро как неотъемлемое качество субъекта и мироздания. Ключевым выступает оборот «avoir bon cœur» (обладать добрым сердцем) [10, с. 44], который через атрибутивную конструкцию переводит добро из плоскости поступка в плоскость сущностной этической природы личности. В сказке «Le Chêne parlant» («Говорящий дуб») эта черта становится основным маркером положительных героев. Расширяет ядерную семантику единица «porter bonheur» (приносить счастье) [10, с. 216], вводящая концепт счастья как объективации добра и подчеркивающая онтологическую действенность последнего, что особенно заметно в сказке «Le marteau rouge» («Красный молот»).

Приядерная зона представлена фразеологизмами, раскрывающими ядерные смыслы в контексте сострадания и дружеской привязанности. К первой подгруппе относится «prendre pitié» (сжалиться) [10, с. 196], где глагол prendre фиксирует осознанный нравственный выбор, что сближает единицу с ядерной семантикой «доброго сердца» (сказки «Le chêne parlant» и «Le chien et la fleur sacrée»). Вторая подгруппа связана с концептом дружбы через оборот «prendre en amitié» (проникнуться дружеским расположением) [10, с. 47, 78], повторяемость которого свидетельствует о значимости для стиля писательницы данной формы межличностного блага.

Периферийный слой включает единицу «faire la bonne âme» (прикидываться доброй душой) [10, с. 48], которая выносит на периферию семантику

симуляции добра. Её особое положение обусловлено отрицанием подлинности, иронической модальностью и отсылкой к религиозно-моралистическому дискурсу, чуждому натуралистической этике Ж. Санд.

2. Структура фразеосемантической группы «зло» в сказках Ж. Санд

В «Contes d'une grand-mère» Ж. Санд фразеосемантическая группа «зло» насчитывает одиннадцать значимых единиц. В её структуре заметно усиливаются семантические поля карательного насилия, сакрально-демонологической угрозы и пассивной защиты от зла.

Ядерная зона включает фразеологизмы, репрезентирующие зло как прямое физическое уничтожение или предельную жестокость. Эвфемистический оборот «se défaire de quelqu'un» (избавиться, убить) [10, с. 128–129] обозначает умышленное лишение жизни. Пассивная конструкция «roué de coups» (жестоко избит) [10, с. 83] фиксирует результат насилия, а номинализации «une volée de bois vert» [10, с. 11] и «une jolie roulée de coups de sabot» [10, с. 14] представляют побои как устоявшуюся практику. Эти единицы задают центральную для группы семантику физического насилия.

Приядерная зона представлена двумя линиями. Первая связана с институционализированным принуждением: «mettre la main sur le collet» (схватить) [10, с. 36], «conduire en prison» (заключить в тюрьму) [10, с. 36], «faire passer l'envie (avec des coups)» (отбить охоту побоями) [10, с. 40]. Эти единицы описывают зло как систему подавления воли. Вторая линия – фразеологизмы-проклятия, переносящие зло в сферу вербальной магии: «aller au diable» (иди к чёрту) [10, с. 156, 254] и «que le diable les emporte toutes» (чёрт их всех побери) [10, с. 262]. Их приядерный статус обусловлен наличием злого умысла при отсутствии непосредственного физического действия.

Периферийную зону образуют единицы, где зло выступает либо как фатальная, не всегда целенаправленная сила, либо как объект избегания. «Porter malheur» (приносить несчастье) [10, с. 218] обозначает вред, исходящий от субъекта часто непреднамеренно. «Dieu m'en garde!» (избави Бог!) [10, с. 266] представляет собой охранительную формулу, тематически примыкающую к группе «зло» через семантику страха и предотвращения, но не содержащую активной агрессии. Периферийный характер этих единиц подтверждается их способностью функционировать вне контекста злонамеренного субъекта.

3. Механизмы реализации оппозиции «добро – зло» во фразеосемантических группах

Противопоставление «добро – зло» в сказках Ж. Санд на уровне фразеологизмов реализуется через ряд регулярных механизмов. Антонимия на основе общих компонентов наиболее заметна в оборотах с опорным словом «cœur»: «avoir bon cœur» [10, с. 44] противостоит не имеющей прямой фразеологической репрезентации, но контекстуально выраженной жесто-

кости; оппозиция «avoir bon cœur» – «faire la bonne âme» [10, с. 48] строится на различении подлинности и симуляции добра.

Контрастное функционирование одной лексемы в разных группах демонстрирует «pitié»: «prendre pitié» [10, с. 196] принадлежит группе «добро», тогда как ситуация, требующая милосердия, создаётся действиями носителей зла. Семантическая оппозиция через синтагматическое окружение позволяет одному фразеологизму получать противоположную аксиологическую маркировку: «prendre en amitié» [10, с. 47, 78], относясь к группе «добро», в контексте злых персонажей может становиться объектом манипуляции.

Оппозиция на грамматическом уровне выражается в том, что активные конструкции в группе «зло» (угроза, насилие) противостоят пассивным или медиальным конструкциям в группе «добро» (сострадание, прощение), отражая онтологическую асимметрию: зло активно и агрессивно, добро же часто реактивно или проявляется как терпение и смирение.

4. Роль периферийных зон в формировании оппозиции

Периферийные зоны обеих фразеосемантических групп играют ключевую роль в формировании оппозиции, выступая зонами пересечения и взаимодействия противоположных семантических полей. Именно здесь возникают метадискурсивные уровни, которые либо смягчают бинарность, либо усложняют её за счёт введения промежуточных и рефлексивных смыслов. Так, периферия фатального зла («porter malheur» [10, с. 218]) обозначает причинение вреда без явной злой воли, что размывает чёткую границу между добром и злом и вводит понятие роковой случайности. В свою очередь, периферия симуляции («faire la bonne âme» [10, с. 48]) фиксирует имитацию добра, создавая внутри самой группы «добро» оппозицию между подлинным и ложным добром и тем самым дополнительно усложняя бинарную структуру. Наконец, периферия охранительных практик («Dieu m'en garde!» [10, с. 266]) маркирует зло как объект страха и предотвращения, что также свидетельствует о рефлексивном отношении к этической категории, свойственном авторскому мышлению.

Обсуждение

Проведенное исследование позволяет выйти за рамки инвентаризации фразеологических единиц в сказках Ж. Санд и обратиться к более общим вопросам, касающимся роли фразеологии в конструировании авторской картины мира и трансформации жанрового канона литературной сказки. Полученные данные о ядерно-периферийной организации фразеосемантических групп «добро» и «зло» демонстрируют, что устойчивые обороты выступают у французской писательницы не просто как средство номинации этических категорий, но как инструмент философ-

ской рефлексии, позволяющий переосмыслить традиционную для жанра бинарную оппозицию.

Одним из ключевых наблюдений, вытекающих из анализа, является двойственная природа фразеологических единиц в художественном мире Ж. Санд. С одной стороны, обращение к устойчивым оборотам, маркирующим добро и зло, свидетельствует о глубокой укорененности творчества писательницы в фольклорной традиции. Как отмечал Ли Исинь, бинарная оппозиция этических категорий составляет структурную основу сказочного повествования [6, с. 147], и Ж. Санд сохраняет этот архетип, используя фразеологизмы для эксплицитного обозначения моральных полюсов. С другой стороны, писательница сознательно трансформирует традиционные формулы, встраивая их в контекст романтической эстетики и натурфилософской проблематики. В этом смысле фразеология становится для автора инструментом преодоления жанрового канона: сохраняя узнаваемость фольклорных кодов, Ж. Санд наполняет их новым, психологизированным и онтологически обоснованным содержанием. Как справедливо отмечает Л.Ю. Буянова, фразеология является лингвокультурным кодом, транслирующим систему ценностей [3, с. 69]; в случае Ж. Санд этот код обновляется за счет романтической рефлексии.

Особый интерес представляет выявленная асимметрия в структуре фразеосемантических групп. Ядро группы «добро» образуют единицы, фиксирующие добро как имманентное свойство субъекта («avoir bon cœur») и как онтологическую силу, приносящую благополучие («porter bonheur»). В группе «зло», напротив, ядерные позиции занимают фразеологизмы прямого физического насилия («se défaire de quelqu'un», «roué de coups»). Эта асимметрия отражает авторскую аксиологическую стратегию: добро у Ж. Санд сущностно, оно коренится в природе человека и мироздания, тогда как зло конкретно, телесно и зачастую институционализировано. Такое перераспределение акцентов позволяет говорить о сознательном отказе писательницы от метафизической трактовки зла, характерной для романтизма первой волны, в пользу социально-антропологического его осмысления, что коррелирует с наблюдениями А.К. Бирих о способности фразеологической семантики отражать социальные практики эпохи [2, с. 14-15].

Значимым результатом исследования представляется выявление роли периферийных зон в усложнении бинарной оппозиции. Фразеологизмы «faire la bonne âme», «porter malheur» и «Dieu m'en garde!», располагающиеся на периферии соответствующих групп, вводят смысловые регистры, отсутствующие в традиционной фольклорной сказке: симуляцию добра, фатальность зла, рефлексивное отношение к этическим категориям. Наличие этих единиц свидетельствует о переходе от наивно-дидактической

модели морали к философской рефлексии, где добро и зло перестают быть абсолютными и взаимоисключающими. Между ними возникают переходные зоны, что характерно для полевой организации языковых единиц: как подчеркивает С.В. Кезина, периферия семантических полей служит зоной пересечения с другими понятийными областями и источником семантических инноваций [4, с. 22].

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить и систематизировать ядерно-периферийную организацию фразеосемантических групп «добро» и «зло» на материале сборника Ж. Санд «Contes d'une grand-mère». Они представляют собой иерархически организованные структуры с ядерно-периферийным принципом, которые функционируют как единый аксиологический механизм. Оппозиция реализуется на нескольких уровнях: ядерные зоны задают этическую доминанту (природная гармония и сердечная предрасположенность против физического насилия); приядерные зоны конкретизируют способы действия (сострадание/дружба против институциализированного насилия/проклятий); периферия вводит рефлексивные смыслы (симуляция, фатальность, охрана), усложняя бинарность и приближая сказочный дискурс к философской рефлексии, характерной для романтической литературы XIX века. Ядерно-периферийная организация фразеосемантических групп выступает у Ж. Санд не только способом систематизации языкового материала, но и значимым элементом авторской поэтики. Фразеологизмы в сказках писательницы перестают быть простыми маркерами этических категорий и становятся инструментом философского исследования, позволяющим проблематизировать традиционную бинарность, ввести рефлексивные смыслы и приблизить сказочный дискурс к романтической эстетике.

Библиографический список:

1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. – М.: Наука, 1988. 240 с.
2. Бирих А.К. К диахроническому анализу фразеосемантических полей // Вопросы языкознания. 1995. № 4. С. 14–17.
3. Буянова Л.Ю. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности: монография. – М.: Флинта, Наука, 2012. 184 с.
4. Кезина С.В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Пенза, 2005. 36 с.
5. Ковшова М.Л. Сопоставительный анализ фразеологизмов: лингвокультурологический подход // Филология и культура. 2014. № 4. С. 115-120.
6. Ли Исинь. Концепты «добро» и «зло» в русском языковом сознании (на материале русских народных сказок и сказок А.С. Пушкина) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (68): в 2 ч. Ч. 2. С. 146-151.
7. Мокиенко В.М. Национально-культурный и когнитивный аспекты фразеологической номинации: общее и различное // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: материалы международной научно-практической конференции (Кострома, 22–24 марта 2012 г.). Кострома,

2012. С. 9-13.
8. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). – М.: Изд-во АН СССР, 1962. 287 с.
9. Цуй Янь. Интегративное семантическое поле ДОБРОТА – ЗЛОБА в лексико-семантическом пространстве китайского и русского языков: дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2021. 243 с.
10. Sand G. Contes d'une grand-mère / La Bibliothèque électronique du Québec. Collection À tous les vents. Volume 44: version 1.02. 2007. 299 p. // URL: https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Sand-contes1.pdf (Дата обращения: 20.02.2023).
11. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes: die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Heidelberg: C. Winter, 1931. (Germanische Bibliothek. 2. Abt.: Untersuchungen und Texte ; Bd. 31). P. 100-397.
12. Weisgerber J. L. Von den Kräften der deutschen Sprache. Bd. 1: Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. 3., neu bearb. Aufl. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. 431 p.
13. Ананченкова П.И. Образовательный туризм и перспективы его развития // Альманах Казачество. 2020. № 47. С. 20-28.

Reference

1. Admoni V.G. Grammatical structure as a system of construction and general theory of grammar. – Moscow: Nauka, 1988. 240 p.
2. Birikh A.K. On the diachronic analysis of phraseosemantic fields // Voprosy yazykoznaniya. 1995. № 4. P. 14-17.
3. Buyanova L.Yu. Russian phraseological unit as a mental-cognitive means of linguistic conceptualization of the sphere of moral qualities of an individual: monograph. – Moscow: Flinta, Nauka, 2012. 184 p.
4. Kesina S.V. Semantic field of color designations in the Russian language: author's abstract. diss. … Doctor of Philological Sciences. Penza, 2005. 36 p.
5. Kovshova M.L. Comparative Analysis of Phraseologisms: A Linguocultural Approach // Philology and Culture. 2014. № 4. P. 115-120.
6. Li Yixin. The Concepts of "Good" and "Evil" in Russian Linguistic Consciousness (Based on Russian Folk Tales and Tales by A.S. Pushkin) // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2017. № 2 (68): in 2 parts. Part 2. P. 146-151.
7. Mokienko V.M. National-Cultural and Cognitive Aspects of Phraseological Nomination: Common and Different // National-Cultural and Cognitive Aspects of the Study of Units of Linguistic Nomination: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Kostroma, March 22-24, 2012). Kostroma, 2012. P. 9-13.
8. Ufimtseva A.A. An Experience of Studying Lexicon as a System (Based on the English Language). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1962. 287 p.
9. Cui Yan. The Integrative Semantic Field KINDNESS – EVIL in the Lexical-Semantic Space of the Chinese and Russian Languages: Diss. … Cand. of Philological Sciences: 10.02.19 / Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. Yekaterinburg, 2021. 243 p.
10. Sand G. Contes d'une grand-mère / La Bibliothèque électronique du Québec. Collection À tous les vents. Volume 44: version 1.02. 2007. 299 p. // URL: https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Sand-contes1.pdf (20.02.2023).
11. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes: die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Heidelberg: C. Winter, 1931. (Germanische Bibliothek. 2. Abt.: Untersuchungen und Texte ; Bd. 31). P. 100-397.
12. Weisgerber J. L. Von den Kräften der deutschen Sprache. Bd. 1: Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. 3., neu bearb. Aufl. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. 431 p.
13. Ananchenkova P.I. Training tourism and its development prospects // Almanac Cossacks. 2020. № 47. P. 20-28.

Халил Я.Т.
Аспирант. Российский государственный гуманитарный университет.

Сирийское государственное телевидение в условиях кризиса 2011–2024 годов: формирование коллективной памяти и национальной идентичности*

Аннотация. Статья посвящена анализу медиадискурса государственного телевидения Сирии (Syrian Arab Television) как механизма конструирования национальной идентичности и коллективной памяти в условиях социально-политического кризиса 2011–2024 годов. Исследование фокусируется на структурных особенностях контента и его роли в формировании интерпретационных моделей реальности сирийского общества в период вооружённого конфликта. Особое внимание уделяется доминирующим тематическим категориям (безопасность, суверенитет, национальное единство, культурная идентичность, историческая память, традиционные ценности) и распределению дискурсивных стратегий в новостных, аналитических, культурно-просветительских и историко-документальных программах.

На основе качественного контент-анализа показано, что телевидение функционирует как многоуровневая система, сочетающая информационный, интерпретационный и символический уровни репрезентации. Учитывается неравномерная медиадоступность, ограничивающая охват аудитории и эффективность нарративов. Выводы раскрывают специфику государственного телевидения как инструмента символической консолидации общества в кризисных условиях.

Научная новизна заключается в комплексном анализе медиадискурса Syrian Arab Television как многоуровневой дискурсивной системы. Впервые выявлено функциональное распределение тематических категорий и дискурсивных стратегий по типам программ, а также учтено влияние неравномерной медиадоступности на эффективность нарративов.

Ключевые слова: сирийское телевидение, национальная идентичность, коллективная память, социально-политический кризис, медиадискурс, культурная идентичность, символическая консолидация.

Khalil Y.T.
PhD student. Russian State University for the Humanities.

Syrian state television in the 2011–2024 crisis: shaping collective memory and national identity

* © Халил Я.Т., 2026.

Abstract. The article analyzes the media discourse of Syrian state television (Syrian Arab Television) as a mechanism for constructing national identity and collective memory during the sociopolitical crisis of 2011–2024. The study focuses on the structural features of the channel's content and its role in shaping interpretive models of Syrian society during the armed conflict. Particular attention is paid to dominant thematic categories (security, sovereignty, national unity, cultural identity, historical memory, traditional values) and the distribution of discursive strategies across news, analytical, cultural-educational, and historical-documentary programs.

Based on qualitative content analysis, it is shown that television functions as a multi-layered system combining informational, interpretive, and symbolic levels of representation. The study takes into account uneven media accessibility, which limits audience reach and narrative effectiveness. The findings reveal the specific nature of state television as a tool for symbolic consolidation in crisis conditions.

The scientific novelty lies in the comprehensive analysis of Syrian Arab Television's media discourse as a multi-layered system. For the first time, the functional distribution of thematic categories and discursive strategies across program types has been identified, along with the impact of uneven media accessibility.

Key words: Syrian television, national identity, collective memory, sociopolitical crisis, media discourse, cultural identity, symbolic consolidation.

Введение

Телевидение рассматривается как значимый институт массовой коммуникации, участвующий в формировании национальной идентичности и коллективной памяти. В рамках концепции «воображаемых сообществ» медиа выступают механизмом конструирования национального пространства и воспроизводства представлений о единстве общества [3]. В Сирийской Арабской Республике телевидение традиционно выполняло не только информационную, но и репрезентативную функцию, формируя официальные интерпретации социально-политических процессов. Особую значимость его роль приобрела в период социально-политического кризиса, начавшегося в 2011 году, когда медиаконтент стал инструментом интерпретации событий и символической консолидации общества [24].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа государственного телевидения Сирии как социально-политического и культурного института в период 2011–2024 гг., а также выявления структурных особенностей формируемого им медиадискурса в условиях затяжного вооружённого конфликта.

Предпосылки создания телевидения в Сирии

Медиа до появления телевидения

До появления телевидения основными средствами массовой информации в Сирии были печатные издания и радио [1, 2, 8]. Радио стало

массовым к середине XX века и использовалось как государственными структурами, так и национальными организациями для распространения информации, пропаганды и просветительских программ [6, 8]. Появление новых газет и журналов стимулировало формирование общественного дискурса о культуре, политике и национальной идентичности [3, 6, 10]. Эти медиа играли ключевую роль в социализации населения, формировании патриотических настроений и укреплении коллективной памяти [3, 8]. Телевидение рассматривалось как следующая стадия развития медиапространства, способная объединять образовательные, культурные и информационные функции, а также визуализировать и усиливать влияние на массовую аудиторию [4, 9].

Социально-политический контекст

Создание телевидения было связано с формированием современного сирийского государства и укреплением национальной идентичности [6, 10, 18]. Влияние арабского национализма, идеологическая конкуренция с соседними странами, а также процессы модернизации общества стимулировали необходимость создания мощной визуальной платформы для пропаганды государственных ценностей и культурного наследия [6, 11, 14].

Становление сирийского телевидения (1960–1970-е годы) Официальное телевидение Сирии начало вещание 23 ноября 1960 года с передающей станции на горе Касиун в Дамаске [5, 19]. Первые передачи были ограничены по времени и территории, продолжались всего 1,5 часа в день и охватывали столичный регион. Инициатором проекта стал доктор Сабах Каббани, который собрал команду администраторов и технических специалистов. Для повышения квалификации привлекались эксперты из Италии, США и СССР. На начальном этапе телевидение использовало маломощные передатчики.

Этап модернизации и расширения вещания (1970–1980-е годы)

В 1970–1980-е годы создаются новые телецентры в Хомсе, Алеппо и Сальнафе. Использование микроволновых сетей позволило объединить станции и расширить охват сигнала на всю территорию страны [19]. Появляются передвижные телевизионные комплексы, способные транслировать программы вне студии [9, 13]. К 1980 году сирийское телевидение полностью переходит на цветное вещание (PAL/SECAM). Объем ежедневного вещания увеличивается с 4 до 10 часов. Появляются новые жанры: новости, культурные и образовательные передачи, художественные сериалы и развлекательные программы. Телевидение становится платформой для продвижения национальной культуры, искусства и истории, а также важным инструментом формирования культурной идентичности [8, 19, 22].

Региональное влияние и культурная репрезентация

С конца 1980-х годов сирийское телевидение активно выходит на международную арену. Второй канал на английском языке позволяет транслировать международные программы и укреплять культурные связи с другими арабскими государствами [9, 13, 16]. Исторические сериалы, такие как «Баб аль-Хара», отражают семейные и моральные ценности, укрепляя коллективную память и культурную идентичность [13, 22, 29].

Телевидение как форма культурного текста

Телевизионные программы могут рассматриваться как культурный текст, включающий вербальные, визуальные и аудиальные элементы [13, 22]. Использование литературного арабского языка (фусха) в новостных и документальных программах и диалектов в художественных сериалах отражает социокультурную структуру общества. Сериалы, документальные и культурные программы формируют повторяющиеся нарративы, передающие ценности семьи, общины, религии и морали. Эти нарративы закрепляются в массовом сознании, становясь элементами коллективной культурной памяти [3, 14, 22].

Глобализация и новые медиа (2000–2011 годы)

С появлением спутникового телевидения и цифровых технологий национальные каналы сталкиваются с конкуренцией транснациональных медиаструктур [7, 12]. Сирийское телевидение адаптируется, внедряя новые форматы, образовательные программы, документальные проекты и развлекательный контент, сочетая национальные традиции с современными требованиями аудитории [12, 26]. Глобализация усиливает разнообразие зрительского опыта и трансформирует функции телевидения как источника культурной идентичности, а также усиливает медиагибридизацию традиционных и онлайн-платформ [7, 12, 26].

Телевидение в условиях социально-политического кризиса (2011–2024 годы)

Контент-анализ и дискурсивные стратегии государственного телевидения Сирии

С целью выявления структурных характеристик медиадискурса был проведён качественный контент-анализ программ государственного вещателя Syrian Arab Television за период 2011–2024 гг. Анализ был направлен не на описание сетки вещания, а на выявление устойчивых тематических категорий и дискурсивных функций различных типов программ.

Методика исследования

Эмпирическая база исследования включает программы государствен-

ного сирийского телевидения, отобранные в соответствии с заявленными хронологическими рамками (2011–2024 гг.) и типологией вещания. Эмпирическую базу составили новостные, информационно-аналитические, культурно-просветительские и историко-документальные передачи, репрезентирующие ключевые тематические направления государственного медиадискурса. Отбор осуществлялся по критерию жанровой и тематической репрезентативности, что позволило выявить устойчивые дискурсивные модели и доминирующие интерпретационные стратегии.

В выборку включались новостные, информационно-аналитические, культурно-просветительские и историко-документальные передачи. Единицей анализа выступал отдельный телевизионный выпуск. Материалы отбирались на разных этапах исследуемого периода с целью выявления повторяющихся смысловых структур. Применялся метод тематического кодирования. В ходе пилотного анализа были выделены устойчивые категории, после чего проводилось их систематическое сопоставление в различных типах программ.

Результаты анализа

Проведённое исследование позволило выявить функциональное распределение тематических категорий в зависимости от типа программы (см. Табл. 1).

Новостные программы демонстрируют доминирование категорий, связанных с безопасностью, государственным суверенитетом и интерпретацией внешнего вмешательства. Риторическая структура этих материалов характеризуется мобилизационной направленностью: события представляются в логике угрозы и необходимости защиты политического порядка.

Информационно-аналитические передачи выполняют интерпретационную функцию. В них усиливаются категории национального единства и социального восстановления. Анализ показал, что данные программы структурируют текущие события в рамках более широкой объяснительной модели, снижая уровень кризисной риторики и переводя повестку в плоскость стабилизации.

Культурно-просветительские и историко-документальные передачи формируют символический уровень медиадискурса. Через категории культурной идентичности, исторической памяти и традиционных ценностей конструируется нарратив преемственности и устойчивости национального сообщества. Этот сегмент вещания выполняет консолидационную и легитимирующую функцию, включая формирование лояльности к государственным институтам и поддержание ценностного единства общества.

Таким образом, анализ показывает, что государственное телевидение функционирует как многоуровневая дискурсивная система, в которой

информационный, интерпретационный и символический уровни взаимодополняют друг друга. Новостной дискурс формирует рамку актуальной угрозы, аналитический – её объяснение, а культурно-исторический – символическое обоснование устойчивости государства.

Тем самым медиадискурс государственного телевидения выполняет не только информационную и интерпретационную функции, но и функцию идеологической стабилизации, направленную на воспроизводство нормативных моделей общественного порядка и легитимацию институциональной структуры государства.

Таблица 1. Типология и доминирующие тематические категории программ государственного телевидения Сирии (2011–2024 гг.).

Тип программы	Пример программы	Доминирующие тематические категории	Дискурсивная функция
Новостная	«Новостной выпуск» (араб. نشرة الأخبار)	Безопасность; государственный суверенитет; внешнее вмешательство	Кризисно-ориентированная
Информационно-аналитическая	«Сирия сегодня» (араб. سوريا اليوم)	Национальное единство; социальное восстановление	Интерпретационная
Культурно-просветительская	«Сирийская культура» (араб. الثقافة السورية)	Культурная идентичность; традиционные ценности	Идентификационная
Историко-документальная	«История Сирии» (араб. تاريخ سوريا)	Историческая память; национальный нарратив	Символико-консолидирующая

Источник: составлено автором на основе анализа материалов Syrian Arab Television за 2011–2024 гг.

Дифференциация доступа к сирийскому телевидению в условиях конфликта и её влияние на аудиторию

Интерпретация результатов контент-анализа сирийского телевидения требует обязательного учёта фактора медиа доступности. В условиях затяжного вооружённого конфликта и масштабных вынужденных перемещений населения доступ к телевизионному контенту в Сирии остаётся социально и территориально неравномерным. Данное обстоятельство напрямую влияет не только на реальный охват аудитории, но и на степень эффективности трансляции культурных, ценностных и идеологических образцов.

Территориальный фактор и состояние инфраструктуры

Гражданская война и разрушение медиаинфраструктуры существенно

повлияли на распространение телесигнала. На территориях, находящихся под государственным контролем, телевидение продолжает функционировать как один из ключевых каналов массовой коммуникации. В этих регионах телевизионный контент остаётся важным инструментом формирования медиадискурса, в рамках которого воспроизводятся образы государства как гаранта стабильности, а также модели нормативного гражданского поведения в условиях кризиса [15, 23, 24].

В то же время в районах активных боевых действий, а также в местах компактного проживания беженцев доступ к телевидению значительно ограничен вследствие разрушения инфраструктуры, перебоев с электроснабжением и отсутствия технического оборудования [20, 24]. В подобных условиях телевидение утрачивает статус регулярного источника информации, уступая место мобильным и интернет-платформам.

Социально-демографическая дифференциация аудитории

Наряду с территориальными различиями, существенную роль играет социально-демографический фактор. Молодёжная аудитория (18–35 лет) демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению регулярного потребления традиционного телевизионного контента. Предпочтение всё чаще отдаётся цифровым платформам и социальным сетям, что связано с более высокой технологической адаптивностью данной группы [12, 26]. В результате телевидение выполняет преимущественно фоновую функцию, а транслируемые культурные образы воспринимаются фрагментарно и преимущественно через новостные форматы.

Женщины (20–50 лет) сохраняют более устойчивую ориентацию на традиционное телевидение, особенно в сегменте историко-драматических сериалов и культурно-просветительских программ. В этих форматах воспроизводятся образы традиционного общества, основанного на семейной солидарности, моральных нормах и религиозных ценностях [22, 25]. Телевидение в данном случае выступает механизмом поддержания культурной преемственности и нормативных социальных ролей.

Пожилые люди (60+) остаются наиболее стабильной аудиторией телевизионных каналов. Ограниченная цифровая адаптация и высокая степень доверия к традиционным источникам информации обусловливают их устойчивую вовлеченность в телевизионный медиадискурс [12, 23]. Для данной группы телевидение выполняет функцию символической стабилизации и воспроизводства коллективной памяти.

Беженцы и внутренне перемещённые лица

Наиболее уязвимой категорией с точки зрения медиа доступности являются беженцы и внутренне перемещённые лица. В лагерях и на территори-

ях с разрушенной инфраструктурой регулярный просмотр телевизионных программ зачастую невозможен [17, 24]. В этих условиях телевидение, при наличии доступа, приобретает преимущественно символическое значение – как средство поддержания культурной и национальной связи с родиной. Особенно востребованными остаются новостные программы и передачи, посвящённые национальным традициям и культурному наследию, поскольку они способствуют сохранению идентичности и ощущению принадлежности к единому социокультурному пространству [22, 25].

Таким образом, дифференциация доступа к телевидению в условиях конфликта имеет комплексный характер и определяется сочетанием территориальных, инфраструктурных и социально-демографических факторов. Это обстоятельство принципиально важно учитывать при интерпретации результатов контент-анализа, поскольку влияние телевизионного дискурса не является универсальным и варьируется в зависимости от степени включённости различных социальных групп в медиапространство.

Культурная функция телевидения и коллективная память

Коллективная память понимается как система символически закреплённых представлений о прошлом, транслируемых через повторяемые нарративные и визуальные формы. Культурная идентичность – как совокупность устойчивых ценностей и норм, закрепляющих национальное единство и историческую преемственность в медиапространстве.

Государственное телевидение Сирии (Syrian Arab Television) формирует коллективную память через историко-документальные проекты, культурно-просветительские передачи и художественные сериалы. В сериале «Баб аль-Хара» реконструкция прошлого осуществляется через художественный нарратив повседневной жизни дамасского квартала начала XX века, где образы патриархальной семьи, соседских споров и сопротивления колонизаторам (например, сцены коллективных трапез во время Рамадана или уличных стычек с французскими властями) подчёркивают ценности солидарности и моральной стойкости, создавая ощущение непрерывной национальной борьбы [13, 25, 29].

В программе «Сирийская культура» (الثقافة السورية) акцент делается на традиционных ремёслах и повседневных практиках. Например, в эпизодах о дамасской мозаике показаны сюжеты, где мастер в старой мастерской (с каменными стенами и древними инструментами) обучает ученика, передавая знания через диалог о «предках, которые строили дворцы Умайядов». Визуальные образы – крупные планы орнаментов с арабесками, символизирующими исламское наследие, – сочетаются с нарративом преемственности, где голос за кадром подчёркивает: «Это искусство пережило войны и империи, как наш народ». Такие элементы конструируют память как жи-

вую традицию, устойчивую к кризису, усиливая культурную идентичность через связь поколений [22, 25].

Программа «Магия Сирии» (ايروس رحس) фокусируется на исторических ландшафтах и памятниках. В типичных эпизодах, таких как о старом городе Дамаска, панорамные съёмки Умайядской мечети и базаров сопровождаются архивными фото османской эпохи и музыкой с удом, создавая эффект «путешествия во времени». Сюжеты часто включают интервью с местными жителями, вспоминающими «золотой век» торговли, где образы караванов и ремесленников символизируют цивилизационную глубину Сирии как «колыбели цивилизаций». Это репрезентирует страну как пространство вечной памяти, прошлое легитимирует настоящее единство [13, 24].

В историко-документальной программе «История Сирии» (خيرات ايروس) коллективная память структурируется через ключевые этапы национального прошлого. Например, эпизоды о французском мандате показывают архивные кадры демонстраций в Алеппо 1920-х, с образами повстанцев в традиционной одежде, поднимающих сирийский флаг, и интервью с историками, подчёркивающими «народное сопротивление колониализму». Нарратив строится вокруг идей устойчивости государственности, где государство изображается как плод коллективных усилий по преодолению внешних угроз, включая османское правление и борьбу за независимость в 1946 году [13, 25].

Особое место занимают сюжеты о религиозных праздниках (Рамадан, Ид аль-Фитр, Ид аль-Адха). В них визуальный ряд фиксирует семейные трапезы с традиционными блюдами (мансаф, киббе), благотворительные акции в мечетях и коллективные молитвы в исторических кварталах, где повторяющиеся образы фонарей и украшенных улиц закрепляют модель социальной солидарности на основе общих культурных и религиозных кодов, подчёркивая преемственность от османских традиций к современности [22, 24].

Коллективная память конструируется через визуализацию материального и нематериального наследия, нарратив преемственности, репрезентацию семьи и общины как основы устойчивости и акцент на исторических эпизодах борьбы и восстановления. В условиях кризиса 2011–2024 гг. эти стратегии переводят актуальный конфликт в исторический контекст, создавая ощущение непрерывности национального существования и выступая механизмом символической стабилизации общества [24].

Язык и визуальная репрезентация на сирийском телевидении

В новостных программах государственных телеканалов («Новости Сирии» / رابخألا ةرشن, «Сирия сегодня» / موياا ةيروس) доминирует литературный арабский язык (фусха / ىحصفلا), выполняющий коммуникативную

(унифицированная ясность для всей арабской аудитории) и символическую функцию. Фусха здесь – маркер институциональной легитимности, официальности и наддиалектного национального единства: ведущие используют её для описания событий как «защиты родины от внешних угроз» или «героизма армии», избегая диалектов, чтобы подчеркнуть государственный нарратив как универсальный и авторитетный [22, 23, 28].

В историко-драматических сериалах, таких как «Баб аль-Хара», активно применяются локальные дамасские диалекты (левантский вариант), создающие эффект аутентичности и культурной близости. Например, в сценах семейных споров или соседских собраний персонажи говорят на дамасском диалекте с типичными интонациями и идиомами («ya zalame», «wallah»), что усиливает ощущение «своего» пространства. Визуальный ряд опирается на реконструкцию старых кварталов Дамаска: замкнутые дворы (hawsh), узкие улочки, традиционные дома с резными дверями и фонтанами – это символически фиксирует ценности солидарности, патриархальности (отец/старший как авторитет) и социальной взаимопомощи в условиях внешней угрозы (французский мандат как метафора кризиса) [22, 25, 29].

Культурно-просветительские программы («Магия Сирии» / ايروس رحس, «Сирийская культура» / ةيروسلا ةفاقثلا) демонстрируют сохранение нематериального наследия: визуальный ряд концентрируется на ремёслах (мозаика, стеклодувное дело), ритуалах (свадьбы, праздники) и памятниках (Умайядская мечеть, старый базар). Язык повествования сочетает литературный стандарт (голос за кадром на фусха для объяснений) с адаптацией к разговорной речи (интервью с мастерами на локальном диалекте), что создаёт баланс между официальностью и близостью к зрителю [28].

Научная новизна подхода заключается в выявлении того, как сирийское телевидение через дифференцированные лингвистические (фусха vs. диалект) и визуальные стратегии (реконструкция прошлого, символы наследия) конструирует многоуровневую идентичность: государственный уровень (фусха в новостях), культурный (смешение в просветительских программах) и локальный (диалекты и образы кварталов в сериалах) [14, 18, 23].

Заключение

Государственное телевидение Сирии в период 2011–2024 годов выполняло значимую роль многоуровневого механизма медиадискурса, эффективно способствуя поддержанию национального единства и культурной преемственности в условиях затяжного вооружённого конфликта. Разделение дискурсивных функций по типам программ – от фокуса на защите суверенитета и безопасности в новостях до акцента на традиционных ценностях, исторической памяти и символической связи поколений в культур-

но-просветительских и историко-документальных передачах – позволяло сохранять ощущение национальной целостности и стабильности даже при глубокой фрагментации общества и медиапространства.

Несмотря на серьёзные вызовы, такие как разрушение инфраструктуры, вынужденные перемещения населения и социально-демографические различия в доступе к сигналу, телевидение оставалось одним из ключевых инструментов символической консолидации лояльных групп аудитории, подчёркивая свою устойчивость и адаптивность в кризисных условиях.

Библиографический список / Reference

1. Абдуллаев А. М. История арабских медиа. – М.: Восточная литература, 2015.
2. Ал-Харири С. Средства массовой информации в странах Ближнего Востока. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012.
3. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London: Verso, 2006.
4. Ayish M. Arab Television Industries. – London: British Film Institute, 2016.
5. Boyd D. Broadcasting in the Arab World. – Ames: Iowa State University Press, 1999.
6. Dawisha A. Arab Nationalism in the Twentieth Century. – Princeton: Princeton University Press, 2003.
7. Mellor N. Arab Media: Globalization and Emerging Communication Trends. – Cambridge: Polity Press, 2011.
8. Rugh W. Arab Mass Media: Newspapers, Radio, and Television in Arab Politics. – Westport: Praeger, 2004.
9. Sakr N. Arab Television Today. – London: I.B. Tauris, 2007.
10. Халил Р. Современная Сирия: политика и общество. – М.: Наука, 2018.
11. Nassar H. Media and Politics in the Arab World. – Beirut: Dar Al-Taliaa, 2015.
12. Kraidy M. Digital Media in the Arab World: Communication and Transformation. – New York: Routledge, 2017.
13. Khoury R. Television and Identity in the Middle East. – London: I.B. Tauris, 2019.
14. Валидова Г. Н. Культурная политика и медиа на Ближнем Востоке. – М.: Аспект Пресс, 2021.
15. Suleiman R. A. Media image of Russia in information programs of Syrian television // Science and School. 2024. № 2. С. 51-63. – DOI: 10.31862/1819-463X-2024-2-51-63.
16. Galal E., Yonus Z. Between Sect and Secularism: The Mediated Ambiguities of the Syrian Nation State // Global Media Journal – German Edition. 2021. Vol. 10. № 2.
17. Al-Khalidi K. S. Media Coverage of the Syrian Crisis (State Media vs. Opposition Media) and Its Impact on Shaping Political Attitudes: An Applied Study on Viewers of Orient TV and Al-Alam TV // Journal of the Faculty of Arts and Media – Misurata University. 2025. Vol. 7. P. 191-209.
18. Kanhoush J. The Formation of the Syrian Media System: A Comparative Historical Analysis // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2025. Vol. 55. № 1. P. 90-98.
19. Yousef R. I. Television and Radio Broadcasting in Syria: History, Current State and the Trend of Development // Communications. Media. Design. 2020. Vol. 5. № 2. P. 103-125. – DOI: 10.17323/cmd.2020.11617.
20. Малаховский А. К., Зулфекар Ибрахим. Сирийское медиапространство: от фрагментации к консолидации? // Актуальные проблемы медиапространства: от теоретических концепций к практике: сб. науч. ст. – М.: РУДН, 2023. С. 183-198.
21. Atay T. Diaspora Journalism and Turkey's Virtual "Imagined Communities": Syrian Media // Journal of Social Sciences of Mus Alparslan University. 2024. Vol. 12. № 3. P. 1140-1153. – DOI: 10.18506/anemon.1544335.
22. Fawzi A. Television and Identity in the Arab World: Syrian Experience // Arab Media & Society. 2022. Vol. 34. P. 45-61.
23. Al-Hamadi H. State Media and Cultural Politics in Syria // Middle Eastern Studies. 2021. Vol. 57. № 5. P. 789-807.
24. Barakat M. Media, Conflict, and National Identity in Syria // Journal of Arab & Muslim Media Research. 2023. Vol. 16. № 2. P. 101-120.
25. Iskandar S. Television Programming and Social Cohesion in Syria // Communication, Culture & Critique. 2021. Vol. 14. № 3. P. 567-583.
26. Rahman F. Digital Media Transformation in Syrian Broadcasting // Journal of Media Innovations. 2022. Vol. 9. № 1. P. 15-30.
27. "Keep your eye on Syria"... Syrian TV launches a "new phase" in its journey // Al-Araby. 2024. 24 апреля. // URL: https://www.alaraby.com/news/خلي-عينك-ع-سوريا-تلفزيون-سوريا-يطلق-مرحلة-جديدة-من-مسيرته (Дата обращения: 10.02.2026).
28. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – СПб.: Искусство – СПб, 2009.
29. Al-Ghazzi O. Nation as neighborhood: How Bab al-Hara dramatized Syrian identity // Media, Culture & Society. 2013. Vol. 35. № 5. P. 586-600.

Хамидова М.Н.

Кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой перевода и грамматики английского языка ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова», г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Каузативность и модальность: сопоставительный аспект (на материале английского и таджикского языков)*

Аннотация. В данной статье представлено комплексное сопоставительное исследование каузативных конструкций в английском и таджикском языках сквозь призму их модально-оценочного потенциала. На материале разноструктурных языков анализируется механизм трансформации каузативного акта в инструмент трансляции модальных смыслов возможности, необходимости и желательности.

Автор обосновывает тезис о том, что каузативный предикат функционирует как доминантный модальный центр, детерминирующий пресуппозициональную и аксиологическую рамку высказывания. В работе выстроена иерархическая шкала волюнтативного воздействия: от жесткой фактитивной каузации (принуждения), генерирующей деонтическую необходимость, до пермиссивного санкционирования, объективирующего модальность возможности.

Особое внимание уделено антропоцентрической природе каузации, где выбор лексических единиц (напр., *force* vs *persuade* / *маҷбур кардан* vs *бовар кунондан*) предопределяет субъективно-эмоциональную оценку события. Установлено, что в обоих языках каузативная ситуация представляет собой сложный прагматический комплекс, в котором грамматическая связь «причина – следствие» неразрывно спаяна с интенциональными установками субъектов. Результаты исследования вносят вклад в общую теорию модальности, лингвистическую типологию и контрастивную лингвистику.

Ключевые слова: Каузативность, модальность, фактитивная каузация, пермиссивная каузация, волюнтативность, сопоставительная лингвистика, аксиологическая оценка, деонтическая необходимость, интенциональность, матричный предикат.

Khamidova M.N.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Translation and English Grammar, Khujand State University named after Academician B. Gafurov, Khujand, Tajikistan.

* © Хамидова М.Н., 2026.

Causativity and modality: a comparative aspect (based on English and Tajik)

Abstract. This article presents a comprehensive comparative study of causative constructions in English and Tajik, examined through the prism of their modal and evaluative potential. Drawing on data from cross-linguistic systems, the study analyzes the mechanisms by which a causative act is transformed into a tool for transmitting modal meanings of possibility, necessity, and desirability.

The author substantiates the thesis that the causative predicate functions as a dominant modal center, determining the presuppositional and axiological framework of the utterance. The research establishes a hierarchical scale of volitional influence: from rigid factitive causation (coercion), generating deontic necessity, to permissive sanctioning, which objectifies the modality of possibility.

Special attention is paid to the anthropocentric nature of causation, where the choice of lexical units (e.g., *force* vs *persuade* / *маҷбур кардан* vs *бовар куноңдан*) predetermines the subjective-emotional evaluation of the event. It is established that in both languages, the causative situation represents a complex pragmatic complex in which the grammatical "cause-effect" relationship is inextricably linked with the intentional settings of the subjects. The results of the study contribute to the general theory of modality, linguistic typology, and contrastive linguistics.

Key words: causativity, modality, factitive causation, permissive causation, voluntativity, contrastive linguistics, axiological evaluation, deontic necessity, intentionality, matrix predicate.

В современной лингвистике акцент традиционно смещен на изучение взаимосвязи каузативности с категориями залога и переходности, в то время как её взаимодействие с модальной семантикой остаётся недостаточно освещённым. Отдельные аспекты данной проблематики рассматривались в трудах Е.Е. Корди [1988], Е.В. Соколовой [2015], Ю.В. Терёшиной [2008], Е.А. Хузиной [2012] и др. В частности, Е.Е. Корди исследовала указанную связь на материале французского языка, а С.В. Батищева – на материале английского [2007].

Релевантность данного подхода обусловлена тем, что каузативный глагол, являясь организующим центром конструкции, неизбежно обладает модальными характеристиками. Как справедливо отмечал В.В. Виноградов, любое законченное высказывание (предложение) в языке обязательно содержит в себе то или иное модальное значение [Виноградов 1975, с. 41].

Следует подчеркнуть, что трактовка каузативности как одной из разновидностей модального отношения подтверждает глубокую детерминированность данных категорий. Так, согласно О.А. Сметаниной, объективная модальность реализуется в двух типах значений:

1. Модальные отношения, обусловленные внешними обстоятельствами или внутренней природой вещей (необходимость, возможность, волюнтативность/оптативность).

2. Модальные отношения, представляющие собой волеизъявление одного лица по отношению к другому (каузативность, пермиссивность).

В данном ключе каузативность определяется как модальное отношение, инициируемое субъектом с целью вызвать определенное действие или состояние объекта [Сметанина 2009, с. 16].

Таким образом, на каузативную конструкцию, представляющую собой причинно-следственную связь, неизбежно наслаиваются дополнительные модальные смыслы. Как указывает Ю.В. Терёшина, каузативное значение коррелирует с широким спектром субъективно-модальных значений: *возможности, вероятности, необходимости, долженствования, желательности, разрешения, просьбы* и др. [Терёшина 2008, с. 11].

Будучи универсальной понятийной категорией, модальность обладает разноуровневыми средствами выражения, что порождает дискуссии о её лингвистическом статусе. Если Р.А. Будагов рассматривает модальность как грамматическую категорию, а Л.С. Ермолаева – как синтаксическую, то в концепции В.В. Виноградова она трактуется как категория семантическая.

Принимая во внимание семантическую природу модальности, в данной работе мы проанализируем, как каузативные глаголы в английском и таджикском языках становятся носителями этих смыслов.

В современной лингвистической парадигме модальность рассматривается как комплексная функционально-семантическая категория, отражающая, с одной стороны, отношение говорящего к содержанию высказывания, а с другой – отношение самого высказывания к объективной действительности [Виноградов 1981, с. 319].

В отечественной лингвистической традиции, представленной в трудах О.С. Ахмановой, данная категория трактуется как абстрактное понятийное образование, направленное на логико-грамматическую оценку сообщения. Категория модальности, согласно О.С. Ахмановой, охватывает два ключевых вектора:

1. Отношение субъекта речи к передаваемой информации;

2. Степень соотнесённости содержания высказывания с реальностью.

Исследователь подчеркивает, что любое суждение объективируется исключительно через разноуровневые языковые средства: от лексических компонентов и модальных слов до грамматических форм наклонения и специфических глагольных конструкций [Ахманова 2004].

В Лингвистическом энциклопедическом словаре модальность определяется как функционально-семантическая категория, репрезентиру-

ющая типы соотнесённости высказывания с действительностью, а также формы субъективной интерпретации передаваемой информации [ЛЭС 1990, с. 303].

Традиционно в структуре данной категории выделяются два базовых компонента: *объективная* и *субъективная* модальность. Объективная модальность рассматривается как инвариантная характеристика любого высказывания, тогда как субъективная модальность носит факультативный характер.

Объективная модальность выражает соотнесённость сообщения с планом реальности или ирреальности, непосредственно коррелируя с грамматической категорией наклонения глагола.

Субъективная модальность, в свою очередь, аккумулирует широкий спектр оценочных и экспрессивных значений: от принятия или непринятия информации и аксиологической (положительной/отрицательной) оценки до различных форм волеизъявления. Кроме того, она включает эмоциональные реакции (удивление, недоумение) и прагматические установки, направленные на уточнение информации или акцентирование значимых фрагментов сообщения [Грамматика 1980, с. 217]».

В рамках монографического исследования М.В. Зайнуллина предлагается классификация грамматической модальности, базирующаяся на оппозиции двух ключевых типов:

1. Модальность действительности, при которой содержание высказывания коррелирует с реальным положением дел. Информация представляется как объективно достоверный факт, обладающий признаками логически обоснованного суждения.

2. Модальность недействительности, характеризующаяся отсутствием прямой соотнесённости с объективной реальностью. В данном случае высказывание отражает ирреальные, гипотетические или потенциальные ситуации, интерпретируемые через призму таких значений, как *вероятность, возможность, желательность, условность и сомнение* [Зайнуллин 1986].

Для нашего исследования данная классификация принципиальна, поскольку каузативные конструкции в английском и таджикском языках зачастую функционируют именно в поле модальности недействительности, транслируя намерение, побуждение или просьбу субъекта, реализация которых еще не подтверждена фактом действительности.

Не случайно Шарль Балли характеризовал модальность, как «душу предложения», подчеркивая её фундаментальную роль в структуре высказывания. Согласно концепции исследователя, в языке невозможно существование предложения, лишенного модального компонента, так как любое сообщение неизбежно включает оценочную характеристику, отражающую

сомнение, согласие, утверждение, вероятность или иные субъективные оттенки [Балли 1955].

Особое внимание Ш. Балли уделял разнообразию способов экспликации модальной оценки. В этой связи он акцентировал значимую роль модальных глаголов и форм грамматического наклонения, выступающих ключевыми средствами дифференциации смыслов. Именно данные языковые механизмы обеспечивают точную интерпретацию модальной ситуации, соотнося её с конкретным фактом и логической организацией информации.

С опорой на эти положения мы можем утверждать, что в каузативных конструкциях английского и таджикского языков роль такой «души» выполняют каузативные предикаты, которые не только связывают причину с результатом, но и задают модальный вектор всей ситуации.

Важным аспектом нашего исследования является оценочная модальность, которую Е.М. Вольф определяет как модальную рамку, накладывающуюся на логико-семантическую структуру высказывания [Вольф 2002, с. 12]. Несмотря на то, что А.В. Бондарко относит оценку к периферии функционально-семантического поля модальности [Бондарко 2002], в каузативных конструкциях она играет ключевую роль. Оценочное отношение здесь реализуется по классической формуле **A r B**, где **A** – субъект (каузатор), **B** – её объект (каузируемый), а **r** – само воздействие, транслирующее прагматический смысл «хорошо/плохо» или «желательно/нежелательно».

Наличие модально-оценочного компонента в семантике каузативных глаголов подтверждается и в трудах классиков англоязычной лингвистики. Так, значительный вклад в описание прототипических средств выражения модальности и побуждения внесли Ф.Р. Палмер, Дж. Лич, Дж. Коутс, А. Крацер и др., чьи работы позволяют рассматривать каузацию как сложный акт межличностного взаимодействия.

В современном таджикском литературном языке категория модальности, несмотря на наличие фундаментальных работ, всё еще требует всестороннего научного освещения. Вместе с тем в отечественной лингвистике сформирован значимый корпус исследований, посвященных данной проблематике. В частности, различные аспекты модальности рассматривались в трудах таких ученых, как С.И. Баевский, Б. Ниёзмухамедов, А.Х. Халилов, М. Ибрагимова, Н. Маъсуми, А.З. Розенфельд, Ш. Рустамов, Д.С. Негматова и Ф.Х. Носирова. Их работы заложили основу для системного изучения модальных значений в таджикском языкознании.

В контексте сравнительно-типологического анализа особый научный интерес представляет интерпретация каузативных конструкций как фундаментальной базы для репрезентации модально-оценочных смыслов. Мы полагаем, что в английском и таджикском языках данные значения наиболее эксплицитно манифестируются в структурах волевого воздействия, где

каузативный глагол выступает в роли матричного (вершинного) предиката, определяющего модальную рамку всего высказывания.

Переходя к сопоставительному анализу, отметим, что в английском языке каузативность реализуется преимущественно через аналитические синтаксические модели (Complex Object). Специфика таких структур заключается в иерархичности: матричный предикат задает модальную рамку (принуждение, убеждение или позволение), а сентенциальный актант (инфинитив) выражает само действие.

Рассмотрим две принципиальные модели:

– Прямая каузация (модальность необходимости): *And they **made** me **sit** down at table beside them. (R.L. Galsworthy, p.70) ~ Онон маро ба сари миз **шинондand** (Р.Л. Стивенсон, с.88)* («Они заставили меня сесть за стол подле них»). Глагол *make* здесь выступает как экспликатор жесткой фактитивной каузации и объективного долженствования.

– Опосредованная каузация (персуазивная модальность): *We have **persuaded** her **to go** to bed.* («Нам удалось уговорить её лечь в постель»). В данной модели вектор воздействия направлен на ментальную установку объекта, что сближает каузацию с предикатами убеждения.

В таджикском языке механизмы волеизъявления опираются на иную грамматическую логику. В отличие от английского инфинитива, здесь доминирует использование сослагательного наклонения (конъюнктива) в зависимой части сложноподчиненного предложения, что подчеркивает ирреальность каузируемого действия в момент побуждения.

Наряду с синтаксическим способом, в таджикском языке сохраняется продуктивная морфологическая каузация. Использование аффикса *-он-* (например, *шинондан* – «заставить сесть», *хӯрондан* - «кормить/заставлять есть», *давондан* - «заставлять бежать») позволяет интегрировать идею внешнего воздействия непосредственно в глагольную основу, создавая компактную лексему с высокой степенью каузативной интенсивности.

Аналитическая каузация в таджикском языке, представленная конструкциями вида *Ӯ маро маҷбур кард, ки монанди вай ту-ту гуфтан гирам. (Р.Ҷалил, Маъвои дил, с. 152)* (“Он заставил меня тоже перейти с ним на “ты”») реализуется через матричный предикат *маҷбур кардан* и зависимый глагол в форме конъюнктива. Здесь союз *ки* и личные окончания эксплицируют модальную детерминацию действия волей каузатора.

Признавая имплицитную связь каузативности с объективной модальностью, мы фокусируем внимание на специфике реализации модальных значений в сопоставляемых языках. В данном контексте модальная семантика рассматривается как интегральный компонент значения каузативных предикатов.

В английском и таджикском языках субъектная модальность в струк-

туре полипредикативных конструкций манифестируется через отношение «субъект - предикат», которое верифицируется в категориях необходимости и возможности. В соответствии с концепцией О. Есперсена [1958], данные категории неразрывно связаны с волюнтивным компонентом (интенцией каузатора). В этой связи модальная оппозиция «необходимость - возможность - невозможность» находит свое выражение в следующих речевых актах:

1. Прескриптивность (приказание/принуждение – модальность необходимости);

2. Пермиссивность (разрешение – модальность возможности);

3. Прохибитив (запрет – модальность невозможности)».

В английском языке данные категории реализуются как через модальные глаголы (*must, may, can't*), так и через перфрастические конструкции (*be forced to, be allowed to*), которые эксплицируют модальный статус объекта. В таджикском языке эти же значения передаются либо аналитически (*маҷбур кардан* – необходимость /приказ; *иҷозат додан* – возможность/ разрешение), либо посредством модальных слов в сочетании с формами конъюнктива.

Согласно концепции Е.Е. Корди, каузативные глаголы выступают средством экспликации как внутренней модальной рамки (ситуативной модальности), так и внешней (оценочной). Семантическая структура каузатива, будучи многокомпонентной, инкорпорирует значения волюнтативности, возможности и необходимости [Корди 1988].

Разграничение этих рамок находит четкое подтверждение в типологии таджикских каузативов. Если морфологическая каузация (*хӯрондан* – «кормить/давать поесть») тяготеет к реализации внутренней модальности, описывая саму ситуацию изменения состояния, то аналитические структуры с матричным предикатом (*маҷбур кардан*) эксплицируют внешнюю модальную рамку. В последнем случае акцент смещается на волевой импульс субъекта-каузатора и его доминирующее положение относительно объекта.

Учитывая бинарную природу каузативной ситуации, включающей каузирующее и каузированное события, представляется возможным экстраполировать данные положения на сопоставительный анализ таджикских и английских конструкций. Это позволяет верифицировать наличие нескольких модальных компонентов в рамках единого предикативного акта.

Е.Е. Корди [1988] акцентирует внимание на пресуппозициональном аспекте каузации, где исходным пунктом выступает априорная модальная установка агенса или пациенса (их интенция или нежелание совершать действие). В процессе каузативного акта происходит трансформация мо-

дального статуса пациенса:

1. Пермиссивная каузация детерминирует переход объекта к модальности возможности;

2. Фактитивная (принудительная) каузация генерирует модальность необходимости.

Таким образом, семантика каузативного глагола в исследуемых языках выходит за рамки простой репрезентации причинно-следственных связей. Она инкорпорирует в свою структуру алетические (связанные с возможностью) и деонтические (связанные с долгом/необходимостью) значения, превращая каузативный акт в сложный механизм управления модальным статусом участников коммуникации.

В рамках сопоставительного анализа установлено, что пермиссивная каузация в английском и таджикском языках реализуется через снятие каузатором запрета и создание модальности возможности для пациенса (ср. англ. *Now I'll let him eat it well (E. Hemingway, p. 18)* и тадж. *Мон, ки писарат ҳунардор шавад (Р.Ҷалил, Маъвои дил, с. 324).* Напротив, фактитивная принудительная каузация, эксплицируемая морфологическими или аналитическими средствами (англ. *make, force*; тадж. *хӯрондан, маҷбур кардан*), детерминирует ситуацию объективной необходимости.

Принципиальное значение имеет тезис Е.Е. Корди о семантической автономности эпистемической модальности по отношению к каузации. Ментальные операции, лежащие в основе оценки достоверности содержания (эпистемический аспект), качественно отличаются от механизмов каузативного воздействия, что исключает прямое пересечение их функционально-семантических полей [Корди 1988].

Данное разграничение позволяет нам сфокусировать внимание исключительно на волюнтативных и прагматических аспектах каузации в исследуемых языках, оставив за рамками работы вопросы модальной достоверности. Таким образом, каузативный предикат в английском и таджикском языках выступает не как маркер вероятности, а как инструмент модального переформатирования реальности через волю субъекта.

В английском и таджикском языках каузативные предикаты в структуре полипредикативных конструкций функционируют как релевантные модальные экспликаторы, формируя системную совокупность иерархически взаимосвязанных элементов. Особый научный интерес представляет декомпозиция данных структур сквозь призму репрезентации в них бинарной оппозиции модальных значений возможности и необходимости.

Так, категория возможности в обоих языках наиболее полно манифестируется в ситуациях пермиссивной каузации, где каузатор выступает в роли легитимизирующей инстанции, санкционирующей или блокирующей реализацию интенций каузируемого объекта. Данный тип интерперсональ-

ного воздействия детерминирован волеизъявлением субъекта-каузатора, однако прагматически он ориентирован на интересы объекта, инициирующего запрос на получение пермиссивного статуса (правомочности) для совершения действия.

Таким образом, пермиссивная каузация устанавливает специфическую прагматическую иерархию, в которой модальная возможность совершения действия объектом находится в прямой каузальной зависимости от ценностно-волевой установки субъекта. В этом контексте каузативный предикат выполняет функцию модального оператора, переводящего действие из статуса «желаемого» (оптативного) в статус «допустимого» (пермиссивного).

Особый интерес представляет механизм экспликации модальности возможности через отрицание прохибитива (запрета). В таджикском языке данная инверсия реализуется аналитической конструкцией с глаголом *манъ кардан* и отрицательным префиксом *ма-/на-*, где инфинитив с показателем винительного падежа *-ро* выступает объектом модального ограничения: *Отунбибии ҳалим ... аҷаб ки сураткаширо манъ намекард (Р.Ҷалил, Маъвои дил, с. 34).*

В английском языке аналогичная семантическая трансформация манифестируется лексико-синтаксическим способом через глаголы *forbid* или *prevent* в отрицательной форме императива: «*Don't forbid me to leave!*». В обоих случаях происходит конверсия прохибитивной семантики в пермиссивную: снятие внешнего вето каузатором автоматически генерирует модальный статус возможности для объекта.

Каузатор здесь функционирует как регулятивная инстанция, пресуппозиционально обладающая властью ограничивать доступ объекта к реализации действия. К ядерным предикатам, формирующим данную пермиссивную рамку, относятся: *allow, permit, let* в английском языке и *иҷозат додан, мондан, гузоштан* в таджикском языке.

Принципиально, что в таджикском языке разрешение объективируется через гипотаксис с союзом *ки* («*Падар иҷозат дод, ки...*»), что эксплицирует событийную дистанцию между актом волеизъявления и самим действием. В английской структуре с объектным инфинитивом («*Father allowed me to go...*») наблюдается более высокая степень синтаксической интеграции. Тем не менее, в обеих лингвокультурах грамматически фиксируется транзитивность модального статуса: право на совершение действия делегируется от каузатора к объекту воздействия. Например:

Tom went to the jail window and gave Potter some small gift (M.Twain, The Adventures of Tom Sawyer, p.34). - Том ба назди тирезаи зиндон омад ва ба Поттер туҳфаи хурде дод. (Том подошел к тюремному окну и передал Поттеру небольшой подарок).

Специфическим проявлением фактитивной каузации в сопоставляемых языках выступает ситуация трансфера посессивности (передачи права владения), наиболее рельефно представленная в акте дарения.

В таджикском языке данное значение объективируется аналитическим глаголом *тӯҳфа кардан*, где каузатор инициирует качественную трансформацию посессивного статуса реципиентов. В английском языке аналогичная семантическая структура реализуется через дитранзитивный глагол *give* (или презентатив *present*).

С позиций модально-прагматического анализа, ситуация дарения интерпретируется как мягкая форма фактитивной каузации: волевой акт дарителя создает ситуацию прагматической неизбежности принятия объекта посессором. В данном контексте модальность необходимости реализуется не как деонтическое принуждение, а как фактитивная индукция нового состояния владения.

Лингвистическая репрезентация этого процесса в обоих языках обнаруживает структурное сходство:

В таджикском языке: используется модель с прямым дополнением и предложно-падежным оформлением бенефициария (*ба Поттер*);

В английском языке: применяется дитранзитивная конструкция (*gave Potter*), где иерархия дополнений отражает направленность каузального импульса от агенса к бенефициарию через объект обладания.

Таким образом, каузатив обладания в английском и таджикском языках выступает инструментом модальной детерминации посессивности, где интенция субъекта-каузатора является достаточным условием для изменения объективной реальности владения.

Особое место в типологии фактитивной каузации занимают модели речевого побуждения, где трансляция модальности необходимости опосредована актом коммуникации. В английском и таджикском языках данные структуры опираются на предикаты директивной семантики (англ. *tell, ask, charge*; тадж. *гуфтан, супориш додан*).

В таджикском языке модальная зависимость между каузатором и исполнителем эксплицируется через гипотаксис с союзом *ки* и формами конъюнктива: «*Ба онҳо бигӯ, ки ба Худо дуо кунанд; ба онҳо бигӯ, ки нони ҷуворӣ ва гӯшти гов бихӯранд*». Матричный предикат *гӯй* («скажи») генерирует ситуацию прескриптивной необходимости, в то время как конъюнктив *бихӯранд* маркирует ирреальность и потенциальность зависимого действия. Использование сослагательного наклонения подчеркивает, что реализация каузального импульса остается в сфере волевого выбора объекта, хотя и детерминирована приказом.

В английском языке доминирующим способом экспликации данной семантики выступает аналитическая конструкция Accusative with the Infinitive

Construction: *«Tell them to pray God: tell them to eat corn-bread, cattle-flesh» (D.Defoe, Robinson Crusoe, p.300)*. Глагол *tell* здесь функционирует как сильный каузативный оператор, а инфинитив с частицей *to* объективирует модальность необходимости, наложенную на конечного исполнителя.

Таким образом, ситуация речевой каузации в сопоставляемых языках реализуется через специфические структурные механизмы: в таджикском языке через союзную связь и конъюнктив, что эксплицирует модальную дистанцию между приказом и его исполнением, в английском языке через инфинитивную интеграцию, обеспечивающую более компактную репрезентацию каузального акта.

В обеих лингвистических системах матричный предикат речевого акта выступает в роли доминантного модального центра, детерминирующего переход действия из сферы возможного в сферу обязательного для объекта».

В системе фактитивной каузации сопоставляемых языков особое место занимают модели, эксплицирующие волюнтативную просьбу. В данных структурах модальность необходимости претерпевает семантическую трансформацию, приобретая эксплицитный оттенок желательности (оптативности). Степень деонтического давления каузатора на объект здесь минимальна, а реализация действия зависит от прагматической конвенции и готовности объекта к сотрудничеству.

В таджикском языке вежливое побуждение объективируется аналитическим глаголом *хоҳиш кардан* («просить») в сочетании с гипотаксисом. Примечательно, что при каузации воздержания от действия (запрете через просьбу) используется отрицательная форма конъюнктива: *«Аз шумо хоҳиш мекунем, ки дар ин бора ба Раис нагӯед»*. Отрицательный префикс *на-* в структуре сослагательного наклонения формирует ситуацию адмотивной необходимости (предостережения), где волевой импульс каузатора направлен на блокировку потенциального события.

В английском языке функциональным эквивалентом выступает конструкция с глаголом *ask* и инфинитивом в отрицательной форме: *«We ask you not to tell the Boss about this»*. Адвербиальный негатор *not*, препозитивный по отношению к инфинитиву, маркирует прохибитивную модальность, инициируемую речевым актом просьбы.

Таким образом, ситуация прескриптивной просьбы в английском и таджикском языках демонстрирует высокую степень изоморфизма. В обеих лингвистических системах модальность необходимости деактуализируется, уступая место категории желательности. Выбор данных структур (в противовес императивным) свидетельствует о прагматической стратегии смягчения иллокутивной силы каузативного акта, при которой сохраняется субъектная автономия объекта воздействия.

Анализ эмпирического материала подтверждает, что функциональный базис каузативных конструкций в английском и таджикском языках зиждется на фундаментальной дихотомии фактитивной и пермиссивной каузации. Данная оппозиция выступает релевантным детерминантом формирования модальных значений: если семантика пермиссивных предикатов (*let, allow, мондан, иҷозат додан*) коррелирует с модальностью возможности, делегируя объекту право на реализацию собственной интенции, то фактитивные глаголы (*force, make, маҷбур кардан*) эксплицируют модальность необходимости.

Таким образом, фактитивная каузация объективирует облигаторный характер действия, детерминированный внешней волей, тогда как пермиссивная каузация лишь легитимизирует потенциальную активность субъекта. Это позволяет квалифицировать каузативность как универсальный метаязыковой механизм трансляции и трансформации модальных смыслов.

Интерпретация каузативных конструкций как экспликаторов волюнтативности открывает новые перспективы в изучении прагматики побуждения. В ситуациях жесткой деонтической прескрипции волеизъявление каузатора носит императивный характер, подавляющий автономию объекта. В то же время в структурах с глаголами интенционального состояния (англ. *wish, urge*; тадж. *хостан, орзу кардан*) доминирует оптативная модальность. Каузация в данном контексте становится синтаксической формой объективации желательности, где выбор конкретного предиката детерминирован степенью иллокутивной силы субъекта.

Нами установлено, что в исследуемых языках волюнтативность распределяется по шкале интенциональной интенсивности. Предикаты прямой каузации (*force, маҷбур кардан*) маркируют максимальный вектор воли при нивелировании интенций объекта. Напротив, предикаты персуазивного воздействия (*persuade, ask, хоҳиш кардан*) эксплицируют аттенуированную (смягченную) волюнтативность, предполагающую верификацию воли каузатора с интенциональным полем объекта. Таким образом, каузативные конструкции в английском и таджикском языках формируют единый синтаксический каркас для репрезентации градуальных оттенков волеизъявления.

Сравнительно-типологический анализ подтверждает, что лексический инвентарь каузативных предикатов в английской и таджикской лингвосистемах покрывает континуум волюнтативных значений: от императивной детерминации необходимости до пермиссивного санкционирования. Это детерминирует статус каузативности как универсальной метакатегории модально-волевого воздействия.

Особый научный интерес представляет интеграция в каузативный акт

бенефактивной семантики (оказания услуги / совершения действия в интересах субъекта). В таджикском языке интенция «совершить действие для кого-либо» объективируется через сочетание матричного предиката волеизъявления (*хоҳиш кардан*) и предложных групп с бенефактивным вектором (*барои хонандагони рус* - «для русских учащихся»): «*Бобокалонов ба Ленинобод омаду дар кадом маҷлисе аз ӯ хоҳиш мекунанд, ки дар шаҳр барои хонандагони рус газета ташкил карда шавад (Р.Ҷалил, Маъвои дил, с. 314).* При этом использование конъюнктива (*ташкил карда шавад*) не только маркирует ирреальность события, но и подчеркивает его адмотивно-желательный характер, оставляя за объектом право на коммуникативное согласие.

В английском языке аналогичная прагматическая модель реализуется через глагол *ask* в сочетании с инфинитивной конструкцией и предложным адъюнктом бенефактивности (*for Russian students*): *Bobokalonov arrived in Leninabad, and during a meeting, he was asked to organize a newspaper for Russian students in the city.*

В таджикской лингвокультуре использование аналитических конструкций с «*хоҳиш кардан*» в сочетании с бенефактивом «*барои хонандагони рус*» отражает высокую степень прагматического смягчения, характерную для восточного речевого этикета.

Таким образом, категория волюнтативности в обоих языках вступает в тесный синергетический контакт с бенефактивностью. Использование форм конъюнктива в таджикском языке и инфинитива в английском служит грамматическим маркером проспективной модальности: действие еще не осуществлено, оно локализовано в сфере желаемого будущего, что переводит каузацию из плоскости физического принуждения в плоскость этикетного межличностного взаимодействия. В этом аспекте каузативный предикат выступает регулятором социально-дискурсивных отношений.

Семантический пласт нежелательности (интенциональной негации) в сопоставляемых языках актуализируется через лексические каузативы с прохибитивной семантикой, осуществляющие синтаксическое управление зависимым предикатом.

В таджикском языке данная категория объективируется аналитическими структурами *манъ кардан, боздоштан, монеъ шудан*. Характерно, что запрет на действие грамматикализируется через использование инфинитива с эксплицитным показателем винительного падежа *-ро*: «*Духтурҳо ба ӯ ба боғ рафтанро манъ карданд*». В английском языке аналогичная семантическая трансформация реализуется через глаголы *forbid* или *prohibit* (в сочетании с инфинитивом или герундием), что акцентирует внимание на внешней деонтической блокаде интенций объекта.

Оценочный компонент нежелательности в исследуемых лингвокультурах манифестируется через модально-оценочные каузативы (англ. *advise against*; тадж. *маслиҳат надодан* - «не советовать»). В данных контекстах каузация интерпретируется не только как акт волевого подавления, но и как результат экспертной оценки. Нежелание каузатора видеть событие реализованным выступает первичным триггером для формирования каузативной связи, где оппозиция «желательно/нежелательно» становится смысловым ядром конструкции.

Таким образом, каузативная ситуация представляется нам как модально-прагматический комплекс, в котором каузальная связь (причина - следствие) неразрывно спаяна с аксиологической рамкой. Сводная типологическая система каузативно-модальных пластов в английском и таджикском языках может быть представлена следующим образом:

1. Пермиссивная каузация (Модальность возможности): Санкционирование интенций объекта. Тадж.: *иҷозат додан, мондан*; Англ.: *let, allow*.

2. Фактитивная каузация (Модальность необходимости): Интенциональная детерминация действия. Тадж.: *маҷбур кардан, супориш додан*; Англ.: *make, force, order*.

3. Оптативно-прохибитивная каузация (Модальность волюнтативности и оценки): Реализация желательности/нежелательности.

Тадж.: *хоҳиш кардан* (просьба), *манъ кардан* (запрет); Англ.: *ask, forbid*.»

В центре каузативной конструкции локализован предикат, который, в соответствии с концепцией С. В. Батищевой, детерминирован континуумом временных, модальных и оценочных категорий [Батищева 2007]. Взаимообусловленность данных параметров позволяет квалифицировать модальную оценочность как имплицитную характеристику каузативного глагола. Поскольку ядром каузации выступает акт межличностного воздействия, оценка его результатов со стороны объекта варьируется от позитивной до негативной или нейтральной, формируя специфический модальный фон высказывания.

В таджикском языке глагол *маҷбур кардан* («заставлять») эксплицитно маркирует негативную оценку воздействия, даже если денотативный результат (например, танец) социально одобряем: «*Се мард духтаракро маҷбур карданд, ки рақс кунад*». Аналогично в английском языке глагол *force* автоматически переводит ситуацию в поле отрицательной аксиологии, в то время как персузивы типа *persuade* (убедить) способны сместить модальный вектор в зону нейтральной или положительной оценки: «*Three men forced the girl to dance*».

Маркирование каузативного воздействия через функциональные эквиваленты *force* в английском или *маҷбур кардан* в таджикском объективирует конфликт волевого импульса каузатора с интенциями объекта,

трансформируя потенциально нейтральное действие в акт вынужденной деонтической необходимости.

Проведенный сопоставительный анализ позволяет утверждать, что каузативные системы исследуемых языков функционируют как фундаментальная база для репрезентации широкого спектра модальных смыслов:

– Модальность возможности находит выражение в структурах с пермиссивной семантикой (санкционирование, допущение);

– Модальность необходимости объективируется через фактитивную каузацию (императивное принуждение, институциональное поручение);

– Модальность желательности (волюнтативность) эксплицируется через предикаты волеизъявления, отражая интенциональный модус каузатора.

Синтез данных категорий с компонентами субъективно-эмоциональной оценки позволяет дефинировать каузативную конструкцию как сложную антропоцентрическую структуру, в которой грамматическая каузация неразрывно спаяна с аксиологической интерпретацией события. Исследуемые лингвосистемы демонстрируют изоморфизм в использовании каузативов как эффективного инструмента трансляции модальных значений, где каждый тип воздействия (фактитивный или пермиссивный) несет в себе априорный заряд субъективной оценки».

Библиографический список:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. - 2-е изд., стер. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. – М.: Иностранная литература, 1955. 416 с.
3. Батищева С.В. Оценочность как компонент семантики каузативных глаголов // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 20. С. 8-12.
4. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. 263 с.
5. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. 559 с.
6. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения. История советского языкознания. – М.: Высшая школа, 1981. С. 316-321
7. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
8. Есперсен О. Философия грамматики / Пер. с англ. В. В. Пассека и С.П. Сафроновой; Под ред. Б.А. Ильиша. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 404 с.
9. Зайнуллин М.В. Модальность как функционально-семантическая категория: (на материале башкирского языка) / М.В. Зайнуллин; отв. ред. И.П. Сусов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986. 123 с.
10. Корди Е.Е. Модальные значения в каузативных конструкциях // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / Отв. ред. А.А. Холодович. – Л.: Наука, 1969. С. 182-195.
11. Корди Е.Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. – Л.: Наука, 1988. 164 с.
12. Лингвистический энциклопедический словарь /под ред. Ярцевой В.Н. – М.: 1990. 685 с.
13. Русская грамматика: [в 2 т.] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. 783с.
14. Сметанина О.А. Функции и значения инфинитивных структур в современном немецком языке: Дисс. канд. филол. наук. Н. Новгород: НГЛУ, 2009. 216 с.
15. Терешина Ю.В. Межкатегориальные связи каузативных конструкций. Автореферат диссертации … канд. филол. наук. – Ижевск. 2008. 22 с.
16. Хузина Л.Ф. Оптативность как функционально-семантическая категория (на материале татарского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2012. 22 с.

17. Муталимов А.Э. Многоязычный Дагестан: социально-философские размышления о научной версии возникновения языкового многообразия // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 64-70.

Reference

1. Akhmanova O.S. Dictionary of Linguistic Terms / O.S. Akhmanova. - 2nd ed., reprinted. – M.: URSS: Editorial URSS, 2004. 571 p.
2. Bally Sh. General Linguistics and Issues of the French Language [Text] / Sh. Bally. – M.: Foreign Literature, 1955. 416 p.
3. Batishcheva S.V. Evaluation as a Component of the Semantics of Causative Verbs // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2007. № 20. P. 8-12.
4. Bondarko A.V. Theory of Functional Grammar: Temporality. Modality. – L.: Science, 1990. 263 p.
5. Vinogradov V.V. Studies in Russian grammar. Moscow: Nauka, 1975. 559 p.
6. Vinogradov V.V. Basic issues of sentence syntax. History of Soviet linguistics. Moscow: Vysshaya shkola, 1981. P. 316-321
7. Wolf E.M. Functional semantics of evaluation. 2nd ed., suppl. Moscow: Editorial URSS, 2002. 280 p.
8. Jespersen O. Philosophy of grammar / Translated from English by V.V. Passek and S.P. Safronova; Ed. by B.A. Ilyish. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1958. 404 p.
9. Zainullin M.V. Modality as a Functional-Semantic Category: (Based on the Bashkir Language) / M.V. Zainullin; Ed. I.P. Susov. – Saratov: Saratov University Press, 1986. 123 p.
10. Kordi E.E. Modal Meanings in Causative Constructions // Typology of Causative Constructions. Morphological Causative / Ed. A.A. Kholodovich. – Leningrad: Nauka, 1969. P. 182-195.
11. Kordi E.E. Modal and Causative Verbs in Modern French. – Leningrad: Nauka, 1988. 164 p.
12. Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ed. V.N. Yartseva. – Moscow: 1990. 685 p.
13. Russian grammar: [in 2 volumes] / USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Language; ed. in chief N.Yu. Shvedova. – Moscow: Nauka, 1980. 783 p.
14. Smetanina O.A. Functions and meanings of infinitive structures in modern German: Diss. of Cand. Sci. (Philology). Nizhny Novgorod: NGLU, 2009. 216 p.
15. Tereshina Yu.V. Intercategorical connections of causative constructions. Abstract of the dissertation … Cand. Sci. (Philology). – Izhevsk. 2008. 22 p.
16. Khuzina L.F. Optativity as a functional-semantic category (based on the Tatar and English languages): abstract of the diss. of Cand. Sci. (Philology). – Kazan, 2012. 22 p.
17. Mutalimov A.E. Multilingual Dagestan: socio-philosophical reflections on the scientific version of the emergence of linguistic diversity // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 64-70.

Шацкая Ж.Ю.

Старший преподаватель кафедры иностранных языков для специальных целей. Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск. AuthorID: 1206976

Доминантные черты положительного медиаобраза спортсмена (на материале блога «АлинаЗагитова»)*

Аннотация. В статье представлены результаты экспликации медиаобраза спортсмена в медийном пространстве российской блогосферы. Установлено, что доминанту положительного медиаобраза составляет языковая объективация тематических доминант, связанных с профессиональной деятельностью, участием в творческих и рекламных проектах, а также исполнением ролей и свободным времяпрепровождением. Выявлено, что основными характеристиками медиаобраза спортсмена являются диалогичность, эмоциональность и открытость. В российской блогосфере объективировано представление о спортсмене как о многогранной личности, которая использует свой потенциал в разных сферах общественной жизни и стремится к самопрезентации.

Целью нашей работы является реконструкция фрагмента медиаобраза спортсмена по данным российской блогосферы.

Ключевые слова: медиаобраз, СМИ, медийное пространство, блогосфера.

Shatskaya Zh.Yu.

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages for Specific Purposes. Dostoevskiy Omsk State University, Omsk. AuthorID: 1206976

The core elements of a positive athlete media image: insights from the «AlinaZagitova» blog

Abstract. The article presents findings from explicating an athlete's media image in the Russian blogosphere. It was established that the dominant element in a positive media image lies in the linguistic objectification of thematic dominants related to professional activities, participation in creative and advertising projects, as well as playing roles and leisure activities.

It was revealed that the key characteristics of an athlete's media image exhibit a dialogic nature, coupled with emotionality and openness. Within the Russian blogosphere, athlete is perceived and objectified as multifaceted individual who utilizes his potential

* © Шацкая Ж.Ю., 2026.

across public spheres and pursues self-presentation.

The aim of our work is to reconstruct a fragment of the athlete's media image based on data from the Russian blogosphere.

Key words: media image, mass media, media space, blogosphere.

Введение

В настоящее время СМИ и медиа в широком смысле являются важной составляющей общества, поскольку они образуют информационное пространство. Медиапространство представляет собой «поле возможности использования потоков информации» [1, с. 6], площадку, открытую для общения и выражения оценки актуальных событий, объективированных в том числе в различных социальных сетях. Таким образом, медиа задают ориентиры и становятся не только каналом передачи информации, но и инструментом воздействия на массовое сознание, поскольку в них эксплицированы оценочные суждения относительно фактов и объектов реальной действительности. В результате формируется готовый медийный продукт, в котором реконструируется медиаобраз действительности.

Под медиаобразом в данной статье предлагается понимать «репрезентированный в медиатекстах фрагмент информационной (медийной) картины мира; относительно устойчивую, непрерывно развивающуюся виртуальную модель того или иного объекта/явления действительности, конструируемую СМИ, которая как отражает, так и рефреймирует и / или формирует знания и представления адресата» [2, с. 58].

Отдельное место в медиапространстве занимает блогосфера. Блогосфера представляет собой активно развивающуюся среду. Блоги сегодня являются не просто каналом передачи актуальной информации, но и «социально-коммуникативным явлением, существующим на стыке журналистики, маркетинга и политических технологий» [3, с. 81]. Социальные сети из площадки для обмена информацией превращаются в многофункциональную платформу, включающую в себя различные сервисы. Блогеры развивают свои аккаунты, увеличивают число подписчиков и сохраняют постоянную аудиторию. Часто их мнение имеет большое значение и становится ценным для широкой аудитории. Особенно это касается медийных личностей, ведущих блоги. Представители разных компаний сотрудничают с ними, размещают рекламу того или иного продукта, которая сопровождается комментариями ведущего блога.

Материалы и методы

Материалом для исследования стал блог олимпийской чемпионки по

фигурному катанию Алины Загитовой в телеграм-канале «АлинаЗагитова» за 2023-2025 гг. В работе применялись такие методики изучения медиатекстов, как контекстологический анализ, лингвистическое моделирование, а также статистические методы.

Литературный обзор

Современными теоретиками медиа активно ведется изучение медиаобраза в различных аспектах (см., например, работы Е.Д. Власовой [4], К.Д. Колесниковой [5], А.Д. Смирнова [6], М.Д. Протасовой [7], Б.Е. Ломакина [8] и др.).

Медиаобраз может формироваться вокруг разных субъектов или объектов, поэтому в поле обсуждаемых тем входят аспекты, связанные с моделированием медиаобраза территории или персоны. Так, в фокусе внимания исследователей изучение специфики формирования медиаобраза отдельных городов и регионов как нашей страны, так и зарубежных (см. работы Е.Г. Малышевой, Ю.Е. Русаковой [9], О.И. Нееловой [10], С.С. Касаткиной [11], Му Ю [12], Н.Г. Нестеровой, Ю.С. Сабаевой [13].

Общественные, социальные, политические события определяют выбор объекта. Так, А.П. Чудинов и Н.А. Сегал изучают особенности метафорического моделирования образа защитника в текстах современных российских СМИ [14]. А.И. Золотайко посредством метода метафорического моделирования анализирует образ полиции в дискурсе общественного мнения США [15]. Д.В. Новак рассматривает медиаобраз политика, выделяя его составляющие и принципы формирования [16].

Отдельное внимание уделяется изучению медиаобраза спортсмена, поскольку спорт имеет важное значение в общественной жизни. Исследователи применяют разные подходы к описанию вышеупомянутого медиаобраза. Так, Е.Г. Малышева и А.Ф. Луданова исследовали лексико-семантическую специфику репрезентации концепта «Спортсмен» в русском спортивном дискурсе [17]. Е.В. Брунова и В.В. Каранкевич анализируют зооморфные метафоры, создающие медиаобраз спортсмена в немецком дискурсе (Брунова, Каранкевич, 2017) [18], А.А. Трубченинова описывает вербальные инструменты конструирования медийного имиджа спортсменов на материале немецких газет и их онлайн-версий и выделяет оценочные характеристики (эмоциональные, эстетические, визуальные), которые составляют основу медийного имиджа спортсмена [19]. А.М. Имачуева, Т.М. Закиева рассматривают стилистические способы создания медиаобраза французского футболиста Килиана Мбаппе Лоттена [20].

Методология исследования медиаобраза сегодня находится на стадии становления. Круг методов изучения этого феномена еще формируется. Данное обстоятельство обосновывает актуальность изучения понятия ме-

диаобраз, способов его конструирования в современных медиатекстах, в том числе в блогосфере.

В научных кругах активно исследуются разные аспекты блогосферы, поскольку она считается сравнительно новым средством массовой коммуникации, предназначенной как для общения, так и передачи информации, и обладает большим потенциалом.

Так, Н.Н. Кислицына и О.Г. Чернявская рассматривают дискурсивные характеристики и особенности прагматической направленности профессионального блога на материале англоязычных блогов [21]; С.В. Лаврик и Е.А. Цуканова анализируют функции блогосферы и способы ее использования. Авторы выделяют коммуникативную функцию как одну из ключевых функций блогосферы [22]. С.А. Попов занимается изучением роли профессиональных спортсменов в современном информационном пространстве, их взаимодействия с аудиторией посредством блогинга [23]. Е.Г. Малышева исследует современную региональную блогосферу и моделирует ее на материале медиаобраза Омска [24].

С развитием цифровых технологий традиционные СМИ уже не занимают лидирующих позиций по распространению информации. Блоги стали альтернативной площадкой для коммуникации и продвижения новых материалов. Все чаще авторами материалов становятся не только журналисты, но и специалисты из разных сфер общественной жизни, в том числе и спорта. В наше время очень многие профессиональные спортсмены ведут свои блоги, видеоблоги, подкасты.

И.Ю. Люлевич считает, что «посредством использования новых коммуникационных инструментов такой контент вбирает в себя уникальные образцы передачи смыслов и эмоций» [25, с. 70]. Отметим, что деятельность спортсменов связана не только со спортивной тематикой, но и с продвижением продукции. Они взаимодействуют с аудиторией, привлекают новых подписчиков. Компании ведут переговоры для размещения своей рекламы, тем самым формируя основу для расширения целевой аудитории. Кроме того, социальные сети – это прекрасная возможность для размещения информации о своем личном бренде. Тем самым спортсмены могут укреплять свой бренд, оказывать влияние на выбор и популяризировать спорт.

Медиаобраз можно описать через концептуальные модели, раскрывающие особенности текстов, где и «происходит языковая объективация медиаобраза» [26, с. 47], и выделить доминантные черты медиаобраза посредством анализа содержательно-тематических компонентов, создающих медиаобраз. В нашей работе предпринята попытка конструирования фрагмента медиаобраза спортсмена на основе анализа блога олимпийской чемпионки по фигурному катанию Алины Загитовой в телеграм-канале «АлинаЗагитова».

Результаты исследования

Многие болельщики фигурного катания полюбили Алину Загитову с тех пор, когда она участвовала в юниорских соревнованиях. Настоящая слава пришла к ней после победы на Олимпийских играх в 2018 году. Она создавала образ скромной, воспитанной, верующей девушки, которой восхищался весь мир. С тех пор, по утверждению СМИ, в образе спортсменки произошли значительные изменения. Все чаще и чаще на страницах СМИ появляется информация о странных, порой необъяснимых, поступках спортсменки, скандальных историях, связанных с ней, ее неграмотных высказываниях. Во многих статьях Алину осуждают за внешний вид и даже за несоблюдение правил ПДД. В отличие от СМИ, телеграм-канал спортсменки создает стабильно положительный образ. Загитову позиционируют как очень трудолюбивую, творческую персону, чья жизнь состоит из разных мероприятий, в которых спортсменка принимает участие. Рассмотрим тематические группы, описание которых определяет доминантные черты создаваемого на изучаемом ресурсе медиаобраза спортсмена.

Установлено, что тематическая группа «Профессиональная деятельность» занимает прочные позиции в описании медиаобраза и проявляется на разных уровнях. Как настоящая звезда шоу-бизнеса, олимпийская чемпионка отправляется в гастроли и туры по стране, которые длятся несколько дней или недель. Ее деятельность носит как привычный характер, так и связана с получением нового опыта. Это могут быть съемки клипов на льду, запись саундтреков песен. Выступления сопровождаются чередованием письменного текстового контента, т.е. небольших постов, содержащих ссылки на другие ресурсы, и коротких видеосообщений (постов-«кружочков») с форматом фотоконтента – фотографией с краткой подписью или вопросом, адресованным аудитории. Видео исполнительницы в ярких костюмах и обзором многочисленных подарков и цветов от поклонников создают атмосферу праздника, поднимают интерес и активность в комментариях.

Автор блога рассказывает о событиях в мире фигурного катания, частью которого она является, делится эмоциями и поддерживает контакт с целевой аудиторией. Тексты постов представляют собой короткие сообщения с элементами устной речи в виде анонсов, отчетов о поездках, комментариев. Начало поста, как правило, содержит прямое обращение к подписчикам, выраженное дружественным приветствием: «Всем привет!», «Ну, что, ребята!», «Дорогие друзья!». Для создания эффекта личного общения используются местоимения «я», «мы», «вы»: «***Ну, что, друзья, я*** *выдохнула. Просто накопилось. Решила с* ***вами*** *поделиться эмоциями. Вчера* ***я*** *была в Москве по работе. Сегодня* ***я*** *уже в Сочи. Буду выступать на шоу "Руслан и Людмила"»*[*] ([*]здесь и далее сохранена авторская орфография и пунктуа-

ция. – Ж.Ш.) (телеграм-канал «АлинаЗагитова», 26.09.2024); «***Всем привет!*** ***Я*** *сейчас нахожусь в Уфе. Приехала в инженерный лицей-интернат. Сегодня буду проводить для детей зарядку. Их уже собралось очень много. Сегодня* ***мы*** *с ними позанимаемся»* (телеграм- канал «Алина Загитова», 17.10.2024). Динамика событий передается через глаголы в настоящем, прошедшем и будущем времени. Короткие простые конструкции имитируют устную речь. Разговорные обороты («накопилось», «я выдохнула») создают атмосферу непринужденности.

Важной составляющей текста блога является использование стилистических приемов обратной связи и визуализации. Слова благодарности, обращенные к зрителям, эмоционально окрашенная лексика, преобладание однородных членов предложения помогают детально представить картину происходящего: «***Владивосток, спасибо за те эмоции, которые вы нам подарили!*** *Это было очень* ***ярко***, ***красочно***, ***эмоционально***, *поэтому, надеюсь, что еще к вам приеду!»* (посылает воздушный поцелуй. – Ж.Ш.) (телеграм-канал «Алина Загитова», 25.02.2023).

В целом, создается медийный образ спортсмена, который настроен на ведение диалога со своими подписчиками. Полагаем, что проявление высокой эмоциональности, личностное начало, динамизм можно отнести к наиболее частотным характеристикам медиаобраза.

Следующая тематическая группа, которая была выделена в результате исследования – «Творческие проекты». Алина Загитова является не только действующей спортсменкой, но и занимается продюсированием своих собственных проектов. Одним их ярких примеров её достижений можно назвать шоу «Хранители времени», премьера которого состоялась 29 августа 2024 в Казани, на малой Родине спортсменки. Для создания шоу была задействована команда специалистов. Сама спортсменка не только выступила на льду, но и впервые стала продюсером. Другие проекты Алины Загитовой «Новогодняя история игрушек» и «Ассоль» отличаются уникальностью. Это спортивно-экстремальное шоу и рок-мюзикл на льду.

Тексты постов написаны в формате информационного сообщения с элементами публицистики и персонального блога. Сообщения адресованы поклонникам и подписчикам. Они направлены на то, чтобы вызвать интерес у целевой аудитории, получить их поддержку, а также подчеркнуть профессионализм команды, которая работает над созданием уникального проекта: «*Наконец-то готова рассказать о новом проекте, который* ***мы*** *готовим для* ***вас***. «*Новогодняя история игрушек» – это* ***уникальная*** *елка, которая понравится и детям, и взрослым! В ней* ***я расскажу свою историю не на языке льда и коньков, а совершенно другим, новым для меня способом***. *Наша спортивно-экстремальная елка подарит Вам ощущение волшебства и* ***незабываемые*** *эмоции, которые мы так ждем в преддверии Нового*

года!» (телеграм-канал «Алина Загитова», 28.12.2023). Для того чтобы установить доверительный диалог с подписчиками, автор использует личные местоимения и разговорные элементы. Наличие эпитетов «уникальный», «незабываемый» подчеркивают эксклюзивность проекта, которая может заключаться даже в отдельных деталях: «*Продолжаем работать над проектом «Ассоль». Уделяем особое внимание аранжировке.* ***Мы стремимся создать уникальное звучание,*** *которое подчеркнет атмосферу произведения и сделает его более выразительным»* (телеграм-канал «Алина Загитова», 08.05.2025). Эмоционально-оценочная лексика создает эффект визуализации: «*Друзья, наконец, я могу рассказать о своем новом проекте. Мы запустили продажу билетов на мое собственное ледовое шоу-рок-мюзикл «Ассоль». Пока больше не расскажу ничего, но поверьте,* ***это будет грандиозно красиво!***» (телеграм-канал «Алина Загитова», 17.03.2025). Прием антитезы подчеркивает новизну опыта через контраст старого и нового.

Одной из составляющей текста блога является применение стилистического приема обратной связи. Выражение признательности направлено в адрес зрителей, команды за их трудолюбие и мастерство, а также спонсоров за финансовую поддержку: «***Хочу сказать большое спасибо всем, кто пришел и стал частью этого события****. Это безумно ценно и важно для меня!* ***Также хочу сказать слова благодарности всем причастным, команде, спортсменам, артистам и организаторам, без вас бы ничего не было****. Для меня это новый опыт и это очень волнительно!*» (телеграм-канал «Алина Загитова», 05.01.2025); «***Спасибо всей моей большой команде, они настоящие профессионалы, которые тоже верили и жили этим проектом! Спасибо нашим спонсорам, которые поверили и помогли реализовать проект: РОЛЬФ, Доброфон и Дорожное радио! И, конечно же, спасибо зрителям!*** *Когда я вижу полный зал, чувствую невероятный прилив энергии. Без вас, дорогие зрители. Не было бы той самой магии, которая происходит на льду.* ***Вы – наши соавторы, наши вдохновители!***» (телеграм-канал «Алина Загитова».

Текст содержит эмоционально окрашенную лексику, обилие восклицательных предложений и повторов. Для акцентуации эмоционально-смысловой значимости используется метафора «Вы – наши соавторы, наши вдохновители». Повтор слова «наши», параллелизм конструкций усиливает выразительность и подчеркивает важную роль адресатов в творческом процессе. Зрители здесь являются источником идей и мотивации. Роль зрителей становится более весомой при сочетании метафоры и гиперболы: «*Нами был создан хороший и добрый проект «Хранители времени». В него не только я, но и большое количество людей вложили душу и время! Мы справились и* ***глаза зрителей – главная награда****. Они* ***собрались со всех уголков планеты*** *и благодарили после шоу»* (телеграм-канал «Алина Заги-

това», 24.09.2024). Глаза зрителей символизируют их наивысшую эмоциональную реакцию, признательность и оценку. Наградой является вовлеченность аудитории, что имеет большую ценность, чем другая формальная награда. Гиперболизация несет не только положительную коннотацию, но и удваивает масштаб полученной награды.

Посты сопровождаются фото- и видеоконтентом. Комментарии подписчиков содержат положительную оценку. Они восхищаются спортсменкой и выражают слова поддержки.

В целом, создается позитивный медийный образ спортсмена, который позиционируется как успешный продюсер, организатор масштабных мероприятий. Он способен наладить диалог со своей аудиторией, привлечь ее внимание к новым проектам и воспринимает ее как основную мотивирующую силу.

В результате исследования телеграм-канала «Алина Загитова» была выделена еще одна тематическая группа – «Рекламные проекты». Алина Загитова рекламирует разные товары определенных брендов. Это может быть косметика, спортивная одежда, услуги (финансовые, туристические, образовательные). Помимо этого, спортсменка популяризирует линию собственной одежды, сувениры и мерч (футболки, бейсболки, худи).

Тексты постов представляют собой аналитическое описание рекламных публикаций с элементами публицистического стиля. Рекламные сообщения построены по единому алгоритму. Повествование ведется от первого лица. Спортсменка делится личным опытом, что создает эффект доверия: «***Я уже протестировала новые модели*** *и уверена – с ATHLEX чувствуешь силу, стиль и желание идти к новым победам!*» (телеграм-канал «Алина Загитова», 01.03.2025). Акцентируется внимание на достоинствах товара, перечисляются все его преимущества через эмоционально окрашенную лексику: «*Пробую* ***самую обсуждаемую тушь*** *Vamp Lash Extender Vascara от Pupa. Эта тушь* ***безумно красиво удлиняет ресницы****, придавая им просто* ***невероятный объем****, и благодаря уникальной технологии фиксирует завиток и приподнимает его*» (телеграм-канал «Алина Загитова», 02.03.2025); «*Друзья, как обещала – разыгрываю 5 Лабубу!* ***Самые модные сегодня игрушки*** *получат те, кто уже приобрел билеты на «Ассоль» (кто еще не знает, то сюда: https://zagitova.show* (телеграм-канал «Алина Загитова», 11.06.2025); «*Worldwide Consulting – команда профессионалов, которая помогла мне получить международную банковскую карту. Кроме того, они оказали* ***неоценимую помощь*** *в организации моей поездки* (телеграм-канал «Алина Загитова», 22.01.2025).

Эмоционально-оценочная лексика сохраняется и в призыве к действию, т.е. совершению покупки: «*Мой вердикт – девочки, вам* ***абсолютно точно*** *нужна эта тушь!* ***Скорее сохраняйте себе и получайте шикарные***

ресницы и невероятно выразительный взгляд!» (телеграм-канал «Алина Загитова», 02.03.2025). Превосходные степени («самая обсуждаемая тушь», «самые модные сегодня игрушки»), гиперболы («неоценимая помощь»), восклицательные предложения усиливают эмоциональность. Разговорные элементы («девочки», «ребята») настраивают на непринужденную коммуникацию. Короткие фразы создают эффект динамичности: «*Мои дорогие, хочу порадовать вас отличной новостью! Я выпускаю свою первую коллекцию одежды! Совсем скоро грандиозное событие! 16 ноября – официальный старт продаж!*» (телеграм-канал «Алина Загитова», 13.11.2023).

Кроме того, для текстов постов характерно наличие визуально-графических приемов с целью привлечения внимания. Как было установлено, самым частотным является капитализация: *Моя главная мотивация – вера в себя и свои мечты. И в этом мне помогает бренд* ***ATHLEX***» (телеграм-канал «Алина Загитова», 01.03.2025); «*Жду всех 16 ноября* ***(СЕГОДНЯ)*** *с 18:00 до 20:00 на официальную презентацию моей капсульной коллекции одежды. Место проведения: ТЦ Авиапарк, магазин* ***«КРАСНАЯ МАШИНА»****. Ловите гайд с навигацией*» (телеграм-канал «Алина Загитова», 16.11.2023).

Ссылки и даты служат средствами акцентуации значимых деталей: «*Друзья, отличная новость! У нас появились в продаже сувениры!!! В каждом городе тура будет продаваться моя продукция.* ***Вы сможете приобрести ее на шоу и на сайте*** *https://azagitova.ru/news/ltdovoe-shou-komandy-eteritutberidze/*» (телеграм-канал «Алина Загитова», 29.03.2024); «***Эксклюзивный мерч только на шоу «Ассоль***» *https://zagitova.show*» (телеграм-канал «Алина Загитова», 15.04.2025). Фотоконтент и эмодзи обеспечивают визуальное сопровождение постов.

В целом, выбранная автором блога коммуникативная стратегия, основанная на личном опыте, искренности, аппеляции к популярности брендов и эксклюзивности собственных товаров, создает положительный образ спортсмена, который, с одной стороны, выстраивает доверительное общение с аудиторией, а с другой, продвигает товары и услуги.

Следующая тематическая группа, объективированная в медиатекстах телеграмм-канала – «Статусные роли». Спортсменка выполняет разные роли, которые непосредственно соотносятся со спортом, обозначают степень её участия в различных мероприятиях и проектах. Тексты постов несут оценочную или информативную функцию, и в основном ориентированы на массовую аудиторию.

Анализ материала показал, что, прежде всего, это роли, связанные с официальными мероприятиями. Тексты постов содержат ряд стилистических приемов. Антитеза используется для сопоставления ролей: «*Вчера я* ***была лучшей подругой Люси Чеботиной*** *на Премии МУЗ-ТВ, а сегодня я уже в Казани, прилетела на Игры БРИКС, где* ***я являюсь послом****!!!*» (телеграм-ка-

нал «Алина Загитова», 15.06.2024). Градация подчеркивает значимость как самого события, так и роли. Высокий уровень соотносится с назначением и носит официальный характер: «*Я вновь на ПМЭФЕ. В этом году не только* ***открывала стенд*** *министерства спорта, но и* ***была посвящена в послы игр БРИКС***» (телеграм-канал «Алина Загитова», 07.06.2024). В некоторых случаях роли отражают личностный рост спортсменки. Вот как Алина Загитова с гордостью пишет о получении диплома о высшем образовании: «***Я – дипломированный специалист****! Эти 4 года пролетели незаметно, но у меня осталось очень много приятных воспоминаний об университете! Хочу сказать большое спасибо преподавателям, которые помогали мне развиваться в сфере продюсирования, а также друзьям, за то, что всегда были рядом!*» (телеграм-канал «Алина Загитова», 23.07.2024). В данных примерах часто используется местоимение «я» как средство персонификации. Восклицательные предложения раскрывают эмоциональную составляющую текста, подчеркивают значимость роли.

Кроме того, были установлены роли в рамках тематических проектов: экскурсовод, ведущий награждения, инструктор: «***Сегодня была в роли экскурсовода*** *на стенде Минспорта России «Спорт для каждого»* (телеграм-канал «Алина Загитова», 07.02.2024); («*Ребята, ну, что, как и обещала, говорю о дальнейших мероприятиях.* ***Я сегодня в роли ведущего награждения****. Наградила победителей Лиги ставок, поэтому поздравляю всех, кто победил и всех участников этого прекрасного мероприятия*» (телеграм-канал «Алина Загитова», 07.06.2024); «*Сегодня улучшаем гибкость и подвижность тела.* ***Я буду вашим инструктором****. Тренируемся вместе, не сбавляем обороты! Вы большие молодцы!*» (телеграм-канал «Алина Загитова», 05.01.2025). В текстах постов представлена общественно-политическая и профессиональная лексика, разговорные элементы. Помимо этого, раскрывается смысл каждой роли. Так, побудительные конструкции направлены на выявление роли инструктора – стимулировать активность, сохранить позитивный настрой и мотивацию, обеспечить поддержку.

В отдельных случаях наблюдается совмещение нескольких ролей, например комментатора и промоутера своего бренда. Вот как Алина Загитова комментирует Чемпионат России, который проходил в Омске, быстро меняя спортивную тематику на рекламу товара своего бренда: «*Это Чемпионат России, второй день в Омске.* ***Мы находимся на короткой программе, чтобы поддержать наших девочек****. Посмотрите на нашу атмосферу. Какая она крутая!* ***Информирую вас о том, что здесь продается мой мерч.*** *Поэтому у вас есть прекрасная возможность его приобрести на G-Drive арене*» (телеграм-канал «Алина Загитова», 24.12.2024). Глаголы в настоящем времени и побудительные конструкции создают эффект присутствия на самом мероприятии.

Помимо ролей, обозначающих статус, были выявлены артистические роли в ледовых шоу, связанные с воплощением образа в разных проектах. В основном это главные роли, требующие артистизма и мастерства: «*Ну, что, дорогие друзья! Премьера «Лебединого озера» состоялась в Санкт-Петербурге.* ***Я в роли Одилии****. Конечно, невероятные эмоции*» (телеграм-канал Алина Загитова. 27.12.2024); «*Сочи парк. 12-14 июля в 19:30* ***буду выступать в роли Людмилы***» (телеграм-канал «Алина Загитова», 12.07.2024); «*Ребята, совсем скоро вы сможете меня увидеть в новом образе в шоу Татьяны Навки «Вечера на хуторе», где* ***я буду исполнять роль Адарки****, так что увидимся с вами в ледовом дворце, а я пока в Сочи*» (телеграм-канал «Алина Загитова», 08.09.2024). Стилистический прием обратной связи, включающий в себя прямое обращение к аудитории, благодарность, призыв к действию, усиливает установление контакта с подписчиками. Для поддержания интереса сохраняется интрига, усиленная приемом антитезы: «***Я буду в необычном амплуа без коньков****. Я думаю, что это стоит увидеть*» (телеграм-канал «Алина Загитова», 30.12.2023); «*Новогодняя история игрушек» – это уникальная ёлка, которая понравится и детям и взрослым. В ней* ***я расскажу свою историю не на языке льда и коньков, а совершенно другим, новым для меня способом***» (телеграм-канал «Алина Загитова», 28.11.2024).

В целом формируется позитивный медийный образ спортсмена, основными чертами которого, прежде всего, являются многогранность и динамичность, заключающиеся в постоянной смене ролей, а также диалогичность, проявляющаяся в установлении контакта с целевой аудиторией и выражении признательности.

Еще одна тематическая группа, описание которой является важным в создании медиаобраза спортсменки – «Свободное времяпрепровождение». Содержание данной тематической группы соотносится с поездками и отдыхом. Алина Загитова путешествует по зарубежным странам и предстает как обычный человек, который гуляет по улицам городов, ходит на концерты, покупает вещи, дегустирует разные блюда, выражает свои эмоции и делится впечатлениями за пределами спорта: «*Ну, что мы прилетели в Сеул. И в общем первое, что я сказала, что надо идти покушать. Мы на* ***стритфуде*** *сейчас, едим краба.* ***Это вкусно на самом деле!***» (телеграм-канал «Алина Загитова», 13.01.2025). Иногда поездка в определенную страну является заветной мечтой, которая стала реальностью: «*Наконец,* ***я в Париже! Я влюбилась в этот город!***» (телеграм-канал «Алина Загитова», 20.04.2025). Кроме того, это может быть кратковременный отдых на выходных. Как правило, он связан с посещением кафе или поездкой за город: «*Дачный* ***вайб***» (телеграм-канал «Алина Загитова», 06.06.2023).

Экспликация такой информации включает, прежде всего, разнообраз-

ный видеоконтент с показом достопримечательностей городов. Тексты постов написаны в формате простых предложений, что характерно для постов в социальных сетях. Отмечается наличие эмоционально окрашенной и разговорной лексики, а также сленга. Восклицательные предложения являются одной из составляющих текстов, что добавляет эмоциональности: «*Каникулы в Сеуле!*» (телеграм-канал «Алина Загитова», 19.01.2025); «*Ушла в отпуск!*» (телеграм-канал «Алина Загитова», 05.05.2024); «*Лечу на ужин! Нихао, Пекин!*» (телеграм-канал «Алина Загитова», 27.01.2024). Кроме того, тексты включают иноязычные элементы – фразы на языке той страны, в которой находится спортсменка: «***Bonjour, ca va?***» (телеграм-канал «Алина Загитова», 18.04.2025); «***Moment!***» (телеграм-канал «Алина Загитова», 24.04.2024); «***Rest!***» (телеграм-канал «Алина Загитова», 10.05.2023). Короткие фразы могут передавать хронологию путешествия: «***Day 1***» (телеграм-канал «Алина Загитова», 13.01.2025); «***Day 2***» (телеграм-канал «Алина Загитова», 14.01.2025). Большая часть постов содержит эмодзи, обозначающие символы страны, например флаги или символы, ассоциирующиеся с отдыхом: солнце, море. Это усиливает эмоциональное воздействие.

Анализ материала показал, что в текстах прослеживается неформальный стиль общения. Автор поста демонстрирует свои эмоции, открытость, искренность, а также делится впечатлениями. Это создает позитивный медиаобраз спортсмена как личности, которая интересуется миром. Тема путешествия и отдыха помогает не только укрепить отношения с уже существующей аудиторией, но и найти новых подписчиков.

В целом, тематические группы, которые были выделены в описании медиаобраза спортсмена, соотносятся с профессиональной деятельностью, участием в творческих проектах, сменой ролей, рекламой товаров, отдыхом. Многоаспектность без преувеличения вызывает восхищение: получение высшего образования, выпуск коллекции одежды, участие в благотворительных кампаниях, рекламных проектах, фестивалях, ледовом шоу, церемонии награждения. И это далеко не полный список. Деятельность спортсменки способствует росту популярности спорта, вдохновляет массовую аудиторию на участие в разных мероприятиях, связанных со спортивной тематикой, Автор блога выстраивает доверительное общение с аудиторией, сочетает информативность с эмоциональной открытостью. Это способствует формированию позитивного медиаобраза спортсменки и поддерживает активность подписчиков в телеграм-канале «Алина Загитова».

Выводы

Таким образом, проведенный анализ телеграм-канала олимпийской чемпионки по фигурному катанию Алины Загитовой «Алина Загитова»

за 2023-2025 гг. позволил выявить доминантные черты положительного медиаобраза спортсмена в блогосфере, основу которого составляет объективирование в медиатекстах разного типа тематических доминант субъекта изображения. Прежде всего, это профессиональная деятельность фигуристки, заключающаяся в участии в фигурнокатательных шоу, мастер-классах и т.п в разных городах нашей страны и за рубежом. Несомненно, на формирование современного медиаобраза спортсмена значительное влияние оказывает шоу-бизнес. Деятельность спортсменки также коррелирует с созданием собственных творческих проектов. Командная работа является важным элементом для достижения конечного результата. Алина Загитова позиционируется как успешный продюсер, организатор массовых мероприятий. Она устанавливает доверительный диалог со своей целевой аудиторией, которая является основной мотивирующей силой. Тематическая группа, соотносящаяся с рекламными проектами, выявляет коммуникативную стратегию взаимодействия автора блога со своими подписчиками, основанную на личном опыте, искренности, аппеляции к популярным брендам и эксклюзивности собственных товаров. Социальная идентичность спортсменки интегрирует несколько ролей, обозначающих статус, среди которых важное место занимает исполнение ролей главных героинь в определенных постановках.

Описание тематической группы, связанной с путешествием и отдыхом, указывает на черты обычного человека в медиаобразе спортсмена. В текстах постов прослеживается неформальный стиль общения. Автор блога выражает свои эмоции, делится впечатлениями, что создает позитивный медиаобраз спортсмена как личности, интересующейся окружающим миром.

Проявление высокой эмоциональности, личностное начало, многогранность, динамичность и диалогичность можно отнести к наиболее частотным характеристикам медиаобраза спортсмена. Стилистический анализ текстов постов выявил ряд особенностей, в числе которых – наличие эмоционально окрашенной лексики, восклицательных конструкций и лексических повторов. Для акцентуации эмоционально-смысловой значимости используется метафора, эпитеты и гиперболы. Морфологичекий анализ текстов блогов демонстрирует целенаправленное использование личных местоимений как средства реализации стратегии персональной адресации. Синтаксический уровень характеризуется применением таких коммуникативно-прагматических средств, как обращение, прямая речь, вводные конструкции, которые выполняют функцию создания доверительного общения. Важной составляющей текстов блога является применение визуально-графических приемов и приема обратной связи с целью привлечения внимания и установления контакта с целевой аудитории.

В целом можно сделать вывод о том, что Алина Загитова до сих пор остается действующей востребованной спортсменкой. Выявленные тематические доминанты раскрывают многоплановость и многозадачность спортсменки, ее личностный рост, проявление инициативы и воплощение идей в творческих проектах, а также активное участие в различных мероприятиях, направленных на популяризацию спорта.

Перспективой данного исследования является включение в научную работу других не менее значимых характеристик описания медиаобраза спортсмена, поскольку блогосфера обладает большим потенциалом.

Библиографический список:

1. Зубанова Л.Б. Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интерпретации // Вести Челябинск. гос. академии культуры и искусств. 2008. № 2. С. 6-17.
2. Малышева Е.Г., Гриднев Н.А. Формирование медиаобраза региона в федеральных телевизионных СМИ (на материале текстов об Омске) // Научный диалог. 2016. № 12 (60). С. 134-144.
3. Чечулин А.В., Бабенко В.А., Степанова С.Е., Иванова В.М. Блогосфера как специфическая среда цифровой коммуникации // Управленческое консультирование. 2023. № 4. С.81-92.
4. Власова Е.Д. Теоретико-методические основы анализа медиаобраза // Век информаций. 2024. Т. 8. № 1 (26) // URL: https://doi.org/10/33941/2618-9291/2024/26/1006 (Дата обращения: 10.03.2026).
5. Колесникова К.Д. Медиаобраз: актуальное состояние и концептуальные подходы в академических исследованиях // Меди@льманах.2024. № 6 (25). С. 22-29.
6. Смирнов А.Д. Формирование и влияние медиаобраза в современном обществе: исследование факторов и роли медиакоммуникации // Вестник науки. 2023. № 6 (63). Т. 1. С. 703-706.
7. Протасова М.Д. Медиаобраз: теоретические аспекты изучения понятия // Вестник науки. 2025. № 3 (84). Т. 5. С. 668-674.
8. Ломакин Б.Е. Визуальный компонент медиаобраза события: методика исследования // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. Т. 42. № 4. С. 610-619.
9. Малышева Е.Г., Русакова Ю.Е. Образ, медиаобраз, медиаобраз региона: понятийно-терминологический аппарат современных российских исследований // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2024. С. 76-94.
10. Неелова О.И. Моделирование медиапортрета региона: семантика и прагматика: автореф. дис. …канд. филол. наук. Краснодар. 2021. 22 с.
11. Касаткина С.С. Медиаобраз культуры современного индустриального города: социально-философский анализ // Монография: научный редактор Е.Н. Ильина. 2022. Вологда. С. 43-47.
12. Му Ю. Тексты блогов об искусстве как источника изучения медиаобраза Китая // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 3. С. 35-45.
13. Нестерова Н.Г., Сабаева Ю.С. Репрезентация медиаобраза Китая в российской социальной сети (на материале постов о китайской популярной музыке и комментариев к ним) // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Том 2. № 4. С. 191-196.
14. Чудинов А.П., Сегал Н.А. Метафорическое моделирование образа защитника в российском медиапространстве 2022-2023 г.г. // Политическая лингвистика. 2023. № 5 (101). С. 57-66.
15. Золотайко А.И. Метафорическое моделирование образа полиции в дискурсе общественного мнения США (сфера-источник – зоонимы // Политическая лингвистика. 2019. № 1 (73). С. 65-71.
16. Новак Д.В. Формирование медиаобраза политика // Молодой ученый. 2024. № 17 (516). С. 380-382. // URL: https://moluch.ru/archive/516/113468/ (Дата обращения: 07.03.2026).
17. Малышева Е.Г., Луданова А.Ф. Лексико-семантическая специфика репрезентации концепта ‘Спортсмен’ в современном спортивном дискурсе (опыт тезаурусного описания) // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: Сборник научных трудов. Выпуск 13 / под ред. докт. филол. наук, проф. О.В. Загоровской. – Воронеж: Научная книга, 2010. С. 37-52.
18. Брунова Е.Г., Каранкевич В.В. Метафорический образ спортсмена в контексте зооморфной метафоры (на материале немецкого медиадискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2017. № 2 (68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 87-91.
19. Трубченинова А.А. Языковые средства формирования медийного имиджа спортсменов (на материале немецкого языка) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 10 (2). С. 213-216.

20. Имачуева А.М., Закиева Т.М. Стилистические способы создания медиаобраза французского футболиста Килиана Мбаппе Лоттена (на примере англоязычной прессы) // Евразийский филологический вестник. 2023. Вып. 4. С. 6-13.
21. Кислицына Н.Н., Чернявская О.Г. Композиционные, стилистические и лексические особенности интернет-коммуникации (на материале англоязычных блогов профессиональной направленности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 368-373.
22. Лаврик С.В., Цуканов Е.А. Российская блогосфера как одна из основных движущих сил формирования гражданского общества // Научный лидер. 2023. № 3 (101). // URL: https://scilead.ru/article/3876-rossijskaya-blogosfera-kak-odna-iz-osnovnikh- (Дата обращения: 25.02.2026).
23. Попов С.А. Трансформация образа спортсмена: от профессионального спорта к блогингу // Журналистика в эпоху цифровых трансформаций: ценности и практики / Сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Тамбов: Издательский дом «Державинский». 2025. С. 95-99.
24. Малышева Е.Г. Моделирование медиаобраза Омска по данным современной блогосферы // Коммуникативные следования. 2016. № 4 (10). С. 92-106.
25. Люлевич И.Ю. Медиатизация спорта: факторы трансформации и тенденции развития // Коммуникативное пространство современного спорта: социокультурное измерение: монография. М.: Московский городской педагогический университет. 2023. С. 66 – 91.
26. Малышева Е.Г., Рогалева О.С. Трансформация медиаобраза «Губернатор» в массово-инфрмационном региональном дискурсе Омской области (2003 – 2019) // Политическая лингвистика. 2019. № 4 (76). С. 45-53.
27. Старостина Н.А. Особенности и примеры донского гутара // Культура Мира. 2025. Том 13. Вып. 3. (№ 46). С. 171-179.
28. Долгенко А.Н., Косырева М.С. Проблема орфографической вариативности в современном русском языке // Власть истории и История власти. 2023. Том 9. Часть 1. (№ 43). С. 12-20.

Reference

1. Zubanova L.B. Modern media space: approaches to research and principles of interpretation // Vesti Chelyabinsk. state academy of culture and arts. 2008. № 2. P. 6-17.
2. Malysheva E.G., Gridnev N.A. Formation of a region's media image in federal television media (based on texts about Omsk) // Scientific dialogue. 2016. № 12 (60). P. 134-144.
3. Chechulin A.V., Babenko V.A., Stepanova S.E., Ivanova V.M. Blogosphere as a specific digital communication environment // Management consulting. 2023. № 4. P. 81-92.
4. Vlasova E.D. Theoretical and methodological foundations of media image analysis // Information Age. 2024. Vol. 8. № 1 (26) // URL: https://doi.org/10/33941/2618-9291/2024/26/1006 (10.03.2026).
5. Kolesnikova K.D. Media image: current state and conceptual approaches in academic research // Medi@lmanakh.2024. № 6 (25). P. 22-29.
6. Smirnov A.D. Formation and influence of media image in modern society: a study of factors and the role of media communication // Herald of science. 2023. № 6 (63). Vol. 1. P. 703-706.
7. Protasova M.D. Media image: theoretical aspects of the study of the concept // Herald of science. 2025. № 3 (84). Vol. 5. P. 668-674.
8. Lomakin B.E. Visual component of the media image of an event: research methods // Issues of journalism, pedagogy, linguistics. 2023. Vol. 42. № 4. P. 610-619.
9. Malysheva E.G., Rusakova Yu.E. Image, media image, media image of a region: conceptual and terminological apparatus of modern Russian studies // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series "Philology. Theory of Language. Language Education". 2024. P. 76-94.
10. Neelova O.I. Modeling a media portrait of a region: semantics and pragmatics: author's abstract. diss. … candidate of philological sciences. Krasnodar. 2021. 22 p.
11. Kasatkina S.S. Media Image of the Culture of a Modern Industrial City: A Social and Philosophical Analysis // Monograph: Scientific Editor E.N. Ilyina. 2022. Vologda. P. 43-47.
12. Mu Yu. Blog Texts on Art as a Source for Studying the Media Image of China // Bulletin of Tomsk State University. 2022. № 3. P. 35-45.
13. Nesterova N.G., Sabaeva Yu.S. Representation of the Media Image of China in the Russian Social Network (Based on Posts about Chinese Popular Music and Comments to Them) // Virtual Communication and Social Networks. 2023. Vol. 2. № 4. P. 191-196.
14. Chudinov A.P., Segal N.A. Metaphorical Modeling of the Image of a Defender in the Russian Media Space in 2022–2023 // Political Linguistics. 2023. № 5 (101). P. 57-66.
15. Zolotaiko A.I. Metaphorical Modeling of the Image of the Police in the Discourse of Public Opinion in the USA (Source Sphere – Zoonyms // Political Linguistics. 2019. № 1 (73). P. 65-71.
16. Novak D.V. Formation of the Media Image of a Politician // Young Scientist. 2024. № 17 (516). P. 380-382. //

URL: https://moluch.ru/archive/516/113468/ (07.03.2026).
17. Malysheva E.G., Ludanova A.F. Lexical and Semantic Specificity of Representation of the Concept 'Athlete' in Modern Sports Discourse (An Experience of thesaurus Description) // Modern Problems of Linguistics and Methods of Teaching Russian in Universities and Schools: Collection of Scientific Papers. Issue 13 / ed. Doctor of Philological Sciences, Professor O.V. Zagorovskoy. – Voronezh: Nauchnaya kniga, 2010. P. 37-52.
18. Brunova E.G., Karankevich V.V. Metaphorical image of an athlete in the context of zoomorphic metaphor (based on German media discourse) // Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. Tambov: Gramota. 2017. № 2 (68): in 2 parts. Part 2. P. 87-91.
19. Trubcheninova A.A. Linguistic means of forming the media image of athletes (based on the German language) // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2015. № 10 (2). P. 213-216.
20. Imachueva A.M., Zakieva T.M. Stylistic methods of creating a media image of the French football player Kylian Mbappé Lottin (based on the English-language press) // Eurasian Philological Bulletin. 2023. Issue 4. P. 6-13.
21. Kislitsyna N.N., Chernyavskaya O.G. Compositional, stylistic and lexical features of online communication (based on English-language blogs of a professional focus) // Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. Tambov: Gramota. 2019. Vol. 12. Issue 6. P. 368-373.
22. Lavrik S.V., Tsukanov E.A. The Russian blogosphere as one of the main driving forces in the formation of civil society // Scientific leader. 2023. № 3 (101). // URL: https://scilead.ru/article/3876-rossijskaya-blogosfera-kak-odna-iz-osnovnikh- (25.02.2026).
23. Popov S.A. Transformation of the athlete's image: from professional sports to blogging // Journalism in the era of digital transformations: values and practices / Collection of materials of the XXII International scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. Tambov: Derzhavinsky Publishing House. 2025. P. 95-99.
24. Malysheva E.G. Modeling the media image of Omsk based on modern blogosphere data // Communicative studies. 2016. № 4 (10). P. 92-106.
25. Lyulevich I.Yu. Mediatization of Sports: Transformation Factors and Development Trends // Communicative Space of Contemporary Sports: Sociocultural Dimension: Monograph. Moscow: Moscow City Pedagogical University. 2023. P. 66-91.
26. Malysheva E.G., Rogaleva O.S. Transformation of the Media Image "Governor" in the Mass Media Regional Discourse of the Omsk Region (2003–2019) // Political Linguistics. 2019. № 4 (76). P. 45-53.
27. Starostina N.A. Features and examples of Don gutar // Culture of World. 2025. Vol. 13. Issue 3. (№ 46). P. 171-179.
28. Dolgenko A.N., Kosyreva M.S. The Problem of Orthographic Variability in the Modern Russian Language // The Power of History and the History of Power. 2023. Volume 9. Part 1. (№ 43). P. 12-20.

Грушина Е.Б.
Студентка магистратуры. Института иностранных языков РУДН (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы).

Баталов А.А.
Кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра теории и практики иностранных языков ИИЯ (Институт иностранных языков), РУДН (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы).

Параллелизм и лексический повтор в реализации эмоционально-оценочного компонента (на материале романа Фонды Ли «Нефритовый Город»)*

Аннотация. В статье рассматривается специфика реализации эмоционально-оценочного компонента в художественном тексте на синтаксическом уровне. Анализ фокусируется на установлении взаимосвязи между синтаксической организацией высказывания и прагматическим воздействием на читателя. Цель исследования заключается в выявлении структурно-семантических особенностей лексического повтора и параллелизма, а также определении их значения в формировании эмоциональной выразительности текста.

Ключевые слова: эмоционально-оценочный компонент, художественный текст, синтаксические средства, параллелизм, лексический повтор.

Batalov A.A.
PhD, Assistant Professor, Department of Foreign Languages in Theory and Practice, the Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Grushina E.B.
Master's Degree Student. The Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Parallelism and lexical repetition in the realisation of the emotional-evaluative component (based on the novel "Jade city" by Fonda Lee)

* © Грушина Е.Б., Баталов А.А., 2026.

Abstract. The article examines the specifics of the realisation of the emotional-evaluative component in artistic text at the syntactic level. The present analysis is focused on establishing the relationship between the syntactic organisation of a statement and its pragmatic effect on the reader. The objective of the present study is to identify the structural and semantic features of lexical repetition and parallelism, as well as to determine their significance in shaping the emotional expressiveness of a text.

Key words: emotional-evaluative component, artistic text, syntactic means, parallelism, lexical repetition.

1. Введение

При создании художественного текста автор руководствуется различными мотивами, однако основополагающим из них представляется оказание эстетического воздействия на читателя. В рамках лингвистики формированию эстетического впечатления способствуют такие свойства текста, как эмотивность и оценочность, обеспечивающие реализацию авторского замысла. Посредством выражения эмоций и оценок осуществляется полная и открытая художественная коммуникация между автором и читателем.

Художественный текст образует обширное коммуникативное пространство, в котором читателем реализуется право на свободную интерпретацию получаемой информации, а писателем применяется широкий спектр различных языковых средств, обеспечивающих выражение собственного мнения и интенций. Эмоционально-оценочный компонент, заложенный автором, проявляется на всех уровнях языковой иерархии, включая синтаксический.

Синтаксические приёмы рассматриваются в качестве средств усиления смысловой и эмоциональной нагрузки в тексте, поскольку они способствуют обеспечению динамики повествования, созданию нарастающего эмоционального напряжения и усилению смысловых акцентов. В связи с этим, объектом исследования выступает эмоционально-оценочный компонент в англоязычном художественном тексте, а синтаксические средства являются предметом исследования. Анализ особенностей функционирования синтаксических конструкций, а именно параллелизма и лексического повтора, призван выявить корреляцию между синтаксическим и прагматическим уровнем художественного текста.

2. Цель исследования

Целью исследования является определить структурно-семантические особенности применения параллельных конструкций и лексического повтора как средств реализации эмоционально-оценочного компонента в художественном текстовом поле.

3. Методология

Исследовательская работа опирается на *методы* дискурсивного и структурно-семантического анализа, направленные на выявление синтаксических конструкций, обеспечивающих реализацию эмоционально-оценочного компонента, и определение их функционально-семантических особенностей. Также в ходе анализа применяется описательный метод с целью изучения функций синтаксических средств в контексте художественного произведения.

Материалом исследования служит роман Фонды Ли «Нефритовый город».

4. Теоретическая база исследования

Текст художественного произведения представляет собой многофункциональную и многослойную структуру, отличительной особенностью которой является субъективность. Художественный текст воплощает полилингвальное мышление автора и становится носителем не только предметно-логического аспекта информации, но и индивидуальной образно-эмоциональной тональности. Сочетание личности автора, его мировоззрения и художественного видения порождает уникальный стиль текста произведения, который, в свою очередь, выступает в роли средства эмоционального взаимодействия с читателем. Художественный текст образовывает особую художественную реальность, которая характеризуется насыщенностью средств художественной выразительности, широким применением образов, символов, а используемые языковые средства приобретают дополнительные смысловые и эмоционально-оценочные оттенки [3].

Эмоционально-оценочный компонент становится отражением авторского отношения к изображаемому явлению, действию или персонажу, а также проявляется в прямой или внутренней речи самих персонажей, тем самым способствуя формированию соответствующей реакции у читателя [1]. Акцентирование эмоционально-оценочного компонента в тексте осуществляется посредством интеграции общепринятого языка и индивидуального стиля автора [4]. Иными словами, в наиболее эмоционально насыщенных, напряжённых и значимых для повествования фрагментах языковые средства используются с целью вызвать отклик, осмысление или переживание у читателя.

В передаче эмоционально-оценочного компонента синтаксические языковые средства играют второстепенную роль, в сравнении с лексическими [5]. Однако синтаксис выступает в качестве основного средства структурирования смыслового и эмоционального контекста произведения. В зависимости от интенций автора синтаксические конструкции используются с

целью передачи настроения и эмоционального состояния персонажей, создания акцента на важных аспектах сюжета, а также усиления выразительности повествования [3].

При рассмотрении синтаксических средств, таких как параллелизм и лексический повтор, следует отметить их влияние на восприятие эмоционально-оценочного компонента художественного текста. Одной из основных функций повтора является усиление впечатления или же функция выделения. Повторение отдельной лексемы или группы лексем призвано сфокусировать внимание на эмоционально-оценочном компоненте выражения, создать эмоциональное напряжение в повествовании, а также привлечь внимание читателя к выделяемой информации. Применение параллельных конструкций в художественном тексте направлено на создание определённого ритма, повышение выразительности и интонационного усиления выражения [2]. Повторение синтаксического построения способствует усилению прагматического эффекта высказывания, тем самым делая эмоционально-оценочный компонент, обладающий положительным или отрицательным значением, ярким и заметным [1].

5. Полученные данные

Контекст повествования определяет выбор синтаксических средств, посредством которых реализуется эмоционально-оценочный компонент высказывания. В связи с этим целесообразно проанализировать взаимосвязь между выбором синтаксических средств для усиления эмоционального воздействия и производимым эффектом. Анализ основывается на примерах реализации эмоционально-оценочного компонента посредством лексического повтора и параллелизма на материале романа Фонды Ли «Нефритовый город».

After tonight, he wouldn't be in this waiter's uniform anymore. He wouldn't have to serve anyone anymore [6].

В представленном примере эмоционально-оценочный компонент выражается посредством использования параллельных конструкций *he wouldn't be* и *he wouldn't have to*, которые акцентируют внимание читателя на стремлении персонажа изменить свою жизненную ситуацию и его негативном отношении к работе официантом и необходимости прислуживать кому-либо. Применение параллельных конструкций способствует передаче чувства облегчения и освобождения, создавая эффект эмоциональной разгрузки персонажа. Кроме того, повтор лексемы *anymore* добавляет внутренней речи героя значение утверждения и манифеста, что делает реплику эмоционально напряжённой и наполненной решимостью.

В следующем примере эмоционально-оценочный компонент также выражается посредством параллельных конструкций:

He had guts and nerve; he had what it took to be somebody [6].

Бессоюзное предложение содержит две грамматические основы, состоящие из подлежащего *he*, составного именного сказуемого *had guts and nerve* и *what it took to be somebody*. В данном случае повторение синтаксической структуры предикативных частей предложения делает утверждение более эмоциональным и выразительным. Кроме того, параллельные конструкции фокусируют внимание читателя на оценке автора, подчёркивают значимость и возможный потенциал персонажа, а также формируют положительную оценку героя.

В приведённом ниже примере сильное эмоциональное напряжение создаётся при помощи применения повтора:

"I can't get this one off." "Pull it off, just pull it off! [6]"

Словосочетание *pull it off* в повелительном наклонении повторяется в восклицательном предложении дважды, что придаёт реплике экспрессивность и эмоциональность. Повтор подчёркивает категоричность и отчаянное требование говорящего, и передаёт нарастающее эмоциональное давление ситуации.

В целях передачи внутреннего состояния персонажа в следующем примере используется лексический повтор:

The ocean looked so cool, so refreshing. It would feel so good [6].

Повтор усилительной частицы *so*, используемой с оценочными прилагательными *cool*, *refreshing* и *good* выполняет эмфатическую функцию, указывая на внутренние желания персонажа. Повторение усиливает эмоциональное воздействие описания природы и отражает восхищение и удовольствие героя, способствуя осознанию читателем ценностных ориентиров персонажа.

В тексте произведения повтор также используется в качестве средства передачи страха и отчаяния персонажа, что иллюстрирует пример ниже:

It wasn't my idea, it wasn't, I didn't want to, please let me go, please, I promise I won't, I won't … [6]

Реплика говорящего характеризуется сумбурностью и хаотичностью, о чём свидетельствует многократный лексический повтор. В предложении дважды повторяются отрицательные конструкции *it wasn't* и *I won't*, передающие отчаянное отрицание вины и страх наказания, а также частица *please*, отражающая беспомощность и эмоциональное напряжение. Кроме того, в реплике персонажа используется эллипсис *"I won't…"*, который нарушает синтаксической целостности высказывания и потере контроля над речью под воздействием сильных эмоций. Прагматическая функция эллипсиса заключается в создании эффекта незавершённости и вовлечении читателя в реконструкцию недосказанного. Таким образом, высказывание обретает ярко выраженный эмоционально-экспрессивный заряд, демон-

стрирующий состояние паники героя.

Свойство параллелизма интонационно усиливать высказывание проявляется в следующей реплике:

"You did what you felt like, without doing it properly, just like—" He caught himself, but Shae's face had already stiffened.

"Like what?" she asked coolly. "Like moving to Espenia? Like dating Jerald? Like taking off my jade without permission [6]?"

Последовательность риторических вопросов основывается на повторе синтаксической структуры, состоящей из предлога *like* и ряда дополнений, представленных вопросительным местоимением *what* и герундиями *moving*, *dating* и *taking off*, что создаёт ритмичную смысловую цепочку обвинений и делает реплику эмоционально насыщенной. Параллельные конструкции отражают стремление говорящей заставить собеседника проговорить свои претензии и усиливают ощущение нарастающего раздражения и обиды. В совокупности перечисленные синтаксические средства способствуют передаче саркастического тона речи и отражают отношение героини к необоснованности и абсурдности упрёка.

6. Заключение

Результаты проведённого анализа свидетельствуют о том, что параллелизм и лексический повтор являются важными синтаксическими средствами реализации эмоционально-оценочного компонента в художественном тексте. Данные приёмы применяются автором как в прямой или внутренней речи персонажей, так и в повествовании от лица героя-рассказчика. Кроме того, синтаксические средства способствуют повышению выразительности высказываний, передаче эмоционального напряжения и акцентированию оценочного отношения к изображаемым событиям со стороны автора или персонажей.

Использование параллельных конструкций направлено на привлечение внимания читателя к смысловой соотнесённости отдельных высказываний и их эмоциональном воздействии на читателя. Лексический повтор, в свою очередь, преимущественно отражает внутреннее эмоциональное состояние персонажей и применяется с целью эмоционального воздействия на читателя и создания эффекта соучастия.

Библиографический список:

1. Андреева Е.Ю., Глушкова Н.М. Синтаксические средства выражения эмоциональности в художественном тексте на английском языке и их перевод на русский // МНКО. 2022. № 4 (95). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sintaksicheskie-sredstva-vyrazheniya-emotsionalnosti-v-hudozhestvennom-tekste-na-angliyskom-yazyke-i-ih-perevod-na-russkiy (Дата обращения: 18.01.2026)
2. Архипова М.В., Макаревич М.В. О роли повтора как синтаксического средства передачи эмоций // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. 2018. № 2 (31). С. 20-24.
3. Ешимбетова Г.Ш. Классификация функциональных стилей и многостильность художественного текста //

Lingua-Universum. 2024. № 1. С. 54-57.
4. Коростова С.В., Ляшева М.Н. Способы репрезентации эмотивно-оценочных смыслов в современной актуализирующей прозе // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения – 2015: сборник научных трудов, Санкт-Петербург, 17-19 апреля 2015 года. Т. 2. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2016. С. 322-326.
5. Моисеева И.Ю., Калиева А.С. Лексические и синтаксические средства выражения эмоциональной оценки (на материале современного художественного произведения на немецком языке) // БГЖ. 2019. № 1 (26). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-i-sintaksicheskie-sredstva-vyrazheniya-emotsionalnoy-otsenki-na-materiale-sovremennogo-hudozhestvennogo-proizvedeniya (Дата обращения: 20.01.2026)
6. Lee F. Jade City. New York: Orbit, 2017. 560 p.
7. Щупленков О.В. Казачье самоуправление – положительный опыт консенсуса центра и регионов // Альманах Казачество 2016. № 20. С. 40-50.

Reference

1. Andreeva E.Yu., Glushkova N.M. Syntactic means of expressing emotionality in a fiction text in English and their translation into Russian // MNKO. 2022. № 4 (95). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sintaksicheskie-sredstva-vyrazheniya-emotsionalnosti-v-hudozhestvennom-tekste-na-angliyskom-yazyke-i-ih-perevod-na-russkiy (18.01.2026)
2. Arkhipova M.V., Makarevich M.V. On the role of repetition as a syntactic means of conveying emotions // Theory and practice of linguistic description of colloquial speech. 2018. № 2 (31). P. 20-24.
3. Yeshimbetova G.Sh. Classification of Functional Styles and Multi-Stylistic Nature of Fiction // Lingua-Universum. 2024. № 1. P. 54-57.
4. Korostova S.V., Lyasheva M.N. Methods of Representing Emotive-Evaluative Meanings in Modern Actualizing Prose // Pechat i Slovo St. Petersburga. St. Petersburg Readings - 2015: Collection of Scientific Papers, St. Petersburg, April 17-19, 2015. Vol. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2016. P. 322-326.
5. Moiseeva I.Yu., Kalieva A.S. Lexical and Syntactic Means of Expressing Emotional Evaluation (Based on a Modern German-Language Fiction Work) // BGZh. 2019. № 1 (26). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-i-sintaksicheskie-sredstva-vyrazheniya-emotsionalnoy-otsenki-na-materiale-sovremennogo-khudozhestvennogo-proizvedeniya (20.01.2026)
6. Lee F. Jade City. New York: Orbit, 2017. 560 p.
7. Shuplenkov O.V. Cossack self-government – a positive experience of consensus Center and Regions // Almanac Cossacks 2016. № 20. P. 40-50.

Якутина Е.Н.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций. Московский гуманитарный университет.

Использование радио в целях пропаганды и достижения общественного согласия в условиях фашистского режима в Италии 1922-1939 годов*

Фашистский режим Муссолини установил диктатуру в Италии с жёстким контролем над обществом и средствами массовой информации, используя интенсивную пропаганду для укрепления власти и создания единодушия. Пропаганда возвеличивала Муссолини и римское наследие, становясь важнейшим элементом тоталитарного режима. Радио в 1920–1930-х годах превратилось в массовое средство информации и развлечения, особенно популярное среди рабочего класса благодаря доступности и своевременности новостей. Политики, включая Муссолини, активно использовали радио для распространения своих посланий и укрепления влияния. Таким образом, развитие радио стало ключевым фактором формирования массового общества и эффективным инструментом фашистской пропаганды.

Ключевые слова: история Италии, фашизм, политическая пропаганда, радио, массовая культура.

Yakutina E.N.

PhD in History, Associate Professor, Department of Advertising Theory and Mass Communications, Moscow University for the Humanities.

The use of radio for propaganda and public consent under the Fascist regime in Italy from 1922 to 1939

* © Якутина Е.Н., 2026.

Abstract. The article studies the evolution and features of fascist censorship in Italy 1922-1939. in order to deepen the understanding of the propaganda impact of the state on society. The history of fascist censorship has been studied in its development and structuring by the authorities as a comprehensive system of party-state control over all spheres of society. Previously unused archival documents were put into scientific circulation. In March 1933, a propaganda ministry was created in Germany, after the visit of its head Goebbels to Italy, censorship was tightened and G. Ciano was appointed head of the Press Committee, who carried out a reform of the department by analogy with the Goebbels ministry. The process of concentration and centralization of censorship management received a logical conclusion in 1935, when the committee was transformed into a ministry. In the country, the possibilities of the legal spread of ideological values alternative to fascism were completely eliminated. The repressive apparatus, including censorship, created such a public infrastructure that allowed and stimulated the rapid development of only one subculture - the fascist. The study shows that the system of total ideological pressure was more punitive, performed control-prohibitive and manipulative functions, was subordinated to the goal of building a society of consent.

Key words: history of Italy, fascism, censorship, consensus, structural violence.

Введение

Фашистский режим в Италии сформировался на фоне глубокого социально-политического кризиса, характеризующегося выраженным национализмом и антипарламентскими настроениями. Опираясь на широко распространённые в обществе авторитарные тенденции, фашистская идеология активно использовала механизмы пропаганды и рекламы для консолидации власти. Политические оппоненты были представлены как внутренние враги, а любая оппозиция жёстко подавлялась. Центральным элементом фашистской идеологии стало стремление к тотальному единомыслию.

В 1925 г. Бенито Муссолини предпринял решительные меры по установлению тоталитарного режима, введя так называемые «максимально фашистские законы». Эти законодательные акты предусматривали: полный контроль над общественными организациями через систему полицейского надзора; жёсткую цензуру средств массовой информации; запрет на распространение антифашистских материалов.

Пропагандистская машина режима действовала во всех сферах общественной жизни – от образовательных учреждений до театров, активно используя радио и другие средства массовой коммуникации для прославления фашистского строя и личности дуче, а также для культивирования имперских амбиций, основанных на идеализации наследия Древнего Рима.

Фашистская идеология проявлялась неоднородно в различных регионах страны, что требует рассмотрения феномена фашизма в контексте его региональных особенностей и проявлений в различный сферах общественной жизни.

Технологический прогресс конца XIX в. положил начало развитию радиосвязи. После завершения Первой мировой войны радио перестало быть исключительно средством коммуникации и трансформировалось в массовый инструмент информационного воздействия на общество.

Первые регулярные радиопередачи появились в США в 1920 г. В Европе развитие радиовещания шло по модели государственной монополии. Стремительный рост популярности радио привёл к значительному увеличению продаж радиоприёмников. В обоих случаях развитие радио было очень быстрым. Продажи радиоприемников пережили впечатляющий бум: к концу 1920-х гг. их было около 3 млн в Великобритании, столько же в Германии и почти 10 млн в США. Эти цифры увеличились в течение следующего десятилетия: в 1939 г. во всем мире насчитывалось около 100 млн радиоприемников, половина из них – в Северной Америке. Большой скачок в распространении радио произошел после окончания войны, когда оно превратилось из средства связи между отдельными людьми в инструмент трансляции программ, предназначенных для публики, оснащенной приемными устройствами, и, следовательно, в средство информации и развлечения.

Благодаря относительно низкой закупочной цене и практически нулевым эксплуатационным расходам радио вскоре стало основным средством развлечения для рабочего класса: действительно, его важность была тем выше, чем ниже был доход рабочего и, следовательно, чем меньше была возможность доступа к другим формам использования свободного времени. Как средство информации радио не имело себе равных: новостные передачи можно было слушать в любое время, они не требовали особого внимания и дополнительных затрат и были оперативнее в передаче информации, чем газеты. Начиная с 1930-х гг., развитие информационной прессы замедлилось. Ежедневные газеты по-прежнему покупались и читались в основном обеспеченной публикой, но они потеряли значительную часть своей способности распространяться среди низших классов. Чтобы вернуть утраченные позиции, сектор печати на бумаге стал больше ориентироваться на изображение: отсюда развитие иллюстрированных журналов, где фотографии преобладали над текстами.

Радио стало ключевым инструментом политической коммуникации, который использовали лидеры различных государств, включая Франклина Рузвельта, Адольфа Гитлера и Бенито Муссолини, для распространения своих идей и укрепления власти. Это технологическое новшество ознаменовало начало новой эры в развитии массовых коммуникаций и формировании общества массового потребления.

Историография и методы исследования

Общие работы о СМИ Италии изученного периода, в основном, расска-

зывают об истории журналистики, не касаясь поставленной проблемы связи СМИ с пропагандой и создания консенсуса [1, с. 201-216; 4; 5; 11; 21; 17; 35, P. 93-160; 13; 15; 18; 31; 28; 8; 16]. Изучению отношений средств массовой информации (прессы и радио) и фашизма посвящены труды Н. В. Уриной [4], которая отмечает фрагментарность в изучении темы взаимодействия журналистики и политики в Италии, что относится к рассмотрению процесса в историческом контексте и теоретическом аспекте. Урина говорит об отсутствии комплексного подхода в решении названной проблемы [4, с. 3].

Выявлению особенностей СМИ Италии, их истории, роли в политической коммуникации и формы их взаимодействия с фашизмом касались В.С. Соколов, С.М. Виноградова[1] [3; 2; 13; 22; 23]. М. Грилли, П. Оузер, Ф. Де Бернарди Мариньони, В. Саландини рассматривали отдельные аспекты истории радио [13; 22; 23]. В Италии этот же аспект темы освещали и другие авторы Д. Каркане, А. Джисмонде, Ф. Монтелеоне [10; 20; 27; 28; 14; 29; 33]. В годы фашизма, когда режим выдвинул свою теорию печати, вдохновленные идеями Муссолини, ее разрабатывали Э. Амикуччи, А. Ассанте, К. Барбиери, Э. Йоване, П. Орано[2], которые в ее рамках рассматривали все проблемы газет и журналистики.

Новые исследовательские подходы к изучению истории включают междисциплинарный подход к использованию архивов звукозаписи, фото- и видеоматериалов, интернет-архивов и были использованы в данной статье. В рамках изучаемой темы были изучены архив журнала «Официальные акты», принятых после Конгрессов Итальянской федерации рекламы, располагающийся в миланском офисе, а также комплекс Королевских законов о радио, опубликованных на специализированных сайтах «Радио Маркони» и «МСРепортер»[3].

Обсуждение

Радио стало важным инструментом пропаганды. В первые годы режима

1 *Соколов В.С., Виноградова С.М.* Периодическая печать Италии. СПб., 1997.; «Работа с прессой» в фашистской Италии. Общественный фонд «Антифашист». // URL: http://www.aha.ru/~ofa/00013-4.htm (дата обращения 08.12.2015).; Grilli M. La propaganda radiofonica del fascismo. // URL: http://www.instoria.it/home/propaganda_radiofonica_fascismo.htm (дата обращения 09.12.2015); *Hoser P.* Völskischer Beobachter. URL: https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/V%C3%B6lkischer_Beobachter (Дата обращения: 12.12.2015); Radio nel fascismo. Progetto realizzato da Francesca De Bernardi Marignoni e Valeria Salandini. // URL: http://www.fmboschetto.it/didattica/90Radio/radionellastoria/Radio%20nel%20fascismo.html (Дата обращения: 09.12.2015).

2 *Amicucci E.* Il giornalismo nel regime fascista. Roma, 1930; Assante Arturo. Il giornale e il giornalismo di Stato. Napoli, 1937; Barbieri C. Storia e vita del giornale. Padova, 1942; Jovane E. Diritto giornalistíco. Milano, 1939; Orano Paolo. Verso una dottrina storica del giornalismo // L'Eloquenza. 1928. Fasc. 5-6.

3 http://www.radiomarconi.com, http://www.mcreporter.info

потенциал радио как инструмента массовой коммуникации не использовался в полной мере, поскольку радио было предметом потребления элиты, и только в н. 1930-х гг. возросло осознание его коммуникативного потенциала и желание сделать его инструментом массовой коммуникации, направленным на укрепление консенсуса фашистского режима и населения страны. Причем особые усилия предпринимались прежде всего для охвата тех слоев населения, которые по-прежнему оставались отрезанными от слушательской аудитории. До 1930-х гг. режим отдавал предпочтение информационной и письменной пропаганде. Только со временем он понял проникающую способность радио, учитывая высокий уровень неграмотности и низкую склонность к чтению в Италии. Появление радио по существу совпало с приходом фашизма, так что его социальное и потребительское использование как средства связи было под влиянием текущих политических событий. Режим первоначально был озабочен вмешательством только в информационную функцию радио, а в 1924 г. законодательным декретом он потребовал от «УРИ» (URI, Итальянский радиосоюз), который управлял общественным радио, передавать только ту информацию, которая была распространена правительственным агентством печати [34, P. 26-27].

В середине 1930-х гг. радио и кино стали неотъемлемой частью городской жизни. Радио было гибридным средством массовой информации. Оно транслировало легкую музыку, спонсируемые программы, рекламу, которая, в отличие от более официальных передач, часто объявлялась женскими голосами [28, p. 67]. Радиослужба в начале своей работы требовала от «пионеров» (так тогда называли радиослушателей) оплатить абонемент на радиопрослушивания. Объявление повторялось через регулярные промежутки времени в течение нескольких недель: оно было настолько убедительным, что позволило «УРИ» завершить свой первый год работы с 16500 абонентами. Ореол волшебства, окутывавший радио, был подкреплен голосом диктора Марии Луизы Бонкомпаньи, самым известным голосом в истории итальянского радио. Первым диктором на радио в г. Турине была Ада Фрицци.

Позже между Турином и Миланом был проложен телефонный коаксиальный кабель, который также использовался для «передачи» коммерческих сообщений из одного места в другое. Считается, что первое сообщение в области «связей с общественностью» в Италии было от имени «Жиллетт». От элементарных объявлений, основанных на рифмах, вскоре перешли к объявлениям, построенным на диалогах и даже коротких звуковых сценах. Среди первых интерпретаторов этих «комических отступлений», как их называли, были прославленные в Италии имена: Дина Галли, Анджело Муско, Антонио Гандузио, Армандо Фалькони. Радиореклама очень быстро обрела своих «звезд», в том числе актеров театров, например, Мария Мела-

то или Андреина Росси [12, p. 286].

Примерно в это время родился первый кодекс радиорекламы, который сформулировал известный режиссер Энцо Ферьери, который тогда был художественным руководителем «СИПРА» (Итальянское общество анонимной радиорекламы, SIPRA)[4]. Функции радио как средства массовой коммуникации усиливалось. Задуманный как интрига, конкурс «Кадига, Джедо, Флор» на сочинение песен под этими странными именами для предприятия «Сосьета уника ди Торино» (Sosieta unica di Torino) добился сенсационного успеха. В финале оказалось, что это названия десертов компании, «которые уже можно найти в лучших кондитерских и продуктовых магазинах». Эта рекламная кампания проложила путь к бесконечной череде конкурсов до гораздо более поздних фестивалей поп-музыки. Формула конкурса, основанная на трех танцевальных песнях в сочетании с таким же количеством видов сладостей, является беспрецедентной в истории радиорекламы, но величайшая его заслуга состоит в том, что она была задумана и проведена в фашистскую эпоху.

Помимо экономических (радио имело довольно высокую стоимость для большинства итальянцев) и практических барьеров, для итальянского радио добавились психологические препятствия. Первое дешевое радио, доступное даже менее обеспеченному населению, было создано в 1937 г. под названием «Радио Балилла» [34, p. 27]. Технологическое чудо для католической страны со все еще широко распространенным невежеством (которое было основой предубеждений по отношению к радио) превратило радио в дьявольское порождение для большинства итальянцев [24, p. 37]. Вхождение радио в общество и в дома итальянцев переживало разные этапы и препятствия, которые не всегда можно объяснить культурным или идеологическим выбором. Преодоление разрыва с иностранными радиостанциями за счет освобождения от лицензионных платежей стало девизом первых лет работы и продолжалось вплоть до начала Второй мировой войны.

Компания «ЭИАР» (EIAR, Ente Italiano per le Audizioni Radiofoniche, Итальянское управление по радиовещанию) в годы медленного становления радиовещания в Италии могла рассчитывать на параллельную пропагандистскую кампанию в значительной части итальянской прессы, направленную на мобилизацию любопытства все более широких слоев национального общества к новому инструменту коммуникации [24, P. 39-44]. Желание увеличить аудитории, заставила «ЭИАР» пробовать самые разнообразные пути, очень часто имитируя вещание передовых зарубежных радиостанций, в том числе, поводя опросы слушателей, которые писали в редакции свои пожелания по содержанию вещания. После опроса 1928 г. предпочтение было отдано трансляции музыкальных программ.

4 Radiocorriere. №5, 1931 г.

Радио также рекламировало себя на многочисленных плакатах и с помощью газетных объявлений: «Вы можете слушать концерты по всей Европе у себя дома с помощью простого и недорогого радиоприемника», «Голос всех континентов в вашем доме» (1930), «Радио - единственное, что может прокричать о вашей рекламе на весь мир», «Радио Sicart - голос мира» (1939), «Ключ к миру» (1935), «Все звуки мира в твоем распоряжении» (1939), «Весь мир в вашем распоряжении. Слушайте радио […]» (1940). Великий поэт Трилусса, рекламируя радиоприемник, выразился таким образом: «Вся музыка мира, если она назначит встречу в моем доме» [19, p. 137].

Особенностью радио тех лет был звук маленькой птички, соединяющей различные передачи (в 1940 г. ему даже была посвящена песня «L'uccellino della radio»). Идея родилась в Турине у искусного мастера, который спрятал в маленькой деревянной коробочке специальное устройство: опускание рычага вызывало щебетание соловья. Этот звук сопровождал радиопередачи с 1928 по 1963 гг.

В феврале 1930 г. был проведен еще один референдум для выбора идеальной программы, результат которого подтвердил любовь к музыкальным программам, на вершине рейтинга оказалась опера[5] и религиозная беседа.

Среди наиболее важных нововведений в 30-е гг. сало использование свидетельств, введение джинглов и отказ от использования только женщин в качестве дикторов. Если в 1927 г. время вещания ограничивалось двумя часами днем (с 16.45 до 18.45) и чуть менее трех часов вечером (с 20.25 до 23.05), то с созданием «ЭИАР» техническая сеть была укреплена, а покупка оборудования поощрялась конкурсами с призами. Работа «ЭАИР» также ознаменовала качественный скачок в области программирования. Программа передач стала занимать весь день, с 8 утра до полуночи.

Содержание программы было сосредоточено на концертах, беседах и музыке, особенно симфонической и оперной, предназначенной для немногочисленных пользователей того времени, которые принадлежали к среднему городскому классу. Значительное место отводилось детским программам, которые открывали дневной эфир. Позже «УРИ» расширил свое предложение, уделив больше места спортивным мероприятиям и разговорным/новостным программам, посвященным кино, литературе, науке, а также урокам иностранных языков (французского, английского, немецкого, эсперанто). В дополнение к обычным программам выпускались передачи, посвященные женщинам, религии, школам, фермерам и спорту.

5 Передачи транслировались из Миланской консерватории имени Дж. Верди, начиная с 1 декабря 1930 г. Несколько недель спустя SIPRA запустила еще одну важную инициативу: «Грандиозные лирические концерты», предложенные компанией Cirio. Martini&Rossi также спонсировали музыкальные шоу, как и Cora (Ora Cora), бренд знаменитого аперитива, и Perugina-Buitoni.

В 1933 г. началась работа Управления сельского радиовещания (Ente Radio Rurale), органа, ориентированного на студентов (и по воскресеньям на фермеров) с целью содействия массовой аккультурации. Фашистское государство навязало промышленности производство «сельского радиоприемника», украшенного двумя фасциями между колосьями пшеницы[6].

Управление сельского радио было официально создано 15 июня 1933 г. [24, p. 122] и действовало при Министерстве связи при сотрудничестве с Министерством народного образования и Министерством сельского и лесного хозяйства. Организация имела исключительное право продавать и устанавливать радиоприемники в школах и других общественных местах муниципалитетов и сельских деревень. Чтобы максимально увеличить аудиторию слушателей радио, был выбран путь стимулирования покупки устройств по фиксированной цене для установки в общественных местах.

Детская аудитория была конкретной целью части дневных программ, и, учитывая образовательный и развлекательный характер радио, аудитория школьного возраста, казалось, представляла собой наиболее подходящую аудиторию для простых программ. Наибольшее внимание уделялось детям начальной школы в возрасте от 7 до 12 лет. Чезаре Ферри, «Дедушка Радио», был римским учителем, основавшим «Детскую радиогазету» на «Радио Рома» в 1925 г. Рубрика, воспевающая славу родины, включала пресс-релизы о событиях дня, чтение басни, небольшой календарь по истории религии и чтение переписки со слушателями [24, P. 102-103]. Были объявлены многочисленные конкурсы, на которые в редакцию посыпались письма, темы и рисунки. Рекорд по количеству присланных рисунков принадлежал ведущему радиопрограммы, «Мастро Ремо» (М. Гранбасси), который каждый четверг из давал указания для выполнения различных изображений на бумаге в клеточку. Прямые репортажи для маленьких игроков в настольный теннис были способом пропагандировать успех инициатив

6 Radio Rurale — итальянский ламповый бытовой радиоприёмник, выпускавшийся в 1933-1939 гг. Продвигался Управлением сельского радио в период фашизма для установки в местах коллективных собраний, преимущественно в сельской местности и в школах. Продажа аппарата осуществлялась лишь в организациях идеологического или образовательного характера: в учебных заведениях, ячейках «Балилла» и фашистской партии, в сельских приходах, конторах по вопросам досуга OND, на «Странствующих кафедрах сельского хозяйства», Конфедерации фашистских профсоюзов сельского хозяйства, Конфедерации фермеров, также радио можно было приобрести оформив пожертвования. Благодаря такому подходу три млн итальянских школьников получили возможность работать с престижными (для того времени) средствами связи. В конце эпохи фашизма, в силу различных причин (например, из-за отрицания тоталитарной идеологии, или из опасений быть подвергнутым репрессиям) многие пережившие войну приёмники Radio Rurale были уничтожены или подвергнуты вандализму, чтобы убрать изображённые на них фашистские символы. Поскольку количество выпущенных приёмников было невелико, и приобрести их напрямую у частных лиц было невозможно, цена на устройства, дошедшие до наших дней, выше, чем на аналогичные аппараты.

режима в пользу молодежи, но также и великой генеральной репетицией социального использования радио как общественной услуги и прямого инструмента социальной коммуникации.

Муссолини редко вмешивался в детские программы, несмотря на постоянные просьбы об этом со стороны многих детей по разным поводам.

С увеличением количества передающих станций, с течением времени, количество программ для детей также увеличивалось, и до создания в 1934 г. Управления сельского радио, которое ввело радио в школы, режим предпочитал предоставлять каждому отделению полную автономию действий, всегда осуществляя постоянный контроль над передачами. Начало вещания Сельского радио, организации, возглавляемой президентом «ЭИАР» Маркези, придало программам для детей систематичность, но в полдень радио неизменно вещало для взрослых [24, p. 115]. Было много авторов, писавших тексты для той или иной программы, и об успехе этих программ свидетельствовало большое количеств одобрительных писем, полученных руководством радиостанции. Время выхода в эфир могло меняться: чаще всего в 10.30 утра, но иногда срывалось до 10.50 утра, как и продолжительность, которая варьировались от 20-25 минут до 45 минут в случае особых торжеств. С самых ранних, неопределенных, этапов радиовещания культурная и тематическая беседа утвердилась не только как один из любимых слушателями жанров, но и как «наиболее практичное и интересное средство распространения культуры» [24, p. 169], и директорам «ЭИАР» не составило труда найти ведущих среди журналистов, писателей, шоуменов, готовых провести десять минут беседы перед микрофоном. Запись не получила широкого распространения из-за дороговизны и чрезвычайной громоздкости аппаратуры, хотя руководство радио широко использовало ее, например, для радиокомментариев к матчам и трансляции их в вечерние часы. Что касается спортивных радиокомментариев, то именно этот сектор в наибольшей степени подчеркивал возможности радио, и можно сказать, что массовый спорт пропагандировался именно воскресными радиопередачами. Увлечение спортом росло вместе с распространением радио до такой степени, что воскресные привычки итальянцев претерпели глубокие изменения, особенно это касается футбола, который после победы на чемпионате мира 1934 г. получил широкое распространение благодаря возможности слушать в прямом эфире важнейшие фазы матчей любимой команды[7]. Футбол с самого начала стал предпочтительным полигоном для спортивных радиокомментариев. Что касается легких развлечений, то образовательные, национально-популярные программы, которым присваивалось индивидуальное название, был представлен в пользу комедийного жанра и легкой музыки (были запрещены ревю и варьете).

7 In un covo di poche stanze 50 anni fa nasceva la radio // Corriere della Sera, 1 gennaio 1935.

Возможно, самым преувеличенным проявлением фашистской пропаганды на радио была серия бесед, запущенная в ноябре 1933 г. под названием «Хроники режима» (Cronache del Regime), с проправительственными комментариями к новостям дня. В субботу днем звучала программа «Десять минут рабочего дня» («I dieci minuti del lavoratore»), направленная на «ориентацию коллективного сознания рабочих на новый национальный этос», а в 1939 г. появилась «Radio Sociale», с программой «фашистских» развлечений [24, p. 189].

В 1934 г. «Кампари» стал главным героем радиорубрики под названием «Корреспонденция для "Кампари"» на радиостанции «Радиокоррьере». Радиослушатели присылали музыкальные заявки, которые затем передавались в эфир[8].

Компания «Фили Бранка», производитель медикамента «Фемет», организовала конкурс (разыгрывалось 15 стипендий по 1000 лир), в котором приняли участие ученики начальных школ, институтов, дополнительных школ и профессионально-технических училищ. Участники конкурса, используя специальный бланк, распространяемый в розничных магазинах «Фемет», должны были рассказать о терапевтических и лечебных свойствах «Фемет-Бранка», используя не более 30 слов.

Компания «Арриджони» в обеденный перерыв спонсировала еженедельные беседы «Удобный дом» для женщин. В 1936 г. «Мартини и России» предложили пародийное шоу с богатыми призами. Парфюмерная фабрика «Л.Е.П.И.Т» в Болонье предложила еженедельную передачу, посвященную коротким рассказам, концовку в которых отгадывали радиослушатели. Также в 1936 г. компания «Коньяк Спирити» выступила спонсором программы «Так кто же вы». Компания «Ганча» в к. 1938 г. спрашивала: «Сможете ли вы потратить 10 000 лир?». Ваучер находился в одной из коробок с продуктом.

Несмотря на волшебство радио, реклама начала раздражать слушателей. Как следует из писем, направленных в «Радиокоррьере», спонсорские передачи были ненавязчивой формой рекламы, которая очень ценилась публикой, то простая реклама, напротив, не нашла отклика у радиослушателей: «Что касается рекламы, то это катастрофа. Реклама в любое время суток». Итальянские радиолюбители теперь знают наизусть по меньшей мере десяток более или менее музыкальных рекламных фраз, которые станции транслируют в свое удовольствие. Их продукция медленно, но верно начала тонуть в раздражении от назойливого повторения. Тем более, что радио было подписным и платным.

Предвестником рекламного коллекционирования была «Либиг», ком-

8 Radiocorriere. N46, 1934; Radiocorriere. N49, 1934.

пания, включившая в свою продукцию коллекционные карточки. Хорошо продуманные и высоко оцененные публикой, они стали первым примером плодотворного сотрудничества между фигуративным искусством и промышленностью. Несмотря на грубые попытки подражания, «Либиг» оставался бесспорным королем в этом секторе, по крайней мере, до середины 1930-х гг.

Программа «Четыре мушкетера», первый итальянский пример радиожурнала, способствовала распространению радио. В 1934 г., когда началась передача, число подписчиков выросло с 400 тыс. до 535 тыс. К концу 1937 г. их число превысило 900 тыс. Успех программы был настолько велик, потому что впервые в Италии она была объединена с конкурсом, состоящим из коллекции наклеек. Есть факты, что дуче и его сыновья тоже не остались равнодушными к конкурсу [19, p. 153]. Ошеломительный тройной успех передачи, книги о мушкетерах и коллекции наклеек породил новую передачу («Два года спустя»), новую книгу и новую коллекцию. Режим терпел эту безобидную манию итальянцев до 1937 г.

Ни одна инициатива не смогла повторить успех «Четырех мушкетеров». Однако нельзя не упомянуть конкурс «Империя», организованный «АПИ – Периодичи Мондадори» в сотрудничестве с «Эла» и вновь связанный с коллекционированием открыток, на этот раз диснеевских. В 1936 г. некоторые компании, в основном производившие продукты питания, а также сигареты, прилагали к каждому продукту наклейки, которые нужно было поместить в специальные альбомы. Заполнив определенное количество альбомов, можно было получить призы. Для конкурса «Империя» существовали редкие фигурки, например, «Роковая женщина», которая встречалась по одной на 1700 открыток. В 1937 г. инициатива продолжилась новыми призами: заполнение 150 альбомов давало право на путешествие на лайнере «Рекс» или «Конте ди Савойя» и двухнедельное пребывание в Нью-Йорке.

Заключение

Развитие средств массовой информации (радио и кино, затем телевидения) придало пропагандистской деятельности новые масштабы и новые возможности проникновения. Эти возможности широко использовались тоталитарными режимами, которые, напрямую контролируя информационные каналы, могли создавать формы убеждения и идеологической обработки, которые были гораздо более эффективными и изощренными, чем те, которые применялись в прошлом, когда пропаганда была поручена прессе или использовала плакаты и листовки. Кроме того, после этого опыта термин «пропаганда» приобрел негативный оттенок, связанный с идеей манипулирования или односторонней и искаженной информации.

Библиографический список / Reference

1. Лабриола А. Периодическая печать Италии // История печати. – М.: Аспект-пресс, 2001. Т. 2. С. 201-216.
2. «Работа с прессой» в фашистской Италии. Общественный фонд «Антифашист». // URL: http://www.aha.ru/~ofa/00013-4.htm (Дата обращения: 08.12.2015).
3. Соколов В.С., Виноградова С.М. Периодическая печать Италии. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. 95 с.
4. Урина Н.В. Журналистика и политика: итальянский опыт взаимодействия / Автореф. дисс. … докт. филол. наук. Москва, 2012.
5. Федякин И.А. Современная печать Италии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 109 с.
6. Amicucci E. Il giornalismo nel regime fascista. Roma: Casa editrice d'arte Bestetti e Tumminelli, 1928. 318 p.
7. Assante A. Il giornale e il giornalismo di Stato. Il giornale e il giornalismo di Stato. Napoli: Morano, 1937. 85 p.
8. Balotta F., Brigida F. Radio e pubblicità. Firenze: Forma, 1982. 116 p.
9. Barbieri C. Storia e vita del giornale. Padova: C.E.D.A.M., Casa editrice dott. A. Milani, 1942. 400 p.
10. Carcano G. Il fascismo e la stampa. Michigan: Guanda, 2007. 154 p.
11. Castronovo V. Stampa ed opinione pubblica nell'Italia liberale. Bari: Laterza, 1979. 366 p.
12. Cento anni di pubblicità nello sviluppo economico e nel costume italiano / Supplemento al n. 6 della rivista Sipra. Torino: Italgrafica, 1974. 340 p.
13. De Bernardi F., Salandini M. e V. Radio nel fascismo. Progetto realizzato da // URL: http://www.fmboschetto.it/didattica/90Radio/radionellastoria/Radio%20nel%20fascismo.html (Дата обращения: 09.12.2015).
14. Farinelli G., Paccagnini E., Santambrogio G., Villa A. I. Storia del giornalismo italiano. Dalle origini ai giorni nostri. Torino: UTET libreria, 1997. 522 p.
15. Flora F. Stampa dell'era fascista: Le note di servizio. Rome: Mondadori, 1945. 100 p.
16. Fochessati M. La voce del mondo - L'immagine della radio in Italia fra le due guerre. Genova: De Ferrari Editore, 1990. 195 p.
17. Forgacs D. L'industrializzazione della cultura italiana (1880-2000). Bologna, Mulino, 2000. 352 p.
18. Forno M. La stampa del ventennio. Strutture e trasformazioni nello stato totalitario. Napoli: Rubettino, 2005. 304 p.
19. Giannini G. Un Martini per il Duce: La comunicazione pubblicitaria nell'Italia fascista. Kindle ed., 2017. 230 p.
20. Gismondi A. La radiotelevisione in Italia. Roma: Studium, centro studi economico sociali, 1978. 554 p.
21. Gozzini G. Storia del giornalismo. Milano: Mondadori. 2000. 400 p.
22. Grilli M. La propaganda radiofonica del fascismo. URL: http://www.instoria.it/home/propaganda_radiofonica_fascismo.htm (дата обращения 09.12.2015).
23. Hoser P. Völskischer Beobachter. // URL: https://www.historisches-lexikonbayerns.de/Lexikon/V%C3%B6lkischer_Beobachter (Дата обращения: 12.12.2015).
24. Isola G. Abbassa la tua radio, per favore … Storia dell'ascolto radiofonico nell'Italia fascista. Venezia: La Nuova Italia, 1999. 260 p.
25. Jovane E. Diritto giornalistíco. Milano: Fratelli Bocca, 1939. 269 p.
26. Manucci C. I poteri pubblici e l'Ente radiofonico» // Nord e Sud, n.57, settembre. 1979. P. 8-51.
27. Monteleone F. La radio italiana nel periodo fascista: studio e documenti, 1922-1945. Venezia: Marsillo, 1976. 394 p.
28. Monteleone F. Storia della radio e della televisione in Italia: Costume, società e politica (I tascabili Marsilio). Venezia: Marsilio, 2009. 832 p.
29. Murialdi P. Storia del giornalismo italiano. Bologna: Mulino, 2021. 352 p.
30. Radio nel fascismo. Progetto realizzato da Francesca De Bernardi Marignoni e Valeria Salandini. // URL: http://www.fmboschetto.it/didattica/90Radio/radionellastoria/Radio%20nel%20fascismo (Дата обращения: 12.10.2025).
31. Signoretti A. La stampa in camicia nera, 1932-43. Roma: Laterza, 1968. 269 p.
32. Siliato F. L'antenna dei padroni. Milano: Gabriele Mazzotta editore, 1977. 255 p.
33. Storia della comunicazione da fine ottocento ad oggi / a cura di Liliana E. URL: http.7/www.alpcub.com/media.htm (дата обращения 20.08.2023).
34. Tolomelli M. Sfera pubblica e consenso di massa nel XX secolo. Bologna: Archetipo Libri, 2006. 215 p.
35. Tranfaglia N. La stampa del regime 1932-1943. Le veline del Minculpop per orientare l'informazione. Milano: Bompiani, 2005. 456 p.
36. Corriere della Sera 20/9/39.
37. http://www.mcreporter.info
38. http://www.radiomarconi.com
39. In un covo di poche stanze 50 anni fa nasceva la radio // Corriere della Sera, 1 gennaio 1935.
40. Radiocorriere 1-7/10/39; 5-11/11/39; N46, 1934; N49, 1934; N5, 1931.
41. Regio Decreto 1924, 1927, 1937.

Ху Вэньсюй
Аспирант. Институт Китая и современной Азии Российской академии наук. ORCID: 0009-0006-1456-8176

Ян Цзе и китайско-советская дипломатия (1937–1940)*

Аннотация. Период с 1937 по 1940 год стал ключевым этапом перехода китайской войны сопротивления японским агрессорам в позиционную фазу, а также важным этапом углубления и одновременно скрытых проблем в китайско-советских отношениях в контексте войны. Ян Цзе, выступивший в качестве руководителя Военной делегации Национального правительства Китая и посла Китая в СССР, стал центральным исполнителем китайско-советской дипломатии в указанный период. Благодаря глубоким военным знаниям, хорошему пониманию Советского Союза и гибкой дипломатической тактике он способствовал достижению множества соглашений между Китаем и СССР в области военной помощи, кредитного сотрудничества и кадрового обмена, обеспечив Китаю ценную внешнюю поддержку в войне сопротивления. В настоящей работе на основе дипломатической практики Яна Цзе, с учетом международной обстановки и стратегических интересов обеих стран, рассматриваются конкретные меры, принятые им в китайско-советской дипломатии, анализируются результаты и ограничения его дипломатической деятельности, исследуется взаимодействие между его личной ролью и историческим контекстом, раскрывается сложность и специфика китайско-советской дипломатии того периода.

Ключевые слова: Ян Цзе, китайско-советские отношения, военная дипломатия, китайско-японская война, посол Китая в СССР.

Hu Wenxiu
PhD student, Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0009-0006-1456-8176

Yang Jie and Sino-Soviet Diplomacy (1937–1940)

Abstract. The period from 1937 to 1940 became a key stage in the transition of China's War of Resistance against Japanese Aggression to a stalemate, as well as an important stage in the deepening and at the same time hidden worries of Sino-Soviet relations in the context of the war. Yang Jie, acting as the head of the Military Delegation of the National Government of China and the Ambassador of China to the Soviet Union, became the central executor of Sino-Soviet diplomacy during this period. With his profound military

* © Ху Вэньсюй, 2026.

literacy, good understanding of the Soviet Union and flexible diplomatic strategies, he contributed to the achievement of numerous agreements between China and the Soviet Union in the fields of military assistance, credit cooperation and personnel exchanges, providing China with valuable external support in the War of Resistance. Based on Yang Jie's diplomatic practice, taking into account the international situation and the strategic interests of both countries, this paper examines the specific measures taken by him in Sino-Soviet diplomacy, analyzes the results and limitations of his diplomatic activities, explores the interaction between his personal role and the historical context, and reveals the complexity and particularity of Sino-Soviet diplomacy during this period.

Key words: Yang Jie, Sino-Soviet relations, military diplomacy, Sino-Japanese War, Chinese Ambassador to the Soviet Union.

После полномасштабного разворачивания войны сопротивления японским агрессорам в 1937 году Китай столкнулся с ожесточенным наступлением японского империализма. Национальное правительство Китая остро нуждалось во внешней военной и материальной помощи для ведения длительной войны. В этот период СССР, руководствуясь стратегическими соображениями собственной дальневосточной безопасности, стал первым государством, оказавшим Китаю масштабную помощь [7, с. 123]. Заключение 21 августа 1937 года «Договора о ненападении между Китаем и СССР» заложило политическую основу сотрудничества двух стран в войне против Японии и открыло «золотой период» развития китайско-советской дипломатии [1, с. 63]. В 1938–1940 годах Ян Цзе занимал пост посла Национального правительства Китая в СССР (до этого он находился в СССР в качестве руководителя Военной делегации) и полностью руководил китайско-советскими дипломатическими переговорами. Его дипломатическая деятельность охватывала все ключевые области: военную помощь, кредитные переговоры, кадровый обмен и другие вопросы.

Ян Цзе был известным военным стратегом Китайской Республики, он посетил с инспекцией 29 европейских стран [3, с. 168]. Во время пребывания в СССР он заслужил признание И.В. Сталина, который назвал его «специалистом по стратегии» [3, с. 173]. Его военная подготовка и понимание Советского Союза значительно превосходили уровень других китайских дипломатов того времени. Эта уникальная преимущество позволило ему точно определять стратегические интересы обеих стран, отстаивать национальные интересы Китая в войне и одновременно учитывать безопасностные интересы СССР. Существующие исследования в основном сосредоточены на общих китайско-советских дипломатических отношениях или макроуровне советской помощи Китаю, при этом недостаточно изучены конкретная роль Яна Цзе в китайско-советской дипло-

матии, его дипломатическая тактика и детали практической деятельности. Поэтому изучение китайско-советской дипломатии 1938–1940 годов через призму личности Яна Цзе не только обогащает исследовательские подходы к китайско-советской дипломатии в годы войны сопротивления, но и углубляет понимание роли и ограничений личной дипломатии в межгосударственных отношениях, что имеет важное академическое и историческое значение.

Ян Цзе окончил Японскую армию университет, был известным военным теоретиком и стратегом в партии Гоминьдан, имел тесные связи с Чан Кайши [5, с. 13]. Его военная компетенция давала ему профессиональные знания при обсуждении деталей военной помощи, а его деловой подход и доверие Чан Кайши обеспечивали ему широкие полномочия, позволявшие быстро и эффективно принимать решения и вести переговоры в Москве. Поэтому вскоре после подписания Договора о ненападении Чан Кайши направил его в СССР под видом «инспекционной поездки» для фактического получения помощи [10, с. 113].

В сентябре 1937 года Ян Цзе был назначен Чан Кайши «руководителем специальной военной делегации» и отправился в СССР под прикрытием «делегации по изучению промышленности» [2, с. 368]. Эта маскировочная должность отражала дипломатическую осторожность под давлением Японии и указывала на то, что реальная цель поездки не была связана с изучением промышленности. Чан Кайши поставил перед ним задачи двух уровней: высшая цель – добиться вступления СССР в войну, минимальная – получить советскую военную помощь [10, с. 114].

Эта двойная цель отражала стратегические расчеты Национального правительства: с одной стороны, надежда на прямое военное участие СССР для снижения давления на китайский театр военных действий; с другой – гарантия непрерывности поставок вооружений, даже если высшая цель не будет достигнута.

Дипломатическая деятельность Яна Цзе в СССР была сосредоточена на получении и реализации советской помощи. Основные направления его работы следующие:

(1) Достижение кредитных соглашений и товарообмена

Это было главным направлением работы Яна Цзе. После трудных переговоров 1 марта 1938 года, 1 июля 1938 года и 13 июня 1939 года между Китаем и СССР были заключены три кредитных соглашения на общую сумму 250 миллионов долларов США[5. С.126.134]. В ходе переговоров Ян Цзе настаивал на улучшении условий: снижении процентной ставки (в итоге установлен годовой процент в размере 3%), продлении сроков погашения, увеличении доли конвертируемой иностранной валюты для закупок на третьих рынках [2. Л. 12]. Кредиты погашались поставкой китайских сельско-

хозяйственных и минеральных продуктов (чай, тунговое масло, вольфрам, сурьма и др.), что сформировало особую модель товарообмена в военное время. Ян Цзе принимал непосредственное участие в переговорах, подписании договоров и координации их последующего выполнения, обеспечив Китаю твердую валюту для закупки вооружений [7, с. 127].

(2) Контроль за закупкой и транспортировкой вооружений и материалов

Ян Цзе и возглавляемое им военное атташе посольства непосредственно занимались представлением советской стороне списков необходимого вооружения и материалов, контролировали закупки, приемку и отправку грузов. По его отчетам, за время его пребывания в посту через его руки прошли закупки и доставка в Китай большого количества материалов: самолеты (истребители, бомбардировщики), артиллерия, танки, пулеметы, винтовки, боеприпасы, бензин, автомобили и другое. Особое значение имел авиационный парк: советские истребители И-15, И-16 и бомбардировщики СБ-2 стали основной силой китайской авиации на начальном этапе войны. Ян Цзе также прилагал максимум усилий для координации Северо-западного международного транспортного коридора через Синьцзян, обеспечивая относительно стабильное функционирование этой длинной и опасной линии снабжения [7, с. 120].

(3) Координация приезда советских военных советников и добровольцев

По просьбе китайской стороны СССР направил в Китай добровольный авиационный корпус. Ян Цзе вел конкретные переговоры с советской стороной по вопросам подбора советников, их полномочий, условий содержания, а также по командованию и боевым задачам добровольного авиационного корпуса. Советские добровольцы принимали непосредственное участие в воздушных боях с японскими войсками, внеся вклад в обороту таких стратегических пунктов, как Ухань и Чунцин. Медиационная деятельность Яна Цзе в этом вопросе была незаменимой [4, с. 131-139].

(4) Преодоление кризисов и поддержание политического доверия

Дипломатическая работа Яна Цзе не была беспрепятственной. Ему постоянно приходилось разъяснять советской стороне трудности и решимость китайского театра военных действий, развеивать сомнения СССР, вызванные неудачами на фронте (в частности, падением Гуанчжоу и Ухани). Одновременно ему приходилось учитывать политические ожидания СССР от китайской помощи: прежде всего, использование помощи преимущественно для борьбы с Японией, а также сдерживание отношений между КПК и Гоминьданом[8. С.73].

Под влиянием исторического контекста, различий в национальных интересах и личном статусе дипломатическая практика Яна Цзе в СССР

имела определенные исторические ограничения. Во-первых, его действия всегда были подчинены дипломатической стратегии Национального правительства и личным намерениям Чан Кайши[6. С.226]. Одна из ключевых задач – добиться вступления СССР в войну – не была реализована в силу стратегических расчетов советской стороны. Несмотря на многочисленные посреднические усилия Яна Цзе, ему не удалось преодолеть разногласия в стратегических интересах двух стран. Во-вторых, идеологические различия и расхождения в национальных интересах делали сотрудничество между Китаем и СССР уязвимым. Хотя Ян Цзе старался координировать отношения, он не мог коренным образом разрешить противоречия и недоверие между сторонами, что заложило основу для последующего ухудшения китайско-советских отношений.

Как центральный представитель китайской дипломатии в СССР на начальном этапе войны сопротивления, дипломатическая практика Яна Цзе в 1937–1940 годах оказала существенное влияние на ход войны в Китае, китайско-советские отношения и мировую антифашистскую войну. С точки зрения китайской войны сопротивления, военная помощь и кредиты, полученные Ян Цзе, стали важной опорой для Китая, смягчили военные и экономические трудности на начальном этапе войны, укрепили боевой дух китайского народа. Сотрудничество, продвинутый им, повысило боеспособность китайской армии.

С точки зрения китайско-советских отношений, Ян Цзе был важным инициатором и исполнителем сотрудничества двух стран в годы войны. Его дипломатическая практика укрепила китайско-советское сотрудничество, способствовала переходу отношений в короткий «медовый период», заложила основу для последующего взаимодействия. При этом она показала центральную черту китайско-советских отношений – «совпадение стратегических интересов»: сотрудничество основывалось на общей борьбе с японским фашизмом и имело ярко выраженный исторический характер. С точки зрения мировой антифашистской войны, деятельность Яна Цзе углубила китайско-советское антифашистское сотрудничество, способствовало объединению антифашистских сил и внесло косвенный вклад в победу во второй мировой войне.

С точки зрения личной исторической роли, Ян Цзе благодаря глубоким военным знаниям и выдающимся дипломатическим способностям стал ключевой фигурой в китайско-советской дипломатии на начальном этапе войны. Его дипломатическая практика отразила как патриотические чувства и профессиональную компетенцию, так и сложное положение китайской дипломатии того времени. Несмотря на определенные ограничения, его дипломатическая работа в СССР в 1937–1940 годах внесла незаменимый вклад в китайскую войну сопротивления и развитие китайско-совет-

ских отношений, его историческая роль и дипломатические достижения заслуживают признания. В 1940 году из-за расхождений в политических взглядах с Чан Кайши Ян Цзе был освобожден от должности и отозван в Китай. Однако его дипломатическая практика в СССР стала важной частью истории китайско-советской дипломатии.

Период 1937–1940 годов был самым трудным этапом китайской войны сопротивления японским агрессорам и ключевым этапом развития китайско-советских отношений. Как центральный дипломатический представитель Национального правительства в СССР, Ян Цзе в двойном статусе заместителя начальника Генерального штаба Военного совета и посла Китая в СССР руководил рядом важных дипломатических мероприятий: переговорами о советской военной помощи, подписанием кредитных соглашений, развитием товарообмена, углублением военного сотрудничества. Благодаря профессиональной военной подготовке и выдающимся дипломатическим способностям он стал мостом между Китаем и СССР, обеспечил Китаю ценную внешнюю поддержку в войне и способствовал развитию китайско-советского антифашистского сотрудничества[9. С.365].

Дипломатическая практика Яна Цзе дала заметные результаты, внесла важный вклад в упорство Китая в войне и развитие китайско-советских отношений, но имела и определенные исторические ограничения. Под влиянием исторического контекста, различий в национальных интересах и личном статусе ему не удалось полностью реализовать дипломатические цели Национального правительства и коренным образом разрешить противоречия и недоверие между Китаем и СССР. В целом, однако, дипломатическая деятельность Яна Цзе в СССР в 1937–1940 годах составляет важную главу в истории китайско-советской дипломатии. Патриотические чувства, профессиональная компетенция и чувство ответственности, проявившиеся им в дипломатической практике, заслуживают признания и увековечивания.

С исторической точки зрения, дипломатическая практика Яна Цзе отразила не только сложное положение китайской дипломатии на начальном этапе войны и стратегию «союза с СССР против Японии», но и сложную природу китайско-советских отношений: сотрудничество основывалось на общих стратегических интересах, но сопровождалось идеологическими различиями и расхождениями в национальных интересах. Эта сложность стала важным предпосылкой для последующего развития китайско-советских отношений. В то же время практика Яна Цзе дает полезный урок для современной дипломатии, доказывая важность профессиональной подготовки, стратегического видения и прагматического подхода в дипломатической работе.

Библиографический список:

1. Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. Кн. 1. 1937-1944 гг. / ред. С.Л. Тихвинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2010. 869 с.
2. Архив внешней политики Российской Федерация (АВПРФ). Ф. 100, Оп. 22, П. 190, Д. 10; Ф. 100, Оп. 24, П. 7, Д. 196.
3. Ян Дэхуэй. Жизнь генерала Яна Цзе. Издательство Яньнаньского народа, 1993. 485 с.
4. Астафьев Г.В. Советские лётчики в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 4. С. 131-139.
5. Цинь Сяои (главный редактор): Важные исторические материалы Китайской Республики. Первоначальная компиляция – период войны сопротивления Японии. Раздел 3 – Дипломатия военного времени (том 2). Тайбэй: Историческое бюро, 1981. С. 883.
6. Ли Цзягу: Сборник документов по истории межгосударственных отношений между Китаем и СССР (1933–1945). – Пекин: Издательство социальных наук и литературы Китая, 1997. С. 683.
7. Горбачев Б.Н. Внешняя помощь Китаю в годы войны с Японией (1937-1945 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 123-135.
8. Дацышен В.Г. История русско-китайских отношений. 1917-1949 гг.: учебное пособие. – Красноярск: СФУ, 2023. 216 с.
9. Лузянин С.Г. Китай в годы Второй мировой войны (1939-1945 гг.) // На азиатском направлении. Том 1. Канун трагедии. – М.: МГИМО, 2010. С. 364-380.
10. Ван Чжэнь: Разногласия между Китаем и СССР по вопросу участия СССР в войне в начальный период войны сопротивления // Исторические исследования (История). 1994. № 6. С. 112-125.
11. Махмутова К.А. Межконфессиональное согласие в молодежной среде // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 127-131.

Reference

1. Russo-Chinese Relations in the 20th Century: Materials and Documents. Vol. IV. Soviet-Chinese Relations. 1937-1945. Book 1. 1937-1944 / ed. S.L. Tikhvinsky. – Moscow: Monuments of Historical Thought, 2010. 869 p.
2. Foreign Policy Archives of the Russian Federation (AFPRF). F. 100, Op. 22, P. 190, D. 10; F. 100, Op. 24, P. 7, D. 196.
3. Yang Dehui. The Life of General Yang Jie. Yannan People's Publishing House, 1993. 485 p.
4. Astafyev G.V. Soviet Pilots in China // Problems of the Far East. 1989. № 4. P. 131-139.
5. Qin Xiaoyi (editor-in-chief): Important Historical Materials of the Republic of China. Original Compilation – The War of Resistance Against Japan. Section 3 – Wartime Diplomacy (Vol. 2). Taipei: Historical Bureau, 1981. P. 883.
6. Li Jiagu: Collection of Documents on the History of Interstate Relations between China and the USSR (1933–1945). – Beijing: Chinese Social Sciences and Literature Publishing House, 1997. P. 683.
7. Gorbachev B.N. Foreign Aid to China During the War with Japan (1937–1945) // Problemy Dalnego Vostoka. 2015. № 3. P. 123-135.
8. Datsyshen V.G. History of Russo-Chinese Relations. 1917-1949: A Textbook. – Krasnoyarsk: SFU, 2023. 216 p.
9. Luzyanin S.G. China during the Second World War (1939-1945) // In the Asian Direction. Volume 1. The Eve of Tragedy. – Moscow: MGIMO, 2010. P. 364-380.
10. Wang Zhen: Disagreements between China and the USSR over the USSR's Participation in the War in the Initial Period of the War of Resistance // Historical Research (History). 1994. № 6. P. 112-125.11.
11. Makhmutova K.A. Inter-confessional agreement among youth // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 127-131.

Содиков С.Р.
Соискатель кафедры истории таджикского народа, ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б.Г. Гафурова». г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Природно-климатические условия и историко-географические особенности таджикской части Мирзачульской равнины*

Аннотация. В статья рассматриваются природно-географические особенности Мирзачульской равнины, включая рельеф, климатические условия и их значение для формирования системы искусственного орошения. Подчёркивается резко континентальный характер климата региона, дефицит осадков и решающая роль водохозяйственной инфраструктуры в развитии земледелия. Особое внимание уделено политико-административным решениям конца 1950-х годов, в результате которых 50,5 тыс. га земель Мирзачуля были переданы из Узбекской ССР в состав Таджикской ССР в качестве компенсации за затопленные территории Кайраккумского водохранилища. Подробно анализируется процесс юридического оформления изменения границ между союзными республиками и его идеологическое обоснование в духе «дружбы народов». Раскрывается значение комплексного освоения орошаемых земель для экономического роста региона и увеличения производства хлопка в 1960–1970-е годы. Делается вывод о трансформации Мирзачуля в один из ключевых центров советской аграрной политики, несмотря на сложные природные условия.

Ключевые слова: Мирзачульская равнина, орошение и мелиорация, резко континентальный климат, водохозяйственная инфраструктура, изменение границ союзных республик, Таджикская ССР и Узбекская ССР, Кайраккумское водохранилище, освоение целинных земель, хлопководство, аграрная политика СССР.

Sodikov S.R.
PhD candidate, Department of Tajik History, Khujand State University named after Academician B.G. Gafurov, Khujand, Tajikistan.

Natural-climatic conditions and historical-geographical features of the Tajik part of the Mirzachul plain

Abstract. This article examines the natural-geographical characteristics of the Mirzachul Plain, including its relief, climatic conditions, and their significance for the for-

* © Содиков С.Р., 2026.

mation of an artificial irrigation system. The sharply continental nature of the region's climate, the deficit of precipitation, and the decisive role of water management infrastructure in the development of agriculture are emphasized. Special attention is given to the political and administrative decisions of the late 1950s, which resulted in 50.5 thousand hectares of Mirzachul lands being transferred from the Uzbek SSR to the Tajik SSR as compensation for territories flooded by the Kayrakkum Reservoir. The process of legally formalizing the change of borders between the union republics and its ideological justification in the spirit of "friendship of peoples" is analyzed in detail. The significance of comprehensive development of irrigated lands for the region's economic growth and the increase of cotton production in the 1960s–1970s is revealed. The article concludes that, despite challenging natural conditions, Mirzachul transformed into one of the key centers of Soviet agricultural policy.

Key words: Mirzachul Plain, irrigation and land reclamation, sharply continental climate, water management infrastructure, changes in the borders of union republics, Tajik SSR and Uzbek SSR, Kayrakkum Reservoir, development of virgin lands, cotton-growing, Soviet agricultural policy.

Общая площадь Республики Таджикистан составляет 142,6 тыс. км². В административно-территориальном отношении республика включает Согдийскую область, Хатлонскую область, Горно-Бадахшанскую автономную область, а также районы республиканского подчинения. Согдийская область является одной из крупнейших административных единиц страны и характеризуется многотысячелетней историей хозяйственного освоения.

Зафарободский район входит в состав Согдийской области и известен как таджикская часть Мирзачульской равнины. Он относится к числу крупнейших аграрных районов Среднесырдарьинской долины и обладает значительным потенциалом для развития сельского хозяйства, в частности хлопководства, овощеводства и садоводства. Согласно статистическим данным, по состоянию на 2024 г. общая площадь земель района составляет 44 097 га, из которых 35 806 га относятся к орошаемым угодьям. Таким образом, около 81 % земельного фонда района пригодны для сельскохозяйственного использования при условии устойчивого водообеспечения, что обусловлено жаркими климатическими условиями и наличием искусственной ирригационной сети.

Зафарободский район сформировался в результате хозяйственного освоения на протяжении длительного времени пустынных и малопродуктивных земель Мирзачуля. В процессе ирригационного строительства и аграрного освоения на ранее засушливых территориях были созданы современные поселения и сельские населённые пункты, что стало результатом межрегионального сотрудничества и комплексной государственной политики по вовлечению целинных земель в сельскохозяйственный оборот [24].

Мирзачульская равнина занимает площадь свыше одного миллиона гектаров и расположена на территории современных Казахстана, Узбекистана и Таджикистана. Её естественные границы образуют с севера река Сырдарья, с северо-востока и юга – хребты Каратау, с юга – системы Тянь-Шаня, а с запада – пустыня Кызылкум [29].

В дореволюционный и раннесоветский периоды значительная часть территории Мирзачуля использовалась преимущественно как сезонное пастбище. Весной, в период временного увлажнения, здесь формировался растительный покров, однако уже к концу мая под воздействием высоких температур травянистая растительность выгорала, и равнина вновь приобретала характер аридного ландшафта. В местной традиции территория получила название «Мирзачуль», что интерпретируется как «плодородная степь», указывая на её потенциальную продуктивность при наличии водоснабжения. В русскоязычной научной и административной практике она закрепилась под наименованием «Голодная степь», отражающим её природную засушливость в условиях отсутствия ирригации [3, с. 13].

С физико-географической точки зрения Мирзачуль представляет собой обширную равнинную территорию с незначительным уклоном, простирающуюся от пологих склонов Туркестанского хребта на юго-востоке до песчаных массивов Кызылкума на северо-западе. По площади она являлась одной из крупнейших неосвоенных равнин Центральной Азии, охватывая около 1 млн га, что сопоставимо с размерами ряда малых европейских государств.

Из общей площади Мирзачульской равнины около 800 тыс. га оценивались как потенциально пригодные для орошения и возделывания важнейших сельскохозяйственных культур, прежде всего хлопчатника. Данный ресурсный потенциал превращал Мирзачуль в один из наиболее перспективных районов расширения сельскохозяйственного производства Таджикской и Узбекской ССР.

В географическом сборнике «Россия», изданном под редакцией известного учёного П.П. Семёнова-Тян-Шанского, приводится образное, но в то же время научно значимое описание природных условий Мирзачуля: «В летний период Мирзачуль представляет собой выжженную пустыню, которая под воздействием интенсивной жары превращается в жёлто-бурую равнину, полностью оправдывающую своё наименование отсутствием жизни и естественной растительности. Уже к маю травяной покров выгорает, природные краски тускнеют, пастбищные стада перегоняются в песчаные районы, птицы рассеиваются, черепахи скрываются в норах, и равнина приобретает облик безжизненного раскалённого пространства, на горизонте которого различимы снежные вершины гор. Останки костей верблюдов и лошадей, переплетённые с сухими стеблями зонтичных растений, усиливают впечатление крайней засушливости ландшафта» [20].

С точки зрения климато-почвенных условий Мирзачульская равнина является территорией, благоприятной для возделывания хлопчатника и других теплолюбивых сельскохозяйственных культур. Вместе с тем наличие минерализованных грунтовых вод и недостаточная развитость дренажных систем обусловливали процессы засоления и заболачивания значительной части земель, что существенно осложняло их хозяйственное освоение.

Мирзачульская равнина расположена в пределах 40°–41° северной широты и 37°–39° восточной долготы и представляет собой обширную плоскую поверхность, постепенно понижающуюся в северном и северо-западном направлениях. Незначительная расчленённость рельефа на всей территории создаёт благоприятные условия для строительства искусственных оросительных систем и магистральных каналов. Уклон поверхности равнины изменяется от 0,006° в южной части до 0,002–0,005° в центральных и северных районах.

Средние абсолютные отметки южных участков достигают 373–385 м над уровнем моря, тогда как в северной части, в долине реки Сырдарьи, они понижаются до 240 м, а на западном побережье озера Тузкан – до 230 м. В частности, высотные показатели отдельных населённых пунктов составляют: Джизак – 391,6 м, Урсатев – 447 м, центр Мирзачуля (ныне г. Гулистан) – 272,7 м, Пахтааральский район – 265 м. Указанные различия в абсолютных отметках предопределяют особенности естественного стока и водоотведения и создают основу для формирования гидротехнической инфраструктуры [9, с. 6].

Мирзачульская равнина, значительную часть которой занимают равнинные пространства, характеризуется резко континентальным климатом. Регион отличается высокой аридностью, неустойчивостью атмосферного увлажнения и малой облачностью, что выступает определяющими факторами формирования его природно-хозяйственного потенциала. Согласно агроклиматическим исследованиям, среднегодовая температура воздуха на большей части территории составляет около 12,5 °С. Вегетационный период, начинающийся в конце марта и продолжающийся до октября, в среднем длится 210–220 суток.

Климат имеет ярко выраженную сезонную контрастность: относительно более влажное зимнее полугодие и сухое, жаркое лето. Географическое положение равнины вблизи пустыни Кызылкум и отсутствие естественных преград со стороны северо-запада способствуют свободной циркуляции сухих и тёплых воздушных масс, что обусловливает низкий уровень атмосферных осадков и высокую испаряемость [9, с. 7-8].

Летний период характеризуется устойчивой жаркой и практически безосадочной погодой. Часто наблюдаемые суховеи вызывают интенсивное испарение поверхностных вод и потерю почвенной влаги, что негативно

отражается на росте сельскохозяйственных культур и снижает эффективность фотосинтетических процессов. В условиях недостаточного развития оросительных систем данный фактор существенно ограничивает устойчивость земледелия.

Зимы в регионе сравнительно короткие, но сопровождаются резкими понижениями температуры. Периодические оттепели в середине зимы провоцируют преждевременное развитие растительности, что повышает риск повреждения посевов последующими заморозками. Поздние весенние и ранние осенние похолодания сокращают продолжительность вегетационного периода и отрицательно влияют на сроки сева хлопчатника и других культур.

Среднегодовое количество осадков в пределах Мирзачульской равнины составляет 250–266 мм, при этом до 80 % их приходится на зимне-весенний период. Лето характеризуется практически полным отсутствием атмосферных осадков. В сравнении с западной частью Ферганской долины Мирзачуль отличается несколько более высоким уровнем увлажнения, что связано с особенностями его географического положения и воздействием воздушных масс северо-западного направления.

Согласно метеорологическим наблюдениям, все метеостанции Мирзачульского региона фиксируют сравнительно суровые зимние условия, характеризующиеся более низкими температурами воздуха по сравнению с соседними территориями. Так, в городе Гулистан, где зимы отличаются значительной холодностью, минимальная температура воздуха достигает –34,4 °С. Подобная интенсивность морозов обусловлена особенностями рельефа региона, который по своему характеру представляет собой замкнутую котловину, способствующую застою холодных воздушных масс и формированию устойчивых очагов пониженных температур. В Гулистане ежегодно регистрируется свыше 100 дней с отрицательными температурами в зимний период.

Одним из характерных климатических явлений зимнего сезона в Мирзачуле являются сильные так называемые «урсатевские» ветры, наиболее часто наблюдаемые в восточной части равнины и вблизи Ферганского хребта. Эти ветры формируются в результате стекания охлаждённых горных воздушных масс в пониженные участки рельефа, после чего с большой скоростью распространяются в западном направлении. В районе города Янгиер скорость ветра нередко достигает 45 м/с, что соответствует почти ураганным показателям. Наиболее интенсивно данные ветры проявляются в зимний период (ноябрь–март), однако значительные ветровые нагрузки фиксируются и в летние месяцы [9, с. 9].

В «Административно-статистическом справочнике Самаркандской области», изданном в 1902 г., содержатся ценные сведения о природно-геогра-

фических границах Мирзачульской равнины. Указывается, что основную часть территории составляют песчаные массивы Кызылкума, расположенные в пределах Джизакского и Ходжентского уездов, между Нуратау и рекой Сырдарьёй. Пространственное простирание равнины ориентировано с севера на юг и с востока на запад в пределах меридианов 35°–39°. Геоморфологическое строение отдельных участков характеризуется значительной неоднородностью, что проявляется в различиях литологического состава и форм рельефа [23, с. 2-4].

Мирзачульская равнина, являясь географическим продолжением песков Кызылкума, тянется вдоль линии Среднеазиатской железной дороги от города Джизака до станции Черняево и далее на восток – до станции Сыр, расположенной примерно в 10 верстах от левого берега Сырдарьи. Абсолютные высоты равнины колеблются в пределах от 300 до 2000 футов над уровнем моря. В одних районах поверхность носит волнистый характер, в других – отличается почти идеальной ровностью, создавая впечатление высохшего морского дна [12, с. 170].

За исключением отдельных небольших оазисов с оседлым и полукочевым населением, основная часть равнины исторически отличалась крайне низкой заселённостью и отсутствием древесной растительности. В весенний период – с февраля по середину мая – поверхность равнины покрывается плотным травяным покровом, превращаясь в сезонные пастбища. В это время в Мирзачуль откочёвывали группы кочевников со стадами овец, лошадей, верблюдов и крупного рогатого скота. С наступлением лета равнина вновь приобретала черты безводной, солончаковой и монотонной пустыни [1, с. 65].

В северо-западной части региона, примерно в 60 милях от Джизака, расположено солёное озеро Тузкан. В целях частичного решения оросительной проблемы ещё в дореволюционный период был сооружён Николаевский канал, выведенный из реки Сырдарьи и ориентированный с востока на запад, проходящий вблизи станции «Мирзачуль» [23, с. 2-4].

В географическом отношении Мирзачуль представляет собой обширную равнину протяжённостью свыше 150 км и шириной от 70 до 120 км, простирающуюся от предгорий Туркестанского хребта до среднего течения Сырдарьи, от Фархадского канала до Чардарьи. С запада равнина ограничена Арнасайской впадиной и озером Тузкан [2, с. 15; 7, с. 4].

Близость к древнейшим историческим оазисам Ферганы, Чача и Зарафшана, а также наличие значительных потенциальных земельных ресурсов предопределяли высокую перспективность Мирзачуля для развития орошаемого земледелия.

Следует отметить, что весенне-летние температуры в Мирзачуле выше, чем в Ташкенте, Самарканде и Ферганской долине. Так, при среднегодовой

температуре воздуха в Фергане около +13 °С, в Мирзачуле она достигает +14 °С; средняя температура весны в Андижане составляет +14,2 °С, тогда как в Мирзачуле – +17,4 °С; в период хлопководства соответственно +25 °С и +27,2 °С [26, с. 31-32].

Одной из специфических особенностей климата Мирзачуля является сравнительно высокая сумма годовых осадков – от 250 до 350 мм, что превышает показатели Ферганской, Зарафшанской и Гиссарской долин. Почвы равнины отличаются высокой потенциальной плодородностью: по механическому составу они относятся к супесчано-суглинистым, богаты элементами питания и характеризуются значительным запасом гумуса по сравнению с бурыми и другими типами почв.

Основная часть осадков приходится на первую половину весны, что в целом соответствует биологическим потребностям сельскохозяйственных культур. К концу апреля их количество резко сокращается, а летом, в период максимального иссушения почв и интенсивного роста растений, осадки практически отсутствуют. Осень также маловодна; устойчивые похолодания и осадки начинаются, как правило, со второй половины октября. Формирование устойчивого снежного покрова и длительного промерзания почв не характерно, поскольку ночные заморозки днём часто сменяются оттепелями [11, с. 137].

Весна в Мирзачуле наступает уже в конце февраля – начале марта и по своим температурным характеристикам сопоставима с концом мая в Харьковской и Полтавской областях. Переход к лету выражается главным образом в росте температур и прекращении осадков. К концу лета усиливаются сухие и горячие ветры, наносящие значительный ущерб сельскому хозяйству. Осень характеризуется постепенным снижением температурного фона.

Несмотря на сложные природно-географические условия – жаркий и засушливый климат, дефицит поверхностных вод и засолённые почвы – в дореволюционный и особенно в советский периоды в Мирзачуле были освоены десятки тысяч гектаров земель, созданы крупные хлопководческие районы, современные посёлки, разветвлённые оросительные системы и межхозяйственная инфраструктура.

Изучение природных условий Мирзачульской равнины неразрывно связано с историей её орошения, насчитывающей более 150 лет. Первые комплексные исследования были проведены русскими учёными и инженерами. Существенный вклад в изучение природно-географических условий региона внесли Н.А. Димо, М.М. Бушуев, Г.К. Ризенкампф, В.А. Обручев, М.М. Решеткин, Ф.Н. Моргунов, В.А. Ковда, В.В. Егоров, В.В. Пославский, Б.В. Федоров, М.А. Панков, В.М. Легостаев и другие.

Как отмечал В.А. Духовный, близость вод Сырдарьи с древнейших времён порождала идею орошения Мирзачуля, отражённую как в литера-

турных источниках, так и в археологических находках. Остатки древнего ирригационного канала «Урумбой», выявленные в конце XIX в. вдоль Сырдарьи, подтверждают попытки раннего освоения равнины [8, с. 18].

Ключевым этапом в истории орошения стал Декрет СНК РСФСР от 17 мая 1918 г., подписанный В.И. Лениным, положивший начало государственной политике мелиорации и освоения целинных земель Мирзачуля, Дильварзина и Учкудука. Документ предусматривал орошение более 770 тыс. га земель, из которых свыше 500 тыс. га приходилось на Мирзачуль.

Принятие данного документа, разработанного на основе дореволюционных исследований русских учёных Г.К. Ризенкампфа, В.А. Васильева, А.П. Чаплыгина, Н.А. Димо и других, ознаменовало начало нового этапа государственной политики рационального использования водных ресурсов и освоения целинных земель в регионе Средней Азии.

Программы Центрального Комитета ВКП(б) по вовлечению в хозяйственный оборот залежных земель и расширению площадей орошаемого земледелия представляли собой логическое продолжение ленинской концепции развития сельского хозяйства и были направлены на обеспечение продовольственной безопасности страны. Эти мероприятия одновременно способствовали укреплению материально-технической базы социалистического строя.

В условиях дореволюционной России, где земельная собственность находилась в руках феодалов и капиталистов, реализация масштабных ирригационных проектов была практически невозможна. Идеи расширения сельскохозяйственных угодий и повышения их продуктивности выдвигались прогрессивными мыслителями XIX – начала XX вв., однако реальные условия для их осуществления сложились лишь после Октябрьской революции по инициативе большевистской партии и советской власти.

17 мая 1918 г. по инициативе В.И. Ленина был принят декрет, согласно которому на ирригационные работы в Туркестане выделялось 50 млн рублей. В документе подчёркивалось первостепенное значение строительства ирригационной системы в Дильварзинской степи (40 тыс. десятин), расположенной на берегу реки Сырдарьи напротив Мирзачульской равнины. Данный декрет стал не только началом государственной политики мелиорации, но и важнейшим элементом социалистической реконструкции национальных регионов Средней Азии.

Реализация этих мероприятий привела к массовому освоению новых земель. Уже в первые годы после принятия декрета в Мирзачуле было введено в сельскохозяйственный оборот свыше 200 тыс. га, что способствовало развитию оросительных систем, трансформации образа жизни населения и модернизации сельских поселений.

Таким образом, декрет 1918 г., инициированный В.И. Лениным, стал ключевым нормативным актом в становлении государственной ирригаци-

онной политики СССР и заложил основы комплексного освоения засушливых территорий [18, с. 3-5].

В результате национально-территориального размежевания 1924 г. Мирзачульская степь была разделена: её северная часть отошла Узбекской ССР, а западная – Казахской ССР. В том же году советское правительство приняло решение о создании совхоза «Пахта-Арал» в северо-западной части равнины. В последующие годы в Мирзачуле последовательно формировались новые колхозы и совхозы.

Совхоз «Пахта-Арал» стал одним из первых орошаемых аграрных центров казахстанской части Мирзачуля. Уже к 1938 г. здесь было засеяно хлопком 5 тыс. га с урожайностью 27 ц/га, а в узбекской части равнины передовые хлопкоробы под руководством Бегмата Нурматова достигли показателя 40 ц/га. К 1956 г. протяжённость оросительной сети достигла 7 тыс. км, было освоено около 100 тыс. га и создано 4 совхоза и 69 крупных хлопководческих колхозов [7, с. 7].

Особенно интенсивно ирригационное строительство разворачивалось в узбекской части Мирзачуля. В 1956 г. здесь было освоено свыше 100 тыс. га целинных земель, образовано 8 административных районов, 12 МТС, более 100 колхозов и десятки совхозов [4, с. 88].

XIII съезд Компартии Узбекистана (январь 1956 г.) поставил задачу ускоренного превращения Мирзачуля в крупный хлопководческий район. Эта инициатива была поддержана ЦК КПСС и закреплена в решениях XX съезда партии, предусматривавших орошение 300 тыс. га земель, из которых 200 тыс. приходились на Узбекистан и 100 тыс. – на Казахстан [13, с. 173].

Реализация программы рассматривалась как важнейший элемент стратегии увеличения производства хлопка как стратегического сырья. Уже в первые годы осуществления мероприятий дополнительный объём производства в Узбекистане достигал до 200 тыс. тонн в год [19, с. 130-135].

Политика освоения целинных земель получила дальнейшее развитие после решений февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС 1954 г. В масштабах СССР за 1954–1960 гг. в сельскохозяйственный оборот было вовлечено свыше 42 млн га земель.

Л. И. Брежнев в выступлении 1974 г. в Алма-Ате охарактеризовал освоение целинных земель, включая Мирзачуль, как одну из наиболее ярких страниц трудовой истории советского народа [5, с. 8; 10, с. 13-21].

В 1956 г. было создано управление «Главголодностепстрой», сосредоточившее руководство всеми ирригационными и строительными работами в регионе. В результате реализации постановления ЦК КПСС от 14 июня 1958 г. сотни тысяч гектаров были орошены, построены насосные станции, каналы, жилые массивы и новые города.

По поручению Правительства СССР и в целях компенсации земель

Таджикской ССР, затопленных в связи со строительством Кайраккумского водохранилища, Указом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР от 23 апреля 1959 г. часть Мирзачульской равнины площадью 50,5 тыс. га была передана Таджикской ССР. 24 ноября 1959 г. Верховный Совет Таджикской ССР принял постановление «Об изменении границы между Таджикской ССР и Узбекской ССР», согласно которому указанные земли юго-восточной части Мирзачуля были включены в состав республики [15, с. 48; 16, с. 151; 14, с. 73].

Следует отметить, что официально данная передача трактовалась как проявление братской дружбы народов, однако по своему фактическому содержанию она представляла собой компенсацию утраченных плодородных земель Таджикской ССР, оказавшихся в зоне затопления Кайраккумского водохранилища.

Включение южной части Мирзачульской равнины в состав Таджикской ССР было оформлено решением Президиума Верховного Совета Таджикской ССР от 1 июня 1959 г. и протоколом № 3/10 «О передаче 50,5 тыс. га земель Мирзачульской равнины Узбекской ССР в состав Таджикской ССР». Основанием для территориальных изменений послужило постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 июня 1958 г. № 645 «О расширении и развитии орошения земель Мирзачульской равнины Узбекской, Казахской и Таджикской ССР», а также указы Президиума Верховного Совета Узбекской ССР и решения Совета Министров Узбекской ССР от 21 августа 1958 г. и 23 апреля 1959 г. Окончательное утверждение изменения межреспубликанской границы было осуществлено Указом Верховного Совета СССР от 1 июля 1959 г. [28, с. 430; 22, с. 458].

18 ноября 1959 г. состоялась сессия Верховного Совета Узбекской ССР, на которой рассматривался вопрос о частичном изменении границы с Таджикской ССР в связи с передачей 50,5 тыс. га земель Мирзачуля. В обсуждении участвовал первый секретарь ЦК КП Таджикистана Т. Ульджабаев, подчеркнувший политическое значение данного решения как проявления нерушимой дружбы таджикского и узбекского народов. По итогам заседания было принято постановление «О частичном изменении границы между Узбекской ССР и Таджикской ССР» [17, с. 2; 27, с. 1].

24 ноября 1959 г. аналогичное решение было утверждено на второй сессии Верховного Совета Таджикской ССР пятого созыва. В докладе председателя Президиума Верховного Совета республики М. Рахматова подчёркивалась историческая обусловленность межнационального сотрудничества, а также экономическая целесообразность включения новых земель в состав Таджикистана [21, с. 1].

Новая линия границы была детально зафиксирована с использованием железнодорожных коммуникаций, оросительных каналов и геодезических

ориентиров, что обеспечивало её юридическую и пространственную определённость [25, с. 430-431].

Переданная территория в дальнейшем получила наименование таджикской части Мирзачульской равнины (таджикская часть Голодной степи).

Комплексное орошение и хозяйственное освоение около 450 тыс. га земель Мирзачуля в пределах Узбекской, Казахской и Таджикской ССР имело не только экономическое, но и социально-территориальное значение, способствуя формированию новых городов и административных районов. В течение VIII–IX пятилеток совокупный объём производства хлопка в регионе достиг около 50 млн тонн. В девятой пятилетке (1971–1975 гг.) по сравнению с восьмой (1966–1970 гг.) среднегодовой сбор хлопка увеличился в Узбекской ССР в 1,3 раза, в Казахской ССР – в 1,27 раза, в Таджикской ССР – в 1,25 раза, а средняя урожайность к 1975 г. составила 27 ц/га [6, с. 3].

Таким образом, анализ источников и научной литературы свидетельствует, что несмотря на сложные природно-географические условия – засушливый климат, дефицит поверхностных водных ресурсов и засолённость почв – Мирзачульская равнина в советский период превратилась в один из ключевых регионов государственной мелиоративной политики и аграрного развития. Если в дореволюционную эпоху территория являлась преимущественно объектом инженерно-геодезических исследований, то в послевоенный период здесь была реализована масштабная программа хозяйственного освоения целинных земель.

Библиографический список:

1. Абдуллоева Н. История освоения Голодной степи Ходжентского уезда во второй половине X1X-начале XX века. Диссертация на соискание ученой степени кан…ист…..наук. – Душанбе, 2025. 184 с.
2. Абдунабиев А.Г. Борьба КПСС за увеличение орошаемых земель (на примере Голодной степи) / Отв.ред. док.ист.наук М.Г. Вахабов. – Ташкент: Узбекистан, 1966. 240 с.
3. Албадергенов А. Очерки истории освоения Голодной степи (1918-1968). – Алма-Ата: Наука, 1970. 170 с.
4. Болтаев А. Мирзачӯл – Жиззах: ӯтмиши ва бугуни (1900-2000 йиллар) / А. Болтаев. – Тошкент: Фан, 2007. 226 с.
5. Великий подвиг партии и народа – массовое освоение целенных и залежных земель: Сб.док. и материалов // Академия наук СССР, Ин-т истории СССР, ГЛ. арх. упр. при Совета Министров СССР, Центр. Гос. Архив народ. Хозйяство СССР / Сост. С.Р. Левина, О.М. Слоним, З.А. Троицкая. – М.: Наука, 1979. 434 с.
6. Волынов А.М. Орошение земель в Средней Азии и Казахстане [Текст] / А.М. Волынов, В.А. Забелин, А.К. Кияткин, М.С. Лунежева. – М.: Колос, 1980. 239 с.
7. Домишлинец Г. Мирзочӯли тоҷик / Г. Домишлинец, М.А. Муинов. – Душанбе: Матбааи вилоятии ленинободии Комитети давлатии Совети Вазирони РСС Тоҷикистон оид ба корҳои нашриёт, полиграфия ва савдои китоб, 1976. 28 с.
8. Духовный В.А. Орошение и освоение Голодной степи / Под. ред. В.В. Пославского. – М.: Колос, 1973. 240 с.
9. Игамбердыев Р.С. Голодная степь, ее прошлое и настоящее. – Ташкент: Наука, 1965. 68 с.
10. Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л.И. Брежнева на Торжественном заседании в Алма-Ате, посвященном 20-летию освоения целенных и залежных земель, 15 марта 1974 г. // Великий подвиг партии и народа – массовое освоение целенных и залежных земель: Сб.док. и материалов / Академия наук СССР, Ин-т истории СССР, ГЛ. арх. упр. при Совета Министров СССР, Центр. Гос. Архив народ. Хозйяство СССР / Сост. С.Р. Левина, О.М. Слоним, З.А. Троицкая. – М.: Наука, 1979. С. 13-21.
11. Караваев В.Ф. Голодная степь в ее прошлом и в настоящем. /Статистико-экономический очерк по исследованию 1914 г. Петроград. Типо-Литография Л.Н. Ныркина. Измаиловск. полк, 7 рота д.13. 452 с.

12. Каримова К.О. Голодная степь и её экономическое значение // Муаррих. Маҷаллаи илмӣ-назариявии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши АИ Ҷумҳурии Тоҷикистон. 2019. № 4 (20). С. 169-176.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.4. 196-1929 гг. – Москва: Политиздат, 1984. 575 с.
14. Қозизода Ш.Қ. Муҳоҷирати сокинони Кӯҳистони Мастчоҳ ба дашти Дилварзин // Муаррих. Маҷаллаи илмӣ-назариявии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши АМИ Ҷумҳурии Тоҷикистон. 2023. № 3 (35). С. 71-78.
15. Набиев В. Во имя дружбы и сотрудничества: Исторический опыт участия молодежи в укреплении социально- экономических и культурных связей Таджикистана с союзными республиками (1961-1991 гг.). – Второе дополненное издание [Текст] / В.М. Набиев. – Худжанд: Нури маърифат, 2018. 288 с.
16. Набиева Р. Таърихи халқи тоҷик дар асри XX ва ибтидои асри XXI [Матн] / Р. Набиева, Ф. Зикриёев, М. Зикриёева. – Душанбе: Деваштич, 2009. 324 с.
17. Нутқи котиби якӯми КМ ПК Тоҷикистон рафиқ Ӯлҷабоев Т.Ӯ. Дар сессияи Совети Олии РСС Ӯзбекистон // Ҳақиқати Ленинобод. 1959. 20 ноябр. № 232 (4951). С. 2.
18. Парпиев С. Дашт гулистон гашт [Матн] / С.М. Парпиев. – Душанбе: Ирфон, 1979. 48 с.
19. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об орошении и освоении целенных земель Голодной степи в Узбекской ССР и Казахской ССР для увеличения производства хлопка. 6 августа 1956 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т.9. 1956-1960. – 9-е ид., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1986. С. 130-135.
20. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Том 19. Туркестанский край. П.П. Семенов-Тянь-Шанский, С.-Петербург, 1913 г. // URL: https://antiquebooks.ru/book.php?book=92 (Дата обращение: 20.02.2025).
21. Сессияи дуйуми даъвати панҷуми Совети Олии РСС Тоҷикистон. Дар бораи қисман тағйир додани сарҳадди байни РСС Тоҷикистон ва РСС Ӯзбекистон // Ҳақиқати Ленинобод. 1959. 27 ноябр. №237 (4956). – С.2.; Аз таҳти дил ташаккур //Зарбдор. 1974. 16 март. № 33 (887). С. 1.
22. Содиков С. Вклад молодежи в освоение целинных и залежных земель таджикской части Мирзачульской равнины (60-80-е годы хх века) [Текст] / Сомон Содиков // Вестник университета языков (Серия филологических, педагогических и исторических наук), 2025. № 1 (57). С. 457-464.
23. Справочник и адрес-календарь Самаркандской области [Текст] / Составитель И.Д. Секретаря Статистического Комитета М.М. Вирский. – Издание Самаркандского Областного Статистического Комитета: Типография «Труд». Выпуск IV. 1902. 132 с.
24. Суханронӣ дар мулоқот бо сокинони ноҳияи Зафаробод. 25.06.2009 ноҳияи Зафаробод // URL: https://prezident.tj/event/speeches/2401 (Санаи мурочиат 13.08.2025).
25. Тасвири сарҳадди байни РСС Ӯзбекистон ва РСС Тоҷикистон Ведомостъҳои Совети Олии Иттифоқи Республикаҳои Советии Социалистӣ. – 9 июли соли. 1959. № 27 (959). С. 430-431.
26. Тутов А. История освоения Голодной степи. 1869-1917. По материалам кн. Покорение Голодной степи [Текст] / А.В. Тутов. – Ташкент: Узбекистан, 1976. 47 с.
27. Тӯҳфаи бародарона //Зарбдор. 1974. 16 март. № 33 (887). С.1.
28. Указ Президиуми Совети Олии СССР дар бораи қисман тағьир додани сарҳадди байни РСС Ӯзбекистон ва РСС Тоҷикистон // Ведомостъҳои Совети Олии Иттифоқи Республикаҳои Советии Социалистӣ. – 9 июли соли 1959. № 27 (959). С. 430.
29. Указом Президиума Верховного Совета КазССР от 26 января 1963 // Казахстанская правда. 1963. 29 января.
30. Терновая Л.О. Трансляция идеи сакральности власти государства на межгосударственные отношения // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 345-352.

Reference

1. Abdulloeva N. History of the Development of the Hungry Steppe of the Khojent District in the Second Half of the 19th – Early Twentieth Century. Dissertation for the Degree of Cand. Sci. (History). – Dushanbe, 2025. 184 p.
2. Abdunabiyev A.G. The Struggle of the CPSU to Increase Irrigated Land (Using the Hungry Steppe as an Example) / Ed. by M.G. Vakhabov, Doctor of History. – Tashkent: Uzbekistan, 1966. 240 p.
3. Albadergenov A. Essays on the History of the Development of the Hungry Steppe (1918–1968). – Alma-Ata: Nauka, 1970. 170 p.
4. Boltayev A. Mirzachūl – Zhizzakh: ūtmishi va buguni (1900-2000 yillar) / A. Boltayev. – Tashkent: Fan, 2007. 226 p.
5. The great feat of the party and the people – the mass development of virgin and fallow lands: Collection of documents and materials // USSR Academy of Sciences, Institute of History of the USSR, Main Archive of the USSR Council of Ministers, Central State Archives of the People's Economy of the USSR / Comp. S.R. Levina, O.M. Slonim, Z.A. Troitskaya. – Moscow: Nauka, 1979. 434 p.
6. Volynov A.M. Irrigation of lands in Central Asia and Kazakhstan [Text] / A.M. Volynov, V.A. Zabelin,

A.K. Kiyatkin, M.S. Lunezheva. – Moscow: Kolos, 1980. 239 p.
7. Domishlinets G. Mirzochuli Tajik / G. Domishlinets, M.A. Muinov. – Dushanbe: Leninobod Regional Printing House of the State Committee of the Council of Ministers of the Tajik SSR for Publishing, Printing and Book Trade, 1976. 28 p.
8. Dukhovny V.A. Irrigation and development of the Hungry Steppe / Ed. V.V. Poslavsky. – Moscow: Kolos, 1973. 240 p.
9. Igamberdyev R.S. The Hungry Steppe, its past and present. – Tashkent: Nauka, 1965. 68 p.
10. From the speech of the General Secretary of the CPSU Central Committee, Comrade L.I. Brezhnev, at the Ceremonial Meeting in Alma-Ata, dedicated to the 20th Anniversary of the Development of Virgin and Fallow Lands, March 15, 1974 // The Great Feat of the Party and the People – the Mass Development of Virgin and Fallow Lands: Collection of documents and materials / USSR Academy of Sciences, Institute of History of the USSR, Main Archives of the USSR Council of Ministers, Central State Archives of the People's Economy of the USSR / Comp. S.R. Levina, O.M. Slonim, Z.A. Troitskaya. - Moscow: Nauka, 1979. P. 13-21.
11. Karavaev V.F. The Hungry Steppe in Its Past and Present. / Statistical and Economic Essay on the 1914 Study of Petrograd. Typo-Lithography L.N. Nyrkina. Izmailovsk. Regiment, 7th Company, D. 13. 452 p.
12. Karimova K.O. The Hungry Steppe and Its Economic Significance // Muarrikh. The Main Scientific Research Institutes of the Soviet Union. 2019. № 4 (20). P. 169-176.
13. The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee. Vol. 4. 196-1929. – Moscow: Politizdat, 1984. 575 p.
14. Қозизода Ш.Қ. Мухочирати сокинони Кӯҳистони Мастчоҳ ба дашти Дилварзин // Муаррих. Мачаллаи илмӣ-назариявии Инфиции таърих, бостоншиносӣ ва мардамшиносии ба номи Аҳмади Дониши АМИ Ҷумҳурии Тоҷикистон. 2023. № 3 (35). Р. 71-78.
15. Nabiev V. In the Name of Friendship and Cooperation: Historical Experience of Youth Participation in Strengthening Socio-Economic and Cultural Ties between Tajikistan and the Union Republics (1961-1991). - Second Supplemented Edition [Text] / V.M. Nabiev. - Khujand: Нури маърифат, 2018. 288 p.
16. Nabieva R. Tarihi halqi toik dar asri XX va ibtidoi asri XXI [Matn] / R. Nabieva, F. Zikriyoev, M. Zikriyoeva. – Dushanbe: Devashtich, 2009. 324 p.
17. Nutki kotibi yakomi KM PC Tokiston Rafik Olgaboev T.Ӯ. Gift of the session of the Council of the RSS Ozbekiston // Khakikati Leninobod. 1959. November 20. № 232 (4951). C.2.
18. Parpiev S. Dasht guliston gasht [Matn] / S.M. Parpiev. – Dushanbe: Irfon, 1979. 48 p.
19. Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR on the irrigation and development of virgin lands of the Hungry Steppe in the Uzbek SSR and the Kazakh SSR to increase cotton production. August 6, 1956 // Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences, and plenary sessions of the Central Committee (1898-1986). Vol. 9. 1956-1960. – 9th edition, supplemented and corrected. – Moscow: Politizdat, 1986. P. 130-135.
20. Russia. Complete geographical description of our fatherland. Volume 19. Turkestan region. P.P. Semenov-Tien-Shansky, St. Petersburg, 1913 // URL: https://antiquebooks.ru/book.php?book=92 (02.20.2025).
21. Session and duyumi davati pankumi Council of the Oliy RSS Tojikiston. Dar borai kisman tagyir dodani sarhaddi baini RSS Toqikiston va RSS Ozbekiston // Khakikati Leninobod. 1959. November 27. № 237 (4956). P. 2.; Az takhti dil tashakkur // Zarbdor. 1974. March 16. № 33 (887). P. 1.
22. Sodikov S. The Contribution of Young People to the Development of Virgin and Fallow Lands of the Tajik Part of the Mirzachul Plain (1960-80s) [Text] / Somon Sodikov // Bulletin of the University of Languages (Series of Philological, Pedagogical and Historical Sciences), 2025. № 1 (57). P. 457-464.
23. Directory and Address Calendar of the Samarkand Region [Text] / Compiled by I.D. Secretary of the Statistical Committee M.M. Virsky. – Publication of the Samarkand Regional Statistical Committee: Trud Printing House. Issue IV. 1902. 132 p.
24. The Guide to the Development of the Samarkand Region by Zafarobod. 06/25/2009 night Zafarobod // URL: https://prezident.tj/event/speeches/2401 (08.13.2025).
25. Tasviri sarhaddi bayni RSS Ozbekiston va RSS Tojikiston Vedomosti Soveti Oliy Ittifoki Republic Sovetii Socialisti. – July 9 salt. 1959. № 27 (959). P. 430-431.
26. Tutov A. History of the development of the Hungry Steppe. 1869-1917. Based on materials from the book. Conquest of the Hungry Steppe [Text] / A.V. Tutov. – Tashkent: Uzbekistan, 1976. 47 p.
27. Тӯҳфаи barodarona //Zarbdor. 1974. March 16. № 33 (887). S.1.
28. Decree of the Presidium of the Soviet of the USSR dar borai kisman tagir dodani sarhaddi bayni RSS Uzbekiston va RSS Tojikiston // Vedomosti of the Soviet of the Oliy Ittifoki Republic of the Soviet of Socialists. – July 9, 1959. № 27 (959). P. 430.
29. Decree of the Presidium of the Supreme Council of the Kazakh SSR dated January 26, 1963 // Kazakhstanskaya Pravda. 1963. January 29.
30. Ternovaya L.O. Translation of the idea of the sacred power of the state into interstate relations // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 345-352.

Майер В.Д.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Семёнова Э.Ю.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Синегубов С.Н.
Доктор исторических наук. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Становление личности Елизаветы Тюдор: детство и юность великого монарха Англии*

Аннотация. В статье обращается внимание на становление личности Елизаветы Тюдор, для этого рассматривается детство и юность, в котором было множество противоречивых моментов от смерти матери – Анны Болейн до начала правление сестры – Марии Тюдор. Рассмотрев данные периоды жизни, которые несомненно повлияли на правление и жизнь будущего монарха, можно подробнее ознакомиться с противоречивой и многогранной Елизаветой I Тюдор.

Ключевые слова: Елизавета I Тюдор, Анна Болейн, Генрих VIII, Мария, незаконнорождённые, Эдуард, наследник, образование, детство, юность.

Mayer V.D.
Student. Ishim Pedagogical Institute P.P. Ershov (branch) Tyumen State University, Ishim.

Semenova E.Y.
Student. Ishim Pedagogical Institute P.P. Ershov (branch) Tyumen State University, Ishim.

Sinegubov S.N.
Doctor of Historical Sciences. Ishim Pedagogical Institute P.P. Ershov (branch) Tyumen State University, Ishim.

* © Майер В.Д., Семёнова Э.Ю., Синегубов С.Н., 2026.

The formation of Elizabeth Tudor's personality: the childhood and youth of the great monarch of England

Abstract. This article examines the development of Elizabeth Tudor's personality, examining her childhood and adolescence, which were marked by many controversial moments, from the death of her mother, Anne Boleyn, to the reign of her sister, Mary Tudor. By examining these periods of her life, which undoubtedly influenced the future monarch's reign and life, we can gain a deeper understanding of the contradictory and multifaceted Elizabeth I Tudor.

Key words: Elizabeth I Tudor, Anne Boleyn, Henry VIII, Mary, illegitimate children, Edward, heir, education, childhood, youth.

Анна Болейн, вторая жена Генриха VIII, уже находилась на позднем сроке беременности, во дворце все были готовы к рождению наследника. Астрологи и лекари уверяли Генриха, что на этот раз Анна подарит Англии долгожданного будущего короля, в этом не было сомнений.

7 сентября 1533 г. все придворные и Генрих ожидали новостей из покоев королевы Анны, которая уже несколько часов находилась в окружении лекарей. После рождения ребёнка его поднесли к свече и затаили дыхание, так как вместо долгожданного мальчика, в рождении которого никто не сомневался, на свет появилась девочка.

Анна Болейн отдыхала, после изнуряющих родов, а Генрих, узнав о поле ребёнка, рвал и метал всех, кто попадал под руку. Генрих VIII был расстроен, он был уверен, что развод с Екатериной Арагонской и женитьба на Анне Болейн была ничем иным, как волей Божьей, чтобы подарить Англии долгожданного наследника, а дочь у Генриха уже была - Мария.

Дети, которые до этого рождались, были болезненными и слабыми, поэтому шансы, что Елизавета доживет, хотя бы до года, были малы. Генрих VIII ввёл, в связи с этим, ввёл ряд запретов для подданных и горожан, чтобы Елизавете ничего не угрожало.

Елизавете было всего несколько месяцев, когда у неё уже появился первый враг в лице собственной сестры – Марии, которая с точки зрения закона, была незаконнорожденной, ведь брак Екатерины Арагонской с Генрихом VIII являлся недействительным. Мария оказалась лишенной внимания и любви отца, который теперь полноценно заботился и оберегал Елизавету от всех невзгод.

«С 12 до 16 лет она – дочь ненавистной разведенной жены, находящаяся в опале вместе с матерью. Теперь ее стали называть внебрачной дочерью короля» [1].

Воспитанием Елизаветы занимались приближенные к королеве и коро-

лю люди, они были же с ней нечасто, изредка приезжая к дочери туда, где она находилась, либо вместе, либо же по отдельности на очень короткие промежутки времени. Чаще всего узнавали о росте Елизаветы из сообщений дальних родственников, что всех вполне устраивало. Елизавету изредка доставляли во дворец, чтобы показать гостям или же придворным, что с единственным законным ребёнком Генриха VIII и Анны Болейн все хорошо.

В ещё младенческом возрасте Елизавета лишилась матери, которую было решено казнить по воле Генриха, Анне было предъявлено обвинение в супружеской неверности, чего она и остерегалась последние месяцы, а в скором времени был оглашён приговор о смертной казни.

«Царствование Анны, обернувшееся для нее настоящей катастрофой, продолжалось всего 1083 дня, однако за это короткое время ей удалось придать значительный вес роли, которую могла играть королева» [2].

Трехлетняя принцесса Елизавета не до конца могла понять, что произошло с её матерью, почему придворные странно на неё смотрели и перешептывались, но в более взрослом возрасте это событие отложит на неё сильный неподдельный отпечаток. Почти в этот же момент, Елизавета вслед за Марией была лишена титула и признана незаконнорожденной, она вместе с сестрой стала леди Елизаветой.

Несмотря на казнь своей жены и веры в её неверность, Генрих продолжал любить и лелеять дочь, не навещая её, но радуясь новостям о том, что девочка не болеет и чувствует себя хорошо, растет здоровой. Правда следует отметить факт того, что управительница маленького двора Елизаветы леди Брайн, жаловалась королю, что девочка выросла из вещей и они обносились, что может свидетельствовать о невнимательности к дочери, но в последующем жалобы не повторялись, поэтому можно сделать вывод, что Генрих VIII прислушался и более тщательнее начал относиться к леди Елизавете.

С приобретением нового статуса к Елизавете начала хорошо относиться сестра – Мария, которая прежде везде пыталась соревноваться с ней, обращалась теперь как к сестре, а не бастарду. Они проводили время вместе, и Мария оттаяла к Елизавете, ведь отношение к ним одинаковое и отец не уделял внимание только одной Елизавете.

Генрих VIII вновь обручился, и новой королевой стала Джейн Сеймур, которая, несмотря на не самые лучшие разговоры об Анне Болейн и об её дочери, была добра к Елизавете. Вскоре у короля родился долгожданный сын, чьё рождение было омрачено смертью его матери Джейн Сеймур, хотя Генриха это несколько не огорчило, ведь наследник был дан Богом свыше, у Англии есть будущее. С рождением Эдуарда, Елизавета оказалась забыта, ведь больше незаконнорожденная леди никому не была нужна.

«Она была наделена живым, острым умом и хорошей памятью, так что языки – основа гуманитарного образования того времени – давались ей без

труда. Когда она начала разбирать слова, в точности неизвестно, но скорее всего уже к пяти-шести годам читала достаточно бегло, ибо именно в это время начала заниматься вторым языком – латынью» [3].

После смерти Джейн Сеймур, Генрих VIII довольно быстро вновь женился на кузине Анны Болейн, Екатерине Хауард, которую ожидала та же судьба, спустя несколько месяцев, после свадьбы. Плаха для казни ожидала её, а после совершения смертной казни, восьмилетняя Елизавета, увидев гнев и его последствия своего отца, многое переосмыслила.

У юной леди появился новый товарищ её лет Робин Дадли, который будет позже сопровождать её на протяжении многих лет, с которым она поделилась своими мыслями, как и со своей воспитательницей, мистрис Кэтрин. Казнь матери и её кузины, всё же отложила след на хрупкой и подвижной психике Елизаветы, которая высказалась о твердом решении никогда не выходить замуж.

«Я поняла, Кэт, что в жизни очень важно избежать власти над собой мужчины, не позволить никому из этих самоуверенных особ руководить моей жизнью и распоряжаться ею. И я никогда не выйду замуж, Кэт, никогда! – заявила девочка, которую жизнь заставляла взрослеть гораздо раньше, чем это было положено» [4].

Впоследствии Елизавета, даже будучи взрослой женщиной, королевой Англии, будет придерживать данной «клятве».

Таким образом, и протекало детство Елизаветы – начальное образование, манеры, строгость, шитье, сдержанность, а также религиозное воспитание, которое подразумевало изучение молитв. Елизавете не говорили о почитании той или иной церкви, но заложили с детства веру в грехи и искупление, о рае и аде, упоминая об этом каждый раз, когда поведение отличалось от должного, необходимого.

В десять лет у Елизаветы началось беззаботное время, которое сохраниться на протяжении довольно длительного периода, где место имеет быть не только лишь учёба, но и приятные увеселительные занятия. Но перед этим стоит уточнить, что образование у леди было блестящим, ведь учителями стали молодые учёные из Кембриджа.

Ей преподавали историю, философию и риторику, также к своим ещё достаточно юным годам Елизавета хуже владела греческим, итальянским и французским, если не брать английский в учёт. Позже уже сама Елизавета добавила к изученным языкам немецкий и испанский, также отмечали её безупречное знание латыни, на котором она могла не только читать, но и писать письма.

Теперь же Елизавете разбавили занятия прогулками по теннисным аллеям, верховой ездой, можно было играть со сверстниками, что не могло не радовать. Позже к Елизавете в занятиях и играх присоединился её млад-

ший брат – Эдуард, которым опять же подобрались в наставники молодых и острых на ум выходцев из Кембриджа и из колледжа Сент-Джонс.

«Елизавета отличалась серьезностью и поразительной красотой. Современники восхищались ее белой кожей, золотисто-рыжими волосами, тонким лицом и проницательными угольно-черными глазами» [5].

Генриху было уже пятьдесят лет, он тяжело болел, но слышать о скорой смерти не хотел, его каждый день сопровождала сильнейшая физическая боль, которая приводила к вспышкам ярого гнева, поэтому большую часть времени король был в своих покоях. Но смерть всё же пришла за Генрихом, когда никто из его детей этого не ожидал.

В этот же момент Эдуарда, горячо любимого младшего брата, забирают от Елизаветы и увозят для того, чтобы короновать. Они обмениваются письмами, где высказывают сожаления о том, что их разлучили, а Елизавета поздравляет брата с восшествием на престол. Горечь от разлуки превышает боль о потери отца, которого ни Елизавета, ни Эдуарда, ни Мария не видели достаточно продолжительное время, после его помолвки с Екатериной Парр.

Перед смертью, Генрих VIII написал завещание, в котором говорилось о престолонаследии в семье Тюдоров, из чего следовало, что после Эдуарда, если он не оставит наследников, трон наследует Мария, а после – Елизавета. Это стало свидетельством о том, что Генрих признаёт Марию и Елизавету своими дочерями, следовательно, возвращая им все регалии, которые были отняты, после признания их незаконнорожденными.

Так как Эдуард был ещё слишком молод и не очень здоров, по меркам того времени, Елизавета и Мария стали удачными партиями для мужчин, которые хотели оказаться на престоле. Томас Сеймур, наблюдая за всем со стороны, выявил желание жениться на четырнадцатилетней Елизавете, но ему отказали, после чего он долго не унывал. Заключил брак с мачехой юной леди, Екатериной Парр, которая в свою очередь запросила разрешение на то, чтобы Елизавета осталась с ней под одной крышей, чтобы заботиться и дальше о её воспитании.

Её просьбу удовлетворили и с этого момента они втроём, Томас Сеймур, Елизавета и Екатерина Парр жили под одной крышей, пока не разразился новый скандал. Пошли многочисленные слухи, которые начали порочить честь и имя Елизаветы в глазах народа и высокопоставленных личностей Англии.

Екатерина Парр заподозрив неладное, отослала Елизавету подальше в замок Чезент в графстве Хартфордшир. Там уже поползли слухи о том, что Елизавета ждет ребёнка от своего отчима, что являлось ложью, но быстро распространялись из уст в уста.

Вскоре после родов, Екатерина Парр скончалась. Раньше преградой для Томаса Сеймура была жена, теперь же, как считали многие, её не стало, следовательно, ничего ему не мешало. К предыдущему потоку слухов приба-

вились новые, что Томас хотел убить короля, регента и Марию, после чего жениться на Елизавете и стать королём Англии.

Томаса Сеймура заключили под стражу, а Елизавету начали допрашивать о её связях с ним, что окончательно ошеломило юную леди, и она яро отрицала все подозрения. Честь и достоинство Елизаветы были запятнаны, давление продолжалось, чтобы выяснить, не было ли какого-либо заговора.

Наказание Елизавету ждало вполне неожиданное и для юной леди ужасное, так как Совет решил отстранить бывшего опекуна Кэт Эшли, которая должна была следить и оберегать сестру короля. Совет решил, что Кэт плохо исполняла свои обязанности и не смогла дать добропорядочное воспитание, поэтому назначает ей нового опекуна в лице леди Тайритт. Елизавету данное положение не устроило, ведь Кэт Эшли, можно сказать, заменила ей мать.

Елизавета горевала и по Кэт, и по своему доброму имени, которое у неё отняли из-за данного скандала. Теперь в глазах всех она была преступницей, как считала, ведь гувернантка была назначена слишком быстро, после скандала, что свидетельствовало о причастности к делу.

Вскоре Совет выпустил прокламацию, где было сказано, что слухи против Елизаветы – это клевета и ничего общего с правдой они не имеют, а её бывший гувернанток, которые были под следствием и под стражей, выпустили и вернули к Елизавете. Томас Сеймур был казнён.

В то время как Елизавета была достаточно близка со своим братом Эдуардом VI, Мария наоборот отдалялась от своего брата и сестры, что в последующем отразится на их взаимоотношениях. Мария придерживалась религиозных взглядов своей матери, которые не соответствовали времени правления Эдуарда VI, а Елизавета же напротив высказывала верность новым церковным установкам.

В Англии росла нищета, многие были недовольны политикой, что не могло не отразиться на настроении народа. Вследствие чего Елизавете ради собственной безопасности пришлось покинуть двор, так как начались массовые восстания, охватившие половину Англии. После прожитых моментов, Елизавета будет тщательно следить за сказанными словами и своими собственными действиями.

В Англии шли разговоры об удручающих новостях, что полагаться на двух из трех детей Генриха не стоит и самая здоровая из них Елизавета. На старшую сестру надежд особых не пылали, так как с младенчества та отличалась болезненностью, при этом с возрастом впадая в некую депрессию и лежа на кровати, не вставая и не шевелясь, словно в коме. Следовательно, последней оставалась Елизавета, которая, несмотря на злые языки, оставалась здоровой и пышущей здоровьем, а в народе её называли принцессой Елизаветой, из чего следует думать о том, что люди видели в ней следующую королеву.

Елизавета в это время занималась большим хозяйством на новых зем-

лях, которые были любезно переданы ей от Дадли, ей только исполнилось семнадцать лет. В 1533 г. Эдуард VI скончался, и на престол взошла Мария, которой пришлось сражаться за своё право престолонаследия, начиная реформы на территории всего государства.

В Англии начались тяжелые времена, которые ознаменовались правлением Марии, а Елизавету ожидали метания и трудный путь к трону.

Рассмотрев детство Елизаветы I Тюдор, можно сделать вывод, что оно было далеко не простым и множество трудностей преследовало Елизавету ещё с момента рождения. Смерть матери, отстранённость отца и многие другие перечисленные факторы сформировали ту самую Елизавету, которую узнало большинство людей уже во время правления.

Юность Елизаветы I Тюдор была наполнена множественными интригами и поворотами судьбы, сплетнями и слухами из-за которых чуть было, не лишилась всего, что имела. В конце главы можно увидеть, что характер Елизаветы закалился, и она по-настоящему выросла в столь ещё юном возрасте из-за различных обстоятельств. Времена сменяются, вместе с тем меняется поведение Елизаветы, которая вырабатывает собственную стратегию поведения и будет её придерживаться до конца пути.

Библиографический список:

1. Акройд П. История Англии. Тюдоры. От Генриха VIII до Елизаветы I // П. Акройд; [перевод с английского Инны Черненко]. – Москва: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2020. 654 с. // URL: https://djvu.online/file/ukxq7FLF71eu0?ysclid=mgrt19zc5z114615498
2. Гай Д. Елизавета. Золотой век Англии // Д. Гай; перевод с английского Валентина Фролова. – Москва: КоЛибри, 2021. 589 с. // URL: https://www.rulit.me/books/elizaveta-zolotoj-vek-anglii-litres-read-789075-40.html
3. Дмитриева О.В. Елизавета Тюдор // О.В. Дмитриева – Москва: Молодая гвардия, 2004. 306 с. // URL: https://djvu.online/file/7fMTrSZSmI6fZ?ysclid=mgs59tjwum343305277
4. Ситникова Т. Афоризмы, мысли и шутки великих женщин // Т. Ситникова – Ростов н/Д: Феникс, 2011. 157 с. // URL: https://litlife.club/books/205820/read?ysclid=mgs5bshuh1573353146&page=75
5. Уайтлок А. В постели с Елизаветой. Интимная история английского королевского двора // А. Уайтлок; [перевод с английского Л.А. Игоревского]. – Москва: Центрполиграф, 2015. 478 с. // URL: https://books.yandex.ru/books/E8mHle8r?utm_source=direct_link&utm_campaign=users_referral&utm_medium=referral
6. Эриксон К. Елизавета I // К. Эриксон; пер. с англ. Н.А. Анастасьева. – М.: АСТ, 2003. 510 с. // URL: https://booksprime.ru/read-book/903594/4

Reference

1. Ackroyd P. History of England. The Tudors. From Henry VIII to Elizabeth I // P. Ackroyd; [translated from English by Inna Chernenko]. – Moscow: KoLibri: Azbuka-Atticus, 2020. 654 p. // URL: https://djvu.online/file/ukxq7FLF71eu0?ysclid=mgrt19zc5z114615498
2. Guy D. Elizabeth. The Golden Age of England // D. Guy; translated from English by Valentin Frolov. – Moscow: KoLibri, 2021. 589 p. // URL: https://www.rulit.me/books/elizaveta-zolotoj-vek-anglii-litres-read-789075-40.html
3. Dmitrieva O.V. Elizabeth Tudor // O.V. Dmitrieva – Moscow: Molodaya Gvardiya, 2004. 306 p. // URL: https://djvu.online/file/7fMTrSZSmI6fZ?ysclid=mgs59tjwum343305277
4. Sitnikova T. Aphorisms, thoughts and jokes of great women // T. Sitnikova - Rostov n / D: Phoenix, 2011. 157 p. // URL: https://litlife.club/books/205820/read?ysclid=mgs5bshuh1573353146&page=75
5. Whitelocke A. In Bed with Elizabeth. An Intimate History of the English Royal Court // A. Whitelocke; [translated from English by L.A. Igorevsky]. – Moscow: Tsentrpoligraf, 2015. 478 p. // URL: https://books.yandex.ru/books/E8mHle8r?utm_source=direct_link&utm_campaign=users_referral&utm_medium=referral
6. Erickson K. Elizabeth I // K. Erickson; lane from English N.A. Anastasyeva. – M.: AST, 2003. 510 p. // URL: https://booksprime.ru/read-book/903594/4

Решетников Г.В.
Аспирант 3 года обучения. Институт Всеобщей истории Российской академии наук.

Общественно-политическая дискуссия вокруг создания Федеральной резервной системы (ФРС) в США в начале XX в.*

Аннотация. Статья посвящена теме создания нового регулирующего органа власти, отвечавшего за контроль над эмиссией денег в США. Вопрос о создании такого контрольного органа власти в США активно обсуждался в различных слоях населения и кругах власти на протяжении всего периода конца XIX – XX вв. Наиболее остро о нём заговорили после завершения Гражданской войны (1861-1865) в связи начавшейся перекройкой всей финансовой системы страны. После начавшегося экономического кризиса 1893 г. вопрос из теоретического перешел уже в практическую плоскость. Аргументировано, почему именно владельцы банков больше всего хотели создать денежно-валютный регулятор. Подробно анализируются итоговые причины создания ФРС. Описаны механизмы влияния общественного мнения на создания денежно-кредитного регулирующего органа власти. Показаны какие общественные институты воздействовали и оказывали влияние на власть в решении данного вопроса. Описана борьба за создание ФРС двух влиятельных партий в Конгрессе США того времени – Республиканской и Демократической партиями.

Ключевые слова: золотой стандарт, валютный коридор, серебряный стандарт, гринбек, доллар, кредит.

Reshetnikov G.V.
3rd-year postgraduate student. Institute of General History, Russian Academy of Sciences.

The socio-political debate surrounding the creation of the Federal Reserve System (FRS) in the United States at the beginning of the 20th century

Abstract. This article explores the creation of a new regulatory authority responsible for overseeing the emission of money in the United States. The issue of establishing such a regulatory authority in the United States was actively debated by various segments of the

* © Решетников Г.В., 2026.

population and government circles throughout the late 19th and 20th centuries. It became a topic of particular interest following the end of the Civil War (1861-1865) in connection with the ongoing restructuring of the country's financial system. Following the economic crisis of 1893, the issue shifted from theoretical to practical. It presents arguments explaining why bank owners were most eager to establish a monetary regulator. The ultimate reasons for the creation of the Federal Reserve System are analyzed in detail. The mechanisms by which public opinion influences the creation of a monetary regulatory authority are described. The public institutions that influenced and influenced the government in addressing this issue are shown. The article describes the struggle for the creation of the Federal Reserve System between two influential parties in the US Congress at that time – the Republican and Democratic Parties.

Key words: gold standard, exchange rate corridor, silver standard, greenback, dollar, credit.

В начале XX в. перед американской властью встала задача не только создать механизм государственного регулятора в денежно-кредитной политике США и создать понятный, единый, прозрачный валютный национальный коридор, т.к. единая финансовая система отсутствовала. Ещё в конце XIX в. контроль над денежной системой не входил в сферу повседневной политики [7, с. 74]. Тогда в обращении находились золотые и серебряные монеты, сертификаты и банковские билеты, гринбеки, выпущенные сразу после окончания Гражданской войны в 1867 г. и бумажные деньги [1, с. 75].

В начале XX в., требовалось более широкое сотрудничество центральных банков. А Соединенные Штаты, все еще не имея центрального банка, находились в плохом положении для его получения. Начиная с доклада Н. Олдрича в 1907 г. и заседаний Национальной денежной комиссии в 1910 г., усилилось давление в пользу создания американского центрального банка для управления внутренней финансовой системой и уравнивания Соединенных Штатов с европейскими странами, на которые они все больше полагались [2, с. 12]. Только путем повышения эластичности внутреннего кредита и укрепления отношений с европейскими центральными банками можно было гарантировать стабильность доллара [7, с. 109]. После 1896 г. мировые цены начали расти, поскольку открытие месторождений золота и новые методы его переработки увеличили его предложение, а растущая значимость валютных резервов ограничила спрос на золото. К 1913 г. Соединенным Штатам для удовлетворения внутренних потребностей требовалась 1/4 мирового золота в обращении на территории Штатов, они обошли Францию как ведущий потребитель золота [7, с. 109]. В Соединенных Штатах не было центрального банка, способного адаптироваться к изменениям на денежном рынке, не говоря уже о координации своих дей-

ствий с европейскими центральными банками [7, с. 105].

Каждую осень, по мере роста спроса на деньги и кредит в Америке, давление на международный золотой стандарт оказывалось всё сильнее. Кризис 1907 г. был лишь особенно ярким примером дестабилизирующих импульсов, регулярно придаваемых Соединёнными Штатами системе золотого стандарта [7, с. 105]. Трудности 1906–1907 гг. убедили в том, что 1890 г. не был аномалией – стабильность системы золотого стандарта зависела от сотрудничества и коллективного управления. В 1907–1908 гг. финансовый эксперт Л. Луццатти рекомендовал упорядочить и институционализировать эту практику [7, с. 103]. Паника 1907 г. стала кульминацией более чем года финансовых потрясений. В 1906 г. лихорадочная экспансия в Соединенных Штатах привела к обширным заимствованиям американцев в Лондоне и оттоку монет и слитков из Банка Англии. Рост американских заимствований летом и осенью в преддверии сезона сбора урожая и транспортировки зерна стал обычным явлением [7, с. 99]. Банк Англии ясно дал понять британским инвесторам, державшим американские векселя, что такие векселя угрожают стабильности лондонского рынка. Их призвали ликвидировать свои американские векселя. Более 90 % этих векселей было разрешено изъять из обращения в первые месяцы 1907 г. Позже в конце 1907 г. Банк Англии принимает решение для обуздания инфляции отправить часть золота и монет в Штаты. Из золота, отправленного в Соединённые Штаты в ноябре и декабре 1907 г., 40 % было новодобыто из этих самых новых открытых рудников [7, с. 101].

Оба решения требовали создания американского центрального банка: рост экономики Соединенных Штатов, чей осенний спрос на золото регулярно истощал ресурсы Банка Англии и требовал кооперативных операций поддержки со стороны Банка Франции, представлял собой растущую проблему. Англо-французского или даже общеевропейского сотрудничества было недостаточно. Решением этой проблемы было смягчение дестабилизирующего импульса, исходящего от Соединенных Штатов, и обеспечение Соединенных Штатов институциональным аппаратом, необходимым для организации кооперативных предприятий. После того, как Федеральная резервная система (ФРС) начала свою работу в 1914 г., ей удалось смягчить дестабилизирующие сезонные импульсы, исходившие из Соединенных Штатов. Но, как показали три крупных межвоенных рецессии (1920-1921, 1929-1933 и 1937-1938 соответственно), создание центрального банка не устранило автоматически циклическую нестабильность [7, с. 105].

На периферии золотого стандарта в Соединённых Штатах, ситуация была иной с ростом влияния и успеха золотого стандарта. Этот контраст был особенно заметен в период падения цен (1873-1893 гг.), когда должники и другие лица, непропорционально сильно пострадавшие от дефляции,

лоббировали против существующего денежного стандарта. На периферии эта иная конфигурация политического давления подрывала доверие к официальной приверженности золоту. Но в европейском центре доверие к этой приверженности не вызывало сомнений. Однако для того, чтобы их приверженность золотому стандарту была убедительной, власти должны были иметь как возможности, так и желание защищать её. Здесь международное сотрудничество имело ключевое значение. Банк Англии был готов отказаться от золота, когда оно было необходимо Соединённым Штатам. Банк Франции был готов предоставить Банку Англии золото взаймы или купить фунты стерлингов, когда британский золотой паритет оказывался под угрозой. Рейхсбанк и российское правительство приходили на помощь Банку Англии в периоды исключительной жёсткости. В других случаях услуга оказывалась взаимной: в 1898 г. настала очередь немецких банков и Рейхсбанка получить помощь от Банка Англии и Банка Франции. Европейские страны с золотым стандартом, среди которых были Бельгия, Норвегия и Швеция, - неоднократно заимствовали резервы у иностранных банков и правительств. Как только центральные банки и правительства, предоставляя кредиты, дали понять, что они готовы поддержать страну в бедственном положении, открылся путь для дополнительных кредитов от частных банкиров, как отечественных, так и иностранных. Таким образом, ресурсы, которые страна могла получить, когда её золотой паритет подвергался угрозе, значительно превышали резервы её центрального банка и национального казначейства. Это увеличивало их способность защищать существующий набор золотых паритетов. Приверженность паритетам была убедительной, т.к. носила международный характер.

Еще до Первой мировой войны основы довоенной системы были подорваны. Приоритет, придаваемый защите золотого паритета, уже не был бесспорным, поскольку все большее значение придавалось другим, потенциально несовместимым целям политики. Расширение избирательного права; рост политических партий, доминируемых рабочим классом, и растущее внимание к проблеме безработицы – все это указывало на то, что может наступить время, когда защита золотого стандарта будет противоречить другим целям. Первая мировая война ускорила эти тенденции, расширив политическую сферу, включив в нее экономические вопросы, которые ранее оставались посторонними. Одновременно традиционная основа для международного сотрудничества становилась все более шаткой. Четверть века после 1871 г. ознаменовалась небольшим количеством политических и военных конфликтов между западноевропейскими державами. Но рост международной политической напряженности после начала XX в. подорвал готовность ведущих европейских стран к сотрудничеству. Не менее важно, что Соединенные Штаты не были участником соглашений о сотруд-

ничестве, поддерживающих систему золотого стандарта. Отсутствие центрального банка США исключало участие Америки в этих предприятиях. Пока Соединенные Штаты не были ведущим пользователем золотых резервов, каким они стали после начала XX в., их неучастие в этих соглашениях о сотрудничестве и дестабилизирующие импульсы, которые они придавали функционированию международной системы, не угрожали всей мировой экономической системе. Но к первому десятилетию XX в. Соединенные Штаты стали слишком большими и влиятельными, чтобы оставаться на периферии системы золотого стандарта. Традиционной основы для международного сотрудничества больше не хватало. Одним из оснований создания ФРС в декабре 1913 г. было управление американским золотым стандартом более эффективно [7, с. 75-76].

С момента начала золотой лихорадки и окончания финансового кризиса в 1896 г., золотой запас США начал увеличиваться и даже опережал запас наиболее развитых европейских стран. Это было следствием произошедшей второй промышленной революции в Штатах в конце XIX в., когда по многим промышленным показателям, страна не только догнала свою бывшую метрополию, но обогнала за счёт наличия больших незаселенных земель, дешевой рабочей силы, множество железных дорог и водных путей сообщения и т.д. К 1914 г. он составлял 1,891 млрд долл., более чем втрое превышая показатель в 1897 г. В 1897 г. в США находилось 14 % мирового золотого запаса, то к 1914 г. уже – 25 % [6, с. 137]. Примерно в это время Штаты начали распространять своё золотовалютное влияние на другие страны: золотостандартная система национальной денежной системы утвердилась в зависимых экономически от Штатов странах, как, например, Никарагуа, Панама и т.д. Одной из центральных проблем, денежно-кредитной системы Штатов в конце 1890 гг. - начале 1900 гг. оставалось отсутствие единого, центрального органа, отвечавшего за эмиссию и регулирование курса валют и цен. Финансовые кризисы, начинавшиеся в Западной Европе во второй половине XIX в., такие как, например, 1873 г. и 1890 г. быстро перекидывались через Атлантический океан на Североамериканский континент. Попытка наделить регулирующими полномочиями Министерство финансов не увенчалась успехами в начале XX в. Ещё в 1902 г. предпринималась попытка принять законопроект Фаулера, согласно которому создавалось контрольное бюро из трёх человек в министерстве финансов, контролировавшие бы эмиссию денег [5, с. 211], но закон так в итоге не был принят. Спустя несколько лет, министр финансов Л. Шоу (1848-1932) попробует вобрать в своё министерство функции центрального банка на фоне вновь обострившегося кризиса 1904-1905 гг., но потерпел неудачу в решении этого вопроса. С новой силой, вопрос о создании центрального банка был поднят людьми из влиятельного круга банкиров - Дж. Шиффом

(1847-1920) и М. Варбургом (1867-1946) в 1906 г. Спустя уже несколько месяцев, был создан специальный комитет из пяти человек для разработки плана создания центрального банка [5, с. 242].

В свою очередь, Американская банковская ассоциация (АБА) предложила возложить функции по экстренной эмиссии на созданный ассоциацией свой же исполнительный комитет. Такой предложенный радикальный функционал был не случаен: страна только что пережила банковский кризис 1907 г., где наблюдался дефицит денег в банках из-за их чрезмерной закредитованности. Подготовленные проекты легли на стол Конгресса уже через несколько месяцев к концу 1906 г. Но были встречены в штыки разными частями Конгресса: большинство говорили о возможности неконтролируемой инфляции в случае утверждения и принятия закона о наделении комитета такого пакета полномочий. К тому же, в таком проекте по экстренной эмиссии разочаровались банковские круги, и они решили сосредоточиться дальше на своём плане по созданию центрального банка.

Важен вопрос следующего масштаба и характера – разные люди из разных деловых и общественных кругов надеялись, что центральный банк будет обладать разным набором функций и инструментов: например, финансист, один из создателей впоследствии ФРС П. Варбург (1868-1932) считал, что создание центрального банка ограничит круг банковских активов, могущих использоваться для банковских депозитов и центральный банк мог бы потребовать от других банков создать рынок только акцептированных векселей [5, с. 246], то есть, векселей с обязательством оплатить при предъявлении и наступлении обусловленного срока.

По мнению М. Ротбарда, поворотным моментом в создании органа, наподобие существовавших европейских центральных банков, стал банковский кризис 1907 г. Банки были настолько закредитованы, то им никто не мог больше дать денег на погашение обязательств, как перед государством, так и перед вкладчиками. К вопросу о создании центрального банка было подключено и сообщество учёных, включая даже академию политических и социальных наук и прессу во главе с «The Wall Street Journal» и «Associated Press». Академия политических и социальных наук провела конференцию по данному вопросу и голосовала по итогам конференции за создание центрального банка. Одной из важнейших причин создания центрального банка назывались следующие: централизованный контроль над притоком денег провинциальных банков на рынок ссуд до востребования, то есть, ссуд без фиксированного срока погашения, которые могут быть востребованы кредитором в любое время, контроль за эмиссией денег; учёт и контроль активов национальных банков, действовавших не только в одном штате, но и на общенациональном уровне [5, с. 249-250].

Исследователи выделяют ещё несколько причин в качестве создания ФРС: создание определенного центрального резерва валюты, который бы предназначался для удовлетворения спроса на валюты, но в обычное время не использовался; обеспечение эмиссии валюты на основе частичного резервирования для удовлетворения чрезвычайных потребностей [6, с. 162].

Созданная согласно закону Олдрича-Риланда 1908 г. национальная комиссия, состоявшая из конгрессменов и сенаторов, проводила слушания и дебаты в палате представителей и сенате соответственно [8]. Комиссия в целом не встретила сопротивления среди различных банковских кругов. Сопротивление наблюдалось только со стороны крупнейших банков, имевших уже статус крупных по резервированию долларов, таких, например, «First national bank of Chicago». Но сопротивление было преодолено, т.к. американская банковская ассоциация объяснила что интересы крупнейших банков будут не затронуты: центральный банк будет служить депозитарием резервов только для крупных национальных банков в финансовых центрах страны, а функции депозитариев для провинциальных банков будут выполнять национальные банки [5, с. 254].

Получалось следующее, что функции центрального банка децентрализовались и оказывались в руках региональных резервных банков, деятельность которых четко регулировалась из Вашингтона. Окончательный вариант законопроекта, подготовленный сенатором Н. Олдричем (1841-1915) был готов ещё в январе 1911 г. и передан Национальной комиссии по денежному обращению, но был отложен на год из-за проигрыша республиканцев на очередных выборах в Конгресс. За это время отложения законопроекта, Н. Олдричу удалось убедить банкиров, что принятый закон увеличит возможность больших национальных банков конкурировать с быстро растущими банками штатов, поможет установить над ними контроль и усилит позиции национальных банков в международных банковских операциях. После прослушанного отчета национальной комиссии, конгресс со второго раза принял закон о создании ФРС в декабре 1913 г. [3, с. 500]. Закон вступил в силу на фоне широко распространенных случаев отказа от Золотого стандарта или его ослабления, которые происходили в годы Первой мировой войны в таких странах, как в Великобритании и Франции и отличались от обстоятельств, ожидаемых от законотворцев [6, с. 191].

Таким образом, на долю одного из наиболее «прогрессивных и требовательных президентов» [4, с. 28] в истории США В. Вильсона выпала нелегкая доля в виде начавшейся Первой мировой войны в 1914 г. Перед тогдашним Президентом стояла нелегкая задача – при продолжавшей действовать доктрине Монро, начать активно конвертировать национальное экономическое благосостояние во внешнеполитические амбиции и распространении зон влияния американского образа жизни.

Библиографический список:

1. Гершов З.М. Вудро Вильсон / З.М. Гершов – М.: Мысль, 1983. 335 с.
2. Головинов О.Н. Роль Федеральной резервной системы в развитии экономики США / О.Н. Головинов. - Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2019. № 1. С. 10-18.
3. Зубов И.В., Утенков О.А. К вопросу о причинах возникновения мировых экономических кризисов / И.В. Зубов, О.А. Утенков // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2019. № 1 (10). С. 499-502.
4. Пеньковцев Р.В. Политика Вудро Вильсона в освещении российской периодической печати (1912-первая половина 1917) / Р.В. Пеньковцев: Автореф…дис.кан.ист.наук: – Казань, КГУ 2001. 20 с.
5. Ротбард М. Великая депрессия в Америке / М. Ротбард; пер. с англ. Гр. Сапова. – М.: Челябинск: Социум, 2019. 548 с.
6. Фридман М., Шварц А. Монетарная история Соединенных штатов. 1867-1960 / М. Фридман, А. Шварц; пер. с англ. Р. Косодий; – Киев: Ваклер, 2007. 860 с.
7. Eichengreen B. Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919-1939 / B. Eichengreen. – Oxford University Press, 1996. 780 p.
8. Federal Reserve Act 1913 // URL: https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/38/STATUTE-38-Pg251a.pdf (Дата обращения: 20.03.2026)
9. Суздалева Т.Р. Игроки политической модернизации современной России // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 5 (155). С. 54-61.
10. Пономаренко А.П. Устойчивое развитие как отличительная черта внешней политики Австрии на современном этапе // Альманах Казачество. 2021. № 47. С. 9-14.

Reference

1. Gershov Z.M. Woodrow Wilson / Z.M. Gershov – M.: Mysl, 1983. 335 p.
2. Golovinov O.N. The Role of the Federal Reserve System in the Development of the US Economy / O.N. Golovinov. – Bulletin of Donetsk National University. Series B. Economics and Law. 2019. № 1. P. 10-18.
3. Zubov I.V., Utenkov O.A. On the Causes of Global Economic Crises / I.V. Zubov, O.A. Utenkov // Modern Technologies for Civil Defense and Elimination of Consequences of Emergencies. 2019. № 1 (10). P. 499-502.
4. Penkovtsev R.V. Woodrow Wilson's Policy as Covered by the Russian Periodical Press (1912-First Half of 1917) / R.V. Penkovtsev: Abstract of a Cand. of Historical Sciences: Kazan, KSU 2001. 20 p.
5. Rothbard M. The Great Depression in America / M. Rothbard; Transl. from English by Gr. Sapova. Moscow: Chelyabinsk: Socium, 2019. 548 p.
6. Friedman M., Schwartz, A. Monetary History of the United States. 1867-1960 / M. Friedman, A. Schwartz; Transl. from English by R. Kosodiy; Kyiv: Wackler, 2007. 860 p.
7. Eichengreen B. Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919-1939 / B. Eichengreen. – Oxford University Press, 1996. 780 p.
8. Federal Reserve Act 1913 // URL: https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/38/STATUTE-38-Pg251a.pdf (20.03.2026)
9. Suzdaleva T.R. The players of the political modernization of modern Russia // Etnosotsium and international culture. 2021. № 5 (155). P. 54-61.
10. Ponomarenko A.P. Sustainable development as a hallmark of Austrian foreign policy at the present stage // Almanac Cossacks. 2021. № 47. P. 9-14.

Макаров Г.А.
Аспирант кафедры «Международные отношения, история и востоковедение», ФГБОУ ВО Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа.

Нормативно-правовая база правительственного попечения об учителях в Российской Империи*

Аннотация. Исследование посвящено анализу нормативно-правовой базы правительственного попечения об учителях в Российской империи в XVIII – начале XX века. В нем рассматривается эволюция законодательных актов, регулирующих правовой статус, материальное положение и систему социальной защиты педагогов. Основное внимание уделено ключевым этапам формирования государственной политики: от введения первых школьных уставов и включения учителей в Табель о рангах до создания института попечителей, инспекторов и централизованных механизмов пенсионного обеспечения. Особое место занимает исследование перехода от сословно-статусной модели к системе гарантированного материального содержания учительства. Работа выявляет основные тенденции развития попечительства, его противоречия и ограничения, а также подчеркивает значение государственной поддержки в становлении профессионального учительского корпуса.

Ключевые слова: правовое регулирование, учителя, Российская империя, попечительство, образование, социальная защита, пенсионное обеспечение, правовой статус.

Makarov G.A.
Postgraduate Student of the Department of International Relations, History and Oriental Studies, Ufa State Petroleum Technical University, Ufa.

Regulatory framework government care for teachers in the Russian Empire

Abstract. The study is devoted to the analysis of the regulatory framework of government care for teachers in the Russian Empire in the XVIII – early XX century. It examines the evolution of legislative acts regulating the legal status, financial status and social protection system of teachers. The main attention is paid to the key stages of public policy formation: from the introduction of the first school charters and the inclusion of teachers in the Table of Ranks to the creation of the institute of trustees, inspectors and centralized

* © Макаров Г.А., 2026.

pension provision mechanisms. A special place is occupied by the study of the transition from the estate-status model to the system of guaranteed financial support for teaching. The work reveals the main trends in the development of guardianship, its contradictions and limitations, and also emphasizes the importance of state support in the development of a professional teaching staff.

Key words: legal regulation, teachers, Russian Empire, guardianship, education, social protection, pension provision, legal status.

Введение

Проблема формирования профессионального учительского корпуса и определения его правового статуса является одной из ключевых в истории отечественной государственной политики. Для глубокого понимания механизмов правительственного попечения об учителях во второй половине XIX – начале XX вв. необходимо проследить эволюцию законодательного регулирования с момента создания первых светских школ. Государственное попечение не было статичным: оно развивалось от структурного (учреждение школ и должностей) к статусному (чины и привилегии) и, наконец, к материальному (пенсии и оклады). Законодательные акты, начиная с XVIII века, создавали сложную иерархию, включающую как предоставление служебного статуса, так и формирование институциональных механизмов (советы, попечители) для реализации государственной воли.

Объектом исследования является нормативно-правовая база правительственного попечения об учителях в Российской империи. **Предметом** развитие законодательного регулирования и механизмы реализации государственной политики в сфере попечительства над учителями в Российской империи.

Материалы и методы

Необходимо провести анализ нормативно-правовых актов, регулирующих правительственное попечение об учителях в Российской империи. Это требует применения и использования разных методологических подходов и приемов к изучаемой теме. К ним относятся: принципы системности, историзма и объективности, они позволяют непредвзято оценить степень изученности поставленной проблемы и почерпнуть ценные сведения для дальнейшего обобщения в дальнейшем.

В процессе изучения документов важной задачей является, проследить развитие правовых норм, а также понять, как менялось положение учителей и какое отношение к этому имеет государство.

Сравнительно-исторический подход помогает проследить, как на различных этапах реформ и в зависимости от общего политического курса

страны, изменялись права и льготы учителей. В свою очередь, проблемно-хронологический метод дает возможность отследить то, как постепенно вводились такие важные элементы поддержки, как пенсии и государственное жалование.

Литературный обзор

Основы правового регулирования статуса учителей, начинают формироваться с момента принятия Екатериной II 5 августа 1786 г. Устава народным училищам в Российской империи [1]. Данный Устав стал первым комплексным нормативным актом, который не только учредил государственную систему главных и малых народных училищ, но и юридически оформил учительскую деятельность как особый вид службы.

На данном этапе правительственное попечение носило преимущественно структурно-организационный характер. Во-первых, Устав впервые четко выделил учительскую должность, определив конкретные требования к знаниям и поведению педагогов. Определение штатного расписания и закрепление за учителями официального статуса стало начальной формой государственного признания их труда. Во-вторых, документом были зафиксированы твердые годовые оклады. Согласно штатам, учителя главных училищ получали содержание в зависимости от разряда преподавания, что было закреплено в соответствующих разделах Устава. Несмотря на то, что финансирование часто возлагалось на местные ресурсы (через приказы общественного призрения), само законодательное установление фиксированной оплаты труда являлось ранней формой материального попечения, гарантированного государством на нормативном уровне.

Дальнейшее развитие системы попечительства об учителях связано с реформами начала XIX века. После образования в 1802 году Министерства народного просвещения, первым министром которого был назначен граф Петр Васильевич Завадовский, ключевым этапом стало утверждение 24 января 1803 года Предварительных правил народнаго просвещения [2]. Именно этот документ разделил империю на учебные округа. 5 ноября 1804 года был утвержден Уставв учебных заведений, подведомых университетам [3] именно благодаря нему был сформирован институт попечителя учебного. Попечитель стал именно той фигурой, которая впоследствии стала ключевым посредником между властью и учителями. В обязанности попечителя входила не только инспекция школ, но и ходатайство перед министром о нуждах учителей, контролируя доведение до них положенного содержания. Благодаря всему этому, была выстроена управленческая вертикаль, позволившая государству перейти к реальному надзору за положением учительства.

Важной моментом стало издание 6 августа 1809 года указа «О правилах производства в чины по гражданской службе» [4]. Данный акт фактически на-

делил педагогические кадры преимуществом в продвижении по табели о рангах, сделав наличие образования ключевым условием социального роста.

Параллельно с этим менялся и характер правительственного надзора: в период деятельности Министерства духовных дел и народного просвещения (1817– 1824 гг.) попечение приобрело выраженный идеологический оттенок, подразумевающий усиленный контроль за нравственным обликом учительства. Кульминацией же дореформенного периода стало принятие 6 декабря 1827 года акта «Устав о пенсиях и единовременных пособиях государственным чиновникам» [5].

Качественное изменение в характере государственного попечения произошло в годы правления Николая I. Принятый 8 декабря 1828 года Устав гимназий и училищ уездных и приходских окончательно встроил преподавателей средних учебных заведений в общеимперскую систему чинопроизводства [6].

В этот период правительственная поддержка выражалась прежде всего через предоставление определенного социального статуса. Согласно Табели о рангах, преподаватели наук в гимназиях приравнивались к IX классу (титулярный советник), что открывало путь к получению личного дворянства [7]. Для учителей уездных училищ устанавливался XII класс. В условиях сословного общества такая мера была важнейшим инструментом социальной защиты: чин не только давал престиж, но и гарантировал право на пенсионное обеспечение согласно «Устав о пенсиях и единовременных пособиях» [8].

Однако стоит заметить, что на данном этапе государственное попечение сохраняло узкосословный характер. Привилегии государственной службы распространялись преимущественно на учителей средних учебных заведений, в то время как основная масса педагогов начальной школы оставалась вне этой системы защиты. Вплоть до середины XIX века правовой статус учителя напрямую зависел от его места в административной иерархии империи.

Эпоха Великих реформ кардинально изменила саму философию государственного участия в судьбе учителя. Масштабное расширение сети начальных школ сделало невозможным сохранение исключительно казенного (бюджетного) обеспечения. Принятие 14 июля 1864 года Положения о начальных народных училищах ознаменовало переход к модели сословного и земского участия в делах народного просвещения [9].

Главным новшеством этого периода стало учреждение уездных училищных советов. Эти органы задумывались как межведомственные структуры, объединявшие чиновников министерства, представителей земств и духовенства. На законодательном уровне им вменялось в обязанность «попечение о благоустройстве» училищ [10]. Фактически, государство легализовало привлечение общественных сил и капиталов к управлению школой,

создав пространство для земского попечения.

Однако Положение создало правовой вакуум в отношении материальных гарантий. Положение прямо возлагало обязанности содержания учителей на учредителей школ (земства, общества), а не на казну [11]. Таким образом, попечительство в этот период носило финансово-делегирующий характер, что, с одной стороны, стимулировало местную инициативу, а с другой — лишало учителей твердых государственных гарантий.

Это побудило правительство к принятию нового Положения 25 мая 1874 года [12]. Оно усилило правительственную вертикаль попечения через создание института инспекторов народных училищ.

Инспекторы, будучи чиновниками V– VIII классов, стали прямыми агентами административного попечения на местах. Согласно «Инструкции инспекторам» [13], на них возлагалась двойная функция: контроль и защита. Инспектор был юридически обязан «настаивать» в Уездных советах на необходимости улучшения быта учителей и ходатайствовать о предоставлении им положенных льгот, выступая буфером между педагогом и местной властью.

Принципиальный перелом в нормативно-правовом регулировании произошел на рубеже веков. Издание акта «Устав Пенсионной кассы народных учителей и учительниц», утвержденного 12 июня 1900 года, ознаменовало переход к централизованному государственному попечению [14]. Данный документ фактически объединил в едином правовом поле всех педагогов начальной школы — земских, городских и министерских. Создание Кассы позволило сформировать общеимперский механизм социальной защиты, который перестал напрямую зависеть от воли и финансовых возможностей местных властей. Таким образом, правительственное попечение к началу XX века трансформировалось из системы статусных привилегий в систему гарантированного материального обеспечения для всей массы народного учительства.

Принципиальным шагом в реформировании системы материального обеспечения стал закон от 3 мая 1908 года, выделивший беспрецедентный кредит в 6,9 млн рублей на нужды начального образования. Хотя данный акт в первую очередь был направлен на расширение сети школ, его 4-я статья создала важный прецедент правительственного попечения: она обязывала местные власти направлять высвободившиеся средства на «дополнительное содержание» учителей. Это подготовило почву для последующей централизации выплат, завершившейся в 1912 году законодательным закреплением обязательных государственных доплат за выслугу лет (цензов), которые выплачивались уже напрямую из средств казначейства.

Трансформация системы правительственного попечения была прервана революционными событиями 1917 года, которые привели к полно-

му демонтажу административного аппарата. Процесс ликвидации прежних институтов проходил в два этапа. Первым шагом стало постановление Временного правительства от 4 июля 1917 года «Об упразднении учебно-окружных управлений» [15]. Согласно постановлению, попечители учебных округов и окружные инспекторы лишались своих полномочий, а функции управления школой передавались Министерству народного просвещения и губернским земским учреждениям. Это означало фактический крах системы административного надзора, выстраиваемой на протяжении столетия.

Окончательный разрыв с законодательной традицией Российской империи произошел после Октябрьской революции. Декрет ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 года [16] ликвидировал правовую основу «статусного» попечения.

Результаты

Система правительственного попечения об учителях в Российской империи прошла сложный путь трансформации: на протяжении более чем столетия вектор развития смещался от формально-организационных мер к созданию комплексной системы социальной защиты.

Государственное попечение изначально основывалось на сословно-бюрократическом принципе. Включение педагогов в Табель о рангах обеспечивало их защиту через присвоение чинов и права на личное дворянство, однако в правовом поле существовал разрыв: преференции распространялись преимущественно на учителей средних учебных заведений, тогда как положение народных учителей оставалось вне четкого законодательного регулирования. К середине XIX века в России сформировалась структура управления учебными округами, при этом деятельность попечителей и инспекторов носила двоякий характер. С одной стороны, осуществлялся идеологический контроль, с другой – обеспечивалось исполнение государственных обязательств на местах.

В начале XX века акцент в политике попечительства сместился в сторону материальных гарантий. Была создана Пенсионная касса, принят закон о государственном минимуме жалованья, закрепивший финансовую ответственность казны перед учителями. Эти меры позволили минимизировать издержки и сформировать общие принципы оплаты труда для педагогов различных категорий. События 1917 года привели к полной ликвидации правового фундамента: упразднение ряда документов и учебных округов подвело черту под развитием дореволюционной модели поддержки учителей.

Библиографический список:

1. Устав народным училищам (5 августа 1786 г.) // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое. Т. XXII. № 16421. – СПб.: 1830.
2. ПСЗРИ. Т. XXVII. 1802-1803. № 20.597.

3. Устав учебных заведений, подведомственных университетам (24 января 1804 г.) // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXVII. № 21188. – СПб.: 1830.
4. О правилах производства в чины по гражданской службе: Указ от 6 августа 1809 г. // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXX. № 23852. – СПб.: 1830.
5. Устав о пенсиях и единовременных пособиях государственным чиновникам (6 декабря 1827 г.) // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. II. № 1536. – СПб.: 1830.
6. Устав гимназий и училищ уездных и приходских // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. III. № 2502. – СПб.: 1830.
7. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. – СПб.: М-во нар. просвещения, 1902. С. 184.
8. Свод законов Российской империи. Т. III. Устав о пенсиях и единовременных пособиях. – СПб.: 1857. Ст. 14.
9. Положение о начальных народных училищах (14 июля 1864 г.) // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXIX. Отд. 1. № 41068. – СПб.: 1867.
10. Положение о начальных народных училищах (14 июля 1864 г.) // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXIX. Отд. 1. № 41068. – СПб.: 1867. Ст. 16.
11. Положение о начальных народных училищах (25 мая 1874 г.) // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XLIX. Отд. 1. № 53574. – СПб.: 1876.
12. Инструкция инспекторам народных училищ // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. VI. (1874– 1876). – СПб.: 1877. С. 218.
13. Пояснительная записка к законопроекту о пенсионной кассе // ЖМНП. 1900. № 4. С. 210-215.
14. Устав пенсионной кассы народных учителей и учительниц (утв. 12 июня 1900 г.) // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1900. № 73. Ст. 1573.
15. Об упразднении учебно-окружных управлений: Постановление Временного правительства, 4 июля 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг., 1917. № 175. Ст. 973.
16. Об уничтожении сословий и гражданских чинов: Декрет ВЦИК и СНК, 11 (24) ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 3. Ст. 31.
17. Михайлов В.А., Алиев Т.Э. Основные тактики информационной войны // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 5 (155). С. 9-13.

Reference

1. Charter of public schools (August 5, 1786) // Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). First collection. Vol. XXII. № 16421. – St. Petersburg: 1830.
2. PSZRI. Vol. XXVII. 1802-1803. № 20.597.
3. Charter of educational institutions subordinate to universities (January 24, 1804) // PSZRI. First collection. Vol. XXVII. № 21188. – St. Petersburg: 1830.
4. On the rules for promotion to ranks in the civil service: Decree of August 6, 1809 // PSZRI. First collection. Vol. XXX. № 23852. – SPb.: 1830.
5. Charter on pensions and one-time benefits to government officials (December 6, 1827) // PSZRI. Second collection. Vol. II. № 1536. – SPb.: 1830.
6. Charter of district and parish gymnasiums and schools // PSZRI. Second collection. Vol. III. № 2502. – SPb.: 1830.
7. Rozhdestvensky S.V. Historical review of the activities of the Ministry of Public Education. 1802-1902. – SPb.: Ministry of People's Education, 1902. P. 184.
8. Code of laws of the Russian Empire. Vol. III. Charter on pensions and one-time benefits. – SPb.: 1857. Art. 14.
9. Regulations on Primary Public Schools (July 14, 1864) // PSZRI. Second Collection. Vol. XXXIX. Section 1. № 41068. – St. Petersburg: 1867.
10. Regulations on Primary Public Schools (July 14, 1864) // PSZRI. Second Collection. Vol. XXXIX. Section 1. № 41068. – St. Petersburg: 1867. Art. 16.
11. Regulations on Primary Public Schools (May 25, 1874) // PSZRI. Second Collection. Vol. XLIX. Section 1. № 53574. – St. Petersburg: 1876.
12. Instructions for Inspectors of Public Schools // Collection of Orders of the Ministry of Public Education. Vol. VI. (1874–1876). – St. Petersburg: 1877. P. 218.
13. Explanatory Note to the Bill on the Pension Fund // ZhMNP. 1900. № 4. P. 210–215.
14. Charter of the Pension Fund of Public Teachers (approved June 12, 1900) // Collection of Laws and Orders of the Government. 1900. № 73. Art. 1573.
15. On the abolition of educational district administrations: Resolution of the Provisional Government, July 4, 1917 // Collection of government laws and orders, published under the Governing Senate. Pg., 1917. № 175. Art. 973.
16. On the abolition of estates and civil ranks: Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars, November 11 (24), 1917 // SU RSFSR. 1917. № 3. Art. 31.
17. Mikhailov V.A., Aliev T.E. Basic tactics of information warfare // Etnosotsium and international culture. 2021. № 5 (155). P. 9-13.

Агаркова М.И.
Старший преподаватель кафедры всемирной истории, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

Начальный этап индоевропейской истории: по данным зарубежных и отечественных лингвистов и археологов*

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые вопросы ранней истории индоевропейцев на основе работ отечественных лингвистов и археологов, обобщаются современные взгляды на прародину и расселение индоевропейцев. Особое внимание уделено результатам сравнительно-исторического языкознания, топонимике и археологическим находкам, позволяющим реконструировать хозяйство, верования и социальную организацию древних индоевропейских племен. Анализируется вклад российских ученых и сравниваются отечественные и зарубежные исследования, что способствует более глубокому пониманию истоков индоевропейской цивилизации и будущих перспектив ее изучения.

Ключевые слова: индоевропейская прародина, сравнительно-историческое языкознание, археология, расселение, праязык, археологические культуры, топонимика, культурогенез, миграции.

Agarkova M.I.
Senior Lecturer of the Chair of World History, FSBEI HE "Donetsk State University".

The early stages of Indo-European history: according to domestic linguists and archaeologists

Abstract. The article deals with the problems of patriotic education of young people during the formation of the Donetsk People's Republic. In the constantly changing socio-cultural conditions, the need for the formation of new attitudes to the development of spirituality, morality and patriotism among young people as the foundations of national security of the country is emphasized.

Key words: Indo-European homeland, comparative-historical linguistics, archeology, settlement, proto-language, archaeological cultures, toponymy, cultural genesis, migrations.

* © Агаркова М.И., 2026.

Введение.

Вопросы о происхождении индоевропейцев, местонахождении их первоначальной общности и этапах расселения по Европейскому континенту на протяжении более двух столетий остаются предметом ярких и часто противоречивых дискуссий. Индоевропейская тематика иногда принимала острый политический окрас и подвергалась предвзятой оценке, что становилось основой для идеологических споров. В разные исторические периоды интерпретация происхождения, распространения и культурного значения индоевропейцев отражала актуальные идеологические установки общества. Так, в XIX– XX вв., концепции об индоевропейском единстве или превосходстве определенных «арийских» этносов активно использовались в националистических и расовых теориях, что привело к появлению псевдонаучных подходов и оправданию дискриминационной политики. В советской научной традиции, напротив, наблюдалось стремление минимизировать «этнокультурное противопоставление» и подчеркнуть фактор хозяйственно-экономических и межэтнических взаимодействий. Все это демонстрирует, насколько важна объективность и критичность в исследовании индоевропейской проблематики и как прошлое способно оказывать влияние на современные дискуссии в гуманитарных науках.

Научные исследования истоков широкого и разнообразного индоевропейского наследия продолжаются, и ученые разных областей науки активно участвуют в этих дискуссиях. Каждый из участников предлагает достаточно веские аргументы в защиту своих позиций, выступая против взглядов оппонентов. В конце XX – начале XXI вв. в сфере индоевропеистики возникло множество псевдонаучных работ. Их вклад в науку вызывает сомнения, а причиняемый вред очевиден. Авторы многих современных теорий о происхождении индоевропейцев или арийцев чаще всего не стремятся к установлению истины, а предпочитают решать конкретные политические задачи, создавая для себя удобные квазинаучные концепции.

Тем не менее, существует и большое количество убедительных теорий, основанных на конкретных археологических и лингвистических данных, которые формируют значительную основу для решения множества вопросов в области индоевропеистики. Эти теории можно объединить в четыре направления. Представители первого и второго направлений утверждают, что индоевропейцы появились в непосредственной близости от древнейших центров скотоводства и сельского хозяйства, и связывают распространение индоевропейских языков с миграцией первых земледельцев из Анатолии и Балканского полуострова на север и восток (в рамках анатолийской и балканской моделей прародины). Сторонники третьего направления утверждают, что праиндоевропейская общность сформировалась в Центральной Европе (севернее верхнего Дуная) и на соседних территориях

юго-западной части Восточной Европы. Согласно работам представителей четвертого направления, первичный центр появления индоевропейцев располагался в степях между Днепром и Волгой, и они объясняют распространение индоевропейских языков инвазиями активного и мобильного скотоводческого населения на запад, юг и восток. Эта последняя теория является основным фокусом нашего исследования, так как она основана преимущественно на археологических данных и поддерживается ведущими лингвистами. Кроме того, степи между Днепром и Волгой из-за своего географического положения служили площадкой для контактов между населением различных культурно-экономических типов и были важными маршрутами для этнических миграций.

Цель данной статьи – историографический анализ научных исследований в области индоевропеистики, касающийся проблемы происхождения индоиранцев, всесторонний анализ и синтез существующих данных отечественных специалистов, который поможет восстановить картину раннего периода истории индоиноевропейских народов. Важно рассмотреть современные подходы и методологии, применяемые в исследовании, и обозначить перспективы дальнейшего изучения данной тематики.

К сожалению, исследование вопросов, связанных с формированием, развитием и ранними этапами распада индоевропейской общности, отечественными учеными осложняется недостаточным ознакомлением с историографией этого вопроса. Это, в свою очередь, во многом обусловлено традиционно невысоким уровнем внимания к индоевропейской проблематике в отечественной научной среде. Поэтому, несмотря на то, что открытия российских исследователей нередко находят применение в зарубежных научных работах, в самой стране им порой не уделяется должного внимания, и они не получают полноценного осмысления.

Таким образом, представляется важным рассматривать вопрос происхождения индоевропейцев в историографическом ракурсе: анализировать те концепции, которые наилучшим образом согласуются с данными различных дисциплин и не содержат внутренних противоречий, а также выделять те исследования, которые все еще остаются спорными из-за отсутствия научно обоснованных доказательств. Все это способствует более глубокому изучению данной и схожих тем, относящихся к широкой области индоевропеистики [1, с. 150].

Основная часть.

Возникновение и развитие индоевропеистики как научной дисциплины уходит своими корнями в ту эпоху, когда европейцы впервые столкнулись с культурой Индии и с древнейшими памятниками индоевропейской письменности, записанных санскритом. Освоение и изучение санскрита

европейскими исследователями в конце XVIII – начале XIX вв. стало отправной точкой формирования индоевропеистики и привело к становлению сравнительно-исторического подхода в лингвистике. Основные этапы изучения санскрита в Европе отражены в большом количестве трудов, посвященных анализу различных языковых явлений, многочисленных санскритских словарях, отдельных статьях, монографиях и обобщающих исследованиях, охватывающих развитие этой области [2; 3].

Филиппо Сассетти (1540-1588) – итальянский купец и путешественник, проведший последние годы жизни в Индии и считающийся одним из предтеч индоевропейского сравнительно-исторического языкознания. В числе первых европейцев он проявил интерес к древнему индийскому языку – санскриту. В 1568 г. поступил в Пизанский университет, где получил гуманистическое образование; хорошо разбирался в ботанике, географии, астрономии и космографии, увлекался филологией и классическими языками. Ф. Сассетти известен по тридцати двум подробным письмам, направленным во Флоренцию представителям патрициата и великому герцогу Тосканскому; при жизни эти письма не были опубликованы. В своих наблюдениях он отметил родственное сходство числительных в латыни, санскрите и итальянском (например, «два»: лат. duo, санскр. dvau, итал. due), а также сходство ряда других слов санскрита и итальянского (например, deva/dio – «Бог», sarpa/serpe – «змея» и др.). При этом Ф. Сассетти ограничился фиксацией фактов, не предлагая научных выводов [3, с. 12].

Во второй половине XVI в. представления о генетическом родстве языков и языковых семей формируются и получают развитие в гуманистической среде Лейденского университета. В работах историка Ж. Скалигера [4] и лингвиста М. Боксхорна [5] высказываются идеи о «языке-матрице», а также рассматриваются процессы конвергенции и дивергенции языков Евразии. В ту эпоху многие, опираясь на библейскую традицию, полагали, что первоначальным универсальным языком был иврит, а разнообразие языков возникло в результате Вавилонского столпотворения.

«Лингвистический этап», который начался с признания родства языков Европы, Ирана и Индии продолжался до 1880-х гг., когда в индоевропеистику начали активно привлекать данные антропологии и археологии. До этого периода источники и методы были сугубо лингвистическими. Английские эрудиты – теолог У. Уоттон и филолог-востоковед У. Джонс – показали сходства европейских языков с санскритом и высказывали идею о санскрите как общем истоке для всей индоевропейской семьи [6; 7, с. 7]. Так, У. Джонс локализовал прародину индоевропейцев в Иране и, опираясь на библейскую историософию и хронологию, выдвинул тезис о миграции ариев оттуда в Индостан [8]. В 1808 году Ф. Шлегель объявил индо-

арийский язык первоисточником всех индоевропейских языков и назвал Западный Индостан родиной их носителей. Ф.Шлегель, одним из первых, сравнил санскрит с европейскими языками не только по словарному составу, но и по их внутренней структуре и грамматике, охарактеризовав санскрит как язык «народа-культуртрегера» [9; 10, с. 18]. В работе «О языке и мудрости индийцев» (1808) он, увлекаясь мистическими интерпретациями, выдвинул гипотезу о древней колыбели «благородных» ариев в районе Гималаев и об их последующем распространении в Персию, Индию и Европу, где возникли древнейшие государства. Концепция единого исходного центра и последующих миграций, ставшая основой «арийского мифа», получила широкое признание и породила романтизированные представления об «арийских предках».

К числу основоположников сравнительно-исторического метода относятся немецкий языковед Фр. Бопп, датский лингвист Р. Раск, немецкий филолог и мифолог Я.Гримм и др. Но сложилась традиция считать основателем сравнительного исторического языкознания именно Фр. Боппа, поскольку он впервые использует термин «сравнительная грамматика» в опубликованной им в 1816 г. работе «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с системою спряжения греческого, латинского, персидского и германского языков». Главная идея Фр. Боппа, которая была основана еще его учителем Ф. Шлегелем, – сравнение санскрита как «языка-матери-основы» с его «дочерьми» – европейскими языками. Но эта идея оказалась ошибочной, поскольку санскрит занимает среди других индоевропейских языков равноправное положение [11, с. 19]. Этот пересмотр исходных допущений стал важным этапом методологического «взросления» дисциплины и уточнил границы лингвистических реконструкций.

В научной литературе к именам Ф. Боппа, Р. Раска и Я. Гримма – основоположников сравнительно-исторического языкознания – нередко добавляют имя российского исследователя А.Х. Востокова. Его труд «Рассуждение о славянском языке» (1820) фактически является первой фундаментальной работой по исторической фонетике одной из ветвей индоевропейской семьи – славянских языков. Значимость исследования определяется как конкретными результатами, относящимися к славянской проблематике (включая периодизацию истории славянского и русского языков, а также уточнение соотношений древнерусского языка с церковнославянским и с западно- и южнославянскими – в частности, польским и сербским), так и формулированием принципов и методов исторического изучения родственных языков. Тем самым ранняя сравнительно-историческая традиция, от Ф. Шлегеля, Фр. Боппа до А.Х. Востокова, задавала строго лингвистические критерии сопоставления и реконструкции, отделяя язы-

ковую классификацию от антропологических и социально-исторических обобщений.

Именно на этом фоне становится понятной генеалогия тех интеллектуальных сдвигов, которые вывели часть исследовательской и публицистической мысли за пределы дисциплинарных рамок: терминологию и результаты сравнительного языкознания начали переносить на трактовку «народов» и «рас», подменяя лингвистическую родственность биологическими иерархиями. Изначально «потомки благородных» не видели в «неарийских народах» биологических или культурных отличий. Однако ученик Шлегеля К. Лассен провозгласил ариев более одаренными и совершенными, противопоставив их семитам и подчеркивая негативные черты последних, чем заложил фундамент арийско-семитской оппозиции, впоследствии развитой Э. Ренаном, А. де Гобино и другими. Таким образом, от ранних лингвистических построений – в том числе связанных с санскритом и индоевропейской общностью – через их внеязыковую интерпретацию сформировалась идеологическая линия, которая радикально расходилась с научными принципами сравнительно-исторического языкознания.

Тема «ариев» быстро перестала быть исключительно предметом лингвистики. Исследователи того времени, следуя И. Гердеру и И. Фихте, видели за языком культуру, народ с присущим ему «национальным духом», а порой и «расу». В результате возникла теория прародины индоевропейцев (ариев) как места происхождения светловолосых и голубоглазых индоевропейских народов. В Германии идея определения нации как культурно-языковой общности приобрела масштабное влияние в политической философии и тесно ассоциируется с именем И. Гердера [12, с. 403]. В «Идеях к философской истории человечества» утверждается, что каждая нация формируется природой и историей; там же встречаются рассуждения о первородстве немцев.

Я. Гримм не только подробно описал грамматические формы германских языков в их историческом развитии, но и включил в учебники по литературе и истории «воспевание арийцев как наиболее организованного и творческого народа» [10, с. 19], благодаря чему широкие слои немецкой публики познакомились с образом «арийцев» и их «славы».

Во второй половине XIX в. идеи пангерманизма охватили Австрию (Австро-Венгрию) и Германию. К признакам предполагаемой «первичной индоевропейской расы» добавили долихоцефалию и высокий рост, которые вместе со светлой пигментацией закрепились как устойчивые маркеры особого «нордического» типа [13, с. 79]. Отмечалось, что среди многих индоевропейскоязычных народов (англичан, немцев, славян, литовцев и др.) значительный процент составляют светло-пигментированные индивиды – люди с голубыми глазами и русыми или белокурыми

волосами. Именно таким описывают внешний вид кельтов, германцев, славян, даже фракийцев и сарматов древние хронисты. Светлый цвет волос и голубые глаза считались признаком благородного происхождения у древних греков и арийцев (индоарийцев), о чем свидетельствуют Илиада и Ригведа с Авестой. Уже здесь обозначился методологический разрыв: видовые признаки сводились к маркерам «расы», а вопрос прародины решался через биологические аналогии, что не имело достаточной доказательной базы.

В литературе впервые связать эти интересные факты с проблемой прародины индоевропейцев предпринял попытку Т. Пьоше в 1878 г. По его мнению, появлению светлой пигментации способствовали особые климатические условия болотных равнин в бассейне Припяти, среди которых и следует искать прародину индоевропейцев. Зато К. Пенка в 1886 г. справедливо заметил, что свет пигментированный тип чаще всего встречается на побережье Балтийского моря, особенно в Скандинавии и на севере Германии. Следовательно, эти территории со значительно большей вероятностью следует рассматривать как места зарождения светловолосых и голубоглазых индоевропейских народов. Однозначности выводов препятствует обстоятельство почти полного отсутствия «нордического типа» (по крайней мере, в чистом виде) среди большинства современных индоевропейскоязычных (особенно южных) народов. Сторонники теории «нордических» арийцев (так стали называть индоевропейцев, перенеся на всю семью название, взятое от индоиранцев) объясняли это тем, что древние арийцы, покоряя другие народы и передавая им свой язык, постепенно смешивались с покоренными и теряли черты своего расового типа, которые к тому же проявляли все большую рецессивность по мере удаления от той экологической ниши, в которой они сформировались. Однако для подкрепления этой теории фактам не хватает археологических данных.

В тот же период складывается эзотерическое расистское этнонационалистическое учение – ариософия (арманизм). Его идеологи Г.Ф. Лист и Й.Ф. Либенфельс утверждали существование доисторического «арийского» золотого века – эпохи «расовой чистоты», якобы прерванной враждебным заговором антинемецких сил, объединявшим все «неарийские» расы. Идеи ариософов проникали в отдельные антисемитские и националистические кружки поздней кайзеровской Германии, из среды которых после Первой мировой войны в Мюнхене сформировалась нацистская партия. Ариософия зрела в небольших сообществах, распространявших расистские тайные культы в эпоху Веймарской республики и живших надеждами на национальное возрождение. Эзотерические и расистские учения (ариософия/арманизм) радикализировали и политизировали интерпретации, превратив «арийскую» тему в инструмент этнонационали-

стической мобилизации. Это усилило общественное и интеллектуальное давление на поиск подтверждений «арийской» исключительности и прародины, задавая ожидания от науки предоставить соответствующие материальные «доказательства».

Параллельно в 1840–1860-е годы возникали австрийские и немецкие братства, вдохновленные пропагандой атлетизма, немецкой самобытности и национального единства Ф.Л. Яна. Без вмешательства Г.Ф. Шонерера в «австрийско-немецкое братское движение» в 1870-е гг. оно могло бы остаться лишь формой активизма, однако именно его идеи, темперамент и лидерские качества задали последующий курс пангерманизма, основанный на убеждении, что кровь является единственным критерием гражданских прав. Массовые движения пангерманизма институционализировали идею биологического критерия принадлежности и гражданских прав, создавая социальный заказ на научные нарративы, согласующиеся с расовой и националистической доктриной. В такой атмосфере внимание исследователей стало смещаться к дисциплинам, способным предложить вещественные аргументы – прежде всего к археологии.

Пионером применения археологических материалов в индоевропеистике был О.Шрадер, однако он назначил археологическим источникам второстепенное место после лингвистических, поскольку и сам был специалистом именно в этой области. В середине XIX в. сформировалось представление о «лингвистической палеонтологии», а к его концу был сформулирован метод «лингвистической археологии», предполагающий сопоставление культурной лексики с археологическими материалами. Связать древних индоевропейцев с конкретным археологическим памятником впервые попытался Г. Коссина в 1902 г. По его мнению, непрерывность в развитии материальной культуры Северной Германии, Дании, Швеции свидетельствует о нахождении колыбели индоевропейцев именно на этих просторах [14, с. 56]. Г. Чайлд первым попытался аргументировать точку зрения О. Шрадера на основе археологии: анализ проникновения культур древних скотоводов из Причерноморья на Балканы привёл его к заключению о локализации первичного очага индоевропейцев в южнорусских степях [15, с. 249-250]. Таким образом, в нач. XX в. стало ясно, что археологический материал также может внести свой вклад в решение индоевропейской проблемы.

Российские исследователи долго избегали прямого решения вопросов этногенеза из-за серьезных методических и методологических сложностей. Только в 1950– 1960-е годы, на фоне активной дискуссии о соотношении понятий «этнос» и «археологическая культура», оформилась задача этнической интерпретации археологических данных. Начались попытки не просто описывать археологические культуры через их отличия и датировку,

но и увязывать их с конкретными народами, известными по письменным источникам [16, с. 37].

Начиная с 1956 г. М. Гимбутас опубликовала ряд работ, в которых локализовала прародину индоевропейцев в степном поясе между Днепром и Волгой, а носителями праиндоевропейского языка считала представителей курганной культуры [17, с. 72-73]. В середине 1950-х гг. вышла монография О.А. Кривцовой-Граковой, где утверждалась преемственность между срубной культурой позднего бронзового века и скифской культурой раннего железного века, что подтверждалось поступательным развитием позднесрубной керамики и её трансформацией в скифскую [18, с. 37]. По мнению отечественного археолога и историка М.И. Артамонова, скифы происходили от групп носителей срубной культуры, продвинувшихся во II тыс. до н. э. из-за Волги в Южную Россию и ассимилировавших местное население; он также считал, что срубное население степной Евразии стало ключевой основой формирования позднейших иранцев [19, с. 3-7].

Новый этап в археологии, начавшийся с конца 1960-х гг., в осмыслении проблематики бронзового века отличался выделением крупных культурно-исторических общностей [20, с. 29]. В рамках срубной общности разрабатывались вопросы периодизации и генезиса отдельных культур, а также предпринимались попытки их этнической интерпретации через призму ираноязычия (С.С. Березанская, И.Ф. Ковалева, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова, А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк, Ю.П. Матвеев, М.Я. Мерперт, И.Б. Васильев, М.М. Малов, В.С. Горбунов, М.Ф. Обыденнов и др.).

В 1970–1980-е гг. степная концепция происхождения индоевропейцев получила последовательное развитие в работах многочисленных сторонников М. Гимбутас – как лингвистов, так и археологов, среди которых Дж. Мэллори, Д. Энтони, П. Фридрих, Е. Поломе; они консолидировались вокруг журнала The Journal of Indo-European Studies.

В свете обсуждаемых моделей раннего распада праиндоевропейского языка закономерно возникает задача реконструкции механизмов диалектной дифференциации и направлений перемещений, решать которую корректнее всего посредством междисциплинарного сопоставления лингвистических, археологических и генетических данных. Совокупность этих свидетельств указывает, что после начальной фазы распада, когда носители отдельных диалектов еще пространственно соседствовали (включая изолированные горные районы) и предпринимали эпизодические краткие морские переходы (например, предполагаемый переход лувийцев из Греции в Малую Азию), последовал этап существенно возросшей мобильности. К нему привели распространение коневодства и освоение колесного транспорта (повозок), что прослеживается по археологическим маркерам и

подтверждается новыми археогенетическими результатами, опубликованными в последние годы.

В выпуске журнала Science от 6 марта 2009 г. международная группа исследователей, в которую вошли А.К. Каспаров (ИИнМК РАН, Санкт-Петербург), первооткрыватель ботайской культуры Северного Казахстана В.Ф. Зайберт (Кокчетавский университет), а также специалисты из научных центров Великобритании, Франции и США, опубликовала обобщающую статью по итогам многолетних работ. Авторы приходят к выводу, что одомашнивание лошади происходило в Северном Казахстане около 3500 года до н. э., что смещает предполагаемую дату этого процесса примерно на тысячу лет в сторону раннего времени по сравнению с прежними реконструкциями. Для Хвалынской культуры, где зафиксированы конские жертвоприношения, иногда предлагаются еще более ранние датировки, тогда как калиброванная радиоуглеродная хронология Дереивки, где роль лошади сопоставима с ботайской, в настоящее время сдвинута к эпохе бронзы [21, с. 123].

Тезис о связи расселения индоевропейцев с распространением лошади приобрел особое значение, поскольку все индоевропейские народы выступают в истории как умелые коневоды и используют общее название лошади. В связи с этим, в работах последних десятилетий появляются следующие цитаты: «в словаре индоевропейского хозяйственного устройства, который является укладом пастушеским»; «в древней Европе быстро развивалась городская культура, но ее развитие было прервано и в конце концов остановлено разрушительными силами с востока – постоянным проникновением полукочевых конных пастухов из Понтийских степей»; «Пасторализм был основой экономики индоевропейских завоевателей Европы»; «подвижность и значительную долю военной силы индоевропейцам, без сомнения, обеспечивал конь»; «все эти факты, очевидно, свидетельствуют о том, что лошадь изначально использовалась для верховой езды и только потом в повозках»; «без сомнения, кочевые индоевропейские пастухи осуществляли разнообразную сельскохозяйственную деятельность». Авторы этих утверждений, в которых говорится в первую очередь о Европе, следуют мифу о конном воине-всаднике как типичном носителе праиндоевропейского языка. Своим распространением этот миф в немалой степени обязан изречениям Д. Энтони.

Таким образом в индоевропеистике появились попытки локализовать прародину индоевропейцев в непосредственной близости от других умелых коневодов – тюрков и монголов – в Центральной Азии (Р. Гюнтерт, В. Копперс), на Южном Урале (У. Бранденштейн). Зато, А. Неринг допускал возможность идентификации части индоевропейцев с носителями трипольской культуры. Многочисленные исследования посвящены анализу

индоиранских коневодческих терминов. В.И. Абаевым были рассмотрены индоиранские соответствия слов: «двухколесная телега» (арба), «ярмо», «колесо», «подпруга», «узда». Специальное исследование индоиранской терминологии, связанной с колесным транспортом и лошадью было проведено Бейли, показавшим, что к обще индоевропейским относятся даже названия многих специальных частей упряжи [22, с. 68-69].

Историографический «миф о всаднике» упрощает реальную картину: пасторализм и коневодство действительно повышали мобильность и военный потенциал, но их роль была комплексной и регионально вариативной; решающие механизмы расселения включали освоение повозок, трансграничные обмены, экологические и демографические факторы.

Попытки локализовать прародину индоевропейцев в зонах развитого коневодства (Понтийско-Каспийские степи, Южный Урал, прилегающие регионы) логичны, но требуют строгой верификации: убедительные выводы возможны лишь при согласовании хронологий (радиоуглеродные датировки), археологических маркеров мобильности и лингвистической реконструкции терминологии.

Выводы.

Таким образом, история индоевропеистики тесно переплетена с идеологическими контекстами разных эпох: от романтизированных представлений XVIII-XIX вв. и «арийского мифа» до советской традиции минимизации этнокультурных противопоставлений. Этот опыт демонстрирует, насколько легко лингвистические реконструкции и археологические наблюдения превращались в политизированные нарративы, подпитывавшие расовые теории и националистические проекты.

Современные исследования предлагают несколько конкурирующих, но аргументированных моделей прародины индоевропейцев – анатолийскую, балканскую, центральноевропейскую и степную (понтийско-каспийскую). Наибольшее внимание уделяется степной гипотезе, опирающейся на археологические комплексы (включая курганные традиции) и поддержанной рядом лингвистических реконструкций. Методологическая эволюция демонстрирует переход от «лингвистической палеонтологии» к междисциплинарному подходу, где археология, лингвистика и генетика согласуются через строгие хронологии, материальные маркеры мобильности и терминологические соответствия.

Редукционистский «миф о всаднике», сводящий механизмы индоевропейской экспансии к коневодству и военной мобильности, требует пересмотра: роль лошади и колесного транспорта была важной, но регионально вариативной. Для убедительной локализации прародины необходимы калиброванные датировки, сопоставление хозяйственно-культурной лексики

с археологическими данными, учет новых археогенетических результатов и трезвая оценка альтернативных центров (Центральная Европа, Анатолия, Балканы) без методологических сокращений.

Практический вывод заключается в необходимости системного историографического обзора и лучшей интеграции отечественных исследований в международную повестку. Недостаточное внимание к индоевропейской проблематике в российской науке ведет к недооценке собственных результатов и к воспроизводству устаревших схем. Перспективы связаны с целенаправленным междисциплинарным синтезом, прозрачными критериями верификации и выработкой моделей, лишенных внутренних противоречий и согласующихся с совокупностью лингвистических, археологических и генетических свидетельств.

Библиографический список:

1. Агаркова М.И., Снопкова А.С. К вопросу о малоазийской теории индоевропейской прародины // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VI Международной научной конференции. – Донецк, 2021. Том 7. С. 150-152.
2. Burrow T. The Sanskrit Language. – Delhi: Motilal Banarsidass Publisher, 2001. 444 p.
3. Красухин К.Г. Сравнительно-историческое языкознание: введение в индоевропейское языкознание: учебник для вузов – М.: Издательство Юрайт, 2021. 314 с.
4. Scaliger J.J. Diatriba de Europaeorum linguis. // URL: https://archive.org/de-tails/bub_gb_kHZQCe3x6LoC/page/n5/mode/2up (Дата обращения: 10.09.2025).
5. Marcus van Boxhorn: uitvinder van de Europese oertaal. // URL: https://web.ar-chive.org/web/20050920221330/http://www.leidenuniv.nl/mare/2004/32/libri13.html (Дата обращения: 26.08.2025).
6. Blench R. Archaeology and Language: Methods and Issues // Semanticscholar. // URL: https://www.academia.edu/2775948/Archaeology_and_Language_methods_and_issues (Дата обращения: 26.08.2025).
7. Кочергина В.А. Учебник санскрита. – М.: Филология, 1994. 336 с.
8. Агаркова М.И. Становление и развитие индоевропеистики в России как проблемное поле интеллектуальной истории // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Т. 7: Исторические науки. Донецк, 2019. С. 154-156.
9. Волошина О.А. Фридрих Шлегель и Франц Бопп (флексия и агглютинация как две тенденции развития индоевропейского слова) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2014. № 1. С. 33-46.
10. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2015. Т. 1. 519 с.
11. Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. – М: Наука. Главная редакция восточной литературы., 1989. 303 с.
12. Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории. М.: «Зерцало», 2005. 496 с.
13. Конча С.В. Проблема походження прабатьківщини індоєвропейців в історіографії // Археологія. 1998. № 3. С. 77-90.
14. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. – Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1989. 398 с.
15. Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 270 с.
16. Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры / Л.С. Клейн // СА. 1970. № 2. С.37-51.
17. Мэллори Дж. П. Индоевропейские прародины / Дж. П. Мэллори // ВДИ. 1997. № 1. С.61-82.
18. Кузьмина Е.Е. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы / Е.Е. Кузьмина // ВДИ. 1988. № 2. С. 35-59.
19. Вопросы скифо-сарматской археологии / отв.ред. Д.Б. Шелов // По материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. 249 с.
20. Каменецкий И.С. Археологическая культура, ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С.18-36.
21. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейская прародина и расселение индоевропейцев: полвека исследований и обсуждений // Journal of Language Relationship // Вопросы языкового родства. № 9. 2013. С. 109-136.
22. Кузьмина Е.Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. 1974. № 4 (130). С. 68-87.

23. Долгенко А.Н., Мурашко С.Ф., Рудакова С.В. О языке права в юридической лингвистике // Альманах Казачество. 2020. № 47. С. 102-107.

Reference

1. Agarkova M.I., Snopkova A.S. On the Asia Minor Theory of the Indo-European Homeland // Donetsk Readings 2021: Education, Science, Innovation, Culture, and Challenges of Our Time: Proceedings of the VI International Scientific Conference. – Donetsk, 2021. Vol. 7. P. 150-152.
2. Burrow T. The Sanskrit Language. – Delhi: Motilal Banarsidass Publisher, 2001. 444 p.
3. Krasukhin K.G. Comparative-historical linguistics: introduction to Indo-European linguistics: textbook for universities – Moscow: Yurait Publishing House, 2021. 314 p.
4. Scaliger J.J. Diatriba de Europaeorum linguis. // URL: https://archive.org/de-tails/bub_gb_kHZQCe3x6LoC/page/n5/mode/2up (Accessed: 10.09.2025).
5. Marcus van Boxhorn: uitvinder van de Europese oertaal. // URL: https://web.ar-chive.org/web/20050920221330/http://www.leidenuniv.nl/mare/2004/32/libri13.html (Accessed: 26.08.2025).
6. Blench R. Archaeology and Language: Methods and Issues // Semanticscholar. // URL: https://www.academia.edu/2775948/Archaeology_and_Language_methods_and_issues (Accessed: 26.08.2025).
7. Kochergina V.A. Sanskrit Textbook. – Moscow: Philology, 1994. 336 p.
8. Agarkova M.I. Formation and Development of Indo-European Studies in Russia as a Problem Field of Intellectual History // Donetsk Readings 2019: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Our Time. Vol. 7: Historical Sciences. Donetsk, 2019. P. 154-156.
9. Voloshina O.A. Friedrich Schlegel and Franz Bopp (inflection and agglutination as two tendencies in the development of the Indo-European word) // Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology. 2014. № 1. P. 33-46.
10. Shnirelman V.A. The Aryan Myth in the Modern World. Moscow: New Literary Review, 2015. Vol. 1. 519 p.
11. Historical Accentology and Comparative Historical Method. Moscow: Nauka. Main Editorial Board of Eastern Literature, 1989. 303 p.
12. The National Idea in Western Europe in the Modern Age. Essays on History. Moscow: Zertsalo, 2005. 496 p.
13. Koncha S.V. The Problem of the Progress of Indo-Europeans in History // Archaeology. 1998. № 3. P. 77-90.
14. Safronov V.A. Indo-European Homelands. – Gorky: Volga-Vyatka Book Publishing House, 1989. 398 p.
15. Child G. Aryans. Founders of European Civilization. – Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2007. 270 p.
16. Klein L.S. The Problem of Defining Archaeological Culture / L.S. Klein // SA. 1970. № 2. P. 37-51.
17. Mallory J.P. Indo-European Homelands / J.P. Mallory // VDI. 1997. № 1. P. 61-82.
18. Kuzmina E.E. Cultural and Ethnic Attribution of the Pastoral Tribes of Kazakhstan and Central Asia in the Bronze Age / E.E. Kuzmina // VDI. 1988. № 2. P. 35-59.
19. Issues of Scythian-Sarmatian Archaeology / ed. D.B. Shelov // Based on the materials of the conference of the Institute of Material Culture of the USSR Academy of Sciences in 1952. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952. 249 p.
20. Kamenetsky I.S. Archaeological Culture, Its Definition and Interpretation // SA. 1970. № 2. P. 18-36.
21. Gamkrelidze T.V., Ivanov Vyach.Vs. The Indo-European Homeland and the Dispersal of the Indo-Europeans: Half a Century of Research and Discussions // Journal of Language Relationship // Issues of Language Kinship. № 9. 2013. P. 109-136.
22. Kuzmina E.E. Wheeled transport and the problem of ethnic and social history of the ancient population of the southern Russian steppes // VDI. 1974. № 4 (130). P. 68-87.
23. Dolgenko A.N., Murashko S.F., Rudakova S.V. On the Language of Law in Juridical Linguistics // Almanac Cossacks. 2020. № 47. P. 102-107.

Басов Д.С.
Аспирант. ФГАОУ ВО «Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского», г. Омск.

Сравнительный анализ политических режимов СССР и Аргентины в 1920-1930-е гг. XX в.*

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ политических систем СССР и Аргентины в 1920– 1930-е гг. XX в. Исследуется соотношение конституционно-правовых норм и реального механизма осуществления власти. Актуальность темы обусловлена тем, что обе страны в межвоенный период пережили масштабную трансформацию институтов власти, однако пришли к различным моделям политической организации: в СССР сложилась централизованная однопартийная система мобилизационного типа, тогда как в Аргентине при сохранении конституционной формы республиканского государства произошло смещение к военно-консервативному контролю, опиравшемуся на переворот 1930 г., судебную легитимацию режима de facto и практики электорального и административного ограничения конкуренции. Объектом исследования выступают политические системы СССР и Аргентины в 1920– 1930-е гг. XX в. Предмет исследования составляют институциональные механизмы формирования и функционирования верховной власти, роль партий, армии, избирательного законодательства и правовых актов в обеспечении политического господства. Методологическую основу составили сравнительно-исторический, институциональный, историко-правовой и системный методы. Установлено, что сходство двух систем проявлялось в высокой степени централизации, в приоритете политической мобилизации над процедурной конкуренцией и в расширении роли государства в управлении обществом. Различия заключались в характере легитимации власти, партийной структуре, степени институционализации репрессии, конфигурации представительства и месте вооружённых сил в политическом механизме. Показано, что в СССР основой режима являлось слияние партии и государства, а в Аргентине – сочетание формального конституционализма с фактическим доминированием армии, исполнительной власти и консервативных коалиций.

Ключевые слова: СССР, Аргентина, политическая система, государственная власть, однопартийность, военный переворот, конституция, выборы.

Basov D.S.
Graduate student. Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk.

* © Басов Д.С., 2026.

Comparative analysis of the political regimes of the USSR and Argentina in the 1920s and 1930s

Abstract. The article offers a comparative analysis of the political systems of the USSR and Argentina in the 1920s–1930s. It focuses on the correlation between constitutional norms and the actual mechanisms of power. The relevance of the topic stems from the fact that both states experienced profound institutional transformations in the interwar period, yet developed different models of political order. In the USSR, a centralized one-party mobilizational system emerged; in Argentina, the republican constitutional framework formally remained in place, but political practice shifted toward military-conservative domination after the 1930 coup, the judicial recognition of the de facto government, and the restriction of electoral competition. The object of the study is the political systems of the USSR and Argentina in the interwar period. The subject of the study includes institutional mechanisms of supreme power, the role of parties, the army, electoral legislation, and legal acts in sustaining political domination. The methodological basis includes comparative-historical, institutional, legal-historical, and systemic approaches. The study demonstrates that both systems shared a high degree of centralization and the subordination of representative mechanisms to broader state goals. At the same time, they differed significantly in the sources of legitimacy, the structure of political representation, the role of coercion, and the place of the armed forces in the architecture of power. The article concludes that the USSR represented a consolidated party-state model, whereas Argentina combined formal constitutional continuity with authoritarian transformation.

Key words: USSR, Argentina, political system, state power, one-party system, military coup, constitution, elections.

Сопоставление политических систем СССР и Аргентины в 1920– 1930-е гг. представляет научный интерес по двум причинам. Во-первых, обе страны в рассматриваемый период переживали ускоренную перестройку механизмов власти. Во-вторых, при различии социально-экономических укладов и идеологических оснований в них обнаруживаются сходные тенденции: усиление исполнительного начала, рост роли государства, кризис либерально-парламентских процедур и понижение значения реальной политической конкуренции. Как справедливо подчеркивает Д. С. Басов, межвоенный период в отношениях и восприятии СССР и Аргентины требует именно сопоставительного ракурса, поскольку он позволяет увидеть не только различия исторических траекторий, но и общие закономерности политической модернизации нестабильного типа [10, с. 78-80].

Цель исследования состоит в выявлении сходства и различий политических систем СССР и Аргентины в 1920-1930-е гг. Для достижения этой цели необходимо решить три задачи: 1) определить нормативную конструкцию власти в обеих странах; 2) сопоставить реальные механизмы политического господства; 3) установить степень расхождения между

юридической формой и политической практикой. Объект исследования – политические системы СССР и Аргентины в межвоенный период. Предмет исследования – институты верховной власти, партийная организация, избирательные механизмы, судебно-правовые основания легитимации и методы политического контроля.

Методологическую основу составили сравнительно-исторический, историко-правовой, институциональный и системный методы. Сравнительно-исторический метод позволил выявить совпадающие тенденции и принципиальные различия; историко-правовой – сопоставить нормы Конституции СССР 1924 и 1936 гг., Положения о выборах в Верховный Совет СССР 1937 г., Конституции Аргентины 1853 г., Закона № 8871 от 13 февраля 1912 г. и актов, возникших после переворота 6 сентября 1930 г.; институциональный – проанализировать взаимодействие партий, армии, исполнительной власти и представительных органов; системный – показать, как отдельные институты образовывали целостный политический режим. Основу источниковой базы составили документы, обозначенные в позициях 1-9, и исследования, указанные в позициях 10-26.

Нормативная модель Аргентины исходно сохраняла классическую республиканско-федеральную конструкцию. Конституция закрепляла верховенство основного закона, двухпалатный Конгресс, прямое избрание депутатов, по два сенатора от каждой провинции и двух от столицы, шестилетний срок полномочий президента, а также президентскую форму исполнительной власти [2, p. 13; 2, p. 14-15]. Закон № 8871 оформил обязательное, тайное и всеобщее для мужчин голосование с 18 лет, что стало важным механизмом политической интеграции [4]. После 1930 г. формальная конституционная рамка не была отменена, однако судебная acordada 10 сентября 1930 г. признала временное правительство de facto, фактически допустив разрыв между конституционной формой и источником власти [1].

Нормативная модель СССР развивалась в иной логике. Декларация об образовании Союза ССР от 30 декабря 1922 г. фиксировала создание союзного государства на основе объединения четырёх республик – РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР [3, с. 3-4]. Конституция СССР 1924 г. юридически завершила федеративное оформление нового государства. Согласно её положениям, верховная власть строилась через Съезд Советов, Центральный Исполнительный Комитет и его две палаты; при этом Совет Национальностей формировался из представителей союзных и автономных республик, а Союзный Совет – пропорционально населению [7, с. 3-19]. Конституция 1936 г. изменила институциональную схему: Верховный Совет СССР стал двухпалатным парламентом, где Совет Союза избирался по норме один депутат на 300 тыс. населения, а Совет Национальностей – по квотам национально-территориального представительства [6; 8, с. 421-433].

Таблица 1. Формально-правовые характеристики политических систем СССР и Аргентины в 1920– 1930-е гг.

Критерий	СССР	Аргентина
Базовый акт	Конституция СССР 1924 г.; Конституция СССР 1936 г.	Конституция Аргентины 1853 г. с последующими реформами
Форма государства	Союзное федеративное социалистическое государство	Федеративная республика
Верховный представительный орган	До 1936 г. – Съезд Советов и ЦИК; с 1936 г. – Верховный Совет СССР	Национальный конгресс: Палата депутатов и Сенат
Принцип представительства	Сочетание демографического и национально-территориального	Депутаты – по населению; сенаторы – по территориям
Избирательная модель	К 1937 г. формально всеобщее, равное, прямое и тайное голосование	После Закона № 8871 – тайное, обязательное мужское голосование
Роль партии	Системообразующее руководство ВКП(б)	Многопартийность формально сохранялась
Роль армии	Подчинена партийно-государственной системе	После 1930 г. армия – самостоятельный политический фактор

На уровне правовой формы обе системы включали представительные институты и процедуры участия. Однако уже нормативный анализ обнаруживает принципиальное различие: в СССР партийное руководство не выводилось за рамки политической системы, а фактически задавало её ядро, тогда как в Аргентине партийность сосуществовала с конституционной системой разделения властей и формальной электоральной конкуренцией [9; 11, с. 68-72].

Первое сходство состояло в высокой степени централизации. В СССР данный процесс носил открытый и институционально закреплённый характер. Уже в Декларации 1922 г. союзное объединение осмыслялось как ответ на глобальный конфликт двух систем; не случайно в документе говорилось, что государства мира «раскололись на два лагеря» [3, с. 3]. В дальнейшем, как отмечает В.Я. Беккер, политическая власть в СССР эволюционировала от революционно-советской множественности к жёсткой централизованной иерархии, в которой партия превратилась в основное звено политического управления [11, с. 68-74]. В Аргентине централизация усилилась после переворота 1930 г., но здесь она не была прямо вписана

в новую конституционную модель; напротив, происходило сохранение прежней юридической оболочки при фактическом сужении автономии политических институтов [17, p. 2-4].

Второе сходство – подчинение выборов более широким задачам политического контроля. В СССР Положение о выборах в Верховный Совет СССР от 9 июля 1937 г. юридически закрепляло всеобщее участие граждан с 18 лет, прямой и тайный характер голосования, а также единые правила по всей стране [8, с. 421-433]. Но, как показывает Ш. Фицпатрик, выборные процедуры в 1930-е гг. сосуществовали с режимом повседневного административного давления, социальной дисциплины и страха, что превращало их в механизм подтверждения уже сложившейся вертикали [13, p. 210-212]. В Аргентине, напротив, Закон № 8871 создал реальную основу электоральной мобилизации ещё в 1910-е гг., однако после 1930 г. выборы всё чаще оказывались встроенными в практику ограниченной конкуренции и манипуляции, получившей в историографии обозначение как fraude patriótico [17, p. 40-44; 23, p. 241-243].

Третье сходство связано с усилением идеологического измерения власти. В СССР идеология имела официально-государственный статус и определяла легитимность режима. Устав ВКП(б), утверждённый решениями партийного форума 1934 г., закреплял партию как «передовой, организованный отряд рабочего класса» и высшую форму его организации [9]. В Аргентине единая государственная идеология отсутствовала, однако в 1930-е гг. заметно выросло влияние правонационалистических, корпоративистских и католико-традиционалистских концепций, стремившихся переопределить либеральную республику в авторитарном направлении [20; 22]. Следовательно, обе системы усиливали идейно-политическое измерение власти, но делали это в разных институциональных формах: СССР – через официальную монополию, Аргентина – через идеологизацию правых и военных кругов.

Принципиальные различия проявлялись прежде всего в источнике легитимности. В СССР источником власти провозглашались трудящиеся, представленные советами; однако реальная политическая субъектность концентрировалась в партийно-государственном аппарате. Конституция 1936 г. устанавливала, что вся власть принадлежит трудящимся в лице Советов депутатов трудящихся, но историки справедливо Ёуказывают на фактическое слияние партийного и государственного уровней управления [6; 24, p. 256-262]. В Аргентине до 1930 г. источником власти оставалась конституционная электоральная процедура; после переворота значительную роль стала играть доктрина де-факто правительства, согласно которой фактическое обладание силой и контроль над порядком обеспечивали временную юридическую действенность власти [1]. Иными словами, в СССР

легитимность строилась на революционно-идеологическом и институционально-партийном основании, а в Аргентине после 1930 г. – на сочетании конституционной риторики и фактического господства силы.

Существенным различием была и роль армии. В советской системе армия являлась инструментом государства и партии, не превращаясь в автономный центр принятия верховных политических решений. В Аргентине же армия после 6 сентября 1930 г. выступила непосредственным субъектом политической смены режима. Уже в манифесте Х.Ф. Урибуру переворот обосновывался необходимостью восстановления порядка и преодоления кризиса управления [5]. Р. Поташ и Т. Хальперин Донги показывают, что армия в аргентинской политике 1930-х гг. не просто поддерживала исполнительную власть, а формировала новую логику политического арбитража, которая затем неоднократно воспроизводилась [17, p. 2-5; 21].

Таблица 2. Реальные механизмы политического господства в СССР и Аргентине.

Параметр	СССР	Аргентина
Реальный центр власти	Политбюро, ЦК ВКП(б), партийно-государственный аппарат	Военно-консервативные элиты, президентская власть, провинциальные сети влияния
Характер партийной системы	Однопартийность	Формальная многопартийность при ограниченной конкуренции
Функция выборов	Мобилизационно-легитимационная	Селективно-легитимационная, нередко контролируемая
Роль репрессии	Системная и институционализированная	Избирательная, политико-полицейская, менее тотализированная
Роль суда	Подчинённость общей системе политического управления	Судебная легитимация режима de facto
Роль армии	Исполнительный ресурс режима	Самостоятельный политический арбитр

В СССР к концу 1930-х гг. сложилась тотализирующая партийно-государственная модель, в которой политическая, административная и идеологическая вертикали были соединены. Дж. А. Гетти и О.В. Наумов показывают, что внутренняя динамика режима 1930-х гг. определялась не только личной властью Сталина, но и логикой саморазрушения большевистской элиты в условиях постоянной чистки и перераспределения власти [16, p. 9-14]. В Аргентине же имело место не полное уничтожение старых институтов, а их переработка под контролем консервативно-военных сил, что

обеспечивало сочетание конституционной непрерывности и фактического ограничения демократии [12; 22].

Сопоставление показывает, что механическое отождествление обеих систем как «авторитарных» недостаточно. В СССР политическая система была замкнута на партийную монополию, централизованное планирование, идеологическое единство и постоянную мобилизацию. С. Коткин рассматривает сталинизм не только как набор репрессивных практик, но и как особую цивилизационную модель, в которой государство формировало новые социальные нормы, политический язык и тип лояльности [19]. Это означает, что советская политическая система 1930-х гг. не сводилась к принуждению: она создавала целостную структуру социально-политического воспроизводства.

Аргентинский случай был иным. Здесь сохранились федерализм, двухпалатный парламент, президентская республика и юридическая значимость Конституции 1853 г. Однако после 1930 г. эти институты функционировали в условиях деформации представительства. По наблюдению Т. Хальперина Донги, 1930-е гг. открыли «решающую развилку», на которой страна не отказалась от республиканского языка, но стала систематически подчинять его логике политического исключения и управляемого электорального процесса [17, p. 2; 17, p. 40]. Поэтому аргентинская модель должна пониматься как гибридная: формально-конституционная, но фактически ограниченно-плюралистическая и во многом контролируемая.

Проведённый анализ позволяет установить, что политические системы СССР и Аргентины в 1920– 1930-е гг. имели как структурные сходства, так и принципиальные различия. К числу сходств относятся: 1) усиление централизации; 2) снижение роли реальной электоральной конкуренции; 3) рост значения государства как основного организатора общественной жизни; 4) использование правовых механизмов для политической легитимации уже сложившегося соотношения сил.

Различия были более существенными. СССР сформировал однопартийную мобилизационную систему, в которой партия определяла кадровую, идеологическую и институциональную архитектуру власти. Аргентина же сохранила конституционно-республиканскую форму, но после переворота 1930 г. допустила превращение армии в активного политического арбитра, а судебной власти – в канал частичной легитимации режима de facto. Тем самым советская система представляла собой завершённую модель партийно-государственной монополии, тогда как аргентинская – форму авторитарного дрейфа внутри неполностью разрушенного конституционного порядка.

Научный результат исследования заключается в уточнении сравнительной характеристики двух межвоенных режимов. Сходство между ними не

должно скрывать качественной разницы: в СССР политическая система была институционально цельной и идеологически монополистической, в Аргентине – юридически двойственной и политически неоднородной. Именно эта разница определила различие дальнейших траекторий развития обеих стран во второй половине XX в.

Библиографический список / Reference

1. Acordada sobre reconocimiento del Gobierno Provisional de la Nación: sentencia de 10 de septiembre de 1930 // Corte Suprema de Justicia de la Nación Argentina.
2. Constitución de la Nación Argentina (texto histórico de 1853 con posteriores reformas) // Senado de la Nación Argentina.
3. Declaración об образовании Союза Советских Социалистических Республик. 30 декабря 1922 г. // Известия ВЦИК. 1922. 31 дек. № 293.
4. Ley № 8871 de Elecciones Nacionales. 13 feb. 1912 // Boletín Oficial de la República Argentina. 26 mar. 1912.
5. Manifiesto del presidente de facto general José Félix Uriburu. 6 de septiembre de 1930.
6. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Москва, Кремль, 5 декабря 1936 г.
7. Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утвержден II съездом Советов Союза ССР). 31 января 1924 г. – М.: 1924. С. 3-19.
8. Положение о выборах в Верховный Совет СССР. 9 июля 1937 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1937. № 43. Ст. 182. С. 421-433.
9. Семнадцатый съезд ВКП(б). Москва. 26 января – 10 февраля 1934 г. Резолюции и постановления съезда. Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). – М.: 1934.
10. Басов Д. С. СССР и Аргентина в межвоенное время в отечественной историографии // Сибирский исторический журнал. 2025.
11. Беккер В.Я. Эволюция системы политической власти в СССР // Вестник Томского государственного университета. 2017.
12. Falcoff M., Dolkart R.H. (eds.). Prologue to Perón: Argentina in Depression and War, 1930– 1943. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1975.
13. Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York: Oxford University Press, 1999.
14. Fitzpatrick S. The Russian Revolution. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2017.
15. Getty J. Arch. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
16. Getty J. Arch., Naumov O.V. The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven; London: Yale University Press, 1999.
17. Halperín Donghi T. La república imposible (1930–1945). Buenos Aires: Emecé, 2007.
18. Казаков В.П. Радикалы и советско-аргентинские отношения (по материалам отечественных архивов) // Латинская Америка. 2009.
19. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995.
20. Львович Д. Правый национализм в Аргентине XX века: между католическим традиционализмом и фашизмом // Латинская Америка. 2015.
21. Potash R.A. The Army and Politics in Argentina, 1928–1945: Yrigoyen to Perón. Stanford: Stanford University Press, 1969.
22. Rock D. Authoritarian Argentina: The Nationalist Movement, Its History, and Its Impact. Berkeley: University of California Press, 1993. Ссылка
23. Rock D. Politics in Argentina, 1890–1930: The Rise and Fall of Radicalism. London: Cambridge University Press, 1975.
24. Suny R.G. The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States. New York: Oxford University Press, 1998.
25. Walter R.J. Politics and Urban Growth in Buenos Aires, 1910–1942. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
26. Waisman C.H. The Reversal of Development in Argentina. Princeton: Princeton University Press, 1987.

Григорьев М.А.
Аспирант 2 курса. Тюменский государственный университет, г. Тюмень. SPIN-код: 7776-3152

Веспасиано да Бистиччи как культурный посредник: реконструкция интеллектуальных сетей Флоренции XV века*

Аннотация. В статье осуществляется комплексный анализ деятельности флорентийского книготорговца и биографа Веспасиано да Бистиччи (1421– 1498) в контексте социальной истории знания эпохи Раннего Возрождения. Фигура Бистиччи рассматривается в качестве ключевого культурного посредника, чьи многоуровневые сети связали воедино мир гуманистической учености, экономическую мощь патронов-меценатов и ремесленное производство рукописной книги. Цель исследования заключается в реконструкции структуры и функциональных особенностей этих интеллектуальных сетей, основанной на критическом синтезе данных нарративных источников и архивных документов. Методологическую основу составляет комбинация просопографического анализа, источниковедческой критики и методов исторической антропологии. В результате доказано, что мастерская Веспасиано функционировала как централизованный хаб, обеспечивавший не только материальное воплощение гуманистических проектов, но и формировавший каналы циркуляции текстов, идей и эстетических стандартов в общеевропейском масштабе. Делается вывод о необходимости переосмысления его роли от пассивного поставщика к активному архитектору флорентийской культурной среды Кватроченто.

Ключевые слова: Веспасиано да Бистиччи, Флоренция XV века, культурное посредничество, интеллектуальные сети, история книги, гуманизм, Медичи, рукописная мастерская, социальная история знания.

Grigoriev M.A.
Second-year graduate student. Tyumen State University, Tyumen. SPIN-code: 7776-3152

Vespasiano da Bisticci as a cultural mediator: reconstructing the intellectual networks of 15th-century Florence

* © Григорьев М.А., 2026.

Abstract. A comprehensive analysis of the work of the Florentine bookseller and biographer Vespasiano da Bisticci (1421-1498) within the context of the social history of knowledge in the Early Renaissance is provided in this article. Bisticci is examined as a key cultural intermediary whose multilayered ties linked the world of humanistic scholarship, the economic power of patrons the arts and the handcraft production of manuscript books. The study is aimed at the reconstruction of the structure and functional characteristics of these intellectual networks based on a critical synthesis of narrative sources and archival documents. The methodological basis is a combination of prosopographical analysis, source criticism and historical anthropological methods. As the result, it is proven that workshop of Vespasiano has functioned as centralized hub, not only providing the material embodiment of humanistic projects but also shaping the channels for the circulation of texts, ideas, and aesthetic standards on a pan-European scale. The conclusion about the need to rethink his role from passive provider to active architect of the Florentine cultural environment of the Quattrocento is drawn.

Key words: Vespasiano da Bisticci, 15-th century Florence, cultural mediation, intellectual networks, history of the book, humanism, Medici, manuscript workshop, social history of knowledge.

Введение

Актуальность темы и историографический контекст

Изучение генезиса и распространения ренессансного гуманизма традиционно фокусировалось на интеллектуальном содержании различного рода текстов, биографиях выдающихся мыслителей или политическом контексте итальянских государств. Однако, зафиксированный интеллектуальный сдвиг, был бы невозможен без сложной инфраструктуры, обеспечивавшей материальное производство, распространение и легитимацию совершенно новой формы знания. В последние десятилетия в современной исторической науке наметился так называемый «материальный поворот», сместивший внимание исследователей на практики создания, передачи и потребления культурных объектов [1, p. 12]. В рамках этого подхода фигура книготорговца-предпринимателя выходит на передний план, превращаясь из второстепенного посредника распространения знания в ключевого актора цельного интеллектуального процесса.

Роль Веспасиано да Бистиччи в историографии долгое время сводилась до факта авторства сборника «Vite di uomini illustri del secolo XV», где она рассматривался как ценный, но требующий осторожной критики источник сведений о современниках [2, p. 9]. Профессиональная деятельность Веспасиано да Бистиччи как организатора важнейшей во Флоренции мастерской по производству рукописных книг высокого качества часто упоминалась лишь фрагментарно, как исторический курьез на рубеже эпохи книгопечатания. Лишь в работах последней трети XX века, таких как исследования Альбины де ла Маре и Бертрама Уллмана, была начата систе-

матическая работа по атрибуции почерков переписчиков и анализу производственных практик, что косвенно высветило масштаб операций [3, p. 15]. Кардинальный сдвиг произошел с публикацией труда Кристофера Бюлера и, в особенности, с выходом монографического исследования архивных следов деятельности книготорговца [4, p. 105]. Тем не менее, сохраняется значительный историографический пробел: отсутствие работы, которая бы рассматривала Веспасиано не как обычного мастера или биографа, а как важнейший и системообразующий элемент динамичной сети социальных, экономических и интеллектуальных обменов. Данное исследование призвано заполнить возникший пробел, предложив репрезентацию целостной модели его посредничества, которое было основано на комплексном анализе доступных источников.

Цель, задачи и методологическая основа исследования

Целью данной работы является реконструкция и многоуровневый анализ роли Веспасиано да Бистиччи как культурного посредника, чья деятельность сформировала уникальную коммуникативную платформу для взаимодействия интеллектуальных элит Флоренции в период раннего Ренессанса. Необходимо доказать, что мастерская Веспасиано функционировала как социокультурный институт, обеспечивавший конвертацию финансового успеха в символический и наоборот.

Для достижения в этой работе поставленной цели необходимо выделить следующие **задачи**:

1. На основе просопографического анализа и данных деловой документации реконструировать социальный портрет Веспасиано, уделив особое внимание механизмам формирования его профессиональной репутации и экономическим стратегиями в среде флорентийского книжного рынка.

2. Выявить и структурировать центры взаимосвязи его интеллектуальных сетей, выделив связи с:

А) Гуманистами-интеллектуалами в лице Марсилио Фичино, Поджо Браччолини и Никколо Никколи, где посредничество заключалось в ретрансляции идей в материальную форму и поиске некого покровительства.

Б) Заказчиками-патронами такими как, Козимо и Лоренцо Медичи, Папа Николая V, король Матвея Корвина и Альфонсо Неаполитанского, где ключевым аспектом становилась функция удовлетворения запросов на репрезентацию власти через приобщение к культуре.

В) Ремесленниками, которые были представлены в виде таких профессий как, переписчики, иллюминаторы, переплетчики, отношения с которыми строились на контрактной основе и предполагали контроль качества и соблюдение сроков выполнения работы.

3. Проанализировать конкретные инструменты и стратегии, которые

делали посредничество Веспасиано эффективным: от гибких финансовых схем и информационной дирекции, до использования рукописной книги в качестве элемента культурной дипломатии.

Методологическая основа исследования носит междисциплинарный характер. Ведущим в исследовании является **просопографический метод**, позволяющий не просто перечислить контакты книготорговца, но, в первую очередь, выявить устойчивый образ взаимодействия, социальный состав его круга и эволюций связей во времени [5, p. 23]. Данный метод дополняется **микроисторическим подходом**, фокусирующимся на детальном анализе отдельных сделок, контрактов и конфликтов, которые рассматриваются как примеры, раскрывающие общую структуру функционирования рынка рукописных книг. **Источниковедческий критицизм** применяется для установления достоверности свидетельств «Vite di Uominni Illustri» Веспасиано путем их проверки с данными его памятной книги, нотариальных актов и счетов из фондов Медичи [6].

Ключевой корпус источников включает как опубликованные материалы, так и архивные документы. К первым относятся биографические источники, например, «Vite di Uomini Illustri del Secolo XV», переписка Марсилио Фичино. Ко вторым – документы из **Archivio di Stato di Firenze**: финансовые отчеты семейства Медичи (**Mediceo avanti il Principato**), а также личные записи Веспасиано, хранящиеся в **Biblioteca Medicea Laurenziana**. Сопоставление этих источников позволяет преодолеть субъективность мемуаров и создать объемную картину его деятельности.

Научная новизна и перспективы исследования

Научная новизна данной работы заключается в комплексном подходе к фигуре Веспасиано, который позволил преодолеть фрагментарность предыдущих исследований. Впервые его коммерческая, социальная и интеллектуальная деятельность рассмотрена как единая система, где производство рукописной книги является отправной точкой взаимодействия разнородных акторов.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в следующих направлениях:

1. Создание реляционной базы данных на основе всех упоминаний контактов в личных записях, переписке и нотариальных актах с последующей визуализацией. Это позволит выделить специфическую флорентийскую модель и ее преимущества.

2. Сопоставление практик Веспасиано с деятельностью его современников в других центрах – венецианских торгующих монахов, римских антикваров, университетских станционеров в Болонье.

3. Детальный материальный анализ сохранившихся рукописей, вы-

шедших из мастерской, которые у нас имеются в виде водяных знаков на бумаге, состава чернил, техника золочения и маргиналий на страницах, в соотнесении с архивными записями о платежах может позволить реконструировать повседневную организацию труда и технологические процессы в изготовлении новой формы аккумуляции и распространения знаний.

Включение Веспасиано да Бистиччи в более обширный контекст «экономики знаний» эпохи Возрождения открывает новые пути для понимания того, как идеи обретают материальную форму, а материальные объекты, в свою очередь, формируют интеллектуальный ландшафт целой эпохи.

Веспасиано да Бистиччи: социальный портрет и профессиональная идентичность

Генезис профессиональной деятельности Веспасиано да Бистиччи является во многом типичным для флорентийского мастера эпохи раннего Возрождения, но с существенной спецификой, которая обусловлена уникальностью его товара – знаний. Родившись в 1421 году в семье, которая занималась торговлей шерстью, он был направлен в ученики к книготорговцу Микеле Гвардуччи примерно в середине 1430-х годов [7, с. 89]. В мастерской Гвардуччи ещё юный Веспасиано приобретал не только технические навыки оценки пергамента, организации переписки и основ торговли, но и что более важно – усваивал систему неформальных связей, составлявших основу флорентийского библиофильского сообщества. Его работа в юношестве совпадало с периодом формирования первого поколения «охотников за манускриптами», или коллекционеров-гуманистов, таких как Никколо Никколи, чья знаменитая библиотека, описанная в описях 1431 года, служила образцом и самым настоящим учебным пособием для кардинально нового типа собирательства [2, p. 473].

К 1440-м годам Веспасиано основывает собственную мастерскую на «Виа деи Либраи», в непосредственной близости от финансового и политического центра города в районе Сан-Лоренцо. Этот выбор локации был символичен и, вполне вероятно, стратегически рассчитан. Эта мастерская быстро превратилась не просто в торговую точку, а в место встречи и коммуникации, своего рода кружок, где между собой пересекались интересы банкиров, церковников, философов, художников и гуманистов. Кульминацией и наивысшей точкой в его карьере стал период 1450-1460-х годов, когда он стал главным исполнителем нескольких грандиозных библиофильских проектов: создания публичной библиотеки Медичи в монастыре Сан-Марко и личной библиотеки неаполитанского короля Альфонсо V, а также формирования ядра будущей Ватиканской библиотеки для Папы Николая V. Эти заказы требовали не просто поставки отдельно взятых книг,

но и управления сложными производственными процессами, координации десятков специалистов и решения логистических задач [4, p. 110-115].

Однако уже в 1470-е годы его работе в сфере производства рукописных книг столкнулась с экзистенциальным вызовом – стремительным распространением книгопечатания в Италии. Ручное производство работ высокого качества, некогда бывшее его монополией, впоследствии не могло конкурировать с типографиями, к примеру с венецианской мастерской Альда Мануция. Этот кризис стал не только экономическим, но и мировоззренческим: как отмечал сам Веспасиано в своих заметках в сборнике биографий, печатная книга казалась ему продуктом довольно низкого качества, которое было лишено индивидуальности и ауры уникального артефакта [2, p. 198]. Его уход из этой деятельности в конце 1470-х и обращение к литературному труду по составлению биографий можно рассматривать как стратегию адаптации, попытку сохранить свой культурный капитал в быстроизменяющемся мире, перенеся его из сферы производства в сферу исторической памяти.

Уникальность позиции Веспасиано да Бистиччи заключалась в его способности занимать промежуточное, но при этом центральное положение в трех различных социальных системах, каждая из которых функционировала по своим правилам.

Основу его предприятия составляли конкретные отношения с ремесленниками, чьи навыки высоко котировались в производственной среде. Его мастерская не была мануфактурой с наемными работниками под одной крышей — это была распределенная сеть свободных профессионалов, связанных разовыми договорами. В нотариальном акте 1453 года отмечается соглашение с переписчиком Джованни Аретино из Флоренции, где Веспасиано обязуется предоставить «пергамен хорошего и добротного качества» и оригинал текста, а Аретино – выполнить работу «своей лучшей и наиболее аккуратной гуманистической скорописью». Контроль за качеством книг был строгим: почерк должен был соответствовать стандартам, которые ранее задал такой известный гуманист того времени, как Поджо Браччолини, чей письма стиль стал традиционным для гуманистических текстов [3, p. 56]. Отношения с иллюминаторами, такими как флорентиец Аттаванте, строились на еще более детальных параметрах. В договоре с Доменико ди Микелино (1455) перечислялись не только определённое количество инициалов и миниатюр, но и темы сюжетов, качество золота и лазурита. Таким образом, Веспасиано выступал в роли художественного наставника, трансформируя теоретические запросы заказчика в конкретное техническое задание для его исполнителя [8, p. 18].

На противоположной стороне находились заказчики, чьи потребности были далеки от ремесленных деталей. Например, для Козимо Медичи би-

блиотека в Сан-Марко была инструментом легитимации его власти: демонстрацией не только богатства, но и благочестия, образованности и соответствия идеалу мудрого правителя. Веспасиано, по сути, консультировал Козимо по формированию каталога библиотеки, предлагая тексты, которые отвечали этой комплексной задаче – от патристики и схоластики до недавно открытой классики автором античного прошлого [2, p. 246]. Для папы Николая V, известного как Томмазо Парентучелли, бывшего гуманиста, запрос был иным: создать в Риме, после возвращения из Авиньона, центр учености, способный соперничать с флорентийским. Веспасиано стал для Папы главным посредником по закупкам, действуя как доверенное лицо, понимающее как интеллектуальные запросы Николая V, так и практические аспекты новообразованного рынка рукописей. Его роль здесь выходила за рамки торговца – он был самым настоящим архитектором интеллектуального проекта.

Третья группа – гуманисты – была для Веспасиано одновременно и источником экспертного знания, и потребителями его услуг, и, в известной степени, товаром, чьи идеи он превращал в материальную форму – рукописную книгу. Никколо Никколи был для него живым каталогом текстов и образцом настоящего коллекционера. Поджо Браччолини, знаменитый «охотник за рукописями», поставлял ему ресурсы – новообретенные классические тексты, которые через мастерскую тиражировались для широкого круга заказчиков в лице граждан Флорентийской Республики. Джанноццо Манетти заказывал сложнейшие двуязычные манускрипты, работа над которыми требовала привлечения редких для Италии того времени специалистов по греческому языку и создавала Веспасиано репутацию исполнителя эксклюзивных интеллектуальных заказов. Эти отношения были взаимовыгодными: гуманисты получали доступ к материальным ресурсам и каналам распространения своих идей, а книготорговец – бесценный символический капитал и статус «своего» в интеллектуальном культурном сообществе.

Структура и функциональная динамика интеллектуальных сетей

Наиболее интенсивный и содержательно насыщенный обмен происходил в центре библиофильской сети, который объединял Веспасиано с ведущими интеллектуалами Флоренции. Эти связи были не столько коммерческими, сколько основанными на взаимном признании и общей культурной экспансии.

Например, связь с Марсилио Фичино представляла из себя классический пример посредничества между философской мыслью, политическим патронажем и материальным производством. По поручению Козимо Медичи Веспасиано обеспечивал Фичино греческими рукописями Платона, Плотина и Аристотеля – фундаментальными текстами для проекта воз-

рождения идей античной эры. В письме, которое датируется сентябрем 1463 года Фичино, обращаясь к Веспасиано, выражал не просто благодарность, а целое облегчение: «Ты вовремя предоставил мне рукопись Плотина; без нее моя работа остановилась бы, подобно кораблю без ветра» [9, f. 12r]. Здесь Веспасиано выступал как логист и поставщик интеллектуального сырья. Но их отношения были гораздо глубже. Фичино, в свою очередь, консультировал книготорговца по вопросам атрибуции текстов и их философской значимости, что повышало экспертный статус последнего в глазах других гуманистов и потенциальных заказчиков. Их альянс был во много носил стратегический характер: Фичино получал уникальный ресурс для своих штудий и переводов, Козимо Медичи – право считаться покровителем великого философского наследия и новых начинаний, а Веспасиано – эксклюзивный доступ к производимому в рамках этого взаимодействия текстуальному произведению, которое он в дальнейшем коммерциализировал для других заказчиков.

Отношения с Поджо Браччолини имели более утилитарный, но не менее важный характер. Браччолини, знаменитый своими поездками в монастырские библиотеки Европы, был первооткрывателем многих текстов Квинтилиана, Цицерона, Лукреция. Веспасиано часто выступал вдохновителем этих поездок, предоставляя авансы или выкупая найденные рукописи по заранее оговоренной цене [3, p. 31]. Таким образом, он финансировал рискованную деятельность по поиску, выступая в роли инвестора в сфере антиквариата. Найденная Браччолини рукопись, попав в мастерскую в мастерскую Веспасиано, проходила процесс «облагораживания»: ее копировали лучшими писцами в стандартном гуманистическом строчном письме, добавляли комментарии, а затем предлагали другим коллекционерам. Этот процесс превращал уникальные находки в товар, соответствующей эстетическим и интеллектуальным потребностям ренессансного интеллектуального сообщества.

Деятельность Веспасиано не ограничивалась частными кабинетами. Его наиболее масштабные проекты были связаны с созданием новых публичных институтов, что поднимало его посредничество на уровень культурной политики.

Проект Библиотеки монастыря Сан-Марко (Biblioteca di San Marco), финансируемый Козимо Медичи и осуществленный под руководством Микелоццо, стал первой в Европе публичной библиотекой современного типа того времени. Веспасиано был назначен главным специалистом по комплектованию её каталогов. Его работа выходила далеко за рамки торговли. Анализ счетов Медичи [10, filza 88] позволяет судить, что он отвечал за всю цепочку: закупку огромных партий пергамена у поставщиков из Умбрии, найм и расчет с 45 переписчиками, работавшими одновременно,

оплату труда иллюминаторов и переплетчиков, доставку готовых томов [2, p. 525]. Он действовал как современный менеджер, решающий одновременно логистические, финансовые и художественные задачи. Библиотека стала материальным памятником щедрости и благочестия семейства Медичи, и опосредованно – памятником самому Веспасиано, как организатору, который сумел превратить финансовые вливания Козимо в функциональный культурный объект.

Папа Николай V, вдохновленный флорентийским примером, поставил перед Веспасиано еще более амбициозную задачу: в кратчайшие сроки создать в Риме библиотеку, достойную статуса вселенской церкви. В своём сборнике биографий «Vite di Uomini Illustri del Secolo XV» Веспасиано подробно описывал этот заказ, подчеркивая, что Папа желал иметь «все книги по всем наукам, как на латыни, так и на греческом» [2, p. 46]. Для выполнения такого рода заказа Веспасиано активировал свою сеть по всей Италии, рассылая заказы на копирование конкретных текстов в различные города Апеннинского полуострова. Это требовало не только организационных навыков, но и глубоких знаний о том, в каком городе или монастыре можно найти тот или иной фрагмент текста для его последующего копирования. Его работа для папства узаконила его деятельность на высшем уровне, превращая флорентийского книготорговца в поставщика для Святого Престола.

География обмена: Флоренция как хаб в общеевропейской системе

Сеть Веспасиано не была локальной. Она простиралась по всей Италии, а в будущем и за ее пределы, превращая Флоренцию в центральный узел общеевропейского обмена рукописями, знаниями и идеями.

Сформировавшаяся ось Флоренция – Рим была основной артерией, по которой текста циркулировали между главным финансово-интеллектуальным центром и политико-религиозной столицей христианского мира.

Ось Флоренция – Венеция имела критическое значение для доступа к греческим рукописям и ученым-эмигрантам из павшей Византии, а также к новостям восточного Средиземноморья.

Ось Флоренция – Неаполь обслуживала арагонский двор рода Трастамара, активно стремившийся перенять флорентийскую культурную модель.

Связи с Венгрией, происходившие через взаимодействие с королём Матвеем Корвиным и Францией демонстрируют, как по созданным Веспасиано каналам, флорентийский стиль рукописной книги и гуманистический стандарт экспортировались за пределы Альп, становясь общеевропейским стандартом престижа. Его сеть работала как система коммуникации, где вместе с материальными объектами передавались эстетические вкусы, мода, тенденции, философские методы и представления о том, какой долж-

на быть библиотека правителя, который хотел обладать статусом благочестивого и просвещённого государя.

Инструментарий посредника: стратегии, финансы и культурная дипломатия

В тех условиях, когда производство одной роскошной рукописной книги могло занимать месяцы и требовало значительных денежных вложений в материалы и труд, финансовая модель Веспасиано отличалась гибкостью и изощренностью.

Книготорговец из Флоренции активно кредитовал своих клиентов, особенно из гуманистической среды, чьи доходы были нерегулярными. В его памятной книге (Libro di ricordanze) зафиксирована сделка 1462 года: переписчику Джованни Аретино был выдан заём в 25 флоринов, а в обеспечение Веспасиано принимает несколько готовых кодексов из личной коллекции Аретино [10, 65.35, f. 78v]. Такой механизм решал несколько задач: оказывал помощь постоянному исполнителю, укреплял личную лояльность и пополнял товарный запас мастерской новым и потенциально тиражируемым товаром. Риск невозврата кредита минимизировался залогом, ликвидность которого на флорентийском рынке коллекционеров была весьма высокой.

Наличные деньги были не единственным средством платежа. Часто расчеты в сделках велись через взаимозачет услуг. Договор с иллюминатором Доменико ди Микелино (1455) предусматривал, что оплата работы над инициалами будет произведена не деньгами, а поставкой высококачественного ультрамарина и золотого листав от самого Веспасиано. Это позволяло экономить средства и укреплять контроль над сетью поставок материалов. Крупные заказчики из числа аристократии могли расплачиваться не только деньгами, но и налоговыми льготами и рекомендательными письмами, что интегрировало книжный бизнес в более широкую систему клиентский отношений [2, p. 527].

Стоит отметить, что главным нематериальном активом Веспасиано была информация. Его успех в сфере производства книг во многом зависел от того, насколько эффективно он управлял знаниями о наличии, местонахождении и содержании текстов.

Веспасисано систематически составлял списки рукописей, доступных для заказа или уже имеющихся в наличии, и рассылал их потенциальным клиентам – от римских кардиналов до венгерских вельмож. Эти списки были не просто инвентарными описями; они составлялись с учетом интересов получателей, сопровождались краткими аннотациями и рекомендациями, фактически выполняя функции менторского отбора [5, p. 167]. Таким образом, Веспасиано не только реагировал на спрос, но и активно

формировал его, предлагая своим клиентам то, о чем тот, возможно, еще и не догадывался, но что должно было соответствовать его статусу.

Мастерская на «Via dei Librai» была местом, где происходил обмен новостями об обнаружении новых текстов, об успехах того или иного гуманиста, о политических перипетиях при дворах Италии и остальной Европы. Контролируя этот процесс коммуникаций, Веспасиано мог сводить между собой людей, чьи интересы были взаимодополняемыми. Он мог организовать встречу между молодыми учеными, которые нуждались в покровительстве, и богатым мессерами, желавшим обновить свою библиотеку; между папскими послами, которые путешествовали по итальянским городам-государствам в поисках редких трактатов, и монахов из отдаленных монастырей, где тот или иной фрагмент мог в теории храниться. Эта функция некого связующего была не менее важной, чем торговля готовой продукцией.

В политической культуре эпохи Возрождения роскошная рукописная книга была мощным инструментом репрезентации и культурной дипломатии. Веспасиано был способен мастерски использовать этот аспект, необходимый для формирования всё новых интеллектуальных связей.

Самый яркий пример – заказ Лоренцо Медичи для венгерского короля Матвея Корвина, который по своей сути должен был укрепить политический союз и продемонстрировать культурное превосходство Флоренции, Лоренцо отправил в Буду не серебро или ткани, а несколько роскошных иллюминированных книг, изготовленных под руководством Веспасиано [7, с. 215]. Эти книги были не только предметами роскоши, но и носителями конкретного идеологического содержания: тексты платоников, историков и поэтов должны были представить Флоренцию как новые Афины, а династию Медичи – как наследников античного прошлого, которое отразилось в деятельности покровителей знаний Козимо Старого и Лоренцо Великолепного. Веспасиано, таким образом, участвовал в производстве символического состояния для Флорентийской Республики, которое затем конвертировалось в политическую выгоду.

Рукописные книги, создававшиеся в мастерской на «Via dei Librai», устанавливали стандарты для того, как должна выглядеть библиотека гуманиста, монарха или интеллектуала. Единый стиль оформления, качество переплета, выбор шрифта – все это работало на создание флорентийской культуры. Покупая книги у Бистиччи, заказчик покупал не просто текст, а частицу престижа, встраивая себя в интеллектуальное культурное сообщество – «библиополитов» Флоренции. Таким образом, книготорговец из Флоренции, был медиатором в культурной унификации элит на основе флорентийской модели распространения знаний.

Заключение

Данное исследование позволяет утверждать, что Веспасиано да Бистиччи был не просто успешным торговцем на уникальном рынке рукописного ремесла, но и настоящим координатором культурного процесса эпохи Ренессанса. Его уникальная роль заключалась в способности быть проводником между тремя независимыми, но связанными элементами: покровительством ремесла, производством материальных носителей и генерацией кардинально нового знания. Его мастерская функционировала как культурно-социальная система, где координировались финансовые потоки, информационные обмены и ремесленные навыки, тем самым создавая уникальный продукт своего времени.

Социальный портрет, который был реконструирован с помощью разнородных источников, позволяет проследить цельную эволюцию от ученика-ремесленника до доверенного лица правителей, гуманистов и церковных иерархов. Эта эволюция стала возможной благодаря его способности преобразовывать финансовые ресурсы покровителей в символический капитал гуманистических идей и социальный престиж.

Структура интеллектуальных сетей, в которых он был важнейшим элементом носила обобщающий и многоуровневый характер. В центре всего этого были взаимовыгодные отношения с гуманистами в лице Фичино, Браччолини, Бруни, Никколи, Филельфо и других, далее – фундаментальные проекты для семейства Медичи и Папства, а периферию – обширная география его обширных клиентов из Италии и Европы. Эта сеть была централизована и персонализирована, что было одновременно ее силой, заключавшейся в высокой скорости и надежностью коммуникаций, и, одновременно, слабостью, которая во многом была уязвима с уходом ключевой фигуры в лице Веспасиано да Бистиччи.

Стратегии посреднической деятельности, от сложных финансовых инструментов до информационного администрирования, и последующей культурной дипломатии, способны показать его как современного предпринимателя, действующего в мире до капитализма, но в уже глубокого коммерциализированной среде. Он активно использовал те механизмы, которые на сегодняшний день с описываются теориями сетевого анализа и социального капитала.

Таким образом, феномен «флорентийского гуманизма» невозможно понять в полной мере без учета материальной и социальной инфраструктуры, которую как раз таки и обеспечивал Веспасиано. Он был тем скрытым звеном, которое переводил абстрактные идеи гуманистического возрождения в конкретные объекты, которые распространились по всей Европе, и в дальнейшем сформировали цельное культурное пространство Ренессанса.

Библиографический список / Reference

1. Ullman B.L., Stadter P.A. The Publish Library of Renaissance Florence: Niccolo Niccoli, Cosimo Medici and the Library of San Marco / Padua: Editrice Antenore, 1972. 368 p. // URL: https://dokumen.pub/the-public-library-of-renaissance-florence-niccolo-niccoli-cosimo-de-medici-and-the-library-of-san-marco-5x21tf50d.html (Дата обращения: 18.12.2025).
2. Bisticci Vespasiano da. Vite di uomini illustri del secolo XV / Ed. A Bartoli. Firenze: Barbera, Bianchi e comp., 1859. 564 p. // URL: https://archive.org/details/diuominiillu00vesp/page/n7/mode/2up (Дата обращения: 15.12.2025).
3. De la Mare A.C. The Handwriting of Italian Humanists. Vol. I: Francesco Petrarca, Giovanni Boccaccio, Coluccio Salutati, Niccolò Niccoli, Poggio Bracciolini, Bartolomeo Aragazzi of Montepulciano, Sozomeno of Pistoia, Giorgio Antonio Vespucci / Oxford: Oxford University Press, 1973. 187 p.
4. Bühler C.F. The Fifteenth-Century Book: The Scribes, the Printers, the Decorators / Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1960. 178 p. // URL: https://archive.org/details/fifteenthcentury0000buhl/page/n7/mode/2up (Дата обращения: 17.12.2025).
5. Ullman B.L. The Origin and Development of Humanistic Script. Rome: Edizioni di Storia e Letteratura, 1960. 146 p.
6. Archivio di Stato di Firenze. Mediceo avanti il Principato. Filza 88. // URL: https://archiviodistatofirenze.cultura.gov.it/asfi/strumenti/inventari-on-line/inventari-m/mediceo-avanti-il-principato (Дата обращения: 19.12.2025).
7. Кинг Р. Книготорговец из Флоренции: как рукописная книга стала эпохой Возрождения [пер. с англ. А. Андреева]. Москва: АСТ, 2022. 608 с.
8. Alexander J.J.G. The Painted Page: Italian Renaissance Book Illumination 1450-1550 / Munich; New York: Prestel, 1994. 274 p. // URL: https://e-l.unifi.it/pluginfile.php/996043/mod_resource/content/1/ALEXANDER%20The%20Painted%20Page.pdf (Дата обращения: 17.12.2025).
9. Biblioteca Medicea Laurenziana. Manuscript Ashburnham 1811. // URL: https://tecabml.contentdm.oclc.org/digital/collection/ashburnham (Дата обращения: 19.12.2025).
10. Biblioteca Medicea Laurenziana. Manuscript Plut 65.35. // URL: https://portail.biblissima.fr/ark%3A/43093/mdatab6113185c4cf926f79ac817b0574f3ea4ada83ad (Дата обращения: 19.12.2025).
11. Ficino M. Epistolae Marsilii Ficini Florentini, 1433-1499 / Nuremberg: Per Antonium Koberger ímpraesse, 1497. 486 p. // URL: https://archive.org/details/epistolaemarsili00fici/page/n489/mode/2up (Дата обращения: 15.12.2025).
12. Celenza, C.S. The Intellectual World of the Italian Renaissance: Language, Philosophy, and the Search for Meaning / Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 440 p. // URL: https://books.google.ru/books?id=8jA9DwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (Дата обращения: 17.12.2025).

Давыдова О.А.
Младший научный сотрудник. Институт всеобщей истории РАН. ORCID: 0009-0003-7593-5310 / ResearcherID: JZT-2224-2024

Власть или влияние: к дискуссии о политической роли царицы Арсинои II*

Аннотация. В статье анализируется вопрос о наличии у Арсинои II реальной политической власти или влияния при дворе Птолемея II. В исследовании рассмотрены четыре группы аргументов, приводимых в качестве свидетельств власти Арсинои II: военные полномочия, официальные документы, близкородственный брак и иконография. Показано, что ни один из этих аспектов не доказывает формальных властных полномочий царицы, но подтверждает ее возможное влияние на Птолемея II.
Ключевые слова: эллинизм, Древний Египет, Птолемей II, Арсиноя II, династический культ.

Davydova O.A.
Junior Research Fellow. Institute of General History, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0009-0003-7593-5310 / ResearcherID: JZT-2224-2024

Power or influence: a discussion on the political role of Queen Arsinoe II

Abstract. This article examines whether Arsinoe II possessed actual political power or merely exercised influence at the court of Ptolemy II. It considers four types of evidence often cited in support of her authority: military roles, official documents, sibling marriage, and iconography. The analysis shows that none of these aspects proves that she held formal power, though they do suggest that she may have exerted significant influence over Ptolemy II.
Key words: Hellenism, Ancient Egypt, Ptolemy II, Arsinoe II, dynastic cult.

Введение

Царица Арсиноя II (318/14 – 270/68 гг. до н.э.), супруга Птолемея II (308–246 гг. до н.э.), царствовала с ним в Египте немногим более семи лет

* © Давыдова О.А., 2026.

(275–270/68 гг. до н.э.). Несмотря на краткость этого периода, ее образ оказал значительное влияние на репрезентацию и иконографию последующих цариц династии Птолемеев. Однако до сих пор в науке ведутся дискуссии о том, обладала ли Арсиноя II реальной политической властью или же ее роль ограничивалась символической и религиозной сферами.

Научная дискуссия о политическом влиянии Арсинои II началась в 1930-е гг. с выходом труда Г. Макурди[1] и продолжается до настоящего времени. Историографический обзор позволяет выделить три основные позиции. Первая рассматривает Арсиною II как фактическую соправительницу. Так, С. Сонерон считал, что, став правительницей Египта, Арсиноя всегда выступала как соправительница[2]. А. Боуман характеризовал Арсиною II как решительную и амбициозную царицу[3]. Фактической правительницей ее считал и В.В. Тарн[4]. Г. Хаубен признавал, что царица Арсиноя II была больше, чем простая жена Птолемея Филадельфа[5]. С. Померой, признавая отсутствие доказательств власти царицы в греческих источниках, защищала теорию о значении Арсинои в государстве на основе египетских источников[6]. Ван Оппен пришел к выводу, что Арсиноя II представляет собой фигуру особой власти эллинистически-птолемеевской царицы, «силы за троном».[7] Дж. Вонг однозначно видит в Арсиное II соправительницу с широкими полномочиями[8]. Х. Салес считал многочисленные титулы Арсинои II выражением ее политической роли и приписывал именно ей успехи во внешней политике Египта 275–270 гг. до н.э.[9]. С тезисом о вовлеченности царицы в военные дела согласен Т. Грабовски[10].

В то же время другие исследователи считали, что Арсиноя II не об-

1 *Macurdy G.H.* Hellenistic Queens: A Study of Woman Power in Macedonia, Seleucid, Syria, and Ptolemaic Egypt. Westport, 1975.

2 *Sauneron S.* Un document égyptien relatif à la divinisation de la reine Arsinoé II. // The Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. 1960. Vol. 60. P. 93.

3 *Bowman A.K.* Egypt after the pharaohs. 332 BC - AD 642 from Alexander to the Arab Conquest. London, 1986. P. 14.

4 *Tarn W.W.* Hellinistic Civilization. London, 1927. P. 13, 53; Также см. Thompson D.B. A Portrait of Arsinoe Philadelphos. // American Journal of Archaeology. 1955. Vol. 3 (59). P. 200.

5 *Hauben H.* Aspects du culte des souverains à l'époque des Lagides. // Egitto e storia antica dall'ellenismo all'età araba. / Eds. L. Criscuolo, G. Geraci. Bologna: CLUEB, 1989. P. 110.

6 *Pomeroy S.B.* Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. P. 18-19.

7 *van Oppen de Ruiter B.* Religious identification of Ptolemaic Queens with Aphrodite, Demeter, Hathor and Isis. New York, 2007. P. 242-244.

8 *Wong J. Cleopatra I.* The first female Ptolemaic regent: her predecessors, policies and precedents. University of Calgary, 1995. P. 60.

9 *Sales J. das C.* Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). // Hapi. Revista da Associação Cultural de Amizade Portugal-Egipto. 2020. Vol. 7. P. 116.

10 *Grabowski T.* The cult of Arsinoe II in the foreign policy of the Ptolemies. // Within the circle of ancient ideas and virtues: studies in honour of professor Maria Dzielska. / Eds. K. Twardowska et al. Kraków, 2014. P. 125.

ладала реальной политической властью, или по крайней мере смягчали тезис о ее власти. С.М. Бурштейн предположил, что роль Арсинои II в политике 270-х гг. до н.э. сильно преувеличена, он возражал против образа Птолемея II как слабого и безвольного правителя, которым манипулировала жена[11]. Р.А. Хаззард полагает, что Арсиноя II имела скорее символическое значение для Птолемея II, нежели реальную власть; при этом он признает, что у каждой из сторон в этом вопросе достаточно аргументов для доказательства своей точки зрения, и данный спор пока не закончен.[12] Т.Л. Сьюэлл-Ласатер считает, что первые царицы: Арсиноя II и Береника II имели политическое влияние на правление своих супругов, в то время как реальной властью обладали более поздние царицы династии[13].

Продолжающиеся дискуссии подтверждают актуальность темы. Настоящая статья также вносит вклад в исследование этой проблемы. В ходе исследования будет предпринята попытка выяснить, можно ли считать деятельность Арсинои II проявлением власти и в чем выражались ее властные полномочия. Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо четко разграничить два похожих друг на друга, но разных по своей сущности явления: власть и влияние. Под властью в данной статье подразумевается способность навязывать свою волю другим, опираясь на систему принуждения, законов или традиций. Власть должна быть легитимной, и во многом именно из легитимности вытекает публичность власти. Официальные документы и церемонии направлены не только на публичное ознакомление с действиями власти, но и на оправданность (пусть иногда и формальную) в глазах общества. В то же время влияние – это способность изменять поведение и поступки других людей без прямого применения силы. Это инструмент мягкого управления, основанный на авторитете или манипуляции. Влияние может быть непубличным, следовательно риторика и убеждения влияющего субъекта, как правило, не зафиксированы в официальных документах и мероприятиях. В случае Птолемея II и Арсинои II царю было бы выгоднее не упоминать о влиянии супруги в документах и публично, чтобы не пошатнуть свой собственный авторитет в глазах греко-македонской элиты Александрии, не привыкшей к вмешательству женщин в политику[14].

Поэтому основное внимание будет уделено критическому анализу аргу-

11 *Burstein S.M.* Arsinoe II Philadelphos: A Revisionist view. // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage. / Eds. W.L. Adams, E.N. Borza. Washington: University Press of America, 1982. P. 197-212.

12 *Hazzard R.A.* Imagination of a monarchy: studies in Ptolemaic propaganda. Toronto, 2000. P. 99.

13 *Sewell-Lasater T.L.* Arsinoë II and Berenike II: Ptolemaic Vanguards of Queenly Political Power. // Women in ancient Egypt: revisiting power, agency, and autonomy. / Ed. M.F. Ayad. Cairo, New York: The American University in Cairo Press, 2022. P. 157-159.

14 *Carney E.D.* Women and Monarchy in Macedonia. Norman, 2000.

ментов, которые приводят сторонники теории о политической власти Арсинои II, и эти аргументы, как правило, относятся к одной из четырех сфер, а именно: военные полномочия, официальные документы, брак и иконография. Анализ данных аспектов позволит установить, обладала ли царица властью или же являлась крайне влиятельной фигурой при дворе Птолемея II.

Военные полномочия

Первое упоминание об участии Арсинои II в военных делах содержится в Пифомской стеле[15]. В источнике сообщается, что в 273 г. до н.э. Арсиноя II сопровождала Птолемея II в Героополис на Суэцком перешейке, чтобы осмотреть оборонительные сооружения[16]. Дж. Вонг считает, что сопровождение Арсиноей II Птолемея II может говорить о ее политической власти[17]. Однако в тексте нет прямого указания на то, что царица каким-то образом действовала во время путешествия. Единственное возможное упоминание находится в строке 16, где сказано, что царь и царица произвели осмотр сооружений, чтобы защитить Египет от врагов. Данное описание слишком общее и формально не выделяет царицу. Следовательно, совместная инспекция может считаться демонстрацией обоюдного желания защитить Египет или демонстрацией поддержки Арсиноей II всех действий своего супруга.

Например, В. Тарн полагал, что Арсиноя II активно вмешивалась в военные дела Египта, в частности в войну с Сирией (274-271 гг. до н.э.)[18]. Кроме этого, упоминание о ней присутствует в декрете Хремонида 269–268 гг. до н.э. (IG II^3 1 912: *ο τε βασιλευς Πτολεμαιος ακολουθως τει των προγονων και τει της αδελφης προαιπεσει...* И царь Птолемей, следуя намерению предков и сестры…). Некоторые исследователи считают данное упоминание в публичном официальном документе доказательством ее действительной политической власти[19]. Однако датировка декрета соответствует времени уже после смерти Арсинои II[20]. Следовательно, более правдоподобно объяснение

15 Каирский музей, инв. № CG 22183 / JE 37547. Andersson E., Sjöberg N. La stèle de Pithom et les estampages de M. Ed. Naville. // Sphinx. 1904. Vol. 8. P. 223-236; *Winnicki K.* Bericht von einem Feldzug des Ptolemaios Philadelphos in der Pithom-Stele. // The Journal of Juristic Papyrology. 1990. Vol. 20. P. 157-167.

16 *Naville E.* The store-city of Pithom and the route of the Exodus. London, 1885. P. 20; *Thiers Ch.* Ptolémée Philadelphe et les prêtres d'Atoum de Tjékou - Nouvelle édition commentée de la «stèle de: Nouvelle édition commentée de la "stèle de Pithom" (CGC 22183). Montpellier, 2007. P. 50.

17 *Wong J. Cleopatra I.* The first female Ptolemaic regent: her predecessors, policies and precedents. P. 60.

18 *W.W. Tarn,* Hellinistic Civilization. P. 13, 53; Thompson D.B. A Portrait of Arsinoe Philadelphos. P. 200.

19 *Wong J.* Cleopatra I. The first female Ptolemaic regent: her predecessors, policies and precedents. P. 60.

20 *Cadell-Charpentier H.* À quelle date Arsinoé II Philadelphe est-elle décédée? // Le culte du souverain dans l'Égypte ptolémaïque. / Ed. H. Melaerts. Louvain, 1998. P. 1-3. *Minas-Nerpel M.* Die

Т. Грабовски, согласно которому Птолемей, видимо, счел полезным выделить свою сестру в этом контексте и представить ее как божественную защитницу его действий в бассейне Эгейского моря[21]. Это согласуется с акцентом культа Арсинои Филадельфы, которая отождествлялась с богиней Афродитой и выступала защитницей моряков и покровительницей удачного плавания[22].

Таким образом, утверждение о том, что Арсиноя II активно вмешивалась во внешнюю политику Египта[23] можно считать необоснованным. Основные решения, касающиеся военных действий, принимались Птолемеем II и его военачальниками, в то время как возможное участие царицы, если и имело место, то только через влияние на супруга-царя. Арсиноя II могла выступать идейным вдохновителем и обсуждать с Птолемеем II направления развития политики, однако прямых решений, влияющих на ход военных действий, принимать не могла.

Официальное признание

Под официальным признанием власти Арсинои II подразумевается прежде всего ее отражение в письменных источниках. Встречаются единичные случаи, когда Арсиноя II названа «царицей» (βασιλίσσα), что является парным титулом к обозначению Птолемея II (βασιλεύς). На самом деле титул «βασιλίσσα» употреблялся по отношению к Арсиное II еще до ее брака с Птолемеем: титул засвидетельствован на ротонде Арсинои II на острове Самофракия[24] и в указе Делоса для Демарата, где упомянуты царь Лисимах и царица Арсиноя[25]. Эта надпись фиксирует формальную и публичную роль Арсинои, причем в том же статусе она выступала и как жена Птолемея II[26]. Однако это свидетельство само по себе не может отражать реальное положение дел, и является скорее ранним отражением тенденции к формированию модели, где не только царь, но именно царская пара выступали гарантами стабильности и процветания страны[27].

Pithom-Stele. Chronologische Bemerkungen zur frühen Ptolemäerzeit. // Aspekte Spätägyptischer Kultur, Festschrift für Erich Winter zum 65. / Eds. M. Minas-Nerpel, J. Zeidler. Geburtstag. Mainz 1994. P. 207-209. О дискуссии по поводу даты смерти Арсинои II см. van Oppen de Ruiter B.F. The Death of Arsinoe II Philadelphus: The Evidence Reconsidered. P. 148-149.

21 Grabowski T. The cult of Arsinoe II in the foreign policy of the Ptolemies. P. 125.

22 *Legras B. Sarapis*, Isis et le pouvoir lagide. // Power, Politics and the Cults of Isis. Proceedings of the Vth International Conference of Isis Studies, Boulogne-sur-Mer, October 13–15, 2011. / Eds. L. Bricault, M.J. Versluys. Leiden, 2014. P. 97.

23 *Sales J. das C.* Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 115. Tarn W.W. Hellinistic Civilization. P. 251.

24 OGIS I 15; IG 12.8.227.

25 SIG^3 381.

26 *Gkikaki M.* The Royal sibling marriage of Ptolemy II and Arsinoe II: incestuous and yet holy // Hephaistos. 2014. Vol. 31. P. 117; *van Oppen de Ruiter B.F.* Religious identification of Ptolemaic Queens with Aphrodite, Demeter, Hathor and Isis. P. 5.

27 *Sheila A.* Dynastic Images in the Early Hellenistic Age: Queen's Power or King's Will? // The Ancient History Bulletin. 2021. Vol 35. № 1-2. P. 46.

Близкородственный брак

В династии Птолемеев практиковалось заключение близкородственных браков: между братом и сестрой, дядей и племянницей. С точки зрения мифологии, царицы, будучи одновременно сестрами и женами царей, с одной стороны, ассоциировались с Исидой – сестрой и супругой Осириса, олицетворяющей возрождение и преемственность царской власти; с другой – с Герой, хранительницей брака и легитимности власти Зевса.

Первый в династии союз между родными братом и сестрой заключили Птолемей II и Арсиноя II. И вопрос о том, кто стал инициатором этого брака, остается предметом дискуссий среди исследователей. Г.Х. Макурди и Г. Лонгега полагают, что Арсиноя II занимала ведущие позиции при дворе и могла повлиять на решение о браке[28]. Сходной точки зрения придерживается Н.П. Рубекас, отмечая выдающиеся умственные способности и политические амбиции царицы, и на этом основании делает вывод о ее решающей роли в принятии решения о браке[29]. Однако эта точка зрения оспаривается С.М. Бурштейном[30]. Многие ученые обращают внимание на недостаточность сведений для однозначного вывода[31]. При анализе возможных мотивов обычно выделяют несколько факторов. Арсиноя, будучи старше брата на восемь лет, уже имела значительный социальный и политический опыт, приобретенный в первом браке с Лисимахом и во втором – с Птолемеем Керавном[32]. Птолемей II, в свою очередь, стремился укрепить свою власть, поскольку ощущал угрозу со стороны старшего брата, Птолемея Керавна, претендовавшего на престол. К сожалению, для однозначного ответа на вопрос об инициации брака недостаточно источников. Влияние старшего родственника на младшего действительно могло иметь место, однако Птолемей II также мог осознавать все выгоды подобного союза для укрепления династии и своего собственного положения. В данном вопросе, вероятно, старшая сестра действительно могла повлиять на решение брата и убедить во всех преимуществах данного решения. Тем не менее, вступление в брак с царем еще не означало приобретения политической власти, по крайней мере в начале правления Птолемеев.

Безусловно, следует признать, что практика близкородственных бра-

28 *Macurdy G.H.* Hellenistic Queens: A Study of Woman Power in Macedonia, Seleucid, Syria, and Ptolemaic Egypt. P. 124; *Longega G.* Arsinoe II. Rome, 1968. P. 64.

29 *Roubekas N.P.* Belief in Belief and Divine Kingship in Early Ptolemaic Egypt: the Case of Ptolemy II Philadelphus and Arsinoe II // Religio: revue pro religionostiku. 2015. Vol. 1. № 23. P. 9.

30 *Burstein S.M.* Arsinoe II Philadelphos: A Revisionist view. P. 197–212.

31 *van Oppen de Ruiter B.F.* Religious identification of Ptolemaic Queens with Aphrodite, Demeter, Hathor and Isis. P. 218; Ashton S.-A. The last queens of Egypt. London, New York, 2014. P. 57.

32 *Bevan E.R.* The house of Ptolemy: a history of Egypt under the Ptolemaic dynasty. Chicago, 1985. P. 60; Pomeroy S.B. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. P. 17; *Sewell-Lasater T.L.* Arsinoë II and Berenike II: Ptolemaic Vanguards of Queenly Political Power. P. 147-164; Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. Cambridge, 2025. P. 118.

ков Птолемеев – это сложное социокультурное явление, подчеркивающее божественную природу правителей и ставящее их выше общепринятых законов и табу[33]. Символически инцест функционировал как инструмент обожествления: подобно тому, как кровосмесительные союзы в космогонических мифах порождали упорядоченный космос, брак брата и сестры у Птолемеев подразумевал их созидательную силу во благо Египта[34].

Важнейшим следствием династического инцеста стало возвышение статуса царицы, но не Арсинои II, а последующих цариц. Арсиноя III явно обладала полномочиями, поскольку после смерти своего брата и мужа Птолемея IV могла взять регентство над малолетним сыном Птолемеем V[35]. Поскольку царица была назначена опекуном и регентом своего юного наследника, она ассоциировалась с Исидой, а Птолемей V – с ее сыном Хором[36]. Арсиноя III могла стать первой царицей-регентом династии Птолемеев, если бы ее не убили в результате заговора[37]. Однако уже следующая царица Клеопатра I была назначена регентом при малолетнем Птолемее VI после смерти супруга Птолемея V[38].

Особенности иконографии

Изображения царицы Арсинои II на египетских стелах и храмах привлекают внимание в первую очередь своей уникальной иконографией. Особые, применимые только к ней атрибуты, воспринимаются некоторыми исследователями как признаки ее возвышенного статуса, который, пусть и зафиксированный посмертно, мог иметь основания еще при жизни Арсинои II. Стоит выделить два важных атрибута, относительно которых ведутся дискуссии.

Первым атрибутом является уникальная составная корона, созданная специально для Арсинои II[39]. Корона напоминает красную корону царей Нижнего Египта, но без спирали, и с рядом дополнений: двумя высокими перьями, бараньими рогами, коровьими рогами и солнечным диском. М. Нильсон считала, что данный атрибут отражал не только божественный статус Арсинои после смерти, но и особое положение, которым

33 *Ager Sh.* Familiarity breeds: incest and the Ptolemaic Dynasty. // Journal of Hellenic Studies. 2005. Vol. 125. P. 1-34; *Sales J. das C.* Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 114.

34 *Ager Sh.A.* The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty. // Anthropologica. 2006. Vol. 48. № 2. P. 165-186; *van Oppen de Ruiter B.F.* Religious identification of Ptolemaic Queens with Aphrodite, Demeter, Hathor and Isis. P. 218.

35 *Давыдова О.А.* Арсиноя III: политическая биография и посмертный культ. // Клио. 2025. № 8 (224). С. 201-206.

36 *Ager Sh.A.* The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty. P. 165-186; Давыдова О.А. Указ. Соч. С. 205-206.

37 Polyb. XV.25.

38 *Ager Sh.* Familiarity breeds: incest and the Ptolemaic Dynasty. P. 10-14.

39 Кроме Арсинои II в данной составной короне изображались лишь единично Клеопатра III и Клеопатра VII.

она обладала при жизни[40]. Однако, как отмечает Э. Карни, корона, хоть и может подразумевать тонкую и нюансированную попытку связать Арсиною с царскими полномочиями, сама по себе корона вряд ли доказывает, что Арсиноя II была соправительницей брата[41]. Этот атрибут связан именно с посмертным культом царицы и выражает ее статус богини, а не соправительницы.

Другим важным атрибутом является двойной урей, который иногда встречается на ее изображениях[42]. Иногда данный элемент трактуют как символ пары Птолемея II и Арсинои II, что в свою очередь должно означать равный статус супругов[43]. Однако двойной урей не является инновацией в иконографии и засвидетельствован для цариц XVIII династии[44]. В египетской иконографии двойной урей символизирует древних богинь-покровительниц Египта Нехбет и Уаджит. Хотя Нехбет традиционно изображалась в образе коршуна, она также могла принимать форму змеи[45], поэтому данный символ нельзя однозначно приписывать паре Птолемей II – Арсиноя II.

Э. Карни, автор наиболее современной монографии об Арсиное II, осторожно резюмирует, что вопрос о том, отражает ли иконография царицы политическую реальность, остается открытым[46]. Это справедливо даже в отношении титула «Царица Верхнего и Нижнего Египта»[47], который действительно появлялся на храмовых рельефах с Арсиноей II, ведь в греческих источниках аналога для данного титула нет. Данное обозначение встречается только в египетских источниках, что, скорее всего, значит, что данная практика была нацелена на египетское жречество, возможно, должна была поддержать культ царицы, и не обязательно отражала реальное распределение власти при дворе[48]. Таким образом, иконография и титулатура Арсинои II – это прежде всего инструмент династической пропаганды, а не прямое свидетельство ее реального политического могущества. Они отражают не столько фактическое положение дел, сколько то, как Птолемей II хотел, чтобы его сестра-жена воспринималась подданными – особенно

40 *Nilsson M.* The crown of Arsinoë II. The creation and development of an imagery of authority: Doctoral thesis. Gothenburg, 2010. 760 p.

41 *Carney E.D.* Arsinoë of Egypt and Macedon: a royal life. P. 113.

42 Григорианский музей Ватикана, инв. № 22681. Quaegebeur J. Documents Concerning a Cult of Arsinoe Philadelphos at Memphis. // Journal of Near Eastern Studies. 1971. Vol. 30. P. 239-270. Э. Карни считает данное изображение прижизненным. Carney E.D. Op. cit. P. 111-112.

43 Carney E.D. Op. cit. P. 115.

44 *Thompson D.B.* Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. Oxford, 1973. P. 32.

45 Graves-Brown C. Dancing for Hathor. Women in Ancient Egypt. London, 2010. P. 131.

46 *Carney E.D.* Arsinoë of Egypt and Macedon: a royal life. P. 85-86.

47 *Quaegebeur J.* Documents Concerning a Cult of Arsinoe Philadelphos at Memphis. P. 239-270.

48 Carney E.D. Op. cit. P. 116.

египетскими жрецами – в рамках развивающегося династического культа.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, упоминания об участии царицы в военных делах фиксируют лишь ее присутствие и формальную поддержку супруга, но не принятие самостоятельных решений. Декрет Хремонида, где Птолемей II действует «следуя намерению сестры», был принят уже после смерти Арсинои и, скорее, представляет ее как божественную покровительницу, а не политическую фигуру.

Во-вторых, титул «царица» (βασίλισσα), которым Арсиноя именовалась еще при Лисимахе, отражал формальный статус супруги царя и складывающуюся модель «царской пары», но сам по себе не свидетельствовал о власти. В греческом мире этот титул не подразумевал права женщин принимать государственные решения.

В-третьих, близкородственный брак с Птолемеем II, хотя, возможно, был инициирован при участии Арсинои в силу ее старшинства и опыта, не давал ей автоматически политических полномочий. Символически инцест обожествлял царскую чету, но реальная власть цариц появилась лишь спустя поколения.

В-четвертых, уникальная иконография Арсинои II создавалась прежде всего для египетской аудитории и в рамках посмертного культа. Уникальные атрибуты царицы являются символами династической пропаганды, а не отражение реального распределения власти при дворе.

Таким образом, Арсиноя II, несомненно, обладала значительным влиянием на Птолемея II – как старшая сестра, опытная женщина, пережившая два брака. Она могла быть идейным вдохновителем, советчицей и посредником. Однако нет оснований приписывать ей формальную политическую власть. Ее образ был сознательно сконструирован Птолемеем II для укрепления собственной легитимности и для создания модели «божественной пары», которая впоследствии позволила другим царицам претендовать на реальную власть. Таким образом, Арсиноя II – ключевая фигура в трансформации статуса эллинистической царицы, но не как правительница, а как символ и предтеча.

Библиографический список / Reference

1. Давыдова О.А. Инициация религиозного феномена: апофеоз Береники I в формировании культа цариц династии Птолемеев. // Клио. 2024. № 10 (213). С. 44-50. – DOI: 10.24412/2070-9773-2024-10-44-50
2. Ager Sh.A. The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty. // Anthropologica. 2006. Vol. 48. № 2. P. 165-186.
3. Ager Sh. Familiarity breeds: incest and the Ptolemaic Dynasty. //Journal of Hellenic Studies. 2005. Vol. 125. P. 1-34.
4. Andersson E., Sjöberg N. La stèle de Pithom et les estampages de M. Ed. Naville. // Sphinx. 1904. Vol. 8. P. 223-236.
5. Ashton S.-A. The last queens of Egypt. London, New York: Routledge, 2014. 177 p.
6. Bevan E.R. The house of Ptolemy: a history of Egypt under the Ptolemaic dynasty. Chicago: Ares Publishers, 1985. 409 p.
7. Bowman A.K. Egypt after the pharaohs. 332 BC - AD 642 from Alexander to the Arab Conquest. London: British

Museum Publications, 1986. 272 p.
8. Burstein S.M. Arsinoe II Philadelphos: A Revisionist view. // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage. / Eds. W.L. Adams, E.N. Borza. Washington: University Press of America, 1982. P. 197-212.
9. Cadell-Charpentier H. À quelle date Arsinoé II Philadelphe est-elle décédée? // Le culte du souverain dans l'Égypte ptolémaïque. / Ed. H. Melaerts. Louvain, 1998. P. 1-3.
10. Carney E.D. Women and Monarchy in Macedonia. Norman: University of Oklahoma Press, 2000. 369 p.
11. Gkikaki M. The Royal sibling marriage of Ptolemy II and Arsinoe II: incestuous and yet holy // Hephaistos. 2014. Vol. 31. P. 113-122.
12. Grabowski T. The cult of Arsinoe II in the foreign policy of the Ptolemies. // Within the circle of ancient ideas and virtues: studies in honour of professor Maria Dzielska. / Eds. K. Twardowska et al. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze "Historia Iagellonica", 2014. P. 117-128.
13. Graves-Brown C. Dancing for Hathor. Women in Ancient Egypt. London: Continuum, 2010. 241 p.
14. Hauben H. Aspects du culte des souverains à l'époque des Lagides. // Egitto e storia antica dall'ellenismo all'età araba. / Eds. L. Criscuolo, G. Geraci. Bologna: CLUEB, 1989. P. 441-467.
15. Hazzard R.A. Imagination of a monarchy: studies in Ptolemaic propaganda. Toronto: University of Toronto Press, 2000. 244 p.
16. Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. 302 p.
17. Legras B. Sarapis, Isis et le pouvoir lagide. // Power, Politics and the Cults of Isis. Proceedings of the Vth International Conference of Isis Studies, Boulogne-sur-Mer, October 13– 15, 2011. / Eds. L. Bricault, M.J. Versluys. Leiden: Brill, 2014. P. 95-116.
18. Longega G. Arsinoe II. Rome: L'Erma di Bretschneider, 1968. 141 p.
19. Macurdy G.H. Hellenistic Queens: A Study of Woman Power in Macedonia, Seleucid, Syria, and Ptolemaic Egypt. Westport: Greenwood Press, 1975. 250 p.
20. Minas-Nerpel M. Die Pithom-Stele. Chronologische Bemerkungen zur frühen Ptolemäerzeit. // Aspekte Spätägyptischer Kultur, Festschrift für Erich Winter zum 65. / Eds. M. Minas-Nerpel, J. Zeidler. Mainz am Rhein: Geburtstag, 1994. P. 203-212.
21. Naville E. The store-city of Pithom and the route of the Exodus. London: Trübner, 1885. 31 p.
22. Nilsson M. The crown of Arsinoë II. The creation and development of an imagery of authority: Doctoral thesis. Gothenburg: University of Gothenburg, 2010. 760 p.
23. Pomeroy S.B. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. Detroit: Wayne State University Press, 1990. 243 p.
24. Quaegebeur J. Documents Concerning a Cult of Arsinoe Philadelphos at Memphis. // Journal of Near Eastern Studies. 1971. Vol. 30. P. 239-270.
25. Roubekas N. P. Belief in Belief and Divine Kingship in Early Ptolemaic Egypt: the Case of Ptolemy II Philadelphus and Arsinoe II // Religio: revue pro religionostiku. 2015. Vol. 1. № 23. P. 3-23.
26. Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). // Hapi. Revista da Associação Cultural de Amizade Portugal-Egipto. 2020. Vol. 7. P. 106-145.
27. Sauneron S. Un document égyptien relatif à la divinisation de la reine Arsinoé II. // The Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. 1960. Vol. 60. P. 83-109.
28. Sewell-Lasater T.L. Arsinoë II and Berenike II: Ptolemaic Vanguards of Queenly Political Power. // Women in ancient Egypt: revisiting power, agency, and autonomy. / Ed. M.F. Ayad. Cairo, New York: The American University in Cairo Press, 2022. P. 147-164.
29. Sheila A. Dynastic Images in the Early Hellenistic Age: Queen's Power or King's Will? // The Ancient History Bulletin. 2021. Vol 35. № 1-2. P. 36-55.
30. Tarn W.W. Hellinistic Civilization. London: Edward Arnold & Co., 1927. 312 p.
31. Thiers Ch. Ptolémée Philadelphe et les prêtres d'Atoum de Tjékou - Nouvelle édition commentée de la « stèle de: Nouvelle édition commentée de la "stèle de Pithom" (CGC 22183). Montpellier: Université Paul Valéry Montpellier, 2007. 257 p.
32. Thompson D.B. A Portrait of Arsinoe Philadelphos. // American Journal of Archaeology. 1955. Vol. 3 (59). P. 200.
33. Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. Oxford: Clarendon Press, 1973. 221 p.
34. van Oppen de Ruiter B.F. Religious identification of Ptolemaic Queens with Aphrodite, Demeter, Hathor and Isis. New York: City University of New York, 2007. 611 p.
35. van Oppen de Ruiter B.F. The Death of Arsinoe II Philadelphus: The Evidence Reconsidered. P. 148-149.
36. Winnicki K. Bericht von einem Feldzug des Ptolemaios Philadelphos in der Pithom-Stele. // The Journal of Juristic Papyrology. 1990. Vol. 20. P. 157-167.
37. Wong J. Cleopatra I. The first female Ptolemaic regent: her predecessors, policies and precedents. University of Calgary, 1995. 162 p.

Золхоев Б.В.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и сервиса. ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова».

Об особенностях и исторических условиях присвоения апеллятивов (тронных имен) у шаньюев Южных Хунну*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности политической номенклатуры Южных Хунну, включающей как сам титул шаньюя, так и сопроводительные к нему официальные имена-апеллятивы в контексте политических отношений Южных хунну и Китая. Предпринята попытка определить порядок и историко-культурные условия присвоения официальных тронных имен шаньюев Южных хунну периода правления китайских династии Хань, Вэй и Цзинь. В статье анализируются китайские исторические источники и исследования зарубежных исследователей.

Ключевые слова: Южные Хунну, шаньюй, система титулатуры, официальные тронные имена, династии Хань, Вэй, Цзинь, китайские исторические источники, зарубежные исследователи.

Zolkhoev B.V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Tourism and Service, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov.

On the peculiarities and historical conditions of assigning appellatives (throne names) among the Shanyus of the Southern Xiongnu

Abstract. This article examines the political nomenclature of the Southern Xiongnu, including both the title of shanyu and the accompanying official appellatives, in the context of the political relations between the Southern Xiongnu and China. It attempts to determine the procedure and historical and cultural conditions for assigning official throne names to the shanyus of the Southern Xiongnu during the Han, Wei, and Jin dynasties. The article analyzes Chinese historical sources and research by foreign scholars.

Key words: Southern Xiongnu, shanyu, titling system, official throne names, Han, Wei, Jin dynasties, Chinese historical sources, foreign researchers.

* © Золхоев Б.В., 2026.

В ранних политических образованиях апеллятивы присваивались в связи с достижением какого-либо положения; это в полной мере относится к различным официальным титулам, в том числе титулам шаньюев и каганов государств Внутренней Азии. При этом официальные титулы и апеллятивы к ним были неотделимы друг от друга, это также касается титулов шаньюев и каганов.

До отделения Южных хуннов (от Северных), апеллятивы к титулам шаньюя традиционно присваивались при вступлении на престол. Однако с их отделением, вопрос о том, когда присваивались их апеллятивы, испытавшие на себе влияние Ханьских посмертных и храмовых титулов, а именно – до или после смерти шаньюя, остается до сих пор открытым. Мы полагаем, что более доказательной является точка зрения о посмертном присвоении апеллятивов. Попытаемся привести некоторые доказательства в ее пользу.

Когда Би решил отделиться и стать шаньюем, апеллятивом к своему титулу он избрал Хуханье. В *Хоу Ханьшу,* в этой связи, приводится следующее: «Весной, в двадцать четвертый год периода Jianwu, собрались князья восьми племен, намереваясь провозгласить Би под именем Хуханье шаньюя. Поскольку дед его, чтобы установить мир, сблизился с Хань, он пожелал взять его имя. После этого, он отправился в Ханьскую крепость Уянь, где выразил свою готовность стать щитом в обороне против Северных хунну. Император, посоветовавшись с генералом Гынь Го, дал свое одобрение. Той же зимой Би провозгласил себя Хуханье шаньюем»[1].

Отсюда следует, что это обращение восьми князей южнохуннских племен, оформленное на их весеннем съезде, сначала должно было получить одобрение Ханьского Двора перед тем, как Би мог бы формально стать шаньюем и присвоить себе имя Хуханье в качестве апеллятива. Для Би получение апеллятива Хуханье было чрезвычайно важным с двух сторон. Во-первых, в целях упрочения отношений с Ханьским Двором, а во-вторых, это помогло бы сплотить восемь подвластных ему племен в составе государства Южных хуннов.

Здесь важно отметить, что апеллятивы «жоди» или «ди» не добавлялись к имени Хуханье. Кроме того, нет сведений о том, что Би когда-либо менял свое официальное имя на протяжении его девятилетнего правления. Однако, в *Хоу Ханьшу* он официально именуется «Хилуоши Жоди шаньюй». В связи с чем, можно предположить, что официальное имя (включая посмертный титул «ди», являющийся сокращением от «жоди») было присвоено ему не при жизни, а лишь после его смерти.

Четверо из шаньюев Южных хунну не имели апеллятивов; те же, кому они были присвоены, получили их только после смерти, и этот факт имеет значение. Среди первых четырех, девятый шаньюй, Аньго, не получил

1 History of the Later Han (Hou Han shu, Хоу Ханьшу), ch. 89, "Account of the Southern Xiongnu", P. 2942.

официального имени, так как погиб в ходе поднятого им восстания. Семнадцатый шаньюй, Хучжен, был казнен Ханьским чиновником Чжан Сюй, который понес затем наказание за самовольную казнь без получения на то разрешения. И, тем не менее, Ханьский Двор, по-видимому, не считал Хучженя невиновным, почему последний также не получил официального имени. Кянкюй, сменивший Хучженя, погиб в результате крупного восстания, охватившего государство Южных хунну. Члены его семьи также пали от рук восставших, либо бежали вглубь страны, потеряв, таким образом, взаимодействие со Дворами Хань, а затем Вэй на продолжительное время. В таких обстоятельствах, даже если преемник и сын Кянкюя, Юйфуло, восстановил ставку шаньюя в этот период, то она представляла собой правительство в изгнании и, кроме того, было упущено время для установления стабильных отношений с Ханьским правительством.

Если даже предположить, что Юйфуло в это время присвоил своему отцу официальное имя, то в документах Хань это не отображается. Если же апеллятивы присваивались не посмертно, но при вступлении на престол, то в этом случае официальное имя Кянкюя (апеллятив к его титулу шаньюя) должен был быть зафиксирован в письменных источниках. Наиболее логично это объяснить отсутствием официального имени у него при жизни, а после его смерти процедура пожалования такового не была завершена в связи с восстаниями, охватившими Хань и государство Южных хунну, или по причине того, что Ханьский Двор не получил соответствующих известий.

Подобный ход событий может объяснить почему Юйфуло, даже возглавляя правительство Хунну в изгнании, удалось установить отношения с Ханьским Двором (позднее контролируемым министром Цао Цао (155-220 гг.) и поэтому лишь после своей смерти он все же был удостоен официального имени Чичжиши Чжухоу. Его преемник Хучуцуань находился в столице Хань Лояне более пятидесяти лет. Несмотря на то, что он формально фигурирует в качестве шаньюя Южных хунну на важных государственных церемониях[2], в исторических материалах не содержится сведений о времени и месте его кончины, как и сведений о пожаловании ему официального имени. Если предположить, что Хучуцуань был удостоен официального имени при жизни, то это нашло бы свое отражение в описании различных церемониальных мероприятий, в которых он принимал участие.

Порядок присвоения апеллятивов посмертно объясняет, почему четверо шаньюев Южных хунну не имели их. Помимо того, еще один эпизод является весьма показательным. Как известно, тринадцатый шаньюй, Хюли, был доведен до самоубийства Ханьским приставом над Хунну Чень Гуй, что привело к отсутствию шаньюя у Южных хунну на протяжении 3 или четы-

2 History of the Jin (Jin shu), ch. 3 “Annals of Emperor Wu”, Zhonghua Book Company punctuated edition, 1974. P. 50.

рех лет. Однако, поскольку Чень Гуй открыто не убивал Хюли, то Ханьский Двор лишь снял его с поста. Позже, когда политика Хань в отношении Южных хунну несколько смягчилась, Хюли, по-видимому, не был отвергнут, и его преемником стал его сын, находившийся в качестве заложника в Лояне. Поэтому, после своей смерти, он был удостоен официального имени Кюйдэ Жоши Чжоди.

Посмертное присвоение имён-апеллятивов к титулу шаньюя стало важным изменением в традиционной системе официальных титулов и имен шаньюев Хунну. И главной движущей силой этих перемен, без сомнения, являлся Двор Восточной Хань. Очевидно, что две традиции существенно отличались. Если Ханьские храмовые и посмертные титулы присваивались посмертно, то официальные имена шаньюев Хунну –после вступления на престол. Культурные отличия между этими двумя традициями обьясняются политическим, экономическим и цивилизационным неравенством, поэтому неизбежно более слабая сторона попала под влияниее более сильной.

Проблема оперирования апеллятивами Хуннских шаньюев, как в официальных документах Восточной Хань, так и в церемониях, где шаньюй встречался с императором, безусловно, вызывала большие затруднения. Устранение различий между двумя этими культурными формами, как нам видится, способствовало переходу к посмертному присвоению официальных имён-апеллятивов.

Более того, весьма примечательным является то, насколько сильным влиянием обладал Ханьский Двор и его представители, такие, например, как Генерал Императорского Двора по надзору за Хунну в решении вопроса о том, какое официальное имя присвоить умершему шаньюю. А тот факт, что вышеупомянутый Генерал преследовал и фактически способствовал гибели шаньюя Южных хуннов, показывает, насколько ограничена и контролируема была политическая власть последних, и насколько упивался своей властью Ханьский чиновник. Таким образом, не вызывает сомнения, что решение о том, присваивать ли умершему шаньюю официальное имя, а также какое именно имя, всецело находилось в ведении официальных представителей Хань, хотя соответствующие церемонии по этому поводу проводились самими хуннами.

Принимая во внимание переход к посмертному порядку присвоения официальных имен, вопрос выделения родственных отношений в происхождении шаньюя посредством апеллятивов, а также предположение о том, что данный переход был связан с восприятием хуннами Ханьской системы императорских храмовых титулов, становятся более понятными. Это важное изменение в апеллятивах Южных хунну свидетельствует о глубоких переменах внутри их общества и культуры. Когда правительства держав Внутренней Азии начали тесно взаимодействовать с Император-

скими Дворами Китая, находящимися на более высоком уровне развития культуры и политических институтов, процесс восприятия их отдельных элементов являлся вполне закономерным.

Например, жужани в V в. утвердили систему титулования своих правителей, учредив пять таких титулов, что, весьма вероятно, было перенято ими в процессе взаимных контактов с Южными Династиями и Северной Вэй[3]. Приведем другой пример –в *Ши цзи,* среди благородных родов Хунну в период Западной Хань, наряду с Луаньди перечислены Хуянь, Лань и Сюйбу: «эти три рода имеют благородное происхождение»[4]. Однако в период Восточной Хань в *Хоу Ханьшу* указано следующее: «четыре рода Хуянь, Сюйбу, Цюйлин и Лань являются наиболее известными и часто вступают в брак с шаньюями»[5]. Последнее упоминание довольно ясно отражает изменения внутри социальной структуры Южных хунну, но более конкретной причиной этой перемены является подражание Южных хунну традиции Восточной Хань, связанной с выделением четырех семейств, из которых происходят матери императоров.

Обобщая приведенные примеры и другие им подобные, можно заключить, что, оказавшись под крылом Восточной Хань, Двор Южных хунну постепенно попал почти в полную экономическую зависимость от неё, что, конечно, кардинально повлияло на все стороны общественной и культурной жизни Южных хунну[6].

Переход к посмертному порядку присвоения апеллятивов титулу шаньюя отразился также на характере взаимодействия Вэй и Цзинь с приграничными племенами. На протяжении эпохи поздней Хань, Вэй и Цзинь многие приграничные племена подходили к границам, а отдельные даже вторгались вглубь территории. Правительства китайских династий в этих случаях жаловали отдельным правителям племен титул «шаньюя», который являлся для них важным наследием политических и культурных традиций кочевников, восходящих ко времени могущества хунну.

В соответствии с традиционной системой титулования шаньюев хунну до периода династии Восточная Хань, было бы бессмысленным называться шаньюем и не иметь при этом официального имени (апеллятива). Потому все шаньюи того периода имели таковое.

Однако никто из предводителей пограничных племен, получивших титул шаньюя из рук представителей династий поздней Хань, Вэй и Цзинь, не

3 History of the Northern Dynasties (Bei Shi), ch. 98, "Account of the Ruru", Zhonghua Book Company punctuated edition, 1974, P. 3255-3257.

4 Records of the Grand Historian (Shiji, Шицзи), ch. 110, "Account of the Xiongnu", P. 2890-2891.

5 History of the Later Han (Hou Han shu, Хоу Ханьшу), ch. 89, "Account of the Southern Xiongnu", p. 2944-2945.

6 *Yü, Ying-shih,* Trade and Expansion in Han China. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1967. P. 49-51.

был удостоен официального имени к нему. Также никто из вождей племен, самостоятельно принявших титул шаньюя в период династий Вэй и Цзинь, не имел официального имени.

По всей вероятности, это объясняется тем, что за почти двухсотлетний период существования государства Южных хунну, никто из его шаньюев не был удостоен официального имени к своему титулу на протяжении их жизни. За это время население как Ханьской империи, так и государства Южных хунну, привыкло к перемене старой традиции и воспринимало такое положение дел вполне нормальным. По этой же причине пожалование титула шаньюя другим племенным вождям не требовало присвоения ему официального имени.

Таким образом, пожалование титула шаньюя было одним из приёмов улаживания дел на границах и постепенно он стал частью традиционной политики Китая, не заинтересованной в усилении и развитии политических образований народов Внутренней Азии. В рассматриваемом контексте, китайская культура, в итоге, завершила процесс трансформации и растворения древней традиции официального именования шаньюев.

Впоследствии среди народов Внутренней Азии появляется традиция присвоения официальных имён титулу Кагана. «Каган» сменяет «Шаньюя» в роли символа лидера народов Внутренней Азии. Существует, вероятно, множество причин этому. Но основная из них состоит в том, что титул шаньюя в течение длительного времени являлся китаизированным и, потому, более уже не передавал дух политической культуры номадов.

При этом необходимо подчеркнуть, что именно отказ от прижизненного присвоения официального имени-апеллятива титула шаньюя в пользу посмертного, явился главным проявлением и своеобразным символом его китаизации.

Библиографический список:

1. Хоу Хань шу [Книга Поздней Хань]. Сост. Фань Е. В 12 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1965.
2. Цзинь Шу [Книга Цзинь]. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1974.
3. Бэй Ши [История Северных династий], Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1974.
4. Ши цзи [Исторические записки]. Сост. Сыма Цянь. В 10 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1959.
5. Yü, Ying-shih, Trade and Expansion in Han China. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1967.
6. Бессонов Е.Г. Задачи информационного обеспечения процессов управления социокультурными трансформациями российского общества // Межконфессиональная миссия. 2020. Том 9. Часть 4. № 45. С. 475-480.

Reference

1. Hou Han shu [Book of Late Han]. Comp. Fan Ye. In 12 volumes. Beijing: Zhonghua shujui, 1965.
2. Jin Shu [Book of Jin]. Beijing: Zhonghua shujui, 1974.
3. Bei Shi [History of the Northern Dynasties], Beijing: Zhonghua shujui, 1974.
4. Shi ji [Historical notes]. Comp. Sima Qian. In 10 t. Beijing: Zhonghua shujui, 1959.
5. Yu, Ying-shih, Trade and Expansion in Han China. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1967.
6. Bessonov E.G. Tasks of information support for the management processes of sociocultural transformations of Russian society // Mission confessions. 2020. Volume 9. Issue 4. № 45. P. 424-480.

Игнатенко В.А.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова филиал ТюмГУ (Тюменский государственный университет).

Мошкова А.Д.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова филиал ТюмГУ (Тюменский государственный университет).

Синегубов С.Н.
Доктор исторических наук. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Эволюция территориальных претензий в русско-японских отношениях: историко-правовой анализ и современные вызовы*

Аннотация. В статье исследуется эволюция территориального спора между Россией и Японией вокруг принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и группы Хабомаи. Цель работы – проследить трансформацию характера и обоснования территориальных претензий от первых межгосударственных контактов в XVIII в. до современного этапа, выявив ключевые поворотные моменты, сформировавшие нынешнюю тупиковую ситуацию. На основе историко-правового анализа международных договоров (Симодского трактата, Портсмутского мира, Ялтинских соглашений, Сан-Францисского договора, Совместной декларации 1956 г.) и научных исследований рассматриваются факторы, влиявшие на динамику спора: военные конфликты, внешнеполитическое давление (включая роль США), внутриполитические изменения в обеих странах. Особое внимание уделяется современным вызовам – конституционным поправкам в РФ, прекращению переговорного процесса в 2022 г. и перспективам урегулирования в новых геополитических условиях.

Ключевые слова: российско-японские отношения, территориальный спор, Курильские острова, северные территории, историко-правовой анализ, Симодский трактат, Портсмутский мир, Сан-Францисский договор, Совместная декларация 1956 г., мирный договор, эволюция территориальных претензий, международное право, геополитика, Дальний Восток.

* © Игнатенко В.А., Мошкова А.Д., Синегубов С.Н., 2026.

Ignatenko V.A.
Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov, branch of Tyumen State University (Tyumen).

Moshkova A.D.
Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov, branch of Tyumen State University (Tyumen).

Sinegubov S.N.
Doctor of Historical Sciences. Ishim Pedagogical Institute P.P. Ershov (branch) Tyumen State University, Ishim.

The evolution of territorial claims in Russian-Japanese relations: historical and legal analysis and contemporary challenges

Abstract. This article examines the evolution of the territorial dispute between Russia and Japan over the islands of Iturup, Kunashir, Shikotan, and the Habomaigroup. The aim of the work is to trace the transformation of the nature and rationale behind territorial claims from the first interstate contacts in the 18th century to the present day, identifying the key turning points that shaped the current impasse. Based on a historical and legal analysis of international treaties (the Treaty of Shimoda, the Peace of Portsmouth, the Yalta Accords, the Treaty of San Francisco, and the 1956 Joint Declaration) and academic research, the factors that influenced the dynamics of the dispute are examined: military conflicts, foreign policy pressure (including the role of the United States), and domestic political changes in both countries. Particular attention is paid to contemporary challenges– constitutional amendments in the Russian Federation, the termination of the negotiation process in 2022, and prospects for a settlement in the new geopolitical environment.

Key words: Russian-Japanese relations, territorial dispute, Kuril Islands, Northern Territories, historical and legal analysis, Treaty of Shimoda, Treaty of Portsmouth, Treaty of San Francisco, Joint Declaration of 1956, peace treaty, evolution of territorial claims, international law, geopolitics, Far East.

Введение

Российско-японские отношения представляют собой уникальный феномен в системе международных связей Азиатско-Тихоокеанского региона. История стран, тесно переплетенная в экономической сфере и в рамках территориального расположения, до сих пор не содержит под-

писанного мирного договора по результатам окончания Второй мировой войны. Первопричина этой ситуации – перманентный спор относительно принадлежности группы островов Хабомаи, а также островов Шикотан, Итуруп и Кунашир.

Актуальность выбранной темы заключается в ряде факторов. В первую очередь, санкционная политика Японии в отношении России заморозила переговорный процесс и свела на нет результаты многолетних переговоров. Помимо этого, изменения, внесенные в Конституцию России, а также изменения во внешней политики Японии по сути полностью запретили обсуждение данного вопроса. И наконец, данный регион становится одним из центров мирового влияния, провоцируя возникновение различных территориальных претензий.

Целью настоящего исследования является историко-правовой анализ процесса территориальных споров и претензий между Россией и Японией, который в силу сложившейся международной обстановки и санционной политики зашел в тупик, а также оценка возможны вариантов развития данной ситуации.

Материалы и методы исследования

Теоретическую базу исследования составили научные труды ведущих отечественных и зарубежных специалистов в области истории международных отношений, международного права и регионоведения. Источниковая база включает анализ ключевых международных договоров: Симодского трактата 1855 г., Петербургского договора 1875 г., Портсмутского мирного договора 1905 г., Ялтинских соглашений 1945 г., Сан-Францисского мирного договора 1951 г. и Совместной декларации СССР и Японии 1956 г. Методологическую основу работы составляет комплексный историко-правовой анализ, позволяющий рассматривать проблему в диахроническом срезе, сочетая изучение исторических событий с анализом их международно-правовой интерпретации. Проблемно-хронологический метод дал возможность выявить причинно-следственные связи между историческими событиями и современным состоянием спора. Сравнительно-правовой метод применен для сопоставления интерпретаций ключевых соглашений сторонами конфликта, а также для анализа различных моделей решения территориальных споров в мировой практике.

Результаты и обсуждения

Проблема принадлежности южных Курил уходит корнями в эпоху первоначального освоения Дальнего Востока. Как отмечает российский исследователь К.Е. Черевко, ссылаясь на японские архивные манускрипты «Едзотифудзокукакиаче» (1715 г.) и «Камусека-коку фусецуко» (1783 г.),

первые экспедиции из России стали появляться в границах острова Хокайдо (ранее он назывался Эдзо) и иных островах Курской гряды в первой половине 18 в. (период Кьохо). Путешественник-исследователь, географ Иван Петрович Козыревский в 1713 г. ввел в подданство Российской Империи жителей острова Шумшу и острова Парамушир. Другой российский мореплаватель – Мартын Петрович Шпанберг в экспедиции 1738-1739 гг. присвоил русские названия сорока островам Курильской гряды попутно нанеся их на Генеральную карту Российской Империи. Спустя 30 лет Екатерина II юридически закрепила права на эти территории, что в 1786 г. отмечалось в записке президента Коммерц-коллегии А.Р. Воронцова и члена Коллегии иностранных дел А.А. Безбородко как «гряда Курильских островов ... принадлежащая Российской Империи» [10].

Однако, как справедливо указывают ученые С.А. Ахметшин и А.С. Бочкарева, дипломатические контакты между двумя державами осложнялись жесткой изоляционистской политикой токугавской Японии (сакоку) и взаимным отсутствием приоритетного интереса друг к другу. Россия была сосредоточена на европейском и ближневосточном направлениях, Япония – на отношениях с Голландией, Китаем и США. Это предопределило спорадический характер контактов и отсутствие четкого понимания позиций друг друга [1].

Первым юридическим актом, закрепившим государственную границу между двумя империями, стал Симодский трактат 1855 г. По его условиям граница устанавливалась между островами Уруп и Итуруп: Итуруп, Кунашир, Шикотан и острова Хабомаи отходили к Японии, а Уруп с островами к северу – к России. Сахалин оставался в совместном владении. Как подчеркивают историки В.Б. Евдокимов и М.В. Залоило, впоследствии японская сторона часто апеллировала именно к этому договору, доказывая исконный характер своих прав на Южные Курилы. Однако, по мнению авторов, этот аргумент противоречит статьям 59 и 30 Венской конвенции о праве международных договоров, поскольку Портсмутский мирный договор 1905 года, завершивший Русско-японскую войну, фактически аннулировал предшествующие соглашения [3].

Санкт-Петербургский договор 1875 г. – договор между Российской империей и Японией «об обмене территориями» должен был снизить градус напряженности в отношения между Россией и Японией, предоставив право японским рыбакам на рыбную ловлю, судоходство и торговлю в «спорных территориях». Однако, по факту это привело к тому, что японские рыбаки занимались бесконтрольным браконьерством и тотальным доминированием на острове Сахалин. Более того, японцы с молчаливого согласия (а скорее с одобрения) своего руководства транслировали местному населению айнам позицию о том, что они являются подданными не Российской Импе-

рии, а Японии. Совокупность данных фактов сформировало и позицию руководства России и мировоззрение местного населения о японцах, как о агрессивном, захватнически настроенном соседе, что заложило негативный трек в последующий переговорный процесс [7].

Русско-японская война 1904– 1905 гг. значительно изменила расстановку сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Портсмутский мирный договор, заключенный при посредничестской роли Соединенных Штатов ввел Корею в орбиту влияния Японии привел к утрате Россией южной части Сахалина. Именно Портсмутский мирный договор, а не иные нормативно-правовые акты, по мнению исследователей А.С. Подъянова и К.В. Власова, стал основополагающим документом, регламентирующим отношения Японии и Российской Империи (а после – и СССР) вплоть до 1925 г. После установления дипломатических отношений между СССР и Японией была подтверждена юридическая сила данного договора с поправкой на изменение политического строя в России [2].

Вторая мировая война существенно изменила баланс сил в регионе. Среди договоренностей, достигнутых лидерами антигитлеровской коалиции И.В. Сталиным, У.Л.С. Черчилем и Ф.Д. Рузвельтом была передача под юрисдикцию СССР южной части Сахалина и всех островой Курильской гряды. Это было условие Москвы по вступлению СССР в войну против Японии. В ходе боевых действий на завершающем этапе второй мировой войны советские войска заняли все острова Курсой гряды, включая упомянутые выше группу островов Хабомаи, а также острова Шикотан, Итуруп и Кунашир.

Однако, Сан-Францисский мирный договор 1951 г. по мнению историка И.А. Хвостова задавал лишь рамочные требования и по факту слабо учитывал интересы СССР, оставляя за США и Великобританией приоритет действий в данном регионе [9]. При это в договоре все же отмечалось, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин... суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору». Ключевой «недоработкой» договора было то, что в нем не фигурировал СССР, как страна в пользу которой Япония отказывается от территорий, что дает в настоящее время шанс Японии по его пересмотру. Помимо этого, в договоре не фиксировались географические границы территории «Курильские острова».

Советский Союз, чьи поправки были отклонены, отказался подписывать этот «сепаратный» договор [9]. Это обстоятельство, как отмечают исследователи А.В. Кашедов, Е.В. Плотникова и Я.Ю. Рыковский, дало возможность Японии ставить под вопрос окончательность решения проблемы и утверждать, что группа островов Хабомаи, а также острова Ши-

котан, Итуруп и Кунашир якобы не находятся в географических границах территории«Курильские острова», от которых она отказалась [5].

Советско-японская декларация 1956 г. (Московская декларация) – совместная декларация СССР и Японии, прекращающая состояние войны между странами – на данный момент является документом наивысшей степени компромисности между Россией и Японией в контексте урегулирования территориальных претензий относительно упомянутых выше островов. В обмен на заключение мирного договора Советский Союз был готов пойти на уступки в виде передачи Японии острова Шикотан и группы островов Хамобаи. Этот пункт (статья 9) до сих пор остается предметом ожесточенных дискуссий. Япония интерпретировала его как промежуточное решение и продолжила настаивать на возвращении всех четырех островов. Под угрозой Соединенных Штатов о невозврате Японии острова Окинава Токио отказалось от ратификации Московской декларации, объявив о требовании по возврату всех спорных территорий.

В годы холодной войны ситуация лишь усугублялась. Как показывает ученый А.Г. Зорихин, японское военно-политическое руководство последовательно рассматривало СССР как главную военную угрозу, что нашло отражение в «Курсе национальной обороны империи» 1907 г. и сохранялось вплоть до Первой мировой войны и даже позднее. Опасения реванша со стороны России за поражение 1905 г. подпитывали милитаризацию и исключали доверие в политическом диалоге. Эта инерция мышления в значительной степени сохранялась и в советский период, препятствуя поиску взаимоприемлемых решений [4].

Постсоветский период давал надежду на прорыв. Как анализирует доктор политических наук У.Б. Махмудов, в 1990-е гг. Япония активно включилась в поддержку российской интеграции в мировое сообщество. Красноярские встречи и план Хасимото-Ельцина создали беспрецедентную атмосферу сотрудничества. Токийская декларация 1993 г. и Московская декларация 1998 г. фиксировали стремление сторон разрешить территориальный вопрос. Однако, как отмечает автор, внутриполитическая слабость России и неуступчивость японской стороны, поддержанная жесткой позицией МИД Японии, не позволили реализовать намеченное. Токио продолжал настаивать на «возврате всех четырех островов» как на обязательном условии мирного договора, тогда как Москва считала такую постановку вопроса неприемлемой [8].

Современный этап характеризуется окончательной юридической блокировкой территориального спора. Как подчеркивают исследователи В.Б. Евдокимов и М.В. Залоило, анализ научной литературы и действующих международных договоров показывает, что группа островов Хабомаи, а также острова Шикотан, Итуруп и Кунашир в целом признаются между-

народным сообществом как российская территория. Пункт 9 Совместной декларации 1956 г., по мнению авторов, вступает в противоречие с императивными нормами международного права, закрепленными в Ялтинских соглашениях и Сан-Францисском договоре [3].

Окончательную точку в возможности территориального компромисса поставили поправки в Конституцию РФ 2020 г. Статья 67 теперь прямо запрещает действия, направленные на отчуждение территории Российской Федерации [6]. После начала специальной военной операции Россия заявила о прекращении переговоров по территориальным спорам в ответ на «недружественные действия» Токио, а японское правительство вернулось к формулировке «незаконная оккупация» в отношении южных Курил.

Вывод

Проведенный анализ позволяет утверждать, что эволюция территориальных претензий в русско-японских отношениях прошла несколько качественно различных этапов. На первом этапе (XVIII– XIX вв.) спор носил характер договорного размежевания и поиска компромисса в условиях взаимного освоения региона. На втором этапе, затронувшем период после окончания русско-японской войны и до окончания Второй мировой войны, происходил военный «пересмотр» существующих границ и прежних договоренностей. Последующий период, растянувшийся до распада Советского Союза, охарактеризовался возникновением правовой коллизии, когда фактический суверенитет СССР над спорной территорией ставился под сомнение некорректными составленными международными договорами. В ходе постсоветского периода современной Россией и Японией неоднократно предпринимались попытки решения данного вопроса, которые, в прочем, не увенчались успехом и были окончательно свернуты в 2022 г.

На данный момент существует прямой конституционный запрет на пересмотр действующих границ Российской Федерации. В совокупности с недружественной политикой Японии в отношении России данный вопрос в настоящее время закрыт. Причем причины этого тупика лежат не столько в правой и экономической плоскости, а сфере политического престижа и статуса каждой их стран на мировой арене. На данный момент отсутствуют сценарии взаимовыгодного решения данной проблемы для каждой из стран. Возможно, налаживание отношений между Россией и Японией снизит градус накала в данном вопросе, отодвинув его на периферию межгосударственного взаимодействия в силу возникновения политико-экономический точек соприкосновения, однако не только текущая и даже перспективная ситуация не дает таких оснований.

Библиографический список:

1. Ахметшин С.А. История территориальных отношений России и Японии / С. А. Ахметшин, А. С. Бочкарева // Вектор гуманитарной мысли. 2025. № 2. С. 1-10.
2. Власова К.В. Проблема спорных территорий в двусторонних российско-японских отношениях: история и современное состояние / К.В. Власова, А.С. Подъянов // Вестник гуманитарного образования. 2017. № 1. С. 68-72.
3. Евдокимов В.Б. Статус Южных Курил: вопросы историии проблемы обеспечения национальных интересов России / В.Б. Евдокимов, М.В. Залоило // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. №3. С. 90-102.
4. Зорихин А.Г. Эволюция взглядов руководства Японии на военную угрозу со стороны России в 1895-1916 годах / А.Г. Зорихин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 10. С. 89-100.
5. Кашедов А.В. Территориальный вопрос в отношениях Японии и России: история и современность / А.В. Кашедов, Е.В. Плотникова, Я.Ю. Рыковский // InternationalLawJournal. 2023. Т. 6. №6. С. 159-164.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // URL: http://www.constitution.ru/ (Дата обращения 13.02.2026).
7. Кузнецов А.П. Морские промыслы на Дальнем Востоке и российско-японские отношения в конце XIXначале XX в / А. П. Кузнецов // Российская история. 2013. № 3. С. 114-124.
8. Махмудов У.Б. Перспективы развития русско-японских отношений: взгляд в прошлое / У.Б. Махмудов // Colloquium-Journal. 2019. № 26-5 (50). С. 28-32.
9. Хвостова И.А. Англо-американский проект Сан-Францисского мирного договора от 3 мая 1951 Г.: цели и содержание / И.А. Хвостова // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 1 (92). С. 104-108.
10. Черевко К.Е. Свидетельства японских историков о принадлежности Сахалина и Курильских островов (XVIIIпервая половина XX в.) // Внешняя политика России. Источники и историография. Сб. ст. – М.: 1991. С. 182-197.
11. Изотова А.С. Формирование межкультурной личности в процессе изучения английского языка в техническом вузе // Межконфессиональная миссия. 2020. Том 9. Часть 2. № 43. С. 182-184.

Reference

1. Akhmetshin S.A. History of territorial relations between Russia and Japan / S.A. Akhmetshin, A.S. Bochkareva // Vector of humanitarian thought. 2025. № 2. P. 1-10.
2. Vlasova K.V. The problem of disputed territories in bilateral Russian-Japanese relations: history and current state / K.V. Vlasova, A.S. Podyanov // Bulletin of humanitarian education. 2017. № 1. P. 68-72.
3. Evdokimov V.B. Status of the South Kuril Islands: historical issues and problems of ensuring Russia's national interests / V.B. Evdokimov, M.V. Zaloilo // Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relations. 2020. Vol. 25. № 3. P. 90-102.
4. Zorikhin A.G. Evolution of the Japanese leadership's views on the military threat from Russia in 1895-1916 / A.G. Zorikhin // Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2023. Vol. 22. № 10. P. 89-100.
5. Kashedov A.V. Territorial issue in relations between Japan and Russia: history and modernity / A.V. Kashedov, E.V. Plotnikova, Ya.Yu. Rykovsky // InternationalLawJournal. 2023. Vol. 6. № 6. P. 159-164.
6. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). // URL: http://www.constitution.ru/ (13.02.2026).
7. Kuznetsov A.P. Marine Fisheries in the Far East and Russian-Japanese Relations in the Late 19th - Early 20th Centuries / A.P. Kuznetsov // Russian History. 2013. № 3. P. 114-124.
8. Makhmudov U.B. Prospects for the Development of Russian-Japanese Relations: A Look into the Past / U.B. Makhmudov // Colloquium-Journal. 2019. № 26-5 (50). P. 28-32.
9. Khvostova I.A. Anglo-American Draft of the San Francisco Peace Treaty of May 3, 1951: Goals and Content / I.A. Khvostova // Humanities and Socio-Economic Sciences. 2017. № 1 (92). P. 104-108.
10. Cherevko K.E. Evidence from Japanese Historians on the Attribution of Sakhalin and the Kuril Islands (18th - First Half of the 20th Century) // Russia's Foreign Policy. Sources and Historiography. Collection of Articles. – Moscow: 1991. P. 182-197.
11. Izotova A.S. The formation of an intercultural personality in the process of learning English at a technical university // Mission confessions. 2019. Volume 9. Issue 2. № 43. P. 182-184.

Кенер Г.В.

Аспирант 3 года обучения Кафедра теоретической политологии, факультета политологии. Институт международных отношений и политических наук, Российский государственный гуманитарный университет.

Эхо-камера как инструмент «исторической политики»: трансформация образа союзника и врага в медийном пространстве стран оси в 1930-1940-е гг.*

Аннотация. В статье исследуется феномен эхо-камеры как инструмента реализации исторической политики в медийном пространстве стран Оси (Германии, Италии, Японии) в 1930-1940-е годы. На основе междисциплинарного подхода, объединяющего политологию, историю международных отношений и теорию коммуникации, анализируются механизмы создания замкнутой информационной среды в условиях тоталитарных режимов. Особое внимание уделяется трансформации образов союзников и врагов под влиянием пропагандистских нарративов. На примере нацистской Германии показано, как в рамках единой эхо-камеры конструировались и менялись до противоположности образы СССР (от партнера до расового врага), западных демократий и младших партнеров по Оси. Автор приходит к выводу, что исторический опыт 1930-1940-х годов демонстрирует высокий потенциал эхо-камеры как инструмента мобилизации общества и легитимации внешнеполитического курса через селекцию исторической памяти и формирование образов «другого», что сохраняет актуальность для анализа современных информационно-политических процессов.

Ключевые слова: эхо-камера, историческая политика, пропаганда, страны Оси, образ врага, Вторая мировая война, медийное пространство.

Kener H.V.

3rd-year postgraduate student, Department of Theoretical Political Science, Faculty of Political Science, Institute of International Relations and Political Science, Russian State University for the Humanities.

Echo chamber as an instrument of “historical politics”: transformation of the image of ally and enemy in the media space of the Axis powers in the 1930s-1940s.

* © Кенер Г.В., 2026.

Abstract. The paper examines the phenomenon of the echo chamber as a tool for implementing historical policy in the media space of the Axis countries (Germany, Italy, Japan) in the 1930s and 1940s. Based on an interdisciplinary approach combining political science, international relations history, and communication theory, it analyzes the mechanisms for creating a closed information environment under totalitarian regimes. Particular attention is paid to the transformation of images of allies and enemies under the influence of propaganda narratives. Using the example of Nazi Germany, the author shows how, within a single echo chamber, the images of the USSR (from partner to racial enemy), Western democracies, and junior partners in the Axis were constructed and changed to the point of becoming opposites. The author concludes that the historical experience of the 1930s -1940s demonstrates the high potential of the echo chamber as a tool for mobilizing society and legitimizing foreign policy through the selection of historical memory and the formation of images of "the other," which remains relevant for the analysis of contemporary information and political processes.

Key words: echo chamber, historical politics, propaganda, Axis powers, image of the enemy, World War II, media space.

Постановка проблемы

В современном мире технологии информационного влияния приобрели значение одного из ключевых ресурсов государственной мощи, наряду с военным и экономическим потенциалом. Глобальное распространение цифровых платформ, алгоритмическая персонализация контента и кризис традиционных институтов медиа кардинально трансформировали публичную сферу. Политические коммуникации все чаще осуществляются в фрагментированной среде, где достоверность информации уступает место её эмоциональному заряду и соответствию ожиданиям аудитории. Этот феномен, определяемый в политологии как «постправда», делает общественное мнение крайне восприимчивым к манипулятивным воздействиям и затрудняет достижение общественного консенсуса по социально значимым вопросам [1, с. 154-155].

Особую роль в этих процессах играет технология «эхо-камеры», которая из стихийного психологического эффекта превратилась в целенаправленно используемый инструмент политической коммуникации и управления массовым сознанием [4, с. 43-44]. Возможность изолировать целевую аудиторию от альтернативных точек зрения и многократно усиливать транслируемые сообщения позволяет субъектам политического управления не просто влиять на текущие предпочтения граждан, но и формировать долгосрочные картины мира, включая представления о национальной истории.

В этом контексте особую актуальность приобретает изучение исторических прецедентов использования технологий замкнутой информацион-

ной среды. Период 1930-1940-х годов в странах Оси (Германии, Италии, Японии и их союзниках) представляет собой уникальный случай, когда при отсутствии современных цифровых средств коммуникации, но благодаря тотальному контролю над традиционными медиа, были созданы эффективные информационные контуры, изолирующие общества от внешнего мира и альтернативных точек зрения [10, с. 29-32; 2, с. 93]. Как отмечается в материалах проекта по оцифровке архива нацистской прессы «Gaupresse», пресса в системе национал-социализма функционировала по принципу «пропагандистской полезности», где первичным критерием отбора информации была её пригодность для идеологической обработки населения [9]. Анализ того, как медийное пространство тоталитарных режимов трансформировало образы союзников и врагов в зависимости от текущих геополитических задач, позволяет глубже понять природу «исторической политики» и механизмы конструирования национальной идентичности через противопоставление «другому».

Цель данной работы заключается в выявлении специфики функционирования эхо-камеры в медийном пространстве стран Оси и оценке её роли как инструмента трансформации образов союзников и врагов в контексте реализации «исторической политики» нацистской Германии и её сателлитов.

Термин «эхо-камера» пришел в политическую и международно-политическую науку из области коммуникативных исследований и обозначает замкнутую информационно-коммуникативную среду, в которой определенная точка зрения или убеждение усиливаются, повторяясь и циркулируя среди единомышленников, при этом альтернативные мнения систематически исключаются или дискредитируются [1, с. 154]. Важно различать «эхо-камеру» и близкое, но не тождественное понятие «фильтрующего пузыря». Если фильтрующий пузырь формируется преимущественно под воздействием алгоритмов, которые автоматически подбирают контент на основе предыдущих предпочтений пользователя, изолируя его от нежелательной информации, то эхо-камера строится на активном участии индивидов и социальных групп в воспроизводстве замкнутого информационного контура [3, с. 22-24].

В основе функционирования эхо-камеры лежат несколько взаимосвязанных механизмов. Во-первых, это селективное восприятие – психологическая склонность людей искать информацию, которая подтверждает их существующие убеждения, и избегать информации, которая им противоречит [4, с. 46-47]. Во-вторых, это эффект групповой поляризации, когда обсуждение внутри группы единомышленников приводит не к смягчению, а к радикализации исходных позиций, поскольку участники стремятся соответствовать доминирующему мнению и предлагают всё более крайние

его версии. В-третьих, это механизм дискредитации внешних источников, при котором любая информация, исходящая из-за пределов камеры, объявляется враждебной пропагандой, «фейком» или проявлением некомпетентности. Исследователи также обращают внимание на глубинную связь эффектов эхо-камер с естественными механизмами самоорганизации открытых систем, что позволяет рассматривать их не как случайный сбой, а как закономерный результат взаимодействия когнитивных, социальных и технологических факторов [7].

В современном цифровом мире эти механизмы многократно усиливаются алгоритмической архитектурой социальных платформ, которые оптимизируют контент под максимизацию вовлеченности пользователя, зачастую отдавая предпочтение эмоционально заряженным и поляризующим сообщениям [3, с. 42-43].

Использование эхо-камеры в международно-политическом управлении открывает перед её конструкторами ряд значительных возможностей. Ключевой из них является способность формировать и закреплять альтернативную эпистемологию – особую систему верификации знаний, в которой авторитет источника определяется не его объективностью или доказательной базой, а его принадлежностью к «своим» [1, с. 156-157]. В такой системе факты, противоречащие принятому нарративу, просто не воспринимаются как релевантные, поскольку они исходят из враждебного лагеря.

Далее, эхо-камера позволяет осуществлять эмоциональную синхронизацию больших социальных групп. Многократное повторение одних и тех же символов, лозунгов и образов создает общее эмоциональное поле, где коллективные переживания (страх, ненависть, гордость) унифицируются и становятся основой для политической мобилизации [4, с. 47-48]. Наконец, эхо-камера – это инструмент контроля над интерпретацией событий. Любое значимое происшествие может быть мгновенно встроено в господствующий нарратив и объяснено аудитории в выгодном для субъекта управления ключе, без риска столкнуться с альтернативной трактовкой.

Главным социально-политическим последствием функционирования эхо-камер является глубокая поляризация общества. Когда различные социальные группы существуют в непересекающихся информационных вселенных, возможность для диалога и поиска компромисса исчезает [3, с. 50]. Каждая из сторон воспринимает другую не как оппонента с иной точкой зрения, а как врага, либо заблуждающегося, либо сознательно действующего во вред. Кроме того, длительное пребывание в эхо-камере ведет к эпистемической деградации – утрате способности критически мыслить, отличать достоверные сведения от пропаганды и манипуляции. Это делает население крайне уязвимым для дезинформации и снижает его способность к адекватной оценке политической реальности.

Понятие «историческая политика» обозначает целенаправленную деятельность государства и иных политических сил по интерпретации исторических событий с целью формирования определенной идентичности, легитимации существующего политического порядка и мобилизации населения на решение текущих задач. Эхо-камера является идеальным инструментом для реализации исторической политики, поскольку позволяет создать герметичный нарратив о прошлом, недоступный для ревизии со стороны альтернативных версий истории.

В рамках исторической политики эхо-камера выполняет три ключевые функции. Во-первых, функцию селекции памяти, она отбирает для трансляции только те события и героев, которые работают на актуальную политическую повестку, отправляя неудобные факты в зону забвения. Во-вторых, функцию мифологизации, а именно многократным повторением исторический факт лишается своей сложности и превращается в простой, эмоционально окрашенный символ (например, «жертва», «предательство»). В-третьих, функцию мобилизации, в которой образ исторического врага или исторической несправедливости, постоянно циркулирующий в эхо-камере, служит мощным катализатором для объединения нации вокруг текущего политического руководства [6, с. 147].

Таким образом, эхо-камера, будучи помещенной в контекст исторической политики, превращается в механизм производства и воспроизводства социальной реальности, где прошлое постоянно реконструируется под нужды настоящего, а граница между союзником и врагом определяется не столько объективным ходом событий, сколько текущими пропагандистскими задачами.

Анализ ситуаций

Период 1930-1940-х годов дает яркий пример того, как технология эхокамеры, реализованная на базе традиционных СМИ (пресса, радио, кинематограф, массовая пропаганда) и системы тотального контроля за информацией, позволяла радикально и в кратчайшие сроки менять образы ключевых политических акторов в массовом сознании. Анализ пропаганды стран Оси, в первую очередь нацистской Германии, а также её союзников, демонстрирует, как «историческая политика» адаптировала нарративы о друзьях и врагах в зависимости от этапа подготовки и ведения войны [2, с. 108-112].

Изначально идеологическая машина НСДАП строилась на синтезе нескольких враждебных образов. В 1920-е – начале 1930-х годов главным врагом объявлялись «внутренние» силы: марксисты, коммунисты, «ноябрьские преступники», подписавшие «позорный» Версальский договор, и, конечно, евреи как якобы движущая сила мирового капитала и больше-

визма [2, с. 108]. Однако после прихода к власти и по мере развертывания внешнеполитической экспансии, эта система образов подверглась существенной корректировке.

Поворотным моментом стал 1939 год. Заключение пакта Молотова-Риббентропа потребовало от геббельсовской пропаганды немедленной и кардинальной смены тональности в отношении СССР. Еще вчера главный идеологический враг на страницах газет и в радиопередачах на некоторое время уступил место нейтральным или даже позитивным образам. В этот короткий период (1939 – середина 1941 г.) советско-германские отношения подавались как пример «миролюбивой политики» и «взаимовыгодного сотрудничества». На фотографиях, публиковавшихся в немецкой прессе, можно было увидеть улыбающихся дипломатов и подписанные соглашения [6, с. 135; 5, с. 179-180]. Внутри Германии объяснение населению давалось через прагматизм: перемирие на время необходимо, чтобы избежать войны на два фронта и окончательно разобраться с «заклятым врагом» – западными плутократиями и Великобританией [6, с. 83;150].

Однако после провала «блицкрига» и осознания необходимости тотальной войны на Востоке, с 22 июня 1941 года эхо-камера была перенастроена на прежнюю, но многократно усиленную волну. Образ врага вернулся к расово-биологическим основаниям. Был реанимирован и доведен до абсолюта концепт «еврейско-большевистского недочеловека». Если против Франции или Англии война велась как столкновение государств, то война против СССР пропагандой подавалась как война на уничтожение цивилизации [6, с. 148-149]. Важно отметить, что немецкая пропаганда искусно использовала реальные трагедии, произошедшие на территории СССР (коллективизацию, репрессии), чтобы представить вермахт «освободителем» от сталинского террора. Листовки, сбрасываемые над позициями Красной армии, призывали переходить на сторону «освободителей» [5, с. 144-145]. В этом заключался ключевой механизм эхо-камеры: информация из внешнего мира (жестокость НКВД) не отрицалась, а встраивалась в собственную мифологию, приобретая новое, нужное пропаганде значение и тем самым усиливая поляризацию – население оккупированных территорий должно было сделать «правильный» выбор между двумя тоталитарными системами, каждая из которых изображала другую как абсолютное зло.

Отношение к союзникам по Оси также было далеко от статичности и строилось на принципах жесткой иерархии, транслируемой через медиа. На вершине этой иерархии находились «братские арийские народы» – итальянцы и японцы. Образ Италии после заключения «Стального пакта» и особенно в период успешных кампаний 1940-41 годов подавался как образ доблестного, хоть и немного уступающего в военной мощи, союзника. Пропаганда восхваляла гений Дуче и воинов «нового Рима» [8; 5, с. 84-86].

Япония представлялась как «арийская душа на Востоке», что требовало серьезных когнитивных искажений с учетом расовой теории нацизма. Однако общий враг (США и коммунизм) и геополитический прагматизм (сдерживание СССР на Дальнем Востоке) сделали этот союз ключевым. Подписание Тройственного пакта в 1940 году подавалось как создание «непобедимой оси», которая перекроит мировую карту [8].

Иначе строились образы младших партнеров по Оси: Венгрии, Румынии, Болгарии, Словакии и Хорватии. Они никогда не изображались как равные. В румынских и венгерских дивизиях немецкая пропаганда видела, скорее, «пушечное мясо», чья роль – обеспечивать фланги вермахта. Однако их лидеры (Хорти, Антонеску, царь Борис III) регулярно появлялись в немецкой кинохронике, принимая награды от фюрера, что создавало иллюзию уважения и суверенитета. Это было необходимо для поддержания лояльности национальных контингентов и мобилизации ресурсов сателлитов [8].

Трансформация образов осуществлялась через несколько каналов, образующих единую эхо-камеру:

Во-первых, радио. Выступления Гитлера, Геббельса и других лидеров транслировались на всей территории рейха и оккупированных стран. Радиоприемники были сконструированы так, чтобы ловить только местные станции, технически блокируя доступ к зарубежному вещанию (BBC или «Голосу Америки») [10, с. 44-46].

Во-вторых, кинематограф. Еженедельная кинохроника «Дойче Вохеншау» создавала визуальный ряд, в котором союзники представали как парадные марши, а враги – как звери или недочеловеки. Художественные фильмы, такие как «Еврей Зюсс» или «Вечный жид», служили инструментом закрепления образа внутреннего и внешнего врага на эмоционально-образном уровне [10, с. 98; 1, с. 156].

В-третьих, печатная пропаганда и плакаты. Визуальный язык плаката был максимально упрощен. Союзники изображались в виде надежных партнеров (часто в форме, пожимающих руки), а враги – в виде карикатурных монстров, евреев с крючковатыми носами, сидящих на спинах рабочих, или комиссаров с наганами [10, с. 60-61]. Масштабы этой деятельности подтверждаются архивными данными: только в рамках деятельности одного из пропагандистских архивов нацистской Германии было систематизировано около 180 000 газетных статей, охватывающих такие темы, как преследование евреев, действия вермахта и реакция прессы на выступления лидеров рейха [9].

К 1944-1945 годам, когда реальность военных поражений стала очевидной даже для самых убежденных сторонников нацизма, эхо-камера начала давать сбои. Образ непобедимого союзника (Италия капитулировала уже в

1943-м) рухнул, и его сменил образ «предателя». Муссолини после его свержения стал в немецкой пропаганде жертвой масонского заговора. Образ врага, напротив, гипертрофировался: советские солдаты изображались как орды азиатов, несущие гибель европейской цивилизации. Это была последняя попытка использовать механизм поляризации для мобилизации ресурсов на тотальную войну.

Результаты исследования

Анализ кейсов демонстрирует, что в 1930-1940-е годы в странах Оси сложилась классическая модель эхо-камеры, пусть и на базе домедийных технологий. Эта модель характеризовалась жестким контролем над входящими и исходящими информационными потоками, монополией государства на производство смыслов и систематической дискредитацией внешних источников. Образы союзников и врагов в рамках этой системы были не статичными категориями, а подвижными конструктами, менявшимися в зависимости от логики «исторической политики» и этапов военной кампании. Эволюция проходила от образа врага как классового оппонента в 30-е гг., через вынужденный нейтралитет как к «партнеру» (СССР) в 1939-1941 гг., к образу расового недочеловека после 1941 г. Союзники, в свою очередь, ранжировались от «равных арийцев» до «временных попутчиков», чья ценность определялась исключительно военно-экономической целесообразностью. Это подтверждает тезис о том, что эхо-камера является мощнейшим инструментом исторической политики, позволяющим переформатировать коллективную память и идентичность в угоду текущей политической конъюнктуре.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать ряд обобщающих выводов о природе и исторической динамике феномена эхо-камеры. Во-первых, эхо-камера не является исключительным порождением цифровой эпохи. Как показано на примере стран Оси 1930-1940-х годов, тотальный контроль над традиционными медиа в сочетании с системой массовой пропаганды создавал информационную среду, обладающую всеми ключевыми свойствами современной эхо-камеры: замкнутостью, селективностью, механизмами групповой поляризации и дискредитации внешних источников. Это позволяет рассматривать пропагандистские системы тоталитарных режимов XX века как исторический прообраз современных алгоритмических эхо-камер.

Во-вторых, исследование подтверждает высокую эффективность эхо-камеры как инструмента «исторической политики». Способность изолировать население от альтернативных интерпретаций прошлого и настоящего, многократно усиливать нужные нарративы и формировать эмоционально

заряженные образы «своих» и «чужих» делает эхо-камеру незаменимым механизмом легитимации политической власти и мобилизации общества на решение внешнеполитических задач. Трансформация образов союзников и врагов в медийном пространстве нацистской Германии, где вчерашний партнер СССР в одночасье превратился в главного расового врага, а потерпевший поражение союзник Италия – в «предателя», наглядно демонстрирует этот инструментальный потенциал.

В-третьих, опыт 1930-1940-х годов выявляет глубокую связь между «исторической политикой» и конструированием образа врага. В условиях замкнутой информационной среды исторические события и фигуры прошлого служат сырьем для создания мифологий, обосновывающих текущую вражду или союзничество. Селекция памяти, когда одни исторические эпизоды возвеличиваются, а другие замалчиваются, позволяет придать актуальным политическим конфликтам видимость глубинной, цивилизационной или расовой неизбежности.

Наконец, обращение к этому историческому опыту имеет важное значение для понимания современных политических процессов. Хотя цифровые технологии многократно усилили скорость и масштаб распространения информации, базовые социально-психологические механизмы, на которых строятся эхо-камеры, остаются неизменными. Изучение того, как тоталитарные режимы прошлого манипулировали сознанием миллионов людей через создание герметичных информационных пространств, помогает распознавать аналогичные угрозы в настоящем и разрабатывать стратегии противодействия информационной изоляции и поляризации общества. Уроки истории свидетельствуют о том, что общество, запертое в собственных пропагандистских мифах, утрачивает способность адекватно воспринимать реальность и обрекает себя на политические катастрофы.

Библиографический список:

1. Бажанов В.А. Особенности познавательных механизмов в информационную эпоху: «эхо-пузыри» и «эхо-камеры» // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 4. С. 152-164.
2. Боэм Э. За линией фронта: пропаганда союзников и стран Оси во время Второй мировой войны // Секокус, Нью-Джерси: Wellfleet Press. 1989. 203 с.
3. Брунс Аксель Реальна ли стена фильтров? / пер. с англ. А. Архиповой // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2023. 120 с.
4. Грачев М.Н. Эхо-камеры, эпистемические пузыри и пузыри фильтров как акторы сетевого коммуникационного пространства // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 29. С. 41-54.
5. ДиНардо Р.Л. Германия и страны Оси: от коалиции к краху (Современные военные исследования) // Издательство Канзасского университета. 2005. 296 с.
6. Еремин С.В. Нацистский режим в зеркале советской пропаганды 1933–1941 гг.: монография // Нижневартовск: изд-во НВГУ. 2021. 176 с.
7. Замков А.В. Эффект эхо-камеры как проявление принципа самоподобия в социальных сетях (2019). Медиаскоп. Вып. 2. // URL: http://www.mediascope.ru/2548 (Дата обращения 14.02.2026)
8. Мемориальный музей Холокоста США. Страны Оси во Второй мировой войне (2023). Энциклопедия Холокоста. Дата размещения: 31.01.2023. // URL: https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/axis-powers-in-world-war-ii (Дата обращения 14.02.2026)

9. Проект оцифровки архива нацистской прессы «Gaupresse». Институт современной истории Венского университета. Национальный фонд Австрии. 2012. // URL: https://www.nationalfonds.org/detail-view/940 (Дата обращения 15.02.2026)
10. Уэлч Д. Пропаганда Второй мировой войны: анализ искусства убеждения в военное время. // Санта-Барбара, Калифорния: ABC-CLIO. 2017. 196 с.
11. Чапкин Н.С. Применение ChatGPT в образовании и науке // Альманах «Крым». 2023. № 37. С. 42-46.

Reference

1. Bazhanov V.A. "Characteristics of Cognitive Mechanisms in the Information Age: Echo Bubbles and Echo Chambers" // Philosophical Journal. 2022. Vol. 15. № 4. P. 152-164.
2. Boehm E. "Behind the Front Lines: Allied and Axis Propaganda during World War II" // Secaucus, NJ: Wellfleet Press. 1989. 203 p.
3. Bruns Axel. "Is the Filter Wall Real?" / translated from English by A. Arkhipova // National Research University "Higher School of Economics". – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 2023. 120 p.
4. Grachev M.N. Echo Chambers, Epistemic Bubbles, and Filter Bubbles as Actors in the Network Communication Space // Russian School of Public Relations. 2023. № 29. P. 41-54.
5. DiNardo R.L. Germany and the Axis Powers: From Coalition to Collapse (Modern Military Studies) // Kansas University Press. 2005. 296 p.
6. Eremin S.V. The Nazi Regime in the Mirror of Soviet Propaganda 1933–1941: Monograph // Nizhnevartovsk: NVSU Press. 2021. 176 p.
7. Zamkov A.V. The Echo Chamber Effect as a Manifestation of the Self-Similarity Principle in Social Networks (2019). Mediascope. Issue. 2. // URL: http://www.mediascope.ru/2548 (14.02.2026)
8. United States Holocaust Memorial Museum. Axis Powers in World War II (2023). Holocaust Encyclopedia. Date of publication: 31.01.2023. // URL: https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/axis-powers-in-world-war-ii (14.02.2026)
9. Gaupresse Press Archive Digitization Project. Institute of Contemporary History, University of Vienna. Austrian National Foundation. 2012. // URL: https://www.nationalfonds.org/detail-view/940 (15.02.2026)
10. Welch, D. Propaganda of World War II: An Analysis of the Art of Persuasion in Wartime. // Santa Barbara, CA: ABC-CLIO. 2017. 196 p.
11. Chapkin N.S. Application of ChatGPT in education and science // Almanac "Crimea". 2023. № 37. P. 42-46.

Корякин В.Н.

Аспирант кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», заведующий отделом Воинской славы МБУК «Музей истории города Йошкар-Олы».

Формирование политического образа России в газете "The New-York Times" начала 1860-х гг. в контексте польского вопроса*

Аннотация. Данная статья посвящена истории становления политического образа Российской империи на страницах номеров газеты "The New-York Times" (NYT) за период 1860-1862 гг. Для раскрытия темы выбрано освещение указанным изданием такой проблемы, как территориально-административная и полицейско-репрессивная политика царских властей на окраинах государства. В качестве конкретного примера выбрано одно из направлений внутренней политики российского правительства в виде польского национального вопроса, к которому редакторы NYT проявляли особый интерес. Анализируются и характеризуются выпуски издания за 1860-1862 гг. Впервые проводится исследование номеров NYT за указанный период с применением контент-анализа. В основу методологии положена теория ориентализма Э.В. Саида, раскрывающая западные стереотипы о «восточной деспотии». В конце статьи делается вывод о двух тенденциях в политических кругах империи, которые выделяли редакторы издания на примере польской политики: либерально-реформаторской и консервативно-реакционной.

Ключевые слова: польский вопрос, The New-York Times, политический образ России, пресса США, Великие реформы в России.

Koryakin V.N.

Postgraduate student of the Department of General History of the Mari State University, Head of the Department of Military Glory of the MBUK Museum of the History of the City of Yoshkar-Ola.

The formation of the political image of Russia in The New York Times newspaper of the early 1860s in the context of the Polish question

Abstract. This article is devoted to the history of the formation of the political image

* © Корякин В.Н., 2026.

of the Russian Empire on the pages of the issues of the newspaper "The New York Times" (NYT) for the period 1860-1862. To reveal the topic, the publication chose to cover such a problem as the territorial, administrative, and police-repressive policies of the tsarist authorities on the outskirts of the state. As a concrete example, one of the directions of the internal policy of the Russian government was chosen in the form of the Polish national question, to which the editors of the NYT showed special interest. The issues of the publication for 1860-1862 are analyzed and characterized. For the first time, a study of NYT numbers for the specified period using content analysis is being conducted. The methodology is based on the theory of orientalism by E.V. Said, which reveals Western stereotypes about "Eastern despotism." At the end of the article, a conclusion is drawn about two trends in the political circles of the empire, which were highlighted by the editors of the publication using the example of Polish politics: liberal-reformist and conservative-reactionary.

Key words: The Polish question, The New York Times, the political image of Russia, the US press, Great Reforms in Russia.

В период третьей четверти XIX в. разные отрасли мирового развития претерпевали по-настоящему эпохальные перемены. Экономика, социальная сфера, дипломатия, наука, философия и культура многих стран мира двигались в рамках всесторонних революционных процессов. Данные трансформации охватили обширные пространства двух континентов – европейского и североамериканского.

По справедливому утверждению В.В. Согрина, после окончания американо-мексиканской войны 1846-1848 гг. для США были свойственны тенденции, приведшие, с одной стороны, к социально-экономическому противостоянию между южной и северной секциями, с другой стороны – к культурно-цивилизационному антагонизму между ними [1]. Данная обстановка обозначила дальнейшие политические события в виде победы Авраама Линкольна на президентских выборах 1860 г., сецессии южных штатов и начала гражданской войны.

Бурные события внутриполитической жизни США проходили в одно время с масштабными изменениями в крупнейшем сухопутном государстве мира – Российской империи. В качестве главного маркера ситуации в царской империи выступало начало модернизационных реформ. Именно фактор масштабного реформирования впоследствии станет главным толчком для резкого возрастания интереса к России со стороны целой плеяды американских авторов в лице политиков, дипломатов, писателей, публицистов, журналистов и редакторов периодических изданий.

Как отмечает И.И. Курилла, представления о «других / иных» на протяжении большей части истории занимали видное место в формировании автообраза американского общества: «Представления жителей США о себе

включают не только набор сущностных черт,… но и четкое определение тех, кто не входит в их общее «мы», а также выбор Других – народов, чьи черты описываются как противоположные собственным…» [2, С. 7].

Темы российско-американских отношений и восприятия России американцами 1860-х гг. исследуются в отечественной историографии уже давно. В дореволюционное время они были изучены в работах дипломатов и морских офицеров – С. Татищева[1], В. Каллистова[2], В. Гончарова[3] и А. Конкевича (А. Беломора)[4]. На новом, советском, этапе марксистко-ленинская трактовка истории Гражданской войны в США нашла отображение в сочинениях Д.И. Заславского[5], А.В. Ефимова[6] и М.М. Малкина[7]. Во второй половине XX в. в научное поле приходят такие корифеи советской американистики, как И.Я. Левитас, Г.П. Куропятник [3], Р.Ф. Иванов [4, 5], Н.Н. Болховитинов [6-9] и др. Зарождается традиция издания коллективных сборников и монографий [10-12]. На новом этапе историографии вопросы внешней политики царской России раскрываются в работах О.Р. Айрапетова [13-14]. Вопросам сравнения американской и русской ментальностей, взаимовосприятия двух стран в конкретно-историческом контексте посвящены работы А.В. Павловской [15] и И.И. Кириллы [16-17]. Заслуга характеристики возникновения и развития периодических изданий США в российской исторической науке принадлежит трудам Т.В. Алентьевой и М.А. Филимоновой [18-20].

Несмотря на проработку отечественной историографией проблемы восприятия России общественностью США XIX-го столетия, достаточно мало изученной остается тема отображения образа царской империи в американской прессе.

Цель данной статьи – раскрытие процесса формирования политического образа России на страницах периодической печати США на примере выпусков газеты "The New-York Times" (NYT). Источниковой базой иссле-

1 *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Том I / С.С. Татищев. –СПб.: Издание Суворина А.С., 1903. 554 с.

2 *Каллистов Н.Д. Американская экспедиция русского флота* в 1863-64 гг. // Военная энциклопедия / Н.Д. Каллистов // Под ред. Ген. штаба полк. В.Ф. Новицкого, воен. инж. подполк. А.В. фон Шварца и др. [Т. 2]. С. 384-388.

3 *Гончаров В.* Американская экспедиция русского флота в 1863-1865 гг.: (К пяти десятилетней годовщине) / В. Гончаров // Морской сборник. 1913. № 8. С. 25-57.

4 *Беломор А.* Вторая Тихоокеанская эскадра / А. Беломор // Морской сборник. 1914. № 8. С. 35-52.

5 *Заславский Д.И.* Гражданская война в Соединенных штатах Северной Америки (1861-1865) / Д.И. Заславский. – Л.: Прибой, 1926. 159 с.

6 *Ефимов А.В.* К истории капитализма в США. – М.: Соцэкгиз. 1934 –317 с.; Новая книга о русско-американских отношениях / А.В. Ефимов // Историк-марксист. 1936. № 3. С. 144-159.

7 *Малкин М.М.* Гражданская война в США и царская Россия / М.М. Малкин // Под ред. и с пред. акад. Е.В. Тарле. – *М.*-Л.: Соцэкгиз, 1939. 332 с.

дования служат номера указанного издания в промежуток 1860-1862 гг., то есть во время, предшествовавшее началу нового польского восстания. Обозначенная тема рассматривается впервые, однако развитие научного дискурса обуславливает потребность в обращении к отдельным аспектам истории репрезентации образа России как «другого / иного» в западном медиапространстве.

В США медиатизацию политического пространства и общественного мнения обеспечивал фактор распространения грамотности, образования и недорогой периодической печати. В высшей степени точно определяет роль прессы в рассматриваемую эпоху Т.В. Алентьева, называя ее «одним из основных факторов формирования общественного мнения, барометром, отражающим различные настроения американского общества…» [21, с. 288]. Так, если в 1830 г. в США печаталось 65 ежедневных, а также 650 еженедельных газет, то через 20 лет, в 1850 г., в стране выходило уже 254 ежедневных газет, еженедельных – 1902 [22, с. 288].

Накануне войны Севера и Юга одним из ведущих американских изданий можно было назвать газету "The New-York Times", основанную в 1851 г. журналистом Г.Дж. Рэймондом и банкиром Дж. Джонсом. Уже через несколько лет после своего появления NYT вышла на третье место среди нью-йоркских газет по общему тиражу, составившему 89 тыс. экземпляров.

Издание играло одну из ключевых ролей в формировании общественного мнения США о других странах, так как ее отличительной чертой был особый интерес к внешней политике и международной обстановке. «New York Times… отличалась сдержанностью, консерватизмом и особым вниманием к международным новостям» [23, с. 32].

Однако тема России, ее состояния и развития не занимала видного места в общественном мнении США вплоть до конца 1850-х гг. В среде редакторов периодических изданий и журналистов представления о царской империи были основаны на общих сведениях, откровенных мифах и ориенталистских, по Э.В. Саиду [24], представлениях. В частности, на страницах NYT Россия представала как дремучее царство, население которой не обладает «какими-либо политическими или сравнительно либеральными настроениями»[8]. Царская империя представала в образе страны, отсталой во всех отношениях – экономическом, техническом, военном и культурном[9].

В тоже время, периодическая печать США, как государства, рожденного в ходе революционного процесса, уделяла пристальное внимание протестным и антиправительственным течениям в других уголках мира. Если говорить о редакторах NYT, то они проявляли большой интерес, в частности, к

8 The New-York Daily Times. June 11, 1855. P. 4.

9 См., например: The New-York Daily Times. December 23, 1851. P. 2.

польскому национальному вопросу в Российской империи.

Заметки и статьи, посвященные обстановке в Польше, печатались на страницах издания еще в первые годы его деятельности[10]. Однако по-настоящему регулярно польский вопрос стал фигурировать в номерах газеты лишь с 1860 г., ставшего одним из поворотных в истории Польши. Именно тогда в Варшаве прошли антиправительственные демонстрации, в июле начались акции протеста. Бывший глава военного министерства, генерал-фельдмаршал граф Д.А. Милютин впоследствии вспоминал: «В 1860 г. агитация в Царстве Польском приняла уже характер вызывательный»[11]. Активизация польского движения была напрямую связана с новой, пореформенной ситуацией в государстве.

Анализ 23 публикаций за 1860 г. выявил доминирование негативной тональности по отношению к России в течение года. Ключевыми темами первой половины года стали пример Польши как аннексированной территории, лишенной суверенитета и независимости (52,17%), а также упор на «подавлении национальной жизни»[12] (13,04%).

Действительно активным освещение событий в Польше становится с конца лета, когда в Варшаве наблюдалось обострение обстановки, повлекшее репрессивные меры правительства. Характеристика положения Польши и национального «гнета» в материалах NYT дополняется акцентом на репрессивную политику царской администрации (34,78%): «В Польше были приняты новые меры строгости, а цензура печати и книг в настоящее время осуществляется почти с большей строгостью, чем во время правления покойного императора Николая»[13], «Россия стягивает в Польшу крупные воинские соединения»[14] и т.д.

Как можно видеть, в номерах NYT за 1860 г. рисуется крайне негативный образ царской империи как страны, подавляющей национальные свободы и права человека на своих окраинах, решающей национальный вопрос силовым воздействием, а не путем реформ.

Ситуация меняется в следующем году. В связи с изданием манифеста о ликвидации крепостничества, польские общественные и революционные круги усиливают борьбу за перемены. Растет число демонстраций и акций протеста в Варшаве[15]. Практически синхронно с развитием событий

10 См., например: The New-York Times. February 3, 1852, P. 3; The New-York Times. November 14, 1853. P. 1.

11 *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1860-1862 / Под ред. и с пред. д.и.н., проф. Захаровой Л.Г. – М.: Студия ТРИТЭ, РИО «Российский Архив», 1999. С. 54.

12 The New-York Times. March 20, 1860. P. 4.

13 The New York Times. August 24, 1860. P. 2.

14 The New York Times. August 24, 1860. P. 4.

15 *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича

в Польше увеличивается и число выпусков NYT, в которых данные аспекты, так или иначе, затрагивались. Показательно, что общее количество колонок и статей за упомянутый 1861 г. составило уже 85 (рост на 240% по сравнению с предыдущим годом).

События в польской столице определяются как акты национального и социального протестов, «составившие небезынтересную главу в событиях этого [1861-го] года»[16]. При этом авторы указывают на превалирование среди митингующих польской аристократии, что подчеркивает значение, которое «имело это событие в то время»[17].

Негативная тональность выпусков NYT за 1861 г. (48,24%) определялась, главным образом, двумя факторами: во-первых, освещением протестов со стороны населения (16,47%); во вторых, упоминаниями о применении армии, подавлении и насилии со стороны властей (24,71%).

В это же время впервые на страницах газеты в контексте польского вопроса появляются позитивные оценки России, связанные исключительно с личностью императора Александра II. Ввиду начала Великих реформ для газеты была свойственна романтизация образа царя как политической фигуры, сделанной «из прекрасного податливого материала, который должен был откликаться на живые права и признавать в просвещенном мнении Южной и Центральной Европы истинный пульс народа». В отношении России употреблялось ориенталистское клише государства «старых мрачных традиций», из которых ее выводит «правящий царь… с руками, наполненными прогрессом, и сердцем, наполненным сочувствия»[18].

Большие надежды редакция газеты возлагала на проект модернизации местного самоуправления: «восстановление Государственного совета, полную реформу системы государственного образования, выборность муниципалитетов гражданами»[19]. Данные меры расценивались как, «возможно, первый шаг к восстановлению в Польше ее Конституции, ее языка и ее свободы»[20].

В связи с внедрением новой риторики за 1861 г. о реформах прямо или косвенно идет речь в 23,53% материалов, конкретно о реформах самоуправления – в 10,59%. В 9,41% колонок и статей встречается понятие «уступки».

Однако со второй половины апреля в номерах NYT прослеживается явное разочарование в политико-административном курсе царских властей

Милютина 1860—1862 / Под ред. и с пред. д.и.н., проф. Захаровой Л.Г. – М.: Студия ТРИТЭ, РИО «Российский Архив», 1999. С. 73-76.

16 The New York Times. August 24, 1860, P. 4.

17 Ibid.

18 Ibid.

19 The New-York Times. April 1, 1861. P. 1.

20 Ibid.

ввиду крайней медлительности реформ, и без того оказавшихся «половинчатыми»: «Уступки, сделанные императором, не удовлетворили народ»[21], «Муниципалитет Варшавы был распущен»[22] и т.д.

Как итог, с двадцатых чисел месяца в подавляющем большинстве выпусков издания, затрагивавших вопрос о ситуации в Польше, освещались, в основном, волнения в польских городах и ответные репрессивные меры царской администрации: «Пять солдат были убиты и сорок пять человек арестованы…»[23], «…русские войска расположились лагерем на площадях Варшавы. Общественные здания были полностью заняты военными... Толпы людей собирались на улицах, но им запрещалось стоять на месте. Национальных костюмов и траура больше не было видно. Не издавались газеты»[24], «В Варшаве продолжаются аресты. Арестованы два члена бывшей делегации граждан…»[25] и т. д.

Для общества северных штатов США, образовавшегося на основе пуританских общин, с ранних лет существования американской общности большое значение имела христианская религия. Посягательства на права или положение верующих всегда болезненно воспринималось населением Севера. В связи с этим отдельную роль на страницах издания играло освещение положения религии в Польше.

В 12,94% публикаций за год поднимались темы состояния и деятельности католической церкви на территории Польши в условиях начавшихся протестов и конфликтов между властью и обществом. Духовенство католических храмов указано в качестве участника и организатора волнений в регионе, важная духовная опора протестующих: «во всех церквях Варшавы прошли траурные церемонии»[26], «меры в отношении всех священнослужителей, которые могут возбуждать народ своими проповедями в церквях»[27], «созван военный совет для обсуждения, как поступать с толпами людей, стекавшихся в церкви, чтобы отслужить панихиды по польским мученикам»[28] и т.д.

Подчеркивались притеснения по отношению к католической вере в пределах Царства Польского, такие как ограничения богослужений, аресты священнослужителей, закрытие костелов и вторжения в них полицейских и войсковых отрядов, обвалы прихожан: «Сообщается, что по случаю «демонстрации Костюшко» военные арестовали всех участников, отказавших-

21 The New-York Times. April 16, 1861. P. 8.
22 The New-York Times. April 26, 1861. P. 2.
23 The New-York Times. April 24, 1861. P. 2.
24 The New-York Times. April 26, 1861. P. 2.
25 The New-York Times. April 30, 1861. P. 8.
26 The New-York Times. March 29, 1861. P. 1.
27 The New-York Times. May 14, 1861. P. 5.
28 The New-York Times. December 11, 1861. P. 6.

ся покинуть варшавские костелы, где они собрались»[29], «Люди молились перед дверями церквей после того, как духовенство закрыло их»[30], «Было решено, что войска должны окружить церкви во время службы, позволить женщинам выйти, но арестовать всех мужчин»[31] и т.д.

Как можно видеть, резкое увеличение материалов о польском вопросе и, хоть и незначительное, смещение их тональности в сторону нейтральных и поддерживающих оценок делает 1861 г. поворотным этапом в плане освещения темы на страницах NYT. Начал складываться дуализм в образе царской империи, определявшийся сочетанием двух нарративных рядов: 1. «демонстрация», «протест», «волнение», «революция», «войска», «столкновение», «подавление», «насилие», «убийство», «арест»; 2. «реформа», «прогресс», «перемены», «самоуправление», «свобода», «уступки». Россия путем объединения данных терминов стала представать как консервативно-реакционная восточная деспотия, вставшая на путь модернизации, но еще сохранившая прежние традиции в политике и социальных отношениях.

Таким образом, в течение двух лет на страницах NYT выдерживается в целом отрицательное отношение к России и проводимой ей политике по отношению к своей западной провинции. В то же время, в 1861 г. данный взгляд на царскую империю несколько разбавляется информацией о новом реформаторском курсе императора Александра II. В результате редакторы газеты стали освещать польскую проблему с двух сторон: волнений населения и последовавших репрессий царского правительства, с одной стороны, реформ и преобразований в области местного самоуправления, с другой.

В связи с введением в Польше осадного положения (октябрь 1861 г.) резко ограничиваются возможности свободной переписки, корреспонденции или иных способов передачи информации о положении в регионе. Анализ 32 материалов NYT за 1862 г. демонстрирует их фрагментарность и лаконичность. Редакторы газеты в большинстве примеров ограничиваются двумя-тремя предложениями, содержащими нейтральную и достаточно «сухую» констатацию фактов недовольства населения и вызванных им беспорядков (31,25%), репрессий властей (37,5%) и компромиссов правительства в виде административных перестановок и смягчения законодательства (31,25%).

Преобладанию нейтральной тональности в номерах издания польского вопроса за 1862 г. во многом способствовало назначение на пост наместника Польши великого князя Константина Николаевича – представителя партии реформ при царском дворе. Указывалось, что великий князь начал сравнительно либеральный курс, характеризовавшийся отказом от «не-

29 The New-York Times. October 31, 1861. P. 8.

30 The New-York Times. November 2, 1861. P. 5.

31 .The New-York Times. December 11, 1861. P. 5.

которых глупых и неблагородных решений своих предшественников»[32]. Отмечались такие шаги нового наместника, как амнистирование части арестованных и приговоренных во время волнений в регионе[33], отмена отдельных налогов[34], сокращение чиновничьего аппарата[35].

В то же время, несмотря на признание стремления царской власти к сглаживанию положения путем уступок и преобразований, редакция NYT все чаще указывала на фатальность сложившейся в Польше обстановки: «Волнения в Польше… являются постоянным источником раздражения и беспокойства для императорского правительства»[36], «Беспорядки в Польше продолжаются»[37] и т.д.

Из вышеприведенных материалов можно сделать вывод, что внутренняя обстановка в Польше определила количество и тональность материалов газеты в 1862 г. Ограниченность сведений и каналов получения информации, отсутствие глобальных реформ со стороны царских властей, половинчатость и медлительность преобразований привели к снижению (на 62,35%) в сравнении с 1862 г. числа номеров, посвященных польскому вопросу. Снизилась и глубина освещения проблем, связанных с польским вопросом. Несмотря на это, редакция NYT осознавала все большее возрастание кризиса в отношениях между российской администрацией и польским обществом.

Таблица 1. Динамика публикаций NYT по годам.

Год	Количество публикаций	Процентное соотношение публикаций	Основные темы
1860	23	19,33%	Политическое положение Польши, национальное угнетение
1861	85	71,43%	Недовольство польского общества, демонстрации и волнения в городах, цензура и репрессии царских властей
1862	32	26,89%	Уступки правительства, рост недовольства, продолжение беспорядков, назревание восстания

32 The New-York Times. August 10, 1862. P. 6.

33 Ibid; The New-York Times. October 24, 1962. P. 8.

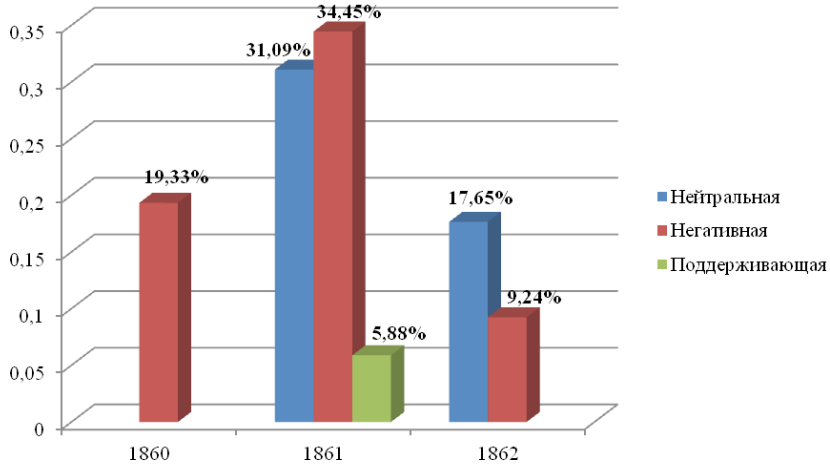
34 Ibid; The New-York Times. September 29, 1862, P. 2; The New-York Times. November 20, 1862. P. 1.

35 The New-York Times. August 13, 1862. P. 1.

36 The New-York Times. February 21, 1862. P. 4.

37 The New-York Times. December 4, 1862. P. 4.

График 1. Динамика тональности публикаций NYT по годам.



Таким образом, общий анализ 119 колонок и статей NYT 1860-1862 гг., в которых затрагивался польский вопрос, позволяет судить о ключевых тенденциях в формировании американской прессой политического облика России на фоне ее курса в отношении Польши. Преобладающей была негативная тональность (63,03%), которая определялась, главным образом, информацией о репрессивной политике царских властей (29,41%), характеристикой политического положения Польши как аннексированной территории с отсутствием прав и субъектности (26,89%), а также национально-религиозном притеснении (20,17%).

Важным компонентом выступала ориенталистская, по Э.В. Саиду, риторика. В отношении России использовались такие характерные для репрезентации Востока на Западе клише, как «подавление», «старые мрачные традиции» (см. выше), «тирания»[38], «восточная автократия»[39], а также апелляция к антагонизму в отношении духа «прогресса и цивилизации там, где он находится»[40], характерному для описания «восточных деспотий»[41].

В условиях, когда Россия воспринималась как архаичное и варварское «царство снегов и лесов», определяющим или даже единственным фактором ее модернизации выступал правящий царь, его воля и замыслы. Такой подход не позволял должным образом проанализировать всю многогранность социально-политических процессов в империи, приводил к упрощенным, примитивным дихотомиям наподобие «прогрессивный монарх /

38 The New York Times. August 28, 1860, P. 4; The New-York Times. September 22, 1860. P. 4
39 The New York Times. September 26, 1860, P. 4; The New York Times. January 16, 1862. P. 6
40 The New York Times. November 6, 1860. P. 4
41 The New-York Times. October 6, 1860. P. 4

отсталое общество», «прогрессивный монарх / отсталый народ».

Подводя итоги, можно сказать, что в период 1860-1862 гг. в номерах NY начал формироваться дуалистический образ Росси как «восточной автократии», благодаря новому монарху вставшей на путь модернизации, но в значительной мере сохранившей архаичные методы управления. Позиция царской власти относительно польского вопроса рассматривалась газетой в контексте двух эпох – старой, николаевской, и последовавшей за ней новой, пореформенной. NYT давала понять, что либеральный курс Александра II на тот момент не распространялся на польские территории России.

Библиографический список:

1. Согрин В.В. Новое в изучении американских революций / В.В. Согрин // Американский ежегодник 2020. С. 234-248.
2. Курилла И.И. Американцы и все остальные: истоки и смысл внешней политики США / И.И. Курилла. – М.: Альпина Паблишер, 2024. 320 с.
3. Куропятник Г.П. Вторая американская революция / Г.П. Куропятник. – М.: Учпедгиз, 1961. 260 с.
4. Иванов Р.Ф. Авраам Линкольн и Гражданская война в США / Р.Ф. Иванов. – М.: Наука, 1964. 494 с.
5. Иванов Р.Ф. Дипломатия Авраама Линкольна / Р.Ф. Иванов. – М.: Международные отношения, 1987. 304 с.
6. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834-1867 / Н.Н. Болховитинов. – М.: Наука, 1990. 368 с.
7. Болховитинов Н.Н. Россия и начало Гражданской войны в США. По архивным материалам / Н.Н. Болховитинов // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 30-42
8. Болховитинов Н.Н. Миссия Клея в Россию, 1861-1862 / Н.Н. Болховитинов // Американский ежегодник, 1995. – М.: 1996. С. 130-146
9. Болховитинов Н.Н. Становление и развитие русско-американских отношений, 1732-1867 гг. (некоторые итоги) / Н.Н. Болховитинов // Americana. Вып. 2. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. С. 7-30
10. К столетию гражданской войны в США: Сб. ст. / под ред. А.В. Ефимова, Л.И. Зубока. – М.: Соцэкгиз, 1961. 586 с.
11. История США: В 4-х т. Т. 1: История США, 1607-1877 гг. / редкол.: Н.Н. Болховитинов и др. – М.: Наука, 1983. 687 с.
12. История внешней политики и дипломатии США. 1775-1877 // под ред. Н.Н Болховитинова. – М.: Международные отношения, 1994. 384 с.
13. Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863с1864 гг. / О.Р. Айрапетов // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. Айрапетов О.Р., Мирослав Йованович, Колеров М.А., Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Том XV. – М.: Модест Колеров, 2013. С. 7-138.
14. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801-1914: в 4 томах. – Т. 3. Внешняя политика императора Александра II и Александра III. 1855-1894 / О.Р. Айрапетов. – М.: Кучково поле, 2018. 904 с.
15. Павловская А.В. Формирование образа России в США, 1850-1880-е годы: Проблемы взаимодействия культур: дис... д-ра ист. наук. / А.В. Павловская. – М.: 1999. 483 с.
16. Курилла И.И. Рабство, крепостное право и взаимные образы России и США / И.И. Курилла // Новое литературное обозрение. 2016. № 6 (142). С. 425-440.
17. Курилла И.И. Заклятые друзья: История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США / И.И. Курилла. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. 424 с.
18. Алентьева Т.В. Золотой век американской журналистики / Т.В. Алентьева. – М.: ИНФРА-М, 2023. 358 с.
19. Алентьева Т.В., Филимонова М.А. Просветительские идеи и революционный процесс в Северной Америке. – СПб.: Алетейя, 2021. 518 с.
20. Алентьева Т.В., Филимонова М.А. Реформаторы, нонконформисты, диссиденты в США (XVII-XIX века) / Т.В. Алентьева, М.А. Филимонова. – М.: ИНФРА-М, 2024. 317 с.
21. Алентьева Т.В. Общественное мнение США в преддверии Гражданской войны (1850-1861) / Т.В. Алентьева. – М.: ИНФРА-М, 2020. 357 с.
22. Павловская А.В. Формирование образа России в США, 1850-1880-е годы: Проблемы взаимодействия культур: дис... д-ра ист. наук. / А.В. Павловская. – М.: 1999. 483 с.
23. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э.В. Саид / послесл. К.А. Крылова, пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб.: Русскій Миръ, 2006. 639.

24. Трофимов В.А. Инновационные и аналитические аспекты развития государственной политики России // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 3 (153). С. 27-34.

Reference

1. Sogrin V.V. New in the Study of American Revolutions / V.V. Sogrin // American Yearbook 2020. P. 234-248.
2. Kurilla I.I. Americans and Everyone Else: The Origins and Meaning of US Foreign Policy / I.I. Kurilla. Moscow: Alpina Publisher, 2024. 320 p.
3. Kuropyatnik G.P. The Second American Revolution / G.P. Kuropyatnik. Moscow: Uchpedgiz, 1961. 260 p.
4. Ivanov R.F. Abraham Lincoln and the Civil War in the USA / R.F. Ivanov. Moscow: Nauka, 1964. 494 p.
5. Ivanov R.F. The Diplomacy of Abraham Lincoln / R.F. Ivanov. – Moscow: International Relations, 1987. 304 p.
6. Bolkhovitinov N.N. Russian-American Relations and the Sale of Alaska, 1834-1867 / N.N. Bolkhovitinov. – Moscow: Science, 1990. 368 p.
7. Bolkhovitinov N.N. Russia and the Beginning of the American Civil War. Based on Archival Materials / N.N. Bolkhovitinov // New and Contemporary History. 1995. № 3. P. 30-42
8. Bolkhovitinov N.N. Clay's Mission to Russia, 1861-1862 / N.N. Bolkhovitinov // American Yearbook, 1995. – Moscow: 1996. P. 130-146
9. Bolkhovitinov, N.N. The Formation and Development of Russian-American Relations, 1732-1867 (Some Results) / N.N. Bolkhovitinov // Americana. Issue 2. – Volgograd: VolSU Publishing House, 1998. P. 7-30
10. On the Centenary of the Civil War in the USA: Collection of Articles / edited by A.V. Efimov, L.I. Zubok. – Moscow: Sotsekgiz, 1961. 586 p.
11. History of the USA: In 4 volumes. Vol. 1: History of the USA, 1607-1877 / editorial board: N.N. Bolkhovitinov et al. – Moscow: Nauka, 1983. 687 p.
12. History of US Foreign Policy and Diplomacy. 1775-1877 // edited by N.N. Bolkhovitinova. – Moscow: International Relations, 1994. 384 p.
13. Airapetov O.R. The Kingdom of Poland in the Policy of the Empire in 1863-1864 / O.R. Airapetov // Russian Collection: Studies in the History of Russia / ed. Airapetov O.R., Miroslav Jovanovic, Kolerov M.A., Bruce Manning, Paul Chasty. Volume XV. – Moscow: Modest Kolerov, 2013. P. 7-138.
14. Airapetov O.R. History of the Foreign Policy of the Russian Empire. 1801-1914: in 4 volumes. – Vol. 3. Foreign Policy of Emperor Alexander II and Alexander III. 1855-1894 / O.R. Airapetov. – M.: Kuchkovo Pole, 2018. 904 p.
15. Pavlovskaya A.V. Formation of the Image of Russia in the USA, 1850-1880s: Problems of Interaction of Cultures: Dissertation... Doctor of History. / A.V. Pavlovskaya. – M.: 1999. 483 p.
16. Kurilla I.I. Slavery, Serfdom, and Mutual Images of Russia and the USA / I.I. Kurilla // New Literary Review. 2016. № 6 (142). P. 425-440.
17. Kurilla I.I. Sworn Friends: History of Opinions, Fantasies, Contacts, and Mutual (Mis)understanding between Russia and the USA / I.I. Kurilla. – M.: New Literary Review, 2018. 424 p.
18. Alentyeva T.V. The Golden Age of American Journalism / T.V. Alentyeva. – Moscow: INFRA-M, 2023. 358 p.
19. Alentyeva T.V., Filimonova M.A. Enlightenment Ideas and the Revolutionary Process in North America. – St. Petersburg: Aleteya, 2021. 518 p.
20. Alentyeva T.V., Filimonova M.A. Reformers, Nonconformists, Dissidents in the USA (17th-19th Centuries) / T.V. Alentyeva, M.A. Filimonova. – Moscow: INFRA-M, 2024. 317 p.
21. Alentyeva T.V. Public Opinion in the USA on the Eve of the Civil War (1850-1861) / T.V. Alentyeva. – M.: INFRA-M, 2020. 357 p.
22. Pavlovskaya A.V. Formation of the Image of Russia in the USA, 1850-1880s: Problems of Interaction of Cultures: Dissertation... Doctor of History. / A.V. Pavlovskaya. – M.: 1999. 483 p.
23. Said E.V. Orientalism. Western Concepts of the East / E.V. Said / afterword by K.A. Krylov, translated from English by A.V. Govorunov. – St. Petersburg: Russkiy Mir, 2006. 639.
24. Trofimov V.A. Innovative and analytical aspects of the development of state policy in Russia // Etnosotsium and international culture. 2021. № 3 (153). P. 27-34.

Упоров И.В.

Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российская академия естествознания, г. Краснодар.

«Рабочий вопрос» (социальные гарантии) в российских министерских законопроектах (начало XX века)*

Аннотация. В статье рассматривается актуализация «рабочего вопроса» (социальное страхование рабочих промышленных предприятий) в начале XX в., когда проблематика стала максимально значимой и обозначила новый вектор развития государства. Акцент делается на анализе проектов законодательных актов, которые регулировали институт страхования рабочих. Соответственно исследуются также иные официальные документы, императорские указы, статистические данные, научные труды, в которых затрагивается данная проблематика. Отмечается, что «рабочий вопрос» в России все чаще становился в повестку дня после отмены крепостного права, когда в России более высокими темпами стала развиваться промышленность, на этот счет принимались некоторые акты, однако кардинально проблема не решалась. С начала XX в., когда в России расширилось революционное движение, участниками которого были прежде всего рабочие, власть проявила необычайную активность, и в правительственных структурах, и прежде всего в министерствах, на разных уровнях формировались соответствующие законопроекты, один из наиболее существенных был разработан комиссией во главе с министром финансов В.Н. Коковцевым. В дальнейшем наиболее важные проекты после длительного обсуждения был приняты Государственной Думой в 1912 г., они во многом были схожи с законами развитых государств. Однако внедрить эти законы не удалось - Первая мировая война перечеркнула планы российской власти претворить, наконец, в жизнь долгожданные обществом страховые законы, а свершившаяся в 1917 г. октябрьская революция привела к власти большевиков, которых законы империи уже не интересовали.

Ключевые слова: «рабочий вопрос», страхование, министерства, законопроекты, комиссии, больничные кассы, правительство, капитал.

* © Упоров И.В., 2026.

Uporov I.V.
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar.

The "labor question" (social guarantees) in Russian ministerial laws (early 20th century)

Abstract. This article examines the "labor question" (social insurance for industrial workers) at the beginning of the 20th century, when it reached its peak. Emphasis is placed on the analysis of draft legislation that regulated the institution of workers' insurance. Other official documents, imperial decrees, statistical data, and scholarly works that address this issue are also examined. It is noted that the "labor question" in Russia increasingly became a topic of discussion after the abolition of serfdom, when industry began to develop at a faster pace in Russia. Several acts were adopted in this regard, but the problem was not fundamentally resolved. From the beginning of the 20th century, when the revolutionary movement, primarily involving workers, expanded in Russia, the authorities demonstrated extraordinary activity, and relevant bills were developed at various levels in government structures, and above all in ministries. One of the most significant was developed by a commission headed by Finance Minister V.N. Kokovtsev. Subsequently, the most important projects, after lengthy discussion, were adopted by the State Duma in 1912; they were in many ways similar to the laws of developed countries. However, these laws failed to be implemented; the article shows the reasons for this. As a result, the First World War crossed out the plans of the Russian authorities to finally implement the long-awaited insurance laws, since the war that occurred in 1917 The October Revolution brought the Bolsheviks to power, who no longer cared about the laws of the empire.

Key words: "labor question," insurance, ministries, bills, commissions, health insurance funds, government, capital.

Введение

В начале XX в., как известно, в российском обществе заметно возросло социально-политическое напряжение, вызванное усилением революционного движения, в котором всё более активное и непосредственное участие принимали рабочие заводов и фабрик. Среди прочих причин, толкающих рабочих на протестные выступления (забастовки, стачки, демонстрации), одной из основных являлось отсутствие страховых гарантий в случае болезни, травмы или смерти рабочих в рамках производственного процесса; к тому времени уже обострился вопрос и о законодательном пределе продолжительности рабочего дня, разрешении организовывать профсоюзные организации – по опыту других стран. Соответственно императорская власть не могла оставлять без внимания сложившееся положение с соци-

альным страхованием, поскольку нерешение этого «рабочего вопроса» в контексте социальных гарантий могло стать катализатором дальнейшего развития революционного движения.

При этом нужно заметить, что «рабочий вопрос» в России все обсуждался среди представителей власти после отмены крепостного права, когда в России более высокими темпами стала развиваться промышленность, соответственно немалая часть ставших лично свободными крестьян, направлялись работать на промышленные предприятия. Однако увеличение количества заводов, фабрик, мануфактур влекло за собой рост травматизма и несчастных случаев, а социальных гарантий для рабочих не было.

В 60е гг. XIX века было принято несколько законов, касающихся трудовых отношений, однако он затрагивали лишь казенные, а не частные предприятия и гарантии там были совсем небольшими. К началу XX века проблема решения «рабочего вопроса» значительно актуализировалась на уровне промышленников-собственников, чиновников правительства и главной темой для обсуждения определялось финансирование социальных гарантий, которые предоставлялись рабочим. Нерешенным стоял вопрос о субъектах данного процесса, среди которых могли быть промышленники-собственники или казна.

Именно в этой связи особо важным необходимо отметить исследование «рабочего» вопроса, вариантов его решения и основные ресурсы, которые было необходимо использовать при финансировании, оформлении и реализации процесса страхования.

Поэтому целью данного исследования определена актуализация «рабочего» вопроса в российских министерских законопроектах. Объектом конкретизировано содержание проблемы страхования, предметом - механизм его реализации в законодательстве.

Материалы и методы

Основными методами исследования возможно определить общенаучные: теоретический и сравнительно- исторический анализ, обобщение и дифференциацию.

Источники, содержащие непосредственный текст нормативно- правовых актов, позволяют проанализировать содержание статей документов без изменений и сформулировать прямые комментарии к отдельным моментам. В данном случае внимание обращается на Высочайший указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», Положение о вспомогательных кассах для рабочих на частных горных рабочих и промыслах в горной области южной России.

Теоретический анализ исследований И.В. Шильниковой, Л.И. Бородкина, Т.Я. Валетова, И. Евтихиева является основой сравнения различных

точек зрения на решение «рабочего вопроса» в изучаемый период.

Кроме того, ранее опубликованные нами работы отражают предыдущие этапы исследования и из них возможно выбрать информацию, которая может быть использована в качестве основы данной работы.

Данные, которые анализируются и систематизируются в ходе исследования, позволят достичь поставленной цели и решить научные задачи.

Результаты и их обсуждение

Вопросы обеспечения безопасности рабочих на различных предприятиях и заводах с развитием промышленности стали все более актуальны, обостряя социальную проблематику, вопросы производственной безопасности, трудовой дисциплины. Общая социальная политика государства меняла ориентиры с восприятия рабочих как просто трудовых единиц на обеспечение им более стабильных социальных гарантий, что, в свою очередь позволяло повысить эффективность производственных процессов.

По итогу 1986 г. окончился принятием специального ведомственного акта (Положения о вспомогательных кассах для рабочих на частных горных заводах и промыслах в горной области южной России) [1]. Министерство земледелия и государственного имущества определяло необходимым создание на предприятиях горной промышленности, на которых функционировало использование наемного труда, вспомогательных «больничных» касс. Страховой фонд данных касс формировался из взносов арендаторов или владельцев горных предприятий, а также рабочих, которые туда нанимались, при этом подобное страхование власть обязывала делать обязательным.

Вышеуказанный нормативный акт был ориентирован только на горнорудные предприятия и в целом в России проблема социального страхования рабочих становилась все более актуальной с учетом роста травматизма, смертности.

Чуть позже, были приняты два важных закона: «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» и «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, и членов их семей в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности».

Однако, данные законодательные акты также не отражали все потребности рабочих, затрагивая лишь отдельные моменты трудовых отношений. Это обусловило продолжение обсуждения «рабочего вопроса» не только на уровне владельцев промышленных предприятий, но и в правительстве не просто в контексте дискуссий, но и в плане разработки дополнительных законопроектов.

Продолжилось совершенствование законодательства изданием Высочайшего указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» (1904 г.) [2]. Данный указ был направлен на определение мер по охране общественного порядка и государственных устоев, включая деятельность по недопущению совершения преступлений в трудовых отношениях.

Государственное страхование рабочих на промыслах и фабриках рассматривалось при этом как мера обеспечения безопасности и спокойствия в стране, профилактика недовольства и протестов.

В этом контексте правительство достаточно серьезно подошло к решению «рабочего вопрос». И уже в начале 1905 г. была создана комиссия для выяснения «причин недовольства рабочих в городе С.-Петербурге и в пригородах».

Председателем данной комиссии был выбран член Государственного совета Н.В. Шидловский, однако комиссия профункционировала недолго. Ее распустили в контексте того, что Комитету министров необходимо заниматься более важными вопросами. Результатом стало то, что были созданы две комиссии:

- первую комиссию возглавлял министр финансов В.Н. Коковцев. Члены комиссии анализировали ситуацию с медикаментами, врачами, оценивали возможности и доступность помощи. Данная комиссия отвечала за предоставление медицинского обслуживания рабочим;

- комиссия, во главе которой стоял В.И. Тимирязев, была ответственна непосредственно за страхование рабочих. В указанный период на заседание комиссии был предложен законопроект «О государственном страховании рабочих и служащих на заводах, фабриках и горных промыслах». Документ включал важнейшие положения о расширении круга возможностей для рабочих по получению страховки: увеличивалось количество оснований и страховые выплаты [3].

Этот проект кардинально отличался от предшествовавших актов по данному предмету правового регулирования, что можно объяснить, с большой долей вероятности, прежде всего началом первой русской революцией. Однако данный проект так и не нашел продвижения, поскольку государство не было готово для его реализации, и прежде всего в финансовом плане [4, с. 171]. Деятельность комиссии В.Н. Коковцева была достаточно результативной в плане принятия законопроектов, обсуждения важных вопросов, однако полномочия и возможности в сфере социального страхования отражали рассмотрение проблем по двум направлениям:

- страхование в случае болезни, когда работник утрачивал частично или полностью трудоспособность;

- страхование от несчастных случаев на производстве, которые связаны

с причинением вреда здоровью или жизни.

Данные виды страхования уже применялись ранее и получили применение в производственной деятельности, однако общественно-политическая ситуация усложнялась и в этом контексте комиссия активизировала свою деятельность, разрабатывала идеи для поддержки рабочих на различных видах производства.

К концу 1 квартала 1905 г был предложен ряд мер, направленных на обеспечение стабильности страхования рабочих на фабриках, заводах, горных приисках [5, с. 83].

Сравнивая с предыдущим законодательством, важно отметить, что предложения касались выплат пенсий, пособий детям рабочих, которые остались без родителей и, что особенно значимо, они не ограничивались конкретным возрастом, а выплачивались пожизненно, закрепляя не временной, а юридический статус детей рабочих. В этот же период произошла конкретизация решения приоритетного вопроса выплат, их сбора, механизмов реализации, сумм страховки. Данная комиссия приняла решение о недостаточности соглашения между собственниками и рабочими, т.к. положение последних максимально уязвимо и невыгодно. Владельцы предприятий имеют над рабочими финансовую (выплата жалованья), административную (возможность уволить в любой момент) и юридическую (наличие профессиональных юристов) власть.

Кроме того, в случаях подачи судебных исков, претензий владельцы могли воспользоваться организационно-правовыми ресурсами (нанять адвоката либо привлечь штатного юриста) и обеспечить выигрыш дела.

Все вышеуказанные факторы обусловили то, что комиссией было принято решение о недостаточности социальных гарантий для рабочих, их нестабильности и невозможности полноценной компенсации причиненного ущерба. Именно поэтому было предложено активизировать участие государства в качестве посредника между владельцами предприятий и рабочими [6, с. 131] и в целом данная точка зрения получила поддержку Комитета Министров. Однако держателями капитала в лице собственников- промышленников данный проект поддержан не был в силу того, что дело касалось обсуждения отдельных вопросов страхования, а не решения проблемы в целом. В контексте отсутствия конструктивного сотрудничества между сторонами комиссия свою деятельность прекратила и никаких законопроектов для дальнейшего согласования не было разработано. При этом промышленники понимали, что данную проблему невозможно оставить без внимания, поэтому обсуждали ее на уровне отраслевых собраний, корпоративных съездов [7, с. 175]. Конечно же, необходимых результатов не было получено, т.к. по отдельности владельцы предприятий не имели достаточно полномочий, чтобы свои идеи и предложения конкретизиро-

вать в законопроекте и отправить его для рассмотрения и одобрения в Государственную думу.

Те наработки, которые были сделаны в указанный период. в небольшой степени были использованы, когда различные отраслевые и правительственные структуры продолжали дискуссии в отношении страхового обеспечения рабочих. Министерство торговли и промышлености, которое было создано в октябре 1905 г., включилось в работу и продолжило обсуждение проблемы, внося коррективы в предыдущие идеи.

Инициатива создания принадлежала С.Ю. Витте, который определял данное министерство как ведомственное подразделение Министерства финансов [8, с. 246].

Достаточно быстро Министерством были разработаны и внесены на обсуждение в Государственную думу несколько законопроектов, в которых актуализировались правила приема на работу, регулировалась длительность рабочего дня, конкретизировались вопросы страхования по болезни и при несчастных случаях, результатами которых стали увечья. Сберегательные кассы рассматривались как пространство, не только обеспечивающее страхование по инвалидности и старости, но и для помощи в поддержании строительства дешевого жилья. Несколько поменялся статус промышленной инспекции в плане наделения ее полномочиями по соблюдению норм и правил социального страхования, промысловые суды теперь имели обязанностью рассмотрение исков в области социального страхования рабочих [10, с. 85].

Подобная деятельность в основе имела принцип свободного, добровольного соглашения между собственником и рабочим, которое отражалось в трудовом договоре. Данный договор также предусматривал более широкие полномочия представительства рабочих в страховых компаниях, длительность рабочего дня сокращалась до 10 часов [11]. Самым важным достижением являлось то, что все вопросы, касающиеся страхования рабочих теперь находились непосредственно под контролем правительства, обеспечивая и финансовую стабильность, т.к. взносы промышленников составляли всего одну четвертую в солидарном страховом фонде.

Безусловно, подобный подход сопровождался множеством позитивных изменений в отношении публичной власти, обеспечивало некий баланс между классами буржуазии и рабочих, одновременно поддерживая выплатами социальную стабильность в обществе [12]. Отношения усложнялись и рабочие не рассматривались, как только производственные единицы. Восприятие их как личностей, граждан, которые нуждаются в защите в случае наступления неблагоприятных последствий производственных ситуаций явило собой новый этап в развитии российского общества. В государстве одновременно провозглашались множество

различных свобод (Манифест 1905 года) [13], что отражало позицию действующего правительства С.Ю. Витте и его принятию европейского опыта. Однако, подобные перемены в обществе не были приняты единодушно. Конечно, промышленники и часть правительства не были заинтересованы в том, чтобы рабочие укрепили свое положение, усилили влияние на деятельность больничных касс, сбор и распределение средств, т.к. вслед за этим прогнозировалось и усиление политической активности рабочего класса. Больничные кассы предоставляли неплохие возможности для получения опыта защиты своих прав, становления более уверенной социальной позиции [14], [15]. В результате активной оппозиционной деятельности класс рабочих был отстранен от взаимодействия с денежными средствами больничных касс. Кроме того, общим решением было принято предложение об уменьшении минимального размера социального пособия с одной трети заработной платы до ее четверти, как было указано ранее.

Однако выше обозначенные идеи были рассмотрены лишь на заседании третьей Государственной думы, прошло достаточно много времени. Это было обусловлено тем, что первая и вторая Дума носили преимущественно политический характер, не рассматривали социальные, экономические вопросы, их деятельность была нецелесообразной и поэтому функционировали они недолгий срок [16, с. 309].

Подобный факт возможно рассматривать как элемент становления государственной системы страхования и медицинского обслуживания, которая затем трансформировалась и получила развитие в советском государстве. Однако, на данном этапе подобная деятельность не получила должной поддержки, т.к. финансирование и иное ресурсное обеспечение было достаточно затратным и экономической выгоды никакой не представляло. Необходимо было проанализировать то, насколько важной является данная мера для государства: с точки зрения юридической и внутриполитической она могла служить обеспечением общественного порядка, но в контексте сложившейся в то время экономики влекла за собой значительный расход со стороны владельцев предприятий, государства, т.к. страховые взнося самих рабочих были минимальны.

Однако быстрого продвижения законопроектов не случилось. Декабрь 1907 года ознаменовался сменой министра торговли и промышленности, а назначение нового министра сопровождалось тем, что он был уверен в необходимости повторного обсуждения вопроса с теми, от кого зависит его принятие и реализация: с представителями административного аппарата и промышленниками- собственниками. Данные обсуждения продолжались до апреля 1908 года и в результате количество законопроектов сократилось. Из десяти были оставлены два наиболее значимых, которые

регулировали вопросы страхования рабочих от несчастных случаев и при болезни. Основой разработки данных законопроектов послужили идеи, сформулированные прежней комиссией, возглавляемой Коковцевым, однако, их дополнили нормы по усилению административных мер надзора за работой больничных касс и страховых товариществ. Последним уделялось более пристальное внимание, т.к. они являлись отраслевым объединением собственников- промышленников и поэтому ответственность за причинение травм рабочим трансформировалась из индивидуальной в коллективную [6]. В этой связи актуализировалось участие государства в механизмах реализации страхования: в контексте взаимодействия страховых товариществ с семьей потерпевшего осуществлялся контроль Министерства торговли и промышленности [17, с. 175; 18, с. 39]. Министерство внутренних дел выступило с инициативой внесения в законопроекты положений, при которых больничные кассы могли закрываться, если их деятельность характеризовалась как угроза общественному порядку. Подчеркивалось, что это является необходимой мерой предотвращения вредного и опасного влияния на кассы и процесс поддержки со стороны социал-демократов [19, с. 108]. Тем самым правительство признавало, что большевистская партия имела значительное влияние в рабочем движении.

В таком варианте законопроекты в середине 1908 г. были внесены в Государственную Думу, где они очень долго не выносились на пленарные заседания, и обсуждения велись в комиссиях. Подытоживая необходимо отметить, что было проведено 16 заседаний Государственной Думы, после которых в июне 1912 года большинство законопроектов о социальном страховании было принято и в дальнейшем император их подписал. Комплекс принятых законов включал в себя следующие: «Об обеспечении рабочих на случай болезни»; «О страховании рабочих от несчастных случаев»; «О Совете по делам страхования рабочих»; «О присутствиях по делам страхования рабочих».

Наиболее значимым исследователи считают закон, который гарантировал выплаты в случаях болезней, т.к. данный юридический феномен впервые был отражен в законодательной базе даже в тот период времени, когда страхование рабочих от несчастных случаев уже имело конкретные правовые механизмы реализации и было претворено в практику. Специфика страхования по болезни явила собой юридический институт, предоставляющий дополнительные гарантии рабочим. Большинство норм остальных законов также можно охарактеризовать как новеллы в законодательстве, требующие апробации и корректировки, но являющиеся важным шагом в решении «рабочего вопроса» [6]. Еще раз следует подчеркнуть, что обязательное социальное обеспечение рабочих вводилось впервые.

Выводы

Совокупность законов, принятых в период начала XX века была по своему содержанию во многом была схожа с законами развитых государств, регулировавших такие общественные отношения, и можно сказать, что правительство и промышленники-собственники сделали шаг навстречу рабочим. Иное дело, что в контексте складывавшейся в России социально-экономической и общественно-политической ситуации требовалось быстрое их внедрение, но вот как раз реализация законов оказалась неудовлетворительной, если иметь в виду запланированные правительством сроки [6]. На это повлияло резко усложнившееся в России состояние общественно-политической ситуации (проявление революционного террора, расширение протестного рабочего движения, начало деятельности политических партий и др.), и по этим причинам, как можно предположить, правительство не проявило необходимой активности. В результате накопившееся недовольство рабочих не позволяло наладить конструктивный диалог между промышленниками-собственниками, правительством и наемными работниками, а последовавшая в 1914 г. Первая мировая война помешала планам российской власти реализовать долгожданные обществом страховые законы, поскольку свершившаяся в 1917 г. октябрьская революция привела к власти большевиков, для которых законы империи уже не были актуальны.

Библиографический список:

1. Положение о вспомогательных кассах для рабочих на частных горных рабочих и промыслах в горной области южной России (утверждено Министром земледелия и государственного имущества от 20.04. 1896 г.) // Журнал горного совета. 1896. № 42. 21 с.
2. Высочайший указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка от 12.12. 1904 г. // ПСЗ-3. № 25495. 56 с.
3. Основные положения законопроекта о государственном страховании рабочих и служащих на заводах, фабриках и горных промыслах // Торгово-промышленная газета. 1905. 29 марта. С. 5-6.
4. Шильникова И.В., Бородкин Л.И., Валетов Т.Я. Социальное страхование и обеспечение рабочих в России конца XIX – начала XX вв.: опыт микроанализа // Экономическая история. Ежегодник, 2009. С. 161-218.
5. Объяснительная записка к основным положениям законопроекта о государственном страховании рабочих и служащих на заводах, фабриках, горных промыслах. – СПб.: 1905. 89 с.
6. Хаконова И.Б. Институт страхования промышленных рабочих Российской империи во второй половине XIX - начале XX веков: историко-правовое исследование: дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 218 с.
7. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904-1914 гг. Л., 1987. С. 175.
8. Витте С.Ю. Воспоминания. – М.: 1960. Т.1. С. 246.
9. Торгово-промышленная газета. 1906. 16-19, 22 апреля.
10. Вигдорчик Н.А. Теория и практика социального страхования. Вып. третий: Страхование на случай болезни в России. Пг., 1923. С. 85.
11. Законопроекты Министерства торговли и промышленности по пересмотру рабочего законодательства / Издание Совета съезда горнопромышленников Юга России. Харьков, 1906. С. 11-16.
12. Турицын И.В., Упоров И.В. Теоретическая конструкция публичной власти и ее конституционно-правовое преломление в России // Право и практика. 2015. № 2. С. 4-10.
13. Высочайший манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17.10. 1905 г. // ПСЗ-3. № 26803. 119 с.
14. Морозов В.Б. Профсоюзы и проблема социального страхования рабочих России в 1905-1912 годах // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб.: 2009. № 103. С. 16.

15. Евтихиев И. Начала самоуправления и закон об обеспечении рабочих на случай болезни. – М.: 1916. 283 с.
16. Государственная Дума. Созыв 111. Стенографические отчеты. Сессия1. Ч. 1. – СПб.: 1908. С. 309.
17. Федлуин А.А. Исторический опыт становления и развития системы социального партнерства в России: дис. … д-ра ист. наук. – М.: 1999. 148 с.
18. Сравнительное изложение проекта закона о страховании рабочих от несчастных случаев в редакциях Государственного Совета, Государственной Думы, Министерства торговли и промышленности. – СПб.: 1908. С. 37-44.
19. Материалы по истории социального страхования. Вып. 1. – М.: 1928. 252 с.
20. Протоиерей Димитрий Лескин, Русский мир: историческая миссия // Журнал «Межконфессиональная миссия». 2016. № 14. С. 6-13.

Reference

1. Regulation on auxiliary funds for workers in private mining works and industries in the mountainous region of southern Russia (approved by the Minister of Agriculture and State Property on April 20, 1896) // Journal of the Mining Council. 1896. № 42. 21 p.
2. Imperial decree "On plans for improving the state order" of December 12, 1904 // PSZ-3. № 25495. 56 p.
3. Basic provisions of the bill on state insurance of workers and employees in factories, plants and mining industries // Trade and Industrial Newspaper. 1905. March 29. P. 5-6.
4. Shilnikova I.V., Borodkin L.I., Valetov T.Ya. Social Insurance and Workers' Security in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries: A Microanalysis // Economic History. Yearbook, 2009. P. 161-218.
5. Explanatory Note to the Main Provisions of the Bill on State Insurance of Workers and Employees at Factories, Plants, and Mining Industries. – St. Petersburg: 1905. 89 p.
6. Khakonova I.B. Institute of Insurance of Industrial Workers of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: A Historical and Legal Study: Diss. … Cand. of Law. Krasnodar, 2013. 218 p.
7. Shepelev L.E. Tsarism and the Bourgeoisie in 1904-1914. Leningrad, 1987. p. 175.
8. Witte S.Yu. Memories. – Moscow: 1960. Vol. 1. P. 246.
9. Trade and Industrial Newspaper. 1906. 16-19, April 22.
10. Vigdorchik N.A. Theory and Practice of Social Insurance. Third Issue: Health Insurance in Russia. Petrozavodsk, 1923. P. 85.
11. Bills of the Ministry of Trade and Industry on Revision of Labor Legislation / Publication of the Council of the Congress of Miners of the South of Russia. Kharkov, 1906. P. 11-16.
12. Turitsyn I.V., Uporov I.V. Theoretical Construction of Public Authority and Its Constitutional and Legal Refraction in Russia // Law and Practice. 2015. № 2. P. 4-10.
13. Imperial Manifesto "On the Improvement of State Order" of October 17, 1905 // PSZ-3. № 26803. 119 p.
14. Morozov VB Trade Unions and the Problem of Social Insurance of Workers in Russia in 1905-1912 // Izvestiya of the Herzen State Pedagogical University. St. Petersburg: 2009. № 103. P. 16.
15. Evtikhiev I. Principles of Self-Government and the Law on Providing Workers with Insurance in Case of Sickness. Moscow: 1916. 283 p.
16. State Duma. Convocation 111. Verbatim Reports. Session 1. Part 1. St. Petersburg: 1908. P. 309.
17. Fedluin AA Historical Experience of the Formation and Development of the Social Partnership System in Russia: Diss. … Doctor of History. Moscow: 1999. 148 p.
18. Comparative presentation of the draft law on workers' accident insurance in the versions of the State Council, State Duma, and Ministry of Trade and Industry. – St. Petersburg: 1908. P. 37-44.
19. Materials on the history of social insurance. Issue 1. – Moscow: 1928. 252 p.
20. Dmitriy Leskin, Russian world: the historical mission // "Interchurch Mission". 2016. № 14. P. 6-13.

Тимербулатов Т.А.
Кандидат исторических наук, доцент. Башкирский институт социальных технологий (филиал).

Юсупов Р.Г.
Доктор исторических наук, профессор. Уфимский университет науки и технологий.

Исторический опыт развития системы обеспечения информационной безопасности в РСФСР в 1929–1941 годах. Часть 2. Правовые основы обеспечения информационной безопасности, развитие института тайны и организация защиты информации*

Аннотация. Обеспечение информационной безопасности – процесс системный, и молодое советское государство формировало эту систему с первых дней существования. Однако по мере изменения условий развития государства, включая угрозы и возможности, менялась ситуация в информационной сфере. Научный интерес представляет вопрос, как менялась система обеспечения информационной безопасности в сложных реалиях 1930-х годов, когда власть противостояла серьезным внешним и внутренним угрозам государственной стабильности и независимости. В части 2 настоящей статьи изучены правовые основы обеспечения информационной безопасности, особенности развития института тайны и организации защиты информации. Установлено, что в целях противостояния внешним угрозам государство сконцентрировалось на засекречивании информации. Особое внимание уделялось военной тайне. Одновременно ужесточалось уголовное законодательство в сфере защиты секретной информации, особенно военной (шпионаж и разглашение тайны, недонесение о соответствующих действиях приравнивались к измене Родине). Преодоление внутренних угроз стабильности государства осуществлялось без изменения норм уголовной ответственности, но тоже жестко. Запустив механизм масштабного преследования за распространение информации, противоречащей текущей экономической политике, государство ликвидировало препятствия для осуществления плана форсированного экономического прорыва СССР, нацеленного прежде всего на укрепление безопасности и обороноспособности государства.

Ключевые слова: информация, защита информации, обеспечение информационной безопасности, государственная тайна, военная тайна.

* © Тимербулатов Т.А., Юсупов Р.Г., 2026.

Timerbulatov T.A.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Bashkiria Institute of Social Technologies (branch).

Yusupov R.G.
Doctor of Historical Sciences, Professor. Ufa University of Science and Technology.

Historical Experience of the Development of the Information Security System in the RSFSR in 1929–1941. Part 2. Legal basis for ensuring information security, development of the institution of secrecy and organization of information protection

Abstract. Ensuring information security is a systemic process, and the young Soviet state developed this system from its earliest days. However, as the conditions of state development, including threats and opportunities, changed, the situation in the information sphere evolved. Of scholarly interest is the question of how the information security system evolved in the complex realities of the 1930s, when the government confronted serious external and internal threats to state stability and independence. Part 2 of this article examines the legal foundations of information security, the development of the institution of secrecy, and the organization of information protection. It is established that, to counter external threats, the state focused on classifying information. Particular attention was paid to military secrets. At the same time, criminal legislation regarding the protection of classified information, especially military information, was tightened (espionage, disclosure of secrets, and failure to report such actions were equated with treason, punishable by death). Internal threats to state stability were addressed without changing criminal liability standards, but they were nonetheless implemented with strict measures. By launching a mechanism for large-scale prosecution for the dissemination of information that contradicts current economic policy, the state eliminated obstacles to the implementation of the USSR's plan for a forced economic breakthrough, aimed primarily at strengthening the security and defense capability of the state.

Key words: information, information protection, ensuring information security, state secret, military secret.

Введение

Настоящая статья является частью ретроспективного исследования становления и развития советской системы обеспечения информационной безопасности (ОИБ) и хронологически охватывает период с 1929 по 1941 гг., т.е. с «года великого перелома», названного так И.В. Сталиным в одноименной статье, опубликованной 7 ноября 1929 г. в газете «Правда»,

до начала Великой Отечественной войны. В части 1 представлена краткая характеристика периода и изучено текущее состояние одного из элементов системы ОИБ – ее субъектов. В части 2 рассмотрим правовые нормы, регулирующие отношения в информационной сфере, вопросы развития института тайны и организации защиты информации (ЗИ).

Правовое обеспечение информационной безопасности

В 1930-е годы в стране сохранялосьнеобычно сформированное уголовное законодательство 1920-х годов. Специфика в том, что в РСФСР с 1922 г. действовал Уголовный кодекс РСФСР, переработанный в 1926 году. В конце 1922 г. был образован СССР. И хотя по Договору о его образовании и Конституции СССР уголовное законодательство передавалось в ведение СССР [1; 2], на союзном уровне вместо уголовного кодекса принимались другие акты, регламентиующие содержание уголовного законодательства союзных республик. В частности, 31 октября 1924 г.были приняты Основные начала уголовного законодательства СССР, согласно которым уголовные преступления разделялись на «наиболее опасные» и «все остальные». К первой категории были отнесены преступления, «направленные против основ советского строя». В документе закреплялось, что ответственность за уголовные преступления регулируется уголовными законами союзных республик, «за исключением преступлений государственных и воинских», в отношении которых необходимо проведение «единой карательной политики» [3]. Иными словами, в России продолжал действовать Уголовный кодекс РСФСР [4] (отметим, что он действовал до начала 1960-х годов), но по мере изменения внутри- и внешнеполитической ситуации в него вносились изменения и дополнения. Основной пласт преступлений в информационной сфере относился к категории «наиболее опасных» и в УК РСФСР изначально регулировался нормами главы I «Преступления контрреволюционные» и главы IX «Преступления воинские», которые предусматривали суровые меры социальной защиты (т.е. наказания) вплоть до высшей меры в особых случаях: за «сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством», находящимся с СССР в состоянии войны (ст. 58.3); за шпионаж, который «вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов Союза ССР» (ст. 58.6) и пр.

Рассмотрим, менялись ли эти нормы в предвоенное.десятилетие.

В основном с конца 1920-х годов они сохранялись. Но имело место важное нововведение. В УК РСФСР редакции 1926 г. была включена ст. 58.1., разъясняющая сущность контрреволюционной деятельности. В 1934 г. на основании Постановления ЦИК СССР [5] она была дополнена четырьмя положениями «об измене родине» (ст. 58.1а–58.1г). Измена Родине подразумевала среди прочего шпионаж и выдачу военной или государственной

тайны (ст. 58.1а), за что полагалась высшая мера наказания (расстрел) с конфискацией всего имущества либо, при смягчающих обстоятельствах, лишение свободы на 10 лет с конфискацией всего имущества. Для военнослужащих смягчающие обстоятельства не предусматривались (ст. 58.1б). Кроме того, отныне лишением свободы на 10 лет каралось «недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене» (ст. 58.1г). В случае, если имело место недонесение о готовящейся или совершенной измене со стороны остальных граждан, продолжала действовать норма 1927 г. – лишение свободы на срок не ниже 6 месяцев (ст. 58.12) [6]. Иные отношения в интересующей нас сфере регулировались нормами УК РСФСР, установленными в конце 1920-х годов, которые частично ужесточали, но также частично ослабляли меры ответственности за информационные преступления в сравнении с УК РСФСР 1922 года.

В 1936 г. была принята новая Конституция СССР, в которой содержалась ст. 133, гласившая, что защита отечества является священным долгом каждого гражданина СССР, а «измена родине» – «самым тяжким злодеянием» [7].

В исследуемый период изменения в УК РСФСР вносились почти 60 раз, и, на первый взляд, кажется странным, что стратегически важный информационный сектор на фоне развивающейся репрессивной политики оказался почти без внимания законодателя. Но в этом вопросе важно учитывать ряд моментов. Во-первых, как отмечено выше, в уголовном праве большинство информационных преступлений было отнесено к категории «наиболее опасных», что и ранее подразумевало применение суровых мер социальной защиты. Во-вторых, сам факт введения в законодательство в 1934 г. категории «измена родине» можно рассматривать как существенное ужесточение преследования в т.ч. за информационные преступления. Учтем, что нововведение 1934 г. касалось прежде всего военнослужащих, что логично связать с приходом к власти в Германии в 1933 г. А. Гитлера. В-третьих, информационная безопасность обеспечивалась и другими актами, в т.ч. ведомственными. Так, на защите информации плотно сконцентрировался Наркомат обороны СССР. Привести все его приказы нет возможности, но для примера отметим, что только в 1937 г. были подписаны такие секретные приказы, как «Положение об отделе центральной военной цензуры Разведывательного управления», «Обеспечение секретности при перевозке войск», «Введение в действие аппарата кодированной связи “ОКК-2”», «Мероприятия по зашифровке наименований войсковых частей, сохранение в тайне дислокационных сведений», «Порядок разработки, использования, хранения и учета документов» и др. [8]. В-четвертых, введение и измененииe правовых норм – не единственный способ ужесточения борьбы с преступлениями. В этом вопросе власть настроила и другие механизмы, в т.ч. правоприменительный.

Жесткий подход к решению вопросов информационного характе-

ра преследовал разные задачи. В части 1 настоящей статьи отмечено, что к началу 1930-х годовв плане обеспечения стабильности и устойчивости государства внешний политический фактор осложнялся внутренним – отсутствием одобрения сталинских экономических реформ со стороны консервативного (крестьянского) большинства населения, ментально привязанного к своим наделам. Соответственно, в 1929 г. «великий перелом» был намечен не только в экономике, но и головах населения, прежде всего крестьянского большинства. Подчеркнем, что крестьянское сопротивление носило отнюдь не пассивный характер. В подтверждение приведем конкретный пример. В заявлениии представителя органов госбезопасности М.П. Фриновского, участвовавшего в начале 1930-х годов в раскулачивании и коллективизации на Северном Кавказе, рассказано, насколько сложно в этом регионе внедрялась идея создания колхозов («сопротивление идет большое», «начались восстания, и особо сложные формы эти восстания приняли в национальных областях Северного Кавказа»). К 1933 г. колхозы заработали. Однако даже у отдельных проводников государственной политики оставались сомнения, устоят ли они в дальнейшем [9, с. 35]. Это только один пример. А проблему надо было решать в масштабах огромной страны. Решая ее, государство проводило последовательный репрессивный курс, не меняя законодательную базу. Упор делался на повсеместное отслеживание проявлений оппортунизма и рассмотрение их в судах с дальнейшей оглаской принятых решений. Как пишет В.Ю. Титов, чиновники союзного уровня высказывались по этому поводу вполне конкретно: суд объявлялся «орудием борьбы за искоренение всех мелкобуржуазных, индивидуалистических пережитков» и «лабораторией, где формируется общественное мнение» (прокурор СССР А.Я. Вышинский), а жесткость мер в целом – перестройкой прежде всего «в области сознания», являющейся необходимостью переходного времени (нарком юстиции РСФСР Н.В. Крыленко) [10, с. 84-85]. В таких условиях любой человек должен был хорошо подумать, прежде чем озвучить в публичном пространстве недовольство по какому-либо поводу, имеющему отношение к решениям государства, и уж тем более речь не могла идти обезнаказаннойорганизации даже малочисленной легальной оппозиции. Еще более жесткой судебная система стала в 1937 г., когда был распространен циркуляр, подписанный Н.В. Крыленко и А.Я. Вышинским, позволившим судам рассматривать контрреволюционные преступления без участия обвинения и защиты [10, с. 85].

На данном этапе констатируем, что в УК РСФСР в 1930-е годы нормы, регулирующие отношения в информационной сфере, корректировались только в 1934 г., что говорит о том, что обеспечению информационной безопасности государство уделяло большое внимание и ранее. Вместе с тем Кодекс пополнился сурово наказуемой категорией «измена родине». В Рос-

сии измена государству во все времена считалась опаснейшей разновидностью преступлений и каралась соответственно. Но в 1930-е годы статьи об «измене родине» вводились несмотря на то, что в УК РСФСР и ранее существовали и не были отмененыстатьи о шпионаже, разглашении тайны и пр.Официально это обстоятельство не комментировалось. Формально оно могло обозначать, что в каждом конкретном случае суд, устанавливаяфакт измены Родине, должен определить степень злонамеренности противоправного действия, от чего зависело применение одной из дублирующих статей УК РСФСР. И здесь вновь уместно учесть, что в информационной сфере в 1930-е годы власть решала разные задачи.

Об институте тайны

На раннем этапе становления советского права вопрос тайны решался сложно. Точнее, однозначно понималась военная тайна, находившаяся под контролем военной цензуры. «Все виды цензуры» утверждались в 1922 г. при учреждении Главлита, но без упоминания государственной тайны. Затем из официального оборота было вытеснено понятие «цензура». Опуская все условности терминологических игр, отмечаем, что УК РСФСР (1926) зафиксировал понятия «специально охраняемая государственная тайна», «экономические сведения, не составляющие по своему содержанию специально охраняемую государственную тайну, но не подлежащие оглашению по прямому запрещению закона или распоряжению руководителей ведомств», «специально охраняемые сведения о вооруженных силах и об обороноспособности Союза ССР», «сведенияо вооруженных силах и об обороноспособности Союза ССР, не подлежащие оглашению, но не являющихся специально охраняемой тайной». Для каждой категории предусматривалась своя мера ответственнсти. В 1934 г. при введении статей об «измене родине» шпионаж был определен как «выдача военной или государственной тайны» [6]. Констатируем закрепление в законе понятия «госдарственная тайна» и при этом отмечаем, что все перечисленные выше обозначения тайны неизменно сохранялись в УК РСФСР 1926 г. вплоть до его отмены в начале 1960-х годов.

Со времен гражданской войны составлялись актуальные на текущий момент перечни сведений, составляющих тайну, имеющую государственное значение. Со второй половины 1920-х годов актуальным являлся перечень, утвержденный 27 апреля 1926 г., который включал три раздела: а) сведения военного характера; б) сведения экономического характера (в т.ч. «открытия, изобретения, технические усовершенствования») и в) иного рода сведения (о внешней политике и внешней торговле, о мерах борьбы с контрреволюцией и шпионажем, а также о государственных шифрах и содержании шифрованной переписки) [11]. В 1930-е годы при разработке перечней акцент сместился в сторону военной

тайны. В 1931, 1933 и 1936 гг. друг друга сменили документы с общим названием – «Перечень литер. "А" сведений, составляющих военную тайну и не подлежащих оглашению в целях ограждения интересов обороны СССР (в мирное время)» [12, с. 149-151].

В части 1 настоящей статьи отмечено, что в 1933 г. произошел возврат к официальному признанию связки военной цензуры и военной тайны. С этой целью при Главлите РСФСР был создан институт уполномоченного СНК СССР «по охране военных тайн в печати». Уполномоченному в подчинение передавался отдел по военной цензуре (ОВЦ), образованный на базе группы по охране государственных тайн Главлита РСФСР. Главлит СССР так и не был создан, но при Главлите РСФСР появился союзный аппарат защиты военной тайны. Сам факт такого парадоксального преобразования говорит о приоритете защиты военной тайны достаточно красноречиво. Как установил М.В. Зеленов, Главлит ежегодно вносил дополнения в Перечень 1936 г., причем сначала во внушительных масштабах (372 циркуляра в 1936 г., 300 – в 1937 г.), сократив интенсивность изменений в 1938 г. (29 циркуляров и приказов). А в 1939 г. были разработаны сразу два новых перечня: «Перечень литер "А" сведений, составляющих военную тайну (на мирное время)» и «Перечень литер "Б" сведений, составляющих государственную тайну и не подлежащих оглашению в целях политических (внутренних и внешних) и экономических интересов СССР». Заодно с 1938 г. расылались циркуляры о сведениях, составляющих военную тайну (на военное время) [12, с. 152], что в очередной раз подтверждает приоритетное значение защиты военной тайны в исследуемый период.

Организационные меры защиты информации

Наличие перечней тайных сведений – это важное, но не единственное условие эффективного обеспечения ЗИ. Особая роль при решении данной задачи отводилась (и отводится) организационным мерам. Согласимся с мнением Г.А. Куренкова, который подчеркивает, что «система защиты информации должна быть именно системой, а не простым набором случайных средств и организационных мероприятий». В эту систему автор включил создание нормативно-правовой базы организации секретного делопроизводства, в т.ч. установление правил хранения секретных документов, доступа к ним и пр.; контроль за соблюдением установленного обращения с секретными документами; цензуру (в терминологии 1930-х годов – «политико-идеологический, военный и экономическоий контроль» с допущением со временем понятия «военная цензура» – прим. авт.) и пр. [13, с. 52-53]

Основа системы ЗИ была заложена задолго до «года великого перелома». Главным ее принципом, сохраненным в последующие периоды, являлось доминирование партийных решений, которые «затем проводились в

жизнь на государственном уровне». Из этого принципа следовали другие, в т.ч. централизация секретной деятельности, осуществляемой во всех республиках СССР, ее комплексность и адаптация к текущим внешним и внутренним условиям [13, с. 52-53].

Адаптация к текущим условиям выше прослежена – партийно-государственный аппарат в 1930-е годы сконцентрировался на засекречивании военной информации, чтобыло обусловлено, как считет, напрмер, Е.Н. Яковец, «активизацией подрывной деятельности иностранных разведок против нашей страны» [14, с. 4].

Режим секретности на объектах народнохозяйственного комплекса был в целом урегулирован в конце 1920-х годов. Как установил Г.А. Куренков, партийные секретные инструкции оставались в силе до Великой Отечественной войны, а государственные – до принятия постановления СНК СССР от 2 января 1940 г., утвердившего «Инструкцию по ведению мобилизационной работы и секретного делопроизводства в учреждениях и на предприятиях» [13, с. 54]. Обращаем внимание на то, что к тому времени началась Вторая мировая война, т.е. наступил новый этап адаптация системы ЗИ к текущим условиям. В Инструкции детализировались функции 7 отдела ГУГБ НКВД СССР (головного подразделения позащите государственной тайны в СССР), функции и ответственность руководителей учреждений за состояние режима секретности; в переработанном виде представлялись порядок ведения секретного делопроизводства, учета и хранения секретных документов, оформления допусков к ним; требования к работникам, допускаемым к секретной информации и пр. [14, с. 5]. Особое внимание уделялось механизмам засекречивания мобилизационной информации, требованиям к организации этой деятельности и кадрам, причастным к секретно-мобилизационному делопроизводству. По словам О.Ю. Репуховой, регулирование мобилизационной работы на местах производилось на протяжении всего предвоенного десятилетия, но с небезупречным успехом. Однако опыт накапливался и пригодился, когда потребовалось все размытые формулировки инструкций раннего образца заменить на вполне конкретные указания, вплоть до указания хранить мобилизационные документы и другие секретные документы в разных сейфах [15, с. 52–53]. Иными словами, даже в учреждениях и на предприятиях ЗИ военного характераприобрела первостепенное значение.

Контроль за соблюдением установленного обращения с секретными документами в партийных и государственных органах с 1921 г. вверялся Специальному отделу ВЧК – ГПУ – ОГПУ – ГУГБ НКВД СССР и местным органам госбезопасности. Спецотдел вошел в историю как первая криптографическая служба РСФСР. Однако его деятельность не ограничивались криптографическими функциями. В составе Спецотдела было семь отде-

лений, в т.ч. 1-е отделение, занятое среди прочего «наблюдением за всеми государственными учреждениями, партийными и общественными организациями по сохранению государственной тайны», и 5-е отделение, занятое «проверкой ведения секретного делопроизводства и соблюдения режима секретности в партийных и государственных структурах» [16]. Местные органы госбезопасности действовали на основании инструкций из Центра. К началу исследуемого периода актуальной была Инструкция местным органам ОГПУ по наблюдению за состоянием секретного и мобилизационного делопроизводства учреждений и организаций (1929) [14, с. 4].

В 1934 г. ОГПУ было преобразовано в ГУГБ в составе НКВД СССР. После этой крупной реформы произошла череда смен наркомов внутренних дел, которые одновременно возглавляли систему госбезопасности: Г.Г. Ягода (1934–1936), Н.И. Ежов (1936–1938), Л.П. Берия (1938–1945). И каждый наркомсчитал нужным производить реорганизацию наркомата и ГУГБ. Описать все решения по бывшему Спецотделу ОГПУ не позволяет формат статьи, но отметим, что подразделение с теми же функциями в структуре НКВД и ГУГБ (с перерывом в связи с кратковременной ликвидацией ГУГБ) под разными номерами сохранялось (номера присваивались в целях конспирациис декабря 1936 г.). А спецотделами стали называть другие подразделения [17, с. 17–18]. При этом напомним, что в 1940 г. «Инструкция по ведению мобилизационной работы и секретного делопроизводства в учреждениях и на предприятиях» делегировала контроль в соответствующей сфере 7 отделу ГУГБ НКВД СССР, в котором по-прежнему помимо отделений криптографического профиля действовали отделения, ведавшие охраной гостайны и вопросами секретного делопроизводства, и которому в 1941 г. снова и не единожды сменили ведомственную принадлежность и номер, не меняя функциональную нагрузку.

Организации цензуры в 1929–1941 гг. мы касались в обеих частях настоящей статьи. Избегая дублирования этих сведений, отметим, что к 1941 г. в центральном аппарате власти в вопросах ЗИбыла налажена сложная система партийно-государственного взаимодействия. Сводки о важнейших фактах нарушения правил обращения с информацией, выявленных Главлитом и военной цензурой, отправлялись «в дело» и рассылались такжев Управление кадров ЦК ВКП(б), начальнику управления агитации пропаганды ЦК ВКП (б) и его заместителю, двум заместителям Председателя СНК СССР, в ответственные отделы госбезопасности и начальнику Главлита [13, с. 55].

Заключение

В период 1929–1941 гг. власть СССР строила информационную политику в условиях 1) внутреннего социального противостояния экономическому курсу, который,ломая хозяйственные традиции, должен был обеспечить

финансово-материальную мощь и независимость советского государства, и 2) одновременного роста внешних угроз.В этой ситуации государство сделало выбор в пользу жестких форм принуждения во внутренней политике, параллельно развернув большую агитационно-пропагандистскую работу, иприложило максимум усилий для сопротивления разведкам внешних врагов, что в первую очередь касалось защиты военной информации. Защита информации – этопроцесс преграждения доступа к конфиденциальной информации лицам, которым она не предназначена. Доступ к информации в свою очередь есть явление неоднородное, и ЗИ может быть эффективной, если преграждается доступ по всем существующим в текущий периодканалам. Таких каналов (в общем представлении) три: 1) открытые источники, 2) люди – носители информации и 3) технические средства [18, с. 4].

В предвоенное десятилетие открытые источники тщательно контролировались партийными и государственными органами, которые к началу 1940-х годов были консолидированы в большую систему взаимодействующих субъектов. Фактически осуществлялась масштабная цензура, хотя официально признавалась только цензура военная. Остальные ее формы назывались контролем. Вся система действовала в двух направлениях: недопущения распространения информации, составляющей военную и государственную тайну (на тот момент засекречивание информации государственного значения производилось в беспрецедентных масштабах, но в первую очередь оно касалось военной сферы), и информации, противоречившей политике государства.

Люди, владеющие конфиденциальной информацией, занимают в ряду каналов доступа особое место.Они могут иметь враждебные намерения, их «можно подкупить, шантажировать или просто обмануть» наконец, они могут некачественно выполнять служебные обязанности по ЗИ ввиду халатности или, например, низкой квалификации [18, с. 4]. Партийно-государственная работа с этим видом каналов доступа в 1930-е годы приобрела масштабно-репрессивный характер, а в отношении некоторых категорий граждан предусмотрела ужесточение мер ответственности, особенно после введения в Уголовный кодекс РСФСР статей об измене Родине.

В исследуемый период граждане, не имевшие доступа к секретной информации, преследовались в основном за публичные антигосударственные высказывания и призывы – из сознания населения (прежде всего не принявшего идею колхозного хозяйствования) жестко и показательно, ввиду возникавших протестов и даже восстаний, вытравливались мысли об оппозиционных объединениях. Ради борьбы с такого рода преступлениями законодательная база в суровые 1930-е годы не менялась. Другое дело – преследование лиц, допущенных к секретным сведениям (считаем, важно не путать репрессии в отношении разных категорий граждан). Особо

отслеживалась циркуляция информации в войсках, партийных и государственных органах, в т.ч. в органах госбезопасности. В канун войны сталинский режим всячески блокировал предательство на всех уровнях власти. Несомненно, перегибы были, но были и другие реалии, в ч.ч. незавершенная внутрипртийная борьбаи активизация иностранных разведок, которые по столетиями отработанной схеме вербовали в СССР агентов, имевших доступ к секретной информации (партийной, военной, разведывательной, экономической, научной и т.д.). И ради противостояния этой проблеме в Уголовном кодексе РСФСР была заново написана пресловутая 58 статья. Не беремся комментировать баланс между перегибами и взвешенно доказанными решениями судов. Это, скорее, задача для будущих исследований, которые станут возможными с течением времени, когда проблема сталинских репрессий отболит,как отболели аналогичные события времен Дмитрия Донского или Петра I, и по мере снятия секретности с архивных докуметов. В плане государственной устойчивости важен результат. Мы лишь констатируем, что в сложившихся в 1930-е годы обстоятельствах действия власти в информационной сфере носили системный характер и были встроены в общую модель защиты государства в опасный для него период.

Нераскрытым остается вопрос о ЗИ техническими средствами. Это емкая тема, и ей посвятим часть 3 настоящей статьи.

Библиографический список:

1. Договороб образовании Союза Советских Социалистических Республик. Москва. 30 декабря 1922 г. // Известия ВЦИК. 1922. 31 декабря.
2. Основной закон (Конституция) СССР (принят II сессией ЦИК СССР 6 июля 1923 г. и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 г.) // Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносовы: сайт. // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm (Дата обращения: 12.02.2026).
3. Постановление ЦИК от 31 октября 1924 г. «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1924. № 24. Ст. 205.
4. Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 г.» // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1926. № 80. Ст. 600.
5. Постановление ЦИК от 8 июня 1934 г. «О дополнении положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1934. 9 июня.
6. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. (с изм. и доп.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. // URL: https://docs.cntd.ru/document/901757374 (Дата обращения: 14.02.2026).
7. Конституция СССР (утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г.) // Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносовы: сайт. // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm (Дата обращения: 12.02.2026).
8. Общий перечень приказов Народного комиссара обороны СССР за 1937 г. с грифом «Секретно» // Солдат: сайт. // URL: https://www.soldat.ru/doc/nko/1937s.html (Дата обращения: 12.02.2026).
9. Спецсообщение Л.П. Берии И.В. Сталину с приложением заявления М.П. Фриновского от 13 апреля 1939 г. № 1048/6 // Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. – М.: МФД: Материк, 2006. С. 33-50.
10. Титов В.Ю. Перестройка уголовного законодательства 1930-х гг. // ГлаголЪ правосудия. 2014. № 2 (8). С. 81-85.
11. Постановление СНК СССР от 27 апреля 1926 г. «Об утверждении перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной» // СЗ СССР. 1926. № 32. Ст. 213.
12. Зеленов М.В. Военная и государственная тайна в РСФСР и СССР и их правовое обеспечение (1917–1991

гг.) // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 1. С. 143-159.
13. Куренков Г.А. Защита государственной тайны в СССР как элемент системы обеспечения безопасности страны перед Великой Отечественной войной // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2018. Т. 4 (70). № 3. С. 51-59.
14. Яковец Е.Н. Организационно-правовая защита государственной тайны в СССР в период первых пятилеток и подготовки к войне // История государства и права. 2016. № 1. С. 3-8.
15. Репухова О.Ю. Секретно-мобилизационное делопроизводство в СССР в предвоенное десятилетие // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 3. С. 50-57.
16. Столпаков Б.В начале столетнего пути // Национальный технологический центр шифровой криптографии: сайт. // URL: https://digitalcryptography.ru/publications/istoriya-kriptografii/v-nachale-stoletnego-puti/ (Дата обращения: 29.03.2026).
17. Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917-1960. Справочник. – М.: МФ Демократия, 1997. 352 с.
18. Каторин Ю.Ф., Разумовский А.В., Спивак А.И. Защита информации техническими средствами. – СПб.: НИУ ИТМО, 2012. 416 с.

Reference

1. Treaty on the Formation of the Union of Soviet Socialist Republics. Moscow. December 30, 1922 // Izvestiya of the All-Russian Central Executive Committee. 1922. December 31.
2. Basic Law (Constitution) of the USSR (adopted by the 2nd session of the Central Executive Committee of the USSR on July 6, 1923 and in the final version by the II Congress of Soviets of the USSR on January 31, 1924) // Faculty of History, Lomonosov Moscow State University: website. // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm (12.02.2026).
3. Resolution of the Central Executive Committee of October 31, 1924 "Basic Principles of Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics" // Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR (SZ USSR). 1924. № 24. Art. 205.
4. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of November 22, 1926, "On the Implementation of the 1926 Edition of the Criminal Code of the RSFSR" // Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR (SU RSFSR). 1926. № 80. Art. 600.
5. Resolution of the Central Executive Committee of June 8, 1934, "On Supplementing the Regulation on State Crimes (Counterrevolutionary and Especially Dangerous Crimes Against the Order of Government for the USSR) with Articles on Treason" // News of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee. 1934. June 9.
6. Criminal Code of the RSFSR, 1926 edition (with amendments and additions) // Electronic fund of legal and normative-technical documents. // URL: https://docs.cntd.ru/document/901757374 (14.02.2026).
7. Constitution of the USSR (approved by the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR on December 5, 1936) // Faculty of History, Lomonosov Moscow State University: website. // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm (12.02.2026).
8. General list of orders of the People's Commissar of Defense of the USSR for 1937 marked "Secret" // Soldier: website. // URL: https://www.soldat.ru/doc/nko/1937s.html (12.02.2026).
9. Special message from L.P. Beria to I.V. Stalin with the attached statement of M.P. Frinovsky dated April 13, 1939, № 1048/6 // Lubyanka. Stalin and the NKVD - NKGB - GUKR "SMERSH". 1939 - March 1946 / Stalin's Archive. Documents of the highest organs of party and state power. - Moscow: MFD: Materik, 2006. P. 33-50.
10. Titov V.Yu. Restructuring of criminal legislation of the 1930s // Glagoliy Susteniye. 2014. № 2 (8). P. 81-85.
11. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of April 27, 1926 "On Approval of the List of Information Which, by Its Content, Constitutes a Specially Guarded State Secret" // SZ USSR. 1926. № 32. Art. 213.
12. Zelenov M.V. Military and State Secrets in the RSFSR and the USSR and Their Legal Support (1917–1991) // Leningrad Law Journal. 2012. № 1. P. 143-159.
13. Kurenkov G.A. Protection of State Secrets in the USSR as an Element of the System of Ensuring National Security before the Great Patriotic War // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Series: Historical Sciences. 2018. Vol. 4 (70). № 3. P. 51–59.
14. Yakovets E.N. Organizational and legal protection of state secrets in the USSR during the first five-year plans and preparation for war // History of the state and law. 2016. № 1. P. 3-8.
15. Repukhova O.Yu. Secret mobilization paperwork in the USSR in the pre-war decade // Scientific notes of Petrozavodsk state university. 2023. Vol. 45. № 3. P. 50-57.
16. Stolpakov B. At the beginning of a hundred-year journey // National technological center of cipher cryptography: website. // URL: https://digitalcryptography.ru/publications/istoriya-kriptografii/v-nachale-stoletnego-puti/ (29.03.2026).
17. Lubyanka. Cheka–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB. 1917-1960. Handbook. – M.: MF Democracy, 1997. 352 p.
18. Katrin Yu.F., Razumovsky A.V., Spivak A.I. Information Security by Technical Means. – St. Petersburg: National Research University ITMO, 2012. 416 p.

Напсо М.Б.
Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса. Северо-Кавказская государственная академия.

Агирбов Т.Р.
Студент. Северо-Кавказская государственная академия.

К вопросу о становлении коммуникационных систем, опосредованных использованием технологии искусственного интеллекта*

Аннотация. В статье изучаются особенности взаимодействия человека и искусственного интеллекта с точки зрения развития новой системы коммуникаций и в соотношении с привычными практиками общения. Признается факт создания особого вида общения – коммуникации при посредничестве искусственного интеллекта и с ним самим, хотя отрицается возможность признания ИИ в качестве самостоятельного субъекта общения. В качестве аргумента в пользу непризнания ИИ новым субъектом коммуникации, способным к полноценному диалогу, приводится феномен неравного общения не с себе подобным, факт кардинальных различий между человеком и алгоритмами и отсутствие возможности у каждого отдельно взятого пользователя влиять на процесс их работы. Утверждается тезис о расширении практики псевдокоммуникаций, о готовности индивида их использовать во все большем объеме, что имеет под собой совокупность объективных и субъективных причин. Сделан вывод о том, что на современном этапе возможна постановка вопроса о «социализация» ИИ в качестве «неокоммуниканта», что зависит от самого пользователя в той же мере, как и от качества алгоритмов, и требует выработки форм и практик, адаптивных механизмов, соответствующих существу алгоритмической коммуникации. Ее успешность поставлена в зависимость от уровня развитости общения в системе «человек-человек». В силу этого сделан акцент на перспективность взаимодополняющего соразвития алгоритмической и человеческой коммуникации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, псевдокоммуникация, алгоритмическая коммуникация, цифровые агенты коммуникации, техносоциальная коммуникационная среда.

Napso M.B.
Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Civil Law and Procedure, North Caucasus State Academy.

* © Напсо М.Б., Агирбов Т.Р., 2026.

Agirbov T.R.
Student, North Caucasus State Academy.

On the issue of the formation of communication systems mediated by the use of artificial intelligence technology

Abstract. The article examines the features of human-artificial intelligence interaction in terms of the development of a new communication system and in relation to familiar communication practices. It recognizes the fact of creating a special type of communication – communication through and with artificial intelligence, although it denies the possibility of recognizing AI as an independent subject of communication. As an argument in favor of the non-recognition of AI as a new subject of communication capable of a full-fledged dialogue, the phenomenon of unequal communication with others is cited, the fact of fundamental differences between humans and algorithms, and the inability of each individual user to influence their work process. The thesis is argued about the expansion of the practice of pseudo-communications, about the individual's willingness to use them to an ever-increasing extent, which has a combination of objective and subjective reasons. It is concluded that at the present stage it is possible to raise the issue of "socialization" of AI as a "neocommunicant", which depends on the user himself as much as on the quality of algorithms, and requires the development of forms and practices, adaptive mechanisms corresponding to the essence of algorithmic communication. Its success depends on the level of development of communication in the "person-to-person" system. Due to this, the emphasis is placed on the prospects for the complementary co-development of algorithmic and human communication.

Key words: artificial intelligence, pseudocommunication, algorithmic communication, digital communication agents, technosocial communication environment.

Введение

Эволюция технологии искусственного интеллекта (ИИ) идет по пути обретения им человеческих характеристик во все большем объеме. Использование ИИ в качестве не просто посредника, а уже «партнера» по коммуникациям связывают с его широким потенциалом, который, с одной стороны, превосходит человеческий, с другой, его напоминает и имеет возможность совершенствования в процессе обучения. Внедрение современных технологий, искусственного интеллекта изменило не только существо информационного оборота и получения знаний, но и естественную среду общения, которая обрела новых посредников и «субъектов», новое качество и цифровое измерение. Результатом таких изменений стало наличие самой возможности осуществлять как коммуникации при посредстве технологий между людьми независимо от места и времени в социальной и

виртуальной реальности по неограниченному кругу лиц, так и само межмашинное взаимодействие. И это придало коммуникации особое технизированное, техноморфное свойство. Возникает закономерный вопрос о причинах востребованности таких моделей коммуникации, несмотря на явно выраженное неравенство между человеком и ИИ, высокую рискогенность. В числе причин высокие жизненные стандарты, более сложные интересы, трансформация систем управления сообществами, развитие высокотехнологичной инфраструктуры, цифровых сервисов, «смысл существования которых состоит…в коммуникации», следствием чего стало возникновение принципиально нового феномена - «массовой самокоммуникации», инициированной «человеком самостоятельно для самореализации, достижения каких-либо своих целей» и адресованной «всему миру». Главной целью коммуникации при посредничестве технологий стало построение взаимодействия, «близкой связи» в едином пространстве[1]. Но процесс интеграции человека и ИИ носит сложный характер. С одной стороны, он требует постоянного взаимодействия человека и ИИ, без этого их взаимная социализация не представляется возможным. Новая система коммуникация может сформироваться только на основе взаимного движения ИИ и человека навстречу друг другу: каждая из сторон осваивает коммуникационные манеры другой стороны. Но, с другой стороны, эффективность и жизнеспособность искусственной коммуникации зависит от развитых социальных взаимодействий, столь необходимых и для человека и для качественного обучения ИИ. В силу этого деградация общения в системе «человек-человек», диалога как важнейшего звена такого общения и ценнейшего цивилизационного достижения чревата негативными последствиями как для существующих систем коммуникаций, так и для новой. Соразвитие алгоритмической и человеческой коммуникации должно основываться на признании человека и ИИ взаимодополняющими сторонами коммуникации, на наличии у них возможности усиливать действия друг друга.

Теоретический анализ

Появление в коммуникативном процессе новых «участников» ознаменовало собой развитие новой реальности, названной искусственной социальностью. Изначально ее определили как «коммуникативную сеть, в которой наряду с людьми (а иногда вместо них) участвуют другие агенты (например, программы искусственного интеллекта), а средой для их взаимодействия выступает Интернет», а сейчас определяют как техносоциальную систему взаимодействия человека и робота, человеко-машинная среду,

1 *Дзялошинский И.М.* Цифровые коммуникационные сервисы в эпоху формирования искусственного интеллекта // Журналист. Социальные коммуникации. 2021. № 1. С. 11-33. С. 12, 24, 16, 18.

основой которой, как и социальности вообще, является «коммуникация (а не сознание или интеллект)»[2]. Решающую роль в формировании этой системы играет искусственный интеллект. Его некоторые ученые, в частности Е. Эспозито, тоже определяют как искусственную коммуникацию, как алгоритмы, воспроизводящие не интеллект, а коммуникацию: «новые технологии имитируют способность людей к коммуникации», используя объемы данных, создаваемых за счет активности пользователей в сети Интернет. Особость новой системы коммуникаций заключается в кардинальном отличии сторон взаимодействия, в силу того что «алгоритмы не думают, не понимают, работают не с информацией, но с данными; люди думают, понимают, осмысляют данные и получают информацию», что не может не порождать проблемы концептуального и практического характера[3].

Пытаясь ответить на вопрос о самой возможности, характере и последствиях взаимодействия человека и алгоритмов, специалисты исходят из тезиса о принципиальной разности их сущности, о необходимости ее понимать и помнить. Это порождает необходимость акцентирования внимания на отличиях человека и ИИ, алгоритмического и человеческого общения в том числе и по поводу возможности полноценной между ними коммуникации, становления новой системы взаимодействий. А.А. Деникин видит особость и сложность алгоритмических коммуникаций в том, что алгоритмы ИИ «работают с информацией иначе, нежели люди», «обработка данных не имеет ничего общего с человеческим пониманием и интерпретацией смыслов»: они обрабатывают только данные как последовательность цифр, не видя «человека в качестве партнера по коммуникации» и воспринимая его чисто как «поставщика данных для объединения этих данных в цепочки (паттерны) с целью их последующей обработки». Поведение ИИ по отношению к человеку – это не разговор персонально с ним, а «взаимодействие машины с ассоциированными данными», поэтому А.А. Деникин убежден, что «само взаимодействие человека с компьютером (с программой/ алгоритмом) проблематично отнести к коммуникации». В силу того, что человеку «недоступна большая часть информации (данных), которыми оперирует машина», взаимообмен носит урезанный характер. Человек является не «равноправным субъектом коммуникативного акта, и, чтобы преодолеть «неравенство между обработкой данных машинами и ограниченными

2 *Меньшиков В., Комарова В., Болякова И., Ружа А., Ружа О.* Социологическая трактовка и попытка междисциплинарного исследования искусственной социальности и искусственного интеллекта // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Социология. 2024. С. 354-378.С. 356.

3 *Резаев А.В., Трегубова Н.Д.* Блеск и нищета теории коммуникации в эпоху искусственной социальности (Размышляя о книге Елены Эспозито «Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence») // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2024. № 4. С. 107-119. С. 112, 113-114.

человеческими возможностями», у каждого человека должны быть возможности и компетенции по управлению цифровыми процессами, оказанию влияния на машинный обмен ассоциированными данными. Без этого возможна лишь постановка вопроса об использовании алгоритмических коммуникаций «для того, чтобы мыслить совместно с машинами и тем самым обогащать работу машин и расширять свои собственные человеческие возможности»[4].

При коммуникация с ИИ не учитывается культурный контекст взаимодействия[5]. Сложно ответить на вопрос о том, как ИИ будет решать проблемы понимания многообразия культурных особенностей, ценностей, различных точек зрения и норм поведения на микро- и макроуровнях[6]. Псевдокоммуникационная диалогичность ИИ не идет ни в какое сравнение с диалогом человека с человеком. «Полноценный диалог с ним (ИИ – примечание авторов) вряд ли возможен»: диалог – это столкновение культур, разности мнений и позиций, что ведет к «порождению новых смыслов», к взаимопониманию, а не приспособлению, к совместной деятельности. В отличие от этого, коммуникационная среда нового типа – это «развоплощенный диалог, где все взаимодействуют со всеми, но лишь опосредованно и частично»[7]. При всей правомерности опасений по поводу рисков общения с ИИ, имеющего характер симуляции, псевдодиалога, возникает закономерный вопрос о том, станет ли это реальной преградой на пути распространения использования ИИ для целей общения. Многие разделяют мнение Н.В. Свиридова и А.И. Дашевского, которые испытывают сомнение по поводу возможности осмысленного диалога с ИИ, но не отрицают, что этот факт не является препятствием для общения с роботами, голосовыми помощниками, разговаривающими программами, и это может вызвать и желание общения, и стать привычкой, и породить привязанность[8]. В. Меньшиков, В. Комарова, И. Болякова, А. Ружа, О. Ружа считают «гибридные отношения» вполне возможными. Они пронаблюдали с помощью

4 *Деникин А.А.* Человеко-машинные взаимодействия и искусственный интеллект: к новому пониманию алгоритмических коммуникаций // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15. № 4. С. 67-82. С.67, 69.

5 *Меттини Э., Вигель Н.Л.* Взаимодействие искусственного интеллекта и человеческой культуры: антропологический подход к технологическому развитию // Науковедческие исследования. 2024. С. 50-70.

6 *Пчегатлук С.К., Косивченко Е.В.* Искусственный интеллект в социологическом измерении // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 8. С. 68-73.

7 *Кириллов Г.М.* Информационно-коммуникационная среда как пространство диалога // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12. № 3. С. 142-154. С. 153, 151.

8 *Свиридов Н.В., Дашевский А.И.* Перспективы и возможности полноценного общения человека и искусственного интеллекта // Научный дилер. 2022. № 20 (85). С. 29-33.

ChatGPT «за реально функционирующей искусственной социальностью», за реакциями и эмоциями в процессе коммуникации с ChatGPT «от скептического отношения… и полного неприятия в них мыслительных способностей…до оптимистического настроя на конструктивный диалог и сотрудничество с программами». Результатами эмпирических исследований стали выводы о том, что 1) «ChatGPT пока не может быть их соавтором, поскольку не имеет собственного мнения, не анализирует смыслы и контекст, не принимает самостоятельных решений»; 2) каждый проходит «три рабочие стадии в процессе коммуникации с инструментами искусственного интеллекта: эйфория - разочарование - конструктивное сотрудничество»; 3) «коммуникация между людьми и программами искусственного интеллекта остается субъектно-объектной, т.е. при всех своих способностях, часто превосходящих человеческие, инструменты искусственного интеллекта пока лишь объекты коммуникации - никогда не начинают ее первыми, а только реагируют на запрос человека»; 4) о когнитивности, «самости» ИИ можно говорить только с появлением у него способности начинать коммуникацию первыми, иметь потребность в общении; 5) в развитии искусственной социальности во всем мире «заметны два тренда, направленных в «одну точку встречи»: «очеловечивание» инструментов искусственного интеллекта, с одной стороны, и «роботизация» людей в процессе коммуникации - с другой». На основании этого делается вывод о том, что общение с ИИ может иметь небезынтересный характер, но на основе взаимоуважения и при условии преодоления несоответствия между процессом постоянного совершенствования ИИ и развитием компетенций человека, что требует от последнего «прыгать выше головы»[9]. А.В. Резаев и Н.Д. Трегубова, говоря о перспективах все большей социализации ИИ, «участия агентов ИИ в социальных взаимодействиях в качестве активных посредников или участников этих взаимодействий», указывают на первостепенную важность действий самих людей, взаимодействующих с этими агентами и между собой, а также постоянного развития среды для таких взаимодействий - искусственной социальности[10]. Уже сейчас они считают правомерным говорить не только о том, что «искусственный интеллект является активным участником и посредником во взаимодействиях между людьми», а о наличии «нечто нового - взаимозависимости между человеком и машиной/алгоритмом»,

9 *Меньшиков В., Комарова В., Болякова И., Ружа А., Ружа О.* Социологическая трактовка и попытка междисциплинарного исследования искусственной социальности и искусственного интеллекта // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Социология. 2024. С. 354-378. С. 355,362, 364, 371, 372.

10 *Резаев А.В., Трегубова Н.Д.* «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий //Мониторинг общественного мнения Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 35-47. С. 38, 42.

одушевлении технологий[11]. Таким образом, новая система коммуникаций представляет собой единство новой технологии и компетенций ее использования, особое значение для уровня и качества коммуникации имеют навыки пользователя и психологические, лингвистические, этические аспекты взаимодействия.

С развитием технологий ИИ ставшие привычными коммуникации, опосредованные применением технологий, приобрели новое качество особенно с точки зрения субъектного состава. Общепризнано, что ИИ - эффективное средство для решения многих задач, но для многих исследователей он представляется новым субъектом коммуникаций особого рода. Даже те, кто считают ИИ вспомогательным инструментом, говорят о его особости: коммуникации при посредстве технологий он превратил в коммуникацию с самими технологиями или преобразованную технологиями коммуникацию. Однако появление такого рода коммуникаций нельзя считать исключительно следствием внедрения технологий ИИ. Развитие современных технологий, виртуальное общение, распространение индивидуализма и субъективизма, когда в отражении действительности главную роль начинает играть не объективная реальность, а содержание самого субъекта, его личность, восприятие, воззрения, его истина, сделали возможным диалог человека с самим собой или в пределах собственного Я даже при участии других. С учетом этого факта можно сказать, что речь идет о диалоге особого свойства, где технологии расширяют диапазон общения индивида, в том числе и с самим собой или вокруг себя. Этому способствуют возможности диалогового ИИ в обеспечении персонифицированного подхода, учитывающего особенности самой контактирующей с ИИ личности, его запросов, интересов, взглядов, предпочтений. С другой стороны, появление, развитие, всепроникновение новой системы коммуникаций с внедрением технологий ИИ является неизбежным по той простой причине, что для обучения и самообучения ИИ решающее значение имеет постоянный приток массивов информация.

Несомненный интерес представляют попытки дать определение новому виду коммуникаций. В общем она представляется как «процесс обмена информацией между человеком и искусственным интеллектом и связанные с ним смыслообразование, отношения и социальное поведение, встроенные в разные слои социального контекста на микро-, мезо- и макроуровнях», на который оказывают влияние следующие факторы: «присутствие дополнительных коммуникантов, профессиональный контекст, регулирующие структуры, публичный дискурс» - и где ИИ выступает в качестве

11 *Резаев А.В., Трегубова Н.Д.* От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности: анализ кейсов API и ChatGPT // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 3-22. С. 5, 6.

«полноправного собеседника - участника диалога…; создателя речевых, музыкальных, художественных, технических образцов; участника / ассистента, принимающего на себя функции по сортировке, подбору, агрегации информации в профессиональном поле; дополненной реальности, внутри которой происходит взаимодействие «человек - человек» / «человек - искусственный интеллект». Особый статус ИИ в системе коммуникаций заключается в том, что ИИ постепенно переходит «из плоскости посредника, осуществляющего вспомогательную деятельность по организации общения, в статус коммуниканта»[12]: он не воспринимается ни как человек, ни как техническое средство, коммуникативная технология в чистом виде, это партнер по общению особого рода. Эта особость: способность к самообучению, эмоциональному отклику, изучению и учету личности собеседника, его реакций, подстраиванию под них - позволяет некоторым авторам утверждать, что ИИ является субъектом коммуникации. Спорность и неоднозначность такого подхода очевидны по многим причинам. Во-первых, для признания ИИ субъектом коммуникации в полном смысле этого слова необходимо признание его равноценности человеку, субъектом как таковым, а не только для коммуникации. На современной стадии его развития, т.е. для «слабого ИИ», это невозможно. Ставится под сомнение не только такая возможность для «сильного ИИ», но и вообще сама постановка вопроса: «при любом развитии ИИ, его максимальном приближении к подобию человека, и обратно, человека к ИИ, подобие останется подобием» по той простой причине, что «напичканное информацией ИИ работает по принципу стимуляции, что стимулируется, то и осуществляется», что человеком вносится в ИИ, с тем он и сталкивается – «в этом как раз кардинальное различие между мирами ИИ и человека»[13]. Принципы развития и совершенствования ИИ в корне отличаются от биосоциальной эволюции человека, его социализации в системах «человек-природа», «человек-человек». Именно многовековой опыт и знания, полученные в ходе такого развития, позволяют человеку создавать и развивать коммуникационную систему «человек-ИИ». В силу этого говорить о взаимодействиях *с участием* ИИ не приходится – речь может идти только об использовании ИИ в том или ином качестве. Во-вторых, следует делать различия между коммуникацией с использованием ИИ в качестве целостной системы (юнита), замещающей человека, или средства для выполнения в помощь человеку отдельных операций, функций. В первом случае – в рамках системы ком-

12 *Алейникова Д.В.* К проблеме общения человека с искусственным интеллектом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. Вып. 3 (848). С. 9-15. С. 10-11.

13 *Сизикова Т.Э., Сизиков А.В.* Прерогатива человека в эпоху искусственного интеллекта // Развитие человека в современном мире. 2024. № 3. С. 20-37. С. 33, 34.

муникации «человек-машина (робот)» - можно, но с оговорками, говорить о наличии коммуниканта особого рода. Во втором речь идет о делегировании выполнения определенных полномочий технологиям ИИ, что, конечно же, предполагает иной уровень и характер взаимодействия. Кроме того, существует разница и между коммуникацией, опосредованной ИИ, и коммуникацией с самим ИИ. В-третьих, следует брать в расчет цель, содержание коммуникации: личное общение, бытовое общение, профессиональное общение, формальное и неформальное общение, функциональное использование ИИ для решения конкретных задач, для реализации индивидуальных потребностей или в качестве агента, заменяющего человека. Правомерность такого подхода подтверждают многочисленные научные работы. Так, Р.Н. Абрамов и В.М. Катечкина по итогам своего экспериментального исследования пришли к выводу о том, что, осуществляя свой выбор между признанием социальных роботов полноценными социальными неоморфными субъектами или просто как функциональную замену человеку, респонденты отдали предпочтение последнему. Более того, они предпочли общение «в формальной ситуации, где взаимодействие более четко регламентировано, а «правила игры» в большей степени определены», где четко определена цель и ожидаемые результаты общения, т.е. использование робота в ситуативном контексте в большей мере, чем целесообразность замены робота человеком[14].

Особо востребованы профессиональный контекст взаимодействия с ИИ, возложение на ИИ исполнения все большего числа в первую очередь рутинных функций. Это способствует постоянному расширению такой системы коммуникаций, как «специалист-искусственный интеллект». Профессиональную ИИ-коммуникацию определяют как «новый вид профессиональной деятельности, состоящий в работе с информацией и данными с использованием генеративного ИИ. Такая деятельность включает в себя: постановку задачи, формирование запроса на поиск или обработку нейросетью массивов данных, анализ полученных результатов, интерпретацию и применение новых знаний для принятия решений и достижения поставленных целей, а также взаимодействие с ИИ в диалоговом режиме для уточнения и конкретизации задач, оценки результатов и корректировки дальнейших действий»[15]. В основе такой коммуникации лежит технология промпт-инжиниринга, т.е. своего рода искусства формулирования

14 *Абрамов Р.Н., Катечкина В.М.* Социальные аспекты взаимодействия человека и робота: опыт экспериментального исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. XXV. N 2. С. 214–243. С. 235-236.

15 *Михненко П.А.* Профессиональная коммуникация с генеративным искусственным интеллектом: тенденция или «мимолётное явление»? // Цифровая экономика.2023. № 4 (25). С. 5-18. С. 13.

запроса к ИИ для обеспечения качества генерации ответов. Профессиональное общение с ИИ требует комплекса развитых навыков по правильному формулированию запросов, интерпретированию ответов, творческой доработке созданного ИИ продукта, как правило, имеющего форму общего контура, направления. Здесь особое значение имеют два фактора – фактор ведения диалога и обучения ему сторон-участников. Опыт взаимодействия с нейросетями свидетельствует о том, что качественный ответ, результат может быть получен в процессе активного диалога с постановкой уточняющих, детализирующих, дополняющих, видоизменяющих вопросов, что не позволит ИИ подстроиться под желаемый или предугаданный результат. При этом большое значением имеет не только взаимообучающий характер отношений, но и «взаимоуважительный» - без позиционирования ИИ ни в качестве более сильной (всезнающей и всеумеющей) стороны, ни в качестве автоматизированного исполнителя – позиция так называемого «младшего партнера» считается наиболее подходящей, как и простота и естественность стиля общения. Однако эту способность, как и вышеназванные, приходится последовательно развивать.

Очевидно, что специфика общения человека и ИИ связана с множеством причин, в основе которых ситуация взаимодействия со стороной не равной себе, себе не подобной. В силу этого коммуникация с ИИ требует наработки навыков говорить, формулировать, реагировать и даже мыслить, как машина, робот, компьютер, чтобы ИИ идентифицировал человека как себе подобного. Аналогично этому, с развитием ИИ по пути все большего антропоморфизма, и человек станет воспринимать ИИ все более себе подобным, что, как считается, позволит преодолеть барьеры «непохожести», пока играющие решающее значение в установлении контакта с ИИ. Это подтверждают многие прикладные исследования. Так, В.И. Игнатьев, К.И.Спиридонова по итогам изучения цифровых записей общения человека с различными типами устройств при выполнении ими разных задач (робот-учитель, робот-консультант, робот-гид, робот-администратор, терапевтический робот, сервисный робот, робот-компаньон, робот для детей с аутизмом) пришли к выводу о «наличии у человека установки на адаптацию к модели поведения устройств» и о «возникновении гибридной коммуникации как способа преодоления барьеров общения человека с интеллектуальными устройствами», понимаемой как «процесс взаимной адаптации языков субъектов коммуникативного взаимодействия, когда рождается новый, третий язык», новый способ действия и взаимодействия. При этом эффективность коммуникации зависит от продолжительности взаимодействия, модификации коммуникаций, «взаимных трансформаций», необходимости для человека «постоянно менять приемы коммуника-

ции, адаптируясь к своему автоматическому напарнику»[16]. Нетипичность ситуации общения с нечеловеком, отсутствие наработанной практики, укорененного опыта говорят в пользу мнения о том, что оно скорее идет в стиле проб и ошибок. Хотя эмпирические исследования свидетельствуют о том, что взаимодействие человека и системы ИИ может осуществляться и традиционным способом в силу склонности людей переносить привычные способы взаимодействия с человеком на контакты с компьютером, реагировать на поведение системы ИИ аналогично ситуации с людьми, наделяя его человеческими характеристиками. В отличие от этого так называемого «бессмысленного переноса», новый характер взаимодействия формируется последовательно от взаимодействия к взаимодействию, с учетом целей, ситуативного контексте, результатов и последствий.

Коммуникация в новом формате используется для широкого круга целей и в силу разных причин: преодоления психологических проблем, снятия напряжения, стресса, состояния тревожности, одиночества, скуки, развлечения ради, в силу моды, тренда на альтернативность и нестандартность, в качестве эксперимента и т.д. Наличие широкого функционала позволяет цифровым собеседникам, друзьям, помощникам если не замещать человеческое общение, то вполне с ним конкурировать. А тот факт, что около 20 % опрашиваемым проще общаться с ИИ, чем с людьми, свидетельствует о признании за ним особо востребованных социальных качеств, способных даже сформировать к ним некое подобие привязанности и даже зависимости, получившей название интелфилии. Такой коммуникант весьма удобен: доступен в любое время, неограничен временем и усталостью, выслушивает, не вступает в дискуссии, не конфликтует и не раздражается, не имеет предубеждений. И эффективен: отовсюду собирает малейшую информацию о пользователе, быстро анализирует, фильтрует, персонифицирует, просчитывает характер и поведение человека (так, давно стало практикой на основе положительной оценки постов друзей определять «личностные черты человека из «большой пятерки» (Big 5): экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм, открытость опыту»[17]). Может войти в доверие и оказывать влияние, реализует индивидуальный подход: настраивается, отвечает, реагирует, подстраиваясь под желания, запросы, настроение, интересы, установки, предпочтения - создает иллюзию всецелой заинтересованности, понимания, погружения в мир другого, вызывая ассоциации «родственной души». Общение с «совершенным»,

16 *Игнатьев В.И., Спиридонова К.И.* Взаимодействие «человек – социальный робот»: через преодоление барьеров к гибридной коммуникации // Дискурс. 2022. Т. 8. № 6. С. 101-115. С. 101, 103, 105.

17 *Абрамова О.А.* Человечество и искусственный интеллект: путь к человекоцентрированному подходу // Информационное общество.2020. № 5. С. 10-18.С.11.

«безответным», «беспроблемным» собеседником вполне соотносится с такими свойствами виртуальной реальности, как свобода, вседозволенность, безответственность, конструирование удобного для себя контекста и системы отношений, отсутствие ограничений и необходимости вести себя сообразно принятым в социальной реальности нормам, правилам. Общение на собственной волне, сконцентрированное на человеке и его мире интересов и проблем имеет как положительный эффект, так и отрицательные последствия. Среди них усталость от алгоритмизированного общения, неготовность и неспособность развивать ИИ посредством постоянного общения, копирование поведения, перенос практики общения с алгоритмами на реальные социальные связи, попадание в зависимость, сверхдоверие и пр. Ограничение содержания взаимодействий кругом собственных интересов, потребностей, предпочтений, установок, реакций, восприятий может не только способствовать установлению взаимопонимания, но и оградить от иных воззрений, неподходящих контактов, другой информации, сузить горизонт выбора и альтернатив до замкнутого на себе круга. Наличие своего контента, друзей, аудитории, каналов получения информации хороши для маркетинга, но губительны для диалога в условиях, с одной стороны, растущего социального разнообразия, с другой, все большего распространения нарциссизма, сверхувлеченности собственной персоной. А.А. Сычев назвал вполне возможной перспективу для ситуации общения «один на один с ИИ, который станет … «цифровым зеркалом», двойником» превращения эвристического диалога в «шизофренический разговор с самим собой»[18].

И все же главный риск новой системы коммуникаций заключается в неравенстве, разительной разнице в возможностях получения, наличия объемов данных, их использования, в способностях и скорости просчитывать, подстраиваться, вносить изменения. За весьма привлекательной витриной комфорта, доступности, простоты, быстроты, эффективности, малозатратности кроется пропасть незнания, неосведомленности, завеса неинформированности и отсутствие реальных возможностей их преодоления для каждого отдельно взятого пользователя. И это ставит последнего в положение неравного партнера, слабой стороны. Его удел – пользование готовым продуктом и готовность к непредсказуемым результатам и последствиям. Общение в ситуации непохожести требует в первую очередь понимания существа этой непохожести. «Принципиальное отличие технических интеракционных агентов состоит в том, что они представляют собой полусамостоятельные сущности, которые созданы человеком и выполняют заложенные в них людьми правила, но при этом данная связь не предъявлена,

18 *Сычев А.А.* В поисках надежности: трансформация доверия в эпоху цифровых технологий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5 (163). С. 37-59. С. 44.

правила «спрятаны»…Роботы оказываются специфически непонятны: люди не понимают, каким образом роботы устроены и по каким принципам действуют». Но и роботы могут не понимать людей, если их поведение выходит за рамки «заложенного в них механизма «понимания» людей»[19]. Следовательно, именно неравноценность партнерства по коммуникации создает ситуацию высокой вероятности управления коммуникацией самими алгоритмами и не позволяет говорить о полноценной коммуникации нового типа. В этом контексте становится понятной озабоченность исследователей проблематики, самих разработчиков и пользователей по поводу необходимости обеспечения принципов доступности и открытости, предполагающих понимание работы алгоритмов на основе доступной достоверной информации и наличие возможности влиять на процесс их работы с метаданными для широкого круга пользователей, а не отдельного круга лиц. Только в этом случае можно говорить об установлении относительно равноценных коммуникационных статусов человека и ИИ.

Выводы

Развитие информационно-коммуникационных технологий изменили традиционный формат общения в системе «человек-человек»: сначала привели к формированию системы взаимодействий «человек-технологии-человек», теперь речь идет о становлении системы «человек-искусственный интеллект-человек» и «человек-искусственный интеллект», где последний выступает в роли цифрового помощника, цифрового собеседника. Коммуникация, опосредованная (ИИ), представляет собой общение между людьми, которое дополняется или генерируется интеллектуальной системой. Привычные форматы общения дополняются новыми, порой ими замещаются, в систему общественных взаимодействий активно входят системы ИИ, «агенты», изначально призванные способствовать решению, а затем и решать инструментальные задачи и развившиеся до уровня «участника» человеческих взаимодействий, способного коммуницировать в социальном смысле. Это позволяет причислять их к неосоциальным, «нечеловеческим» объектам и даже субъектам и говорить о трансформации структуры и содержания социального взаимодействия, заключающейся в формировании особых социальных практик в результате оповседневнивания и опривычивания новых форм человеко-машинных коммуникаций. Однако использование широкого функционала систем ИИ в разных качествах – помощника, собеседника, друга, не свидетельствуют о «полноценности» новой системы коммуникаций. Они говорят о наличии реальной основы и готовности

19 *Корбут А.М.* «Простите, я никак не могу понять»: способы реагирования на непонимание во взаимодействии человека и робота // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2018. Т. 10. № 3. С. 57-78. С. 57. С. 59, 67.

человека к псевдообщению, псевдоэмоциям, псевдособеседникам: наряду или вместо реальных, по какой причине, с какой целью, в каких пределах зависит от установок и ограничений, определенных самим человеком. Кроме того, каким бы ни был предпочитаемый статус ИИ-коммуниканта, наполнение взаимодействия реальным содержанием, взаимовыгодными результатами на прочной и длительной основе во многом зависит от самого человека. Реальность и перспективы новой системы взаимодействий зиждятся на встречном движении, взаимном социализирующем влиянии. Но на этом пути стоит фактор общения в ситуации непохожести, со стороной, не подобной человеку. И это осложняет решение главной культурно-психологической проблемы любого взаимодействия - противопоставления «свой - чужой». Оно усугубляется неравенством возможностей, неосведомленностью пользователей, выступающих в роли слабой стороны, и их неучастием в процессе работы ИИ. Наконец, нельзя не учитывать и факт использования «суррогата общения». Его главная опасность заключается не столько в предпочтении псевдокоммуникаций, упрощенного взаимодействия, имеющего персонифицированный характер и развивающего установки индивидуализма, эгоцентризма, сколько в недооценке совершенств, возможностей и значения самого факта и опыта человеческого общения.

Библиографический список:

1. Абрамова О.А. Человечество и искусственный интеллект: путь к человекоцентрированному подходу // Информационное общество.2020. № 5. С. 10-18.
2. Абрамов Р.Н., Катечкина В.М. Социальные аспекты взаимодействия человека и робота: опыт экспериментального исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. XXV. № 2. С. 214-243.
3. Алейникова Д.В. К проблеме общения человека с искусственным интеллектом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. Вып. 3 (848). С. 9-15.
4. Деникин А.А. Человеко-машинные взаимодействия и искусственный интеллект: к новому пониманию алгоритмических коммуникаций // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15. № 4. С. 67-82.
5. Дзялошинский И.М. Цифровые коммуникационные сервисы в эпоху формирования искусственного интеллекта // Журналист. Социальные коммуникации. 2021. № 1. С. 11-33.
6. Игнатьев В.И., Спиридонова К.И. Взаимодействие «человек – социальный робот»: через преодоление барьеров к гибридной коммуникации // Дискурс. 2022. Т. 8. № 6. С. 101-115.
7. Кириллов Г. М. Информационно-коммуникационная среда как пространство диалога // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12. № 3. С. 142-154.
8. Корбут А.М. «Простите, я никак не могу понять»: способы реагирования на непонимание во взаимодействии человека и робота // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2018. Т. 10. № 3. С. 57-78.
9. Меньшиков В., Комарова В., Болякова И., Ружа А., Ружа О. Социологическая трактовка и попытка междисциплинарного исследования искусственной социальности и искусственного интеллекта // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Социология. 2024. С. 354-378.
10. Меттини Э., Вигель Н.Л. Взаимодействие искусственного интеллекта и человеческой культуры: антропологический подход к технологическому развитию // Науковедческие исследования.2024. № 2. С. 50-70.
11. Михненко П.А. Профессиональная коммуникация с генеративным искусственным интеллектом: тенденция или «мимолётное явление»? // Цифровая экономика.2023. № 4 (25). С. 5-18.
12. Пчегатлук С.К., Косивченко Е.В. Искусственный интеллект в социологическом измерении // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 8. С. 68-73.
13. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Блеск и нищета теории коммуникации в эпоху искусственной социальности (Размышляя о книге Елены Эспозито «Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence») // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2024. № 4. С. 107-119.

14. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий //Мониторинг общественного мнения Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 35-47.
15. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности: анализ кейсов API и ChatGPT // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 3-22.
16. Свиридов Н.В., Дашевский А.И. Перспективы и возможности полноценного общения человека и искусственного интеллекта // Научный дилер. 2022. № 20 (85). С. 29-33.
17. Сизикова Т.Э., Сизиков А.В. Прерогатива человека в эпоху искусственного интеллекта // Развитие человека в современном мире. 2024. № 3. С. 20-37.
18. Сычев АА. В поисках надежности: трансформация доверия в эпоху цифровых технологий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5 (163) С. 37-59.
19. Галаганова С.Г. Героизм как тема межкультурного и межконфессионального диалога // Межконфессиональная миссия. 2019. Том 8. Часть 5. № 40. С. 476-483.

Reference

1. Abramova O.A. Humanity and Artificial Intelligence: Towards a Human-Centered Approach // Information Society. 2020. № 5. P. 10-18.
2. Abramov R.N., Katechkina V.M. Social Aspects of Human-Robot Interaction: An Experimental Study // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2022. Vol. XXV. № 2. P. 214-243.
3. Aleinikova D.V. On the Problem of Human Communication with Artificial Intelligence // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences. 2023. Issue 3 (848). P. 9-15.
4. Denikin A.A. Human-Machine Interactions and Artificial Intelligence: Towards a New Understanding of Algorithmic Communications // Sociology of Science and Technology. 2024. Vol. 15. № 4. P. 67-82.
5. Dzyaloshinsky I.M. Digital Communication Services in the Era of Artificial Intelligence // Journalist. Social Communications. 2021. № 1. P. 11-33.
6. Ignatiev V.I., Spiridonova K.I. Human-Social Robot Interaction: Overcoming Barriers to Hybrid Communication // Discourse. 2022. Vol. 8. № 6. P. 101-115.
7. Kirillov G.M. Information and Communication Environment as a Space for Dialogue // Electronic Scientific Journal "Science. Society. State". 2024. Vol. 12. № 3. P. 142-154.
8. Korbut A.M. "Sorry, I just can't understand": Ways to Respond to Misunderstandings in Human-Robot Interaction // Laboratorium. Journal of Social Research. 2018. Vol. 10. № 3. P. 57-78.
9. Menshikov V., Komarova V., Bolyakova I., Ruzha A., Ruzha O. Sociological Interpretation and Attempt at an Interdisciplinary Study of Artificial Sociality and Artificial Intelligence // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2024. P. 354-378.
10. Mettini E., Vigel N.L. Interaction of Artificial Intelligence and Human Culture: An Anthropological Approach to Technological Development // Science Studies. 2024. № 2. P. 50-70.
11. Mikhnenko P.A. Professional Communication with Generative Artificial Intelligence: A Trend or a "Fleeting Phenomenon"? // Digital Economy. 2023. № 4 (25). P. 5-18.
12. Pchegatluk S.K., Kosivchenko E.V. Artificial Intelligence in the Sociological Dimension // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2024. № 8. P. 68-73.
13. Rezaev A.V., Tregubova N.D. The Glory and Poverty of Communication Theory in the Era of Artificial Sociality (Reflecting on Elena Esposito's Book "Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence") // Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism. 2024. № 4. P. 107-119. 14. Rezaev A.V., Tregubova N.D. "Artificial Intelligence", "Online Culture", "Artificial Sociality": Definition of Concepts // Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. 2019. № 6. P. 35-47.
15. Rezaev A.V., Tregubova N.D. From the Sociology of Algorithms to the Social Analytics of Artificial Sociality: Analysis of API and ChatGPT Cases // Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. 2023. № 3. P. 3-22.
16. Sviridov N.V., Dashevsky A.I. Prospects and Possibilities of Full-Fledged Communication between Humans and Artificial Intelligence // Scientific Dealer. 2022. № 20 (85). P. 29-33.
17. Sizikova T.E., Sizikov A.V. Human Prerogative in the Age of Artificial Intelligence // Human Development in the Modern World. 2024. № 3. P. 20-37.
18. Sychev A.A. In Search of Reliability: Transformation of Trust in the Digital Age // Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes. 2023. № 5 (163) P. 37-59.
19. Galaganova S.G. Heroism as a subject for intercultural and interconfessional dialogue // Mission confessions. 2019. Volume 8. Issue 5. № 40. P. 476-483.

Шамрина Е.А.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента Старооскольского филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Старый Оскол.

К вопросу о формировании народного ополчения в Воронежской губернии в 1805-1807 гг.*

Аннотация. Статья посвящена вопросу формирования народного ополчения в Воронежской губернии в 1805-1807 гг. Цель статьи – проанализировать государственные шаги по формированию всеобщего ополчения как исконной народной формы вооруженных сил. В условиях феодального общества основной целью государства в данной ситуации было не только укрепить армию и обороноспособность страны перед лицом надвигающейся угрозы, но и сохранить землевладельцев. В статье анализируется опыт формирования народного ополчения, которое по планам должно было составить 61 тыс. чел, участие губерний в данном процессе, а также сложности, с которыми столкнулись при решении поставленной задачи на местах. Автор отмечает, что большая роль, как в формировании, так и обеспечении готовности ополчения к ведению боевых действий, принадлежит российскому дворянству. Дворянство высочайшим Манифестом Императора накануне войны с Наполеоном как верная и крепкая опора российского престола призывалась к самому деятельному участию в формировании народного ополчения, особенно в тех губерниях, где остро наблюдался недостаток офицерских кадров.

Ключевые слова: народное ополчение, милиция, война с Наполеоном, российское дворянство.

Shamrina Ye.A.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management of the Stary Oskol branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Stary Oskol.

On the formation of the people's militia in the Voronezh province in 1805-1807

* © Шамрина Е.А., 2026.

Abstract. This article examines the formation of a people's militia in Voronezh Province from 1805 to 1807. The article's purpose is to analyze government efforts to establish a general militia as a traditional popular form of armed force. In a feudal society, the state's primary goal in this situation was not only to strengthen the army and the country's defenses in the face of an impending threat but also to preserve landowners. The article analyzes the experience of forming a people's militia, which was planned to consist of 61,000 people, the participation of the provinces in this process, and the challenges encountered in achieving this goal on the ground. The author notes that the Russian nobility played a significant role in both the formation and the readiness of the militia for military action. The nobility, by the Emperor's highest Manifesto on the eve of the war with Napoleon, as a faithful and strong support of the Russian throne, was called upon to take the most active part in the formation of the people's militia, especially in those provinces where there was an acute shortage of officer cadres.

Key words: people's militia, police, war with Napoleon, Russian nobility.

Введение

Отечественная война с Наполеоном 1812 года оставила глубокий след в сознании русского народа, став символом борьбы за целостность государства и независимость.

Это событие стало ключевым в европейской войне против Наполеона, который стремился установить гегемонию Франции и создать мировую империю.

В самом начале противостояния Российской империи и наполеоновской армии, когда был осознан исторический характер данного сопротивления, было принято решение усилить позиции российской армии народным ополчением. Первые шаги по формированию народного ополчения были предприняты еще в 180-1807 гг.

Первая страница формирования народного ополчения (1806-1807 г.) остаётся малоизученной. Не хватает полной картины о том, как выглядел первый опыт создания милиции, их основе и комплектовании.

Недостаточная освещенность этой темы в исторической науке и роль дворянского ополчения в Отечественной войне 1812 г. делают её актуальной для дальнейших исследований.

Недавно опубликованные архивные материалы позволяют лучше проанализировать обстоятельства того времени и пролить свет на спорные вопросы.

Центральные архивы, в том числе фонд «Земское ополчение 1806-1807 г.» Российского Государственного военно-исторического архива, содержат лишь ограниченное количество документов (28 единиц).

Однако накануне 200-летнего юбилея победы над Наполеоном опубликовано значительное количество архивных материалов, что может помочь

преодолеть дефицит источников и стимулировать исследователей к более глубокому изучению этой страницы российской истории.

Методы. Выводы о процессе формирования народного ополчения в Воронежской губернии в начале XIX века автор делает на основе изучения архивных материалов, в частности фонда «Земское ополчение 1806-1807 гг.» Российского Государственного военно-исторического архива.

Результаты

Борьба России с Наполеоном занимает собой период с 1805 года по 1815 гг. это была долгая и упорная борьба, характеризующаяся тем, что силы России постепенно напрягались все более и более, в зависимости от того, насколько русские интересы сталкивались с наполеновской Францией.

После военного блеска Екатеринского века, после славных подвигов Суворова, русская армия стяжала себе славу непобедимости. И при первых своих вступлениях на защиту порабощенных Наполеоном нардов, русская армия бодро шла на борьбу. Однако, военный гений Наполеона и не совсем искренние отношения покровительствуемых и защищаемых Россией союзников, привели русскую армию к целому ряду неудач и заставили императора принять серьезнейшие меры к усилению российских вооруженных сил для дальнейшей борьбы с могущественным и опасным противником.

30 ноября 1806 года был издан Высочайший Манифест о созыве всеобщего ополчения, или как его тогда называли «Милиции». Таким образом, Правительство в тяжелую минуту народной жизни возвращалось к исконной народной форме вооруженных сил – ополчению.

При созыве милиции преследовалась цель сохранить и армию и землевладельцев. Эта мысль была выражена в тексте Манифеста: « Когда благословением Всевышнего усилия Наши и верноподанных наших на защите отечества… увенчаны будут вожделенными успехами… тогда.. сии Ополчения положат оружие, возвратятся в свои домы и семейства, собственным их мужеством защищенные , где вкусят плоды мира, столь славно приобретенные».

По произведенным расчетам Правительство рассчитывало составить таким образом внутри империи армию ополченцев в количестве 61 200 чел. Это количество должно было быть собрано с 31 губернии. Однако вскоре стало очевидным, что сформировать такое ополчение не представляется возможным по причине недостаточности оружия. В 1807 году удалось вооружить лишь часть и тогда уже было заказано в Англии 160 000 новых ружей. К концу того же 1807 года численность войск милиции было доведено до 200 000 человек. Если принять во внимание, что уже в 1806 году

указом 18 сентября был произведен рекрутский набор по 4, а по указу 11 ноября тоже года еще дополнительный по 1 чел с каждых 500 душ всей крестьянской массы, то будет вполне понятна вся солидность принятых Правительством мер и вся тяжесть жертвы, какую тогда еще понесла народная масса. Основные тяготы по комплектованию войск милиции пришлись на помещичьих крестьян и менее государственных и экономических.

Воронежское дворянство с 176 696 душ, находившихся в их владении, дали 8296 чел. в милицию. Из 13 уездов, входящих в состав губернии, наибольшее число душ было поставлено из Старобельского уезда – 887 чел., а наименьшее – из Задонского – 422 чел. (таблица 1).

Таблица 1. Данные по количеству душ, поставленных в войска милиции, от Воронежской губернии.

№	Уезд Воронежской губернии	Количество душ, поставленных в войска милиции
1	Воронежский	646
2	Задонский	422
3	Землянский	609
4	Бирюченский	859
5	Острогожский	837
6	Старобелский	887
7	Валуйский	608
8	Богучарский	732
9	Нижнедевицкий	513
10	Новохоперский	443
11	Коротоякский	527
12	Бобровский	695
13	Павловский	517

Важно отметить, что помещики брали на себя не только содержание милиции, но обеспечение крестьян, вступивших в ряды ополчения, но и покупку обмундирования и снаряжения, не включая оружия. Примерная сумма, которая затрачивалась на обмундирование одного солдата, составляла около 40 руб. В общем объеме душ, представленных от Воронежской губернии, эта сумма была ровна 331 840 руб. При этом не представляется возможным определить какая конкретно сумма была затрачена только дворянским сословием в виду отсутствия соответствующих документов.

Кроме обеспечения ополчения крестьянами, сами дворяне так же лич-

но приняли участие в формировании ополчения. Так в ряды по милиции вступило около 260 дворян от Воронежской губернии, в возрасте от 23 до 48 лет.

В каждой губернии были определены выборные начальники губернского земского войска, которые были подчинены главнокомандующему округом. Всего было сформировано 7 округов по несколько губерний в каждом. Воронежская губерния вошла в пятый округ. Воронежским земским войском начальствовал статский советник Василий Иванович Лисаневич. Под руководством начальника в каждом из 13 уездов были выбраны начальники уездных ополчений. Ополченские дружины, численностью 1000 чел, делились на сотни, сотни на десятки под руководством соответственно тысячных, сотенных начальников из дворян и десятских из нижних чинов по назначению сотенных командиров. Половина дружины имела своего пятисотенного начальника.

Сформированные дружины играли большую роль в обеспечении противостояния с Турцией и Францией в начале XIX века. Для укомплектования действующей армии оправлялись на фронт отряды милиции. Дружины по мере формирования и укомплектования отправлялись в действующую армию и наряду с рекрутами распределялись в полевые полки. Напряжение военных сил становилось все сильнее и сильнее и дело кончилось тем, что после раздачи в полевые полки, ополченцев причислили в рекруты и засчитали их помещикам в следующий рекрутский набор. Последние остатки милиции были влиты в армию вместо рекрутов предположительно в конце 1807 года. После этого милиция продолжала формироваться, но Правительство потеряло постепенно к ней интерес, а в конце 1808 года последние остатки были распущены по домам.

В общем, из 200 000 человек, призванных на службу в милицию, 177 000 были оставлены в рядах армии и флота и для них служба вместо временной, как это было определено Манифестом от 30 ноября 1806 года, стала постоянной.

Воронежская милиция так же была почти вся взята в действующую армию, и лишь немногие ратники возвратились домой.

Обращение милиционеров в рекруты стало возможным потому, что обеспечение следующего рекрутского набора представлялось затруднительным, а милиционеры были уже готовы и обучены службе, тогда как рекрутов еще надо было обучить. При таких обстоятельствах представлялось простым и удобным заменить рекрутский набор 1807 года уже сформированной милицией. Данное обстоятельство обусловило негативное отношение к милиции в крестьянской среде, был сформирован образ «непонятной милиции» как отдельного вида рекрутского набора. Таким образом, среди крестьян зародилось недоверие к самой идее народного ополчения или милиции.

Реакция Правительства на такое отношение к сформированному по его инициативе ополчению последовала в 1812 году. Высочайшим Манифестом от 18 июля 1812 года император подчеркивал существенную разницу в характере дружин для формирования ополчения от тех, которые формировались в рамках комплектования милиции. В Манифесте 1812 года отмечалось, что формируемая сейчас милиция не есть рекрутский набор, а временное ополчение, формируемое для укрепления действующей армии и защиты Отечества. После завершения войны с наполеоновской Францией предполагалось возвращать воинов из ополчения к своим прежним обязанностям.

Дворянство, принявшее участие в формировании милиции 1807 года было особо отмечено Императором. Так, действительный статский советник Лисаневич был награжден Орденом Св. Владимира 3-й степени и правом носить мундир 5-й области, а на шляпе султана зеленого цвета.

Постепенно противостояние России и Францией нарастало и со всей очевидностью обнаружилось в 1811 году, когда Россия ратифицировала Положение о нейтральной торговле в портах Белого, Балтийского и Азовского морей и всей западной сухопутной границе. По принятому Положению Россия фактически денонсировала условия Тильзитского мира с Францией и продемонстрировала свою позицию по отношению к политике Наполеона. Фактически обе державы начинают подготовку к открытому военному противостоянию, неизбежность которого была очевидна.

Уже в 1811 г. император Александр I организует целый ряд стратегических маневров, ключевой целью которых выступает сосредоточение вооруженных сил у западных границ Российской империи. Уже с 1812 года, когда действия Наполеона очевидно свидетельствовали о его готовности в скором времени начать военные действия против России, император Александр I предпринимает чрезвычайные меры по усилению вооруженных сил. На момент начала 1812 года Наполеон имел в своем распоряжении 1 187 000 человек в войсках и около половины от этого числа предназначалось для вторжения в Российскую империю. Против армии Наполеона Россия выставляла армию численностью 200 000 чел, остальные 264 000 чел были отвлечены от военных действий с Турцией. При таких численных несоответствиях Российская империя была вынуждена прибегнуть к вынужденным мерам.

Еще до начала военных действий для обеспечения нужд комплектования войск был осуществлен сбор лошадей, волов, продовольствия. Кроме того, в 1811 году был объявлен рекрутский набор.

Воронежское дворянство приняло активное участие в комплектовании армии для отражения атаки наполеоновских войск. Так во исполнение императорского рескрипта Воронежским губернатором Штером был

осуществлен сбор лощадей для артиллерии, которые были направлены в Киев. Так же были собраны волы в количестве 2000 голов для обеспечения армии продовольствием, 500 волов для использования в упряжи для перевозки военной техники. Переданное Воронежской губернией снаряжение было доставлено в место расположения 1 армии Барклая-де-Толли, позже перемещены в Калугу, где были переданы полевому Генерал-провиантмейстеру.

13 мая 1812 года во исполнение Указа Императора из состава последнего рекрутского набора были сформированы 12 новых полков: 8 пехотных и 4 егерских. Новые полки были сформированы в Ярославской, Воронежской, Тамбовской,, Костромской и Рязанской губерниях. Территория формирования новых полков была условно разделена на два района. Южным осуществлял командование начальник 8го округа внутренней стражи генерал-майор Василий Акимович Русанов, северным – генерал 7го округа внутренней стражи генерал майор князь Урусов. Сформированные в Воронежской губернии полки отнесены были к южному району вместе с полками из Рязанской и Тамбовской губерний.

В каждой из губерний были определены начальники сформированных полков. Они были определены по личному выбору окружных генералов. Окружные и бригадные генералы получали поддержку губернских властей по формированию полков. Для боевой службы были привлечены и рекруты, которых следовало так же обучить и подготовить к военному делу. Строгие правила были установлены при подборе кандидатов и в офицерских состав новых полков – рекомендовалось зачислять в новые полки тех офицеров с хорошей репутацией. Обязательным условием приема на службу было личное ручательство губернатора, окружного генерала и бригадного командира. Таким образом, формирование полков заняло три месяца.

Рекруты для формирования полков были взяты из 15 губерний центральной части Российской империи. Таким образом, в формировании полков из 15 губерний. Обращает на себя внимание тот факт, что рекруты из одной губернии могли быть направлены сразу в несколько пунктов назначения. Так например, рекруты из Казанской губернии были распределены во Владимир, Кострому, Рязань и Тамбов. Чаще всего данный факт объясняется стремление властей равномерно распределить инородный, нерусский контингент данной губернии между разными городами с целью избежать скопления в одном.

В город Воронеж и формируемый в нем полк были направлены рекруты из трех губерний - Пензенской (500 чел), Саратовской (1511 чел), непосредственно Воронежской (1964 чел). Таким образом, в Воронежской губернии был сформирован полк общей численностью 3975 чел.

Заключение

Большая роль в укреплении армии и обороноспособности Российской империи в период ожесточенной борьбы с Наполеоновской армии принадлежит народному ополчению. Задача государства была не только укрепить боевую мощь российской армии, но и сохранить землевладельцев как ключевой элемент в социально-экономической структуре. Главные усилия по формированию такой формы вооруженных сил как ополчение были предприняты со стороны дворянства. Воронежское дворянство с 176 696 душ, находившихся в их владении, дали 8296 чел. в милицию. Из 13 уездов, входящих в состав губернии, наибольшее число душ было поставлено из Старобельского уезда – 887 чел., а наименьшее – из Задонского – 422 чел. Кроме обеспечения ополчения крестьянами, сами дворяне так же лично приняли участие в формировании ополчения. Так в ряды по милиции вступило около 260 дворян от Воронежской губернии, в возрасте от 23 до 48 лет.

Библиографический список:

1. Апухтин В.Р. Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественную войну. – М.: 1912. 124 с.
2. Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. – М.: Соцэкгиз, 1962. 212 с.
3. Воронежское дворянство в Отечественную войну: репринтное издание. – Воронеж, 2012. 416 с.
4. Лапина И.Ю. Земское ополчение России 1812-1814 годов. – СПб.: СПбГАСУ, 2007. 252 с.
5. Манифест 30 ноября 1806 г. «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции» // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собр. 1. – СПб.: 1830. Т. XXIX.
6. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года / Сб. док. Под ред. Л.Г. Бескровного. – М.: 1962. 547 с.
7. Дзуцев Х.В., Бетильмерзаева М.М., Дибирова А.П., Корниенко Н.В. Труд и экономическая жизнь в Чеченской Республике. Часть I // Альманах Казачество. 2019. № 41. С. 104-116.

Reference

1. Apukhtin V.R. "The People's Military Force. Noble Militias in the Patriotic War." Moscow: 1912. 124 p.
2. Babkin V.I. "The People's Militia in the Patriotic War of 1812." Moscow: Sotsekgiz, 1962. 212 p.
3. The Voronezh Nobility in the Patriotic War: Reprint. Voronezh, 2012. 416 p.
4. Lapina I.Yu. "The Zemstvo Militia of Russia in 1812-1814." St. Petersburg: SPbGASU, 2007. 252 p.
5. Manifesto of November 30, 1806 "On the Formation and Establishment of Universal Temporary Militias or Militia" // Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649. Coll. 1. – St. Petersburg: 1830. Vol. XXIX.
6. The People's Militia in the Patriotic War of 1812 / Coll. doc. Ed. L.G. Beskrovny. – Moscow: 1962. 547 p.
7. Dzutsev H.V., Betelmerzaeva M.M., Dibirova A.P., Kornienko N.V. Labor and economic life in the Chechen Republic. Part I // Almanac Cossacks 2019. № 41. P. 104-116.

Шевелёв В.Ю.

Старший преподаватель, кафедра истории. Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина». ORCID: 0000-0002-2643-8903

Правовое положение учителя в России во второй половине XIX – начале XX века*

Аннотация. В статье на основе анализа законодательных актов («Устав о службе по определению от правительства», уставы гимназий, реальных и начальных училищ), ведомственной статистики и делопроизводственных материалов реконструируется сложная иерархия правового статуса учителей в Российской империи пореформенного периода (1864–1914 гг.). Рассматривается ключевое для эпохи разделение на «служащих» (чиновников) и «наемных работников». Выявляются основные линии эволюции статуса педагогов: сближение правового положения преподавателей средней и начальной школы (через институт пенсионных касс) и, главное, стремительное уравнение в правах учителей-мужчин и учительниц, что стало важнейшим фактором профессионализации и феминизации педагогического корпуса. Особое внимание уделяется региональной и национальной политике в отношении учительства, а также разрыву между формальными требованиями к квалификации и реальным уровнем подготовки массового учителя. Делается вывод о незавершенности и противоречивости процесса унификации правового статуса педагогов накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: история образования, Российская империя, правовой статус учителя, государственная служба, гимназия, начальная школа, народный учитель, земство, женское образование, профессионализация.

Shevelev V.Yu.

Senior Lecturer, Department of History, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Leningrad Region "A.S. Pushkin Leningrad State University". ORCID: 0000-0002-2643-8903

The legal status of teachers in Russia in the second half of the 19th-early 20th century

* © Шевелёв В.Ю, 2026.

Abstract. Based on the analysis of legislative acts (the "Charter on Service by definition from the government", the charters of gymnasiums, real and primary schools), departmental statistics and office records, the article reconstructs the complex hierarchy of the legal status of teachers in the Russian Empire of the post-Reform period (1864-1914). The key division into "employees" for the era is considered (officials) and "employees". The main lines of evolution of the status of teachers are revealed: the convergence of the legal status of secondary and primary school teachers (through the institute of pension funds) and, most importantly, the rapid equalization of the rights of male and female teachers, which has become an important factor in the professionalization and feminization of the teaching staff. Special attention is paid to regional and national policies regarding teaching, as well as the gap between formal qualification requirements and the actual level of training of mass teachers. The conclusion is made about the incompleteness and inconsistency of the process of unification of the legal status of teachers on the eve of the First World War.

Key words: history of education, Russian Empire, legal status of teachers, civil service, gymnasium, elementary school, national teacher, zemstvo, women's education, professionalization.

Введение

Российская система начального и среднего образования во второй половине XIX – начале XX в. представляла собой сложный иерархизированный конгломерат учебных заведений. Они различались по своему правовому положению, ведомственной принадлежности, учебным планам, источникам финансирования и, как следствие, по статусу преподававших в них педагогов. Финансирование поступало от государственной казны, земств, городских и сельских обществ, частных лиц, и правовое положение учителя напрямую зависело от того, кто выступал его нанимателем. Унификация школьной системы, начатая великими реформами Александра II и продолженная в царствование его преемников, вела к постепенному сближению правового положения учителей различных типов школ. Однако к началу Первой мировой войны этот процесс, будучи неотъемлемой частью общей модернизации страны, оставался далеким от завершения.

Историография вопроса обширна. До революции исследователи, такие как И.А. Алешинцев [1] и Н.В. Чехов [2], заложили основы для понимания структуры и эволюции российской школы. В советский период значительный вклад в изучение социального состава и положения интеллигенции внесла В.Р. Лейкина-Свирская [3]. Современные исследования, в том числе Б.Н. Миронова [4], позволяют взглянуть на проблему в широком контексте модернизации российского общества, а работы зарубежных авторов, например Б. Эклофа [5], дают ценный материал для сравнительного анализа. Однако комплексного анализа правового статуса учителя в его динамике

и разнообразии, охватывающего как привилегированных преподавателей столичных гимназий, так и учителей церковно-приходских школ в глухой провинции, до сих пор не предпринималось.

Цель данной статьи – на основе анализа законодательных актов, ведомственных уставов и статистических материалов реконструировать правовое положение учителей разных типов учебных заведений в пореформенной России, выявить основные тенденции его эволюции и факторы, определявшие этот процесс. Особое внимание уделяется внутренней иерархии учительского сословия и трем ключевым векторам изменений: сближению статуса столичного и земского учителя, изменению гендерного баланса в профессии и профессионализации педагогического корпуса.

По своему юридическому положению учительское сословие во второй половине XIX – начале XX в. разделялось на две большие, неравные по статусу группы: состоящие на государственной службе и работающие по найму у общественных учреждений (земств, городов) или частных лиц. В пореформенную эпоху эта граница в основном совпадала с границей между средней и начальной школой [3, с. 60].

Учителя, состоявшие на государственной службе, имели права и привилегии гражданских чиновников, закрепленные в «Уставе о службе по определению от правительства» и «Уставе о пенсиях и единовременных пособиях» [6]. Это означало право на постоянное, определенное законом жалование, чинопроизводство по Табели о рангах с вытекающими привилегиями (например, право на потомственное дворянство при достижении определенного чина) и, самое главное, на пенсионное обеспечение из казны. К этой категории относились преподаватели учебных заведений, напрямую подведомственных Министерству народного просвещения (МНП): гимназий, прогимназий, реальных училищ, а также учительских институтов.

Безусловную элиту составляли преподаватели мужских классических гимназий. К 1914 г. в России насчитывалось 441 гимназия и 29 прогимназий со 151,1 тыс. учеников. Педагогический состав включал 8006 законоучителей и преподавателей [7, с. 86-88]. Немногим уступали им по статусу преподаватели 284 реальных училищ, в которых трудилось 4628 педагогов [7, с. 90-91].

Согласно Уставам гимназий и прогимназий 1864 [8] и 1871 гг. [9] и Уставу реальных училищ 1872 г. [10], штатные преподаватели (учителя наук и языков) пользовались полным спектром прав государственной службы. Иерархия внутри гимназии строго регламентировалась. Директор гимназии, согласно Уставу 1871 г., являлся «начальником гимназии, на котором лежит полная ответственность по всем частям благоустройства заведения» (ст. 41). Он имел право на V классный чин (статский советник), казенную квартиру и пенсию. Инспектор гимназии или прогимназии имел VI класс-

ный чин (коллежский советник). Учителя наук и искусств имели право на VIII классный чин (коллежский асессор), учителя чистописания и классные наставники – на IX чин (титулярный советник), их помощники – на X чин (коллежский секретарь) [9].

Пенсионные права гарантировались Уставом о пенсиях. Для получения пенсии по учебной части необходимо было прослужить 20 и более лет: после 20 лет беспорочной службы пенсия составляла 50% оклада, после 25 лет – 100% оклада. Прослужившие от 10 до 20 лет получали лишь единовременное пособие. Закон 1911 г. распространил пенсионные права на женщин-учительниц, занимавших должности, дававшие право на пенсию, хотя они и не числились на государственной службе и не получали надбавок за выслугу лет [11].

Полярным полюсом выступали учителя начальных народных училищ. Их деятельность регламентировалась «Положением о начальных народных училищах» 1874 г. [12]. Они не имели утвержденных штатов и зависели от своих нанимателей – земств, городских дум, сельских обществ. Назначение и увольнение учителя зависело от инспектора и уездного училищного совета. Преподаватели не имели прав на чины, пособия и государственные пенсии, однако числились по учебной службе, что давало им, например, право на освобождение от действительной военной службы в мирное время [13].

Между двумя полюсами находились городские училища по Положению 1872 г. [14] и пришедшие им на смену в 1912 г. высшие начальные училища (ВНУ) [15]. С шестилетним курсом обучения они занимали промежуточное положение между начальной и средней школой. Преподаватели городских училищ числились на государственной службе (XIV класс), получали казенное жалование, квартирные деньги и право на пенсию после 25 лет службы, что ставило их неизмеримо выше учителей сельских школ, но ниже гимназических преподавателей. К 1914 г. в городских училищах и ВНУ обучалось 183,7 тыс. человек, а педагогический состав достиг 5083 человек [7, с. 110].

Коммерческие училища (ведомства Министерства финансов), число которых к 1914 г. достигло 260, давали своим штатным преподавателям права, аналогичные учителям средних учебных заведений МНП, включая чины и пенсии, что делало их службу также привлекательной [16]. Особняком стояли частные учебные заведения первого разряда и домашние наставники. Последние, имея свидетельство на звание домашнего учителя, приравнивались к государственной службе, но фактически работали по найму [6, с. 82-83].

Таким образом, система конструировала жесткую иерархию, в которой правовой статус педагога определялся не столько его личными заслугами, сколько типом учебного заведения и ведомством, в чьем подчинении оно находилось.

Несмотря на колоссальный разрыв в статусе, в рассматриваемый период наметились две важнейшие тенденции, которые вели к постепенному, хотя и незавершенному, сближению правового положения различных групп педагогов.

Положение народного учителя долгое время оставалось наиболее незащищенным. Однако уже в конце XIX в. наметился поворот. В 1870 г. учители народных училищ были освобождены от рекрутской и других натуральных повинностей [17, с. 43]. После введения всеобщей воинской повинности они освобождались от действительной службы в мирное время [13]. Но ключевым событием стало учреждение в 1900 г. эмеритальной (пенсионной) кассы для народных учителей. Закон позволял учителям начальных училищ (как мужчинам, так и женщинам) и их семьям получать пенсии за счет взносов самих учителей (6% жалования) и организаций, финансировавших школы (еще 6%). Трудоспособным пенсии назначались после 15 лет участия в кассе. Размер пенсии зависел от суммы взносов и возраста. Для учителя с окладом 300-360 руб. пенсия после 25 лет службы составляла 140-172 руб. в год. Хотя эта сумма была невелика, само появление подобного института означало распространение принципов государственного социального страхования на самую массовую категорию педагогов, стирая грань между ними и «казенными» учителями [2, с. 219].

Наиболее динамично развивалась вторая тенденция – уравнение в правах педагогов-мужчин и педагогов-женщин. До реформ женское образование было уделом элиты. Перелом наступил с учреждением в 1858 г. всесословных женских училищ, преобразованных в 1871 г. в женские гимназии и прогимназии МНП. Их число росло лавинообразно: с 55 гимназий в 1871 г. до 264 в 1903 г. и 873 к началу 1914 г. Число преподавателей в них к 1914 г. достигло 17433 человек, что превышало аналогичные показатели для мужских средних школ вместе взятых [7, с. 96-98; 18, с. 100-101, 109, 113].

Первоначально, согласно Положению 1870 г., права учительниц были урезаны. Если учитель-мужчина, преподававший в женской гимназии, имел соответствующую квалификацию, он пользовался правами штатного преподавателя мужской гимназии. Учительницы же приравнивались к домашним наставницам [19, ст. 42]. Однако постепенно происходило уравнение. В 1881 г. окончившим курс прогимназий было предоставлено право на звание начальных учительниц. В 1900 г. женщины с высшим образованием получили право преподавания в старших классах женских гимназий, а также положенные этим позициям права по службе и пенсии. В 1906 г. им разрешили преподавать в младших классах мужских средних учебных заведений.

Наконец, закон 1911 г. стал переломным. Женщины получили право держать экзамены на дипломы правительственных учебных заведений,

получать ученые степени и новое звание «учительницы средних учебных заведений» [11]. Это звание давало им право преподавать предметы по специальности как в женских, так и в мужских учебных заведениях, а также жалование и пенсионные права, аналогичные таковым у учителей-мужчин. Это был не просто акт эмансипации, но и прагматичный ответ на острую потребность системы образования в кадрах.

Модернизация страны требовала не просто увеличения числа учителей, но и повышения качества их подготовки. Однако темпы роста школьной сети опережали возможности системы подготовки кадров.

Требования к преподавателям средней школы были традиционно высоки. Уставы 1864 и 1871 гг. предписывали назначать на должности преподавателей наук и языков только лиц с университетским образованием, прошедших специальную педагогическую подготовку. Это обеспечивало высокий уровень преподавания в элитарных учебных заведениях. Согласно школьной переписи 1880 г., 41,1% учителей-мужчин в средних школах окончили университеты или педагогические институты [20, с. 109-110].

Проблема подготовки народного учителя стояла гораздо острее. Н.В. Чехов писал, что в дореформенное время в среде образованного общества господствовал взгляд, что «крестьянских ребят грамоте может научить всякий» [2, с. 107]. Земства и энтузиасты начали менять эту ситуацию, но требования к учителю долгое время оставались минимальными. Положение 1874 г. лишь требовало сдачи экзамена в объеме курса уездного училища. Экзамен включал элементарные знания по Закону Божьему, русскому языку, арифметике и другим предметам [21, с. 916-917]. Основными поставщиками кадров стали учительские семинарии (70 в 1906 г., 189 в 1916 г.), женские гимназии, епархиальные училища и краткосрочные курсы. Опрос, проведенный в 1911 г., показал, что 72% учителей жаловались на недостаточную педагогическую подготовку, а 30% (особенно выпускницы гимназий) – на неготовность к жизни в деревне [5, с. 202-205].

Наряду с профессиональной подготовкой, важнейшим критерием отбора была политическая лояльность. Циркулярное распоряжение МНП 1879 г. требовало от учебного начальства «иметь всегда достоверные сведения о политической благонадёжности и нравственных качествах кандидатов» в учителя, запрашивая их у губернаторов [21, с. 51]. В 1905 г. МНП призвало усилить проверку прошлого педагогов. Особенно жесткой была политика в «неспокойных» регионах. После восстания 1863-1864 гг. в Западном крае власти целенаправленно замещали учителей польского происхождения выходцами из внутренних губерний, предоставляя им повышенные оклады и жилье. Католические законоучители допускались к работе лишь после «самой строгой проверки их нравственных качеств и политической благонадежности» [22, л. 3 об. – 4].

Заключение

Проделанный анализ позволяет утверждать, что правовой статус российского учительства в пореформенный период нельзя рассматривать как нечто застывшее и однородное. Напротив, это была динамичная, иерархически организованная система, находившаяся в процессе постоянной трансформации. Жесткое разделение на «служилое» учительство казенных гимназий и «наемных» педагогов земских и сельских школ, унаследованное от первой половины XIX века, к началу XX столетия начало постепенно размываться под воздействием объективных факторов модернизации.

Первый и наиболее очевидный вектор изменений касался социальной защищенности самой массовой категории педагогов – учителей начальных народных училищ. Государство, десятилетиями фактически самоустранявшееся от их обеспечения, вынуждено было признать, что без решения этого вопроса невозможно дальнейшее развитие школьной сети. Учреждение в 1900 г. пенсионной кассы, пусть и основанной на принципах соучастия, стало важнейшим прецедентом. Оно означало, что крестьянский и земский учитель переставал быть временным «наемным работником» и приобретал черты профессионала, чей труд и сама жизнь на старости лет получали хотя бы минимальное государственное признание. Хотя размеры пенсий были невелики, сам факт их появления символизировал начало преодоления пропасти между элитарной и народной школой.

Второй вектор, пожалуй, самый впечатляющий по своей динамике, – это стремительное изменение роли женщины в образовании. Развитие женских гимназий, ставших одним из самых ярких явлений пореформенной эпохи, не только открыло перед девушками путь к образованию, но и создало колоссальный рынок труда для учительниц. Закон 1911 г., уравнявший их в профессиональных и пенсионных правах с мужчинами, стал логичным завершением этого процесса. Важно подчеркнуть, что это было не просто следствием борьбы за равноправие, но и прагматичным ответом на острейший кадровый голод, особенно в сельской местности. Женщины, составившие к 1914 г. большинство педагогов, доказали свою незаменимость и тем самым «продавили» законодательные изменения.

Наконец, третья линия анализа обнажила глубокое внутреннее противоречие эпохи. Стремление к профессионализации учительского корпуса, выражавшееся в формальных требованиях к образовательному цензу, наталкивалось на суровую реальность стремительного экстенсивного роста школьной сети. Данные переписей и опросов убедительно свидетельствуют: значительная часть учителей, особенно мужчин в начальной школе, не имела не только специального, но и законченного общего образования. Это создавало парадоксальную ситуацию: государство и общество, с одной стороны, предъявляли к педагогу высокие моральные и идеологические тре-

бования (особенно на «проблемных» окраинах), а с другой – вынуждены были закрывать глаза на его слабую профессиональную подготовку, принимая на работу всех, кто мог сдать минимальный экзамен.

Подводя итог, можно констатировать, что процесс унификации правового статуса педагога, будучи неотъемлемой частью общей модернизации, отличался глубокой противоречивостью и незавершенностью. С одной стороны, были достигнуты несомненные успехи: возникли зачатки социального страхования, женщины добились профессионального равноправия, был создан многочисленный корпус учителей. С другой – быстрый количественный рост системы образования неизбежно вел к снижению качественных стандартов, закрепляя внутреннюю неоднородность и иерархичность учительского сословия. Начавшаяся мировая война, а затем и революционные потрясения не только прервали эти эволюционные процессы, но и поставили перед новой властью те же самые, так и не решенные, проблемы народного образования и статуса учителя.

Библиографический список:

1. Алешинцев И.А. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). – СПб.: Изд-во журн. «Рус. шк.», 1912. 346 с.
2. Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. – М.: Польза, 1912. 224 с.
3. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. – М.: Мысль, 1981. 285 с.
4. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 896 с.
5. Eklof B. Russian Peasant Schools. Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy, 1861–1914. Berkeley: University of California Press, 1990. 652 p.
6. Свод законов Российской империи: в 5-ти кн. / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. Кн. 1. Т. 3. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. 386 с.
7. Отчет министра народного просвещения за 1913 год. Петроград.: Сенатская типография, 1916. 143 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 39. Ч. 2. – СПб.: 1867. № 41472. С. 167-179.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 46. Ч. 2. – СПб.: 1874. № 49860. С. 85-99.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 47. Ч. 1. – СПб.: 1875. № 50834. С. 626-636.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 31. Ч. 1. – СПб.: 1914. № 36226. С. 1297-1300.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 49. Ч. 1. – СПб.: 1876. № 53574. С. 834-840.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 49. Ч. 1. – СПб.: 1876. № 52983. С. 10-11.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 47. Ч. 1. – СПб.: 1875. № 50909. С. 729-730.
15. Начальные училища ведомства Министерства Народного Просвещения в 1914 году. Петроград.: Тип. М.П.С., 1916. 77 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 16. Ч. 1. – СПб.: 1899. № 12774. С. 284.
17. Фальборк Г., Чарнолуский В. Народное образование в России: с приложением статьи «Народное образование в Финляндии» В. Скалона. – СПб.: О.Н. Попова, 1900. 264 с.
18. Женские гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения: 1858–1905. СПб.: изд. Департамента народного просвещения, 1905. 139 с.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 45. Ч. 1. – СПб.: 1874. № 48406. С. 701-705.
20. Дубровский А.В. Университеты и средние учебные заведения мужские и женские в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти губерниях привислянских по переписи 20-го марта 1880 года Общ. выводы, сост. мл. ред. А. Дубровским. – Санкт-Петербург: Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1888. 453 с.
21. Лаурсон А.М. Справочная книга для учебных заведений и учреждений ведомства Министерства народного просвещения. 2-е изд., знач. доп. Петроград.: тип. В.Д. Смирнова, 1916. 1154 с.
22. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1149. Оп. 10 (1885 г.). Д. 76.
23. Летуновский П.В., Востриков С.В. Трансформации казачества сообщества на фоне I-й Мировой войны // Альманах Казачество. 2019. № 41. С. 9-17.

Reference

1. Aleshintsev I.A. History of gymnasium education in Russia (XVIII and XIX centuries). – St. Petersburg: Journal publishing house. "Rus. school", 1912. 346 p.
2. Chekhov N.V. Public education in Russia since the 60s. XIX century – M.: Polza, 1912. 224 p.
3. Leikina-Svirskaya V.R. Russian intelligentsia in 1900–1917. – M.: Mysl, 1981. 285 p.
4. Mironov B.N. Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 volumes. T. 1. – St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2014. 896 p.
5. Eklof B. Russian Peasant Schools. Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy, 1861–1914. Berkeley: University of California Press, 1990. 652 p.
6. Code of Laws of the Russian Empire: in 5 books / edited by I.D. Mordukhai-Boltovsky. Book 1. Vol. 3. – St. Petersburg: Russian Book Society "Deyatel", 1912. 386 p.
7. Report of the Minister of Public Education for 1913. Petrograd: Senate Printing House, 1916. 143 p.
8. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2nd Collection. Vol. 39. Part 2. – St. Petersburg: 1867. № 41472. P. 167-179.
9. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2nd Collection. Vol. 46. Part 2. – St. Petersburg: 1874. № 49860. P. 85-99.
10. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2nd Collection. Vol. 47. Part 1. – St. Petersburg: 1875. № 50834. P. 626-636.
11. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 3rd Collection. Vol. 31. Part 1. – St. Petersburg: 1914. № 36226. P. 1297-1300.
12. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2nd Collection. Vol. 49, Part 1. St. Petersburg: 1876, № 53574, P. 834-840.
13. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. 49, Part 1. St. Petersburg: 1876, № 52983, P. 10-11.
14. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. 47, Part 1. St. Petersburg: 1875, № 50909, P. 729-730.
15. Primary Schools of the Ministry of Public Education in 1914. Petrograd: Type. MPS, 1916. 77 pp.
16. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 16. Part 1. – St. Petersburg: 1899. № 12774. P. 284.
17. Falbork G., Charnolusky V. Public Education in Russia: with the Appendix of the Article "Public Education in Finland" by V. Skalon. – St. Petersburg: O.N. Popova, 1900. 264 p.
18. Girls' Gymnasiums and Progymnasiums of the Ministry of Public Education: 1858–1905. St. Petersburg: Publishing House of the Department of Public Education, 1905. 139 p.
19. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 45. Part 1. – St. Petersburg: 1874. № 48406. P. 701-705.
20. Dubrovsky A.V. Universities and Secondary Educational Institutions for Male and Female in 50 Provinces of European Russia and 10 Vistula Provinces According to the Census of March 20, 1880. General Conclusions, compiled by Junior Editor A. Dubrovsky. – St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1888. 453 p.
21. Laurson A.M. Reference Book for Educational Institutions and Institutions of the Department of the Ministry of Public Education. 2nd ed., significant supplement. Petrograd: V.D. Smirnov Printing House, 1916. 1154 p.
22. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1149. Op. 10 (1885). D. 76.
23. Letunovsky P.V., Vostrikov S.V. Transformation of the cosacian community in the background of the World War I // Almanac Cossacks 2019. № 41. P. 9-17.

Насибуллина Е.Д.
Аспирант направления подготовки 5.6.1 Отечественная история, ФГБОУ ВО Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа.

Характеристика Карима Хакимова на основе иностранных источников*

Аннотация. Карим Хакимов (1892-1938) - выдающийся дипломат, чья деятельность на Арабском Востоке привлекает особое внимание исследователей уже на протяжении многих лет. Назначение его Генеральным консулом и дипломатическим агентом Советского Союза (СССР) в королевстве Хиджаз в 1924 г. было чрезвычайно важным событием в укреплении внешнеполитических связей и дипломатического присутствия Советского Союза в данном регионе. Его опыт работы на Арабском Востоке придает ему особую экспертность и позволяет проливать свет на ключевые аспекты взаимоотношений между странами. Актуальность исследовательской работы усиливается в связи со столетием назначения Карима Хакимова на новую должность и начала формирования крепких и устойчивых отношений между двумя молодыми странами.
Ключевые слова: Карим Хакимов, советская дипломатия, Советский Союз, иностранные источники.

Nasibullina E.D.
Postgraduate student, Ufa State Petroleum Technological University, 450064, Russian Federation, Ufa.

Characterization of Karim Khakimov based on foreign sources

Abstract. Karim Khakimov (1892-1938) - a distinguished diplomat whose work in the Arabian East has attracted special attention of researchers for many years. His appointment as Consul General and diplomatic agent of the Soviet Union (USSR) in the Kingdom of Hijaz in 1924 was an extremely important event in strengthening foreign policy relations and the diplomatic presence of the Soviet Union in the region. His experience working in the Arab East gives him a special expertise and allows him to shed light on key aspects of relations between countries. The relevance of research work is enhanced by the centenary of the appointment of Karim Hakimov to a new position and the beginning of

* © Насибуллина Е.Д., 2026.

the formation of strong and stable relations between the two young countries.
Key words: Karim Khakimov, Soviet diplomacy, Soviet Union, foreign sources.

Одним из важных аспектов изучения личности Карима Хакимова является анализ советских и зарубежных источников. Рассекреченные с 2018 г. материалы открывают новые возможности для исследования его биографии и дипломатической карьеры. Это требует особо взвешенного прочтения, их анализа с соблюдением принципа объективности и беспристрастности и впервые введение их в научный оборот. Междисциплинарный подход, объединяющий методы различных областей знания, позволяет проецировать новый свет на события, связанные с деятельностью советского дипломата. Научно-практическую и научную ценность обогащает применение кроме общенаучных и исторических специальных методов исследования, когда применяется инструментарий таких наук как история, филология, социология, политология, юриспруденция. Это позволяет увидеть многие неизвестные факты из биографии Карима Хакимова и его профессиональной деятельности.

Цель нашего исследования заключается в комплексном изучении и анализе материалов о Кариме Хакимове, преимущественно из зарубежных источников. Анализ этих документов позволит расширить наше понимание его личности, методов работы и влияния на внешнюю политику СССР на Арабском Востоке.

Карим Хакимов, как опытный дипломат, благодаря своим навыкам и профессионализму, играл важную роль в разрешении международных конфликтов и укреплении дипломатических отношений между Советским Союзом и другими странами. Его сложившаяся личность стала символом высокого уровня дипломатической деятельности, которая часто привлекала внимание представителей капиталистических стран, таких как Великобритания и Франция. Послы СССР всегда были под пристальным наблюдением зарубежных разведок. Профессионализм и стойкость Карима Хакимова в условиях сложных политических игр привлекали внимание как союзников, так и противников СССР.

В нашем распоряжении имеются документы Британской прессы 1924-1925 гг., архивные записи 1927-1930 гг. из Национального Архива Индии и файлы 1928-1930 гг. из Национального архива Королевства Катар, британские журналы и ряд статей, датируемых 1930 г. Из них мы можем констатировать многие факты: как западные страны относились к Советскому Союзу; однако необходимо отметить, что подходили к этому вопросу (негативном ключе) и принимали тайные меры проникновения больше-

визма, поэтому пытались дискредитировать Карима Хакимова

Так еще в декабре 1924 г. в британском журнале The Daily Chronical вышла статья о советской пропаганде на Арабском Востоке. В этой связи британский журнал отмечает, что для правительства Москвы Джидда (город в западной части ныне Королевства Саудовская Аравия) настолько важна, что из столицы отправляется «специальный курьер» в лице К. Хакимова.

Карим Хакимов, упомянутый в статье британского журнала The Daily Chronicle от 19 декабря 1924 года, выступает как ключевая фигура советской дипломатии в Джидде. Его деятельность описывается в контексте напряженной политической ситуации на Арабском Востоке.

Хакимов выделяется как «самый занятый человек в Джидде» в период пассивной войны. Это свидетельствует о его высокой работоспособности и значительном влиянии на местные события.

Красный Паша является официальным представителем Советского Союза в Джидде, что подчеркивает его дипломатическую значимость и доверие, оказанное ему со стороны советского правительства. Факт, что Москва отправляет «специального курьера» в Джидду раз в месяц, указывает на важное значение этого города для советской дипломатической и пропагандистской деятельности. Это говорит о стратегическом подходе Хакимова в укреплении позиций СССР на Арабском Востоке.

Карим Хакимов представлен в британской статье как энергичный и влиятельный дипломат. Его работа в Джидде имеет важное стратегическое значение для Советского Союза, что подчеркивается регулярными связями с Москвой и оценкой его деятельности как критически важной для влияния на мусульманский мир. Данные материалы дают нам представление об обеспокоенности Британии о присутствии СССР в данном регионе и попытки дискредитировать личность Карима Хакимова, который на 1924 г. уже имел опыт на посту Генерального консула в государстве Хиджаз.

Особой значимостью для исследования является документ «Меры по предотвращению тайного проникновения большевистских агентов или других нежелательных лиц в Индию под видом паломников из хаджа или Центральной Азии», датируемый 1927 г. Из циркулярных писем Министерства иностранных дел Британии 25.05.1927 г. видно, что британский агент, работающий и находящийся в Джидде в данный период, считал Карима Хакимова «известным интриганом» в дипломатической сфере, однако тот же агент не считал важным сохранять пристальное внимание за советским дипломатом, лишь оставить ненавязчивое наблюдение как за Генеральным консулом СССР, так и за другими лицами, несущих опасность как большевистских пропагандистов. Это говорит нам о том, что Карим Хакимов не предпринимал рискованных и непродуманных шагов, вел

свою деятельность тщательно чисто и тихо, не вызывая особой тревоги у западной разведки.

В письме консула Британии от 18.03.1927 г. имеется информация о советском дипломатическом агентстве в Джидде. Особо выделены строки о придании важности наличия советской миссии в данном регионе, что ведет к предполагаемому интересу Судана в большевистской пропаганде, чего, по мнению британской разведки, допустить было нельзя. Также озвучены опасения частых визитов советских агентов с государство Эритрея, где «существует потенциальная возможность причинения вреда». Авторы письма утверждают, что Хиджаз являлся отличной почвой для установления советских мыслей и дальнейшего их распространения. Однако следующие строки после данной информации говорят нам о том, что британская разведка не имела данных о прямого типа советской пропаганды, которую они ожидали от Карима Хакимова как главы дипломатического агентства СССР. Британское правительство считало, что с точки зрения советской стратегии Карим Хакимов должен был заниматься активной пропагандой, прикрываясь деятельностью «обычного дипломатического консульства». Пассивность советского дипломата подвергла британскую разведку в создании теории о том, что три года деятельности советского консульства в Хиджазе были временем обучения для дальнейшего распространения большевистской пропаганды в Эритрее, Мекке.

Карим Хакимов, согласно архивному документу, является фигурой значительной важности в советской дипломатии, особенно в контексте его работы на Ближнем Востоке, в частности в Джидде.

Карим Хакимов занимал должность советского представителя в Джидде, демонстрируя высокую степень ответственности и профессионализма. Его деятельность активно отслеживалась и анализировалась иностранными агентами, что подчеркивает его значимость в международной дипломатической арене.

Хакимов описывается как «известный интриган», что свидетельствует о его способности вести тонкую и скрытную дипломатическую игру. Он умело избегал создания излишней подозрительности, что подтверждает его стратегическое мышление и умение адаптироваться к обстоятельствам.

Документы указывают на активное участие Хакимова в разведывательных операциях и потенциальную роль в «подрывной пропаганде». Это делает его ключевой фигурой в советской стратегии распространения влияния в Хиджазе и сопредельных регионах. Вероятно, Хакимов проводил работу по созданию сети агентов и сбору информации, несмотря на отсутствие явных доказательств активной пропагандистской работы. Его роль включала взаимодействие с различными группами паломников, а также с

местными религиозными и политическими лидерами. Хакимов и его команда использовали эту возможность для проведения наблюдений и сбора стратегически важной информации.

Документ отмечает, что Хакимов, вероятно, использовал время своей службы в Джидде для обучения и наблюдений. Это подчеркивает его способность к приспособляемости и аналитической работе, позволяющей тщательно планировать последующие действия.

Несмотря на отсутствие конкретных доказательств его прямой антиевропейской агитации, Хакимов вызывал настороженность у британских властей. Это говорит о его неоднозначной репутации и способности оставаться на виду, не привлекая при этом отрицательного внимания.

Карим Хакимов представлен в данном документе как высококвалифицированный, скрытный и стратегически мыслящий дипломат, обладающий способностями к адаптации и анализу. Его деятельность была направлена на укрепление советского влияния в регионе Хиджаза, что не могло не вызывать подозрений у иностранных разведок. Хакимов обладал глубокими знаниями местной специфики и умело использовал это для достижения своих целей.

Карим Хакимов, упомянутый в контексте из документа «Отношения Ирака и Неджда: беседы с Ибн Саудом» (файл 57/1928, часть 9), выступает как важная и многогранная фигура в советской дипломатии конца 1920-х гг. Представленные сведения дают разносторонний портрет его личности и профессиональной деятельности.

Хакимов покидает пост 13 октября для годичного пребывания в России, что подчеркивает его ответственность и планирование в работе. Он имеет значительный опыт и влияние в регионе, что делает его ключевой фигурой для советской дипломатии. Накануне отъезда он продемонстрировал сентиментальность, ласково вспоминая бывших коллег и обитателей региона. Это указывает на его эмоциональное отношение и глубокую связь с местом и людьми, с которыми он работал. Хакимов открыто выражает свои религиозные убеждения, утверждая, что секта Ханбали, включающая ваххабитов, будет последней, кто войдет в Рай. Это свидетельствует о его глубоком понимании и оценке ислама, что могло влиять на его дипломатические стратегии. Хотя Хакимов воздерживался от алкоголя, он проявил свойство быть сентиментальным во время встреч, что говорит о его умении сочетать профессионализм с человечностью.

До отъезда Хакимов был активно вовлечен в политические процессы в Джидде. Его преемник, Туракулов, также демонстрировал высокую активность, часто навещая эмира Фейсала и принимая важных лиц, что подчеркивает важность и высокий темп работы в посольстве.

Преемник Хакимова, Туракулов, напоминал о преемственности со-

ветской дипломатической миссии в регионе. Несмотря на то, что Туракулов меньше владел арабским или французским языками, его активность в дипломатических кругах показывает преемственность стратегии СССР в Джидде. Преемник Хакимова, Туракулов, был не чужд выпивке и предпочитал крепкие напитки, что отличало его от Хакимова в личных предпочтениях. Однако его быстрая адаптация и активность подчеркивают его профессионализм.

Карим Хакимов проявляется как опытный и преданный советский дипломат, обладавший глубоким пониманием региональной культуры и религии. Его личные качества и профессиональная активность сделали его важной фигурой на дипломатической арене в Джидде. Его работа и преемственность деятельности через Туракулова свидетельствуют о значительном интересе и влиянии СССР в регионе на тот период.

Характеристика Карима Хакимова из текста «Report on the Situation in the Hedjaz and on Arabian Affairs in General 1929»:

Карим Хакимов – это важный советский дипломат, представлявший СССР в Хиджазе. Сразу видно, что Хакимов был человеком, чья работа и состояние здоровья были тесно переплетены с политической ситуацией. Он покинул свой пост в сентябре прошлого года, когда его здоровье серьезно ухудшилось, и проходил лечение в Европе. Тем не менее, острые дипломатические вопросы и, в частности, инцидент с Томпом вынудили его вернуться на свой пост в Джидду.

Персональные качества Хакимова можно охарактеризовать как решительность и целеустремленность. Несмотря на неблагоприятные обстоятельства и здоровье, он вернулся на работу, свидетельствуя о высоком уровне его ответственности и преданности своему делу.

Интересен также его резкий настрой против британского правительства, что можно расценивать как показатель его патриотизма и крайней лояльности к советскому режиму. Хакимов открыто выражал свое недовольство и считаю, что британцы пытаются дискредитировать советскую власть с помощью фальсифицированных документов. Это указывает на его активную позицию и готовность защищать интересы своей страны в любых условиях.

Хакимов также проявляет дипломатическую гибкость и умение поддерживать международные контакты. Разговор с итальянским советом после прибытия говорит о его активности в международной дипломатии и стремлении налаживать связи с различными странами, что было важным в условиях сложной международной обстановки того времени.

Карим Хакимов, описанный в документе «Journal Of The Royal Central Asian Society Vol. XVII 1930», а также в статье «Москва и Йемен», предстает как ключевая фигура советской дипломатии и разведки в арабском мире.

Документ описывает его как важного агента, который способствовал пропаганде и созданию центров советского влияния среди племен в Аравии. Хакимов был назначен советским представителем в Сане, что подчеркивает его центральную роль в обеспечении советских интересов в Йемене и окрестных регионах. Он содействовал отправке помощи и ресурсов, включая оружие и технику, что подтверждает его участие в вооруженной поддержке местных правительств, дружных Советскому Союзу.

Хакимов участвовал в поддержке антиизраильской пропаганды и борьбе с сионистскими организациями, названными империалистическими, что отражало его участие в более широких идеологических и политических кампаниях Советского Союза в регионе. Его деятельность была ключевой в финансировании и координации действий коммунистов в Палестине, что также подчеркивает его важную роль в распространении советского влияния. Также в данном документе Хакимов предстает как преданный своему делу и стране дипломат, который был готов решительно выполнять свои обязанности даже в сложных и опасных условиях. Его способности управлять сложными дипломатическими миссиями показывают его высокий уровень профессионализма и стратегического мышления.

Заключение

Изучение засекреченных документов позволяет нам раскрывать новые факты и аспекты деятельности Карима Хакимова. Эти материалы дают возможность более глубоко понять его уникальный вклад в развитие дипломатических отношений между странами и его влияние на международную арену.

Библиографический список:

1. Файл 57/1928, часть 9 «Отношения Ирака и Неджда: переговоры с Ибн Саудом». [577v] (1165/1510) Файл 57/1928, часть 9 «Отношения Ирака и Неджда: бесед с Ибн Саудом». [577v] (1165/1510)
2. Журнал Королевского Центральноазиатского Общества, 1930. Том XVII.
3. Меры по предотвращению тайного проникновения большевистских агентов или других нежелательных лиц в Индию под видом паломников из Хаджа или Центральной Азии. Меры по предотвращению тайного проникновения большевистских агентов или других нежелательных лиц в Индию под видом паломников из хаджа или Центральной Азии. Главная_политика_на_1927_на_f-128
4. Доклад о положении в Хиджазе и об арабских делах в целом за 1929 год
5. Британский журнал The Daily Chronical, 19/12/1924

Reference

1. File 57/1928, Part 9, “Iraq-Najd Relations: Talks with Ibn Saud.” [577v] (1165/1510) File 57/1928, Part 9, “Iraq-Najd Relations: Talks with Ibn Saud.” [577v] (1165/1510)
2. Journal of the Royal Central Asian Society, 1930, Vol XVII.
3. Measures to prevent Bolshevik agents or other undesirables from entering India clandestinely as Hajj or Central Asian pilgrims. Measures to prevent Bolshevik agents or other undesirables from entering India clandestinely as Hajj or Central Asian pilgrims. Home_politics_for_1927_for_f-128
4. Report on the situation in the Hejaz and on Arab affairs in general for 1929
5. British magazine The Daily Chronicle, 12/19/1924

Пенпеджи Нагехан
Аспирант. Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

Состояние женского образования в мусульманской среде России в первой четверти XX века*

Аннотация. Несмотря на то, что в первой четверти XX века среди мусульман России стали активно предприниматься шаги по модернизации образования и социокультурной жизни, инициативы в области женского образования значительно отставали от общих процессов. Метод Усуль-и Джадид (новый метод) Исмаила Гаспринского имеет важный роль не только для модернизации системы образования, но и как система, в которой женщины впервые были включены в образовательную сферу. До этого образование девочек среди мусульман России ограничивалось обучением домашним делам под руководством матерей, а также получением базовых религиозных знаний лишь небольшим числом девочек от жен имамов и мулл в мектебах и медресе, открытых при мечетях. Однако в первой четверти XX века импульс модернизации затронул и девочек. Данное исследование фокусировано на вовлечению девочек в образовательный процесс под влиянием метода усул-и джадид и созданию первых школ девочек среди мусульман России в первой четверти XX века.

Ключевые слова: Мусульмане России, усул-и джадид, школы девочек, Волга-уральские татары, Центральная Азия.

Penpedzhi Nagekhan
Postgraduate Student. Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

The state of female education in the Muslim community of Russia in the first quarter of the twentieth century

Despite the intensification of modernization efforts in education and socio-cultural life among the Muslims of Russia during the first quarter of the 20th century, initiatives regarding the education of girls lagged significantly behind. Ismail Gaspirinsky's Usul-i Jadid (new method) is significant not only for the modernization of the education system but also for being the system in which women were first included in the educational field. Prior to this period, education for girls among the Muslims of Russia consisted of learning household chores from their mothers or a limited number of girls receiving basic religious instruction from the wives of imams and mullahs in schools and madrasas established

* © Пенпеджи Нагехан, 2026.

alongside mosques. However, in the first quarter of the 20th century, the spark of modernization also reached girls. This article focused on the inclusion of girls in education with the influence of the Usul-i Jadid (New Method) and the establishment of the first girls' schools among the Muslims of Russia during the first quarter of the 20th century.

Key words: Muslims of Russia, usul-i jadid, schools of girls, Volga-Ural Tatars, Central Asia.

Введение

Русское правительство управлало обширной территорией с большим мусульманским населением, состоящим из казахов, киргизов, туркменов, узбеков в начале XX-ого века. Однако социально-культурная ситуация этих народов отличалось от ситуации в центральной России. Образование оставалось в руках реакционных мулл. Положение медресе которые были престижными учебными заведения эпохи как Семерканд, Бухара, в этот период было катастрофическим. Для интеграции этих народов в состав России требовалась современная социальная трансформация. Первая четверть XX века является важным периодом, поскольку именно в это время благодаря образованию начался процесс модернизации общества. Движение «усул-и джадид» (новый метод), инициированное мусульманской интеллигенцией России, внесло значительный вклад в реформирование системы образования мусульманских народов страны [11, с. 447].

К 20-му веку среди мусульман России образовательные учреждения и уровень грамотности были ограничены, также качество существующих учреждений было низким, и между ними не существовало единства в образовании. В школах и медресе, дававших образование по этой старой системе, у девочек не было права на образование. Девочек традиционно воспитывали и, как правило, направляли на выполнение домашних обязанностей. Некоторые девочки могли получить начальные религиозные знания от жен имамов, которые назывались «алтынбиби/алтынай». Однако сами жены имамов, дававшие это образование, не были квалифицированными специалистами и не проходили никакого обучения [14, с. 27].

В конце XIX века благодаря усул джадид Гаспиринского в образовании были проведены современные реформы. Его содействие образованию девочек обеспечило системную трансформацию. Подход к обучению девочек изменился: на смену старым обычаям, ограничивавшимся домоводством и основами веры, пришло полноценное образование в новых школах. Система, зародившаяся в Волго-Уральском регионе, стала примером для всей России. Благодаря финансовой помощи мусульманских торговцев и богатых семей, такие учебные заведения начали расширяться.

Период перехода от старой системы образования к новой

До первой четверти XX века образование среди мусульман России не включало девочек. Они учились только дома: матери обучали их домашнему хозяйству и женским ремеслам, таким как шитье и вышивание. Кроме того они изучились некоторые религиозные сведения от жены имама. И обучение мальчиков проходило в мектебах и медресе. Это образование также осталось позади в современным мире. Дети не могли научиться читать и писать в школах, которые они посещали в течение многих лет, или же на это дилилось несколько лет. В программе этих школ было только религиозное образование. Однако и в своих собственных целях это образование не могло привести к успеху. Преобладание уроков персидского и арабского языков, а также то, что родной язык в этих школах был вытеснен, являлось самым большим препятствием для обучения детей. Мусульмане России вообще написали на арабском и персидском языках и редко написали на русском и тюркском языках. Как видно, не только отсутствовали образовательные учреждения, но и в принципе не было учебных материалов и ресурсов на родном языке, которые можно было бы понять [8, с. 165].

В этих условиях деятельность Гаспринского имеет революционный характер для мусульман России. По началу его газета Терджуман (переводчик) который вышел в 1883 году, пользовалась широкой популярностью среди мусульман России. Проблемы Мусульман России критиковались там. В результате данных критиках стало очевидно, что основной проблемой является вопрос образования [5, с. 1]. Гаспиринский в своей статье «Мусульмане России» обращает на это внимание. Он утверждал необходимость следования за развивающейся системой образования в России, к которой они принадлежали, и выступал за распространение этого современного образования среди российских мусульман. Единственный способ избавить общество от невежества -это творить читающее общество. Поэтому повышение уровня грамотности рассматривалось как первая задача [4, с. 16, 58]. Прежде всего, учитывая положение существующих учебных заведений как мектеб и медресе, в них были проведены реформы. Обсуждались причины, по которым дети в школах не могут овладеть чтением и письмом или испытывают в этом трудности. Усул-у джадид символизировал не только модернизацию образования, но и социальную современную трансформацию [9, с. 114]. Также благодаря методу «усул-у савтие» (метод чтения) время обучения чтению сократилось до 3 месяцев [15, с. 11, 131]. И к 1908 году количество написанных трудов и учебников превысило 300 [8, с. 165].

После этого первого шага Гаспринский направил своё внимание на вопрос образования девочек. К сожалению, в тот период девочки были исключены из данных образовательных учреждений. В 1893 году в Бахчисарае (Крым) Гаспринский открыл первую современную женскую школу, на

системе «Усул-и Джадид [16, с. 761].Эта школа стала отправной точкой, и число таких школ в России постепенно увеличивалось. Эти новые школы были вынуждены бороться со старой системой образования и с реакцией мулл. Попытки внедрить нововведения и, в особенности, привлечь к этому процессу девочек, встретили ожесточённое сопротивление со стороны мулл. Муллы интерпретировали включение девочек в новую систему как противоречие религии и упадок морали, пытаясь убедить в этом необразованное население. Таким образом, муллы спровоцировали конфликт между модернизмом и традиционализмом среди мусульман в России и при этом использовали религиозные аргументы [10, с. 307]. Однако, несмотря на это, джадидизм в виде непреодолимой силы превратился в огненный круг, обеспечивший современную трансформацию среди мусульман России, и охватил всю Россию. Здесь, в частности, поддержка, оказанная этому новаторскому движению татарскими купцами и азербайджанскими богачами, способствовала быстрому распространению этих преобразований [14, с. 11]. Что касается деятельности прессы, то она сыграла важную роль в информировании общественности и в проведении общей критики. В частности, на страницах татарских периодических изданий публиковались мнения не только авторов из Волго-Уральского региона, но и авторов из Средней Азии, а также писалось о мусульманах России в целом[1].

Распространение женских школ среди мусульман России

В ходе критик между представителями «усул-и кадим» и «усул-и джадид», возник вопрос о состояние медресе для девочек, и за короткий период было открыто значительное число таких учреждений в конце XIX века. После открытия в 1893 году первой женской школы нового метода, в Поволжье, были увеличены на этом примере и идеях Гаспринского, в 1901 году Мухлисе Буби открыла новую школу. Это более обширно, чем школа для девочек, созданная Гаспринского. Целью системы Гаспринского была подготовка грамотных женщин А школа Мухлисы Буби стремилась готовить женщин, способных обучать грамоте других. Несмотря на недолгий период существования (1901–1911), это учебное заведение воплотило идеи Исмаила Гаспринского на практике. Другим важным аспектом стало то, что в 1907-м году школа получила статус «дарульмуаллимин» (учительская школа), которому Гаспринский придавал огромное значение. Это позволило школе стать пионером в подготовке учителей-женщин. В отличие от других мектебов и медресе, там преподавались такие гуманитарные

1 Для получения подробной информации о татарских газетах и журналах, издававшихся в период с 1905 по 1924 год: Р. Гайнанов, Р.Ф. Мәрданов, Шәкуров Ф.Н. ‘Татар вакытлы матбуаты (1905-1924). Информация предметов журнала Шуры: Госманов М. Мәрданов Р. Шура журналының библиографик күрсәткече.

и естественные дисциплины, как математика и география. Кроме того, в программу было включено изучение русского языка, а русский, персидский и арабский языки являлись обязательными предметами [13, с. 3127]. В 1907 году в Уфе было создано общество мусульманских женщин. Основной целью общества было обеспечение условий для получения образования девушками. Помимо примера Мухлисы Буби, еще одним важным примером в вопросе образования девочек и женщин является дочь Гаспринского – Шефика Гаспринская. Исмаил Гаспринский на примере собственной дочери стал первопроходцем в решении проблемы образования девочек, которую он стремился реализовать. Журнал «алем-и нисван» (женский мир) сыграл ведущую роль в современной трансформации женщин. У азербайджанцев же Хаджи Зейналабдин Тагиев в 1901 году открыл в Баку женское училище Тагиева. А журнал «Молла Насреддин» критикует отсутствие образования у девочек. При изучении татарских журналов также видно, что авторы поощряли женщин к написанию статей в этих журналах. Также уделялось внимание подготовке женщин-учителей для обучения девочек и нововведениям в этой области [1, с. 136]. Газета «Ишыг» (свет), издававшаяся в Азербайджане в 1911 году, была журналом, ориентированным исключительно на женщин. Как видно, процесс вовлечения женщин в общественную жизнь, начавшийся с их образованием, не ограничивался только школами; женщины принимали непосредственное участие в таких видах деятельности, как издательское дело и управление школой. При анализе журналов того периода становится ясно, что роли, приписываемые женщинам и мужчинам, по-прежнему четко разделены. Например, в газете «Ишыг» уделялось место ошибкам в воспитании детей или соответствующим советам. Несмотря на ограниченность тематики, несомненно, что у этих изданий была грамотная женская аудитория, и они крайне важны как первые шаги в этой области [7, с. 1-12].

После открытия женских школ в Поволжье-Урале и Азербайджане в среде казахов и узбеков также были созданы школы и медресе для девочек. В Казахско-русских школах, начавших открываться в XIX веке, девочки получили право на образование. Однако к концу XIX века точных данных об уровне грамотности среди казахов и узбеков в Централжной Азии не существует. К началу XX века этот показатель в целом по России вырос до 21%. Тем не менее, эти цифры не отражают точный уровень грамотности именно [14, с. 49]. В конце XIX века по инициативе казахского Ибрая Алтынсарина в 1887 году в Иргизе была открыта школа для девочек. В 1890–1896 годах в таких городах, как Торгай, Костанай, Карабутак и Актобе, также открылись русско-казахские школы, где было предусмотрено обучение и для девочек. Несмотря на развитие сферы образования в Казахстане, в начале XX века уровень грамотности все еще оставался крайне низким.

При этом подавляющее большинство девочек по-прежнему не отправляли в школы [12, с. 213]. Ситуацию изменили поддержка метода «усуль-и джадид» и джадидские школы. В этом процессе для казахов и узбеков особое значение имели такие города, как Троицк, Оренбург и Казань. Там действовали открытые богатыми меценатами специальные школы для девочек [12, с. 218]. Они получали образование в этих центрах и переносили накопленные знания в свои регионы. В женском медресе «Багбостан», открытом в Оренбурге в 1910 году, обучалось большое количество казахских девушек, часть из которых впоследствии служили своей стране как учительница. Некоторые состоятельные семьи стремились внедрить это новое образование по методу «усуль-и джадид» в своих регионах и открывали подобные школы для девочек. Кроме того, дети, получившие образование в этих школах и выучившие русский язык, приобретали право на обучение в высших учебных заведениях России [2, с. 176].

Заключение

Вплоть до первой четверти XX века вопрос образования в целом был одной из важнейших проблем среди мусульман России. В мектебах и медресе обучение не имело определенной системы и конкретной учебной программы. Внедрение гуманитарных наук в дополнение к религиозным дисциплинам еще не было реализовано. Обучение на тюркских языках практически отсутствовало, а процесс освоения грамоты детьми занимал долгое время. Что касается образования девочек, оно ограничивалось лишь домашним хозяйством и скудными знаниями, полученными от жен имамов. В обществе господствовал крайний фанатизм. Из-за консервативных мулл образование девочек воспринималось как нечто противоречащее религии. Эта ситуация демонстрировала, насколько те самые муллы были некомпетентны в вопросах правил ислама.

Первые попытки иджтихада и реформ касались религиозных тем, что вызвало разногласия среди духовенства. Несмотря на то что эти шаги изначально имели религиозную основу, они заложили фундамент для реформ и модернизации, особенно в Волго-Уральском регионе. Вслед за этим последовала образовательная реформа Гаспринского – «усуль-и джадид». При этом просветители-новаторы внимательно следили за событиями как внутри России, так и в Европе, Америке и Османской империи. Таким образом, после реформирования существующих мектебов, медресе и самой системы образования, на повестку дня встал вопрос обучения девочек. Наряду с девочками, обучавшимися в русско- инородческих школах, по всей России начали открываться местные женские школы, которые были более эффективны, учитывая, что дети зачастую не знали русского языка. Вслед за Крымом школы нового типа для девочек стали открываться в Казани, Оренбурге и Баку. Разумеется, муллы- кадимисты выступали против этих

новшеств и через религию влияли на семьи. Хотя народ поначалу относился к изменениям с недоверием, процесс модернизации прошел значительный путь. Благодаря этому движению и женским школам, уже к концу первой четверти XX века была обеспечена современная трансформация женщин и их сопричастность к общественным делам. Именно из числа этих девочек, получивших образование, вышли будущие писательницы, учителя, политики, газетные публицисты и владельцы издательств.

Библиографический список:

1. Баттал А. Хатыннар вә тәраккый // Шура. 1910. № 5. Б. 13.
2. Габделгазиз Муса. Казаклар мөнкариз улачакмы? // Шура. 1911. № 6. Б. 175-177.
3. Гайнанов Р.Р., Мәрданов Р.Ф., Шәкуров Ф.Н. Татар вакытлы матбугаты (1905–1924). – Казань: Рухият, 1999.
4. Гаспринский И. Русское мусульманство: мысли, заметки и наблюдения мусульманина // Россия и Восток. – Казань: Татарское книжное издательство, 1993. С. 16-58.
5. Гаспринский И.М. Бесмеле // Переводчик. 1883. № 1. С. 1.
6. Госманов М.Г., Мәрданов Р.Ф. Шура журналының библиографик күрсәткече. – Казань: Милли китап, 2014. 275 с.
7. Ишыг. 1911. № 7 (17 марта).
8. Кәрими Ф. Русия мөселманнарында мәктәп, мәгариф вә тәрбия // Шура. 1908. № 6. Б. 165-168.
9. Кәрими Ф. Русия мөселманнарында мәктәп, мәгариф вә тәрбия // Шура. 1908. № 4. Б. 111-114.
10. Кәрими Ф. Русиядә инородец мәктәпләре // Шура. 1908. № 10. Б. 306-309.
11. Eshenkuluva K. Tatar Basını Şura Dergisinde Türkistan ve Türkistanlılar // Volga-Ural Bölgesinde İslam Medeniyeti II. Milletlerarası Sempozyumu Tebliğleri. – İstanbul: IRCICA, 2008. P. 441-448.
12. Özdemir E. 20. yüzyılın başında Kazak aydınlanmasında "kadın" teması // Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi. 2010. № 54. P. 213-218.
13. Şen M. İdil-Ural Bölgesinde Eğitim Öncüsü Bir Kadın: Muhlise Bubi // Vakanüvis – Uluslararası Tarih Araştırmaları Dergisi. 2023. C. 8. – Özel sayı. P. 3123-3142.
14. Somuncuoğlu B.T. Türkistan'da Eğitim (1865–1917) ve Çarlık Rusyasının Sosyo-Politik Açıdan Eğitime Yaklaşımı: дис. … докт. филос. – Ankara, 2006. 49 с.
15. Türkyılmaz S. İsmail Gaspıralı ve Rusya Türklerinde Milli Uyanış: Usul-i Cedid Eğitim. – İstanbul: Ketebe, 2018. 131 с.
16. Ümmet E. Rusya'da modernleşme hareketleri, Rusya Müslümanları ve İsmail Gaspıralı // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. 2019. С. 12. № 27. P. 761.

Reference

1. Battal A. Khatynnar və tərakky // Shura. 1910. № 5. B. 13.
2. Gabdelgaziz Musa. Kazaklar monkariz ulachakmy? // Shura. 1911. № 6. B. 175-177.
3. Gainanov R.R., Mardanov R.F., Shakurov F.N. Tatar vakitly matbugati (1905–1924). – Kazan: Rukhiyat, 1999.
4. Gasprinsky I. Russian Islam: thoughts, notes and observations of a Muslim // Russia and the East. – Kazan: Tatar Book Publishing House, 1993. P. 16-58.
5. Gasprinsky I.M. Besmele // Translator. 1883. № 1. P. 1.
6. Gosmanov M.G., Mardanov R.F. Shura journal bibliographer kursətkeche. – Kazan: Milli Kitap, 2014. 275 p.
7. Ishig. 1911. № 7 (March 17).
8. Karimi F. Rusiya məselmannarynda məktəp, məgarif və tərbia // Shura. 1908. № 6. B. 165-168.
9. Karimi F. Rusiya məselmannarynda məktəp, məgarif və tərbia // Shura. 1908. № 4. B. 111-114.
10. Karimi F. Rusiyada foreigner məktəplare // Shura. 1908. № 10. B. 306-309.
11. Eshenkuluva K. Tatar Basını Şura Dergisinde Türkistan ve Türkistanlılar // Volga-Ural Bölgesinde İslam Medeniyeti II. Milletlerarası Sempozyumu Tebliğleri. – İstanbul: IRCICA, 2008. P. 441-448.
12. Özdemir E. 20. yüzyılın başında Kazak aydınlanmasında "kadın" teması // Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi. 2010. № 54. P. 213-218.
13. Şen M. İdil-Ural Bölgesinde Eğitim Öncüsü Bir Kadın: Muhlise Bubi // Vakanüvis – Uluslararası Tarih Araştırmaları Dergisi. 2023. P. 8. – Özel sayı. P. 3123-3142.
14. Somuncuoğlu B.T. Türkistan'da Eğitim (1865–1917) ve Çarlık Rusyasının Sosyo-Politik Açıdan Eğitime Yaklaşımı: dis. ... doc. Philosopher – Ankara, 2006. 49 p.
15. Türkyılmaz S. İsmail Gaspıralı ve Rusya Türklerinde Milli Uyanış: Usul-i Cedid Eğitim. – İstanbul: Ketebe, 2018. 131 p.
16. Ümmet E. Rusya'da modernleşme hareketleri, Rusya Müslümanları ve İsmail Gaspıralı // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. 2019. P. 12. № 27. P. 761.

Абрамов Д.М.

Кандидат культурологии (по историческим наукам), доцент УНЦ Региональной истории, краеведения и москвоведения, Российский Государственный Гуманитарный Университет, Историко-архивный Институт.

Этнополитическая история. Первая русская политическая эмиграция (первая половина XIII века)*

Аннотация. В истории Балтии и России первый случай, положивший начало появлению там русской политической эмиграции в лице конфессионально-индифферентной и прогермански настроенной русской феодальной аристократии имел место в первой половине XIII века. Первым выходцем из Русских земель в Балтию стал Псковский князь Владимир Мстиславович. По его стопам пошёл его сын – Ярослав Владимирович. Местом сосредоточения русской эмиграции стал эстонский город Оденпе. Орденские немцы и рижский епископ полностью поддерживали Ярослава Владимировича, пытаясь громить русских соседей руками соплеменников, принявших их сторону. Следом, в Оденпе потянулось новгородское боярство, настроенное враждебно по отношению к политике Великих князей Владимиро-Суздальской земли. после освобождения Пскова князем Александром Невским, вслед за новгородским боярством в Оденпе пришли псковские бояре во главе посадником Твердилой. Отметим, что число эмигрантов - князей и бояр вместе с семьями, челядью и дружинами в Чудской земле могло достигать трёх – четырёх тысяч человек. Следовательно, под рукой князя Ярослава Владимировича сплотилось несколько сотен боярских дружин и отрядов, имевших немалый боевой опыт и являвшейся серьёзной военно-политической силой. Итоги военно-политической деятельности русской эмиграции в Чудской земле оказались явно неудачными. Новгородская и псковская феодальная элита, явно просчиталась, сделав ставку на союз с западными завоевателями. За тридцать – тридцать пять лет существования русской эмиграции в Чудской земле она была разгромлена в военном и политическом отношении. Остатки её частично возвратились на Родину, частично были поглощены и ассимилированы западными завоевателями.

Ключевые слова: Балтия, город Оденпе, Хроника Ливонии, Русская эмиграция, Псковский князь, Псков, Новгород, Великий князь Владимиро-Суздальский.

Abramov D.M.

PhD in Cultural Studies (Historical Sciences), Associate Professor at the Center for Regional History, Local History, and Moscow Studies, Russian State University for the Humanities, Historical and Archival Institute.

* © Абрамов Д.М., 2026.

Ethnopolitical History. The First Russian Political Emigration (First Half of the 13th Century)

Abstract. In the history of the Baltic States and Russia, the first case of Russian political emigration in the form of a religiously indifferent and pro-German Russian feudal aristocracy occurred in the first half of the 13th century. The first Russian emigrant to the Baltic States was Prince Vladimir Mstislavovich of Pskov. His son, Yaroslav Vladimirovich, followed in his footsteps. The Estonian city of Odense became a center for Russian emigration. The Teutonic Knights and the Bishop of Riga fully supported Yaroslav Vladimirovich, trying to defeat their Russian neighbors with the help of their fellow countrymen who had taken their side. Following this, the Novgorod boyars, who were hostile to the policies of the Grand Princes of Vladimir-Suzdal, also came to Odenpe. After the liberation of Pskov by Prince Alexander Nevsky, the Pskov boyars, led by Posadnik Tverdila, followed the Novgorod boyars to Odenpe. It should be noted that the number of emigrants, including princes and boyars, along with their families, servants, and retinues, in the Chudskaya land could reach three to four thousand people. Consequently, under the leadership of Prince Yaroslav Vladimirovich, several hundred boyar retinues and detachments were united, possessing significant combat experience and representing a significant military and political force. However, the results of the military and political activities of the Russian emigration in the Chudskaya land were clearly unsuccessful. The Novgorod and Pskov feudal elites had clearly miscalculated by relying on an alliance with the Western conquerors. During the thirty to thirty-five years of Russian emigration in the Chud region, it was defeated militarily and politically. The remnants of the emigration partially returned to their homeland, while others were absorbed and assimilated by the Western conquerors.

Key words: Baltia, the city of Odense, Chronicle of Livonia, Russian emigration, Prince of Pskov, Pskov, Novgorod, Grand Prince of Vladimir-Suzdal.

Введение

События, связанные с военно-политическим противостоянием в среде русской властной элиты в первой половине XIII века были непосредственно связаны с политикой и военными действиями русских князей в Балтии, с утратой Полоцкими князьями своих уделов – княжества Коконос и Ерсика в Восточной Балтии. Князь Всеволод (ранее владевший Ерсикой) вступил в союз с литовцами. В 1210 году литовское войско попыталось нанести ответный удар и выбить ливонских воинов из Коконоса. «Литовцы, думая, что в Кукенойсе осталось немного народу, пришли к замку с большим войском и, найдя там Родольфа из Иерихо с прочими людьми епископа, храбро напали на них. Против них вышли из замка слуги епископа и лэтты и многих перебили копьями, а балистарии некоторых ранили, стреляя с вала. Не выдержав этого натиска, литовцы отступили», – писал хронист Генрих Латвийский[1]. Затем последовало нападение большого флота с войском кур-

1 *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. – М.: 1938.С. 118-119.

шей на Ригу, с трудом отбитое немцами и их союзниками. По мнению исследователей М. Бредиса и Е.А. Тяниной положение Ордена Меченосцев и рижского епископа в ходе нашествия куршей было на грани катастрофы[2]. С эстами у Ордена также начались осложнения. Поэтому орденское руководство и епископ решили направить послов к Полоцкому князю Владимиру, чтобы заключить с ним мирное соглашение и этим актом как-то нейтрализовать трудную политическую ситуацию. Произошёл обмен посольствами, переговоры с русскими о мире начались. Мало того, Орден сумел заручиться поддержкой феодальной элиты республиканского Пскова и Псковского князя Владимира Мстиславича в борьбе с эстами Поморья. Тогда же на исходе 1210 года большой русский отряд, набранный из боярских дружин Пскова, принял участие в объединённом походе орденских войск к северному берегу Рижского залива в область эстов Сонтагану. В ответ на участие русских дружин в походе на Сонтагану, эсты области Саккалы неожиданно напали на Псков. Русские дружины были ещё в походе в Балтии, однако псковичи всё же выбили эстов из города, и те ушли с небольшой добычей и полоном восвояси. Вот тогда и произошли волнения псковичей, сопровождавшиеся выступлением их против князя Владимира. Конечно, главной причиной волнений были неумение и неспособность князя Владимира защитить Псков от набега эстов и завязавшегося в городе кровопролития. Но по официальной версии Генриха Латвийского «русские во Пскове возмутились против своего короля Владимира, потому что он отдал дочь свою замуж за брата епископа рижского, и изгнали его из города со всей дружиной». Не найдя прибежища у Полоцкого князя, Владимир Псковский «отправился со своими людьми в Ригу, где и был с почётом принят зятем своим и дружиной епископа»[3].

Это событие заслуживает в контексте излагаемой темы особого внимания. *Для истории Балтии и России это был первый случай, положивший начало появлению там русской политической эмиграции в лице конфессионально-индифферентной и прогермански настроенной феодальной аристократии*. Начало этому политическому явлению было положено именно Псковским князем Владимиром. В дальнейшем оно открыло дорогу в Балтию многим представителям русской знати, выступавшей под флагом сохранения своего феодального иммунитета, феодальной раздробленности в Русской земле, и в поисках союзников на Западе.

Основная часть. Во время переговоров 1212 года, происходивших в Ерсике, в ходе назревавшего конфликта, когда переговоры могли закончиться вооружённым столкновением, князь Владимир Псковский со своей дружиной встал на сторону своих немецких покровителей. Наступил решающий

2 *Бредис М.А., Тянина Е.А.* Крестовый поход на Русь. – М.: Алгоритм. 2007. С.181-199.

3 *Генрих Латвийский.* Указ. соч. С. 139.

момент политического и военного противостояния в Латгалии. Тут Владимир Псковский и латинский священник Иоанн выступили посредниками в деле продолжения мирных переговоров. Но это посредничество было явно в пользу рижского епископа. Сложно утверждать, что просьбы Владимира Псковского и иерея Иоанна к Полоцкому князю оказаться от применения силы сыграли главную роль в том спектакле. Расчётливый и осторожный князь Владимир Полоцкий, видимо и без их советов, решил не рисковать, так как на поле перед замком, скорее всего, соотношение сил было не в его пользу. «Смущённый храбростью» ливонцев, «король велел своему войску отойти, а сам прошёл к епископу и говорил с ним почтительно, называя отцом духовным… Наконец король,…, предоставил господину епископу всю Ливонию безданно, чтобы укрепился между ними вечный мир, как против литовцев, так и прочих других язычников, а купцам был всегда открыт свободный путь по Двине», - с гордостью писал Генрих Латвийский[4]. Отныне удельное русское княжество Ерсика было обречено.

Судьба князя Владимира, изгнанного псковичами в феврале 1211 года сложилась за рубежом очень непросто. В 1212 году он был поставлен ливонскими властями судьёй в небольшой провинции Идумее (нижнее течение реки Гауи [Гойвы, Койвы] западнее Венденского замка). Однако дела он вёл так, что их решение было «не по душе епископу раценбургскому, а также и всем прочим».

Наконец в 1213 году, он «исполняя желание многих ушёл в Руссию». Но, как видится, Русская земля князя Владимира не приняла. История вновь повторилась в ещё более кровавом варианте. Тогда эсты выступили в поход против Ордена. Поход завершился большим сражением при Имере, где эсты наголову разгромили ливонское войско, пришедшее на помощь венденскому гарнизону. Итоги этого поражения Ордена были столь ощутимы, что Орден уже заручился миром с Полоцким князем и вновь нашёл себе союзников в лице Псковского князя Владимира и псковского боярства.

Генрих Латвийский прямо свидетельствует об этом временном союзе с русскими, рассказывая о том, что рижане «послали известить по всей Ливонии и Леттии и во все замки по Двине и Койве, чтобы все собирались и были готовы мстить эстонским племенам. Известие дошло и во Псков, бывший тогда в мире с нами, и оттуда явился очень большой отряд русских на помощь нашим»[5]. Соединённое псковско-ливонско войско совершило дальний поход к морскому побережью Рижского залива на юго-запад Чудской земли в область Сонтагану зимой 1210 – 1211 годов. Карательный сценарий предшествующих походов повторился вновь, но уже при участии боярских дружин из Пскова. Большая часть русской дружины из Пскова,

4 *Генрих Латвийский.* Указ. соч. С. 141.

5 *Генрих Латвийский.* Указ соч. С. 124.

скорее всего, или собиралась продолжать войну против эстов или оставалась ещё немногим более года в пределах Чудской земли (наверное, близ западного берега Чудского озера). Этим воспользовались литовцы, которые совершили неожиданное и успешное нападение на Псков в январе-феврале 1212 года «А плесковици бяху на озере», - свидетельствует Новгородская первая летопись младшего извода. В итоге псковичи, недовольные политикой князя и его неспособностью оборонить Псковскую землю, вторично изгнали Владимира из столицы. «В лето 6721 в Петрово говение изъихаша Литва безбожная Пьсковъ и пожгоша; плесковици же бяху в то время изгнале князя Володимера от себе, а плесковици бяху на озере; и много створиша зла и отъидоша», - кратко, но с прискорбием сообщает летописец[6]. Так с большими потерями, медленно и неуверенно наступало прозрение русской правящей элиты относительно того, какой политики ей стоит придерживаться в Чудской земле.

Князь же Владимир, по сообщению Генриха Латвийского, со своей семьёй и дружиной нашёл прибежище сначала в Полоцке, а потом в Риге. В 1214 году он возвратился в Ригу. Тогда ему дали место в Метимне, где князь «стал судить, собирая с области, что ему было необходимо». Дружина же и семья князя находились в Риге на содержании епископа Альберта. Но и на новом месте князь Владимир удержался недолго, так как «накопил в Идумее и Лэттии и вещей и денег, будучи судьёй в гражданских делах». Из-за этого он поссорился с местным священником Алебрандом, обличившим мздоимство князя. Пригрозив латинскому пастырю расправой, Владимир вновь ушёл со всей дружиной в Русскую землю. В своей книге «Крестовый поход на Русь», авторы М.А. Бредис и Е. А. Тянина довольно подробно описывают политические «хождения» князя Владимира Псковского, и даже пытаются оправдать его действия, посвящая этой персоне целый раздел книги **[Бредис М.А., Тянина Е.А. С. 241-245].** *Однако события, связанные с деятельностью этого князя, никоим образом в дальнейшем не отвратили руководство Ордена и епископа рижского от покровительства русским эмигрантам и их пропуска из Русской земли в Ливонию* (курсив – Д.А.).

*

Новый этап эмиграционного движения был связан с очередными политическими противоречиями между новгородской «господой» и Великим князем Владимиро-Суздальским. В конце 1229 года новгородцы избрали нового владыку Спиридона - достойного архипастыря и мудрого политика, что определилось уже вскоре. Князь Михаил Всеволодович Черниговский, сидевший на Новгородском столе, вторично решил уехать из Новгорода, так как военно-политическая ситуация, имевшая место на Юго-Западе Рус-

6 ПСРЛ. Т. III. Новгородская 1-я летопись младшего извода. – М.: 2000. С. 250.

ской земли, были для него важнее. Уезжая в Чернигов, Михаил оставил в Новгороде вместо себя сына - юного князя Ростислава.

На исходе 1229 года, когда реки покрылись льдом, Литва напомнила о себе. «Тое же зимы... воеваша Литва Любне, Мореву, Серегеръ», - записал новгородский летописец. Этот литовский набег был, конечно, менее опасен, чем набег 1225 года. Однако литовская конница прорвалась довольно глубоко во владения Новгородской республики. Литовцы взяли немалый полон. Но новгородцы успели собрать полки и двинуться вслед за вражеской конницей. Полон был отбит. Вслед за тем посадничество в Новгороде получил один из ярых противников князя Ярослава Всеволодовича Внезд Водовик[7]. Приход к власти этого решительного политика ещё более усугубил обстановку в Новгороде.

Распря между сторонниками и противниками князей Владимиро-Суздальской династии приняла в Новгороде более крутой оборот. Посадник Внезд, бояре Симеон Борисович, Борис Негочевич и их партия, пользуясь неопытностью князя Ростислава, спровоцировали кровавую расправу, с оставшимися в городе, сторонниками князя Ярослава Всеволодовича, от лица которых выступал боярин Стефан Твердиславлич. Избиение сторонников князей Владимиро-Суздальской династии ни коим образом не улучшило, а только усугубило тяжёлое экономическое положение Новгорода, вызванное новыми буйствами природной стихии.

Сильный мороз, установившийся к празднику Воздвиженье Креста, погубил осенний урожай в Новгородской земле. Удорожание и голод начали своё страшное дело. К исходу 1230 года от голода и болезней в Новгороде умерло, и было захоронено в скудельнице (братской могиле), как минимум, более 3 тысяч человек.

Партия посадника Внезда лихорадочно искала выхода из создавшегося положения. Единственно, что могли предпринять эта партия, не желавшая компромиссного перемирия с Великим князем Владимирским, это - собрать все верные им войска, своих сторонников и нанести удар по владениям князя Ярослава Всеволодовича с целью открыть торговые пути, ведущие в Новгород из Низовских земель. Если бы это не удалось, то, видимо, они рассчитывали захватить и разграбить порубежные западные города и сёла Переславского княжества. Вот потому посадник Внезд, вместе с князем Ростиславом и верными ему сторонниками и войсками выступил на Торжок. Но поход 1216 года вглубь Великорусских земель и битву на Липице новгородскому боярству повторить уже не удалось. То время ушло безвозвратно. Как только войска ушли в поход, в Новгороде вспыхнуло восстание против посадника и его партии. Известный противник князя Ярослава Симеон Борисович был убит, двор и окрестные сёла его ограбле-

7 ПСРЛ. Т. IV, часть 1-я. Новгородская 4-я летопись. Пг., 1915. С. 209.

ны. Князь Ростислав Михайлович, немедленно, оставил Торжок, но вместе с ним в Чернигов ушёл Внезд Водовик с верными сторонниками и войсками. Вероятнее всего, что под его рукой было около 2 - 3 тысяч воинов. Это, казалось бы, русское, внутриполитическое событие, в дальнейшем сильно осложнило русско-ливонские отношения. Так начиналось третье десятилетие одного из самых страшных столетий в истории России. Для Русской земли и Балтии период 30-х - начала 40-х годов XIII века оказался самым трагическим в истории их отношений.

Опасность литовских вторжений в Русские земли, между тем, на некоторое время ослабла, ибо на исходе 20-х годов XIII века на южных рубежах Балтии в землях этноса пруссов обосновались немецкие рыцари Ордена святой Девы Марии или Тевтонского Ордена. Тевтонцы начали активную борьбу и с Литвой.

Тем временем летом 1230 года прошёл большой съезд всех князей Владимиро-Суздальской земли. Здесь Великому князю Юрию II удалось сгладить противоречия, возникшие между ним и братом Ярославом, из-за событий в Новгороде. Однако события в Новгороде и в Торжке конца 1230 - начала 1231 годов показали эфемерность примирения Ярослава Переславского с Михаилом Черниговским. «Послашася (новгородцы) по Ярослава на всеи воли Новгородцкои; Ярослав же вборзе прииде в Новгородъ, и створи вече, и целова святую Богородицю на грамотах на всехъ Ярославлихъ и на всеи воли Новгородцкои», - записал летописец[8].

Это, конечно, был триумф Переславского князя. Но Ярослав Всеволодович прекрасно понимал, что предстоит ещё решающая схватка за Новгородский стол с князем Михаилом и новгородской боярской оппозицией. Потому он всего 2 недели побыл в Новгороде и возвратился в Переславль, но «поя съ собою мужи Новгородцкыя моложшия». Уходя собирать войска для похода в Черниговскую землю, князь призвал на службу молодых новгородских воинов. Вместо себя он оставил в Новгороде старших сыновей – Феодора и Александра. Страшными и тяжёлыми были та зима и весна 1931 года для Новгорода Великого. Дороговизна и голод свирепствовали. Люди вынуждены были есть: конину, собак, кошек, мох, сосновую и липовую кору, «кто, что како замышлить». Дошло до того, что иные стали есть мертвечину, срезая плоть с трупов. Среди простонародья появились случаи преднамеренного убийства живых людей и каннибализма. И надо думать, молодые князья (особенно старший князь Феодор) именно тогда проявили себя, как справедливые и твёрдые правители. Мертвецов, что лежали непогребенные по улицам, и по торгу, и по Великому мосту, изъедаемые псами, стали хоронить в скудельницах. Одну отрыли в конце Чудинцевской улицы, другую - на Коломне (Колоне) за храмом Святого Рождества и обе

8 ПСРЛ. Т. IV, часть 1-я. Новгородская 4-я летопись. Пг., 1915. С. 210.

были полны покойников, которым не было числа. В пору в Новгороде погибло более 20 тысяч человек. Положение стало поправляться уже поздней весной. Юные князья ещё на исходе зимы отправили санным путём (заблаговременно до открытия навигации в Финском заливе, на Неве, Ладоге, Волхове) торговых агентов в крупные портовые города Северной и Западной Балтии. С началом навигации немецкие купцы из Ливонии и «изъ Заморья» (ганзейцы) подвезли в Новгород «жито и муку» на своих кораблях, сбили дороговизну, и продовольствие стало доступно простонародью.

Тем временем в землях Черниговского и Смоленского княжеств развернулись бурные военно-политические события. «Тогда ходи Ярославъ на Черниговъ ратью и на волость Черниговскую с Новгородци и съ всею властью (Низовской волостью - Д.А.) своею, на Михаила», - записал новгородский летописец. По свидетельству Лаврентьевской летописи в составе соединённого войска князя Ярослава были и полки его племянников - Константинотвичей - князей: Василька Ростовского, Всеволода Ярославского, Владимира Углицкого[9]. Основную задачу, конечно, пришлось решать Переславскому князю. Михаил Черниговский сам воздержался от выступления, но двинул против Ярослава полки своего родственника - князя Трубчевского Святослава и отряды новгородцев во главе с Внездом Водовиком и Борисом Негочевичем.

В сражении под Шеренском Переславский князь одержал верх. Лаврентьевская летопись свидетельствует, что в дальнейшем противники «ино же много воеваша». Однако более подробно описаны эти события в Новгородской 4-й летописи. Следом князь Ярослав дал бой черниговцам у стен Можайска. Кровопролитное сражение окончилось без явной победы той или другой стороны. Наконец черниговская рать снялась и оставила земли Можайского удела, так и не получив ни победы, ни выгодного мира[10]. *С этого времени Новгородский стол навсегда остался в руках князей Владимиро-Суздальской династии, и никто уже более не мог оспорить у них этого права.* (курсив – Д.А.). Тем более, что на исходе того же 1231 года в Чернигове скончался бывший новгородский посадник Внезд Водовик. Однако дело взял в свои руки и продолжил его не менее энергичный новгородский политик Борис Негочевич и, видимо, младшие братья покойного Симеона Борисовича.

Новый 1232 год принёс новые напасти. Если Черниговские князья оставили попытки возвратить Новгородский стол, то бывший тысяцкий Борис Негочевич со своими сторонниками предпринял очередную попытку изгнать представителей Владимиро-Суздальской династии из Новгорода. Это был подлинно суровый и решительный человек. Боярская оппозиция

9 ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. – М.: 1926. Стб. 459.

10 ПСРЛ. Т. IV, часть 1-я. Новгородская 4-я летопись. Пг., 1915. С. 212.

с отрядами верных воинов и слуг во главе с Негочевичем неожиданно заявилась из Чернигова во Псков. Противники Ярослава Всеволодовича во Пскове тайно открыли им ворота. В Новгороде, как только пришли известия об этом, начались волнения. Но юные князья Феодор и Александр вовремя известили отца. Тот срочно прискакал из Переславля в Новгород. Первым делом из среды псковичей в Новгороде были взяты заложники. Затем Ярослав отправил во Псков послов, требуя отпустить наместника, изгнать новгородских бояр и их дружины. *Из Пскова отвечали, что пойдут навстречу, если князь выпустит из Новгорода семьи боярской оппозиции с частью их движимой собственности.* На том переговоры на какое-то время прекратились. Ярослав Всеволодович перекрыл торговые пути на Псков. Цены во Пскове на продукты и соль пошли вверх. Тогда Борис Негочевич пошёл навстречу. Ярослав же взамен отпустил семьи оппозиционеров из Новгорода. Опасаясь княжеской грозы, псковичи «указали путь» всем представителям новгородской оппозиции. С этого момента в конце 1232 года новгородская господа однозначно избрала местом своего пребывания город Оденпе - Медвежью Голову. После смерти в Чернигове опального новгородского посадника Внезда (1231 г.), беглые новгородские бояре оставили свои надежды на помощь Черниговских князей и Пскова в борьбе с Переславским князем Ярославом Всеволодовичем. Их взоры обратились в сторону Ордена.

Тревожной была весна 6741 года (1233 г. от Р.Х.). Недолго думая, опальная новгородская господа пошла уже проторённой дорогой - на Запад. Немногим ранее туда перебрался вместе с дружиной князь Ярослав Владимирович - сын известного и уже покойного Псковского князя Владимира Мстиславича (родного брата Мстислава Удалого). Ярослав Владимирович пошёл по стопам отца и даже далее его. Можно представить, какую важную козырную карту получили Орден и рижский епископ в лице этого русского князя - законного наследника Псковского стола. Ливонское политическое руководство посадило Ярослава на стол в один из самых крупных городов Северо-Восточной Балтии - *в Оденпе, совсем недалеко от Пскова*. Лучше и придумать было нельзя. Немцы простили Ярославу даже кровопролитное русское вторжение в Балтию осенью 1218 года, когда Ярослав, известный у хрониста Генриха Латвийского под именем «Герцислав», привёл на помощь отцу и русским князьям отряд из Пскова[11]. Но отныне князь Герцеслав получил имя «Герпольта»[12] и стал правителем *Оденпе - первого центра*

11 Тогда русские войска перешли Койву, жгли и разоряли Толову и Идумею, долго осаждали и ожесточённо дрались за Венден – примеч. автора.

12 Ряд исследователей считает, что Герпольт — имя русского князя Ярослава Владимировича. Немецкие хронисты переиначили имя: первый слог «ger» заменил чуждый немецкой речи русский слог «яр», несколько переиначенный в «ер», а второй слог «polt» — вероятно, русское «полк».

русской эмиграции в Балтии. Новгородские бояре ушли в Оденпе «не взявъ мира», оставив за собой право мести. Северо-Западные пределы Русской земли стали более проницаемы. Начался новый виток в истории русско-ливонских отношений.

Орденские немцы и рижский епископ полностью поддерживали Ярослава Владимировича, пытаясь громить русских соседей руками соплеменников, принявших их сторону. Отметим, что опальное новгородское боярство пришло в Медвежью Голову со своими семьями, с прислугой и челядью, со своими дружинами: с «детьми боярскими», «отроками», «милостниками», «паробками», «боевыми холопами». Т.е. численность русских эмигрантов могла достигать нескольких тысяч человек. Следовательно, под рукой Герпольта-Ярослава и Бориса Негочевича было несколько сотен хорошо вооружённых, профессиональных воинов. В Оденпе собирались рати, готовилось новое крупное наступление на восток – теперь уже на Русские земли Великого Новгорода и Пскова.

*

Но в следующем году князя Переславского Ярослава ожидала страшная семейная драма, а следом серия военных нападений. В начале июня 1233 года скоропостижно погиб молодой князь Феодор Ярославич. По нашим данным ему шёл восемнадцатый год. Сказать, что это был слабый здоровьем юноша нельзя. В далёкие походы во главе полков таких не посылают. В жилах Ярославичей текла пассионарная кровь их дедов и отца. Нельзя забывать, что по материнской линии все Ярославичи были ещё и внуками не менее экспансивного Мстислава Удалого. Накануне трагического события зимой с 1232 на 1233 год князь Феодор принял участие в большом совместном походе Владимиро-Суздальских, Муромских и Рязанских князей против мордвы, совершавшей частые набеги на Северо-Восточные рубежи Русской земли.

Для второго сына Ярослава Всеволодовича - Александра, заступившего на место Феодора, преждевременная смерть старшего брата со временем стала утратой потенциального единомышленника и сподвижника, каковыми на протяжении жизни являлись его дядя Юрий и отец Ярослав Всеволодовичи. Однако с июня 1233 года на первый план новгородско-балтской политики, проводимой великокняжеской Владимиро-Суздальской династией, всё явственнее выдвигается фигура тогда ещё юного князя Александра Ярославича, которому шёл 15-й год **[Абрамов 2021. С. 17-18].**

Для юного Новгородского князя Александра события приняли крутой оборот. Противостоящие друг другу силы начали открытую, долгую борьбу за установление Северо-Западных рубежей Русской земли. Ливонское войско, ведомое сторонниками Бориса Негочевича и сочувствовавшими им псковичами, неожиданно напало на пограничный новгородско-псков-

ский форпост Тесово. «Изгониша немцы... Тесово», - отметил летописец. Т. е. русский град был взят «изгоном» - сходу, неожиданным приступом. Враг, вероятно, ворвался в открытые ворота крепости и завязал бой внутри укреплений. В итоге в плен к немцам попали новгородский воевода Кирилл Синкинич и его люди. Пленников увели, конечно, в Оденпе, где те просидели в темнице с праздника Преображения Господня (19 августа) 1233 года до начала Великого поста 1234 года. Только князь Ярослав, приехав из Переславля в Новгород, сумел вызволить (выкупить) своих сторонников из плена. Но взятие Тесова стало лишь прелюдией.

Скорее всего, в самом конце августа или начале сентября 1233 года русская военная эмиграция в Балтии уже вместе со своими западными союзниками вновь решила показать силу и повернуть вспять ход событий, произошедших в Новгородской и Черниговской землях двумя годами ранее. «Изгониша Изборескъ Борисова чадь съ княземъ Ярославомъ Володимеричемъ и с Немци», - записал новгородский летописец. Т. е. князь Герпольт вместе с отрядами новгородских бояр и немцев неожиданным приступом взял Изборск. Но под Изборском дело просто так не окончилось. Изборцы наверняка были уже наслышаны о стремительном захвате немцами Тесова и приготовились к бою. На помощь им успел подойти отряд псковичей. Видится, что сражение произошло сначала где-то под стенами града. В пылу схватки воины Герпольта сумели потеснить псковичей и изборцев, а затем ворваться в крепость Изборска на Труворовой горе. Изборцы и псковичи откатились от стен города. Немцы и русские сторонники Бориса Негочевича во главе с Герпольтом преследовали их. Уже уверенные в полной победе, они неожиданно попали в засаду, ранее устроенную изборцами близ стен города. Сам Оденпский князь Герпольт был взят в плен. Потери со стороны нападавших были велики. В схватке под стенами города погиб один из предводителей немцев - рыцарь Даниил. Многие ливонцы также были пленены, другие бежали в Оденпе. Псковичи и изборцы передали пленников князю Ярославу Всеволодовичу, уже прибывшему к тому времени в Новгород. Те были закованы в цепи и отправлены в Переславль-Залесский[13]. Следом, с наступлением распутицы и холодов, начались переговоры об обмене и выкупе пленных. Таковых было немало с обеих сторон. В 1234 году состоялся их обмен и выкуп. Герпольт и его сторонники возвратились в Оденпе.

*

1235 год отмечен мирным развитием событий в отношениях Русской земли с Балтией. Однако военная гроза неотвратимо надвигалась. Ливонцы копили силы, чтобы положить конец Литве. В новгородских летописях об этих событиях сообщается задним числом под 1237 годом. Видимо, бурные

13 ПСРЛ. Т. IV, часть 1-я. Новгородская 4-я летопись. Пг., 1915. С. 213.

военные события на юге Русской земли отвлекли летописцев. «Того же лета приидоша немци в силе велице изъ Заморья в Ригу, и ту съвокупившеся вси, и Рижане и вся Чюдскаа земля просто, и Пьсковици послаша отъ себе помочи мужь 200, и идоша на безбожную Литву», - писали новгородские летописцы[14].

События эти имели место в Балтии летом 1236 года. Как видим, Орден и рижский епископ привлекли к походу на Литву значительные силы рыцарства германских земель: Фризии, Лотарингии, возможно, и Фландрии. К походу были привлечены рыцари и эсты Северной Балтии. Ну а псковичи, страдавшие от литовских набегов, выставили для этого похода «мужь 200», (т. е. бояр, «лучших», «больших», «житьих» людей с их слугами-воинами [паробками, отроками]). Т. о. в том походе участвовало от 800 до 1.000 псковичей. Союзное войско двинулось в поход под флагом Креста на борьбу с язычниками. В сентябре под литовским городом Саулом (Шауляем) это войско попало в засаду, и в жестокой сече было разгромлено наголову. Те, кто выступил под знаменем Креста против язычников-литовцев «грехъ ради нашихъ, безбожными погаными побеждени быша и приидоша кождо десятыи в домы своя». Германский исследователь Беннинхофен также сообщает об участии русского отряда в битве и тяжелейших потерях крестоносцев в своей монографии **[Беннингхофен 2024. С. 354].** Потери ливонцев и их союзников были действительно огромны. «После многих славных и счастливых битв с неверными, магистр Вольквин, в предпринятом им походе против неверных литовцев, был убит теми литовцами вместе с господином Газельдорпом и графом Даненбергом, пятьюдесятью орденскими братьями и множеством верующего народа в Саульской земле в день св. Морица и его сомучеников (22 сентября 1236 г.)», - свидетельствовал хронист Герман Вартберге[15].

Остатки псковского отряда с трудом возвратились во Псков. Общие потери союзников составили несколько тысяч воинов. Немного другую информацию о битве под Саулом представляет «Летопись Ниенштедта»: «Магистр Волквин, во время происходивших переговоров (о слиянии Тевтонского Ордена с Орденом рыцарей Ливонии – Д. А.), пошел войною на Литву, и расположился на обширном поле, где ему литовцы противопоставили большие силы; битва была чрезвычайно жестокая, так что и благочестивый магистр, который управлял 15 лет, рыцарски погиб в этой битве за славу Христа с 18-ю братьями ордена»[16].

14 ПСРЛ. Т. IV, часть 1-я. Новгородская 4-я летопись. Пг., 1915. С. 214.

15 *Герман Вартберге. Ливонская Хроника.* (Перевод. Die Livlandishe Chronik Hermann's von Wartberge. Aus dem Lateinichen ubersetzt von Ernst Strehlke. Berlin und Reval, 1864). С. 4.

16 Летопись Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III. Рига, 1880. С. 381.

*

Не долго пришлось ожидать Пскову и очередного удара Ливонского Ордена. *После объединения Тевтонского и Ливонского Орденов (1236 год) силы немцев в Ливонии возросли*. «Когда же великий магистр Герман фон Зальца в Пруссии узнал о смерти магистра Волквина…, то прислал на его место другого магистра Германа Балка, который прибыв в Ливонию, был встречен и принят всеми христианами и братьями ордена с радостью и почестями, и все христиане ликовали по случаю этого происшедшаго соединения. И император послал им в помощь с новым магистром полторы тысячи марок, а великий магистр прислал им в Ливонию на помощь 60 братьев (братьев-рыцарей – Д.А.) со многими рыцарями», - засвидетельствовано в «Летописи Ниенштедта»[17]. Естественно, рыцари пришли в Ливонию не для того, чтобы сидеть сложа руки. Магистр Герман Балк открыл активную военную кампанию на Востоке. Правда, здесь исследователь сталкивается с некоторой дилемой. Большинство русских летописей и, прежде всего новгородские, сообщают, что войска Ливонского Ордена *совместно с отрядом русских союзников*, руководимых князем Герпольтом Оденпским, захватили Изборск. Орден провёл значительную мобилизацию. В походе на Изборск и Псков приняли участие отряды эстов из Оденпе, Вильянде и Дерпта. Летописцы называют их: «Медвежане, Вельядци, Юрьевци». Псковичи подошли к Изборску с опозданием. «Старшая Ливонская рифмованная хроника так описывает эту сечу:

«Они [ливонцы] не медлили,
они собрались в поход
и грозно поскакали туда,
многие были в блестящей броне;…
Братья-рыцари и мужи короля
смело атаковали русских…
Начался жестокий бой:
русские терпели большой урон:…
под Изборском они потерпели поражение.
Остальные обратились в бегство…»[18].

Вероятно, немногочисленное псковское войско столкнулось с большой союзной ратью, состоявшей из отряда Ордена (гиббелинов), отряда Дерптского епископа (гвельфов), отрядов эстов из Оденпе, Вильянде, Дерпта, отрядов русских эмигрантов под руководством князя Герпольта и датского

17 Летопись Ниенштедта. Указ соч. С. 381.

18 Старшая Ливонская рифмованная хроника // «Ледовое побоище» 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М. – Л., 1966. С. 205-207.

отряда «мужей короля» (Дании). Не исключено, что ливонское войско заранее заняло более выгодную позицию близ Старого Изборска на Жеравьей горе. Ливонцы могли первоначально отразить напуск (атаку) псковских кованых дружин, а потом развернуть войска на западном склоне горы и неожиданно контратаковать русских с левого фланга. По данным русских летописей в той сече легло от 600 до 700 псковских воинов и пал псковский воевода Гаврила Гориславнич. Войска князя Герпольта, Ордена и их союзники-эсты «Плесковиць много биша, гонящися, а иныхъ руками изимаша; и пригонивши подъ городъ». Т. е. победители гнались за отступавшими псковичами, избивая и хватая пленных до Пскова. Затем на плечах отступавших ливонцы и оденпцы ворвались в предградье. Посады и веси вокруг Пскова были преданы огню. Однако с ходу овладеть укреплениями города («изгоном») нападавшие не смогли, слишком крепким был град Псков **[Мокеев 2006. С. 43-45].** Войска Ордена, Герпольта и эсты захватили Запсковье и Завеличье, простояв там около недели. За это время велись переговоры.

Вот тогда и *подняли голову сторонники независимости Пскова, сделавшие ставку на ливонскую карту в борьбе за отделение от Новгорода ещё 11 лет назад. Во главе с посадником Твердилой Иванковичем они договорились с ливонцами, приняв их традиционные условия.* В городе разместился гарнизон орденских воинов во главе с двумя именитыми рыцарями-фогтами. Отряд эстов, набранный из тех, кто принял участие в том походе, остался в составе немецкого гарнизона во Пскове. (Чудь упоминается русскими летописцами в связи с возвращением Пскова под руку Новгорода). Остальные ливонские войска возвращались по домам. Однако, прежде чем отвести основные силы в Балтию, немцы взяли в заложники несколько сот молодых людей из семей знатных псковичей. Интересно сообщение «Старшей Ливонской рифмованной хроники», передающей условия мира Ордена с Псковом:

«Русские изнемогли от боя под Изборском:
Они сдались Ордену…
Мир был заключен тогда
С русскими на таких условиях,
что Герпольт, который был их князем,
по своей доброй воле
оставил замки и хорошие земли
в руках братьев-тевтонцев,
чтобы ими управлял магистр…»[19].

Герпольт - Ярослав, имевший все права на Псковский стол, не остался править Псковом, а возвратился в Оденпе со своими и новгородскими дру-

19 Старшая Ливонская рифмованная хроника. Указ. соч. С. 207-209.

жинами и отрядами!

Чем это объяснить? Во-первых, Ярослав возглавлял войска новгородской эмиграции. В глазах псковичей, желавших независимости от Новгорода, и в глазах сподвижников Ярослава - новгородцев занять Псковский стол значило противопоставить себя и тем и другим. Цели псковской и новгородской партий были разные, а враг - общий. Во-вторых, «инии Плесковичи вбегоша в Новъгородъ съ женами и с детми». Т. е. среди самих псковичей не было единства по вопросу о том, каким путём добиваться независимости от Новгорода. *В итоге, во Пскове к власти пришла партия немецкой ориентации во главе с посадником Твердилой Иванковичем, опиравшаяся на немецкий гарнизон.*

*

В той ситуации Новгородский князь Александр Ярославич возвратился к отцу во Владимир, где состоялся военный совет. На совете было принято решение отбить Псков и совершить поход в Чудскую землю. В походе на Запад принял и младший брат Александра князь Городецкий Андрей Ярославич во главе русских войск из городов Верхнего Поволжья, нетронутых монгольским нашествием (Гороховец на Клязьме, Нижний Новгород, Городец, Юрьевец, Кострома и др.). Для переброски этих войск к Новгороду и Пскову потребовался месяц [**Абрамов 2021. С. 22**]. Следовательно русские полки подошли ко Пскову на исходе февраля - в начале марта 1242 года. К городу подошли скрытно, окружили его, «зая все пути и изгони Псковъ». Взятие Пскова «изгоном» означало, что у князя Александра в городе были сторонники, открывшие ему ворота. Во всяком случае, сопротивление немецко-эстонского гарнизона, расположившегося в Городце, было сравнительно быстро подавлено. *Вероятно, значительная часть псковской партии немецкой ориентации ещё накануне этих событий или в ходе взятия города низовскими и новгородскими полками, ушла в Оденпе и пополнила ряды русской эмиграции.* Другая часть псковичей вступила в ополчение, усилив войска князя Александра. Пленных же «Немець и Чудь, исковавъ, поточи в Новгородъ». В дальнейшем они подлежали обмену.

После взятия Пскова князь Александр «самъ пошелъ на Чудь». Военные действия были перенесены на территорию противника. Как только русские войска вошли в Чудскую землю, то тут же стали разорять её - «поиде в зажитье». Однако основной замысел князя Александра заключался, как видится, в другом. Авангард русского войска – сводный отряд тяжёлой конницы под руководством Домаша Твердиславлича (брата новгородского посадника) и воеводы Кербета (видимо, низовского военачальника) ушёл в «розгон» – в дальнюю разведку на запад. Что же было поручено разведать, а, возможно, и захватить этому русскому авангарду. Может быть, он направлялся к Дер-

пту? Исключить этого нельзя. *Но, скорее всего, русская конница была двинута к Оденпе. Князь Александр хотел нанести неожиданный удар в сердце русской эмиграции в Балтии, захватить «изгоном» и сжечь ненавистный ему город.* Замысел был дерзким и, как показали события, непродуманным до конца. Русская конница попала в засаду «у мосту» и была разгромлена немцами и эстами. Вероятно, это был один из мостов через реку Ахью на пути к Оденпе. Т. е. русские войска продвинулись вглубь Эстонии на 60 вёрст. После разгрома ударного отряда русской конницы у моста дальнейшее продвижение на запад не имело смысла. Момент неожиданности был утрачен, да и сил для вторжения уже не хватало. Ливонцы лихорадочно и быстро собирали войска для отпора. В «Старшей Ливонской рифмованной хронике» есть свидетельство об этих событиях:

«Так направились они [русские]
в землю братьев-рыцарей,
сильные войском.
Тогда братья-рыцари, быстро вооружившись,
оказали им сопротивление;…»[20].

В отражении русского вторжения в Северную Балтию, сыграла немалую роль русская эмиграция Оденпе, возглавляемая князем Герпольтом-Ярославом. Именно её вооружённые силы пополнили ряды ливонского войска. Вероятно, отряд русских из Оденпе уже принял вместе с немцами и эстами участие в разгроме русского авангарда «у мосту» через Ахью.

Итак, после поражения русского авангарда у моста, князья Александр и Андрей решили возвращаться домой другой дорогой. Изборск и Псков были хорошо укреплены и готовы к обороне, потому можно было не бояться ливонского вторжения на Псковщину. Пришла весна – март месяц. В конце марта начались таянье снега и распутица, сильно замедлившие действие войск. Распутица не позволила и ливонцам неожиданно подойти к Изборску и Пскову. Князья неспеша повели свои войска севернее, разоряя земли, прилегающие с запада к Тёплому и Чудскому озёрам. От юго-западного берега Чудского озера по льду пролегал зимний санный путь к устью реки Желчи, впадавшей в озеро с востока. Снег, наверное, уже сошёл, но лёд на озере ещё стоял. Правда, у западного берега Чудского озера, где было сильное течение, образовалось множество полыней-сиговиц. Здесь псковичи даже зимой ловили рыбу сиг. Сюда и вышли русские полки под рукой князя Александра ранним утром в начале апреля 1242 года. Пройдя озеро по утреннему ещё крепкому льду, они через семь вёрст расположились на островах близ юго-восточного побережья и приготовились к обо-

20 «Старшая Ливонская рифмованная хроника». Указ. соч. С. 211-212.

роне. Центром русской позиции стала каменистая гряда Вороний Камень. *Следом 5 апреля «у Ворония камени» произошла жестокая, кровопролитная битва, известная под названием «Ледовой сечи», которая окончилась полным разгромом ливонского войска, часть которого отступила к западному побережью Чудского озера и была потоплена в полыньях-сиговицах* (курсив – Д.А.). Не исключено, что в рядах ливонцев дрались и русские новгородско-псковские «переветники» - эмигранты **[Абрамов 2020 (2). С. 53 – 59].**

Заключение. После событий 1242 года в Оденпе, видимо, произошли серьёзные перемены. Восстание эстов на Моонзундских островах, поражение Ливонского Ордена на Чудском озере, последовавший мирный договор 1242 года об установлении границ с Новгородской республикой, разгром летом 1243 года Тевтонского Ордена прусско-поморскими войсками князя Святополка у Рейзенского озера внесли раскол в среду русской эмиграции. Русские в Оденпе, рассчитывавшие на скорую победу, теперь трезво осмыслили происходящее. Ряд отечественных исследователей считает, что при таких обстоятельствах возвратились во Псков, прощенные псковичами Твердила Иванкович и часть его сподвижников.

Судьба беглых новгородских бояр: Бориса Негочевича, сподвижников Внезда Водовика и Симеона Борисовича, с их семьями, челядью и дружинами осталась за приделами внимания русских летописцев. Вероятно, многие представители из состава боярских дружин погибли в схватках, сражаясь против своих же соотечественников на стороне западных завоевателей. Семьи бояр и их челядь вряд ли ожидала завидная участь на чужбине…

Как и при каких обстоятельствах порвал свои отношения с руководством Ордена князь Герпольт-Ярослав неизвестно. Возможно, этому поспособствовали его семейные проблемы. В Оденпе пасынком (сыном от первого брака) была убита вторая жена князя, похороненная во Пскове в монастыре святого Иоанна. Ясно одно - уже в 1245 году Ярослав Владимирович упоминается русскими летописями как князь Торопецкий. Он явно примирился с князем Александром Невским и не без согласия Великого князя Владимиро-Суздальского Ярослава Всеволодовича занял княжеский стол в Торжке, где в своё время сидел его отец. Торжок являлся пригородом Великого Новгорода, но располагался в ту эпоху у самых границ Владимиро-Суздальского княжества. Этно-конфессиональный и этно-политический курс Великих князей Русского Северо-Востока, их приверженность к ортодоксальному христианству под покровом ромейского православия оставался неизменным **[Абрамов Д. М. (2)].** В Великом Новгороде и Пскове прекрасно знали об этом и, соответственно, поступали таким же образом. Торжок не имел своего постоянного князя, а принимал его в случае военной опасности. Следовательно, ретивый и «крутой» князь Ярослав Владимирович, бывший Герпольт, оказался под жёстким контролем кня-

зей Владимиро-Суздальской династии «Большого Гнезда». Вместе с Ярославом оставили Оденпе, прошедшие горнило испытаний, поредевшие его двор и дружина, имевшие немалый боевой опыт. Теперь им предстояло заслужить прощение в глазах верховной власти, Православной Церкви и русского народа.

Так или иначе, но итоги военно-политической деятельности русской эмиграции в Чудской земле оказались явно неудачными. Новгородская и псковская феодальная элита, вступившая против военно-политического курса, проводимого Владимиро-Суздальскими князьями в Северной Балтии, явно просчиталась, сделав ставку на союз с западными завоевателями. За тридцать – тридцать пять лет существования русской эмиграции в Чудской земле она была разгромлена в военном и политическом отношении. Остатки её частично возвратились на Родину, частично были поглощены и ассимилированы западными завоевателями.

Библиографический список:

1. Абрамов Д.М. Этно-конфессиональный, стратегический и тактический аспекты Ледовой сечи 1242 года // МОО. «Русский культурный центр». Культурное наследие России. 2020. № 1. С. 53-59.
2. Абрамов Д.М. Культурное и конфессиональное влияние Ромейской империи на окружающие народы в IX–X веках. // МОО. «Русский культурный центр». Культурное наследие России. 2020. № 2. С. 78-84.
3. Абрамов Д.М. Князь Александр Невский: Становление полководца и дипломата. // История и архивы. РГГУ. 2021. № 4. С.13-23.
4. Беннингхофен 2024 – Беннингхофен Ф. Орден меченосцев. Противостояние немецких рыцарей и русских князей в Ливонии [Der Orden der Schwertbrüder. Fratres milicie Christi de Livonia (Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart. Bd. 9). Böhlau, Köln u. a. 1965]. Перевод, ЗАО «Центрполиграф». – М.: 2024. 479 с.
5. Бредис М.А., Тянина Е.А. Крестовый поход на Русь. – М.: «Алгоритм». 2007. 416 с.
6. Мокеев Г. Я. Псков при Александре Невском // Новая книга России, 2006. № 7. С. 43-45.
7. Чапкин Н.С. Информационно-коммуникационные технологии в организации электронного бакалавриата // Альманах «Крым». 2021. № 24. С. 102-112.

Reference

1. Abramov D.M. Ethno-confessional, strategic, and tactical aspects of the Ice Sich of 1242 // IPO “Russian Cultural Center”. Cultural Heritage of Russia. 2020. № 1. P. 53-59.
2. Abramov D.M. Cultural and confessional influence of the Roman Empire on surrounding peoples in the 9th-10th centuries // IPO “Russian Cultural Center”. Cultural Heritage of Russia. 2020. № 2. P. 78-84.
3. Abramov D.M. Prince Alexander Nevsky: The formation of a commander and diplomat // History and archives. RSUH. 2021. № 4. P. 13-23.
4. Benninghoven 2024 – Benninghoven F. The Order of the Swordsmen. The Confrontation of German Knights and Russian Princes in Livonia [Der Orden der Schwertbrüder. Fratres milicie Christi de Livonia (Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart. Bd. 9). Böhlau, Köln u. a. 1965]. Translation, ZAO “Tsentrpoligraf”. – Moscow: 2024. 479 p.
5. Bredis M.A., Tyanina E.A. The Crusade to Rus’. – Moscow: “Algorithm”. 2007. 416 p.
6. Mokeev G. Ya. Pskov under Alexander Nevsky // Novaya Kniga Rossii, 2006. № 7. P. 43-45.
7. Chapkin N.S. Information and communication technologies in the organization of electronic bachelor’s degree // Almanac “Crimea”. 2021. № 24. P. 102-112.

Абрекова Ж.А.

Доцент. Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт», Кафедра юридических и гуманитарных дисциплин, г. Невинномысск.

От плаката к цифровым технологиям: эволюция каналов и методов вербовки молодёжи в идеологических практиках XX – начала XXI вв.*

Аннотация. В данной статье проводится сравнительно-исторический анализ трансформации каналов и методов вербовки молодёжной аудитории. Автор проводит параллельный анализ стратегий государственных идеологических аппаратов середины XX века и современных экстремистских организаций, выявляя как преемственность базовых принципов воздействия, так и качественные изменения в подходах к формированию сознания. На основе комплексного изучения разнообразных источников – от архивных материалов исторических пропагандистских кампаний до современных цифровых артефактов (закрытые Telegram-каналы, пропагандистский видеоконтент, социальные медиа) – в работе выделяются ключевые векторы эволюции вербовочных практик. Исследование демонстрирует переход от монологической модели коммуникации к диалогической интерактивности, от массового унифицированного воздействия к персонализированной кастомизации контента, а также от идеологической ригидности к миметической адаптивности, позволяющей экстремистским структурам эффективно интегрироваться в цифровую среду.

В заключении делается вывод о формировании новой, гибридной модели вербовки, которая синтезирует традиционные идеологические нарративы с инновационными цифровыми технологиями. Эта модель характеризуется способностью адаптироваться к меняющимся медийным ландшафтам, создавая сложные системы воздействия, сочетающие эмоциональную вовлечённость с рациональной аргументацией. Полученные результаты имеют важное значение для разработки современных стратегий противодействия экстремистской пропаганде и понимания механизмов формирования коллективной идентичности в условиях цифровой трансформации общества.

Ключевые слова: молодёжная вербовка, пропаганда, экстремизм, цифровая реальность, историческая эволюция, медиа, коммеморативные практики.

Abrekova Zh.A.

Associate Professor. State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute," Department of Legal and Humanitarian Disciplines, Nevinnomyssk.

* © Абрекова Ж.А., 2026.

From poster to digital technologies: the evolution of channels and methods of youth recruitment in ideological practices of the 20th – early 21st centuries

Abstract. The article "From Posters to Digital Technologies: Evolution of Channels and Methods of Youth Recruitment in Ideological Practices of the 20th – Early 21st Centuries" presents a comparative-historical study of the transformation of mechanisms for mobilizing youth audiences. The author conducts a parallel analysis of the strategies of state ideological apparatuses of the mid-20th century and modern extremist organizations, revealing both the continuity of basic influence principles and qualitative changes in approaches to consciousness formation.

Based on a comprehensive study of diverse sources – from archival materials of historical propaganda campaigns to modern digital artifacts (closed Telegram channels, propaganda video content, social media) – the work identifies key vectors in the evolution of recruitment practices. The research demonstrates a transition from a monological communication model to dialogical interactivity, from mass uniform influence to personalized content customization, as well as from ideological rigidity to mimetic adaptability, allowing extremist structures to effectively integrate into the digital environment.

In conclusion, the article makes a conclusion about the formation of a new, hybrid model of recruitment that synthesizes traditional ideological narratives with innovative digital technologies. This model is characterized by the ability to adapt to changing media landscapes, creating complex systems of influence that combine emotional engagement with rational argumentation. The obtained results have important implications for the development of modern strategies to counter extremist propaganda and understanding the mechanisms of collective identity formation in the context of digital transformation of society.

Key words: youth radicalization, ideological propaganda, extremist organizations, digital environment, historical evolution, media technologies, memory practices.

Актуальность темы обусловлена парадоксальным единством двух, на первый взгляд, разнонаправленных процессов: цифровой архаизации публичного пространства и технологизации экстремистской агитации. Если в XX веке монополия на масштабную пропаганду принадлежала в основном государствам, то в XXI веке экстремистские организации, используя децентрализованные цифровые платформы, демонстрируют сопоставимую, а в отдельных аспектах и превосходящую эффективность в привлечении молодёжи. Исторический анализ данной эволюции позволяет не только зафиксировать смену технологических парадигм, но и выявить устойчивые психологические и социокультурные механизмы воздействия, что критически важно для разработки контрстратегий.

В связи с вышесказанным, объектом исследования определим пропагандистские практики, направленные на вербовку молодёжи, а предметом – эволюцию каналов и методов этих практик в XX в., по начало XXI века.

Цель статьи – выявить и проанализировать ключевые этапы и направления трансформации каналов вербовки молодёжи, установить взаимосвязь между технологическим развитием медиасреды и изменениями в методах идеологического воздействия.

Начнем с определения ключевых понятий. Вербовка – это своеобразное искусство убеждения, цель которого – привлечь человека к определенной организации, зачастую сопряженной с опасностью и жертвами.

Метод – это способ достижения какой-либо цели в познании и практической деятельности. Методы вербовки, будь то армия, спецслужбы или радикальные группы, всегда соответствовали технологическому и культурному уровню своего времени.

Средства – орудие, предмет, совокупность приспособлений для осуществления какой-либо деятельности. Рассмотрим как трансформировались средства воздействия на умы молодых людей от агитационных плакатов до алгоритмов в соцсетях.

Сегодня террористические и экстремистские группы активно ищут новых членов, используя как личные встречи вербовщиков с потенциальными рекрутами, так и дистанционные средства. Зачастую, сегодня вербовщики не нуждаются в личном контакте с рекрутируемыми. Они легко поддерживают связь через интернет и мобильные устройства, даже находясь за границей. Однако полвека назад для привлечения молодежи к политическим играм использовались совсем другие методы.

В ходе исследования было выявлено несколько этапов формирования каналов вербовки в молодежной среде. К первому, мы можем отнести традиционные каналы и их дидактику (начало-середина XX в.).

Анализ материалов государственной пропаганды 1910-х – 1950-х гг. позволяет выделить модель «монологической вербовки».

Основными каналами привлечения рекрутов в этот период были: радио, кино, массовые печатные издания, монументальное искусство. Эти каналы были линейными и однонаправленными. Сообщение транслировалось от центра к периферии, обратная связь была ритуализирована (собрания, письма в редакцию) и не влияла на содержание.

Самым популярным средством вербовки были плакаты. На протяжении многих веков они остаются неотъемлемой частью общественной жизни. Смелый и привлекательный дизайн плакатов использовался рекламодателями, политическими активистами и художниками для донесения информации до широкой аудитории. Плакаты были «социальными сетями» своего времени. Они висели на каждом углу, вокзалах, заводах и в витринах магазинов. Их сила заключалась в визуальном воздействии и простоте посыла.

Плакаты воздействовали на разные ментальные точки. Доминировала

визуальная и вербальная гиперболизация, использовалась техника прямого взгляда и императивного жеста, создавая эффект личного обращения, синхронного переживания и эмоционального заражения в масштабах нации. Рассмотрим несколько конкретных примеров использования этой методики на практике.

Легендарный британский плакат «Your Country Needs YOU» (“Твоя страна нуждается в тебе”) с изображением лорда Китченера, указывающего пальцем на зрителя, создавал иллюзию прямого, персонального обращения.

Американский «I Want YOU for U.S. Army» (“Я хочу тебя для армии США”) с «Дядей Сэмом» работал на тех же принципах. Он апеллировал к патриотизму и гражданской ответственности.

Советские плакаты, такие как «Родина-мать зовёт!», использовали мощные эмоциональные образы, противопоставляя светлый образ Родины и зловещий облик захватчика.

Плакаты были невероятно эффективны для массовой мобилизации. Они создавали единый эмоциональный фон в обществе, сплачивая нацию перед лицом общей угрозы. Однако это был «выстрел дробью» – обращение ко всем сразу, без учета индивидуальности. Ключевым методом было конструирование сакрального образа будущего («светлое коммунистическое завтра»), ради которого оправданы любые лишения.

С появлением радио и ТВ вербовка стала более интимной и нарративной. Если плакат – это крик, то радио – это убедительный шепот.

«В игру вступают средства массовой информации, бум в популярной прессе и появление фильмов. Это было первое крупное военное событие (вторая мировая война – прим. Автора), когда правительства начали использовать средства массовой информации стратегически», - говорит профессор Джо Фокс, специалист по истории пропаганды в университете Дарема в Англии [1].

Радиостанции вроде «Голоса Америки» или «Свободная Европа» вели идеологическую обработку граждан стран соцлагеря, предлагая альтернативную картину мира и вербуя инакомыслящих.

Телевидение позволяло показывать не просто статичный образ, а динамичные истории. Рекламные ролики вооруженных сил демонстрировали не долг и жертву, а приключение, технологический прогресс, профессиональный рост и товарищество. Зрелищные кадры учений, современная техника, улыбающиеся лица солдат – все это создавало привлекательный бренд.

Во время конфликтов (например, война в Персидском заливе) телевидение стало окном в мир, формируя общественное мнение и оправдывая необходимость службы.

Телевидение и радио позволяли строить более сложные нарративы,

воздействуя на эмоции через истории. Это был шаг к персонификации, но все еще в рамках широких аудиторий.

С появлением спутникового телевидения и раннего интернета модель вербовки начинает меняться в сторону «диалогической имитации». Цифровая революция полностью перевернула концепцию вербовки. Она превратила ее из публичной агитации в скрытый, высоко персонализированный процесс.

Пропаганда становится более нарративной. Вместо лозунгов - истории. Яркий пример - видеоролики "борцов за свободу Палестины", где акцент делался не на идеологии, а на визуализации сопротивления и эмоциональных рассказах боевиков. Это создавало иллюзию «правды из первых уст», подрывая монополию официальных СМИ на информацию. Возникает феномен «сетевого джихада», когда вербовка начинает происходить в закрытых онлайн-сообществах, где новичок проходит постепенную идеологическую обработку через обсуждение, а не через директивное внушение.

Вербовщики (будь то представители спецслужб или радикальных организаций) используют открытые данные из социальных сетей. Алгоритмы помогают выявлять людей, находящихся в группе риска: одиноких, разочарованных, ищущих смысл или принадлежность к группе, испытывающих финансовые трудности.

Больше нет общих лозунгов. Вербовщик изучает профиль жертвы - ее интересы, боли, круг общения - и подстраивает свое сообщение именно под нее. Для одного это будут разговоры о справедливости и героизме, для другого - о финансовом благополучии и статусе.

Социальные сети создают «пузыри фильтров», где пользователь видит только ту информацию, которая подтверждает его существующие убеждения. Вербовщики помещают цель в такие сообщества (закрытые группы, каналы в Telegram), где ее взгляды постепенно радикализируются через постоянное повторение одного и того же нарратива.

Экстремистские группировки активно используют мессенджеры и игровые платформы (такие как Discord). Вербовка может начинаться как безобидная дискуссия о любимой игре, плавно перетекая в обсуждение политики и идеологии. Для спецслужб видеоигры и метавселенные становятся новым полем для идентификации талантов с уникальными кибернавыками.

В цифровую эпоху вербовщика невозможно увидеть в лицо. Он скрывается за аватаркой и фейковым именем. Весь процесс происходит удаленно, что делает его безопасным для вербовщика и сложным для отслеживания правоохранительными органами.

Цифровая вербовка невероятно эффективна, потому что она точечная и интимная. Она бьет точно в болевые точки конкретного человека, предлагая ему именно то, чего ему не хватает в жизни, под видом дружеского

общения.

Анализ современных источников – архивы пропагандистских каналов ИГИЛ* в Telegram, вербовочные ролики, использующие эстетику компьютерных игр (напр., «Call of Duty»), материалы Alt-right сообществ в Discord и 4chan – демонстрирует формирование принципиально новой модели «иммерсивно-кастомизированной вербовки».

Децентрализованные мессенджеры (Telegram, Signal), социальные сети с алгоритмическими лентами (TikTok, YouTube), многопользовательские онлайн-игры (Minecraft, Roblox как платформы для неформальной агитации), форумы с анонимным доступом.

Методы:

1. Кастомизация контента: Алгоритмы соцсетей автоматически подбирают пользователю всё более радикальный контент, создавая «информационные коконы». Вербовщик не навязывает идеологию, а подтверждает уже существующие у пользователя страхи и предубеждения.

2. Геймификация и миметическое погружение: Пропаганда ИГИЛ* активно использовала эстетику high-end видеороликов с качественной операторской работой и монтажом, симулируя образ «приключения», «братства» и «силы». Это не призыв, а предложение идентичности.

3. Меметическая коммуникация: Идеология транслируется не трактатами, а через мемы – лаконичные, ироничные, легко тиражируемые образы. Это позволяет обходить когнитивный контроль и внедрять идеи на уровне культуры, а не политики. Исторические нарративы (например, образ Византии или Римской империи в среде правых радикалов) используются как конструкты для сборки новой идентичности, лишённые связи с академической историей.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Технологический детерминизм не абсолютен. Смена каналов (от плаката к TikTok) не отменила ключевые задачи вербовки: создание образа врага, мобилизация через принадлежность к «избранным», обещание трансформации идентичности.

2. Произошёл фундаментальный сдвиг от идеологии к экзистенциальному предложению. Если государственная пропаганда XX века вербовала «на строительство будущего», то цифровая вербовка XXI века предлагает «обрести смысл и принадлежность сегодня».

3. Ключевым трендом стала гибридизация. Современные методы вербовки представляют собой сплав старых техник (например, культ мученичества, актуальный как для советской, так и для исламистской пропаганды) и новых цифровых возможностей (кастомизация, иммерсивность).

4. Историческая память стала инструментом, а не источником. Прошлое используется экстремистскими сообществами миметически – как на-

бор символов, мифов и образов, которые можно произвольно извлекать и комбинировать для легитимации текущих политических действий.

Таким образом, эволюция шла не по пути отказа от старых методов, а по пути их адаптации и интеграции в новые, более сложные и персонифицированные медийные экосистемы. Понимание этой исторической траектории необходимо для прогнозирования будущих вызовов и разработки адекватных образовательных и контрпропагандистских стратегий, направленных не на блокировку каналов, а на развитие у молодёжи критической медиаграмотности и иммунитета к манипулятивным нарративам.

Настоящая статья является научной публикацией и не преследует целей пропаганды или оправдания деятельности экстремистских организаций. Все упоминания таких организаций носят сугубо аналитический характер.

*Террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации и многих других стран.

Библиографический список:

1. Film Propaganda in Britain and Nazi Germany: World War II // Oxford; New York: Berg, 2007. P. 102.
2. Калинина С.Б. Вербовка молодёжи в террористические организации // Наука. Общество. Оборона (noo-journal.ru). 2018. № 2 (15) // URL: https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2018-2-15/article-0145/?ysclid=mm4ydg1ydh111631399
3. Соколов Н. Конвейер смерти: как молодежь попадает в сети «Исламского государства». – Вести.ру. 10 июня. 2015 г. // URL: www.vesti.ru.
4. Способы вербовки молодёжи в террористические организации // URL: https://245.56.мвд.рф/news/item/17503954
5. Сундиев И.Ю. Эволюция вербовочных технологий в цифровую эпоху // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-verbovochnyh-tehnologiy-v-tsifrovuyu-epohu/viewer
6. Рахимов К.Х. История создания основных этапов становления и развития ШОС // Альманах Казачество. 2021. № 51. С. 52-70.

Reference

1. Film Propaganda in Britain and Nazi Germany: World War II // Oxford; New York: Berg, 2007. P. 102.
2. Kalinina, S.B. Recruiting Young People into Terrorist Organizations // Science. Society. Defense (noo-journal.ru). 2018. № 2 (15) // URL: https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2018-2-15/article-0145/?ysclid=mm4ydg1ydh111631399
3. Sokolov, N. Conveyor Belt of Death: How Young People Fall into the Network of the Islamic State. – Vesti.ru. June 10, 2015 // URL: www.vesti.ru.
4. Methods of Recruiting Young People into Terrorist Organizations // URL: https://245.56.мвд.рф/news/item/17503954
5. Sundiev I.Yu. Evolution of Recruitment Technologies in the Digital Age // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-verbovochnyh-tehnologiy-v-tsifrovuyu-epohu/viewer
6. Rakhimov K.Kh. The history of the creation of the main stages of the formation and development of the SCO // Almanac Cossacks. 2021. № 51. P. 52-70.

Аджер Х.Г.
Аспирант. Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, г. Казань.

Развитие экономической деятельности в крепостях Святой Крест и Кизляр на Кавказе*

Аннотация. В данном исследовании рассматривается развитие экономики Кавказского региона в XVIII–XIX веках на примере крепостей Святой Крест и Кизляр. Эти территории выделялись не только своей военной системой, но и со временем превратились в важные торгово-экономические центры. Предоставленные армянским и грузинским купцам привилегии в крепости Святой Крест способствовали развитию сельского хозяйства, животноводства и торговых отношений в регионе. Основанная в 1735 году крепость Кизляр, обладая многоэтнической структурой, придала экономике региона более устойчивый и диверсифицированный характер. Если в крепости Святой Крест развивалась торговля вином, табаком и зерном, то в Кизляре также активно осуществлялась торговля хлопком, рисом и виноградом. Таким образом, данное исследование направлено на анализ экономической структуры России в Кавказском регионе.

Ключевые слова: крепость Святой Крест, крепость Кизляр, Кавказ, торговля, экономика.

Acer H.G.
Postgraduate student. Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

The development of economic activities in the fortresses of Svyatoy Krest and Kizlyar in the Caucasus

Abstract. This study examines the development of the economy in the Caucasus region during the 18th and 19th centuries through the examples of the fortresses of Svyatoy Krest and Kizlyar. These regions were not only prominent for their military systems but also evolved into significant commercial and economic centers. The privileges granted to Armenian and Georgian merchants in the Svyatoy Krest fortress contributed to the development of agriculture, animal husbandry, and trade activities in the region. Founded in 1735, the Kizlyar fortress, with its multicultural structure, made the regional economy stronger and more diversified. While trade in wine, tobacco, and grain was prominent in Svyatoy Krest, trade in cotton, rice, and grapes also

* © Аджер Х.Г., 2026.

developed in Kizlyar. This study aims to analyze the economic structure of Russia in the Caucasus region.

Key words: Svyatoy Krest Fortress, Kizlyar Fortress, Caucasus, trade, economy.

Введение

Кавказ представляет собой регион, имеющий значение не только с стратегической и военной точек зрения, но и обладающий важной ролью в экономике России. В XVIII–XIX веках Российская империя проявляла активный интерес к Кавказу, что способствовало формированию новых торгово-экономических центров в регионе. В этот период на территории Кавказа были построены новые крепости, которые усилили позиции России как в военном, так и в экономическом отношении. Крепости Святой Крест и Кизляр являются важными примерами для понимания экономического развития Кавказа.

В период правления Петра I Российская империя проводила политику стимулирования переселения различных этнических групп в регион. В результате данных мер сформировалась многоэтническая экономическая структура. В частности, предоставление привилегий армянским и грузинским купцам способствовало развитию торговли. Это, в свою очередь, превратило Кавказский регион в важный центр международной торговли [1, с. 10].

Близость крепости Святой Крест к Каспийскому морю способствовала развитию сельского хозяйства, животноводства и торговых связей. Особое значение для экономики региона имели производство вина, табака и зерна. Кроме того, данная крепость стала центром торговли скотом в Северо-Восточном Кавказе. После разрушения крепости Святой Крест в 1735 году была основана крепость Кизляр. С созданием новой крепости регион в короткие сроки превратился в административный и экономический центр России. Благоприятные климатические условия и плодородные земли способствовали увеличению производства таких культур, как хлопок, рис, виноград и шелковица. Приток купцов из различных стран значительно повысил экономический уровень региона, сделав крепость Кизляр важным экономическим центром [3, с. 422].

Целью данного исследования является анализ экономической деятельности на Кавказе на основе изучения крепостей Святой Крест и Кизляр. В работе рассматриваются процессы их основания, а также анализируются торгово-экономические функции данных крепостей. Кроме того, исследуется экономическая политика России в регионе.

Крепость Святой Крест

Крепость Святой Крест была основана в приграничной зоне, что обусловило проживание в ней большого числа людей из различных регионов. На первоначальном этапе в регион было переселено 800 русских казаков, однако впоследствии по распоряжению Петра I численность населения была увеличена до 1000 человек. Спустя некоторое время в регион начали прибывать армяне и грузины. Согласно указу от 22 июля 1726 года, каждой семье, переселившейся в крепость Святой Крест, предусматривалась материальная помощь в размере 2 рублей [2, с. 96].

Армянские и грузинские купцы, поселившиеся в крепости, получили право вести торговлю без уплаты таможенных пошлин. Кроме того, для облегчения торговой деятельности в регионе были построены новые здания и торговые лавки, что способствовало оживлению экономической жизни крепости и её окрестностей [6, с. 69].

С экономической точки зрения крепость Святой Крест занимала выгодное положение благодаря своей близости к Каспийскому морю. В регионе на высоком уровне развивалось производство вина, табака и зерна. Кроме того, крепость стала важным центром торговли скотом (овцами, крупным рогатым скотом и лошадьми) в Северо-Восточном Кавказе. Согласно данным за 1729 год, количество купцов, посещавших крепость, представлено в следующей таблице [9, с. 15].

Дербент, Шемаха, Гилян	58
Кабарда	16
Гребенские Казаки	23
Ногайцы	11
Астрахань	459

К западу от крепости располагались степные территории, к северу – Астрахань, к северо-востоку – Каспийское море, а к югу и юго-востоку – земли кумыков. Крепость Кизляр имела важное значение для экономики России. Христианское население города в основном занималось торговлей, тогда как мусульманское население специализировалось преимущественно на торговле скотом. Вокруг крепости отсутствовал морской порт, в связи с чем товары доставлялись морским путём из ближайших портов (Фельдшанге, Ощинский пристань) с использованием судов [4, с. 76].

В 1811 году кабардинские князья отправились в Санкт-Петербург и получили разрешительный документ на ведение торговли в крепости Кизляр и в Астрахани. Сведения о ценах на сельскохозяйственную продукцию и скотоводческую продукцию представлены ниже в табличной форме [2, с. 100].

Рожь (1 пуд)	40 копеек	Осётр	2,5–3 копейки
Пшеница(1пуд)	40-70 копеек	Коровье масло	10 копеек
Говядина(1фунт)	2 копейки	Мёд	10 Копеек
Баранина(1фунт)	2,5 копейки	Каперсы	3 копейки
Чеченский табак (1 фунт)	10–15 копеек	Просо	2,25–2,5 копейки
Вино (1 бочка, 45 вёдер)	13–14 копеек	Дыня (10 шт.)	15 копеек
Арбуз (10 шт.)	13 копеек	Кофе (1 фунт)	45 копеек
Огурцы (10 шт.)	3 копейки	Сырец хлопчатобумажный (1 фунт)	25–30 копеек
Яблоки (10 шт.)	3 копейки	Сырой шёлк	2–3 рубля

Цены на товары в кизляре (1773 г.)

Год	**1777**	**1778**	**1779**	**1780**
Импорт	118599	94906	55586	83756
Экспорт	77430	80191	82460	93976
Всего	195969	195097	138320	177741

Таможенные доходы кизляра

Год	1799	1800	1801
	4801	9105	25588

Почвы в окрестностях крепости Кизляр отличались высоким уровнем минерального плодородия, что способствовало развитию сельского хозяйства. В связи с этим русские казаки начали выращивание хлопка, что положило начало развитию торговли хлопком. Данные по производству хлопка и риса также приведены ниже в таблицах. [8, с. 21].

Годы	**Хлопок**	**Рис**
1802	60 пудов	-
1810	100 пудов	-
1811	-	Посеяно 501 пуд Получено 4840 пудов

Кроме того, в Кизляре и его окрестностях велась активная торговля кукурузой, фруктами, красильными корнями, лошадьми, овечьей шерстью, холодным оружием (камы), огнестрельным оружием (пистолетами), пче-

линым воском, шёлком, икрой, рыбой и картофелем. Наряду с этим Российская империя предпринимала меры по увеличению производства шафрана в Кавказском регионе, при этом произведённый шафран по качеству не уступал европейским образцам.

Почвенно-климатические условия Кизляра были благоприятны для выращивания тутовых деревьев. Владельцами тутовых насаждений являлись кумыки, армяне и грузины. В регионе ежегодно производилось до 50 000 бочек вина и водки, которые впоследствии реализовывались в Астрахани и других регионах России [2, с. 47]. Листья тутового дерева играли важную роль в развитии шелководства, поскольку служили основным кормом для шелкопряда. Армянские купцы активно занимались шелководством, а произведённые ткани реализовывались на рынках Астрахани. Один армянский купец ежегодно производил 10–12 пудов шёлка, продавая 1 пуд по цене 700–800 франков. В частности, в 1820 году из крепости Кизляр было реализовано 500–600 пудов шёлка [7, с. 48].

Осознав значимость шелководства для экономики, Пётр I ещё в 1721 году выдал разрешение армянскому купцу на строительство шёлковой мануфактуры [5, с. 94].

Заключение

Данное исследование посвящено анализу экономической деятельности крепостей Святой Крест и Кизляр. Установлено, что эти крепости сыграли значительную роль в развитии экономики Российской империи. Крепость Святой Крест выступала важным центром развития торговли и сельского хозяйства, а её многоэтническая структура способствовала повышению экономической активности региона. Однако после разрушения данной крепости экономическая деятельность постепенно переместилась и получила дальнейшее развитие в крепости Кизляр.

Крепость Кизляр была построена более планомерно и со временем превратилась в экономический центр региона. Развитие сельского хозяйства, животноводства и шелководства способствовало интеграции экономики Кавказа в общеимперское экономическое пространство России.

В целом можно сделать вывод, что данные крепости имели ключевое значение для экономической политики и хозяйственного освоения Кавказского региона Российской империей. Настоящее исследование направлено на внесение вклада в изучение экономической истории Кавказа.

Библиографический список:

1. Acar K. Orta Çağ'dan Sovyet Devrimi'ne Rusya. – İstanbul: İletişim Yayınları, 2009. 392 c.
2. Çatalkılıç D. Kafkasya'da Rus Yayılmacılığı. – İstanbul: Koyu Siyah, 2021. 226 c.
3. Mahmut B. Kafkas Tarihi. – İstanbul: Selenge Yayınları, 2007. 422 c.
4. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Т. 1. С. 76.

5. Газиева А.К. К вопросу о мусульманских кварталах Кизляра в политике России в Дагестане в XIX веке // Исламоведение. 2016. № 1. С. 101-109.
6. Гарунов З.А. Из истории формирования русского населения Терско-Кумского междуречья // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 67-70.
7. Магомедов М.Г. Социально-экономическое развитие Кизляра в XVIII–XIX веках // Вестник Дагестанского научного центра. 2018. № 70. С. 45-52.
8. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577–1801). – Владикавказ: 1912. Т. 2. С. 541.
9. Суздальцева И.А. Основание, социальная организация и население российского города-крепости Святой Крест (20–30-е гг. XVIII в.) // Известия ДГПУ. 2016. Т. 10. № 2. С. 14-19.
10. Чекулаев Н.Д., Муртазаев А.О., Абдусаламов М. Комендант крепости Святого Креста: права и полномочия как представителя российской администрации на Кавказе (1722–1735) // Вестник Брянского государственного университета. 2016. С. 8-10.
11. Смирнова М.И., Чапкин Н.С. Винопитие: от Евангелия до мировой поэзии // Миссия конфессий. 2017. № 15 (19). С. 6-24.

Reference

1. Acar K. Orta Çağ'dan Sovyet Devrimi'ne Rusya. – İstanbul: İletişim Yayınları, 2009. 392 p.
2. Çatalkılıç D. Kafkasya'da Rus Yayılmacılığı. – İstanbul: Koyu Siyah, 2021. 226 p.
3. Mahmut B. Kafkas Tarihi. – İstanbul: Selenge Yayınları, 2007. 422 p.
4. Butkov P.G. Materials for the New History of the Caucasus. Vol. 1. P. 76.
5. Gazieva A.K. On the Issue of Muslim Quarters of Kizlyar in Russian Policy in Dagestan in the 19th Century // Islamic Studies. 2016. № 1. P. 101-109.
6. Garunov Z.A. From the History of the Formation of the Russian Population of the Terek-Kuma Interfluve // Historical and Social-Educational Thought. 2014. № 2 (24). P. 67-70.
7. Magomedov M.G. Socio-Economic Development of Kizlyar in the 18th-19th Centuries // Bulletin of the Dagestan Scientific Center. 2018. № 70. P. 45-52.
8. Potto V.A. Two Centuries of the Terek Cossacks (1577-1801). – Vladikavkaz: 1912. Vol. 2. p. 541.
9. Suzdaltseva I.A. Foundation, Social Organization, and Population of the Russian Fortress City of Holy Cross (1720s–1730s) // Izvestiya DSPU. 2016. Vol. 10. № 2. P. 14-19.
10. Chekulaev N.D., Murtazaev A.O., Abdusalamov M. Commandant of the Holy Cross Fortress: Rights and Powers as a Representative of the Russian Administration in the Caucasus (1722–1735) // Bulletin of Bryansk State University. 2016. P. 8-10.
11. Smirnova M.I., Chapkin N.S. Gospe and world poetry about the culture of wine drinking // Mission of confessions. 2017. № 15 (19). P. 6-24.

Аннотации

Долгенко А.Н.
Косырева М.С.

Преодоление вариативности орфографической нормы в новом поколении словарей русского языка

В статье представлен краткий обзор нового поколения словарей, в которых закреплены нормы русского языка как государственного языка Российской Федерации, подготовленных в соответствии с Федеральным законом № 52-ФЗ и утвержденных Правительством Российской Федерации. Особое внимание авторы уделяют проблеме преодоления вариативности орфографической нормы.

Ключевые слова: русский язык, словари, орфография.

Иванов М.О.
Слободнюк С.Л.

Репрезентация концепта «родина» в поэтическом наследии М.Ю. Лермонтова

Статья ориентирована на анализ лирики М.Ю. Лермонтова в рамках когнитивной лингвистики. Базовым понятием данной дисциплины является концепт. Термин имеет расширительную трактовку, это не только номинация, не только знак, но и ассоциация. Концепт раскрывается в связности слов, в контексте, при этом он не теряет базовой основы – буквального или прямого значения. Следовательно, дешифровка этого процесса и является значимой процедурой. В работе на примере лирики Михаила Юрьевича Лермонтова осуществлен анализ репрезентации концепта «РОДИНА». Методология исследования актуальна и современна, ориентир на когнитологию в целом, и работы ученых-когнитологов в частности учтен. Труды Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова и других стали базой данного исследования. Материал имеет дискуссионный характер, так как когнитивная лингвистика это не только буквальная оценка языка, но и вариант обозначения перспективы его развития. На наш взгляд, поэтический дискурс М.Ю. Лермонтова открыто объективирует лексему «РОДИНА» в режиме расширительного порядка. Цель поэта сказать о важном в разных сюжетных форматах, в отличных друг от друга плоскостях. При этом лирика М.Ю. Лермонтова есть единый пласт, часть русской литературы, диалогически выдержанный в связях с XIX веком, и даже с наследием прошлого. Таким образом, концептуальный анализ стихотворений М.Ю. Лермонтова в рамках репрезентации концепта «РОДИНА» объективен, актуален, важен. Материалы статьи можно использовать в курсе изучения творчества поэта, а также истории русской литературы в целом.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, лирика, концепт, язык, Родина, ассоциация, стиль, автор, значение.

Батырева М.К.
Завьялова Ю.А.

Речевые стратегии и тактики российской социальной рекламы семейных ценностей

В статье рассматриваются речевые стратегии и тактики российской социальной рекламы, направленной на продвижение семейных ценностей. На материале рекламных текстов за 2022-2025 гг. выделены четыре доминирующие стратегии: позиционирование семейных ценностей, эмоциональное вовлечение, установление доверительного контакта и прагматическое побуждение. Каждая стратегия реализуется через систему конкретных тактик. Результаты демонстрируют вариативность и взаимодействие языковых средств, обеспечивающих комплексное воздействие на аудиторию.

Ключевые слова: социальная реклама, семейные ценности, речевая стратегия, речевая тактика, речевое воздействие, прагматика.

Брюхачева Я.А.
Выщепольская Е.В.

Основные направления и тенденции лингвокультурологических исследований в Китае

Рост лингвокультурологических исследований в Китае требует систематизации их тематико-методологических ориентиров и оценки вклада в лингвистическую науку. Статья рассматривает основные направления и методологические тенденции китайской лингвокультурологии, выявляет её специфические черты и пробелы в исследованиях концептов (仁 rén, 礼 lǐ, 和 hé, 家 jiā, 面子 miànzi). Применён комплексный подход: историко-генетический анализ, тематико-аналитическая систематизация, компаративистский анализ и синтез корпусно-дискурсивных методов на материале ключевых концепций. Рассмотрены главные тематические блоки (исследование концептов, переводоведение, фразеология, педагогика, дискурс-исследования), выявлен методологический синтез (филологический + корпусный + дискурсивный), показана институциональная консолидация поля. Китайская лингвокультурология оформилась как самобытная школа с выраженной прикладной направленностью; необходима интеграция когнитивных моделей и расширение многоязычных/диахронических корпусов. Обсуждаются теоретические и прикладные проблемы, например, проблема передачи культурно-насыщенных концептов при переводе и вызовы для методики обучения.

Ключевые слова: лингвокультурология, китайская школа, концепты, методы, переводоведение, методологический синтез, педагогика, дискурс-анализ.

Давлатзода Рухсора

Некоторые соображения о исторических хроник X–XIII веков о многоязычии и переводе текстов

В данной статье рассматриваются упоминания, содержащиеся в исторических хрониках X–XIII веков, таких как перевод «Тарих-и Табари» Абу Али Бальями, «Зайн аль-ахбар» Абу Саида Гардизи, перевод «Тарих-и Ямини» Абу аш-Шарафа Джурфа дикани и «Гарар ас-сияр» Абу Мансура Саалиби. Исходя из материала, взятого из этих исторических работ, автор демонстрирует, что наряду с другими средневековыми произведениями они содержат наблюдения, касающиеся языка и лингвистики, полезности знания нескольких языков и перевода текстов. На основе собранного материала показано, что осознанный и ответственный перевод оригинального текста на другой язык позволит читателю понять его внутреннее содержание; в противном случае это может привести к потере изысканности и художественной ценности текста.

Ключевые слова: исторические хроники, X–XIII века, «Тарих-и Табари», «Зайн аль-ахбар», перевод «Тарих-и Ямини», «Гарар аль-сияр», текст, культура речи, красноречие, перевод, таджикский язык, арабский язык, природа языков, сравнение.

Диабате Дауда
Аду С.С.

Анализ учебных пособий по изучению видов русского глагола для иностранных студентов на уровне B2

В статье представлен комплексный анализ современных учебных пособий по изучению видов русского глагола для иностранных студентов на уровне B2. Исследование направлено на выявление лингводидактического потенциала учебных материалов, определение оптимальных принципов семантической группировки глаголов и разработку стратегий преодоления трудностей, связанных с употреблением видов русского глагола иностранцами. Особое внимание уделяется наличию или отсутствию языковых, речевых и коммуникативных упражнений в проанализируемых пособий. Проанализировано 10 современных учебных пособий с использованием методов сравнительного и контент-анализа. Выявлена типология упражнений, представленных в современных пособиях по аспектологии: языковые, речевые и коммуника-

тивные. Сформулированы рекомендации по совершенствованию учебных материалов, включающие оптимизацию принципов группировки глаголов, устранение источников негативной интерференции и интеграцию контрастивных методик обучения.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, виды глагола, аспектология, учебные пособия, уровень B2, семантическая группировка глаголов, иностранные студенты, контрастивная лингводидактика, языковые, речевые, коммуникативные, вид глагола.

Егорова М.Р.
Тутынин К.Ф.

Место институционального дискурса в системе общенационального языка

Институциональный дискурс выступает важным элементом системы общенационального языка, обеспечивая нормативизацию, унификацию терминологии и закрепление официального стиля. На основе анализа 700 тыс. слов текстов государственных учреждений России (указы Президента, административные регламенты, отчёты министерств) выявлены ключевые особенности дискурса: лексическая стандартизация, грамматическая строгость и структурная регламентированность [5]. Показано, что государственные документы не только формируют языковые нормы, но и отражают культурные ценности, закрепляя роль русского языка как «языка государства». Особое внимание уделено сравнению с дореволюционными указами, советскими декретами и западными аналогами (США, ЕС), демонстрируя преемственность норм и культурные различия. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании делового общения, разработке государственных стандартов и анализе эволюции русского языка в условиях цифровизации.

Ключевые слова: институциональный дискурс, общенациональный язык, официальный стиль, нормативизация языка, корпусная лингвистика, цифровизация госуслуг, русская культура.

Ерёмина О.В.

Использование цифровых образовательных технологий для повышения мотивации студентов неязыковых вузов при изучении английского языка: потенциал цифровых платформ в системе высшего образования

Статья посвящена анализу возможностей цифровых образовательных технологий для повышения мотивации студентов неязыковых вузов в процессе изучения английского языка. В качестве примера рассматриваются образовательные ресурсы на платформе Moodle, обеспечивающие организацию учебного процесса, в том числе в формате онлайн. Цель работы – обосновать лингводидактически релевантные механизмы мотивационного воздействия и предложить модель проектирования курса английского языка для неязыковых направлений на основе мотивационных конструктов. А также рассмотреть образцы уже разработанных и активно используемых курсов на базе платформы в ИРНИТУ. Методологической базой выступают: (1) теория самодетерминации, (2) концепция мотивации в изучении второго иностранного языка, (3) принципы цифровой дидакции и когнитивной поддержки при обучении. В результате выделены ключевые функциональные блоки платформы (прогресс/завершение, бейджи, интерактивные задания и тестирование, коммуникационные инструменты, аналитика), соотнесенные с мотивационными механизмами и типичными дефицитами мотивации студентов неязыковых вузов. Продемонстрировано, что целевое использование системы позволяет повышать учебную вовлеченность за счет оперативной обратной связи, а также усиления социального компонента обучения. Практическим итогом является предложенная структура курса английского языка для неязыковых вузов с примерами инструментов и критериев оценивания мотивационной динамики.

Ключевые слова: цифровые образовательные технологии, цифровая платформа, мотивация, неязыковой вуз, английский язык, смешанное обучение, инструмент, учебная аналитика.

Ибрагимова Р.А.

Теоретические взгляды на сравнительный анализ морфологических особенностей таджикских предложных глагольных фраз и их английских эквивалентов

Данная статья посвящена сравнительному анализу морфологических особенностей предложных глагольных фраз в таджикском и английском языках. В отличие от предыдущих исследований, которые фокусировались на отдельных предлогах, в этой статье анализируется структурная корреляция между таджикскими составными глаголами (с предлогами или именными элементами) и английскими фразовыми глаголами. Эмпирической основой исследования послужил корпус примеров, взятых из романа Садриддина Айни «Рабы» («Гуломон»), классического образца современной таджикской прозы. Исследование показало, что таджикские предложные глагольные фразы демонстрируют аналитическую структуру с фиксированным порядком компонентов и отсутствием грамматического рода, в то время как английские фразовые глаголы характеризуются большей семантической идиоматичностью и морфологическим слиянием.

Полученные результаты имеют не только теоретическое, но и практическое значение – они могут быть использованы в обучении английскому языку таджикской аудитории, в литературном переводе и в разработке лексикографических ресурсов. Дальнейшие исследования в этой области с использованием более обширного корпуса и экспериментальных методов углубят наше понимание механизмов межъязыкового взаимодействия и позволят создать более сложные модели для автоматизированной обработки текста.

Ключевые слова: таджикский и английский языки, предложные глагольные фразы, фразовые глаголы, сравнительная типология, морфология, «Гуломон» С. Айни, теоретическое и практическое значение, морфологические особенности, механизмы межъязыкового взаимодействия, сложные модели.

Миллерова А.Е.

Цой Н.Г.

Способы адаптации и степени ассимиляции англицизмов в китайском языке

В статье рассматриваются способы адаптации англицизмов в современном китайском языке. По К.Е. Кохоновой выделяются три уровня освоения заимствований (фонетический, грамматический, орфографический) и соответствующие им три степени ассимиляции (неассимилированные, частично ассимилированные, полностью ассимилированные). Материалом исследования послужили данные авторского опроса китайских студентов, позволившие сопоставить формальную степень освоенности англицизмов с их реальным функционированием в речи носителей. Показано, что отношение носителей к заимствованию не всегда коррелирует с его формальной степенью ассимиляции, что требует учета социолингвистических факторов.

Ключевые слова: англицизмы, китайский язык, заимствования, ассимиляция, адаптация, графические гибриды, социолингвистический опрос.

Павлова А.В.

Концепт «North» в поэтическом дискурсе Аляски: структура, репрезентация и национально-культурная специфика

Целью данной статьи является комплексный анализ многомерной структуры концепта «North» (понятийного, образного и оценочного слоев) на материале поэтического дискурса современных поэтов Аляски, а так же определение национально-культурной и индивидуальной авторской специфики его репрезентации в контексте лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

1. Рассмотреть теоретические основы изучения концепта в современной когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, определить структуру концепта и методы его анализа.

2. Выявить особенностей структуры поэтического концепта «North», дать характеристику

языковых средств репрезентации его слоев.

Теоретико-методологическую основу составляют принципы лингвокультурологии и концептологии (В.А. Маслова, С.Г. Воркачев).

Методы исследования – выборочная расписка на этапе сбора информации; на исследовательском этапе - концептуальный анализ, который широко используется в лингвокультурологии.

Источников – стихи современных поэтов Аляски (Абигейл Чабитной/Abigeil Chabitnoy, Джоан Навиюк Кейн/Joan Navijuk Kane, Керри Аягадук Оянен/Carrie Ayagaduc Ojanen).

Ключевые слова: концепт «North», лингвокультурология, когнитивная лингвистика, поэтический дискурс, современная поэзия Аляски, стрелочная структура концепта, языковая картина мира, коренные народы Аляски, идентичность, деколонизация.

Содикова Р.А.

Обзор исследований по грамматике английского и таджикского языков

Данная статья посвящена изучению исследований по грамматике английского и таджикского языков. Отмечается, что язык является важнейшим средством человеческого общения, посредством которого люди выражают мысли друг другу и воспринимают мысли друг друга во время взаимодействия. Следует подчеркнуть, что грамматика языка составляет его основную базу. Автор предпринял попытку представить подробную информацию о взглядах таджикских, английских и русских исследователей, проводивших изыскания, связанные с грамматикой вышеупомянутых языков.

Часть речи представляет собой особую грамматическую категорию, имеющую свой порядок и статус в каждом языке, и определяется различиями в их морфологических и синтаксических особенностях. Лексико-грамматическая классификация частей речи позволяет четко выявить лексические, морфологические и синтаксические характеристики каждой группы слов. Грамматика является основным средством выражения и понимания в любом языке, создавая научную основу для укрепления языкознания и изучения иностранных языков.

Таким образом, грамматика таджикского и английского языков находится в центре постоянного внимания исследователей в данной области. В современную эпоху их сравнительное изучение обладает особой научной значимостью для выявления одноименных и разноименных, синонимичных и разнозначных, однофункциональных и разнофункциональных форм и категорий, а также для определения общих и специфических черт этих языков с грамматической точки зрения.

Ключевые слова: грамматика таджикского и английского языков, современные исследования, общие и специфические черты языков, одноименные и разноименные категории, синонимичные и разнозначные значения, однофункциональные и разнофункциональные роли, мнения таджикских, английских и русских исследователей.

Фидоренко Е.А.

Ядерно-периферийная организация фразеосемантических групп «добро» и «зло» (на материале произведений сборника Ж. Санд «Contes d'une grand-mére», 2007 г.)

Статья посвящена выявлению и анализу ядерно-периферийной организации фразеосемантических групп «добро» и «зло» в сборнике литературных сказок Ж. Санд «Contes d'une grand-mère». Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения способов языковой объективации этических категорий в художественном тексте, где фразеологические единицы выступают не только как номинативные средства, но и как инструмент философской рефлексии, отражающий индивидуально-авторскую картину мира. На материале сборника «Contes d'une grand-mère» с применением методов фразеологического, контекстуального и классификационного анализа, а также принципов полевого подхода выявлен и систематизирован корпус устойчивых оборотов, маркирующих этические смыслы. Установлено, что фразеосемантические группы «добро» и «зло» организованы по ядерно-периферийному

принципу: ядро репрезентирует добро как имманентное свойство, а зло – как физическое насилие; приядерные зоны конкретизируют способы действия (сострадание, дружба и институционализированное принуждение, вербальная агрессия); периферия вводит рефлексивные смыслы (симуляция добра, фатальность зла, охранительные практики), усложняя бинарную оппозицию. В результате доказано, что фразеологизмы в сказках Ж. Санд служат инструментом трансформации жанрового канона, позволяя синтезировать фольклорную традицию с романтической эстетикой и натурфилософской проблематикой; ядерно-периферийная организация фразеосемантических групп выступает не только способом систематизации языкового материала, но и значимым элементом авторской поэтики, обеспечивающим переход от наивно-дидактической модели морали к философской рефлексии.

Ключевые слова: фразеосемантическая группа, добро, зло, ядерно-периферийная организация, литературная сказка, Ж. Санд, фразеология, оппозиция.

Халил Я.Т.

Сирийское государственное телевидение в условиях кризиса 2011–2024 годов: формирование коллективной памяти и национальной идентичности

Статья посвящена анализу медиадискурса государственного телевидения Сирии (Syrian Arab Television) как механизма конструирования национальной идентичности и коллективной памяти в условиях социально-политического кризиса 2011–2024 годов. Исследование фокусируется на структурных особенностях контента и его роли в формировании интерпретационных моделей реальности сирийского общества в период вооружённого конфликта. Особое внимание уделяется доминирующим тематическим категориям (безопасность, суверенитет, национальное единство, культурная идентичность, историческая память, традиционные ценности) и распределению дискурсивных стратегий в новостных, аналитических, культурно-просветительских и историко-документальных программах.

На основе качественного контент-анализа показано, что телевидение функционирует как многоуровневая система, сочетающая информационный, интерпретационный и символический уровни репрезентации. Учитывается неравномерная медиадоступность, ограничивающая охват аудитории и эффективность нарративов. Выводы раскрывают специфику государственного телевидения как инструмента символической консолидации общества в кризисных условиях.

Научная новизна заключается в комплексном анализе медиадискурса Syrian Arab Television как многоуровневой дискурсивной системы. Впервые выявлено функциональное распределение тематических категорий и дискурсивных стратегий по типам программ, а также учтено влияние неравномерной медиадоступности на эффективность нарративов.

Ключевые слова: сирийское телевидение, национальная идентичность, коллективная память, социально-политический кризис, медиадискурс, культурная идентичность, символическая консолидация.

Хамидова М.Н.

Каузативность и модальность: сопоставительный аспект (на материале английского и таджикского языков)

В данной статье представлено комплексное сопоставительное исследование каузативных конструкций в английском и таджикском языках сквозь призму их модально-оценочного потенциала. На материале разноструктурных языков анализируется механизм трансформации каузативного акта в инструмент трансляции модальных смыслов возможности, необходимости и желательности.

Автор обосновывает тезис о том, что каузативный предикат функционирует как доминантный модальный центр, детерминирующий пресуппозициональную и аксиологическую рамку высказывания. В работе выстроена иерархическая шкала волюнтативного воздействия: от жесткой фактитивной каузации (принуждения), генерирующей деонтическую необходи-

мость, до пермиссивного санкционирования, объективирующего модальность возможности.

Особое внимание уделено антропоцентрической природе каузации, где выбор лексических единиц (напр., force vs persuade / мачбур кардан vs бовар кунондан) предопределяет субъективно-эмоциональную оценку события. Установлено, что в обоих языках каузативная ситуация представляет собой сложный прагматический комплекс, в котором грамматическая связь «причина – следствие» неразрывно спаяна с интенциональными установками субъектов. Результаты исследования вносят вклад в общую теорию модальности, лингвистическую типологию и контрастивную лингвистику.

Ключевые слова: Каузативность, модальность, фактитивная каузация, пермиссивная каузация, волюнтативность, сопоставительная лингвистика, аксиологическая оценка, деонтическая необходимость, интенциональность, матричный предикат.

Шацкая Ж.Ю.

Доминантные черты положительного медиаобраза спортсмена (на материале блога «АлинаЗагитова»)

В статье представлены результаты экспликации медиаобраза спортсмена в медийном пространстве российской блогосферы. Установлено, что доминанту положительного медиаобраза составляет языковая объективация тематических доминант, связанных с профессиональной деятельностью, участием в творческих и рекламных проектах, а также исполнением ролей и свободным времяпрепровождением. Выявлено, что основными характеристиками медиаобраза спортсмена являются диалогичность, эмоциональность и открытость. В российской блогосфере объективировано представление о спортсмене как о многогранной личности, которая использует свой потенциал в разных сферах общественной жизни и стремится к самопрезентации.

Целью нашей работы является реконструкция фрагмента медиаобраза спортсмена по данным российской блогосферы.

Ключевые слова: медиаобраз, СМИ, медийное пространство, блогосфера.

Грушина Е.Б.
Баталов А.А.

Параллелизм и лексический повтор в реализации эмоционально-оценочного компонента (на материале романа Фонды Ли «Нефритовый Город»)

В статье рассматривается специфика реализации эмоционально-оценочного компонента в художественном тексте на синтаксическом уровне. Анализ фокусируется на установлении взаимосвязи между синтаксической организацией высказывания и прагматическим воздействием на читателя. Цель исследования заключается в выявлении структурно-семантических особенностей лексического повтора и параллелизма, а также определении их значения в формировании эмоциональной выразительности текста.

Ключевые слова: эмоционально-оценочный компонент, художественный текст, синтаксические средства, параллелизм, лексический повтор.

Якутина Е.Н.

Использование радио в целях пропаганды и достижения общественного согласия в условиях фашистского режима в Италии 1922-1939 годов

Фашистский режим Муссолини установил диктатуру в Италии с жёстким контролем над обществом и средствами массовой информации, используя интенсивную пропаганду для укрепления власти и создания единодушия. Пропаганда возвеличивала Муссолини и римское наследие, становясь важнейшим элементом тоталитарного режима. Радио в 1920–1930-х годах превратилось в массовое средство информации и развлечения, особенно популярное среди рабочего класса благодаря доступности и своевременности новостей. Политики, включая Муссолини, активно использовали радио для распространения своих посланий и укрепления

влияния. Таким образом, развитие радио стало ключевым фактором формирования массового общества и эффективным инструментом фашистской пропаганды.

Ключевые слова: история Италии, фашизм, политическая пропаганда, радио, массовая культура.

Ху Вэньсюй

Ян Цзе и китайско-советская дипломатия (1937–1940)

Период с 1937 по 1940 год стал ключевым этапом перехода китайской войны сопротивления японским агрессорам в позиционную фазу, а также важным этапом углубления и одновременно скрытых проблем в китайско-советских отношениях в контексте войны. Ян Цзе, выступивший в качестве руководителя Военной делегации Национального правительства Китая и посла Китая в СССР, стал центральным исполнителем китайско-советской дипломатии в указанный период. Благодаря глубоким военным знаниям, хорошему пониманию Советского Союза и гибкой дипломатической тактике он способствовал достижению множества соглашений между Китаем и СССР в области военной помощи, кредитного сотрудничества и кадрового обмена, обеспечив Китаю ценную внешнюю поддержку в войне сопротивления. В настоящей работе на основе дипломатической практики Яна Цзе, с учетом международной обстановки и стратегических интересов обеих стран, рассматриваются конкретные меры, принятые им в китайско-советской дипломатии, анализируются результаты и ограничения его дипломатической деятельности, исследуется взаимодействие между его личной ролью и историческим контекстом, раскрывается сложность и специфика китайско-советской дипломатии того периода.

Ключевые слова: Ян Цзе, китайско-советские отношения, военная дипломатия, китайско-японская война, посол Китая в СССР.

Содиков С.Р.

Природно-климатические условия и историко-географические особенности таджикской части Мирзачульской равнины

В статья рассматриваются природно-географические особенности Мирзачульской равнины, включая рельеф, климатические условия и их значение для формирования системы искусственного орошения. Подчёркивается резко континентальный характер климата региона, дефицит осадков и решающая роль водохозяйственной инфраструктуры в развитии земледелия. Особое внимание уделено политико-административным решениям конца 1950-х годов, в результате которых 50,5 тыс. га земель Мирзачуля были переданы из Узбекской ССР в состав Таджикской ССР в качестве компенсации за затопленные территории Кайраккумского водохранилища. Подробно анализируется процесс юридического оформления изменения границ между союзными республиками и его идеологическое обоснование в духе «дружбы народов». Раскрывается значение комплексного освоения орошаемых земель для экономического роста региона и увеличения производства хлопка в 1960–1970-е годы. Делается вывод о трансформации Мирзачуля в один из ключевых центров советской аграрной политики, несмотря на сложные природные условия.

Ключевые слова: Мирзачульская равнина, орошение и мелиорация, резко континентальный климат, водохозяйственная инфраструктура, изменение границ союзных республик, Таджикская ССР и Узбекская ССР, Кайраккумское водохранилище, освоение целинных земель, хлопководство, аграрная политика СССР.

Майер В.Д.
Семёнова Э.Ю.
Синегубов С.Н.

Становление личности Елизаветы Тюдор: детство и юность великого монарха Англии

В статье обращается внимание на становление личности Елизаветы Тюдор, для этого рас-

сматривается детство и юность, в котором было множество противоречивых моментов от смерти матери – Анны Болейн до начала правление сестры – Марии Тюдор. Рассмотрев данные периоды жизни, которые несомненно повлияли на правление и жизнь будущего монарха, можно подробнее ознакомиться с противоречивой и многогранной Елизаветой I Тюдор.

Ключевые слова: Елизавета I Тюдор, Анна Болейн, Генрих VIII, Мария, незаконнорождённые, Эдуард, наследник, образование, детство, юность.

Решетников Г.В.

Общественно-политическая дискуссия вокруг создания Федеральной резервной системы (ФРС) в США в начале XX в.

Статья посвящена теме создания нового регулирующего органа власти, отвечавшего за контроль над эмиссией денег в США. Вопрос о создании такого контрольного органа власти в США активно обсуждался в различных слоях населения и кругах власти на протяжении всего периода конца XIX – XX вв. Наиболее остро о нём заговорили после завершения Гражданской войны (1861-1865) в связи начавшейся перекройкой всей финансовой системы страны. После начавшегося экономического кризиса 1893 г. вопрос из теоретического перешел уже в практическую плоскость. Аргументировано, почему именно владельцы банков больше всего хотели создать денежно-валютный регулятор. Подробно анализируются итоговые причины создания ФРС. Описаны механизмы влияния общественного мнения на создания денежно-кредитного регулирующего органа власти. Показаны какие общественные институты воздействовали и оказывали влияние на власть в решении данного вопроса. Описана борьба за создание ФРС двух влиятельных партий в Конгрессе США того времени – Республиканской и Демократической партиями.

Ключевые слова: золотой стандарт, валютный коридор, серебряный стандарт, гринбек, доллар, кредит.

Макаров Г.А.

Нормативно-правовая база правительственного попечения об учителях в Российской Империи

Исследование посвящено анализу нормативно-правовой базы правительственного попечения об учителях в Российской империи в XVIII – начале XX века. В нем рассматривается эволюция законодательных актов, регулирующих правовой статус, материальное положение и систему социальной защиты педагогов. Основное внимание уделено ключевым этапам формирования государственной политики: от введения первых школьных уставов и включения учителей в Табель о рангах до создания института попечителей, инспекторов и централизованных механизмов пенсионного обеспечения. Особое место занимает исследование перехода от сословно-статусной модели к системе гарантированного материального содержания учительства. Работа выявляет основные тенденции развития попечительства, его противоречия и ограничения, а также подчеркивает значение государственной поддержки в становлении профессионального учительского корпуса.

Ключевые слова: правовое регулирование, учителя, Российская империя, попечительство, образование, социальная защита, пенсионное обеспечение, правовой статус.

Агаркова М.И.

Начальный этап индоевропейской истории: по данным зарубежных и отечественных лингвистов и археологов

В статье рассматриваются ключевые вопросы ранней истории индоевропейцев на основе работ отечественных лингвистов и археологов, обобщаются современные взгляды на прародину и расселение индоевропейцев. Особое внимание уделено результатам сравнительно-исторического языкознания, топонимике и археологическим находкам, позволяющим реконструировать хозяйство, верования и социальную организацию древних индоевропейских

племен. Анализируется вклад российских ученых и сравниваются отечественные и зарубежные исследования, что способствует более глубокому пониманию истоков индоевропейской цивилизации и будущих перспектив ее изучения.

Ключевые слова: индоевропейская прародина, сравнительно-историческое языкознание, археология, расселение, праязык, археологические культуры, топонимика, культурогенез, миграции.

Басов Д.С.

Сравнительный анализ политических режимов СССР и Аргентины в 1920-1930-е гг. XX в.

В статье проводится сравнительный анализ политических систем СССР и Аргентины в 1920– 1930-е гг. XX в. Исследуется соотношение конституционно-правовых норм и реального механизма осуществления власти. Актуальность темы обусловлена тем, что обе страны в межвоенный период пережили масштабную трансформацию институтов власти, однако пришли к различным моделям политической организации: в СССР сложилась централизованная однопартийная система мобилизационного типа, тогда как в Аргентине при сохранении конституционной формы республиканского государства произошло смещение к военно-консервативному контролю, опиравшемуся на переворот 1930 г., судебную легитимацию режима de facto и практики электорального и административного ограничения конкуренции. Объектом исследования выступают политические системы СССР и Аргентины в 1920– 1930-е гг. XX в. Предмет исследования составляют институциональные механизмы формирования и функционирования верховной власти, роль партий, армии, избирательного законодательства и правовых актов в обеспечении политического господства. Методологическую основу составили сравнительно-исторический, институциональный, историко-правовой и системный методы. Установлено, что сходство двух систем проявлялось в высокой степени централизации, в приоритете политической мобилизации над процедурной конкуренцией и в расширении роли государства в управлении обществом. Различия заключались в характере легитимации власти, партийной структуре, степени институционализации репрессии, конфигурации представительства и месте вооружённых сил в политическом механизме. Показано, что в СССР основой режима являлось слияние партии и государства, а в Аргентине – сочетание формального конституционализма с фактическим доминированием армии, исполнительной власти и консервативных коалиций.

Ключевые слова: СССР, Аргентина, политическая система, государственная власть, однопартийность, военный переворот, конституция, выборы.

Григорьев М.А.

Веспасиано да Бистиччи как культурный посредник: реконструкция интеллектуальных сетей Флоренции XV века

В статье осуществляется комплексный анализ деятельности флорентийского книготорговца и биографа Веспасиано да Бистиччи (1421– 1498) в контексте социальной истории знания эпохи Раннего Возрождения. Фигура Бистиччи рассматривается в качестве ключевого культурного посредника, чьи многоуровневые сети связали воедино мир гуманистической учености, экономическую мощь патронов-меценатов и ремесленное производство рукописной книги. Цель исследования заключается в реконструкции структуры и функциональных особенностей этих интеллектуальных сетей, основанной на критическом синтезе данных нарративных источников и архивных документов. Методологическую основу составляет комбинация просопографического анализа, источниковедческой критики и методов исторической антропологии. В результате доказано, что мастерская Веспасиано функционировала как централизованный хаб, обеспечивавший не только материальное воплощение гуманистических проектов, но и формировавший каналы циркуляции текстов, идей и эстетических стандартов в общеевропейском масштабе. Делается вывод о необходи-

мости переосмысления его роли от пассивного поставщика к активному архитектору флорентийской культурной среды Кватроченто.

Ключевые слова: Веспасиано да Бистиччи, Флоренция XV века, культурное посредничество, интеллектуальные сети, история книги, гуманизм, Медичи, рукописная мастерская, социальная история знания.

Давыдова О.А.

Власть или влияние: к дискуссии о политической роли царицы Арсинои II

В статье анализируется вопрос о наличии у Арсинои II реальной политической власти или влияния при дворе Птолемея II. В исследовании рассмотрены четыре группы аргументов, приводимых в качестве свидетельств власти Арсинои II: военные полномочия, официальные документы, близкородственный брак и иконография. Показано, что ни один из этих аспектов не доказывает формальных властных полномочий царицы, но подтверждает ее возможное влияние на Птолемея II.

Ключевые слова: эллинизм, Древний Египет, Птолемей II, Арсиноя II, династический культ.

Золхоев Б.В.

Об особенностях и исторических условиях присвоения апеллятивов (тронных имен) у шаньюев Южных Хунну

В статье рассматриваются особенности политической номенклатуры Южных Хунну, включающей как сам титул шаньюя, так и сопроводительные к нему официальные именаапеллятивы в контексте политических отношений Южных хунну и Китая. Предпринята попытка определить порядок и историко-культурные условия присвоения официальных тронных имен шаньюев Южных хунну периода правления китайских династии Хань, Вэй и Цзинь. В статье анализируются китайские исторические источники и исследования зарубежных исследователей.

Ключевые слова: Южные Хунну, шаньюй, система титулатуры, официальные тронные имена, династии Хань, Вэй, Цзинь, китайские исторические источники, зарубежные исследователи.

Игнатенко В.А.
Мошкова А.Д.
Синегубов С.Н.

Эволюция территориальных претензий в русско-японских отношениях: историко-правовой анализ и современные вызовы

В статье исследуется эволюция территориального спора между Россией и Японией вокруг принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и группы Хабомаи. Цель работы – проследить трансформацию характера и обоснования территориальных претензий от первых межгосударственных контактов в XVIII в. до современного этапа, выявив ключевые поворотные моменты, сформировавшие нынешнюю тупиковую ситуацию. На основе историко-правового анализа международных договоров (Симодского трактата, Портсмутского мира, Ялтинских соглашений, Сан-Францисского договора, Совместной декларации 1956 г.) и научных исследований рассматриваются факторы, влиявшие на динамику спора: военные конфликты, внешнеполитическое давление (включая роль США), внутриполитические изменения в обеих странах. Особое внимание уделяется современным вызовам – конституционным поправкам в РФ, прекращению переговорного процесса в 2022 г. и перспективам урегулирования в новых геополитических условиях.

Ключевые слова: российско-японские отношения, территориальный спор, Курильские острова, северные территории, историко-правовой анализ, Симодский трактат, Портсмутский мир, Сан-Францисский договор, Совместная декларация 1956 г., мирный договор, эво-

люция территориальных претензий, международное право, геополитика, Дальний Восток.

Кенер Г.В.

Эхо-камера как инструмент «исторической политики»: трансформация образа союзника и врага в медийном пространстве стран оси в 1930-1940-е гг.

В статье исследуется феномен эхо-камеры как инструмента реализации исторической политики в медийном пространстве стран Оси (Германии, Италии, Японии) в 1930-1940-е годы. На основе междисциплинарного подхода, объединяющего политологию, историю международных отношений и теорию коммуникации, анализируются механизмы создания замкнутой информационной среды в условиях тоталитарных режимов. Особое внимание уделяется трансформации образов союзников и врагов под влиянием пропагандистских нарративов. На примере нацистской Германии показано, как в рамках единой эхо-камеры конструировались и менялись до противоположности образы СССР (от партнера до расового врага), западных демократий и младших партнеров по Оси. Автор приходит к выводу, что исторический опыт 1930-1940-х годов демонстрирует высокий потенциал эхо-камеры как инструмента мобилизации общества и легитимации внешнеполитического курса через селекцию исторической памяти и формирование образов «другого», что сохраняет актуальность для анализа современных информационно-политических процессов.

Ключевые слова: эхо-камера, историческая политика, пропаганда, страны Оси, образ врага, Вторая мировая война, медийное пространство.

Корякин В.Н.

Формирование политического образа России в газете "The New-York Times" начала 1860-х гг. в контексте польского вопроса

Данная статья посвящена истории становления политического образа Российской империи на страницах номеров газеты "The New-York Times" (NYT) за период 1860-1862 гг. Для раскрытия темы выбрано освещение указанным изданием такой проблемы, как территориально-административная и полицейско-репрессивная политика царских властей на окраинах государства. В качестве конкретного примера выбрано одно из направлений внутренней политики российского правительства в виде польского национального вопроса, к которому редакторы NYT проявляли особый интерес. Анализируются и характеризуются выпуски издания за 1860-1862 гг. Впервые проводится исследование номеров NYT за указанный период с применением контент-анализа. В основу методологии положена теория ориентализма Э.В. Саида, раскрывающая западные стереотипы о «восточной деспотии». В конце статьи делается вывод о двух тенденциях в политических кругах империи, которые выделяли редакторы издания на примере польской политики: либерально-реформаторской и консервативно-реакционной.

Ключевые слова: польский вопрос, The New-York Times, политический образ России, пресса США, Великие реформы в России.

Упоров И.В.

«Рабочий вопрос» (социальные гарантии) в российских министер-ских законопроектах (начало XX века)

В статье рассматривается актуализация «рабочего вопроса» (социальное страхование рабочих промышленных предприятий) в начале XX в., когда проблематика стала максимально значимой и обозначила новый вектор развития государства. Акцент делается на анализе проектов законодательных актов, которые регулировали институт страхования рабочих. Соответственно исследуются также иные официальные документы, императорские указы, статистические данные, научные труды, в которых затрагивается данная проблематика. Отмечается, что «рабочий вопрос» в России все чаще становился в повестку дня после отмены крепостного права, когда в России более высокими темпами стала развиваться про-

мышленность, на этот счет принимались некоторые акты, однако кардинально проблема не решалась. С начала XX в., когда в России расширилось революционное движение, участниками которого были прежде всего рабочие, власть проявила необычайную активность, и в правительственных структурах, и прежде всего в министерствах, на разных уровнях формировались соответствующие законопроекты, один из наиболее существенных был разработан комиссией во главе с министром финансов В.Н. Коковцевым. В дальнейшем наиболее важные проекты после длительного обсуждения были приняты Государственной Думой в 1912 г., они во многом были схожи с законами развитых государств. Однако внедрить эти законы не удалось - Первая мировая война перечеркнула планы российской власти претворить, наконец, в жизнь долгожданные обществом страховые законы, а свершившаяся в 1917 г. октябрьская революция привела к власти большевиков, которых законы империи уже не интересовали.

Ключевые слова: «рабочий вопрос», страхование, министерства, законопроекты, комиссии, больничные кассы, правительство, капитал.

Тимербулатов Т.А.
Юсупов Р.Г.

Исторический опыт развития системы обеспечения информационной безопасности в РСФСР в 1929–1941 годах. Часть 2. Правовые основы обеспечения информационной безопасности, развитие института тайны и организация защиты информации

Обеспечение информационной безопасности – процесс системный, и молодое советское государство формировало эту систему с первых дней существования. Однако по мере изменения условий развития государства, включая угрозы и возможности, менялась ситуация в информационной сфере. Научный интерес представляет вопрос, как менялась система обеспечения информационной безопасности в сложных реалиях 1930-х годов, когда власть противостояла серьезным внешним и внутренним угрозам государственной стабильности и независимости. В части 2 настоящей статьи изучены правовые основы обеспечения информационной безопасности, особенности развития института тайны и организации защиты информации. Установлено, что в целях противостояния внешним угрозам государство сконцентрировалось на засекречивании информации. Особое внимание уделялось военной тайне. Одновременно ужесточалось уголовное законодательство в сфере защиты секретной информации, особенно военной (шпионаж и разглашение тайны, недонесение о соответствующих действиях приравнивались к измене Родине). Преодоление внутренних угроз стабильности государства осуществлялось без изменения норм уголовной ответственности, но тоже жестко. Запустив механизм масштабного преследования за распространение информации, противоречащей текущей экономической политике, государство ликвидировало препятствия для осуществления плана форсированного экономического прорыва СССР, нацеленного прежде всего на укрепление безопасности и обороноспособности государства.

Ключевые слова: информация, защита информации, обеспечение информационной безопасности, государственная тайна, военная тайна.

Напсо М.Б.
Агирбов Т.Р.

К вопросу о становлении коммуникационных систем, опосредованных использованием технологии искусственного интеллекта

В статье изучаются особенности взаимодействия человека и искусственного интеллекта с точки зрения развития новой системы коммуникаций и в соотношении с привычными практиками общения. Признается факт создания особого вида общения – коммуникации при посредничестве искусственного интеллекта и с ним самим, хотя отрицается возможность признания ИИ в качестве самостоятельного субъекта общения. В качестве аргумента в пользу непризнания ИИ новым субъектом коммуникации, способным к полноценному диалогу,

приводится феномен неравного общения не с себе подобным, факт кардинальных различий между человеком и алгоритмами и отсутствие возможности у каждого отдельно взятого пользователя влиять на процесс их работы. Утверждается тезис о расширении практики псевдокоммуникаций, о готовности индивида их использовать во все большем объеме, что имеет под собой совокупность объективных и субъективных причин. Сделан вывод о том, что на современном этапе возможна постановка вопроса о «социализация» ИИ в качестве «неокоммуниканта», что зависит от самого пользователя в той же мере, как и от качества алгоритмов, и требует выработки форм и практик, адаптивных механизмов, соответствующих существу алгоритмической коммуникации. Ее успешность поставлена в зависимость от уровня развитости общения в системе «человек-человек». В силу этого сделан акцент на перспективность взаимодополняющего соразвития алгоритмической и человеческой коммуникации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, псевдокоммуникация, алгоритмическая коммуникация, цифровые агенты коммуникации, техносоциальная коммуникационная среда.

Шамрина Е.А.

К вопросу о формировании народного ополчения в Воронежской губернии в 1805-1807 гг.

Статья посвящена вопросу формирования народного ополчения в Воронежской губернии в 1805-1807 гг. Цель статьи – проанализировать государственные шаги по формированию всеобщего ополчения как исконной народной формы вооруженных сил. В условиях феодального общества основной целью государства в данной ситуации было не только укрепить армию и обороноспособность страны перед лицом надвигающейся угрозы, но и сохранить землевладельцев. В статье анализируется опыт формирования народного ополчения, которое по планам должно было составить 61 тыс. чел, участие губерний в данном процессе, а также сложности, с которыми столкнулись при решении поставленной задачи на местах. Автор отмечает, что большая роль, как в формировании, так и обеспечении готовности ополчения к ведению боевых действий, принадлежит российскому дворянству. Дворянство высочайшим Манифестом Императора накануне войны с Наполеоном как верная и крепкая опора российского престола призывалась к самому деятельному участию в формировании народного ополчения, особенно в тех губерниях, где остро наблюдался недостаток офицерских кадров.

Ключевые слова: народное ополчение, милиция, война с Наполеоном, российское дворянство.

Шевелёв В.Ю.

Правовое положение учителя в России во второй половине XIX – начале XX века

В статье на основе анализа законодательных актов («Устав о службе по определению от правительства», уставы гимназий, реальных и начальных училищ), ведомственной статистики и делопроизводственных материалов реконструируется сложная иерархия правового статуса учителей в Российской империи пореформенного периода (1864–1914 гг.). Рассматривается ключевое для эпохи разделение на «служащих» (чиновников) и «наемных работников». Выявляются основные линии эволюции статуса педагогов: сближение правового положения преподавателей средней и начальной школы (через институт пенсионных касс) и, главное, стремительное уравнение в правах учителей-мужчин и учительниц, что стало важнейшим фактором профессионализации и феминизации педагогического корпуса. Особое внимание уделяется региональной и национальной политике в отношении учительства, а также разрыву между формальными требованиями к квалификации и реальным уровнем подготовки массового учителя. Делается вывод о незавершенности и противоречивости процесса унификации правового статуса педагогов накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: история образования, Российская империя, правовой статус учителя, государственная служба, гимназия, начальная школа, народный учитель, земство, женское образование, профессионализация.

Насибуллина Е.Д.

Характеристика Карима Хакимова на основе иностранных источников

Карим Хакимов (1892-1938) - выдающийся дипломат, чья деятельность на Арабском Востоке привлекает особое внимание исследователей уже на протяжении многих лет. Назначение его Генеральным консулом и дипломатическим агентом Советского Союза (СССР) в королевстве Хиджаз в 1924 г. было чрезвычайно важным событием в укреплении внешнеполитических связей и дипломатического присутствия Советского Союза в данном регионе. Его опыт работы на Арабском Востоке придает ему особую экспертность и позволяет проливать свет на ключевые аспекты взаимоотношений между странами. Актуальность исследовательской работы усиливается в связи со столетием назначения Карима Хакимова на новую должность и начала формирования крепких и устойчивых отношений между двумя молодыми странами.

Ключевые слова: Карим Хакимов, советская дипломатия, Советский Союз, иностранные источники.

Пенпеджи Нагехан

Состояние женского образования в мусульманской среде России в первой четверти XX века

Несмотря на то, что в первой четверти XX века среди мусульман России стали активно предприниматься шаги по модернизации образования и социокультурной жизни, инициативы в области женского образования значительно отставали от общих процессов. Метод Усуль-и Джадид (новый метод) Исмаила Гаспринского имеет важный роль не только для модернизации системы образования, но и как система, в которой женщины впервые были включены в образовательную сферу. До этого образование девочек среди мусульман России ограничивалось обучением домашним делам под руководством матерей, а также получением базовых религиозных знаний лишь небольшим числом девочек от жен имамов и мулл в мектебах и медресе, открытых при мечетях. Однако в первой четверти XX века импульс модернизации затронул и девочек. Данное исследование фокусировано на вовлечению девочек в образовательный процесс под влиянием метода усул-и джадид и созданию первых школ девочек среди мусульман России в первой четверти XX века.

Ключевые слова: Мусульмане России, усул-и джадид, школы девочек, Волга-уральские татары, Центральная Азия.

Абрамов Д.М.

Этнополитическая история. Первая русская политическая эмиграция (первая половина XIII века)

В истории Балтии и России первый случай, положивший начало появлению там русской политической эмиграции в лице конфессионально-индифферентной и прогермански настроенной русской феодальной аристократии имел место в первой половине XIII века. Первым выходцем из Русских земель в Балтию стал Псковский князь Владимир Мстиславович. По его стопам пошёл его сын – Ярослав Владимирович. Местом сосредоточения русской эмиграции стал эстонский город Оденпе. Орденские немцы и рижский епископ полностью поддерживали Ярослава Владимировича, пытаясь громить русских соседей руками соплеменников, принявших их сторону. Следом, в Оденпе потянулось новгородское боярство, настроенное враждебно по отношению к политике Великих князей Владимиро-Суздальской земли. после освобождения Пскова князем Александром Невским, вслед за новгородским боярством в Оденпе пришли псковские бояре во главе посадником Твердилой. Отметим, что число эмигрантов - князей и бояр вместе с семьями, челядью и дружинами в Чудской земле могло достигать трёх – четырёх тысяч человек. Следовательно, под рукой князя Ярослава Владимировича сплотилось несколько сотен боярских дружин и отрядов, имевших немалый боевой опыт и являвшейся серьёзной военно-политической силой. Итоги военно-политической деятельно-

сти русской эмиграции в Чудской земле оказались явно неудачными. Новгородская и псковская феодальная элита, явно просчиталась, сделав ставку на союз с западными завоевателями. За тридцать – тридцать пять лет существования русской эмиграции в Чудской земле она была разгромлена в военном и политическом отношении. Остатки её частично возвратились на Родину, частично были поглощены и ассимилированы западными завоевателями.

Ключевые слова: Балтия, город Оденпе, Хроника Ливонии, Русская эмиграция, Псковский князь, Псков, Новгород, Великий князь Владимиро-Суздальский.

Абрекова Ж.А.

От плаката к цифровым технологиям: эволюция каналов и методов вербовки молодёжи в идеологических практиках XX – начала XXI вв.

В данной статье проводится сравнительно-исторический анализ трансформации каналов и методов вербовки молодёжной аудитории. Автор проводит параллельный анализ стратегий государственных идеологических аппаратов середины XX века и современных экстремистских организаций, выявляя как преемственность базовых принципов воздействия, так и качественные изменения в подходах к формированию сознания. На основе комплексного изучения разнообразных источников – от архивных материалов исторических пропагандистских кампаний до современных цифровых артефактов (закрытые Telegram-каналы, пропагандистский видеоконтент, социальные медиа) – в работе выделяются ключевые векторы эволюции вербовочных практик. Исследование демонстрирует переход от монологической модели коммуникации к диалогической интерактивности, от массового унифицированного воздействия к персонализированной кастомизации контента, а также от идеологической ригидности к миметической адаптивности, позволяющей экстремистским структурам эффективно интегрироваться в цифровую среду.

В заключении делается вывод о формировании новой, гибридной модели вербовки, которая синтезирует традиционные идеологические нарративы с инновационными цифровыми технологиями. Эта модель характеризуется способностью адаптироваться к меняющимся медийным ландшафтам, создавая сложные системы воздействия, сочетающие эмоциональную вовлечённость с рациональной аргументацией. Полученные результаты имеют важное значение для разработки современных стратегий противодействия экстремистской пропаганде и понимания механизмов формирования коллективной идентичности в условиях цифровой трансформации общества.

Ключевые слова: молодёжная вербовка, пропаганда, экстремизм, цифровая реальность, историческая эволюция, медиа, коммеморативные практики.

Аджер Х.Г.

Развитие экономической деятельности в крепостях Святой Крест и Кизляр на Кавказе

В данном исследовании рассматривается развитие экономики Кавказского региона в XVIII–XIX веках на примере крепостей Святой Крест и Кизляр. Эти территории выделялись не только своей военной системой, но и со временем превратились в важные торгово-экономические центры. Предоставленные армянским и грузинским купцам привилегии в крепости Святой Крест способствовали развитию сельского хозяйства, животноводства и торговых отношений в регионе. Основанная в 1735 году крепость Кизляр, обладая многоэтнической структурой, придала экономике региона более устойчивый и диверсифицированный характер. Если в крепости Святой Крест развивалась торговля вином, табаком и зерном, то в Кизляре также активно осуществлялась торговля хлопком, рисом и виноградом. Таким образом, данное исследование направлено на анализ экономической структуры России в Кавказском регионе.

Ключевые слова: крепость Святой Крест, крепость Кизляр, Кавказ, торговля, экономика.

Abstracts

Dolgenko A.N.
Kosyreva M.S.

Overcoming the variability of spelling norms in the dictionaries of the new generation of the Russian language

The article provides a brief overview of the new generation of dictionaries, which enshrine the norms of the Russian language as the state language of the Russian Federation, prepared in accordance with Federal Law No. 52 and approved by the Government of the Russian Federation. The authors pay special attention to the problem of overcoming the variability of the spelling norm.

Key words: Russian language, dictionaries, orthography.

Ivanov M.O.
Slobodnyuk S.L.

Representation the concept of «motherland» in the poetical heritage by M.Yu. Lermontov

This article analyzes M.Yu. Lermontov's poetry within the framework of cognitive linguistics. The fundamental concept of this discipline is the concept. The term has a broad interpretation: it is not only a nomination or a sign, but also an association. The concept is revealed in the connection of words with context, without losing its basic foundation – literal or direct meaning. Therefore, deciphering this process is an interesting procedure. Using Mikhail Lermontov's poetry as an example, this paper analyzes the representation of the concept «MOTHERLAND». The research methodology is relevant and modern, focusing on cognitive science in general and the work of cognitive scientists in particular. The works of N.D. Arutyunova, E.S. Kubryakova, V.Z. Demyankov, Yu.S. Stepanov, and others formed the basis for this study. This work is controversial, as cognitive linguistics is not only a literal record of language changes but also a perspective on its development. In our view, M.Yu. Lermontov's poetic discourse openly objectifies the lexeme «MOTHERLAND» in an expansive manner. The poet's goal is to express important ideas in various narrative forms, on distinct planes. At the same time, Lermontov's lyric poetry constitutes a unified layer of Russian literature, dialogically sustained in its connections with the 19th century and even with the legacy of the past. Thus, a conceptual analysis of M.Yu. Lermontov's poems within the framework of the representation of the concept of «MOTHERLAND» is objective, relevant, and important. The article's materials can be used in the study of the poet's work, as well as the history of Russian literature in general.

Key words: M.Yu. Lermontov, lyrics, concept, language, Motherland, association, style, author, meaning.

Batyreva M.K.
Zavyalova Y.A.

Speech strategies and tactics of Russian public service advertising of family values

The article examines speech strategies and tactics in Russian public service advertising promoting family values. Based on advertising texts from 2022-2025, four dominant strategies are identified: positioning family values, emotional engagement, establishing trust, and pragmatic inducement. Each strategy is implemented through specific tactics. The results demonstrate the variability and interaction of linguistic means that provide a comprehensive impact on the audience.

Key words: social advertising, family values, speech strategy, speech tactics, speech influence, pragmatics.

Bryukhacheva Y.A.
Vyshchepolskaya E.V.

Main directions and trends of linguocultural research in China

The growing body of linguocultural studies in China necessitates a systematic review of their

thematic and methodological orientations and their contribution to linguistics. The article analyzes principal directions and methodological trends of Chinese linguocultural studies, identifying specific features and lacunae in research on concepts (仁 rén, 礼 lǐ, 和 hé, 家 jiā, 面子 miànzi). A combined approach was applied: historico-genetic analysis, thematic classification, comparative analysis and synthesis of corpus-based and discourse methods on the basis of key publications. Major thematic clusters are described (study of concepts; translation studies; phraseology; pedagogy; discourse research); a methodological synthesis (philological + corpus + discourse) and institutional consolidation of the field are demonstrated. Chinese linguocultural studies have formed an autonomous scholarly school with a marked applied orientation; integration of cognitive models and expansion of multilingual / diachronic corpora are required. The paper discusses theoretical and applied implications: challenges of transferring culturally dense concepts in translation and implications for teaching methodology.

Key words: linguacultural studies, Chinese school, concepts, methods, translation studies, methodological synthesis, pedagogy, discourse analysis.

Davlatzoda Rukhsora

Some considerations on 10th–13th century historical chronicles on multilingualism and text translation

The given article dwells on recording references found in historical chronicles of the 10th–13th centuries, such as the translation of "Tarikh-i Tabari" by Abu Ali Bal'ami, "Zayn al-akhbar" by Abu Sa'id Gardizi, the translation of "Tarikh-i Yamini" by Abu al-Sharaf Jurfa diqani, and "Gharar al-siyar" by Abu Mansur Sa'alibi. Proceeding from the assumption of the material from such historical works, the author demonstrates that, alongside other medieval works, they contain observations related to language and linguistics, the usefulness of knowing multiple languages, and the translation of texts. Based on the collected material, it is shown that a conscious and responsible translation of the original text into another language will enable the reader to grasp the inner content of the text; otherwise, it may cause the loss of the text's refinement and artistry.

Key words: historical chronicles, 10th–13th centuries, "Tarikh-i Tabari", "Zayn al-akhbar", translation of "Tarikh-i Yamini", "Gharar al-siyar", text, culture of speech, eloquence, translation, Tajik language, Arabic language, nature of languages, comparison.

Diabaté Dauda
Adu S.S.

Analysis of textbooks for studying types of Russian verbs for foreign students at level B2

The article presents a comprehensive analysis of modern textbooks on the study of types of Russian verbs for international students at the B2 level. The purpose of the study is to identify the linguistic and didactic potential of educational materials, determine the optimal principles of semantic grouping of verbs and develop strategies to overcome difficulties of using Russian verb types by foreign students. Attention is paid to the presence or absence of language, speech and communicative excercises in the analysed textbooks. The article analyzes 10 modern textbooks using comparative and content analysis methods. The typology of exercises presented in modern manuals on aspectology is revealed: language, speech and communicative. Recommendations are formulated for improving educational materials, including optimizing the principles of verb grouping, eliminating sources of negative interference, and introducing contrastive teaching methods.

Key words: Russian as a foreign language, verb types, aspectology, textbooks, level B2, semantic grouping of verbs, foreign students, contrastive linguistics, language, speech, communicative, aspects of the verb.

Egorova M.R.
Tutynin K.F.

The place of institutional discourse in the system of the national language

The article explores institutional discourse as a mechanism for the standardization and preservation of linguistic norms within the context of Russian national identity. Based on an analysis of 700 thousand words of official texts, key features of the discourse are identified: lexical standardization, grammatical rigor, and structural regulation [5]. The study demonstrates that governmental documents not only normalize language but also reflect cultural values, reinforcing their role as the "language of the state." Particular emphasis is placed on comparisons with pre-revolutionary decrees, Soviet-era regulations, and Western counterparts, highlighting continuity in norms and cultural differences. The findings are applicable to the development of document design standards, business communication teaching, and the analysis of Russian language evolution in the context of digitalization.

Key words: institutional discourse, national language, official style, language standardization, corpus linguistics, digitalization of public services, Russian culture.

Eremina O.V.

Using digital technologies to enhance motivation of non-language university students learning English: the potential of digital platforms in higher education

The paper examines how digital educational technologies can enhance learning motivation of non-language university students studying English, using courses at Moodle platform as an illustrative learning management system widely employed in higher education. The study aims to substantiate lingudidactically relevant motivation mechanisms supported by the system and propose a course designed model grounded in motivation constructs. The framework integrates (1) Self Determination theory, (2) established perspectives on second foreign language motivation, and (3) principals of digital pedagogy. The results map core system's functionalities (progress and completion tracking, badges, interactive tasks and quizzes and tests, communication tools and learning analytics) onto motivational mechanisms and typical motivation deficits among non-language majors. The paper argues that purposeful design increases engagement by making learning process transparent, providing feedback, enabling personalization and strengthening social interaction with tutor. A practical output is a sample of a course for university English in a non-language programs, including tool selection and indicators for monitoring motivational dynamics.

Key words: digital educational technologies, digital platform, motivation, non-language majors, English language learning, tool, blended learning, learning analytics.

Ibragimova R.A.

Theoretical views on comparative analysis of morphological peculiarities of Tajik prepositional verbal phrases and their English equivalents

The given article dwells on the comparative analysis of the morphological features of prepositional verbal phrases in Tajik and English. Unlike previous studies, which focused on isolated prepositions, this article analyzes the structural correlation between Tajik compound verbs (with prepositions or nominal elements) and English phrasal verbs. The empirical basis for the study was a corpus of examples extracted from Sadriddin Aini's novel "Slaves" ("Gulomon"), a classic example of modern Tajik prose. The study found that Tajik prepositional verbal phrases exhibit an analytical structure with a fixed component order and the absence of grammatical gender, while English phrasal verbs are characterized by greater semantic idiom and morphological fusion.

The findings have not only theoretical but also practical significance - they can be used in teaching English to Tajik audiences, in literary translation, and in the development of lexicographic resources. Further research in this area, using a larger corpus and experimental methods, will deepen our understanding of the mechanisms of interlingual interaction and create more sophisticated models for automated text processing.

Key words: Tajik and English, prepositional verb phrases, phrasal verbs, comparative typology, morphology, "Gulomon" by S. Aini, theoretical and practical significance, morphological features, mechanisms of interlingual interaction, sophisticated models.

Millerova A.E.
Tsoi N.G.

Methods of adaptation and degrees of assimilation of Anglicisms in the Chinese language

The article examines the methods of adaptation of Anglicisms in the modern Chinese language. Following K.E. Kokhonova, three levels of borrowing acquisition are distinguished (phonetic, grammatical, orthographic) along with three corresponding degrees of assimilation (non-assimilated, partially assimilated, fully assimilated). The research material consists of data from an original survey of Chinese students, which made it possible to compare the formal degree of assimilation of Anglicisms with their actual functioning in the speech of native speakers. It is shown that native speakers' attitude towards a borrowing does not always correlate with its formal degree of assimilation, which necessitates taking sociolinguistic factors into account.

Key words: anglicisms, Chinese language, borrowings, assimilation, adaptation, graphic hybrids, sociolinguistic survey.

Pavlova A.V.

The concept of "North" in the poetic discourse of Alaska: structure, representation, and national-cultural specificity

Objective: This article aims to conduct a comprehensive analysis of the multidimensional structure of the concept "North" (its notional, figurative, and evaluative layers) based on the poetic discourse of contemporary Alaskan poets. It also seeks to determine the national-cultural and individual authorial specifics of its representation within the context of cultural linguistics and cognitive linguistics.

To achieve this goal, the following tasks are addressed:

1. To examine the theoretical foundations of concept studies in modern cognitive linguistics and cultural linguistics, defining the structure of the concept and methods for its analysis.

2. To identify the structural features of the poetic concept "North" and characterize the linguistic means representing its layers.

Theoretical and Methodological Framework: The research is grounded in the principles of cultural linguistics and conceptology (V. A. Maslova, S. G. Vorkachev).

Research Methods: The study employs purposive sampling at the data collection stage. At the analytical stage, conceptual analysis, widely used in cultural linguistics, is applied.

Sources: The research material consists of poems by contemporary Alaskan poets: Abigail Chabitnoy, Joan Naviyuk Kane, and Carrie Ayagaduk Ojanen. These poets were chosen because their works are untranslated and understudied in Russia; they reflect the specific value-based attitudes towards the phenomenon of the North, and their texts, as revealed during the analysis, are highly informative for this study.

Key words: concept "North", cultural linguistics, cognitive linguistics, poetic discourse, contemporary Alaskan poetry, three-layer structure of the concept, linguistic worldview, Indigenous peoples of Alaska, identity, decolonization.

Sodiqova R.A.

Review of research on English and Tajik grammar

The given article dwells on the study of research on the grammar of English and Tajik languages. It is noted that language is the most important means of human communication, through which people express thoughts to each other and comprehend each other's thoughts during interaction. It should be stated that the grammar of a language forms its fundamental basis. The author has endeavored to provide detailed information regarding the views of Tajik, English, and Russian researchers who have conducted studies related to the grammar of the aforementioned languages.

Parts of speech constitute a special grammatical category, holding a specific order and status in each language, and are determined by distinguishing their morphological and syntactic features.

The lexical-grammatical classification of parts of speech allows for the clear elucidation of the lexical, morphological, and syntactic characteristics of each word group. Grammar is the main means of expression and comprehension in any language, providing a scientific basis for strengthening linguistics and learning foreign languages.

Thus, Tajik and English grammar remains a constant focus of researchers in the field. In the modern era, their comparative study holds particular scientific significance for revealing homonymous and heteronymous, synonymous and heteronymous, homofunctional and heterofunctional forms and categories, and for determining the commonalities and specificities of these languages from a grammatical perspective.

Key words: Tajik and English grammar, modern research, commonalities and specificities of languages, homonymous and heteronymous categories, synonymous and heteronymous meanings, homofunctional and heterofunctional roles, views of Tajik, English and Russian researchers.

Fidorenko E.A.

Nuclear-peripheral organization of phraseological semantic groups "good" and "evil" (based on the works of J. Sand's collection "Contes d'une grand-mére", 2007)

The article is devoted to the identification and analysis of the core-peripheral organization of the phraseosemantic groups «good» and «evil» in G. Sand's collection of literary fairy tales «Contes d'une grand-mère». The relevance of the study is determined by the need to study the methods of linguistic objectification of ethical categories in a literary text, where phraseological units act not only as nominative means, but also as an instrument of philosophical reflection, reflecting the author's individual picture of the world. Based on the material of the collection «Contes d'une grand-mère» and using the methods of phraseological, contextual and classificatory analysis, as well as the principles of the field approach, a corpus of stable expressions marking ethical meanings was identified and systematized. It was established that the phraseosemantic groups «good» and «evil» are organized according to the core-peripheral principle: the core represents good as an immanent property, and evil as physical violence; The perinuclear zones concretize modes of action (compassion, friendship, institutionalized coercion, and verbal aggression); the periphery introduces reflexive meanings (the simulation of good, the fatality of evil, and protective practices), complicating the binary opposition. As a result, it has been demonstrated that phraseological units in G. Sand's fairy tales serve as a tool for transforming the genre canon, allowing for the synthesis of folklore tradition with romantic aesthetics and natural philosophical issues; the core-peripheral organization of phraseosemantic groups serves not only as a means of systematizing linguistic material but also as a significant element of the author's poetics, ensuring the transition from a naive and didactic model of morality to philosophical reflection.

Key words: phraseosemantic group, good, evil, nuclear-peripheral organization, literary fairy tale, G. Sand, phraseology, opposition.

Khalil Y.T.

Syrian state television in the 2011–2024 crisis: shaping collective memory and national identity

The article analyzes the media discourse of Syrian state television (Syrian Arab Television) as a mechanism for constructing national identity and collective memory during the sociopolitical crisis of 2011–2024. The study focuses on the structural features of the channel's content and its role in shaping interpretive models of Syrian society during the armed conflict. Particular attention is paid to dominant thematic categories (security, sovereignty, national unity, cultural identity, historical memory, traditional values) and the distribution of discursive strategies across news, analytical, cultural-educational, and historical-documentary programs.

Based on qualitative content analysis, it is shown that television functions as a multi-layered system combining informational, interpretive, and symbolic levels of representation. The study takes into account uneven media accessibility, which limits audience reach and narrative effectiveness.

The findings reveal the specific nature of state television as a tool for symbolic consolidation in crisis conditions.

The scientific novelty lies in the comprehensive analysis of Syrian Arab Television's media discourse as a multi-layered system. For the first time, the functional distribution of thematic categories and discursive strategies across program types has been identified, along with the impact of uneven media accessibility.

Key words: Syrian television, national identity, collective memory, sociopolitical crisis, media discourse, cultural identity, symbolic consolidation.

Khamidova M.N.

Causativity and modality: a comparative aspect (based on English and Tajik)

This article presents a comprehensive comparative study of causative constructions in English and Tajik, examined through the prism of their modal and evaluative potential. Drawing on data from cross-linguistic systems, the study analyzes the mechanisms by which a causative act is transformed into a tool for transmitting modal meanings of possibility, necessity, and desirability.

The author substantiates the thesis that the causative predicate functions as a dominant modal center, determining the presuppositional and axiological framework of the utterance. The research establishes a hierarchical scale of volitional influence: from rigid factitive causation (coercion), generating deontic necessity, to permissive sanctioning, which objectifies the modality of possibility.

Special attention is paid to the anthropocentric nature of causation, where the choice of lexical units (e.g., force vs persuade / мачбур кардан vs бовар кунондан) predetermines the subjective-emotional evaluation of the event. It is established that in both languages, the causative situation represents a complex pragmatic complex in which the grammatical "cause-effect" relationship is inextricably linked with the intentional settings of the subjects. The results of the study contribute to the general theory of modality, linguistic typology, and contrastive linguistics.

Key words: causativity, modality, factitive causation, permissive causation, voluntativity, contrastive linguistics, axiological evaluation, deontic necessity, intentionality, matrix predicate.

Shatskaya Zh.Yu.

The core elements of a positive athlete media image: insights from the «AlinaZagitova» blog

The article presents findings from explicating an athlete's media image in the Russian blogosphere. It was established that the dominant element in a positive media image lies in the linguistic objectification of thematic dominants related to professional activities, participation in creative and advertising projects, as well as playing roles and leisure activities.

It was revealed that the key characteristics of an athlete's media image exhibit a dialogic nature, coupled with emotionality and openness. Within the Russian blogosphere, athlete is perceived and objectified as multifaceted individual who utilizes his potential across public spheres and pursues self presentation.

The aim of our work is to reconstruct a fragment of the athlete's media image based on data from the Russian blogosphere.

Key words: media image, mass media, media space, blogosphere.

Batalov A.A.
Grushina E.B.

Parallelism and lexical repetition in the realisation of the emotional-evaluative component (based on the novel "Jade city" by Fonda Lee)

The article examines the specifics of the realisation of the emotional-evaluative component in artistic text at the syntactic level. The present analysis is focused on establishing the relationship between the syntactic organisation of a statement and its pragmatic effect on the reader. The objective of the present study is to identify the structural and semantic features of lexical repetition

and parallelism, as well as to determine their significance in shaping the emotional expressiveness of a text.

Key words: emotional-evaluative component, artistic text, syntactic means, parallelism, lexical repetition.

Yakutina E.N.

The use of radio for propaganda and public consent under the Fascist regime in Italy from 1922 to 1939

The article studies the evolution and features of fascist censorship in Italy 1922-1939. in order to deepen the understanding of the propaganda impact of the state on society. The history of fascist censorship has been studied in its development and structuring by the authorities as a comprehensive system of party-state control over all spheres of society. Previously unused archival documents were put into scientific circulation. In March 1933, a propaganda ministry was created in Germany, after the visit of its head Goebbels to Italy, censorship was tightened and G. Ciano was appointed head of the Press Committee, who carried out a reform of the department by analogy with the Goebbels ministry. The process of concentration and centralization of censorship management received a logical conclusion in 1935, when the committee was transformed into a ministry. In the country, the possibilities of the legal spread of ideological values alternative to fascism were completely eliminated. The repressive apparatus, including censorship, created such a public infrastructure that allowed and stimulated the rapid development of only one subculture - the fascist. The study shows that the system of total ideological pressure was more punitive, performed control-prohibitive and manipulative functions, was subordinated to the goal of building a society of consent.

Key words: history of Italy, fascism, censorship, consensus, structural violence.

Hu Wenxiu

Yang Jie and Sino-Soviet Diplomacy (1937–1940)

The period from 1937 to 1940 became a key stage in the transition of China's War of Resistance against Japanese Aggression to a stalemate, as well as an important stage in the deepening and at the same time hidden worries of Sino-Soviet relations in the context of the war. Yang Jie, acting as the head of the Military Delegation of the National Government of China and the Ambassador of China to the Soviet Union, became the central executor of Sino-Soviet diplomacy during this period. With his profound military literacy, good understanding of the Soviet Union and flexible diplomatic strategies, he contributed to the achievement of numerous agreements between China and the Soviet Union in the fields of military assistance, credit cooperation and personnel exchanges, providing China with valuable external support in the War of Resistance. Based on Yang Jie's diplomatic practice, taking into account the international situation and the strategic interests of both countries, this paper examines the specific measures taken by him in Sino-Soviet diplomacy, analyzes the results and limitations of his diplomatic activities, explores the interaction between his personal role and the historical context, and reveals the complexity and particularity of Sino-Soviet diplomacy during this period.

Key words: Yang Jie, Sino-Soviet relations, military diplomacy, Sino-Japanese War, Chinese Ambassador to the Soviet Union.

Sodikov S.R.

Natural-climatic conditions and historical-geographical features of the Tajik part of the Mirzachul plain

This article examines the natural-geographical characteristics of the Mirzachul Plain, including its relief, climatic conditions, and their significance for the formation of an artificial irrigation system. The sharply continental nature of the region's climate, the deficit of precipitation, and the decisive role of water management infrastructure in the development of agriculture are emphasized. Special attention is given to the political and administrative decisions of the late 1950s, which resulted in 50.5

thousand hectares of Mirzachul lands being transferred from the Uzbek SSR to the Tajik SSR as compensation for territories flooded by the Kayrakkum Reservoir. The process of legally formalizing the change of borders between the union republics and its ideological justification in the spirit of "friendship of peoples" is analyzed in detail. The significance of comprehensive development of irrigated lands for the region's economic growth and the increase of cotton production in the 1960s–1970s is revealed. The article concludes that, despite challenging natural conditions, Mirzachul transformed into one of the key centers of Soviet agricultural policy.

Key words: Mirzachul Plain, irrigation and land reclamation, sharply continental climate, water management infrastructure, changes in the borders of union republics, Tajik SSR and Uzbek SSR, Kayrakkum Reservoir, development of virgin lands, cotton-growing, Soviet agricultural policy.

Mayer V.D.
Semenova E.Y.
Sinegubov S.N.

The formation of Elizabeth Tudor's personality: the childhood and youth of the great monarch of England

This article examines the development of Elizabeth Tudor's personality, examining her childhood and adolescence, which were marked by many controversial moments, from the death of her mother, Anne Boleyn, to the reign of her sister, Mary Tudor. By examining these periods of her life, which undoubtedly influenced the future monarch's reign and life, we can gain a deeper understanding of the contradictory and multifaceted Elizabeth I Tudor.

Key words: Elizabeth I Tudor, Anne Boleyn, Henry VIII, Mary, illegitimate children, Edward, heir, education, childhood, youth.

Reshetnikov G.V.

The socio-political debate surrounding the creation of the Federal Reserve System (FRS) in the United States at the beginning of the 20th century

This article explores the creation of a new regulatory authority responsible for overseeing the emission of money in the United States. The issue of establishing such a regulatory authority in the United States was actively debated by various segments of the population and government circles throughout the late 19th and 20th centuries. It became a topic of particular interest following the end of the Civil War (1861-1865) in connection with the ongoing restructuring of the country's financial system. Following the economic crisis of 1893, the issue shifted from theoretical to practical. It presents arguments explaining why bank owners were most eager to establish a monetary regulator. The ultimate reasons for the creation of the Federal Reserve System are analyzed in detail. The mechanisms by which public opinion influences the creation of a monetary regulatory authority are described. The public institutions that influenced and influenced the government in addressing this issue are shown. The article describes the struggle for the creation of the Federal Reserve System between two influential parties in the US Congress at that time – the Republican and Democratic Parties.

Key words: gold standard, exchange rate corridor, silver standard, greenback, dollar, credit.

Makarov G.A.

Regulatory framework government care for teachers in the Russian Empire

The study is devoted to the analysis of the regulatory framework of government care for teachers in the Russian Empire in the XVIII – early XX century. It examines the evolution of legislative acts regulating the legal status, financial status and social protection system of teachers. The main attention is paid to the key stages of public policy formation: from the introduction of the first school charters and the inclusion of teachers in the Table of Ranks to the creation of the institute of trustees, inspectors and centralized pension provision mechanisms. A special place is occupied by the study of the transition from the estate-status model to the system of guaranteed financial

support for teaching. The work reveals the main trends in the development of guardianship, its contradictions and limitations, and also emphasizes the importance of state support in the development of a professional teaching staff.

Key words: legal regulation, teachers, Russian Empire, guardianship, education, social protection, pension provision, legal status.

Agarkova M.I.

The early stages of Indo-European history: according to domestic linguists and archaeologists

The article deals with the problems of patriotic education of young people during the formation of the Donetsk People's Republic. In the constantly changing socio-cultural conditions, the need for the formation of new attitudes to the development of spirituality, morality and patriotism among young people as the foundations of national security of the country is emphasized.

Key words: Indo-European homeland, comparative-historical linguistics, archeology, settlement, proto-language, archaeological cultures, toponymy, cultural genesis, migrations.

Basov D.S.

Comparative analysis of the political regimes of the USSR and Argentina in the 1920s and 1930s

The article offers a comparative analysis of the political systems of the USSR and Argentina in the 1920s–1930s. It focuses on the correlation between constitutional norms and the actual mechanisms of power. The relevance of the topic stems from the fact that both states experienced profound institutional transformations in the interwar period, yet developed different models of political order. In the USSR, a centralized one-party mobilizational system emerged; in Argentina, the republican constitutional framework formally remained in place, but political practice shifted toward military-conservative domination after the 1930 coup, the judicial recognition of the de facto government, and the restriction of electoral competition. The object of the study is the political systems of the USSR and Argentina in the interwar period. The subject of the study includes institutional mechanisms of supreme power, the role of parties, the army, electoral legislation, and legal acts in sustaining political domination. The methodological basis includes comparative-historical, institutional, legal-historical, and systemic approaches. The study demonstrates that both systems shared a high degree of centralization and the subordination of representative mechanisms to broader state goals. At the same time, they differed significantly in the sources of legitimacy, the structure of political representation, the role of coercion, and the place of the armed forces in the architecture of power. The article concludes that the USSR represented a consolidated party-state model, whereas Argentina combined formal constitutional continuity with authoritarian transformation.

Key words: USSR, Argentina, political system, state power, one-party system, military coup, constitution, elections.

Grigoriev M.A.

Vespasiano da Bisticci as a cultural mediator: reconstructing the intellectual networks of 15th-century Florence

A comprehensive analysis of the work of the Florentine bookseller and biographer Vespasiano da Bisticci (1421-1498) within the context of the social history of knowledge in the Early Renaissance is provided in this article. Bisticci is examined as a key cultural intermediary whose multilayered ties linked the world of humanistic scholarship, the economic power of patrons the arts and the handcraft production of manuscript books. The study is aimed at the reconstruction of the structure and functional characteristics of these intellectual networks based on a critical synthesis of narrative sources and archival documents. The methodological basis is a combination of prosopographical analysis, source criticism and historical anthropological methods. As the result,

it is proven that workshop of Vespasiano has functioned as centralized hub, not only providing the material embodiment of humanistic projects but also shaping the channels for the circulation of texts, ideas, and aesthetic standards on a pan-European scale. The conclusion about the need to rethink his role from passive provider to active architect of the Florentine cultural environment of the Quattrocento is drawn.

Key words: Vespasiano da Bisticci, 15-th century Florence, cultural mediation, intellectual networks, history of the book, humanism, Medici, manuscript workshop, social history of knowledge.

Davydova O.A.

Power or influence: a discussion on the political role of Queen Arsinoe II

This article examines whether Arsinoe II possessed actual political power or merely exercised influence at the court of Ptolemy II. It considers four types of evidence often cited in support of her authority: military roles, official documents, sibling marriage, and iconography. The analysis shows that none of these aspects proves that she held formal power, though they do suggest that she may have exerted significant influence over Ptolemy II.

Key words: Hellenism, Ancient Egypt, Ptolemy II, Arsinoe II, dynastic cult.

Zolkhoev B.V.

On the peculiarities and historical conditions of assigning appellatives (throne names) among the Shanyus of the Southern Xiongnu

This article examines the political nomenclature of the Southern Xiongnu, including both the title of shanyu and the accompanying official appellatives, in the context of the political relations between the Southern Xiongnu and China. It attempts to determine the procedure and historical and cultural conditions for assigning official throne names to the shanyus of the Southern Xiongnu during the Han, Wei, and Jin dynasties. The article analyzes Chinese historical sources and research by foreign scholars.

Key words: Southern Xiongnu, shanyu, titling system, official throne names, Han, Wei, Jin dynasties, Chinese historical sources, foreign researchers.

Ignatenko V.A.
Moshkova A.D.
Sinegubov S.N.

The evolution of territorial claims in Russian-Japanese relations: historical and legal analysis and contemporary challenges

This article examines the evolution of the territorial dispute between Russia and Japan over the islands of Iturup, Kunashir, Shikotan, and the Habomaigroup. The aim of the work is to trace the transformation of the nature and rationale behind territorial claims from the first interstate contacts in the 18th century to the present day, identifying the key turning points that shaped the current impasse. Based on a historical and legal analysis of international treaties (the Treaty of Shimoda, the Peace of Portsmouth, the Yalta Accords, the Treaty of San Francisco, and the 1956 Joint Declaration) and academic research, the factors that influenced the dynamics of the dispute are examined: military conflicts, foreign policy pressure (including the role of the United States), and domestic political changes in both countries. Particular attention is paid to contemporary challenges– constitutional amendments in the Russian Federation, the termination of the negotiation process in 2022, and prospects for a settlement in the new geopolitical environment.

Key words: Russian-Japanese relations, territorial dispute, Kuril Islands, Northern Territories, historical and legal analysis, Treaty of Shimoda, Treaty of Portsmouth, Treaty of San Francisco, Joint Declaration of 1956, peace treaty, evolution of territorial claims, international law, geopolitics, Far East.

Kener H.V.

Echo chamber as an instrument of "historical politics": transformation of the image of ally and enemy in the media space of the Axis powers in the 1930s-1940s.

The paper examines the phenomenon of the echo chamber as a tool for implementing historical policy in the media space of the Axis countries (Germany, Italy, Japan) in the 1930s and 1940s. Based on an interdisciplinary approach combining political science, international relations history, and communication theory, it analyzes the mechanisms for creating a closed information environment under totalitarian regimes. Particular attention is paid to the transformation of images of allies and enemies under the influence of propaganda narratives. Using the example of Nazi Germany, the author shows how, within a single echo chamber, the images of the USSR (from partner to racial enemy), Western democracies, and junior partners in the Axis were constructed and changed to the point of becoming opposites. The author concludes that the historical experience of the 1930s -1940s demonstrates the high potential of the echo chamber as a tool for mobilizing society and legitimizing foreign policy through the selection of historical memory and the formation of images of "the other," which remains relevant for the analysis of contemporary information and political processes.

Key words: echo chamber, historical politics, propaganda, Axis powers, image of the enemy, World War II, media space.

Koryakin V.N.

The formation of the political image of Russia in The New York Times newspaper of the early 1860s in the context of the Polish question

This article is devoted to the history of the formation of the political image of the Russian Empire on the pages of the issues of the newspaper "The New York Times" (NYT) for the period 1860-1862. To reveal the topic, the publication chose to cover such a problem as the territorial, administrative, and police-repressive policies of the tsarist authorities on the outskirts of the state. As a concrete example, one of the directions of the internal policy of the Russian government was chosen in the form of the Polish national question, to which the editors of the NYT showed special interest. The issues of the publication for 1860-1862 are analyzed and characterized. For the first time, a study of NYT numbers for the specified period using content analysis is being conducted. The methodology is based on the theory of orientalism by E.V. Said, which reveals Western stereotypes about "Eastern despotism." At the end of the article, a conclusion is drawn about two trends in the political circles of the empire, which were highlighted by the editors of the publication using the example of Polish politics: liberal-reformist and conservative-reactionary.

Key words: The Polish question, The New York Times, the political image of Russia, the US press, Great Reforms in Russia.

Uporov I.V.

The "labor question" (social guarantees) in Russian ministerial laws (early 20th century)

This article examines the "labor question" (social insurance for industrial workers) at the beginning of the 20th century, when it reached its peak. Emphasis is placed on the analysis of draft legislation that regulated the institution of workers' insurance. Other official documents, imperial decrees, statistical data, and scholarly works that address this issue are also examined. It is noted that the "labor question" in Russia increasingly became a topic of discussion after the abolition of serfdom, when industry began to develop at a faster pace in Russia. Several acts were adopted in this regard, but the problem was not fundamentally resolved. From the beginning of the 20th century, when the revolutionary movement, primarily involving workers, expanded in Russia, the authorities demonstrated extraordinary activity, and relevant bills were developed at various levels in government structures, and above all in ministries. One of the most significant was developed by a commission headed by Finance Minister V.N. Kokovtsev. Subsequently, the most important projects, after lengthy discussion, were adopted by the State Duma in 1912; they were in many ways similar to the laws of developed countries. However, these laws failed to be implemented; the article shows the reasons for this. As a

result, the First World War crossed out the plans of the Russian authorities to finally implement the long-awaited insurance laws, since the war that occurred in 1917 The October Revolution brought the Bolsheviks to power, who no longer cared about the laws of the empire.

Key words: "labor question," insurance, ministries, bills, commissions, health insurance funds, government, capital.

Timerbulatov T.A.
Yusupov R.G.

Historical Experience of the Development of the Information Security System in the RSFSR in 1929–1941. Part 2. Legal basis for ensuring information security, development of the institution of secrecy and organization of information protection

Ensuring information security is a systemic process, and the young Soviet state developed this system from its earliest days. However, as the conditions of state development, including threats and opportunities, changed, the situation in the information sphere evolved. Of scholarly interest is the question of how the information security system evolved in the complex realities of the 1930s, when the government confronted serious external and internal threats to state stability and independence. Part 2 of this article examines the legal foundations of information security, the development of the institution of secrecy, and the organization of information protection. It is established that, to counter external threats, the state focused on classifying information. Particular attention was paid to military secrets. At the same time, criminal legislation regarding the protection of classified information, especially military information, was tightened (espionage, disclosure of secrets, and failure to report such actions were equated with treason, punishable by death). Internal threats to state stability were addressed without changing criminal liability standards, but they were nonetheless implemented with strict measures. By launching a mechanism for large-scale prosecution for the dissemination of information that contradicts current economic policy, the state eliminated obstacles to the implementation of the USSR's plan for a forced economic breakthrough, aimed primarily at strengthening the security and defense capability of the state.

Key words: information, information protection, ensuring information security, state secret, military secret.

Napso M.B.
Agirbov T.R.

On the issue of the formation of communication systems mediated by the use of artificial intelligence technology

The article examines the features of human-artificial intelligence interaction in terms of the development of a new communication system and in relation to familiar communication practices. It recognizes the fact of creating a special type of communication – communication through and with artificial intelligence, although it denies the possibility of recognizing AI as an independent subject of communication. As an argument in favor of the non-recognition of AI as a new subject of communication capable of a full-fledged dialogue, the phenomenon of unequal communication with others is cited, the fact of fundamental differences between humans and algorithms, and the inability of each individual user to influence their work process. The thesis is argued about the expansion of the practice of pseudo-communications, about the individual's willingness to use them to an ever-increasing extent, which has a combination of objective and subjective reasons. It is concluded that at the present stage it is possible to raise the issue of "socialization" of AI as a "neocommunicant", which depends on the user himself as much as on the quality of algorithms, and requires the development of forms and practices, adaptive mechanisms corresponding to the essence of algorithmic communication. Its success depends on the level of development of communication in the "person-to-person" system. Due to this, the emphasis is placed on the prospects for the complementary co-development of algorithmic and human communication.

Key words: artificial intelligence, pseudocommunication, algorithmic communication, digital

communication agents, technosocial communication environment.

Shamrina Y.A.

On the formation of the people's militia in the Voronezh province in 1805-1807

This article examines the formation of a people's militia in Voronezh Province from 1805 to 1807. The article's purpose is to analyze government efforts to establish a general militia as a traditional popular form of armed force. In a feudal society, the state's primary goal in this situation was not only to strengthen the army and the country's defenses in the face of an impending threat but also to preserve landowners. The article analyzes the experience of forming a people's militia, which was planned to consist of 61,000 people, the participation of the provinces in this process, and the challenges encountered in achieving this goal on the ground. The author notes that the Russian nobility played a significant role in both the formation and the readiness of the militia for military action. The nobility, by the Emperor's highest Manifesto on the eve of the war with Napoleon, as a faithful and strong support of the Russian throne, was called upon to take the most active part in the formation of the people's militia, especially in those provinces where there was an acute shortage of officer cadres.

Key words: people's militia, police, war with Napoleon, Russian nobility.

Shevelev V.Yu.

The legal status of teachers in Russia in the second half of the 19th-early 20th century

Based on the analysis of legislative acts (the "Charter on Service by definition from the government", the charters of gymnasiums, real and primary schools), departmental statistics and office records, the article reconstructs the complex hierarchy of the legal status of teachers in the Russian Empire of the post-Reform period (1864-1914). The key division into "employees" for the era is considered (officials) and "employees". The main lines of evolution of the status of teachers are revealed: the convergence of the legal status of secondary and primary school teachers (through the institute of pension funds) and, most importantly, the rapid equalization of the rights of male and female teachers, which has become an important factor in the professionalization and feminization of the teaching staff. Special attention is paid to regional and national policies regarding teaching, as well as the gap between formal qualification requirements and the actual level of training of mass teachers. The conclusion is made about the incompleteness and inconsistency of the process of unification of the legal status of teachers on the eve of the First World War.

Key words: history of education, Russian Empire, legal status of teachers, civil service, gymnasium, elementary school, national teacher, zemstvo, women's education, professionalization.

Nasibullina E.D.

Characterization of Karim Khakimov based on foreign sources

Karim Khakimov (1892-1938) - a distinguished diplomat whose work in the Arabian East has attracted special attention of researchers for many years. His appointment as Consul General and diplomatic agent of the Soviet Union (USSR) in the Kingdom of Hijaz in 1924 was an extremely important event in strengthening foreign policy relations and the diplomatic presence of the Soviet Union in the region. His experience working in the Arab East gives him a special expertise and allows him to shed light on key aspects of relations between countries. The relevance of research work is enhanced by the centenary of the appointment of Karim Hakimov to a new position and the beginning of the formation of strong and stable relations between the two young countries.

Key words: Karim Khakimov, Soviet diplomacy, Soviet Union, foreign sources.

Penpedzhi Nagekhan

The state of female education in the Muslim community of Russia in the first quarter of the twentieth century

Despite the intensification of modernization efforts in education and socio-cultural life among

the Muslims of Russia during the first quarter of the 20th century, initiatives regarding the education of girls lagged significantly behind. Ismail Gaspirinsky's Usul-i Jadid (new method) is significant not only for the modernization of the education system but also for being the system in which women were first included in the educational field. Prior to this period, education for girls among the Muslims of Russia consisted of learning household chores from their mothers or a limited number of girls receiving basic religious instruction from the wives of imams and mullahs in schools and madrasas established alongside mosques. However, in the first quarter of the 20th century, the spark of modernization also reached girls. This article focused on the inclusion of girls in education with the influence of the Usul-i Jadid (New Method) and the establishment of the first girls' schools among the Muslims of Russia during the first quarter of the 20th century.

Key words: Muslims of Russia, usul-i jadid, schools of girls, Volga-Ural Tatars, Central Asia.

Abramov D.M.

Ethnopolitical History. The First Russian Political Emigration (First Half of the 13th Century)

In the history of the Baltic States and Russia, the first case of Russian political emigration in the form of a religiously indifferent and pro-German Russian feudal aristocracy occurred in the first half of the 13th century. The first Russian emigrant to the Baltic States was Prince Vladimir Mstislavovich of Pskov. His son, Yaroslav Vladimirovich, followed in his footsteps. The Estonian city of Odense became a center for Russian emigration. The Teutonic Knights and the Bishop of Riga fully supported Yaroslav Vladimirovich, trying to defeat their Russian neighbors with the help of their fellow countrymen who had taken their side. Following this, the Novgorod boyars, who were hostile to the policies of the Grand Princes of Vladimir-Suzdal, also came to Odenpe. After the liberation of Pskov by Prince Alexander Nevsky, the Pskov boyars, led by Posadnik Tverdila, followed the Novgorod boyars to Odenpe. It should be noted that the number of emigrants, including princes and boyars, along with their families, servants, and retinues, in the Chudskaya land could reach three to four thousand people. Consequently, under the leadership of Prince Yaroslav Vladimirovich, several hundred boyar retinues and detachments were united, possessing significant combat experience and representing a significant military and political force. However, the results of the military and political activities of the Russian emigration in the Chudskaya land were clearly unsuccessful. The Novgorod and Pskov feudal elites had clearly miscalculated by relying on an alliance with the Western conquerors. During the thirty to thirty-five years of Russian emigration in the Chud region, it was defeated militarily and politically. The remnants of the emigration partially returned to their homeland, while others were absorbed and assimilated by the Western conquerors.

Key words: Baltia, the city of Odense, Chronicle of Livonia, Russian emigration, Prince of Pskov, Pskov, Novgorod, Grand Prince of Vladimir-Suzdal.

Abrekova Zh.A.

From poster to digital technologies: the evolution of channels and methods of youth recruitment in ideological practices of the 20th – early 21st centuries

The article "From Posters to Digital Technologies: Evolution of Channels and Methods of Youth Recruitment in Ideological Practices of the 20th – Early 21st Centuries" presents a comparative-historical study of the transformation of mechanisms for mobilizing youth audiences. The author conducts a parallel analysis of the strategies of state ideological apparatuses of the mid-20th century and modern extremist organizations, revealing both the continuity of basic influence principles and qualitative changes in approaches to consciousness formation.

Based on a comprehensive study of diverse sources – from archival materials of historical propaganda campaigns to modern digital artifacts (closed Telegram channels, propaganda video content, social media) – the work identifies key vectors in the evolution of recruitment practices. The research demonstrates a transition from a monological communication model to dialogical interactivity, from mass uniform influence to personalized content customization, as well as from

ideological rigidity to mimetic adaptability, allowing extremist structures to effectively integrate into the digital environment.

In conclusion, the article makes a conclusion about the formation of a new, hybrid model of recruitment that synthesizes traditional ideological narratives with innovative digital technologies. This model is characterized by the ability to adapt to changing media landscapes, creating complex systems of influence that combine emotional engagement with rational argumentation. The obtained results have important implications for the development of modern strategies to counter extremist propaganda and understanding the mechanisms of collective identity formation in the context of digital transformation of society.

Key words: youth radicalization, ideological propaganda, extremist organizations, digital environment, historical evolution, media technologies, memory practices.

Gizem A.H.

The development of economic activities in the fortresses of Svyatoy Krest and Kizlyar in the Caucasus

This study examines the development of the economy in the Caucasus region during the 18th and 19th centuries through the examples of the fortresses of Svyatoy Krest and Kizlyar. These regions were not only prominent for their military systems but also evolved into significant commercial and economic centers. The privileges granted to Armenian and Georgian merchants in the Svyatoy Krest fortress contributed to the development of agriculture, animal husbandry, and trade activities in the region. Founded in 1735, the Kizlyar fortress, with its multicultural structure, made the regional economy stronger and more diversified. While trade in wine, tobacco, and grain was prominent in Svyatoy Krest, trade in cotton, rice, and grapes also developed in Kizlyar. This study aims to analyze the economic structure of Russia in the Caucasus region.

Key words: Svyatoy Krest Fortress, Kizlyar Fortress, Caucasus, trade, economy.

Авторы

Абрамов Д.М. - кандидат культурологии (по историческим наукам), доцент УНЦ Региональной истории, краеведения и москвоведения, Российский Государственный Гуманитарный Университет, Историко-архивный Институт.

Абрекова Ж.А. - доцент. Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт», Кафедра юридических и гуманитарных дисциплин, г. Невинномысск.

Агаркова М.И. - старший преподаватель кафедры всемирной истории, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

Агирбов Т.Р. - студент. Северо-Кавказская государственная академия.

Аджер Х.Г. - аспирант. Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, г. Казань.

Аду С.С. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка как иностранного. Государственного Института Русского языка имени А.С. Пушкина.

Басов Д.С. - аспирант. ФГАОУ ВО «Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского», г. Омск.

Баталов А.А. - кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра теории и практики иностранных языков ИИЯ (Институт иностранных языков), РУДН (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы).

Батырева М.К. - магистрант 2 курса, Сургутский государственный университет, г. Сургут.

Брюхачева Я.А. - преподаватель. Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации. Кафедра Иностранных Языков и Межкультурной Коммуникации.

Выщепольская Е.В. - магистр. Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации. Кафедра Иностранных Языков и Межкультурной Коммуникации.

Григорьев М.А. - аспирант 2 курса. Тюменский государственный университет, г. Тюмень. SPIN-код: 7776-3152

Грушина Е.Б. - студентка магистратуры. Института иностранных языков РУДН (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы).

Давлатзода Рухсора - кандидат филологических наук, доцент, директор ГОУ «Педагогический колледж Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова», г. Худжанд, Республика Таджикистан. ORCID: 0009-0001-8499-6743

Давыдова О.А. - младший научный сотрудник. Институт всеобщей истории РАН. ORCID: 0009-0003-7593-5310 / ResearcherID: JZT-2224-2024

Диабате Дауда - студент, Государственного Института Русского языка имени А.С. Пушкина.

Долгенко А.Н. - доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Егорова М.Р. - старший преподаватель кафедры английского языка Дипломатической академии МИД России.

Ерёмина О.В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет», г. Иркутск.

Завьялова Ю.А. - кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и переводоведения, Сургутский государственный университет, г. Сургут.

Золхоев Б.В. - кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и сервиса. ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова».

Ибрагимова Р.А. - кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и грамматики английского языка факультета иностранных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", Худжанд, Республика Таджикистан.

Иванов М.О. - магистрант. Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург.

Игнатенко В.А. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова филиал ТюмГУ (Тюменский государственный университет).

Кенер Г.В. - аспирант 3 года обучения Кафедра теоретической политологии, факультета политологии. Институт международных отношений и политических наук, Российский государственный гуманитарный университет.

Корякин В.Н. - аспирант кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», заведующий отделом Воинской славы МБУК «Музей истории города Йошкар-Олы».

Косырева М.С. - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск.

Майер В.Д. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Макаров Г.А. - аспирант кафедры «Международные отношения, история и востоковедение», ФГБОУ ВО Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа.

Миллерова А.Е. - студент, направление Зарубежная филология. Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону. SPIN-код: 7261-2522

Мошкова А.Д. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова филиал ТюмГУ (Тюменский государственный университет).

Напсо М.Б. - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса. Северо-Кавказская государственная академия.

Насибуллина Е.Д. - аспирант направления подготовки 5.6.1 Отечественная история, ФГБОУ ВО Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа.

Павлова А.В. - старший преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений института филологии и языковой коммуникации СФУ, аспирант первого курса аспирантуры ИФиЯК СФУ (Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета).

Пенпеджи Нагехан - аспирант. Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

Решетников Г.В. - аспирант 3 года обучения. Институт Всеобщей истории Российской академии наук.

Семёнова Э.Ю. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Синегубов С.Н. - доктор исторических наук. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Слободнюк С.Л. - доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор. Заведующий кафедрой. Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург.

Содикова Р.А. - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета восточных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Содиков С.Р. - соискатель кафедры истории таджикского народа, ГОУ «Худжандский

государственный университет имени академика Б.Г. Гафурова». г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Тимербулатов Т.А. - кандидат исторических наук, доцент. Башкипрский институт социальных технологий (филиал).

Тутынин К.Ф. - Министерство иностранных дел Российской Федерации.

Упоров И.В. - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российская академия естествознания, г. Краснодар.

Фидоренко Е.А. - аспирант. Московский педагогический государственный университет.

Халил Я.Т. - аспирант. Российский государственный гуманитарный университет.

Хамидова М.Н. - кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой перевода и грамматики английского языка ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова», г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Ху Вэньсюй - аспирант. Институт Китая и современной Азии Российской академии наук. ORCID: 0009-0006-1456-8176

Цой Н.Г. - старший преподаватель департамента восточных языков и культур. Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону. SPIN-код: 9914-9799

Шамрина Е.А. - кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента Старооскольского филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Старый Оскол.

Шевелёв В.Ю. - старший преподаватель, кафедра истории. Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина». ORCID: 0000-0002-2643-8903

Шацкая Ж.Ю. - старший преподаватель кафедры иностранных языков для специальных целей. Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск. AuthorID: 1206976

Юсупов Р.Г. - доктор исторических наук, профессор. Уфимский университет науки и технологий.

Якутина Е.Н. - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций. Московский гуманитарный университет.

Authors

Abramov D.M., PhD in Cultural Studies (Historical Sciences), Associate Professor at the Center for Regional History, Local History, and Moscow Studies, Russian State University for the Humanities, Historical and Archival Institute.

Abrekova Zh.A., Associate Professor. State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute," Department of Legal and Humanitarian Disciplines, Nevinnomyssk.

Acer H.G., Postgraduate student. Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

Adu S.S., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Methods of Teaching Russian as a Foreign Language, A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language.

Agarkova M.I., Senior Lecturer of the Chair of World History, FSBEI HE "Donetsk State University".

Agirbov T.R., Student, North Caucasus State Academy.

Basov D.S., Graduate student. Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk.

Batalov A.A., PhD, Assistant Professor, Department of Foreign Languages in Theory and Practice, the Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Batyreva M.K., 2nd-year Master`s student, Surgut state University, Surgut.

Bryukhacheva Y.A., Lecturer. Financial University under the Government of the Russian Federation, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication.

Davlatzoda Rukhsora, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Director of SEI "Pedagogical College of Khujand State University named after academician B.Gafurov", Khujand, Tajikistan. ORCID: 0009-0001-8499-6743

Davydova O.A., Junior Research Fellow. Institute of General History, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0009-0003-7593-5310 / ResearcherID: JZT-2224-2024

Diabaté Dauda, Student, A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology, Associate Professor,Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Egorova M.R., Senior Lecturer, Department of English, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Eremina O.V., Candidate of Philology, Associate professor Department of foreign languages № 2, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Irkutsk National Research Technical University», Irkutsk.

Fidorenko E.A., Postgraduate Student. Moscow State Pedagogical University.

Grigoriev M.A., Second-year graduate student. Tyumen State University, Tyumen. SPIN-code: 7776-3152

Grushina E.B., Master's Degree Student. The Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Hu Wenxiu, PhD student, Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0009-0006-1456-8176

Ibragimova R.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Translation and English Grammar, Faculty of Foreign languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Khujand, Tajikistan.

Ignatenko V.A., Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov, branch of Tyumen State University (Tyumen).

Ivanov M.O., Master's student. Leningrad State University. A.S. Pushkin, St. Petersburg.

Kener H.V., 3rd-year postgraduate student, Department of Theoretical Political Science, Faculty of Political Science, Institute of International Relations and Political Science, Russian State University for the Humanities.

Khalil Y.T., PhD student. Russian State University for the Humanities.

Khamidova M.N., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Translation and English Grammar, Khujand State University named after Academician B. Gafurov, Khujand, Tajikistan.

Koryakin V.N., Postgraduate student of the Department of General History of the Mari State University, Head of the Department of Military Glory of the MBUK Museum of the History of the City of Yoshkar-Ola.

Kosyreva M.S., Doctor of Philology, Associate Professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk.

Makarov G.A., Postgraduate Student of the Department of International Relations, History and Oriental Studies, Ufa State Petroleum Technical University, Ufa.

Mayer V.D., Student. Ishim Pedagogical Institute P.P. Ershov (branch) Tyumen State University, Ishim.

Millerova A.E., Student, International Philology major. Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don. SPIN-code: 7261-2522

Moshkova A.D., Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov, branch of Tyumen State University (Tyumen).

Napso M.B., Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Civil Law and Procedure, North Caucasus State Academy.

Nasibullina E.D., Postgraduate student, Ufa State Petroleum Technological University, 450064, Russian Federation, Ufa.

Pavlova A.V., Senior Lecturer, Department of Foreign Languages for Humanities, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University; first-year postgraduate student, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University.

Penpedzhi Nagekhan, Postgraduate Student. Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

Reshetnikov G.V., 3rd-year postgraduate student. Institute of General History, Russian Academy of Sciences.

Semenova E.Y., Student. Ishim Pedagogical Institute P.P. Ershov (branch) Tyumen State University, Ishim.

Shamrina Y.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management of the Stary Oskol branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Stary Oskol.

Shatskaya Zh.Yu., Senior Lecturer, Department of Foreign Languages for Specific Purposes. Dostoevskiy Omsk State University, Omsk. AuthorID: 1206976

Shevelev V.Yu., Senior Lecturer, Department of History, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Leningrad Region "A.S. Pushkin Leningrad State University". ORCID: 0000-0002-2643-8903

Sinegubov S.N., Doctor of Historical Sciences. Ishim Pedagogical Institute P.P. Ershov (branch) Tyumen State University, Ishim.

Slobodnyuk S.L., Doctor of Philosophy, Doctor of Philosophy, Professor. Head of Department. A.S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg.

Sodiqova R.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language, Faculty of Oriental Languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Khujand Tajikistan.

Sodikov S.R., PhD candidate, Department of Tajik History, Khujand State University named after Academician B.G. Gafurov, Khujand, Tajikistan.

Timerbulatov T.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Bashkiria Institute of Social Technologies (branch).

Tsoi N.G., Senior Lecturer, Department of Oriental Languages and Cultures. Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don. SPIN-code: 9914-9799

Tutynin K.F., Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Vyshchepolskaya E.V., Master's Degree. Financial University under the Government of the Russian Federation, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication.

Uporov I.V., Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar.

Yakutina E.N., PhD in History, Associate Professor, Department of Advertising Theory and Mass Communications, Moscow University for the Humanities.

Yusupov R.G., Doctor of Historical Sciences, Professor. Ufa University of Science and Technology.

Zavyalova Y.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation Studies, Surgut State University, Surgut.

Zolkhoev B.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Tourism and Service, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЭТНОСОЦИУМ»

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура» входит в Перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:

создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.

Редакционная подготовка (литературное и техническое редактирование), дизайн.

Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.

Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

* допечатная доработка (по желанию автора);
* редактирование;
* корректура;
* подготовка электронного макета;
* присвоение ISBN;
* присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
* разработка дизайна обложки;
* печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
* передача 16 экземпляров в Книжную палату;
* рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 772-19-99
e-mail: etnosocium@mail.ru